

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «АЛЕФ-ПРЕСС»

**ПРЕСТУПНОСТЬ, ДЕВИАНТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ
КОНТРОЛЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА**

ПОСВЯЩАЕТСЯ 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА,
ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ УГОЛОВНОГО ПРАВА РГПУ
им. А.И. ГЕРЦЕНА ГИЛИНСКОГО ЯКОВА ИЛЬИЧА

Материалы международной научно-практической конференции

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014**

ББК 67.5
П 41

Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна: Материалы международной научно-практической конференции 2014 / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Исаева и кандидата юрид. наук, проф. А.В. Комарницкого – СПб: ИД «Алеф-Пресс», 2014. – 370 с.

Сборник составлен на основе материалов проведенной в сентябре 2014 г. на юридическом факультете РГПУ им. А.И.Герцена международной конференции, посвященной юбилею профессора Гилянского Я.И. Содержание сборника составляют доклады участников конференции в авторской редакции.

Сборник рекомендуется студентам, аспирантам, преподавателям юридических вузов и факультетов, а также всем интересующимся актуальными проблемами юриспруденции.

ISBN 978-5-905966-26-2

© Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Абаканова В.А. ЯТРОГЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	8
YATROGENIYA AS SOCIAL AND LEGAL PROBLEM OF MODERN SOCIETY	
Белюсов К.Ю. ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ЗАПРЕТАМ НА ДОСТУП К ИНТЕРНЕТУ И ИНФОРМАЦИОННЫМ РЕСУРСАМ В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ.....	12
THE RELATION OF STUDENTS TO THE BAN ON INTERNET ACCESS AND TO INFORMATION RESOURCES IN THE GLOBAL NETWORK	
Бимбинов А.А. О ВИДОВОМ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 134 УК РФ.....	21
ABOUT SPECIFIC OBJECT OF THE CRIME PROVIDED BY ART. 134 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION	
Андрейс Вилкс КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ	29
CRIMINOLOGICAL PROBLEMS CYBERCRIME	
Галушкина Е.С. К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ДЕЯНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 127.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	34
TO THE QUESTION OF SIDE OF THE OBJECTIVE ACT PROVIDED BY ARTICLE 127.1 OF THE CRIMINAL CODE	
Гилинский Я.И. ПРЕСТУПНОСТЬ, ДЕВИАНТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА. ТЕЗИСЫ К РАЗМЫШЛЕНИЮ.....	36
CRIME, DEVIANCE AND SOCIAL CONTROL IN EPOCH OF POSTMODERN. THESES TO REFLECTIONS	
Гольберт В., Коханская К. ЭССЕ О СВОБОДЕ (И О МНОГИХ ДРУГИХ, СТОЛЬ ЖЕ БЕСПОЛЕЗНЫХ ДЛЯ КОМФОРТНОЙ ЖИЗНИ, ВЕЩАХ).....	41
AN ESSAY ABOUT FREEDOM (AND OTHER THINGS, AS UNNECESSARY FOR A COMFORTABLE WAY OF LIVING, AS FREEDOM)	
Горьковская И.А., Павленко А.И. ОТНОШЕНИЕ К КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ И СТУДЕНТОВ В СРАВНИТЕЛЬНОМ КЛЮЧЕ.....	51
ATTITUDE TO THE CRIMINAL SUBCULTURE OF HIGH SCHOOL PUPILS AND STUDENTS IN COMPARATIVE KEY	
Готчина Л.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ	56
ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AND PUNISHMENT FOR CRIMES IN THE FIELD OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING	
Грошев И. Л. АДЕКВАТНОСТЬ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ КОРРУПЦИИ КАК ОБЪЕКТА ДЕВИАНТОЛОГИИ	60
ADEQUACY OF POSITIONING OF CORRUPTION AS AN OBJECT OF DEVIANTOLOGY	
Грошева И. А. КРИЗИС ДОВЕРИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА	67
THE CRISIS OF CONFIDENCE IN THE POSTMODERN ERA	
Грошева Л.И. ТЕНЕВАЯ БИЗНЕС-АКТИВНОСТЬ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ.....	73
SHADOW BUSINESS-ACTIVITY OF YOUTH IN CONDITIONS OF CONSUMER SOCIETY	
Гуринская А.Л. КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	79
CONCEPT OF SECURITY IN CRIMINOLOGY: SETTING THE RESEARCH AGENDA	

Денисов С.Ф., Денисова Т.А. ЯКОВ ИЛЬИЧ ГИЛИНСКИЙ – УЧЕНЫЙ, В КОТОРОМ СОЕДИНИЛИСЬ ВЫСОЧАЙШИЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, ТВЕРДАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ, ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И ПОРЯДОЧНОСТЬ: ВЗГЛЯД С УКРАИНЫ.....	89
YAKOV GILINSKY – THE SCIENTIST EMBODIES THE HIGHEST PROFESSIONALISM, FIRM CIVIL STAND, HUMANITY AND HONOUR: AN OPINION FROM UKRAIN	
Дмитриева А. ПРИГОВОР О «РЕАЛЬНОМ»/«УСЛОВНОМ» ОСУЖДЕНИИ В ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ НАРКОТИКАМИ: СЛОЖНЫЙ ПРОЦЕСС ИЛИ СЛУЧАЙНЫЙ ВЫБОР?	93
REAL/CONDITIONAL SENTENCE IN DRUG-RELATED CASES: A COMPLEX PROCESS OR A RANDOM SELECTION?	
Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ИНЦЕСТОМ.....	100
SOCIAL CONTROL OVER INCEST	
Ениколопов С.Н. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗЛА.....	105
PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF EVIL	
Забрянский Г.И. РОССИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МОНОПОЛИЗМА ВЛАСТИ И МОНОПОЛИЗМА СОБСТВЕННОСТИ (ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ)....	111
RUSSIA: CRIMINOLOGICAL UNDERSTANDING OF MONOPOLY POWER AND MONOPOLY PROPERTY (PAST, PRESENT, FUTURE)	
Ильюк Е.В. ОДНА НАУЧНАЯ ЗАГАДКА ИЛИ ПОЧЕМУ АБОРИГЕНЫ СЪЕЛИ КУКА	115
ONE SCIENTIFIC RIDDLE OR WHY ABORIGENES ATE COOK	
Исаев Н.А. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА: PRO ET CONTRA.....	122
ECONOMIC CRIME AND THE SHADOW ECONOMY: PRO ET CONTRA	
Клейберг Ю.А. ЭПАТАЖ И МАНИПУЛЯЦИЯ: ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ	127
EPATAGE AND MANIPULATION: DEVIANTOLOGICAL LEGEND OF PROBLEMS	
Книженикова С.В. ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТОГЕННЫХ ВЛИЯНИЙ МЕДИАПРОДУКЦИИ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ.....	134
PREVENTION OF DEVIANT EFFECTS MEDIA-PRODUCTION ON THE SOCIALIZATION OF THE YOUNGER GENERATION	
Кожухова И.В. ЗНАЧЕНИЕ НАРКОТИЗМА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА	139
MEANING DRUG TRAFFICKING IN THE POSTMODERN ERA	
Комарницкий А.В. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	142
THE CONSTITUTIONAL STATUS OF VICTIMIZATION PROTECTION OF MINORS FROM CRIME	
Комлев Ю.Ю. ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ СИНТЕЗ ЗНАНИЙ О ПРЕСТУПНОСТИ – НОВЫЙ ВЕКТОР В РАЗВИТИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДЕВИАНТОЛОГИИ	148
POST-POSTMODERN SYNTHESIS OF KNOWLEDGE OF CRIME – A NEW VECTOR IN DEVELOPMENT OF A THEORETICAL DEVIANTOLOGY	
Комлева М.Н. ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АМОРАЛЬНОЙ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ.....	153
DEVIANTOLOGICAL RESEARCH OF UNMORAL AND INFORMAL EMPLOYMENT OF WOMEN IN ERA OF POSTMODERN: METHODOLOGICALLY PREREQUISITES	

Конарбаева Н.М. ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ЛИЦА В СИСТЕМЕ УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ УК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН).....	157
PUBLIC DANGER OF A PERSON IN THE SYSTEM OF CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE CRIMINAL RESPONSIBILITY (FOR EXAMPLE, THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN).	
Коряковцев В.В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РФ	163
SOME PROBLEMS OF FORMATION OF THE COURT JURY IN RUSSIA	
Костюковский Я.В. ПРЕСТУПНОСТЬ И ДЕВИАНТНОСТЬ В ИНТЕРНЕТЕ	170
CRIME AND DEVIANCE IN INTERNET	
Кури Х., Ильченко О. УЖЕСТОЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ИЛИ ПРИМЕНЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВИДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫМ?.....	173
Лепс А. МЕЖДУНАРОДНО ПРИЗНАННЫЙ РУССКИЙ КРИМИНОЛОГ, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР ЯКОВ ИЛЬИЧ ГИЛИНСКИЙ – 80 ЛЕТ!	191
Лепс А. ОТКУДА «БЕРЕТСЯ» УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ОПРЕДЕЛЕННАЯ ОСНОВА КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ?	193
Ляковска К. 25 ЛЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ПОЛЬШЕ И БОРЬБЫ С НЕЙ	202
25 YEARS OF PRESENCE AND STANDING AGAINST ORGANIZED CRIME IN POLAND	
Marešová A. CRIMINAL RECIDIVISM - THE CZECH REPUBLIC PERMANENT PROBLEM.....	210
Меньшикова Г.А. НАБЛЮДАТЕЛИ КАК НОВЫЕ АКТОРЫ НА ПОЛЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	211
OBSERVERS AS NEW KIND OF ACTORS ON THE FIELD OF SOCIAL CONTROL IN RUSSIA	
Милюков С.Ф. О СБЕРЕЖЕНИИ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	218
ABOUT LIFE SAVING CHILDREN AND TEENAGERS	
Никуленко А.В. ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	220
PROSPECTS OF RUSSIAN REFORM OF CRIMINAL LAW OF RESPONSIBILITY OF ECONOMIC CRIMES	
Орлова Ю.Р. ДЕВИАНТНОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ТИП СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	223
DEVIANT AS A SPECIAL TYPE OF SOCIAL BEHAVIOR OF JUVENILES IN TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY	
Поклад В.И. СИСТЕМА СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	230
SYSTEM OF SOCIAL CONTROL SUBJECTS AT THE MODERN STAGE OF GLOBALIZATION	
Пулат Р. НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ В СТРАНЫ СКАНДИНАВИИ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ЧЕРЕЗ ЭСТОНИЮ В ПЕРИОД С 2008 ПО 2013 ГОД	237
IRREGULAR MIGRATION TOWARDS SCANDINAVIA AND CENTRAL AND WESTERN-EUROPE VIA ESTONIA IN PERIOD 2008-2013	

Рабош А.В. НАКАЗАНИЕ И ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ США	244
PUNISHMENT AND OTHER MEASURES UNDER THE CRIMINAL LAW IN THE CRIMINAL LAW THE UNITED STATES	
Разогреева А.М. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, (ПОСТ)СОВРЕМЕННЫЕ СТАНДАРТЫ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРАКТИКИ ОБРАЩЕНИЯ С ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ И СИТУАЦИОННОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: КАК УГРОЗЫ И СТРАХИ МЕНЯЮТ МИР ВОКРУГ НАС	248
HUMAN RIGHTS, SAFETY STANDARDS IN LATE MODERNITY, PRACTICES FOR THE TREATMENT OF OFFENDERS AND SITUATIONAL CRIME PREVENTION: HOW THREATS AND FEARS CHANGE THE WORLD AROUND US	
Рахманова Е.Н. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	253
KRIMINOLOGY ESTIMATION OF INTERNATIONAL ARMED CONFLICTS	
Репецкая А.Л. ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ	259
CRIMES IN RUSSIA IN THE POST-MODERN PERIOD AND THE ISSUES OF PREVENTING THEM	
Ростокинский А.В. О МИЛИТАРИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НЕКОТОРЫХ ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯХ	265
ABOUT MILITARIZATION OF LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY AND HER SEVERAL CONSEQUENCES	
Савченков А.В. КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	272
CORRUPTION IN RUSSIA: STATE AND WARNING	
Смирнов Л.Б. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	278
POLITICAL AND LEGAL MECHANISMS TO ENSURE STATE SOVEREIGNTY AND NATIONAL SECURITY OF RUSSIA	
Собинина А.А. МЕТОДИКА РАСЧЕТА КОМПЛЕКСНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ УРОВНЯ ГОРОДСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	284
METHODS OF CALCULATE COMPREHENSIVE INDICATOR OF THE LEVEL OF URBAN CRIME	
Стебенева Е.В. ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НА ОБЩЕСОЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ ПРОФИЛАКТИКИ	289
THE MAIN MEASURES OF COUNTERACTION TO CORRUPTION ON THE PREVENTIVE SOCIAL LEVEL	
Топильская Е.В. КОНЦЕПТ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В АСПЕКТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ	293
THE CONCEPT OF ORGANIZED CRIME IN THE ASPECT OF POSTMODERN CRIMINOLOGICAL THEORIES	
Ус О.А. ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ПЕРВИЧНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ	298
THE POTENTIAL OF SOCIAL PEDAGOGY IN THE PRIMARY PREVENTION OF ADDICTIVE BEHAVIOR	

Ушакова Е.С. ПРИМЕНЕНИЕ ОН-ЛАЙН ТЕСТИРОВАНИЯ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СКЛОННОСТИ К СУИЦИДАЛЬНОМУ РИСКУ	302
APPLICATION ON-LINE TEST TO DETECT TENDENCY TO SUICIDE RISK	
Фадеева М.А. ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОРГАНОВ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ	306
THE TRANSPLANTATION OF HUMAN ORGANS: PROBLEMS, FINDING, SOLUTIONS	
Фирсов В.В. РЕФОРМА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	312
REFORM MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS RUSSIAN FEDERATION: INTERNATIONAL STANDARDS ACTIVITIES	
Хабибова Н.Е. АНТИНАРКОТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА: ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА	320
ANTI-DRUG ADVERTISING: THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT IN THE POSTMODERN ERA	
Хазуров Т. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ ЗЛА: (ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ, ИСКУССТВО, РЕЛИГИЯ И НАУКА В ПОНИМАНИИ ЗЛА)	325
PHENOMENOLOGY AND EPISTEMOLOGY OF EVIL: (COMMON SENSE, ART, RELIGION AND SCIENCE IN THE UNDERSTANDING OF EVIL)	
Цэнгэл С.Д. МОЙ ЯКОВ ИЛЬИЧ ГИЛИНСКИЙ	334
Честнов И.Л. ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОНАРУШАЕМОСТИ	336
POST-CLASSIC STUDY METHODOLOGY OFFENCES	
Scheinost M. ORGANIZED CRIME, THE MEDIA AND THE PUBLIC ATTITUDES	343
Шестаков Д.А. О СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СВЯЗИ С ПРАВОМ БЕЗОПАСНОСТИ	344
ON SOCIAL CONSTRUCTING OF CRIMINALITY IN CONNECTION WITH THE LAW OF SAFETY	
Шестаков Д.А. ЯКОВ ИЛЬИЧ ГИЛИНСКИЙ В СВЕТЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ.....	354
К восьмидесятилетию юбилею профессора	
Шипунова Т.В. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ДЕВИАНТНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД.....	359
SOCIAL CONTROL OF DEVIANCE IN A POSTMODERN SOCIETY: TELEOLOGICAL-FUNCTIONAL APPROACH	
Яковлева А.А. НИЗОВЫЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НАРКОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СПЕКТР НОРМАТИВНЫХ КОНСТРУКТОВ И ПРАКТИК	366
GRASSROOTS SYSTEMS OF SOCIAL CONTROL IN THE SPHERE OF DRUG ABUSE IN MODERN RUSSIA: THE SPECTRUM OF NORMATIVE CONSTRUCTS AND PRACTICES	

ЯТРОГЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

YATROGENIYA AS SOCIAL AND LEGAL PROBLEM OF MODERN SOCIETY

Абаканова В.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена

Аннотация. Медицина создала высокоэффективные и в то же время довольно агрессивные лекарственные препараты и методики лечения. В результате складывается парадоксальная ситуация: грандиозные успехи в познании процессов жизнедеятельности человеческого организма и его лечении приводят к опасности причинения вреда пациенту в процессе оказания медицинской помощи. Понимание и устранение причин врачебных ошибок - основа безопасности в сфере медицины для всего человечества.

Annotation. The medicine created effective and at the same time quite aggressive medicines and treatment techniques. As a result there is a paradoxical situation: grandiose achievements in knowledge of processes of activity of a human body and its treatment result in danger of infliction of harm to the patient in the course of rendering medical care. Understanding and elimination of the reasons of medical errors - a safety basis in the medicine sphere for all mankind.

Ключевые слова: ятрогения, врачебная ошибка, здравоохранение, безопасность пациентов, медицинская помощь.

Keywords: yatrogeniye, medical error, health care, safety of patients, medical care.

Вопросы охраны здоровья граждан являются основополагающими для любого государства. «В XX столетии медицина как «наука и искусство» распознавания, лечения и предупреждения болезней стала осознаваться как важнейший и ведущий компонент здравоохранения - сложной социальной системы, которую общество в любой стране и на любом этапе развития создает и использует для охраны и улучшения здоровья каждого человека и всего населения». [7]

Огромную роль в этой области играет Всемирная Организация здравоохранения (ВОЗ). Согласно Уставу ВОЗ под здоровьем понимается «состояние полного физического, душевного и социального благополучия» [1]. В этой связи, обеспечение охраны здоровья населения можно рассматривать в качестве показателя национального престижа, фактора, определяющего доверие к власти.

Еще в 2004 году 57-я Всемирная ассамблея здоровья назвала приоритетной задачей здравоохранения радикальное увеличение безопасности лечения. А уже в 2009 г в Докладе о состоянии здравоохранения в мире [8] среди общих недостатков оказания медицинской помощи была названа плохо разработанная система здравоохранения, не способная обеспечить стандарты безопасности и гигиены, имеющая своим следствием высокие показатели случаев внутрибольничной инфекции, ошибки в приеме лекарств и другие предотвратимые негативные воздействия, которые являются недооцененной причиной смерти и ухудшения состояния здоровья. Координатором исследования неблагоприятных последствий лечения стал Всемирный альянс по защите безопасности пациентов. В него входят государственные и общественные деятели, медицинские эксперты и специалисты.

Безопасность пациентов является глобальной проблемой, затрагивающей страны на всех уровнях развития. Для разработки соответствующих решений необходимо понимание масштабов этой проблемы и основных факторов, усугубляющих ее. «Специфический процесс взаимодействия

врача и пациента является сутью медицинской деятельности. А все остальное – всего лишь среда, в которой осуществляется это взаимодействие».[10]

В Программе ВОЗ по обеспечению безопасности пациентов разработан перечень глобальных научно-исследовательских приоритетов, отражающих обширные области, где имеются существенные пробелы в знаниях и где, как ожидается, расширение знаний будет способствовать значительному улучшению безопасности пациентов и уменьшению вреда. [12] Согласно данной программе научно-исследовательскими приоритетами в области безопасности пациентов являются:

- Усиление потенциала

Необходимо уделять особое внимание усилению и наращиванию устойчивого потенциала путем развития институциональной компетентности и включения научно-исследовательских программ в существующие системы здравоохранения.

- Методы, меры и инструменты

Важно разъяснять меры, необходимые для расширения знаний в отношении проблем в области безопасности пациентов, особенно в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, а также отвечать на новые и на оставшиеся без ответа научно-исследовательские вопросы.

- Полученные данные

Содействие научно-исследовательской работе в развивающихся странах в целях понимания масштабов и характера проблем в области безопасности пациентов путем проведения исследований в разных странах и действий на национальном уровне.

- Небольшие гранты на проведение научных исследований

Такие гранты помогут стимулировать научные исследования в приоритетных областях безопасности пациентов путем обеспечения начального финансирования проведения небольших научно-исследовательских проектов.

Без сомнения повышение качества медицинской помощи прямо пропорционально снижению количества дефектов такой помощи. Эти дефекты определяются в литературе как ятрогении.

Термин "ятрогении" получил распространение после выхода в свет в 1925 году работы немецкого психиатра Освальда Бумке в его работе *Der Arzt als Ursache seelischer Störungen* «Врач как причина душевных расстройств»[3]. Поначалу ятрогения рассматривалась в качестве психогенных расстройств, возникающих в результате деонтологических ошибок. В 70-годах XX в., когда появляются новые возможности профилактики, диагностики и лечения заболеваний, мнение о ятрогении как исключительно психогенных расстройствах, возникших по вине врача, изменятся. Этому способствовал и общественный резонанс, вызванный осложнениями [9] при применении эстрогенов при беременности с целью ее сохранения (рождение более 10 тысяч детей с аномалиями половых органов, и это только в США), отрицательные результаты рентгенотерапии тимуса по поводу предполагавшегося так называемого тимико-лимфатического состояния (рост числа опухолей щитовидной железы и средостения), бесконтрольных рентгенологических исследований (рост частоты рака молочной железы у женщин на 60%), применение эликсира сульфаниламида - раствора сульфаниламида в диэтиленгликоле (108 случаев летальных исходов в США), использование препарата «АУ-8» для лечения онкобольных в СССР (эксперименты показали, что данный препарат стимулировал рост опухоли). [14]

Приобретая более широкий смысл, понятие «ятрогении» стало и включать любой патологический процесс вследствие действий врача – от неосторожных высказываний до осложнений, связанных с применением высокотехнологичных методов диагностики и лечения, в том числе – лекарственных средств. Ещё более широкий смысл понятие получило в специальном "Заявлении по безопасности в охране здоровья" принятом в 1990 году на первом конгрессе ISPIC (Международное общество по предупреждению ятрогенных осложнений). В этом документе ятрогении рассматриваются как итоговый негативный результат, функционирования системы здравоохранения.

Некачественное оказание медицинской помощи, приведшее к тяжелым последствиям, поставило проблему уголовной ответственности, а значит привело к необходимости рассмотрения ятрогении не только с медицинских, но и с уголовно-правовых позиций. Стало разрабатываться понятие преступной ятрогении. [6,13]

На современном этапе уровень развития медицинской науки и ее влияние на общество настолько возросло, что имеет смысл говорить о возможной ятрогении в отношении групп людей и общества в целом. Таким образом, определение и понимание ятрогении должно быть «мультидисциплинарными, комплексными и всесторонними.» [13, с.18]

Именно поэтому стали появляться более широкие трактовки ятрогении. Примерами их являются такие определения, как:

«изменения, возникающие у пациента вследствие слов или действий врача» [2]

«любое неблагоприятное состояние пациента, возникающее вследствие лечения интернистом или хирургом». [4]

Еще одним мультидисциплинарным определением ятрогении, содержащим уже более конкретные характеристики (психические или телесные нарушения, реакции, симптомы и т.п.) является, содержащееся в “Oxford Advanced Leams Dictionary” (1988) [5]. При этом они должны быть вызваны непреднамеренно врачом вследствие его диагноза, поведения или лечения.

Дефиниция ятрогении сформулирована Международным обществом профилактики ятрогенных осложнений (1991) как «осложнения, возникающие в результате функционирования здравоохранения в целом, включая все человеческие, технические и организационные аспекты проблемы медицинской помощи». В 1996 году оно было дополнено «реакциями на прописанные лекарства или медицинские процедуры». [11]

В целях активизации принятия эффективных мер, способствующих повышению качества оказания медицинской помощи необходимо выявление факторов, детерминирующих ятрогении.

Американская ассоциация по изучению НПЛ установила следующие причины ятрогении:

- ненамеренные медицинские ошибки (несчастный случай);
- неблагоприятные последствия фармакотерапии, включая нежелательное лекарственное взаимодействие и нежелательное, но ожидаемое побочное действие лекарств (одна из самых частых причин ятрогении);
- применение недостаточно проверенных или чрезмерно радикальных методов лечения (например, лоботомия или ятрогенные инсулиновые комы у больных шизофренией, соматически инвалидизирующие больного, при том что их эффективность в отношении обрыва психоза так и не была доказана);
- диагностические ошибки вследствие влияния «человеческого фактора», где особое место занимают ятрогении из-за небрежности медицинских работников и фармацевтов (например, неаккуратно, от руки написанное название препарата в истории болезни часто становится причиной ошибочной выдачи другого лекарства больному);
- нозокомиальные инфекции и рост резистентности микрофлоры имеют много признаков ятрогений, поскольку в значительной степени произрастают из рутинного и необоснованного назначения антибиотиков врачами общей практики (эта группа включает в себя также, например, пролежни, септические осложнения после инъекций и катетеризации центральной вены, заражение вирусными гепатитами В и С, ВИЧ-инфекцией);
- медицинские воздействия, которые можно ассоциировать с понятием «медицинские пытки» (классическими примерами стали медицинские эксперименты в концентрационных лагерях во время Второй мировой войны, однако к категории медицинской пытки относят и практику «экономного» отношения к анестезии при экстракции зуба, медицинском аборте и т.д.) [9, с. 12].

Литература:

1. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)" (Принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946) Официальный сайт ВОЗ на русском языке [Электронный ресурс] URL: <http://www.who.int/ru/>
2. American Heritage Dictionary, NY. 1981
3. Bumke O. Der Arzt als Ursache seelischer Störungen // Deutsche Medizinische Wochenschrift, 1925; 51(1)
4. Encyclopedia and Dictionary of Medicine, Nursing and Allied Health, 1983
5. Oxford Advanced Learners Dictionary" Oxford. 1988
6. Абаканова В.А. Преступные ятрогении: подходы к проблеме/ В сборнике: Актуальные проблемы теории права и гражданско-правового образования. Герценовские чтения-2013 материалы Всероссийской научно-практической конференции. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, юридический факультет. 2013. С. 13.
7. Венедиктов Д.Д. Эволюция медицинской этики и биоэтики/ Доклад на Российско-Норвежском симпозиуме «Роль медицинской ассоциации в демократизации общества» Москва, 24-25 ноября 2005 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/norveg>
8. Доклад о состоянии здоровья в мире, 2008 «Первичная медико-санитарная помощь. Сегодня актуальнее, чем когда-либо»//ВОЗ, Швейцария, 2009.
9. Зайратьянц О., Кактурский Л., Вёрткин А., Вовк Е. Болезни, порожденные врачом //Медицинская газета №54, 23.07.2008.
10. Комаров Г.А. Медицинская профессия в переходный период/Доклад на Российско-Норвежском симпозиуме «Роль медицинской ассоциации в демократизации общества» Москва, 24-25 ноября 2005 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/norveg>
11. Некачалов А.В. Ятрогения (пособие для врачей). Комитет по здравоохранению Ленинградской области. СПб. 1998 г.
12. Программа ВОЗ по обеспечению безопасности пациентов [Электронный ресурс] URL: <http://www.who.int/patientsafety/research/ru/>
13. Седов В.М. Ятрогения. СПб: Изд. «Человек», 2010.
14. Шамов И.А. Врач и больной. - М., 1986. - С. 39.

**ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
К ЗАПРЕТАМ НА ДОСТУП К ИНТЕРНЕТУ
И ИНФОРМАЦИОННЫМ РЕСУРСАМ В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ**

**THE RELATION OF STUDENTS TO THE BAN
ON INTERNET ACCESS AND TO INFORMATION RESOURCES
IN THE GLOBAL NETWORK**

Белоусов К.Ю.,
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Социологический институт РАН

Аннотация. В статье анализируется отношение студентов Санкт-Петербурга к проблеме ограничения доступности к интернету и информационным ресурсам в глобальной сети. Данные опроса были получены в ходе анкетирования учащихся высших учебных заведений в сентябре - октябре 2013 г.

Annotation. The article analyzes the relation of students of St. Petersburg to the problem of restriction of availability to the Internet and information resources in a global network. Results are based on questionnaire students of higher educational institutions in September - October, 2013.

Ключевые слова: студенты, интернет, запреты, ограничение доступа.

Keywords: students, internet, prohibitions, restrictions on access

Представляемая статья была подготовлена по результатам работы над исследовательским проектом «Использование стратегий (социального) маркетинга в продвижении девиантных образцов поведения: анализ практик виртуальных коммуникационных ресурсов». Перед непосредственным рассмотрением полученных результатов отметим, что характеристика выборочной совокупности, описание методического инструментария, цель и задачи исследования были представлены в первой статье «Девиантный контент в интернете и его использование студенческой молодежью», подготовленной по результатам проведенного анкетирования студентов вузов Санкт-Петербурга и опубликованной летом 2014 года [1, с. 22-27].

27 июля 2006 года в РФ был принят Федеральный закон № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации», который был направлен на урегулирование отношений возникающих при:

- 1) осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации;
- 2) применении информационных технологий;
- 3) обеспечении защиты информации.

В статье 10 ФЗ № 149 законодатель напрямую запрещает распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность.

Позднее, а именно в 2012 году положения ФЗ № 149 были дополнены статьёй 15.1, в которой говорится, что в целях ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создаётся единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Этой статье список информации, которая запрещена для распространения в РФ был дополнен положением о запрете распространения:

а) материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера;

б) информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, местах приобретения таких средств, веществ и их прекурсоров, о способах и местах культивирования наркосодержащих растений;

в) информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства.¹

Попытка органов государственной власти регламентировать и контролировать распространение информации в сети интернет вызвала неоднозначную реакцию в обществе. Тем, не менее, активно заработавший реестр привел к массовому закрытию сайтов содержащих в себе запрещенную информацию.

По прошествии полутора лет после введения реестра, мы поинтересовались у студенческой аудитории, а знают ли они о существовании реестра запрещенных интернет-сайтов. Как оказывается, студенты показывают высокий уровень информированности о наличии «черного списка». Так, 35,8% опрошенных заявили о том, что знают о таком списке, еще 41,5% что-то слышали. 18,0% обучающихся вузов о реестре запрещенных интернет-сайтов услышали благодаря вопросу в нашей анкете (см. табл.1). Как и можно было предположить, наиболее осведомленными о наличии реестра оказались студенты технических вузов, неосведомленными в большей степени оказались гуманитарии СПбГУКИ и СПбГУ.

Таблица 1

Знаете ли вы о существовании реестра запрещенных интернет-сайтов – так называемого «черного списка»? , % [2]

	Частота	%	% от ответивших
Знаю	143	35,8	35,9
Что-то слышал	166	41,5	41,7
Слышу сейчас впервые	72	18,0	18,1
Затрудняюсь ответить	17	4,3	4,3
Итого	398	99,5	100,0
Не ответили на вопрос	2	0,5	
Итого	400	100,0	

В продолжение темы запретов у студентов также спросили, как они относятся к запретам на доступ к информационным ресурсам в интернете? Полученные результаты сложно назвать однозначными (см. табл. 2). 39,3% опрошенных сказали, что полностью одобряют или скорее одобряют практику запретов, но с другой стороны на себя обращают 27,8% респондентов, это те студенты, которые не дают однозначного ответа. Это категория, не высказывающих однозначного мнения, они одновременно и одобряют введение запрета и не одобряют, а с учетом студентов, которые полностью не одобряют введения запрета и скорее не одобряют (а таких в совокупности 21,5%), отношение к запретам в студенческой среде сложно признать раз и навсегда определённым. Вряд ли у этой группы населения может практика запретов найти своё поддержку. Так, в категории «Другое» студенты были более откровенны и писали, что находят используемые за пределами меры

¹ Создание реестра несколько позднее, а именно в октябре 2012 года было детализировано Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101, которым вводились Правила создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы "Единый реестр...».

«необоснованными и жестокими», «глупыми», требуют оставить торренты, не соглашаются с запретом на скачивание музыки и фильмов, требуют сохранить свободу в интернете, возражают против закрытия пиратских информационных ресурсов. Думается, что с учётом возраста, социального статуса, финансовой состоятельности подобные ответы вполне понятны, ведь ограничения на доступ к информации в информационную эпоху воспринимаются молодежью, как наиболее активной социальной группой населения, особенно болезненно.

Таблица 2

Как вы относитесь к официальным запретам на доступ к тем или иным информационным ресурсам?

	Частота	%	% от ответивших
Полностью одобряю	73	18,3	18,5
Скорее одобряю	82	20,5	20,8
И одобряю, и не одобряю	110	27,5	27,8
Скорее не одобряю	43	10,8	10,9
Полностью не одобряю	42	10,5	10,6
Затрудняюсь ответить	31	7,8	7,8
Другое (что именно?)	14	3,5	3,5
Итого	395	98,8	100,0
Не ответили на вопрос	5	1,3	
Итого	400	100,0	

Таблица 3

Как вы считаете, следует ли ограничивать доступ в интернете к каким-либо из следующих сайтов?

	Следует ограничивать		В принципе не следует ограничивать доступ к информации с подобным содержанием
Содержащие информацию об изготовлении взрывчатых веществ, оружия	1,9	ПОЛ V Крамера=0,25 при $p=0,000$).	18,1
Содержащие призывы к насилию против иных социальных групп	81,8	ПОЛ V Крамера=0,22 при $p=0,000$).	18,2
Форумы националистов, содержащие призывы к насилию против инородцев	76,5	ПОЛ V Крамера=0,20 при $p=0,000$).	23,5
Призывающие к насильственным действиям по свержению существующего строя	61,4		38,6
Содержащие информацию о заключенных в тюрьмах (колониях) и их жизни в них	29,9		72,1
Содержащие критику религиозных организаций	29,7		70,3
Содержащие критику действий верховной российской власти	13,6		86,4

При всей своей демократичности, студенты, тем не менее, довольно категорично настроены относительно возможности распространения информации содержащей сведения об изготовлении взрывчатых веществ, оружия (см. табл. 3). Недопустимыми ими признаётся распространение призывов к насилию в отношении разных социальных общностей, представителей этнических групп, к насильственным действиям по свержению существующего строя. При этом критика (мнение высказанное открыто, в свободном диалоге в рамках публичной дискуссии) верховной российской власти или религиозных организаций признаётся молодежной аудиторией вполне допустимой, что в целом согласуется с существующими либеральными ценностями, провозглашающими право свободно и публично высказываться относительно действий религиозных организаций и их руководителей или политики проводимой органами власти.

Рассматриваемую запретительную тематику стоит показать не только с позиции ограничения на доступ к информационным ресурсам в интернете, а презентировать её в более широком контексте. Сегодня политика некоторых стран направлена на ограничение доступности самой глобальной сети. И примерами таких государств, «врагов интернета» (INTERNET ENEMIES) являются Вьетнам, Бирма, Куба, Саудовская Аравия, Иран, Узбекистан, Туркмения и многие другие страны, деятельность которых в сфере интернета, находит критическую оценку ряда правозащитных организаций.

Но, что думают студенты о возможности ограничения доступа к глобальной сети. Этот вопрос в исследовании был открытым и давал респондентам широкую возможность высказать свои идеи. Однако (в силу особенностей структуры вопроса) оставалась возможность и количественного анализа, который представлен в таблице 4. Из данных видно, что 61,3% студентов не соглашались с возможностью введения ограничений на доступ к интернету (как сказал один студент «ЛЭТИ» «Ибо не Северная Корея!»). Поддерживают практику запрета - 30,8% студентов.

Сразу скажем, что рассматриваемый вопрос вызвал среди студенчества большой интерес, более трёхсот человек оставили свои суждения, которые были объединены в отдельные информационные блоки по близости смысловых значений. Среди респондентов, которые поддерживают введение возможных ограничений доступа к сети, количественно сильно доминировали суждения, объединённые нами в блок «Забота о детях (подростках, подрастающем поколении, молодежи)», в то время как противники введения ограничений чаще говорили о нарушении прав и свобод граждан. Выделенные информационные блоки с примерами суждений респондентов представлены в таблице 5.

Таблица 4

В некоторых странах существует практика ограничения доступа к глобальной сети интернет.
Считаете ли вы эту практику оправданной и почему?

	Частота	%	% от ответивших
Да	123	30,8	33,4
Нет	245	61,3	66,6
Итого	368	92,0	100,0
Не ответили на вопрос	32	8,0	-
Всего	400	100,0	-

В некоторых странах существует практика ограничения доступа к глобальной сети интернет.

Считаете ли вы эту практику оправданной и почему?

Да. Почему?	Нет. Почему?
1. Забота о детях (подростках, подрастающем поколении, молодежи). Примеры высказываний: - в интернете часто сидят дети; - возможно, она (практика) оправдана, но для определенной группы населения, например, для детей; - для правильного воспитания детей, ограничить их от вредной информации; - есть информация вредная, нарушающая детскую психику; - моё мнение: стоит ограничить доступ в интернет детям до определенного возраста; - например, детям запрещать сайты с контентом, не соответствующим возрасту; - потому что аморальные сайты могут попасться ребёнку, к примеру, который сидит за компьютером; - потому что дети имеют доступ к сети Интернет. Это может отрицательно повлиять на их психику и будущее; - интернет в настоящее время содержит множество ненужной информации, которая неблагоприятно влияет на нас, но ещё более пагубное влияние оказывает на детей и подростков; - искажает мировоззрение молодого поколения - возможно, потому что молодежь в основном общается виртуально, а не реально. К тому же интернет это по сути мусор; - у детей должно быть детство ангельское; - ограничение молодежи от нежелательного контента необходимо; - потому что в интернете очень много "грязи" и лживой информации. Сайты пестрят порнографическими картинками, страшно оставлять детей около компьютера; - думаю, что таким образом подрастающее поколение может спокойно пользоваться интернет-ресурсами, без риска наткнуться на сайты из черного списка	1. Нарушение прав и свобод граждан на получение информации. Примеры высказываний: - потому что нарушается свобода слова; - нарушение прав на свободу слова; - прямое нарушение прав человека на свободу получения информации; - свобода слова, мысли, совести; - свобода слова, обмена мнениями; - в демократическом современном обществе это будет являться ограничением свободы; - все люди имеет право доступа к информации; - должно быть хоть одно место со свободой слова; - за свободу распространения информации; - Ибо не Северная Корея! - интернет - место свободы совести и свободного мнения; - каждый должен иметь доступ к информации; - каждый имеет право и свой выбор. Решать ему; - каждый имеет право на любую информацию, вне зависимости от её тематики, если это не затрагивает права окружающих; - каждый человек имеет право выбора; - ограничение свобод; - ограничивает гражданские права, я считаю; - ограничивает свободу людей; - ограничивает свободу слова; - потому что доступ к любой информации должен быть у всех, нельзя ставить ограничения.
2. Ограничение доступа к интернету. Примеры высказываний: - государство старается защитить своих граждан от неверной, не несущей особого смысла информации; - возрастает работоспособность населения, меньше различной дезинформации; - потому что мало кто думает сам, а принимает на веру то, что написали какие-то идиоты. Такие сайты могут использоваться для «дебилизации» населения и цветных революций;	2. Интернет как источник получения информации (прежде всего, полезной, нужной, важной). Примеры высказываний: - быстрый поиск информации, кто-то работает через интернет и приобретает покупки; - в интернете есть не только бесполезная и вредная информация; - в интернете много полезной информации; - в интернете можно найти любую интересующую Вас информацию, не всё, что ин-

- так как власть исходя из своих собственных интересов открывает доступ только к той информации, которая не будет угрожать действующей власти - потому что интернет-ресурсы - это оружие информационной войны; - потому что диктатуру никто не отменял. Хочешь граждан рабов - запрети им делать то, что они хотят; - потому что пагубное влияние на граждан некоторых стран с определённым политическим устройством; - чтобы оградить общество от социальных болезней; - это показывает что властям этих стран безразличны жители, они беспокоятся об их развитии и сохранности.	- тересует человека, есть в библиотеке; - в интернете содержится много информации, которая может пригодиться в повседневной жизни; - в любой момент может потребоваться доступ к ресурсам интернета по важному вопросу или поводу; - затруднит поиск информации; - зачастую это лишь лишения людей возможности получить объективную информацию из разных источников; - интернет несет в себе и пользу тоже; - интернет нужен для быстрого поиска информации; - интернет нужен для получения информации; - интернет огромный источник информации. Больше плюсов, чем минусов; - интернет помимо девиантного контента содержит информацию полезную для жизни и работы; - интернет помогает людям в работе и учебе; - интернет предоставляет огромное количество информации, которая может быть полезна людям; - интернет-крупный источник информации; - люди имеют право пользоваться интернетом и какую информацию они ищут это их дело; - потому что нет доступа к нужной информации; - потому что через интернет можно черпать важную информацию; - потому что современный человек должен иметь доступ к информации которая есть в сети.
3. Негативное влияние на психику человека. Примеры высказываний: - потому что нарушается психика человека; - портит психику людей; - не у всех достаточно устойчивая психика; - некоторые сайты действительно лучше не смотреть, людей подверженных чужому влиянию могут подтолкнуть к ужасным действиям (суицид, потребление наркотиков); - многие сайты не несут ни смысловой, ни познавательной нагрузки, но наносят вред психике многих людей; - множество информации, которая может травмировать психику человека; - люди получают слишком много ненужной информации, воздействующей на их психику.	3. Бесполезность запретов. Примеры высказываний: - ограничения лишь подогревают интерес сообщества; - бессмысленно, это ограничение легко обойти, если немного потрудится; - всегда найдутся способы получить нужный тебе контент; - если вы заинтересованы в доступе, то способы найдутся; - запретный плод сладок; - кому надо тот найдет; - кому нужна информация, найдёт любыми путями, а остальные не полезут; - кто ищет, тот всегда найдет; - кто хочет - сможет обойти ограничения. Фильтрация контента была бы действеннее; - кто хочет что-то найти, всё равно найдет; - любой запрет вызывает большой интерес;

	потому что всё равно найдут люди способ доступа; - так как если человеку нужна информация он её получит тем или иным способом.
4. Интернет как бесполезная трата времени. Примеры высказываний: - занимает очень много времени; - люди очень много времени тратят и меньше занимаются делами; - люди слишком много времени уделяют интернету и живут виртуальной жизнью; - многие люди не могут контролировать время, проведенное в интернете; - многие начинают тратить время "в никуда"; - не каждый человек может контролировать и ограничивать время пользования интернетом; - потому что данные ограничения позволяют людям не терять время попусту; - потому что занимает много времени - тратят свою жизнь на интернет	4. Интернет как ресурс личностного развития. Примеры высказываний: - интернет для обучения/работы/ расширения кругозора; - интернет даёт возможность саморазвития, самоорганизации; - использование интернета с благими намерениями может послужить развитию человека; - потому что это не даёт людям раскрывать свой кругозор в полной мере; - так как это ограничивает человека, ограничивает процесс познания, процесс формирования личности и мировоззрения; - у человека должно быть право выбора и самовыражения.
5. Интернет как источник опасной (негативной) информации. Примеры высказываний: - да, так как некоторые сайты содержат опасную информацию; - потому что интернет кроме положительной информации несёт много отрицательной; - да, так как интернет содержит материал, который не всем и не весь следует просматривать; - да, так как некоторые сайты содержат опасную информацию; потому что в интернете содержится порой ложная информация - к сожалению сайтов с полезной информацией меньше чем с отрицательной; - так как следует ограничивать доступ к сайтам определённого содержания (насилие, убийство, разбой, секты); - я бы искренне хотел чтобы запретили сайты с гомосексуалистами и педофилами; - это закрывает нежелательный контент; - данные ограничения ограждают пользователей от неблагоприятных сайтов; - потому что интернет убивает мозг.	
6. Интернет как форма зависимости. Примеры высказываний: - да, так как это профилактика интернет-зависимости; - так как у некоторых людей возникает интернет-зависимость. Они не могут самостоятельно справиться с ней; - у людей не будет зависимости от компьютера и интернета;	

- у многих людей возникает интернет-зависимость; - частый доступ может стать зависимостью; - постепенно это может сократить зависимость современных людей от интернета, заставить их заняться более полезными занятиями и тратить внимание на другие сферы жизни.	

Не смотря на то, что мы можем чётко выделить две группы респондентов, во-первых, тех, кто является противником запретов и тех, кто соглашается с введением некоторых ограничений на доступ к глобальной сети, тем не менее, некоторые точки соприкосновения всё-таки имеются. Вне зависимости от занимаемой позиции, студенты считают, что категорическому запрету должны быть подвергнуты такие темы в интернете, как, во-первых, форумы педофилов и, во-вторых, форумы людей с суицидальными наклонностями, информация о способах совершения самоубийства (см. таблица 6).

Таблица 6

	% наблюдений
Форумы педофилов	91,6%
Форумы людей с суицидальными наклонностями, информация о способах совершения самоубийства	72,7%
Содержащие информацию о наркотиках, их изготовлении и потреблении	68,9%
Порнография	46,9%
Форумы националистических молодежных организаций (РНЕ, Славянский союз и т.п.)	41,3%
Форумы людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, с обсуждением их проблем	34,9%
Эротика	14,5%
Форумы людей с алкогольной зависимостью	13,5%
Форумы о необычном, не широко распространенном поведении в молодежной среде (пикап, чайлдфри и т.п.)	9,9%
В принципе не следует ограничивать доступ к сайтам с подобным содержанием	4,3%
Другое (что именно?)	2,3%
Затрудняюсь ответить	1,8%

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы. Реакция общества (социальный контроль) на широкое распространение в Интернете информации о различных формах социальных отклонений нашла (среди прочего) своё отражение в создании специальной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». Результаты опроса студентов показывают, довольно высокий уровень информированности респондентов о существовании реестра. Вместе с тем, однозначной поддержки подобных мер в среде студенчества исследователями зафиксировано не было. При этом студенты довольно категорично настроены относительно возможности распространения информации содержащей сведения об изготовлении взрывчатых веществ, оружия. Недопустимыми ими признаётся также распространение призывов к насилию в отношении разных социальных общностей, представителей этнических групп, к насильственным действиям по свержению существующего строя.

Большее половины опрошенных (61,3%) отрицательно относятся к идее ограничения на доступ к самой глобальной сети, а не только к ограничению доступности ряду информационных ресурсов внутри неё. Среди основных попыток объяснить свою позицию звучат высказывания, объединённые нами в категорию «Нарушение прав и свобод граждан на получение информации».

Литература:

1. Белоусов К.Ю., Яшина М.Н. Девиантный контент в интернете и его использование студенческой молодежью // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7-2 (45). С. 22-27.
2. О реестре запрещенных сайтов [Электронный ресурс]. URL: <http://runet.fom.ru/TSenzura-v-internete/10761> (дата обращения: 06.11.2013).

**О ВИДОВОМ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 134 УК РФ**
**ABOUT SPECIFIC OBJECT
OF THE CRIME PROVIDED BY ART. 134
OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION**

Бимбинов А.А.,
аспирант, кафедра уголовного права,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения видового объекта преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ. Автором рассмотрены имеющиеся в науке основные точки зрения по вопросу определения видового объекта указанного преступления. На основе анализа самой нормы, а также сравнительного анализа глав Особенной части УК РФ автор приходит к выводу, что видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, как и всей главы 18 УК РФ является совокупность общественных отношений, обеспечивающих права и обязанности человека в сфере реализации своей сексуальности.

Annotation. Article is devoted to a problem of definition of specific object of the crime provided by Art. 134 of the criminal code of Russian Federation. The author considered the main points of view available in science concerning definition of specific object of the specified crime. On the basis of the analysis of the norm, and also the comparative analysis of heads of Special part of the criminal code of Russian Federation the author comes to a conclusion that specific object of the crime provided by Art. 134 of the criminal code of Russian Federation, as well as all chapter 18 of the criminal code of Russian Federation is set of the public relations providing the rights and duties of the person in the sphere of realization of the sexuality.

Ключевые слова: видовой объект, половые преступления, половое сношение, половая неприкосновенность, половая свобода

Keywords: specific object, sexual crimes, sexual intercourse, sexual inviolability, sexual freedom

В уголовно-правовой науке не сложилось единого мнения относительно определения видового объекта полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Исследователи этого вопроса высказывают самые разнообразные идеи.

Так, довольно распространенной является точка зрения, согласно которой в качестве видового объекта необходимо рассматривать уклад половых отношений. П.И. Люблинский еще в 1925 году писал: «Половыми преступлениями являются деяния, которые направлены на удовлетворение половой страсти своей или другого лица, нарушающие социальный уклад половых отношений».¹ Б.В. Даниэльбек также рассматривает половое преступление как предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, имеющее сексуальный характер, посягающее на нормальный уклад половых отношений в обществе, совершаемое для удовлетворения своей или чужой потребности.² Эту позицию поддерживает и Д.Е. Васильченко, определяя половые преступления как общественно опасные, противоправные и наказуемые действия сексуального характера, совершаемые субъектом с целью удовлетворения половой потребности своей или другого лица, нарушающие существующий уклад половых отношений³.

¹ Люблинский П.И. Преступления в области половых отношений. М., 1925. С. 21.

² См.: Даниэльбек Б.В. Половые извращения и уголовная ответственность. Волгоград, 1972. С. 26.

³ См.: Васильченко Д.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-

Аналогичного видения этого вопроса придерживаются и многие другие ученые, в том числе и современные. К примеру, В.Г. Романов в своем исследовании признает видовым объектом полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ) сформировавшийся в обществе уклад половых отношений, неотъемлемыми чертами которого являются: половая свобода, половое самоопределение, половая неприкосновенность лиц, не достигших половой зрелости, обеспечение нормального психофизиологического (в том числе полового) и морально-нравственного развития несовершеннолетних, процесс которого должен исключать любые формы сексуальной агрессии в отношении этой категории лиц⁴.

Вместе с тем, имеются и противники такого представления о видовом объекте анализируемого преступления. Р.Е. Затона считает, что подобное понимание объекта половых преступлений принижает абсолютную ценность человека как биологического существа, превращая его только в носителя общественных отношений.⁵ Л.А. Андреева отвергает даже мысль о том, что объектом полового преступления может быть уклад половых отношений. «Данная формулировка (вполне типичная для советского права), - пишет она, - предполагает вторжение государства (законодателя) в запретную для него сферу. Государство не может устанавливать в интимной (половой) сфере общества тот или иной уклад ...».⁶

Действительно, использование оборота «уклад половых отношений» в качестве объекта сексуальных преступлений нарушает личное, интимное пространство каждого человека. Уклад - это установившийся порядок,⁷ уклад половых отношений - это соответственно установившийся порядок половой жизни (сформированные обществом основные принципы сексуальных отношений). На каждом историческом этапе, у каждого общества существуют свои принципы приемлемости сексуальной связи между людьми. Безусловно, к ним относятся свобода лица в выборе сексуального партнера, добровольное вступление в сексуальный контакт, запрет на сексуальные отношения с несовершеннолетними, не достигшими определенного возраста (все это находится под охраной главы 18 УК РФ). В то же время, сегодня в большинстве стран мира, в том числе и в России уклад половых отношений предполагает разнополость сексуальных партнеров, отсутствие близкого родства между ними, сношение традиционным половым путем только в супружеской ложе (например, в так называемой «миссионерской позиции», которую церковь многие века считала единственно благопристойной) и многое другое. Все это является не нормами права, а нормами общественного традиционного представления о сексуальных отношениях между людьми, нормами морали и нравственности. Да, эти нормы являются общепринятыми и приоритетными, особенно в вопросах воспитания молодежи, но в современном быстроразвивающемся обществе нельзя забывать и о других явлениях, таких как: гомосексуальность, феминизация мужчин и маскулинизация женщин, платоническая составляющая в сексуальных отношениях, ориентация на материальные блага, беспорядочные связи, сексуальная раскрепощенность, удовлетворение полового желания с использованием предметов, имитирующих половые органы партнера. Данная картина является непризнанной реальностью нашего общества. Эти явления не ненормальны, просто они не общеприняты и поэтому нарушают уклад половых отношений. Значит ли это, что они общественно опасны, так как посягают на объект уголовно-правовой охраны? Нет, так как уклад половых отношений им не является. Уголовный закон охраняет от посягательств не половые отношения, не уклад, а личность, человека, его права,

на-Дону, 2002. С. 87-88.

⁴ Романов В.Г. Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 20.

⁵ См.: Затона Р.Е. Уголовно-правовой и криминологический аспекты ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 14.

⁶ Андреева Л.А. Энциклопедия уголовного права. Т. 15. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. - Издание профессора Малинина - СПб ГКА, СПб., 2011. С. 14.

⁷ Словарь Ожегова // <http://www.ozhegov.org/words/37161.shtml>

свободы и законные интересы. Попытки определить объект сегодняшних (по действующему УК) преступлений через категорию «уклада» несостоятельны. Даже сами сторонники признают определенные упущения такой трактовки объекта сексуальных преступлений.

Так, Г.П. Краснюк, в целом соглашаясь с мнениями ученых о признании в качестве объекта половых преступлений уклада половых отношений, все же считает, что более точному определению сущности объекта половых преступлений будет соответствовать сексуальная безопасность, понимаемая как состояние защищенности жизненно важных интересов личности в области сексуальных отношений⁸. Данная интерпретация является менее критичной, но также не способной отразить суть объекта рассматриваемой группы преступлений. Состояние защищенности каких-либо интересов личности является целью всего законодательства, в том числе и уголовного. Криминализуя те или иные деяния, государство берет под охрану определенные ценности и стремится тем самым придать им состояние защищенности, то есть обеспеченности защитой, реализация которой может последовать при посягательствах на эти ценности. Преступник, имея умысел на совершение, например, изнасилования, посягает не на состояние защищенности половой свободы, а на саму половую свободу, на право свободного выбора сексуального партнера и добровольного вступления в сексуальный контакт с ним.

Позиция Р.С. Данелян, которая считает половые преступления деяниями, нарушающими существующие в обществе половые отношения и наносящими вред здоровью и достоинству граждан,⁹ несколько напоминает представление об укладе половых отношений как объекте сексуальных преступлений. В этой связи, она также не отражает реальности, далеко не все существующие в обществе формы половых отношений подлежат государственной защите. Признак нанесения вреда здоровью и достоинству граждан имеет место в изнасиловании (ст. 131 УК РФ), насильственных действиях сексуального характера (ст. 132 УК РФ), Понуждении к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), но совсем не обязателен для ненасильственных половых преступлений.

Другое мнение относительно понимания видового объекта половых преступлений высказал В.Н. Кудрявцев. Он пишет: «Половые преступления – это преступления в области половых отношений. Однако, для выявления социально-политической сущности этих преступлений необходимо определить: чему именно в области половых отношений они причиняют ущерб. В связи с тем, что половые отношения представляют собой отношения людей в обществе по поводу удовлетворения их половых потребностей, можно было сделать вывод о том, что преступления в этой области нарушают половые интересы или половые блага личности. Охраняемые уголовным законом названные ценности (интересы, блага) и могли бы быть названы в качестве объекта всех половых преступлений».¹⁰ Схожую позицию занимает С.В. Тихоненко, который считает, что общественная опасность половых преступлений заключается в их способности причинить существенный вред объективным половым интересам личности.¹¹

С одной стороны, такое видение объекта половых преступлений основано на законе, даже действующий УК в ч. 1 ст. 12 сам указывает, что охраняет определенные интересы, соответственно интересы личности в половой сфере в том числе. С другой стороны, такой подход размывает соотношение между интересами и общественными отношениями. Интересам наносится ущерб постольку, поскольку изменяется и терпит ущерб субстанциональная их основа - конкретные, охраняемые уголовно-правовой нормой общественные отношения. Непосредственно посягнуть на интерес, как и

⁸ См.: Краснюк Г.П. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 47.

⁹ См.: Данелян Р.С. Энциклопедия уголовного права. Т. 15. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. - Издание профессора Малинина - СПб ГКА, СПб., 2011. С. 424.

¹⁰ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 79.

¹¹ См.: Тихоненко С.В. Мотивация половых преступлений и организация их предупреждения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 12.

на право или правовое благо, невозможно. Механизм причинения вреда всегда связан с воздействием преступника на какие-либо элементы общественного отношения – на его субъект, на его деятельность или предмет отношения. Интерес же нарушается лишь посредством разрушения охраняемого отношения либо через создание противоречащего интересам общества отношения.¹² Использовать категорию интереса для определения объекта преступления бессмысленно, она не выражает сущности посягательства, особенно если учитывать, что правонарушение может причинять ущерб целой группе интересов, не влияющих на квалификацию. Так, половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, нарушает помимо прочего интересы семьи, интересы общественной нравственности и морали, однако они не учитываются ни для квалификации, ни для наказания.

Традиционная точка зрения, согласно которой в качестве видового объекта любого полового преступления выступают половая неприкосновенность и половая свобода личности имеет наибольшее число сторонников. Однако, как принято в науке, каждый интерпретирует ее по-своему.

Так, С.И. Никулин полагает, что в качестве общего объекта как насильственных половых преступлений (ст.ст. 131-133 УК РФ), так и преступлений нарушающих половую мораль лиц молодого возраста (ст.ст. 134-135 УК РФ) выступают половая свобода и половая неприкосновенность личности.¹³

А.В. Корнеева также признает видовым объектом половых преступлений совокупность общественных отношений, обеспечивающих половую неприкосновенность и половую свободу личности, однако при этом она отмечает, что половая неприкосновенность является составляющей половой свободы, поэтому нарушение первой всегда означает нарушение последней.¹⁴

Такая позиция представляется несколько противоречивой: признавая объектом половых преступлений совокупность общественных отношений, обеспечивающих половую неприкосновенность и половую свободу личности, автор констатирует самостоятельность категорий «половая неприкосновенность» и «половая свобода», а следом же определяет их как часть и целое. Большинство исследователей, напротив, всячески разграничивают эти понятия, обосновывая тем самым выделение двух «внутривидовых» (или групповых) объектов: половой свободы – для посягательств на взрослых и половой неприкосновенности, когда посягательство направлено на несовершеннолетних. Ярким примером является позиция О.В. Пристанской, которая пишет: «Если преступным действиям сексуального характера подвергается взрослый человек, законодатель характеризует их как посягательства на «половую свободу» личности. В тех же случаях, когда жертвой половых преступлений становится ребенок или подросток, их объектом считается «половая неприкосновенность» личности несовершеннолетнего».¹⁵

Мнение, согласно которому необходимо разделять объект половых преступлений против взрослых и половых преступлений против несовершеннолетних поддерживается многими учеными. Сколько ученых, столько же и подходов к определению объекта половых преступлений против несовершеннолетних.

Так, А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко признают видовым объектом любых ненасильственных действий сексуального характера в отношении малолетнего лица его половую неприкосновенность.¹⁶ М.Д. Шаргородский полагает, что половые преступления против несовершеннолетних

¹² См.: Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С. 82.

¹³ См.: Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 1996. С. 66.

¹⁴ См.: Уголовное право. Особенная часть. / Под ред. А.И. Чучаева, М., 2012. С. 61.

¹⁵ Пристанская О.В. Правовая защита несовершеннолетних в сфере массового сексуального просвещения // Журнал российского права. 2000. №1. С. 14.

¹⁶ См.: Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Насильственные действия сексуального характера // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 64.

нарушают их нормальное развитие.¹⁷ А.А. Пионтковский считает, что данные деяния причиняют вред половой неприкосновенности и нормальному развитию несовершеннолетних.¹⁸

Многими в качестве видового объекта ненасильственных половых преступлений называется нормальное половое развитие несовершеннолетних¹⁹. Аналогичного мнения придерживается и Ю.К. Сущенко, которая включает в понятие «нормальное половое развитие» три составляющие: правильное физиологическое и физическое развитие половой системы, формирование нравственных мировоззрений в области половых отношений и условия, созданные обществом, в которых это развитие и формирование протекает.²⁰

Д.Е. Васильченко, определяя объект половых преступлений в отношении несовершеннолетних как законные интересы малолетних, которые связаны с их нормальным половым, морально-нравственным и физическим развитием, предлагает даже перенести подобные преступления в главу 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» в соответствии, по его мнению, с истинным объектом посягательства.²¹

Представляется, что такой вывод не оправдан, хотя бы потому, что составы данных преступлений (ст.ст. 134 и 135 УК РФ) охватывают действия объективно сексуального характера, нарушающие, прежде всего, запреты в сфере половых взаимоотношений. Виновный в совершении данных деяний, как правило, действует, руководствуясь сексуальным мотивом, с целью сексуального удовлетворения. Умысла на нарушение каких-либо прав и законных интересов семьи и несовершеннолетнего субъект преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. ст. 134 и 135 УК РФ не имеет.

В науке уголовного права имеются и другие взгляды на определение видового объекта половых преступлений против несовершеннолетних.²² Однако все они в той или иной степени соответствуют вышеназванным позициям.

Условно почти все точки зрения относительно видового объекта сексуальных преступлений против несовершеннолетних можно свести к двум категориям: половой неприкосновенности и нормальному развитию (физическому, психическому и нравственному). Половая неприкосновенность при сексуальных посягательствах на несовершеннолетних бесспорно подвергается нарушению. Отнесение нормального развития к объекту половых деяний против несовершеннолетних вызывает вопросы. Выделяя отдельно объект половых преступлений против несовершеннолетних и объект

¹⁷ См.: Шаргородский М.Д. Ответственность за преступления против личности. Л., 1953. С. 95.

¹⁸ См.: Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Часть особенная. Том 1. М., 1955. С. 607.

¹⁹ См.: Игнатов А.Н. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1965. С. 193.; Яковлев Я.М. Половые преступления. Душанбе, 1969. С. 325.; Рахметов С.М. Деятельность органов внутренних дел в борьбе с развращением малолетних и вопросы квалификации этого преступления. Караганда, 1987. С. 12.; Хлынов М.Н. Борьба с половыми преступлениями (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1966. С. 20.; Затона Р.Е. Уголовно-правовой и криминологический аспекты ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 25.

²⁰ См.: Сущенко Ю.К. Ответственность за половые преступления против несовершеннолетних по советскому уголовному праву: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967. С. 12.

²¹ См.: Васильченко Д.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: Дисс. ... канд. юрид. наук. С. 21.

²² Объектом половых преступлений против несовершеннолетних признают: половую неприкосновенность и нормальное физическое, умственное и моральное развитие несовершеннолетних лиц (см.: Красилов Ю.А. Уголовное право России. Часть Особенная. М., 1993. С. 144.), нормальное физическое и нравственное формирование личности (см.: Семернева Н.К. Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / отв. ред.: д.ю.н., проф. И.Я. Козаченко, д.ю.н., проф. З.А. Незнамова, к.ю.н., доц. Г. П. Новоселов. М., 1997. С. 138.), здоровое половое развитие (см.: Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Изд. 2-е, перераб. М., 1939. С. 223.), здоровье и нормальное развитие несовершеннолетних (см.: Мендельсон Г.А. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1964. С. 166.), нормальное физическое и духовное развитие несовершеннолетних (см.: Елемисов Г.Б. Изнасилование как тяжкое преступление против чести и достоинства женщины / под ред. к.ю.н., доц. Б.С. Бейсенова. Караганда, 1976. С. 10.)

половых преступлений, совершаемых в отношении взрослых лиц, авторы данного подхода должны устанавливать отличительные черты данных объектов. Физическое, психическое и нравственное развитие присуще человеку всю его жизнь. Ненасильственные сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних могут привести к нарушениям их физического или иного развития, однако, как показывают результаты проведенного опроса работников учреждений здравоохранения, могут и не оказать никакого влияния на их естественное развитие. Другая ситуация в половых преступлениях против взрослых лиц, которые всегда сопровождаются либо физическим либо психическим насилием. Потерпевшие-взрослые от изнасилования или насильственных действий сексуального характера как правило всегда имеют нарушения, если не физического, то психического развития. Поэтому признавать нормальное развитие основным объектом половых преступлений против несовершеннолетних неверно. В данном случае мы можем говорить лишь о том, что ненасильственные половые преступления создают угрозу развитию несовершеннолетнего.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об относимости половой свободы к объекту половых преступлений против несовершеннолетних. Так, В.П. Ревин определяет объект сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних как нравственное и физическое здоровье малолетних и несовершеннолетних, их половую свободу и половую неприкосновенность. Однако данная позиция далеко не самая распространенная. Большинство исследователей признают половую свободу объектом сексуальных преступлений только, когда речь идет о посягательствах на взрослых лиц.²³

Полагаю, что в данном споре правы и те, и другие. Все зависит от того с какой стороны подходить к рассматриваемому вопросу. Если определять объект всех сексуальных преступлений главы 18 УК РФ, совершаемых в отношении несовершеннолетних, как насильственных (п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, ч. 2 ст. 133 УК РФ), так и ненасильственных (ст.ст. 134, 135 УК РФ), то им будет являться совокупность общественных отношений, обеспечивающих половую неприкосновенность и половую свободу личности. Если в качестве половых преступлений против несовершеннолетних рассматривать только деяния, ответственность за которые установлена ст.ст. 134 и 135 УК РФ, то объектом будет являться лишь половая неприкосновенность. Данный вывод основан вовсе не на позиции, согласно которой несовершеннолетние попросту не обладают половой свободой в силу возраста и недостижения половой зрелости²⁴, а вытекает из анализа самого деяния и общественных отношений, подвергающихся нарушению.

Половая свобода в уголовно-правовой науке определяется по-разному: как право свободно определять свою половую жизнь,²⁵ как возможность самому решать как и с кем удовлетворять свои сексуальные потребности и желания,²⁶ как свобода в пределах сложившегося в обществе уклада половых отношений вступать в половое общение с другими лицами, иным образом удовлетворять свое половое влечение и не допускать какого-либо принуждения или понуждения в этой сфере либо иного игнорирования волеизъявления лица в этом вопросе²⁷. Однако смысл данных трактовок схож и основан на свободе личности вообще.

²³ См., напр.: Хлынцов М.Н. Борьба с половыми преступлениями (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1966. С. 20.; Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. М. 1998. С. 88.; Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 147. и другие.

²⁴ См.: Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 147.; Сяткин Н.Н. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: законодательный и правоприменительный аспекты: Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 56.

²⁵ См.: Игнатов А.Н. Квалификация половых преступлений. М., 1974. С. 8.

²⁶ См.: Данелян Р.С. Энциклопедия уголовного права. Т. 15. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. – Издание профессора Малинина – СПб ГКА, СПб., 2011. С. 428.

²⁷ См.: Изотов Н.Н. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера: Автореф.

Представляется, что половая свобода лица есть не что иное, как возможность такого лица свободно (осознанно, на свое усмотрение, без какого-либо принуждения) определять свое сексуальное поведение (совершать сексуальные действия или воздержаться от них, позволять или не позволять совершать сексуальные действия в отношении себя). Как известно, права и свободы человека начинаются и заканчиваются там, где начинаются и заканчиваются права и свободы других людей. Этот принцип в полной мере соответствует и половой свободе. Половая свобода присуща всем лицам в независимости от возраста. Нет никаких оснований считать, что подростки младше шестнадцати лет не имеют половой свободы. Лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста могут свободно вступать в добровольные сексуальные связи со своими сверстниками, так как обладают половой свободой; более того, они могут вступать в сексуальные связи с лицами старшего возраста, так как для них не существует никакого запрета и никаких правовых последствий такой связи, чего не скажешь об их совершеннолетних сексуальных партнерах. Все это свидетельствует об обладании несовершеннолетними половой свободой. Отсутствие же половой свободы в характеристике объекта половых преступлений против несовершеннолетних объясняется тем, что действия, подпадающие под признаки составов ст.ст. 134 и 135 УК РФ, являются добровольными, как правило взаимными, не связанными с каким-либо принуждением, поэтому не нарушающими никаким образом половую свободу потерпевших.

В этой связи, можно предположить, что авторы, которые не относят половую свободу к объекту половых преступлений против несовершеннолетних, признают такими преступлениями только составы ст.ст. 134 и 135 УК РФ.

Таким образом, в уголовно-правовой науке представлена отдельная линия, согласно которой сексуальные преступления против несовершеннолетних выделены в самостоятельную группу деяний, характеризующуюся общим видовым объектом.

В тоже время необходимость такого выделения подвергается критике со стороны отдельных ученых. Так, Г.П. Краснюк полагает, что если следовать логики авторов, выделяющих в самостоятельную группу половые преступления против несовершеннолетних, то необходимо выделять специальную главу в УК, предусматривающую ответственность за сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних. В этом случае произойдет разделение норм об изнасиловании взрослого лица и изнасиловании несовершеннолетнего по разным главам УК, что, по мнению Г.П. Краснюк, является нелогичным.²⁸

Как ранее было отмечено, любая классификация объектов преступлений обладает определенной долей условности. Выделение видового объекта половых преступлений против несовершеннолетних никак не говорит о необходимости выделения специальной главы о таких преступлениях. Выделение и изучение общего объекта сексуальных посягательств на несовершеннолетних обусловлено спецификой таких деяний, важно как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Однако, при анализе объекта состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, все же считаю необходимым придерживаться традиционной позиции по данному вопросу и рассматривать в качестве видового объекта всю совокупность общественных отношений, обеспечивающих половую неприкосновенность и половую свободу личности. Все деяния 18 главы УК РФ имеют общую природу, характер и мотивацию. Законодатель поэтому и поместил данные преступления в отдельную главу, отмечая тем самым обособленность отношений, обеспечивающих права и обязанности личности в сексуальной сфере (сексуальные права), от других видов общественных отношений, например, отношений, обеспечивающих реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина (19 глава УК РФ), или отношений, обеспечивающих права и законные интересы личности в брачно-семейной сфере (20 глава УК РФ) и т.д.

дисс ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 11.

²⁸ См.: Краснюк Г.П. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 42.

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в обиходе именуют половыми преступлениями. Также их называют сексуальными преступлениями. На тождественность оборотов «половые преступления» и «сексуальные преступления» указывают не только или не столько юридические факторы, сколько медицинские понятия. Меж тем, стоит отметить, что сегодня, с учетом значений слов в русском языке правильнее обозначать данные преступления сексуальными, нежели половыми. Привязанность к терминологии «половая свобода», «половая неприкосновенность» является ничем иным как следствием исторической преемственности понятий, сложившихся в советской науке уголовного права. Однако сейчас, когда тема секса уже не является, чем-то запретным, использование производных от понятия «секс» является, на мой взгляд, наиболее правильным и отражающим реальную сущность рассматриваемых преступлений. Посему считаю обоснованным в качестве видового объекта преступления половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста признать комплекс общественных отношений, обеспечивающих сексуальную неприкосновенность и сексуальную свободу личности, где сексуальная неприкосновенность и сексуальная свобода подразумевают собой права и обязанности человека в сфере реализации своей сексуальности:²⁹ право свободно определять свое сексуальное поведение и обязанность воздержаться от любых форм сексуального общения с сексуально неприкосновенными лицами (несовершеннолетними, не достигшими шестнадцатилетнего возраста и лицами, находящимися в беспомощном состоянии).

²⁹ См.: Айзман Н.И. Психологические средства развития сексуальности личности (на примере студенток вуза): Автореф. дисс. ... канд. псих. наук. Новосибирск, 2010. С. 16.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINOLOGICAL PROBLEMS CYBERCRIME

Андрейс Вилкс,
Рижский университет Страдиня (Латвия),
декан юридического факультета, профессор

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции киберпреступности, убыток, который связан с киберпреступностью, перспективы развития данного вида преступлений и практика предупреждения киберпреступлений в Латвии.

Annotation. This article discusses the main trends of cybercrime loss that is associated with cybercrime, prospects of this type of crime and cybercrime prevention practice in Latvia.

Ключевые слова: информационные технологии, криминология, киберпреступность, криминальные структуры

Keywords: informations technology, criminology, cybercrime, criminal structures

Значимость проблемы киберпреступности определяется в основном двумя группами обстоятельств. Во-первых, - бурным ростом разработки, внедрения и использования новых информационных технологий. Во-вторых, не менее стремительным использованием новых технологий для достижения противоправных, нелегитимных целей и экспансией инновативных, в том числе информационных технологий в криминальной среде. Следовательно, в современных условиях стремительно развиваются не только информационно-коммуникационные технологии, но и криминальная кибериндустрия. Угрозы информационным ресурсам постоянно усиливаются и развиваются. Так в настоящее время наблюдается: незаконное ознакомление с охраняемой информацией; модификация информации предпринимателя в различных целях (помощь конкурентам, криминальные цели); уничтожение информации или повреждение (похищение) ее носителей.

По данным специалистов американского Университета в Беркли (шт. Калифорния) постоянно растущий объем информации, ежегодно вновь производимой в мире, уже достиг отметки в 2 экзобайта (10^{18} байт), из которых только 0.03% составляют материалы на бумажном носителе. Только на жестких дисках персональных компьютеров каждый год записывается 766 петабайт (10^{15} байт) данных, на ведомственных магнитных носителях - от 161 до 460, а на корпоративных - от 109 до 167 петабайт соответственно. Гигантский поток электронной почты, ежегодно передаваемой в Интернет, уже превысил 610 млрд. посланий и сообщений [1]. Стремительно расширяющаяся паутина Интернета ежегодно удваивает объем доступной во всем мире информации. Виртуальные преступления не знают границ. Сегодня в мире циркулирует 150 тысяч компьютерных вирусов, каждый день жертвами хакеров становятся 148 тысяч компьютеров [2]. По данным лаборатории Panda Labs за 2010 год было создано более 20 млн новых образцов вредоносного ПО. В настоящее время в базе данных Panda Security содержатся данные более чем о 60 млн. угроз [3]. По данным «Лаборатории Касперского», ежедневно в Сети появляется около 200 тыс. новых образцов вредоносного ПО. [4]. В последние годы одним из направлений, используемым криминальными структурами в Интернете, стали ботнеты - сети компьютеров, инфицированных ботами, особыми вирусами, позволяющими преступникам контролировать работу этих компьютеров извне. По данным Европола по последним оценкам, потери от компьютерных преступлений в глобальном масштабе составляют 750 миллиардов евро в год [4]. Однако в отчете Цетрап стратегических международных исследований, указывается, что киберпреступления обходятся коммерческим организациям примерно 400 миллиардов долларов.[5.]. Следовательно, здесь, по-видимому не учитывается урон наносимый физическим лицам. В криминальной среде сформировался новый вид теневой экономики - дигитальная параллельная экономика. Предметом торговли в этой сфере являются идентификационные данные. Все боль-

шей мере развивающиеся электронные услуги принесли людям не только удобство, но и новые угрозы. Одной из подобных стала «кража личности» - преступление, когда похищенные персональные данные используются для получения материальной выгоды. Покупается и продается все: данные о кредитных картах - стоимость от 30 долларов, банковские реквизиты - от 10 до 125 долларов. Средняя цена доступа к электронному счету составляет около 12 долларов [6]. Агентство Javelin Strategy&Research оценило, что в 2009 году жертвами подобных преступлений стали 11,1 миллионов американцев, причем общий ущерб от мошенничества составил около 54 миллиардов долларов [7]. Киберпреступность также в Латвии становится все более распространенным явлением, данные преступления постепенно растут. В течение года, как отмечают эксперты, рост киберпреступности составляет примерно 10-15%.

В соответствии с данными Центрального статистического управления Латвии, за последние годы наблюдается весомый прирост пользователей компьютерами и интернетом. Так в 2010.году в Латвии интернетом пользовались в среднем 63%; 2011. году - 66%; 2012.году - 70,5%, 2013.году - 71,2%). Увеличивается число пользователей интернет магазинами. Так, процентуально от общего количества населения Латвии использовали интернет-магазины в 2010.году в среднем 8,5%; 2011.году - 9,8%; 2012.году - 17,7%; 2013.году - 21,3. Увеличивается количество мошенничеств, поставки некачественных товаров и другие виды преступлений.

По данным экспертов в ближайшее время могут ожидать попытки вмешательства в деятельность атомных электростанций, влияние на технологии по переработке урана, киберпротесты, или "хактивизм" и др. В настоящее время около 75% компьютерных систем управления промышленными объектами (в том числе объекты водоснабжения, энергетические) связаны с Интернетом или сетями аналогичной архитектуры. Это означает потенциальную уязвимость этих систем ко всем опасностям, в том числе кибертеррористическим атакам. Ожидается дальнейшее распространение различных методов обмана пользователей киберсреды по поддельным предложениям о работе, фишинг-атаки на банки, платежные системы, интернет-магазины.

В 2013 году, по сравнению с 2012 годом, рост составил примерно 10-15% [8]. Данный рост в значительной мере связан со способностью полиции констатировать преступления в киберсреде. Между тем, необходимо отметить, что данные уголовно наказуемые деяния в основном латентны и во многих случаях жертвы даже не знают о совершении в отношении них преступлений. Поэтому более важным представляется то, что сотрудники полиции могут обнаружить совершенные деяния в кибервреде. В полиции Латвии все время ведется мониторинг интернет-среды. Это приводит к тому, что объем информации настолько велик, что практически всю проверить невозможно. Латвийский сегмент Интернета развивается в четырех основных направлениях: социальные ресурсы, е-коммерция, информационные порталы и обмен данными [9]. Специалисты видят опасность каждого из этих направлений в случае халатного отношения к безопасности данных и безопасности компьютера. Как предупреждают эксперты, популярность социальных ресурсов, концентрация информации и пользователей способствует увеличению риска шпионажа, манипуляции данными, краж корреспонденции и данных пользователей и пр. Распространение ресурсов е-коммерции повышает риск пользователя стать жертвой обманных схем, а также повышает вероятность воровства личной и финансовой информации пользователя (например, при помощи вредоносных программ).

Развитие ресурсов информации одновременно благоприятствует увеличению рисков защиты авторских прав и распространению противозаконных материалов.

Перспективы развития киберпреступности.

По данным экспертов в ближайшее время могут ожидать попытки вмешательства в деятельность атомных электростанций, влияние на технологии по переработке урана, киберпротесты, или "хактивизм" и др. В настоящее время около 75% компьютерных систем управления промышленными объектами (в том числе объекты водоснабжения, энергетические) связаны с Интернетом

том или сетями аналогичной архитектуры. Это означает потенциальную уязвимость этих систем ко всем опасностям, в том числе кибертеррористическим атакам. Ожидается дальнейшее распространение различных методов обмана пользователей киберсреды по поддельным предложениям о работе, фишинг-атаки на банки, платежные системы, интернет-магазины. В лаборатории Касперского специалисты предполагают, что преступность будет развиваться в следующих основных направлениях: во-первых резкие наступательные атаки на предпринимательскую - бизнес среду. При этом, возможен сценарий противостояния хакерских группировок, которыми руководить будут представители предпринимательской среды. Во-вторых, деятельность хакерских групп и специальных служб, контролирующих среду функционирования людей (коммуникацию, общение, сделки, хобби и т.д.) [10]. Бурное развитие высоких информационных технологий может определить то, что сферы контроля существенно расширятся. Это определяет острую потребность разработки стратегии борьбы с киберпреступностью.

Направления противодействия киберпреступности.

В Европоле разрабатывается система iOCTA (Internet Facilitated Organised Crime Treat Assessment), которая будет охватывать комплекс преступлений, совершаемых в интернете, в том числе сексуальное насилие, педофилия, террористическая деятельность, нападения на электронные сети, мошенничество и экономические преступления [11]. В настоящее время завершаются работы над системами Internet Crime Reporting Online System (ICROS) и Internet & Forensic Expert Forum (IFOREX). Эти системы будут предоставлять возможности централизованной координации и общих отчетов от различных полицейских национальных европейских ведомств.

В целях совершенствования кибербезопасности 10 ноября 2010 года парламент Латвии принял Закон о безопасности информационных технологий [12]. Разработка и принятие данного закона было связано директивой ЕС от 29 ноября 2009 года (2009/140/ЕК), Целью директивы является упорядочивание процедур, связанных с борьбой с киберугрозами в странах ЕС: в Интернете нет границ, однако в разных государствах Европейского союза действуют разные нормы и правила борьбы с происшествиями в виртуальной среде. Из-за этого международное сотрудничество в этой сфере затруднено, и этим пользуются киберпреступники. Закон Латвии, в соответствии с упомянутыми директивами, определяет минимальный уровень защиты IT-инфраструктуры и IT-систем государственных организаций и самоуправлений. Кроме того, он обязывает всех провайдеров (в том числе и частные компании) критической инфраструктуры и сервисов информировать координирующий центр обо всех инцидентах, связанных с безопасностью в виртуальной среде, то есть утечках данных, взломах и др. происшествиях. Он также обязывает их реагировать на запросы координирующего центра и сотрудничать с ним в разрешении инцидентов. В соответствии с законом, информационные технологии это технологии, которые для выполнения предусмотренных им заданий проводят электронную обработку информации, в том числе создание, удаление, хранение, изображение или переправления. Данный закон вступил в силу 1 февраля 2011 года. Латвийский закон о безопасности информационных технологий предусматривает создание единого координирующего центра, который обобщит информацию о происшествиях в Интернете, будет консультировать и просвещать участников рынка, а также сотрудничать с Государственной полицией в сфере борьбы с киберпреступлениями, Центр формируется на базе Института математики и информатики Латвийского университета (LUMI). Над ним, согласно нормам принятого закона, будет надзирать Национальный совет по IT-безопасности, который заменит ныне действующий Консультативный совет по вопросам безопасности отрасли электронной связи и информационных технологий. Сотрудники этой организации будут иметь доступ к государственной тайне. Специалисты отмечают, что создание такого координационного центра радует. Латвийские интернет-ресурсы очень активно используются организованными преступными группами и международными киберпреступниками, а также распространителями спама. Это наносит значительный материальный, интеллектуальный и моральный вред,

но имеющиеся системы обеспечения безопасности информационных технологий сделать ничего существенного не смогла. Существующая система не позволяет реагировать на них достаточно быстро и своевременно применять санкции. В Латвии достаточно широко распространены группы, занимающиеся компьютерными преступлениями. Нанесенный компаниям отрасли информационных технологий прямой ущерб от компьютерного пиратства в Латвии по итогам 2010 года составил 25 миллионов латов (50 млн долларов). Вместе с тем, указанные потери связаны и с недополученными доходами гораздо большего объема, который оценивается приблизительно в 50 миллионов латов (около 100 млн долларов) [13]. Создание такого центра позволит быстрее реагировать на нарушения. Необходимо также отметить, что 1 февраля 2011 года Кабинет Министров Латвии принял правила «О порядке планирования и реализации мероприятий по обеспечению безопасности информационных технологий критических инфраструктур» [14]. В соответствии с законом «О безопасности информационных технологий» критические инфраструктуры и в них входящие информационные технологии определяет Кабинет министров. Однако до настоящего времени подобные критические инфраструктуры в Латвии не определены. По сути критические инфраструктуры в Латвии определяет Бюро по защите Сатверсме (специальная служба по защите конституционного строя Латвии - БЗС), который информирует конкретное учреждение о его вхождении в перечень критических инфраструктур. Ответственное лицо в конкретной инфраструктуре, в соответствии с рекомендациями БЗС, разрабатывает меры по обеспечению безопасности структуры, определяет возможные риски, способы реагирования на возможные инциденты как и направления ликвидации возможных негативных последствий, восстановление нанесенного ущерба. В целом необходимо отметить, что как в мире, так и в Латвии вопросам обеспечения информационной безопасности уделяется достаточно большое внимание. Вместе с тем, действия криминальных структур, в том числе с использованием новых информационных технологий отличаются повышенной активностью и наступательностью.

Литература:

1. Информационная парадигма американских спецслужб после 11 сентября 2001 года // http://freelance4.narod.ru/inf_par_911.htm
2. 2011 год. Геополитический прогноз // <http://www.voanews.com/russian/news/2011-geopolitical-prognosis-2011-01-05-112936659.html>
3. Какие киберугрозы будут актуальны в 2011 году // <http://www.businessman.su/nodes/4355/>
4. Зона риска: российский бизнес недооценивает новые киберугрозы // <http://www.kaspersky.ru/news?id=207734094>
5. McAfee и Центр CSIS: пресечение деятельности киберпреступников может позитивно сказаться на мировой экономике <http://www.spbit.su/news/n166825>
6. Европол оценивает ущерб от хакеров в 750 миллиардов евро в год <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/detail/78172.html>
7. В Евросоюзе стремительно растет уровень киберпреступности // <http://www.webplaneta.de/articles.php?article=2221>
8. Электронные услуги принесли людям не только удобство, но и новые угрозы // <http://www.crime-research.ru/news/10.01.2011/7062/>
9. Киберпреступность в Латвии на подъеме//
10. <http://rus.delfi.lv/news/daily/criminal/kiberprestupnost-v-latvii-na-podeme.d?id=34729098>
11. В Латвии постоянно растет киберпреступность// <http://www.novonews.lv/index.php?mode=news&id=101989>
12. Кибермир и киберпреступность будущего: прогноз 2020// <http://rus.delfi.lv/news/technology/internet/kibermir-i-kiberprestupnost-buduschego-prognoz-2020.d?id=36520995>
13. Informācijas tehnoloģiju drošības likums// <http://www.likumi.lv/doc.php?id=220962>

14. П.Телеграфов. Компьютерные пираты обокрали Латвию на 25 млн//<http://www.telegraf.lv/news/kompyyuternye-piraty-obokralli-latviyu-na-25-mln>

15. Ministru kabineta noteikumi Nr. 100 no 2011.gada 1. februāra "Informācijas tehnoloģiju kritiskās infrastruktūras pasākumu plānošanas un īstenošanas kārtība//<http://www.likumi.lv/doc.php?id=225776>остью.

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ДЕЯНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 127.1
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**TO THE QUESTION OF SIDE OF THE OBJECTIVE ACT PROVIDED
BY ARTICLE 127.1 OF THE CRIMINAL CODE**

Галушкина Е.С.,
студентка 4 курса,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируется общественно-опасное деяние, связанное с торговлей людьми с позиции уголовного права. Определяется объективная сторона этого преступления, изучается дискуссия по этому поводу, представленная в юридической литературе.

Annotation. The article analyzes the socially dangerous act, connected with human trafficking from a position of criminal law. Determined by the objective side of the crime, study discussion on this subject presented in the legal literature.

Ключевые слова: объективная сторона преступления, торговля людьми.

Key words: the objective aspect of the crime, trafficking in human beings.

При квалификации любого преступления объективная сторона преступления играет важную роль.

Возникает много споров, относительно объективной стороны ст.127.1 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ). Согласно УК РФ «Торговля людьми», заключается в: «...купле-продаже человека, иных сделках в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве или получении».

Понятие «купли-продажи» в законе не раскрывается, оно относится к гражданскому праву. С учетом положений гражданского законодательства, разъясняющего бланкетное содержание диспозиции ч. 1 ст. 127.1 УК РФ: купля-продажа – это противозаконная, ничтожная сделка, при которой одна сторона (продавец) обязуется передать человека в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется его принять и уплатить за него определенную денежную сумму. В качестве эквивалента денежной суммы может выступать выгода имущественного характера [1.С.133].

Вербовка человека также является одним из действий, составляющих объективную сторону «торговли людьми». Так, вербовка – это своеобразная «сделка» между нанимателем и нанимающимся, по которой первая сторона обязуется предоставить какие-либо выгоды в обмен на участие вербуемого лица [2.С.44].

Существуют разные определения вербовки лица. Г.В. Овчинникова понимает под вербовкой действия по найму желающих стать предметом торга [3.С.241].

Ю.Е. Пудовочкин считает, что вербовка лица означает склонение человека к тому, чтобы он дал согласие на совершение с ним сделки [4.С.102].

В результате, вербовка воспринимается либо как получение согласия на выполнение какой-либо деятельности, либо как получение согласия потерпевшего на совершение с ним сделки. В результате чего, понятие «вербовка» является не полным и его необходимо дополнить.

Так, на наш взгляд, под вербовкой необходимо понимать действия, которые направлены на склонение лица к даче согласия на выполнение работ или оказание услуг (с помощью уговоров, обещания, обмана, шантажа, угрозы, принуждения), а также, на совершение сделки в отношении него, которое выражается в различных формах.

Перевозка людей в целях эксплуатации также одна из составляющих объективной стороны торговли людьми.

Существует два подхода к понятию перевозки относительно торговли людьми. Одни авторы понимают под перевозкой - транспортировку лица (потерпевшего) из одного места в другое (М.Ю. Буряк, А.И. Рарог и др.)

Другие авторы, понимают под перевозкой помимо перемещения, подготовительные действия, предшествующие перевозке, иными словами, организационные действия (Г.А. Пысина, Е.А. Кислова).

На наш взгляд необходимо согласиться с мнением М.Ю. Буряка и А.И. Рарога и под перевозкой понимать транспортировку потерпевшего из одного места в другое.

Передача людей является альтернативным признаком объективной стороны. Единого мнения относительно того, что именно законодатель вкладывает в понятие передача в ст. 127.1 УК РФ, не существует. Обычно передачу рассматривают неразрывно с другим действием, составляющим объективную сторону – получением. Там где есть сторона, что-либо передающая, следовательно, должна быть сторона, принимающая (получающая), иначе, акт передачи - получения не может состояться [1].

Поэтому на наш взгляд, в диспозиции статьи 127.1 УК РФ не обязательно указывать на такое деяние, как получение лица, которое по мнению законодателя является одним из составляющих объективную сторону торговли людьми.

Относительно укрывательства лица, существует два подхода. Сторонники первого подхода понимают укрывательство в узком смысле, ограничивая деятельность преступника лишь физическим сокрытием [5.С.202].

Второй подход выражается в широком понимании содержания укрывательства как сокрытия потерпевшего помимо его воли, совершаемое для недопущения обнаружения проданного человека правоохранительными органами, родственниками, близкими (например, посредством лишения документов, изменения внешности, медикаментозного подавления физической или психической активности потерпевшего) [6.С.45].

На наш взгляд, необходимо придерживаться позиции сторонников второго подхода, так как она отражает весь круг противоправных действий преступника, направленных на сокрытие потерпевшего от правоохранительных органов, родственников и других заинтересованных лиц.

В результате вышесказанного, можно сделать вывод, что существует много споров относительно объективной стороны торговли людьми. На наш взгляд, решить их можно только путем, дополнения (уточнения) диспозиции статьи 127.1 УК РФ. В частности, должно быть точно указано, что понимать под вербовкой, перевозкой, передачей, укрывательством человека. Это, несомненно, окажет помощь правоприменителям.

Литература:

1. Писарев Ю.А. Дискуссия об объективной стороне торговли людьми // Общество и право. - Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2009, № 3 (25).
2. Адельханян Р. Уголовная ответственность за вербовку наемников // Законность. 2002. № 1.
3. Овчинникова Г.В. Международно-правовые и уголовно-правовые аспекты противодействия торговли людьми // Прокурорская и следственная практика. 2005. № 3-4.
4. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за торговлю людьми по Российскому уголовному праву // Сравнительное конституционное право. 2007. № 3.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. М., 2004.
6. Кибальник А., Соломоненко И. Новые преступления против личной свободы // Российская юстиция. 2004. № 4.

ПРЕСТУПНОСТЬ, ДЕВИАНТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА. ТЕЗИСЫ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

CRIME, DEVIANCE AND SOCIAL CONTROL IN EPOCH OF POSTMODERN. THESES TO REFLECTIONS

Гилинский Я.И.,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Некоторые характеристики современной эпохи постмодерна (глобализация, виртуализация, консьюмеризм, релятивизм и др.) оказывают влияние на особенности преступности, девиантных проявлений и социального контроля. Так, происходит глобализация преступности, особенно организованной (торговля наркотиками, оружием, людьми); появляются киберпреступность и кибердевиантность; консьюмеризм мотивирует корыстные преступления и девиантность (проституция, гемблинг и др.). Традиционные средства социального контроля над девиантностью и преступностью неэффективны.

Annotation. some characteristics of a postmodern (globalization, virtualization, consumerism, relativism, etc.) have influence on features of crime, deviant behavior and social control. So, there is a globalization of the crime especially organized (drug trafficking, the weapon, human trafficking); there are a cybercrime and cyberdeviance; the consumerism motivates crimes for profit and deviance (prostitution, a gambling, etc.). Traditional means of social control over deviance and crime are inefficient.

Ключевые слова: преступность, девиантность, социальный контроль, постмодерн.

Keywords: crime, deviance, social control, postmodern.

Повторять в названии доклада название конференции не очень прилично. И все же я рискну. Пусть постмодерн послужит мне оправданием. С него и начнем.

Немного о постмодерне

Постмодернизм производит
опустошительное действие.

П. Бурдьё

Anything goes.

П. Фейерабенд

Понятие постмодерна неоднозначно понимается и в разное время, и в разных областях науки и искусства¹. Не вдаваясь в многочисленные дискуссии, попытаюсь обозначить наиболее значимые для криминологии / девиантологии характеристики современной эпохи постмодерна.

- *Глобализация всего и вся* - финансовых, транспортных, миграционных, технологических потоков. Одновременно формируется (очень медленно!) глобальное сознание, миропонимание. Соответственно осуществляется глобализация преступности и проявлений девиантности (наркотизм, проституция и др.). Как результат массовой миграции неизбежен «конфликт культур» (Т. Селлин) и цивилизаций со всеми вытекающими криминогенными (девиантогенными) последствиями.

¹ См., например: Жмуров Д.В. Криминология в эпоху постмодерна. В поисках новых ответов. Иркутск: БГУЭиП, 2012; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб: Алетейя, 1998; Социо-Логос постмодернизма. М.: ИЭС, 1996; Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб: Алеф-Пресс, 2012.

- «Виртуализация» жизнедеятельности. Современники шизофренически живут в реальном и киберпространстве. Без интернета, мобильных, смартфонов и прочих *IT* не мыслится существование. Происходит глобализация виртуализации и виртуализация глобализации. Как одно из следствий этого – киберпреступность.

- *Релятивизм/агностицизм*. История человечества и история науки приводят к отказу от постижения «истины». Очевидна *относительность* любого знания (включая криминологическое/ девиантологическое). «Есть много истин, нет Истины». «Принцип дополнительности» Н. Бора. *Полипарадигмальность*. «Постмодернизм утверждает принципиальный отказ от теорий»². Бессмысленна попытка «установления истины по делу» (уголовному, в частности).

- *Отказ от иллюзий* возможности построения «благополучного» общества («общества всеобщего благоденствия»). Мировые войны, Освенцим, Холокост, гитлеровские концлагеря и сталинский ГУЛАГ разрушили остаточные иллюзии по поводу человечества. А современность стремится лишь подтвердить самые худшие прогнозы антиутопий. «Мы» Е. Замятина, «1984» Дж. Оруэлла, «дивный новый мир» О. Хаксли, «Москва 2042» В. Войновича, «кошачий город» Лао Шэ оживают у нас на глазах... «Рабовладение – плохо, феодализм – плохо, социализм – плохо, капитализм – плохо...»³. Растет социально-экономическое неравенство, а с ним – криминальное и/или ретретистское девиантное поведение.

- *Власть* – всегда *насилие* (от М. Фуко до С. Жижека)⁴. Разочарование в демократии толкает население даже образцово демократических государств то вправо, то влево. Тем более, в странах с авторитарным/тоталитарным режимом. Отсюда «арабская весна», «цветные революции», «Оссиру Wall Street!», «Майдан». Продолжение не заставит себя долго ждать...

- *Критицизм* по отношению к модерну, власти, возможностям науки. Отрицание достижений Нового времени, модерна. Но что на смену?

- Восприятие мира в качестве *хаоса* - «постмодернистская чувствительность» (W. Welsch, Ж.-Ф. Лиотар). «Мы летим в самолете без экипажа в аэропорт, который еще не спроектирован» (З. Бауман).

- *Фрагментарность* мышления как отражение фрагментарности бытия.

- *Консюмеризация* сознания и жизнедеятельности⁵.

Преступность в эпоху постмодерна

Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно.

Э. Дюркгейм

Прежде всего, отметим постмодернистское релятивистское понимание преступности (и иных девиантных проявлений) как социального конструкта. «Преступность» и «преступления» не есть нечто объективное по содержанию, не онтологическая реальность, а субъективный конструкт, тво-

² Ядов В.А. Современная теоретическая социология. СПб: Интерсоцис, 2009, с.20.

³ Гилинский Я. Ultra pessimo, или Homo Sapiens как страшная ошибка природы... // URL: <http://crimpravo.ru/blog/3112.html#cut> ; <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/homo-sapiens-kak-strashnaya-oshibka-prirody> (дата обращения 25.03.2014).

⁴ См. также: Гилинский Я. Социальное насилие. Монография. СПб: Алеф-Пресс, 2013.

⁵ Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гилинский, Т. Шипунова. СПб: Алеф-Пресс, 2012; Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб ГУ, 2008;

римый законодателем по воле власти, режима и поддерживаемый провластными структурами и СМИ⁶.

Можно назвать несколько тенденций преступности в современном мире постмодерна (не претендуя ни на «истину», ни на полноту представлений).

- Как уже упоминалось, *глобализация* преступности, особенно ее организованной составляющей (торговля наркотиками, оружием, людьми, человеческими органами).

- «*Преступления ненависти*» как проявление ксенофобии на основе (а) взаимопроникновения культур в процессе массовой миграции и (б) политики «разделяй и властвуй» некоторых правящих режимов.

- «*Гуманизация преступности*» (В.В. Лунеев): относительное сокращение доли насильственной преступности во всем мире при относительном росте корыстной. Возможно – как результат «консьюмеризации» преступности.

- С конца 1990-х – начала 2000-х годов во всем мире наблюдается тенденция *сокращения объема и уровня преступности* и большинства ее видов. Имеется несколько гипотез, пытающихся объяснить этот феномен, тем более неожиданный, что сохраняются основные криминогенные факторы, включая экономическое неравенство. Назову здесь только мои личные гипотезы. Во-первых, преступность, как сложное социальное явление развивается по своим собственным законам, не очень оглядываясь на полицию и уголовную юстицию, и, как большинство социальных процессов, – волнообразно⁷ (напомню, что с начала 1950-х - до конца 1990-х преступность росла во всем мире). Во-вторых, большую часть зарегистрированной преступности составляет «уличная преступность» (*street crime*) - преступления против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, собственности. «Беловоротничковая преступность» (*white-collar crime*) занимает небольшую часть зарегистрированной преступности. А основные субъекты «уличной преступности» - подростки и молодежь, которые в последние десятилетия «ушли» в виртуальный мир интернета. Там они встречаются, любят, дружат, ненавидят, стреляют, убивают, совершают мошеннические действия и т.п., удовлетворяя - осознанно или нет – потребность в самоутверждении, самореализации. В-третьих, возможно имеет место «переструктуризация» преступности, когда «обычную» преступность теснят малоизученные и почти не регистрируемые, высоколатентные виды преступлений эпохи постмодерна, в частности, киберпреступность.

- Развитие *киберпреступности*, недостаточно изученной и высоколатентной.
- Высокая степень *коррупции*, особенно в «развивающихся» странах.

Постмодернистская девиантность

Феномен девиации – интегральное
будущее общества

P. Higgins, R. Butler

Основные тенденции девиантных проявлений в эпоху постмодерна.

- *Глобализация* некоторых видов девиантности (наркопотребление, проституция, гэмблинг и др.).

⁶ Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс. 2009, с.34-46; Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp. 179-337.

⁷ См., например: Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992.

- Рост *корыстной девиантности* (от краж и мошенничества до экономической и должностной преступности, коррупции, слияния организованной преступности с white-collar crime), как результат *консюмеризации* бытия и сознания. «Все на продажу», «разве я этого не достойна?», жить «не хуже других» и т.п. лозунги, отражающие массовое мировосприятие. Отсюда, ответ девушки-крупье одного из бывших петербургских казино на попытку устыдить ее за хищение: «Стыдно? Да я за деньги мать родную убью!». Отсюда, американская 11-летняя девочка, выставившая в интернете на продажу свою бабушку...

- *Ретренистские* формы девиантности (алкоголизация, наркотизация, суицид), как реакция исключенных (*excluded*) на рост социально-экономического неравенства, сокращение вертикальной мобильности, безысходности существования.

- Повышение роли и значения *позитивных девиаций* – творчества (технического, научного, художественного и др.), как реакции на динамичность, мобильность постмодерна, запрос на бесконечно расширяющиеся возможности самоутверждения, самореализации при реальной ограниченности средств («напряженность» Р. Мертона).

- *Кибердевиантность*⁸.

Социальный контроль в эпоху постмодерна

Основа закона есть ни что
иное как произвол.

Б. Паскаль

Следует отказаться от надежд,
связанный с иллюзией контроля.

Н. Луман

Все попытки архаики и модерна установить в обществе «порядок», существенно ограничив негативные девиации, окончились – как и следовало ожидать – провалом. Хаос и порядок, «норма» и «аномалия» (отклонения), «прогресс» и «регресс», энтропия и негэнтропия – неразрывно связаны, дополнительны (Н. Бор). Без отклонений (*clinamen*) «ничего никогда породить не могла бы природа» (Лукреций).

Без негативных девиаций, включая преступность, не было бы и позитивных девиаций – творчества. Как известно, лишь «на кладбище всё спокойненько».

Гипотетически существует «баланс социальной активности» (Я. Гилинский). И тогда лучший способ сокращения негативных девиаций – обеспечение возможности развития девиаций позитивных, творчества.

Неэффективность (более того, *минусовая*, отрицательная эффективность!) наказания хорошо известна. «Кризис наказания» вполне осознан в эпоху постмодерна⁹. В частности, «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто "не видит" чем ее заменить. Она – отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись»¹⁰. Да, пока не обойтись. Но стремиться к этому нужно.

⁸ Humphrey J. Deviant Behavior. Prentice Hall, 2006. Chapter 13. Cyberdeviance (pp.272-295).

⁹ Обзор в: Гилинский Я. Криминология (2009), с.404-410; Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб: Алеф-Пресс. 2013, с.522-556.

¹⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Указ. соч. С.339.

В этом отношении весьма креативна мысль «культуральной криминологии» о том, что не только *преступность есть порождение культуры* данного общества, но и *средства, методы социального контроля* над ней¹¹. Поэтому, очевидно, есть тюрьмы Норвегии, Швеции, Финляндии и есть колонии России; отменена смертная казнь в европейских странах, но она сохраняется в США, и ежегодно тысячами казнят в Китае.

Мировая криминология ломает голову над тем, как минимизировать негативные для общества последствия наказания. Лишь в некоторых отдельных изолированных государствах сохраняется надежда на «усиление наказаний», как панацею...

Заключение

Мы живем в совершенно новом мире, в совершенно новой реальности. Это плохо осознается (или совсем не осознается) большинством населения нашего единого, но фрагментарного мира. Хуже (и опаснее) того, - это не понимается правителями, властями (и не только российскими).

У нас есть неограниченные возможности (за несколько часов переместиться в любую точку планеты; поболтать в скайпе с приятелем, находящимся в Австралии или Японии; молниеносно отреагировать на любую новость, высказавшись - «на весь свет» - в интернете) и неограниченные риски – до тотального самоуничтожения - *омницида*... *Общество постмодерна есть общество возможностей и рисков* (вспомним У. Бека).

Мы традиционно стремимся к «порядку», к запретам «плохого» – где ничего нельзя запретить (в интернете!), и к «усилению наказаний», как «средству» уменьшить «плохое», порождая, в действительности, «худшее», ибо наказание еще никого никогда не «исправило» и не «перевоспитало».¹²

При этом мы ничего не делаем для расширения Свободы – творчества, инноваций, инакомыслия (*Freiheit zum Andersdenken!*) и инакодействий, как единственной альтернативы негативным девиациям, включая преступность.

Когда же постмодернизм вразумит нас? И не будет ли это слишком поздно?

¹¹ Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008; Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford University Press, 2003.

¹² Подробнее см.: Гилинский Я.И. Что же делать с преступностью? // Российский криминологический взгляд. 2013. №3; Гилинский Я.И. Уголовное право: возможности и пределы // Российский криминологический взгляд. 2011, №1.

**ЭССЕ О СВОБОДЕ (И О МНОГИХ ДРУГИХ,
СТОЛЬ ЖЕ БЕСПОЛЕЗНЫХ ДЛЯ КОМФОРТНОЙ ЖИЗНИ¹, ВЕЩАХ)
AN ESSAY ABOUT FREEDOM (AND OTHER THINGS, AS UNNECESSARY
FOR A COMFORTABLE WAY OF LIVING, AS FREEDOM)**

Валентин Гольберт,

Катерина Коханская,

Транссибирский железнодорожный институт, Чита

Всё будет хуже...

Я.И. Гилинский

Annotation. The authors express themselves very skeptical about some popular concepts that implicitly suggest an “emancipation of mankind” (globalization, reflexive modernity etc.). They consider that there is no, and there could be no real freedom under the conditions of capitalism and market society. As far as is believed (and preached) that there is no alternative to these arrangements, any hope on emancipation remains an illusion, as well as any promise of it - a (self-) deception.

Ключевые слова: свобода, общество потребления, рефлексивный модерн, парадокс демократии, организация, дезорганизация

Keywords: freedom, the consumer society, reflexive modern, democracy paradox, organization/disorganization

УВЕРТЮРА

Попытаемся задаться вопросом, столь же наивным и ненужным, как и вопрос о смысле жизни. Становится ли человечество свободнее в процессе своего существования?² Ограничим временные и пространственные рамки наших рассуждений, иначе перед нами возникнет слишком сложная и неоднозначная картина: шаг вперёд, два шага назад, и так с момента возникновения человеческого рода по наши дни. А в пространстве – не лишено оснований предположение, что какие-то части человечества становятся свободнее (или, по крайней мере, богаче) именно за счёт того, что другие части становятся несчастнее (или, по крайней мере, беднее). Так устроен существующий экономический порядок.

Возьмём, в качестве предмета рассмотрения, последнее столетие и «передовой отряд человечества» страны, которые принято было по недоразумению называть «западными». С появлением юго-восточных тигров определение их как «западные» можно считать окончательно устаревшим; будем, вместо этого, говорить о «золотом миллиарде». Понятие тоже не очень удачное, поскольку миллиард может бесконечно сокращаться (расширяться – вряд ли), но, по крайней мере, каждому станет понятно, о чём идёт речь.³

¹ И даже отчасти несовместимых с нею, следовало бы добавить для более точной характеристики отношений между свободой и комфортом: свобода и, особенно, размышления о ней вызывают эректильные дисфункции у мужчин и аноргазмию у женщин, нарушения пищеварительных и выделительных функций у тех и других, отвлекают от зарабатывания и воровства денег как главной предпосылки комфортной жизни.

² От употребления терминов «прогресс» или «развитие» сознательно воздержимся, поскольку они уже содержат частичный ответ на поставленный вопрос, если только не понимать под «прогрессом» техническое усовершенствование, а под развитием - усложнение.

³ Не будем строить догадки относительно субстанции, из которой состоят прочие, «незолотые», миллиарды, дабы не нарушить ненароком новейшего законодательства, направленного на очищение, в частности, печатных работ от непечатной лексики. Такая мелкая (и не бог весть какая умная) забота законодателя о нас и чистоте наших дискурсов – а ведь приятно, чёрт побери! Ой, извините, если слово «чёрт» тоже нельзя – вырвалось нечаянно, в приливе, так сказать, восторга от законодательной заботы.

И, давайте, в первом приближении, ответим на первый вопрос утвердительно: только слепой либо впавший в глухую депрессию скептик может усомниться в том, что «золотой миллиард» живёт свободнее, нежели жил столетие тому назад. Есть вещи самоочевидные, вроде ограничения полицейского произвола государственной власти возникающими и укрепляющими свои позиции устоями правового государства. Это, безусловно, расширяет свободу граждан. Хотя процесс протекает не вполне равномерно – на границах Евросоюза либо США и Мексики ограничение полицейского произвола ощущается значительно слабее, нежели в центральных областях, но, в целом, баланс положительный. Возьмём другое измерение свободы – свободу от нужды, лишений, страха за жизнь и здоровье своё и своих близких. В периоды мировых войн и революционных потрясений о таких свободах, конечно, смешно было и говорить. Но вот, в итоге, похоже, на горьком опыте XX столетия «золотой миллиард», похоже, научился всё-таки тому, что надо жить мирно и дружно, по крайней мере между собой. Свобода от нужды распределяется также несколько неравномерно, в прямой корреляции с уровнем экономического благосостояния отдельных граждан и социальных слоёв, но в целом, баланс здесь также будет положительным. Китайцы в массе своей («золотые миллиарды» будущего, грозящие выдавить нынешние в ту субстанцию, из которой сами состоят в настоящем) на сегодняшний день гораздо свободнее от нужды, нежели были полстолетия назад.

Однако, относительно свободы от нужды возникает более фундаментальное сомнение. Несвободен голодный человек, лишённый средств, чтобы купить булку. А как быть с тем, которому реклама, образцы потребительского поведения соседей по кварталу, любящая супруга прочно вбили в голову, что жизнь его – ничто, и он – неудачник, если у него нет вертолёт? А на вертолёт ему недостаёт средств также, как и тому, первому, которому не на что купить булку. Намного ли второй свободнее первого? Не пожирается ли новая свобода от нужды, по крайней мере в значительной части своей, ростом потребительских запросов, взращивание которых, согласно гуру современного менеджмента и маркетинга, является основной функцией экономической организации? Ответ очевиден – чем больше нам надо от общества, тем менее мы свободны, и самым свободным человеком во всей истории был живший в бочке Диоген Синопский.⁴ Но к вопросу соотношения экономического порядка общества и свободы нам ещё обязательно предстоит вернуться.

Возрастает свобода не только от нужды и полицейского произвола. Приверженцы концепции глобализации также без труда докажут, что расширяется свобода передвижений почти по всей территории земного шара. И даже, если передвигаться лень – оставаясь на месте, мы стали свободнее от локальных ограничений в выборе места отдыха, продуктов питания, стиля одежды и жизни в целом. Только вот эти варианты свободы распределены слишком уж и очевидно неравномерно даже среди представителей «золотого миллиарда». Опять же, капитал передвигается слишком уж даже свободно, мечась по земному шару в поисках более высокой нормы прибыли (и более низких социальных и экологических стандартов, издержек на оплату труда, налогообложения, лежащих на него невыносимым бременем), полностью игнорируя в этих отчаянных метаниях национальные границы. Для рабочей же силы, в её поиске рабочих мест вообще, таковых с более высокими стандартами оплаты труда в частности, предусмотрена отнюдь не идентичная степень вольности в отношении к этим самым границам.

Мы стали свободнее экзистенциально, скажут вам теоретики рефлексивного модерна. Ранее мы неуклонно следовали предписаниям традиции. Мы кушали то и так, что и как кушал наш папа, а до него – дедушка. Мы молились тому и таким образом, кому и каким образом молился наш папа, а до него – дедушка. Мы профессионально занимались тем и так, чем и как занимался наш папа, а до него – дедушка. Мы одевались, общались, женились... ну и так далее. Теперь мы вольны («рефлексивно») выбирать всё это. Более того, рефлексивный модерн освободил нас от совсем уж, казалось бы, неодолимых императивов анатомического строения нашего тела. Ранее, нам всю жизнь прихо-

⁴ Он же был одним из умнейших, на фоне чего становится видна вся дикая нелепость «ультимативного» вопроса: «если ты такой умный, то почему ты не богатый?».

дилось влачить, порой ненавистную, гендерную идентичность, определённую нашими анатомическими данностями. Теперь же – о, счастье, мы вольны выбирать, быть ли нам мужчиной или женщиной! А можно ведь и так: не понравилось мужчиной, стал снова женщиной. А прогресс в медицинской области обеспечил нам ещё, сверх того, и возможность, поменять эти анатомические данности. Вот только – не слишком ли много приходится выбирать? Не слишком ли приходится напрягать свою «рефлексию»?

Целый хор социологов (с Норбертом Элиасом в качестве дирижёра) убеждает нас, что мы последовательно освобождаемся от власти своих аффектов. Мы делаем всё не под давлением гнева, ярости, ревности (но и – симпатии, влечения, привязанности?), а по рациональным соображениям. Расширение ли это свободы – из-под власти чувств перейти под власть рассудка? Можно ли поставить знак тождества между рационализацией и расширением свободы? Характеристика Максом Вебером бюрократии как воплощения организационной рациональности даёт все основания, в этом усомниться. Можно ли брак по расчёту считать результатом более свободного решения, нежели брак по любви? Подчиняться силе аргумента в рациональном дискурсе, конечно, приятнее, чем подчиняться силовому принуждению – но слово «подчиняться» коварным образом остаётся на своём месте. Ну и наконец, теоретики постмодерна нашли в себе смелость оспорить постулаты даже таких авторитетов, как Тэлкотт Парсонс, о рационализации человеческого мышления и поведения в ходе прогресса человеческого общества (локомотивом и передовым отрядом которого является, конечно же, вне всякого сомнения, родина великого социолога).

Но вот нашёлся мудрец, громогласно заявивший, что всемирно-историческая схватка добра со злом закончилась. Свобода восторжествовала во всемирном масштабе – история сделала своё дело, обеспечив победу свободы, и на этом закончилась. Заявление это было сделано явно в состоянии эйфории (или белой горячки), вызванной восторгом (или опьянением) от факта крушения социалистического блока. Конечно, некоторые мелкие изъяны ещё подлежат исправлению, но, в целом, свобода победила в базовых сферах общественного устройства – в политике и экономике. Подобного бреда автору не доводилось читать даже в самых низкопробных и узколобых учебниках по научному коммунизму в период развитого социализма. Там утверждалось, что исторический процесс наверняка, с всемирной победой коммунизма, закончится. Но констатировать факт завершения истории – для этого нужна слишком уж большая смелость, не просто граничащая с безрассудством, а глубоко вторгающаяся в его пределы. На такое безрассудство идеологи коммунизма были неспособны. Слишком уж они были несвободны от подчинения правилам ведения рационального дискурса.

Впрочем, Фрэнсис Фукуяма вынужден был признать свою опрометчивость, когда обнаружил, что в мире есть Талибан и Аль-Каида. Возникает лишь вопрос, зачем ему надо было глядеть так далеко, не достаточно ли было бы на своей (второй) американской родине бросить взгляд на состояния и отношения, царящие в некоторых гетто (no-go-areas) – состояния и отношения, столь далёкие от идеалов свободы, торжество которых он провозгласил? Или же, в которых свобода реализует себя в формах, напоминающих гоббсовское описание естественных состояний войны всех против всех – или такого рода состояния также признаются признаком конца истории и торжества свободы, в виде одного из специфических её вариантов? Не достаточно ли было узнать, какие массы населения на его (второй) родине, в богатейшей стране мира, несвободны от нужды в элементарных материальных благах?

О СВОБОДЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

Но, всё-таки, в политической сфере свобода восторжествовала. В виде конкурентной демократии. Некоторые злопыхатели, правда, сравнивают её со свободой выбора одного из двух путей, ведущих в одно и то же болото. Но, тем не менее, граждане могут всё-таки выбирать более симпа-

тичного из тех, в чьей компании предстоит идти к зловонной жиже – будет это Ньют Гингрич или, скажем, Барак Обама.

Хотя, отношения между демократией и свободой отнюдь не так просты и гармоничны, как это мы стараемся себе представить (или нам стараются представить). Напротив, они полны противоречий и парадоксов. Один из них можно обозначить как «ловушку легитимности». Если редуцировать понятие демократии до самой её основы, а не разбирать по косточкам и раскладывать по полочкам «демократические права и свободы», то эта основа предстанет перед нами как свобода выбора – выбора тех, кто будет нами управлять определённый период времени. На этом, *good bye свобода, I hope, I will see you again*, на следующих выборах. Между выборами, участвовать в акциях гражданского протеста и т.п. всё равно ведь будет некогда – деньги надо зарабатывать. Полагаться, что избранные будут следовать в своём правлении воле избравших (дабы быть переизбранными, либо из чувства ответственности и благодарности, либо из каких-либо иных, одним теоретикам демократии ведомым, соображениям) – слишком наивное и вольное допущение. А ну как они будут использовать отпущенное им время скорее для того, чтобы поплотнее набить свою кошелек? Российская действительность показывает, что это более, чем возможно, а процессуальные принципы и процедуры демократии соблюдаются на данный момент в России довольно-таки безупречно. Но «ловушка легитимности» состоит не в этом. Свою основную демократическую свободу мы можем реализовать лишь в момент выбора – реализовавшись, она себя исчерпала. А в последующем? Если бы нами управляли случайные лица, попавшие к власти в силу монархического происхождения, волею судеб либо просто стечения обстоятельств, мы бы имели прочную внутреннюю моральную основу для саботажа, неповиновения, сопротивления – чего ради мы должны беспрекословно подчиняться решениям тех, кто правит нами на непонятных основаниях. Следует оговориться, что для верующих весомым аргументом является, конечно постулат божественного происхождения земной власти; а также, что при отсутствии внутренних оснований для подчинения остаётся достаточное количество внешних – неповиновение более или менее сурово карается. Однако, избрав своих представителей, **мы теряем и внутренние основы для сопротивления, саботажа, неповиновения**, поскольку, даже будучи несогласными с решениями избранных, вынуждены отдавать себе отчёт в том, что сами их избрали (или, по крайней мере, большинство из нас их избрало). Остаются лишь куцые возможности для проявления своего гражданского несогласия в рамках, предусмотренных законом. Добавление к большевистскому принципу демократического централизма большей или меньшей толики автономии на нижних уровнях власти, разграничение компетенций центральных, региональных и муниципальных властей мало что меняет в данном отношении. Политика и в демократических формах своего проявления выполняет свою основную функцию, как её понимал Никлас Луман, – обеспечивает возможность для принятия решений, обязательных для исполнения всеми. До наших прав и свобод ей особого дела нет, равным образом, как и до того, принимаются ли решения, обязательные для общего исполнения, в общих интересах.

Другой парадокс так и именуется – парадокс демократии. Имеется в виду теоретически возможное, а порой практически возникающее противоречие между процессуальными и материальными её основами. Поясним на простом примере. Материальные основы демократии закреплены в Конституции, и к ним относятся, как известно, определённые права меньшинств разного рода на самовыражение. А процессуальные основы реализуются в демократическом процессе, суть которого сводится к тому, чтобы в политических решениях находило максимально возможное воплощение воля демократического суверена – граждан того или иного национального сообщества. Ну а если эта воля требует, чтобы права меньшинств на самовыражение урезались и подавлялись, или, более того, преследования каких-либо меньшинств? В таком случае, эта воля исполняется – и соблюдаются процессуальные основы демократии, но нарушаются материальные её принципы (как в случае с законодательством, запрещающим пропаганду гомосексуализма в современной России, либо с преследованием евреев в Германии в 1930-е годы). Либо же воля суверена игнорируется, чем наруша-

ются процессуальные основы демократии, зато остаются неприкосновенными материальные её основы (как с неприменением смертной казни в современной России).

Чтобы парадокс демократии не проявил себя в явно разрушительных для неё формах и масштабах, требуются некоторые предпосылки. К таким предпосылкам относятся высокий уровень материального благосостояния с перспективой его повышения (или, хотя бы, сохранения), а также достаточно сильная социальная политика. В этих условиях, демократический суверен не склонен требовать радикальных политических решений, задевающих основы материальной демократии. В кризисных условиях (а современная экономика устроена так, что периоды подъёма неизбежно перемежаются с периодами рецессии) противоречие между материальными и процессуальными основами демократии актуализируется и обостряется. Падение уровня благосостояния, либо же особенно, воспринимаемая угроза такого падения приводит к радикализации воли демократического суверена: он начинает требовать «твёрдой руки» и решительных действий по наведению порядка, включая ограничение демократических прав и свобод. Логику в представлениях о взаимосвязи между радикальными политическими мерами и восстановлением утраченного материального благополучия (предотвращением его падения) искать бессмысленно, поскольку мы имеем дело с кризисным, воспалённым, напряжённым общественным сознанием. Адольф Гитлер пришёл к власти в рамках демократического процесса, хотя и с помощью замысловатой процедуры «уполномочивания» фюрера демократически избранным президентом Паулем фон Гиндебургом. Эта передача полномочий была горячо поддержана широкими народными массами, в особенности средним классом и классом собственников (воля «демократического суверена» восторжествовала, в полном соответствии с принципами процессуальной демократии). Результатом явился тотальный демонтаж материальных, а затем и собственно процессуальных основ демократии. Здесь мы видим крайний, наиболее яркий пример воплощения в жизнь парадокса демократии – того, как демократия при определённых условиях может разрушить саму себя. Возникает очень нехорошее предположение – так называемые развитые страны «грабили» (и по сию пору грабят иными средствами) остальное человечество, помимо прочего, во имя святой цели – создания и поддержания у себя материальных предпосылок демократии и нейтрализации проявления её парадоксов.

Так что, в отношении демократии как предпосылки и формы осуществления политической свободы нам остаётся утешать себя лишь очередной глупостью, которую некогда высказал британский политический деятель Уинстон Черчилль: «Демократия – ужасная вещь, но ничего лучшего человечество до сих пор не придумало». Ничего не остаётся, кроме как поставить крайне низкую оценку мозговому потенциалу этого самого человечества. В научно-технической области оно преуспело, слов нет: изобрело поезда и самолёты, мобильные телефоны и компьютеры, водородную бомбу и газ Циклон Б. В устройстве же собственной жизни, оно оказалось способным изобрести лишь явные гадости (охоту на ведьм, Холокост, Гулаг) либо же полугадости (рыночную экономику и демократию), которые порой служат предпосылкой для перехода к полным гадостям. Ну, правда, человечество преуспело ещё в самоубеждении, что эти полугадости – наивысшее достижение самоорганизации человеческого общества (это самоубеждение просто необходимо для поддержания нарциссических мифов о том, что человек – царь природы, венец творения и подобие божие). Ну, не подобие божие, в результате секуляризации вера в это как-то потускнела и утратила значение, но зато ведь – изобрёл демократию! И рыночную экономику! (В другие времена в другом месте говорили – плановую экономику! Руководящую и направляющую роль Коммунистической партии!) Чем всё это не утешение для людей, утративших в собственных глазах статус божьего подобия!

Так что, с политической свободой дела у нас обстоят неважно. С умом – тоже. Когда мы ниже убедимся, что и с экономической свободой, дела обстоят не лучшим образом, совсем жить расхочется...

НЕМНОЖКО ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕОРГАНИЗАЦИИ

Но если свободы и не становится больше, то, по крайней мере, увеличивается степень порядка, организации, негэнтропии? Так, по крайней мере, утверждает профессор Я.И. Гилинский, комментируя возросшую организованность преступности в России в 1990-е годы. Организация преступности, дескать, является частным проявлением и симптомом всемирно-исторического процесса всеобщей организации.

Но и здесь, боимся, мы вынуждены вас огорчить. Организация в обществе, социальной жизни вовсе не преобладает над дезорганизацией и нисколько её не вытесняет. Это, впрочем, было бы и крайне нежелательным, поскольку в итоге победы (либо, хотя бы, доминирования) организационного начала над дезорганизационным мы бы в итоге пришли к гипертоталитарному обществу, напоминающему мрачную оруэлловскую антиутопию, или такие формы организации в животном мире, как муравейники и пчелиные ульи. В таком обществе не было бы ни намёка на свободу, равным образом, как и на возможности дальнейшего развития. Но вот хотя бы насчёт этого можно успокоиться и вздохнуть с облегчением – организация, как бич и благо человеческого рода, протекает рядом и на равных правах с дезорганизацией (также бичом и благом). Отношения между этими двумя процессами определить очень трудно – эти отношения сложные, то есть «сложены» из множества разнородных элементов и проявлений. Здесь и борьба, взаимное исключение и вытеснение, несоответствие и несовместимость. И единство, сладкая гармония, взаимная обусловленность, парадоксальность (переход организации в дезорганизацию и *vice versa*). И амбивалентность, то есть отношения прямой и, одновременно, обратной зависимости. Преобладает же взаимное равнодушие – организационные и дезорганизационные процессы протекают параллельно и независимо друг от друга, не соприкасаясь и не состоя друг с другом ни в каком отношении, доброго ли, худого ли характера.⁵

Приняв в 1990-х годах возрастающую организованность преступности за проявление всеобщего, всемирно-исторического процесса последовательной организации, Я.И. Гилинский упустил из виду параллельные процессы дезорганизации государства, экономики, культуры в целом. Что несколько удивляет, поскольку он сам же предлагает многократные красочные описания этих процессов и весьма глубокие к ним комментарии. Преступность, очевидно, может выживать и сосуществовать с хорошо организованным государством и его полицией, только используя преимущества дезорганизованных форм перед организованными. К этим преимуществам относятся гибкость, подвижность, адаптивность, неуловимость: отсутствие территориальных ограничений и привязок, по которым её «можно вычислить» и локализовать с целью дальнейшей нейтрализации. Дезорганизованность позволяет преступности возникать ниоткуда и исчезать в никуда; она не находится перед силами правопорядка, образуя подобие фронта, а появляется то сзади, то сбоку, то снизу, то сверху. Да хотя бы, что совсем уж просто, она не имеет такого внешнего признака «высокой организованности», как униформа, позволяющая идентифицировать «врага» и отличать его от «своих» либо «нейтральных». Ещё один признак дезорганизованности – отсутствие элементарных системных свойств, таких как целостности и взаимосвязанности элементов, способности к поддержанию границ с внешней средой (обществом, населением), из которого преступность не может и не стремиться выделиться.⁶ Более того, она усиленно стирает грани между собою и противостоящими ей силами: используя инструмент коррупции, она легко и гораздо успешнее, чем военная разведка, проникает в стан врага, дезорганизуя его и расширяя тем самым пространство для собственной организации.

⁵ Эти отношения характеризуются также научным понятием контингентности. Это означает, что они могут являться, но не всегда являются отношениями борьбы. Могут, но не всегда являются отношениями единства, взаимной обусловленности. Могут, но не всегда являются отношениями взаимной иррелевантности. В целом, вопрос об отношениях организации и дезорганизации – слишком ёмкий, чтобы быть здесь рассмотренным в сколько-нибудь удовлетворительном виде и степени.

⁶ Профессор Д. А. Ли явно заблуждается в переоценке системных свойств преступности; но ему уж, как инквизиторам нравилось во всём видеть происки дьявола, очень нравится везде и во всём видеть систему.

Преступность, особенно предпринимательской и политической ориентации, организуется лишь постольку, поскольку дезорганизуется и оказывается не полностью способным к выполнению своих функций государство. Возникающий «функциональный» вакуум тут же и заполняют собой семи-, квази- и псевдоорганизованные формы преступности, представленные обычно сетями, состоящими из автономных, анонимных, не состоящих друг с другом в каких-либо определённых, устойчивых отношениях координации и субординации ячеек.⁷ Далее этого дело не идёт, за исключением ситуаций гражданской войны, революции и так называемых “failed states” (несостоятельное государство),⁸ когда наполовину дезорганизованное государства противостоит наполовину организованному силам, бросающим ему открытый вызов, оспаривающим его суверенитет и пытающимся вырвать из его рук монополию на легитимное применение насилия. Если это удастся, бывшие полуорганизованные преступные силы организуются до конца, легитимируются, легализуются, бюрократизируются.⁹ И, конечно, перестают быть преступными – теперь уж им принадлежит монополия на применение «дефиниционного насилия», включая прерогативу, определять, что преступно, и кто преступен. Даже в том случае, когда государство нарушает не только «естественные права человека», но и самим же собой установленные законы, оно не склонно определять себя как преступную организацию.¹⁰ Так могут определить его некоторые профессора криминологии, например, Д.А. Шестаков, использующий понятия «преступного государства» и «преступного закона». Увы, он не располагает соответствующей «дефиниционной властью», и результаты его «криминализации государств и законов от собственного имени» (нет, с позиций разума и справедливости, «объективной» науки и «общечеловеческой» морали, конечно), принимаются к сведению лишь его единомышленниками, но (ещё раз «увы») – «узок их круг, страшно далеки они от народа. К исполнению они не принимаются никем.

О СВОБОДЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

Перейдём же теперь к эмансипации в экономической области. Уж здесь-то мы наблюдаем полный триумф свободы. Здесь свобода тождественна рыночным отношениям («рынок – это оптимальным образом организованная свобода», как выразился один очень умный комментатор). Но при более пристальном рассмотрении и здесь, как и с демократией, дело обстоит весьма сложным и неоднозначным образом (проклятая сложность!).

Как известно, экономику можно понимать в субстанциальном и в формальном смысле. С субстанциальной точки зрения, экономика в сильном упрощении предстаёт как сфера деятельности, обеспечивающая общество товарами и услугами, удовлетворяющей материальные потребности общества в процессе воздействия на физическую и социальную среду обитания. Если экономику

⁷ Государство всегда и везде, включая случаи так называемых «тоталитарных режимов», в разной степени «несколько дезорганизовано и неспособно к полному выполнению своих функций». Поэтому всегда и везде остаётся большее или меньшее пространство для существования полуорганизованных и рудиментарно организованных форм преступности, включающих российский «воровской мир» с его понятиями, авторитетами и «общаком».

⁸ То есть ситуациях, в которых живёт («выживает») примерно половина населения земного шара.

⁹ Этот выход на уровень полной организации и принятие на себя государственных функций (и ответственности) удаётся далеко не всегда. Примером может послужить явная неспособность к этому чеченских боевиков, проявленная ими в период после заключения Хасавюртского соглашения в 1996 году. Также и силы, приведённые к власти в ряде арабских стран при идеологической, ресурсной и прямой военной поддержке США (в иных случаях, скажем, с аннексией Крыма, бурно протестующих против попрания международного права и вмешательства во внутренние дела - «в чужих глазах соринку видим...»), оказались способными, разрушить прежний порядок, но не построить новый.

¹⁰ Мнение же на этот счёт «международного сообщества», представленного, в частности, Советом безопасности ООН и Гаагским трибуналом, не имеет особого значения, если это мнение не подкреплено активной позицией и действиями другого, более сильного национального государства. Для навязывания своих вариантов определения ситуации и различения между «преступным» и «непреступным» международное сообщество, увы, ещё слишком слабо организовано (не обладает системным свойством целостности, единства взаимосвязанных элементов).

понимать таким образом, то она, несомненно, сделала человеческий род (по крайней мере, «золотой миллиард») более свободным, расширив свободу большинства его представителей от материальной нужды. Опять же, можно представить себе, что прирост производимых благ, так или иначе, превышает прирост потребности в них, что в общем итоге и даст эффект общего прироста свободы.

Совсем иным образом дело обстоит, если мы рассматриваем экономку с формальной точки зрения. Весьма правдоподобным представляется мнение Карла Полаanyi, что на протяжении последних двух столетий формальное понимание экономики утвердилось не только на страницах учебников по экономической теории, а и в реальной жизни, в образцах и стереотипах экономического мышления и действия.¹¹ Согласно формальной концепции, экономика – это сфера деятельности, направленной на максимизацию: извлекаемой прибыли на стороне производителя, получаемой полезности на стороне потребителя. «Максимизаторская» экономика обособилась от общества и превратилась в некий перманентный процесс самоудовлетворения, целью и смыслом которого является достижение именно этих «максимизационных», собственно экономических, целей, не связанных напрямую с общественными нуждами в материальных либо каких-то ещё благах (нуждах, которые экономика считала себя обязанной удовлетворять, пока понимала себя в субстанциальном смысле).

Справедливости ради, надо отметить, что нужды общества и отдельных его представителей удовлетворяются, и даже в большем, нежели ранее, объёме.¹² Однако, теперь это уже не цель, а средство достижения цели максимизации прибыли.¹³ Любые действия, мотивированные иным образом – повышение качества и расширение ассортимента продукции, изучение и стимулирование спроса, соблюдение экологических и социальных стандартов, благотворительность, подчинены единому конечному мотиву максимизации прибыли.¹⁴ Очень похожим образом, любые действия проснувшегося в абстинентном состоянии алкоголика подчинены единому мотиву – найти спиртного, чтобы опохмелиться. А это гораздо больше напоминает состояние зависимости, нежели состояние свободы.¹⁵

В основе формального понимания экономики лежит ряд постулатов классической экономической теории. Одним из таких постулатов (не подвергнутом ревизии неонинституционализмом) является вечная и неизбывная ограниченность ресурсов, обуславливающая необходимость выбора: в каком направлении вложить эти ресурсы, чтобы они принесли максимально возможную прибыль (или потребительскую полезность). Как бы ни напрягалась субстанциальная экономика, всё равно – всего всегда будет мало.¹⁶ Понятие максимизации подразумевает некую дурную бесконечность: какими бы ни были дивиденды и зарплаты, всё равно этого будет мало. Концепция Жана Бодрийяра,

¹¹ Некоторые авторы (немецкий социолог Зигхард Неккель) идут ещё дальше, утверждая, что формально-экономический образ мышления и действия утверждается и во внеэкономической области (в искусстве, политике, брачном поведении), охватывая, подобно метастазам, всё новые и новые органы социального организма. Действительно, «большой» спорт или искусство в той части, в которой они выродились в шоу-бизнес, обретают скорее статус экономической деятельности.

¹² Подобное по скорости распространению вируса гриппа (только более злокачественное по последствиям), распространение мотива извлечения прибыли явилось одним из основных факторов инвестиционной активности (и, соответственно, развития производительных сил) на протяжении двух последних столетий.

¹³ Кстати, мотив извлечения прибыли может лежать в основе действий, направленных не только на развитие, но и на разрушение производства, что в особенно широком масштабе наблюдалось после присоединения новых федеральных земель (бывшей ГДР) к ФРГ. При этом целенаправленно разрушались даже вполне конкурентоспособные предприятия на территории «новых земель».

¹⁴ Собственно, человек, будь то в качестве работника (рабочая сила, *human capital*), партнёра либо клиента, становится средством достижения всё той же цели, в явном противоречии с кантовским категорическим императивом, зато в некотором созвучии с основами фашистской идеологии.

¹⁵ На стороне потребителя дело обстоит похожим образом: мотив повышения монетарного дохода поглощает все остальные. Мы жертвуем здоровьем, безопасностью, любовью ради получения дохода, который (якобы) позволит нам приобрести здоровье, безопасность, любовь.

¹⁶ Ссылки на некую ненасытную человеческую природу представляются несерьёзным аргументом, по крайней мере, с тех времён, когда Эмиль Дюркгейм обосновал предпочтительность объяснения социальных фактов исключительно социальными фактами, но никак не антропологическими константами метафизического характера.

согласно которой экономика производит не товары и услуги, а социальные различия, не меняет сути дела. Каким бы ни было превышение качества моего пылесоса или стиральной машины над пылесосом и машиной соседа, этого превышения мне всё равно будет недостаточно. Триумф формального начала в экономике стал возможен благодаря сдвигу в человеческом сознании, и, в свою очередь, в качестве обратной связи, многократно усилил и углубил этот сдвиг. Состоял этот сдвиг в том, что люди, в массе своей, потеряли способность сказать: «Мне достаточно». Сохрани люди в массе своей эту способность, не видели бы мы на протяжении последних двух столетий того самого триумфа формальной экономики с обусловленным ею ростом товарного изобилия (а также обострением социальных противоречий и экологических проблем). Очень похожим образом, алкоголик на вечеринке лишён способности сказать «Мне достаточно» – до тех пор, пока не упадёт под стол. Опять мы находим удивительную параллель между ментальными состояниями, обусловленными современной экономикой, и зависимостью. А зависимость, по определению, является противоположностью свободе.

Вот и в отношении рыночной экономики, как ранее в отношении демократии, остаётся лишь, плача, повторять за У. Черчиллем «...ужасная вещь... человечество ничего лучшего не придумало...», всё глубже и основательнее убеждаясь в бездарности человечества по части устройства собственных дел.¹⁷ Утешаться можно ещё инверсией пословицы «нет добра без зла». Однако, напрашивается обоснованное предположение, что суть всех открытий и изобретений человечества – ядерной энергии, компьютера, семьи, частной собственности и государства, рыночной экономики, – лучше характеризуется исходным вариантом пословицы, «нет зла без добра». Особенно это касается всевозможных «измов» - фашизма, большевизма, коммунизма, капитализма, за исключением одного исключительно полезного «изма», окрещённого именем древнегреческого мудреца Солона. Но исключение, как известно, подтверждает правило.

Так что нет, и не ожидается никакой реальной свободы в условиях существующего экономического порядка, основанного на принципе максимизации. Можно будет говорить о свободе, когда экономика вернётся в рамки, определённые субстанциальным её пониманием (а люди в массе своей научатся говорить «Мне достаточно»). Но ведь господствующая экономическая и социальная система безальтернативна, не так ли?¹⁸ А все альтернативы – миф. Так что и свобода, настоящая, а не воображаемая и постулируемая,¹⁹ не редуцированная к свободе выбора из всё большего нагромождения товарного хлама – миф. Но не стоит расстраиваться, дамы и господа, прижмитесь лучше по-

¹⁷ Свобода, порядок, ум вкупе с честью и совестью – ничто не прогрессирует. Что-то находим, а что-то теряем; кто-то находит, а кто-то теряет. И никем не доказано, что находим больше, нежели теряем. Но есть повод для оптимизма: одна вещь всё-таки постоянно и неизменно прогрессирует – равнодушие. Оно последовательно вытесняет из нашей жизни своего противника – взаимный интерес, буде тот представлен любовью, ненавистью или промежуточными проявлениями. Равнодушие охраняет наше личное пространство от любопытных глаз и носов гораздо надёжнее, чем конституционная защита частной жизни. Оттого многие ошибочно принимают прогресс равнодушия за прогресс свободы. А вот немецкий профессор Армин Нассеи прямо и честно исполняет гимн «гражданской привилегии – равнодушию». А иные именитые профессора (среди них Макс Вебер, Норберт Элиас, Тэлкотт Парсонс, Юрген Хабермас), похоже, принимают нарастающее равнодушие за рационализацию мышления и действия. Равнодушию мы обязаны и рационализацией, и эмансипацией, и демократизацией (согласно предложенной Мартином Сеймуром Липсетом концепции равнодушного к публичным вопросам «политического человека»). Равнодушие (к чужим делам и судьбам) внесло, пожалуй, больший вклад и в становление фашизма, нежели ненависть и иные иррациональные мотивы. Спасибо равнодушию – за всё, за всё!

¹⁸ Бурдье называл это принципом “TINA” – There Is No Alternative. Именно это те, кто комфортно устроился в рамках существующего порядка (будь он социалистическим, капиталистическим или каким ещё угодно «-ским»), всегда усиленно пытаются внушить тем, кто устроился в нём менее комфортно.

¹⁹ Кстати, то, что так называемые свободные общества (либеральные демократии) действительно свободны, постулируется с усердием, напоминающим о блевании овец в оруэлловском «Скотном дворе». И в годы развитого социализма с тем же усердием постулировались экономические успехи – это даёт основание для гипотезы, согласно которой усердие в постулировании чего-либо является признаком отсутствия или дефицита того, что постулируется.

крепче друг к другу (дамы к господам и *vice versa*) и перейдите от забот о свободе к заботам о счастье.²⁰ А мы обещаем написать о нём следующую статью, столь же оптимистическую.

²⁰ С позиций рефлексивного модерна, отнюдь не возбраняется также, чтобы в ряде случаев господа прижались к господам, а дамы к дамам

**ОТНОШЕНИЕ К КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ
УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ
И СТУДЕНТОВ В СРАВНИТЕЛЬНОМ КЛЮЧЕ
ATTITUDE TO THE CRIMINAL SUBCULTURE
OF HIGH SCHOOL PUPILS
AND STUDENTS IN COMPARATIVE KEY**

Горьковая И.А.,
доктор психологических наук,
профессор кафедры психологии человека,
Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена.

Павленко А.И.,
магистр второго года обучения,
кафедра клинической психологии и психологической помощи,
Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена.

Аннотация. В данной статье освещены результаты исследования отношения к криминальной субкультуре учащихся старших классов и студентов. В ходе исследования были выделены три типа отношения к криминальной субкультуре – отрицательное, индифферентное и положительное. Выявлены аспекты привлекательности криминальной субкультуры, характерные для несовершеннолетних и совершеннолетних респондентов, что встречается у 85% из них. Изучены ценностные ориентации и локус контроля старших школьников и студентов.

Annotation. this article describes the results of research of attitude to the criminal subculture of high school pupils and students. The study identified three types of attitude to the criminal subculture - negative, indifferent and positive. Identified the aspects of attractiveness of the criminal subculture, characteristic for juvenile and adult respondents, which occurs in 85% of respondents. Studied value orientations and the locus of control of high school pupils and students.

Ключевые слова: слова: криминальная субкультура; ценностные ориентации; локус контроля; отношение к криминальной субкультуре; молодежная среда; несовершеннолетние; совершеннолетние; криминальная лексика; татуировки.

Keywords: criminal subculture; value orientations; locus of control; relation to the criminal subculture; youth environment; juveniles; adults; criminal lexicon; tattoos.

Культура современного общества, претерпевшего за последние два столетия обширные и серьезные экономические, политические преобразования, находится в процессе активного слияния с культурой криминальной. Обостряются конфликты религиозного, этнического, национального характера. На бескрайних просторах мировой паутины наблюдается активная пропаганда жестокости и насилия, средства массовой информации оказывают значительное воздействие на уровень духовной и правовой культуры населения. Происходит трансформация ценностных ориентаций, усиливается преступная идеология, в различные сферы социальной жизни внедряются нормы поведения криминальных сообществ. Тревожным симптомом является распространение в обществе элементов преступной субкультуры [6].

Я.И. Гилинский определяет преступность как «сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ и определяемое с помощью двух разнопорядковых критериев: 1) «общественной опасности», реального вреда и 2) предусмотренности уголовным законом [3]. Иными сло-

вами, преступность – это «относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе» [1, с. 45], чье влияние наблюдается повсеместно во всех сферах современной общественной и государственной жизни.

Активно происходит процесс деформации системы общегуманистических ценностей в силу популяризации криминальной субкультуры, распространения ее «морали», компонентов, установок. Данные процессы создают предпосылки непослушания закону и снижают порог нетерпимости к преступности, прежде всего, у молодежи, которая, таким образом, становится «основным контингентом и резервом организованной преступности, латентность которой чрезвычайно высока» [2, с. 37].

Современные старшие школьники и студенты оказываются более подверженными влиянию извне в следствие активного включения в виртуальное информационное пространство, свободное от цензуры и каких-либо моральных ограничений. Особенно важным становится изучение отношения молодежи к криминальной субкультуре. Ведь именно от характера отношения, от степени принятия криминальных норм и терпимости к ним будет зависеть и сам процесс проникновения и распространения данной субкультуры.

В ходе данного исследования, цель которого – изучение отношения к криминальной субкультуре учащихся старших классов и студентов в сравнительном ключе, было опрошено 100 человек в возрасте от 16 до 24 лет. Выборка была поделена на две группы – группу несовершеннолетних, куда вошли респонденты в возрасте от 16 до 18 лет, и группу совершеннолетних, куда вошли респонденты в возрасте от 19 до 24 лет. Так как в исследовании принимали участие старшие подростки – ученики 10-11 классов средних общеобразовательных учреждений, а также студенты высших учебных заведений, следует отметить, что подростковый возраст характеризуется амбивалентностью, неустойчивостью взглядов и еще формирующейся жизненной позиции. В то время, как студенческий возраст может свидетельствовать о сформированной социальной позиции, наличии определенного мировоззрения, нравственного и правового сознания.

В ходе исследования респондентам было предложено заполнить модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения» Сакса и Леви; 16-шкальную модификацию методики «Семантический дифференциал» Чарльза Осгуда; авторскую методику, связанную с работой над текстами, в которых следует выявить слова или словосочетания, относящиеся к лексике представителей криминальной субкультуры и интерпретировать их; «Методику Шварца для изучения ценностей личности» и методику «Локус контроля» Дж. Роттера.

Ответы, полученные на основе методики «Незаконченные предложения», были разделены на три категории: 1) положительное отношение к криминальной субкультуре; 2) индифферентное отношение; 3) отрицательное отношение. Результаты методики обрабатывались при помощи контент-анализа. Всего было обработано 1 426 высказываний.

По результатам данного анализа в группе респондентов были получены следующие показатели: негативное отношение к криминальной субкультуре наблюдалось в 63% высказываний, индифферентное отношение - в 24% и положительное отношение - в 13%. Стоит отметить, что по результатам данной методики между несовершеннолетними и совершеннолетними респондентами значимых различий выявлено не было, то есть каждый второй респондент вне зависимости от возраста негативно относится к криминальной субкультуре, а каждый восьмой респондент вне зависимости от возраста - положительно.

Тем не менее, преобладающим отношением к криминальной субкультуре в молодежной среде является отрицательное отношение. Оно характеризуется отвращением, негодованием, страхом, опасением за собственную жизнь и за жизнь родных людей. Однако только 15 респондентов не увидели в криминальной субкультуре ничего положительного. Остальные же выделяли хотя бы одно

привлекательное качество криминальной субкультуры. Следующие примеры высказываний отражают суть трех представленных категорий:

Отрицательное отношение к криминальной субкультуре определяется такими выражениями, как «боль, грусть»; «отвращение, страх, горечь»; «это нечеловеческое, аморальное явление»; «грех».

Индифферентное отношение определяется следующими выражениями: «безразличие, безучастие»; «это естественный порядок вещей»; «мне все равно»; «мне без разницы есть она или нет»; «ее существование неизбежно»; «это само собой разумеющееся явление».

Положительное отношение к криминальной субкультуре характеризуется такими выражениями, как «восторг, почтение, азарт, заинтересованность»; «привлекает ее организованность»; «легко достигнуть желаемого», «большие деньги и власть».

Особенно важно обратить внимание на причины положительного отношения к криминальной субкультуре. Привлекательными аспектами, которые можно обозначить как ценности криминальной субкультуры, по мнению респондентов, оказались: 1) организованность и сплоченность представителей криминальной субкультуры; 2) деньги; 3) риск и азарт; 4) музыка, жаргоны и татуировки; 5) снятие ограничений; 6) полная свобода действий; 7) «это модно и молодежное».

Существуют некоторые различия между группами несовершеннолетних и совершеннолетних в распределении выявленных криминальных ценностей. Так, например, для несовершеннолетних наиболее привлекательные криминальные ценности – это деньги, организованность и сплоченность, полная свобода действий, снятие ограничений, риск и азарт. Для совершеннолетних наиболее заманчивые аспекты, которые присущи криминальной субкультуре, – это риск и азарт, деньги, организованность и сплоченность, музыка, жаргоны и татуировки, полная свобода действий.

Представители молодежной среды часто склонны к неопределенности в своих рассуждениях. С одной стороны, криминальная субкультура вызывает у них неподдельный интерес и восхищение, а с другой – страх и негодование.

Помимо выявления типа отношения к криминальной субкультуре в молодежной среде, было изучено восприятие респондентами такого продукта декоративной модификации тела, как татуировки. Респондентам были представлены художественные и «криминальные» татуировки – характерное проявление криминальной субкультуры в обществе, с целью выявления качеств, которые присущи тому или иному виду татуировок, и нахождения различий в восприятии, если таковые имеются.

Несовершеннолетние наделяют художественные татуировки следующими качествами: «легкая», «добрая», «чистая», «горячая», «мягкая», «умная», «приятная», «сладкая», «счастливая». «Криминальные» татуировки воспринимаются несовершеннолетними респондентами, как «мягкие», «старые», «тихие», «медленные», «голодные», «пассивные», «трусливые», «слабые».

Совершеннолетние респонденты, в свою очередь, наделяют художественные татуировки такими качествами, как «легкая», «добрая», «чистая», «горячая», «мягкая», «молодая», «умная», «приятная», «сладкая», «счастливая». «Криминальные» татуировки воспринимаются совершеннолетними, как «мягкие», «старые», «тихие», «пассивные», «трусливые».

Таким образом, статистически значимых различий в восприятии художественных и «криминальных» татуировок несовершеннолетними и совершеннолетними респондентами нет. С одной стороны, вне зависимости от возраста респондентов и художественные и «криминальные» татуировки наделяются одинаковым позитивным качеством – мягкость. Но для «криминальных» татуировок характерен ряд ярко выраженных негативных качеств – старость, пассивность, трусливость, слабость, голод. Выявленные характеристики отражают представления респондентов о криминальной субкультуре, служат индикатором той социальной среды, в которой и были созданы «криминальные» татуировки. В сравнении с художественными татуировками, которым присущи чистота, молодость, счастье, легкость, татуировки представителей криминальной субкультуры отвергаются респондентами вне зависимости от их возраста, но тем не менее, при столь явном разгра-

ничении художественных и «криминальных» татуировок следует отметить, что респонденты обладают достаточно высокой осведомленностью в области атрибутов криминальной субкультуры, ее «внешних» проявлениях.

Помимо уже представленных методик для выявления степени распространенности криминальной субкультуры в молодежной среде была разработана методика, связанная с работой над текстами разных авторов с целью нахождения слов или словосочетаний, относящихся к лексике представителей криминальной субкультуры, и их интерпретации.

Респондентам были предложены отрывки из романа Бориса Акунина «Статский советник» и романа Леонида Габышева «Одлян, или Воздух свободы». Несовершеннолетними и совершеннолетним были найдены и интерпретированы такие слова и словосочетания, как «налет – дело фартовое», «бакланы», «слам», «не лаврушка, а шестьсот кальмотов», «дележ», «шконка», «ты насадка», «в несознанку по мокрому», «дать вышак», «на малолетке», «хорош базарить», «пацаны», «зачушит» и другие. По результатам данной методики, можно сделать следующий вывод: несовершеннолетние верно находят и интерпретируют каждое третье слово или словосочетание, относящееся к лексике представителей криминальной субкультуры, совершеннолетние определяют каждое второе и объясняют каждое третье слово или словосочетание.

С одной стороны, такое положение может также свидетельствовать и о высокой осведомленности, начитанности респондентов, но скорее всего, дело обстоит как раз-таки в процессе интенсивного проникновения исследуемой субкультуры в массы. На уровне общения и взаимодействия наблюдается процесс слияния двух культур. Чаще всего этот процесс происходит бесконтрольно и неосознанно, начиная с употребления тех или иных слов или словосочетаний, имеющих специфичное происхождение.

Сравнительный анализ результатов «Методики Шварца для изучения ценностей личности» демонстрирует различия в ценностных ориентациях несовершеннолетних и совершеннолетних респондентов. Согласно теории Ш. Шварца, ценности личности существуют на двух уровнях: на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов. Первый более стабилен и отражает представления человека о том, как нужно поступать. Иными словами, уровень нормативных идеалов определяет жизненные принципы поведения. Второй уровень более зависим от внешней среды, например, от группового давления и соотносится с конкретными поступками человека [5].

По результатам сравнительного анализа, для которого был использован t-критерий Стьюдента, сделаны следующие выводы: на уровне нормативных идеалов между несовершеннолетними и совершеннолетними существуют достоверные, статистически значимые различия по таким показателям, как конформность и гедонизм. Для несовершеннолетних на уровне убеждений значимой ценностью является конформность – благополучие группы, сдерживание и предотвращение действий, которые могут причинить вред группе или не соответствуют социальным ожиданиям [5]. Для совершеннолетних же на уровне убеждений более значимой ценностью является гедонизм – получение чувственного удовольствия и наслаждения.

На уровне индивидуальных предпочтений существуют достоверные, статистически значимые различия между несовершеннолетними и совершеннолетними по таким показателям, как стимуляция, гедонизм и власть.

Для несовершеннолетних более значимой ценностью является власть – достижение социального статуса, контроль или доминирование над людьми. В то время как для совершеннолетних более важными ценностями являются стимуляция – стремление к новизне и глубоким переживаниям, и гедонизм – удовольствие, наслаждение жизнью.

Достоверные и статистически значимые различия также были выявлены и на основе результатов методики Роттера «Локус-контроля». Несовершеннолетние более экстернальны, для них свойственно внешне направленное защитное поведение. Для совершеннолетних же характерно последо-

вательное направленное поведение в достижении успеха путем развития навыков и более глубокой обработки информации. Несовершеннолетние чаще всего эмоционально нестабильны, совершеннолетние же, напротив, стабильны в эмоциональном плане и склонны к теоретическому мышлению [4].

Таким образом, ценностные ориентации и локус контроля несовершеннолетних респондентов достоверным образом отличаются от ценностных ориентаций и локуса контроля совершеннолетних респондентов. Тем не менее, таких показательных различий в восприятии компонентов криминальной субкультуры между несовершеннолетними и совершеннолетними респондентами выявлено не было.

Проведенное исследование подчеркивает и обостряет проблему распространенности криминальной субкультуры в молодежной среде. С одной стороны, результаты проведенного исследования свидетельствуют о преобладающем негативном отношении (63%) к криминальной субкультуре в молодежной среде, но несмотря на это, только 15% респондентов из 100% не увидели в криминальной субкультуре ничего положительного. К тому же и несовершеннолетние, и совершеннолетние представители молодежной среды находят широкий диапазон привлекательности криминальной субкультуры. При этом для несовершеннолетних и совершеннолетних респондентов характерны разные аспекты привлекательности. В восприятии художественных и «криминальных» татуировок несовершеннолетними и совершеннолетними респондентами явных различий выявлено не было. С одной стороны, вне зависимости от возраста респондентов и художественные и «криминальные» татуировки наделяются одинаковым позитивным качеством – мягкость. Но для «криминальных» татуировок характерен ряд ярко выраженных негативных качеств – старость, пассивность, трусливость, слабость, голод. В ходе анализа лексики представителей криминальной субкультуры было установлено, что несовершеннолетние верно находят и интерпретируют каждое третье слово или словосочетание, а совершеннолетние верно определяют каждое второе и объясняют каждое третье слово или словосочетание. Таким образом, в молодежной среде наблюдаются тенденции активного проникновения криминальной субкультуры, усвоения ее компонентов, трансформация общегуманистических ценностей молодежи в сторону ценностей криминальных.

Литература:

1. Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. – 501 с.
2. Гилинский Я.И. Преступность несовершеннолетних в России // Неволя. № 3 – Москва, 2005. – С. 34-46.
3. Гилинский Я.И. Что же делать с преступностью? // Российский криминологический взгляд. № 3 – Москва, 2013. – С. 282-291.
4. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. – СПб.: Питер, 2001. – 560 с.
5. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – 70 с.
6. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук (12.00.08). – Ростов-на-Дону, 2003 – 228 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
И НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ**
**ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY
AND PUNISHMENT FOR CRIMES
IN THE FIELD OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING**

Готчина Л.В.,
доктор юридических наук, доцент
начальник кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

Аннотация. Наблюдается либерализация уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков. Добровольность лечения от наркомании при отсрочке уголовного наказания показала очень низкую профилактическую эффективность. Проанализированная практика подтверждает необходимость принудительного лечения наркозависимых, даже при низких результатах достижения ремиссии.

Ключевые слова: наркопреступность, либерализация наркозаконодательства, большой наркоманией, отсрочка наказания.

Финансово-экономические перемены в России обострили социально-экономическое неравенство, которое особенно болезненно влияет на несовершеннолетних и молодежь. Оно создает благоприятную почву для совершения уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных ст.ст. 228-234 УК РФ, выступающих как своеобразная компенсация за отсутствие возможностей самореализации, достижения жизненного успеха.

Так, по данным Федеральной службы государственной статистики в России в 2011 г. количество малоимущих детей в возрасте до 16 лет составляло 31,2 %; населения трудоспособного возраста – 61,2, в том числе, молодежи в возрасте 16-30 лет – 25,3.¹ Самые высокий индекс риска бедности представлен у детей в возрасте до 16 лет – 1,48; женщин (16-30 лет) – 1,14 и мужчин (16-30 лет) – 1,12.² Именно эти категории российских граждан представляют потенциальную группу риска для наркопреступности. А их социально-экономическое неравенство выступает фактором, усиливающим вероятность становления на путь преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков.

Так, Я.И. Гилинский считает, что «более девиантогенным представляется наблюдающееся с конца 20 века углубление степени социально-экономического неравенства обществ и социальных групп... Растет пропасть между «включенными» и «исключенными» - как странами, так и социальными слоями, группами, отдельными людьми. Процесс глобализации лишь усиливает эту тенденцию».³ «Ясно, что «исключенные» - социальная база девиантности».⁴

«Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с ма-

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2012 // Федеральная служба государственной статистики
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138698314188

² Там же.

³ Проблемы глобализации // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4. – № 4. – С. 227-232, 254-265; Глобализация и девиантность / Ред. Я.И. Гилинского. – СПб. – 2006.

⁴ См.: Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. – 2004. – № 6. – С.69-77.

леньким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины. Как бы не увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено».⁵

«Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным средоточием структурного конфликта в социальных системах».⁶ В связи с этим, Я.И. Гилинский уточняет, что «главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения витальных, социальных и идеальных потребностей, а степень различий, «разрыва» в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп».⁷

О том же пишет П. Сорокин: «Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами общества... Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты, чувствует себя плохо одетым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет вполне прилично и имеет приличные жилищные условия».⁸

Современные исследователи все чаще обращаются к роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности с учетом экономических показателей. «Разрыв между элитой и аутсайдерами лишь отчасти оценивается фондовым или децильным коэффициентом дифференциации и коэффициентом концентрации доходов – индекс Джинни. Этот разрыв все возрастает в России, сопровождаясь ростом убийств, самоубийств, алкоголизма, других девиаций».⁹ За десятилетие 1990-1999 гг., исследованное С. Ольковым, в год с максимальным индексом Джинни в стране зарегистрировано максимальное количество убийств и наоборот.¹⁰ Аналогичные результаты были получены и отражены в работе И.С. Скифского¹¹ и установлены в трудах Э. Юзихановой.¹²

«Социально-экономическое неравенство, разные возможности, доступные людям, принадлежащим к различным группам (стратам), своеобразно проявляются применительно к подросткам и молодежи»,¹³ прежде всего, в неудовлетворенной потребности в самоутверждении, что является вторым основным фактором молодежного наркотизма и наркопреступности.

Так, удовлетворение потребности быть признанным в своей возрастной группе, стать авторитетом важно для несовершеннолетних. Быть лучшим среди других даже при таком средстве достижения, как совершение наркопреступлений, является результатом молодежной социальной активности. «Несвершение, нереализованная потребность в самоутверждении приводит в конечном итоге к фрустрации, кризису личности, девиантным проявлениям».¹⁴

Возможности в престижном образовании, высокооплачиваемом труде, социальной и правовой защите, в уменьшении разрыва своей экономической обеспеченности по сравнению с

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Население, преступность, пауперизация. - Соч. 2-е изд. - Т. 6 - С. 446.

⁶ Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. - М. - 1972. - С. 375.

⁷ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. - СПб. - 2009. - С. 188; Он же. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова) // Экономика и право / Под ред. А.П. Заостровцева. - СПб. - 2009. - С. 175.

⁸ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. - М. - 1992. - С. 273.

⁹ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. - СПб. - 2009. - С. 190.

¹⁰ Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. - 2004. - № 8. - С. 73-78.

¹¹ См.: Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. - Тюмень. - 2007.

¹² См.: Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. - Тюмень. - 2005.

¹³ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. - СПб. - 2009. - С. 335.

¹⁴ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. - СПб. - 2009. - С. С. 196.

другими группами населения существенно разнятся с такой востребованностью у несовершеннолетних и молодежи. Их обостренное стремление быть признанными в своей возрастной группе, стать авторитетом все чаще приводит к ретретизму.

Между тем, потеря здоровья населения от наркотиков мешает повышению экономической состоятельности государства. Это связано со снижением количества произведенной продукции, дезорганизацией производства, расходами на медицинское обслуживание. В случае ранней смерти человека не компенсируются затраты общества на его содержание и обучение. Каждый случай заболеваемости и смертности приводит к денежным потерям в виде недоданного валового национального продукта (ВВП). «Экономический ущерб ВВП от наркомании в России равен 1,2 триллиона рублей».¹⁵

Еще в 2007 году Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан провел социологическое исследование «Экономические потери общества от наркомании», позволивший определить ущерб от наркомании, рассчитанный по основным экономическим индикаторам, определяющим сопоставительное положение региона в целом.¹⁶

По оценкам Всемирного банка, один потерянный человеко-год обходится обществу в 10 000 долларов США. Такой потенциал измеряется в расчете на лиц, находящихся в трудоспособном возрасте. Поэтому экономический ущерб от наркомании равняется произведению ВВП на душу населения в указанном возрасте на количество потерянных от наркомании лет (разница между предельным возрастом трудоспособности и возрастом установления диагноза) и на количество больных. Экономические потери сокращаются только за счет периода ремиссии, когда наркозависимые привлекаются к работе.¹⁷ Именно поэтому искусственное смещение заболеваемости в диапазон 25-30 лет, запланированное программой «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005-2009 годы», являлось оправданным для экономики страны и сегодня внедряется в ряде регионов.

На увеличение периодов трудоспособности населения в состоянии ремиссии, а также либерализации уголовного законодательства направлены ряд законодательных изменений, внесенных в УК РФ. Так, в частности, осужденным, признанным больным наркоманией, совершившим впервые преступление, предусмотренное частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233 предоставляется возможность отсрочки наказания и последующего освобождения от него (часть 1 статьи 82.1 УК РФ).¹⁸

В докладе помощника министра здравоохранения РФ доктора медицинских наук профессора Татьяны Валентиновны Клименко «Концепция модернизации наркологической службы Российской Федерации» озвучены цифры: что за период действия статьи 82.1 УК РФ в России зарегистрировано 190 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, при этом вынесено только 200 судебных решений на прохождение курса лечения наркоманов.¹⁹

Для справки: в 2012 г. зарегистрировано: по ст. 228 УК РФ 99794 преступления; по ст. 231 – 1046; ст. 233 УК РФ – 6. Всего 100846. Прогноз составлял около 70 тыс. лиц, виновных в совершении указанных преступлений.

Койка-места наркологической службы, предусмотренные на эти цели, пустуют. То есть ожидаемой их заполненности, массового применения отсрочки наказания для преступников-наркоманов

¹⁵ Режим доступа к изд.: www.stratgap.ru.

¹⁶ Отчет о выполнении работы «Проведение социологического исследования «Экономические потери общества от наркомании»». – Казань. – 2007. – С. 4.

¹⁷ Отчет о выполнении работы «Проведение социологического исследования «Экономические потери общества от наркомании»». – Казань. – 2007. – С. 14, 21.

¹⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон, 07.12.2011г., № 420-ФЗ // Российская газета, № 278, 09.12.2011.

¹⁹ Доклад помощника министра здравоохранения РФ доктора медицинских наук профессора Татьяны Валентиновны Клименко «Концепция модернизации наркологической службы Российской Федерации». Режим доступа к изд.: www.narcom.ru/publ/info/987

не произошло. Добровольность лечения даже перед угрозой уголовного наказания с перспективой реального срока его отбывания в местах лишения свободы показала очень низкую профилактическую эффективность. По всей видимости, на наркоманов сильнее действуют иные факторы, выбираются иные приоритетные альтернативы.

Проанализированная практика еще раз подтверждает необходимость принудительного лечения наркозависимых, даже при низких результатах достижения ремиссии. С этой целью в мае текущего года вступит в юридическую силу статья 72.1. «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией», введенная в УК РФ ФЗ N 313-ФЗ от 25 ноября 2013 года.²⁰ Норма указанной статьи дает суду право возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы. Насколько эффективна указанная норма права покажет судебная практика.

Кроме того, на современном этапе в УК РФ внесены следующие изменения:

1. Федеральным законом от 01.03.2012 N 18-ФЗ установлена уголовная ответственность за:

1) значительный размер предметов преступления;

2) незаконные приобретение, хранение или перевозка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные приобретение, хранение или перевозка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (статья 228.3 УК РФ);

3) незаконные производство, сбыт или пересылка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (статья 228.4 УК РФ);

2. Федеральным законом от 05.06.2012 N 54-ФЗ расширил предмет преступления в статье 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»;

3. Федеральным законом от 02.07.2013 N 185-ФЗ установлена уголовная ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества) в следственном изоляторе, исправительном учреждении, административном здании, сооружении административного назначения, образовательной организации, на объектах спорта, железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена, в общественном транспорте либо помещениях, используемых для развлечений или досуга;

4. Федеральным законом от 28.12.2013 N 381-ФЗ расширено содержание объективной стороны в статье 232 УК РФ «Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов».

²⁰ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон // Российская газета, № 267, 27.11.2013.

АДЕКВАТНОСТЬ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ КОРРУПЦИИ КАК ОБЪЕКТА ДЕВИАНТОЛОГИИ

ADEQUACY OF POSITIONING OF CORRUPTION AS AN OBJECT OF DEVIANTOLOGY

Грошев И.Л.,

кандидат социологических наук, доцент,

кафедра маркетинга и муниципального управления

Тюменский государственного нефтегазового университета

Аннотация. В статье автор рассматривает коррупцию, как естественный исторический феномен социального взаимодействия. Современные методы противодействия не позволяют нивелировать причинно-следственную сущность явления. Во-первых, радикализм нормативно-правовых ограничений не решает проблему, но придаёт ей новое качество. Во-вторых, в процессе полномасштабной интеграции коррупции во все социальные институты попытки разрешить имеющиеся социальные и правовые противоречия нарушают работу государственного аппарата управления. В-третьих, коррупция рассматривается автором как субинститут эффективно воспроизводящий те условия и ту систему отношений, которые определяют направленность поведения рядового гражданина. В большинстве предлагаемых программ противодействия коррупции базовым принципом выступает ограничение свободы выбора и, как следствие, ужесточение санкций за невыполнение диктуемых властью требований. Автор считает такой подход крайне непродуктивным и нецелесообразным.

Annotation. In the article the author considers corruption as a natural historical phenomenon of social interaction. Modern methods of countering not allow to neutralize causal nature of the phenomenon. Firstly, the radicalism of legal limitations does not solve the problem, but gives it a new quality. Secondly, in the process of full integration of corruption in all social institutions attempts to resolve existing social and legal contradictions disrupt the work of the State apparatus. Thirdly, corruption is viewed by the author as subinstitute that effectively reproduces the conditions and the system of relationships that determine the direction of the behavior of ordinary people. In most of the proposed anti-corruption programs basic principle appears as restrictions on freedom of choice and, as a consequence, the tightening of sanctions for refusal to fulfill the requirements that are dictated by the government. The author believes this approach is extremely unproductive and inappropriate.

Ключевые слова: коррупция, противодействие, власть, правовые ограничения, социальный институт, субинститут.

Keywords: corruption, opposition, power, legal restrictions, social institution, subinstitute.

Обращение к опыту аналитического исследования коррупции, осуществлённого автором шесть лет назад [1], обусловлено необходимостью систематизации разрозненных сведений о коррупционной деятельности в свете последних тенденций развития социальных процессов. Воспринимать адекватно социально-экономическую и политическую ситуацию в России невозможно, не обладая инструментарием, который позволял бы трансформировать качественные характеристики в количественные (и обратно) без потери логики и смысла. Проблема информационной субъективности обнаруживает себя в условиях латентности коррупционных процессов и значительной лояльности населения к данному виду противоправных действий.

В условиях постмодернистской реальности при изучении современной системы управления назрела объективная необходимость сделать акцент на эффективности деятельности органов власти, которые не в состоянии предложить приемлемую концепцию разрешения существующих противоречий. В отсутствие стройной и обоснованной системы целеполагания любые практические реко-

мендации по совершенствованию механизмов общественных взаимоотношений обречены на точечную результативность при низкой социальной поддержке. Соответственно, совершенствование государственного управления в сфере противодействия коррупции, направлено на усложнение функционального насыщения управляющей системы путём ужесточения норм и санкций в нормативно-правовой регламентации.

Коррупция - серьёзный институционализированный фактор в проблемном поле современной России, и его проникновение во все сферы жизнедеятельности общества носит ярко выраженный системно-исторический характер. Она обусловлена самой природой человека, его склонностью к постоянному поиску альтернативных вариантов решения ежедневных бытовых проблем. В трудах таких известных учёных как Платон, Аристотель, Фукидид, Гоббс, Макиавелли уделялось значительное внимание коррупции, фиксировались её причины и подвергались анализу социальные последствия. Разработка М. Вебером принципов рациональной бюрократии в качестве символа легитимного государства не предусматривала полного избавления от коррупционной деятельности, которой вменялась весьма конкретная функциональная нагрузка по реализации механизма взаимодействия. В ходе исторического развития функциональный набор коррупционной деятельности расширился путём её проникновения во все сферы социальной жизни, активного заимствования доминантных ценностей и разработкой единого универсального средства для обеспечения жизнедеятельности человека.

В современной отечественной науке существует несколько подходов к анализу коррупционной деятельности: 1) криминологический подход предполагает чёткое обозначение её контуров как преступного феномена и выявление её структуры как преступного акта; 2) социологический подход к пониманию сути коррупции обнаруживает более широкие горизонты её научного анализа и позволяет перейти от рассмотрения частных преступных практик к описанию коррупции как масштабной, интегрированной и социально опасной системы; 3) в теории управления коррупция как системное социальное явление есть производное деятельности особого социального субъекта – бюрократии.

Социальные характеристики и типология бюрократии коррелируют с выделением западного и восточного типов коррупции. Для рациональной западной бюрократии коррупция выступает рациональной формой решения экономических проблем, для иррациональной восточной – стилем жизни и традиционной формой делового взаимодействия. Для западной бюрократии наиболее распространёнными инструментальными формами коррупционного взаимодействия выступает взятка и коммерческий подкуп. Коррупционный стиль иррациональной бюрократии порождает многообразие форм коррупционных преступлений и приспособливает демократические практики к реализации частных интересов.

Системность коррупции определяется, прежде всего, её структурой и характером социальных связей. Связи в коррумпированных системах далеко не произвольны, они привязываются к тем местам социального пространства, где происходит локализация финансовых ресурсов, и образуются пучки распорядительных функций. Таким образом, важнейшей задачей становится реконструкция распорядительно-функционального контура власти и пространства циркуляции основных социально-экономических ресурсов.

Коррупционной системе присуща внутренняя устойчивость, в первую очередь, за счёт формирования иерархии, выделения уровней коррупционных связей. Горизонтальные связи аппарата государственного управления, бизнеса, криминальных структур реализуются на каждом уровне иерархии как формы неустойчивого партнёрского взаимодействия, переходящего, по возможности, к «стратегиям захвата». Кроме стратегий «захвата государства» и «захвата бизнеса», реализуемых чиновниками и предпринимателями, следует выделить стратегии захвата, реализуемые криминалитетом. Таким образом, происходит трансформация системы горизонтальных «партнёрских связей» в вертикальные системы доминирования и коррупционного контроля. В системе вертикальных кор-

рупционных связей присутствуют две цепочки - перераспределения и покровительства, причём патронирование коррупционных практик довольно распространённое явление.

Системное свойство коррупции определяется также особенностями управленческой системы, предоставляющей чиновникам и гражданам возможность вовлечения в коррупционные системы связи, и создающей способы и механизмы инкорпорирования в эти системы. Способы инкорпорирования различаются в зависимости от типа коррумпированного субъекта, выделяемого по отношению к структурному ядру коррупции – формальным структурам государственного управления. Процесс инкорпорирования в коррупционные системы включает, по меньшей мере, два этапа: 1) занятие функционально-ролевой позиции в коррупционной системе; 2) инкорпорация посредством консти-туирования социальных связей (коррупционных «связок») и культурно-стилевая инкорпорация.

Одним из универсальных свойств социальных систем выступает постоянное воспроизводство базовых элементов структуры. Каждый элемент (субъект) в структуре коррупционных связей, теряя партнёра в результате успешной антикриминальной деятельности правоохранительных органов, не просто воспроизводит прежнюю схему коррупционных отношений с новым партнёром, но и привлекает все большее их количество, мультиплицируя эту девиантную социальную практику, переводя в схему коррупционной игры как можно большее число своих партнёров. Основу механизма коррупционной ротации составляют: объективный процесс функционирования социальной системы, производящей социальные позиции коррупционеров, формирование механизмов персонификации, замещения данных позиций, трансформация социально-политической элиты, поставляющей кадры для замещения «вакантных» социальных позиций в коррумпированной системе.

У ряда исследователей возникает обоснованное сомнение в правильности определения объекта и предмета при осуществлении воздействия на коррупцию. В частности, рассматривается институциональный уровень (например, Johann Lambsdorff, Axel Drehe, Lawrence Lessig, Яков Гилинский [2], Вадим Колесников [3], Сергей Сапронов [4] и др.), где авторы указывают на масштабность и социальную значимость, социальный эффект этого феномена.

Специфика коррупции как института заключается в том, что подобно «раковой опухоли» она нейтрализует действие гражданских институтов и в образовавшийся функциональный вакуум «вбрасывает» собственные механизмы социального взаимодействия. С этой точки зрения коррупцию следует рассматривать с позиции асоциального субинститута, разрушающего в первую очередь моральные и в ближайшей перспективе – правовые и гражданские устои общества.

Интерпретация термина «субинститут» практически идентична в социальных науках и праве, даже учитывая отличие сфер употребления данного понятия. Так с позиции права рассматривается «субинститут права» - как упорядоченная совокупность юридических норм, регулирующих конкретную разновидность общественных отношений, находящихся в рамках определённого института права.[5] При этом не каждый правовой институт имеет хотя бы один субинститут, но каждый субинститут формируется лишь в рамках конкретного института.

Социология изучает «социальный субинститут» как относительно организованную систему групповых связей и норм, которая объединяет значимые для данной группы ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям этой группы. Нормы социальных субинститутов могут отчасти совпадать с доминирующими социальными нормами, а могут быть и противоположны им [6].

В обоих случаях помимо прямого упоминания совокупности норм в тени остаются не менее важные структурные элементы, составляющие структурную основу субинститута. В контексте излагаемого материала необходимо учитывать социальное окружение, его позиционирование в процессе формирования и взаимодействия с указанными нормами. И если в отношении причин появления социальных институтов общество играет ключевую роль (предопределяющую), то субинститут является продуктом деятельности существующих институтов и при этом не всегда в интересах обще-

ства. Классифицировать системные отличия института и субинститута целесообразно по известным пяти признакам.

Несмотря на тот факт, что институт должен обязательно обладать, утилитарными культурными чертами, у него есть и новые специфические качества, зависящие от потребностей, которые он удовлетворяет. Некоторые институты могут не обладать полным набором признаков. Это означает только то, что он несовершенен, полностью не развит или находится в упадке. Если большинство институтов недостаточно развиты, следовательно, общество, в котором они функционируют, находится либо в упадке, либо на начальных стадиях культурного развития.[7]

Принимая за основу анализ детерминации признаков по социальным институтам: семья, государство, экономика, образование и религия, оценим «субинститут коррупция» с позиции структурно-функционального анализа в условиях постмодернистской действительности (см. табл.1-5).

Таблица 1

Установки и образцы поведения

Социальные институты					Субинститут коррупция
семья	государство	экономика	образование	религия	
Привязанность	Послушание	Производительность	Стремление к знанию	Почтительность	
Лояльность	Лояльность			Лояльность	
Ответственность	Субординация	Экономность	Посещаемость	Поклонение	
Уважение		Производство прибыли			
↑↑	↑↑	↑↑	↑↑	↑↑	
Свобода от обязательств	Централизация и жесткий контроль	Затратность, бесконтрольность	Коммерциализация	Управляемость	

Пропаганда прагматических интересов в жизнедеятельности индивидов и общества осуществляется путём повседневной демонстрации «финансовой успешности» чиновников - парком личных автомобилей, дорогими загородными коттеджами и многочисленными квартирами в разных районах страны, служебными и личными вояжами за пределы государства и т.д. Вполне очевидна и зрима для человека существенная разница в доходах и возможностях власть имущих и рядового гражданина, живущего на рядовую зарплату и рядовую пенсию. Труд перестаёт быть социально значимым мерилom жизненного успеха, следовательно, образование не является условием профессионализма, а нравственность - лишь помеха на пути карьерного роста. Стандарты, словесно внушаемые, заменены на видимо осязаемые, духовность поработана чревоугодием, забота о ближнем обусловлена материальной выгодой, фраза «ничего личного - только бизнес» становится краеугольным камнем в фундаменте мировоззрения современного человека.

Таблица 2

Символические культурные признаки

Социальные институты					Субинститут коррупция
семья	государство	экономика	образование	религия	
Обручальное кольцо	Флаг	Фабричная марка	Школьная эмблема, форма	Крест	
Брачный ритуал	Печать	Патентный знак	Школьные песни	Иконы	
	Герб			Святыни	эгоистиче-

	Националь- ный гимн			Гимн	ских норм и правил, име- ющих симво- лические об- разы
↑	↑	↑	↑	↑	
Сожительство	Культ денег	«пиратство», плагиат	Блат, нейтрализа- ция перспектив	Догмат золота	

Демонстрация превосходства примитивных, эгоистических норм и правил, имеющих символические образы, происходит от давления примитивных же потребностей индивида. Деньги являются мерилем жизненного успеха и в целом, окружающая действительность выражена в числовом описании по принципу: «чем больше – тем лучше». Один автомобиль, одна квартира, один бизнес, одна семья и т.д. – повод задуматься бизнесмену о своём общественном статусе и своём успехе. Статус должен выделять субъект из социального окружения, при этом выделение происходит в основном за счёт внешних факторов, которые, оказывают обратное влияние на внутренние процессы формирования личности. Таким образом, социальные символы замещаются асоциальными (открыто противопоставляемыми), например, купленные права на вождение автомобиля, купленный диплом, получение квартиры и других услуг не по результатам собственной деятельности, а как плата за содействие и покровительство и т.п.

Таблица 3

Утилитарные культурные черты

Социальные институты					Субинститут коррупция
семья	государство	Экономика	образова- ние	религия	
Дом	Общественные здания	Магазин, фабрика	Классы	Церковь	Демонстратив- ная дифферен- циация обще- ства на богатых и нищих, при этом попытка закрепления наличного ста- туса
Кварти- ра	Общественные работы	Оборудова- ние	Библиотеки	Церковный реквизит	
Мебель	Бланки и формы	Бланк и формы	Стадионы	Литература	
↑	↑	↑	↑	↑	
Показ- ное бо- гатство	Рост затрат на самообслужи- вание власти	Ограничения и барьеры	ЕГЭ, тести- рование, профанация	Религия – как востребован- ный товар	

Демонстративная дифференциация общества на богатых и нищих, при этом попытка закрепления наличного статуса – обязательный компонент коррумпированного общества. Чем больше нищих и обездоленных, тем выше уникальность и социальная значимость состоятельного субъекта – большая зависимость общественных слоёв от воли и желания чиновника-управленца. В этом случае президент страны советуется с крупными предпринимателями о «замораживании цен» на основные продукты питания, на автомобильное топливо, на услуги ЖКХ и т.д. О какой форме конкуренции и объективно обоснованных ценах на товары и услуги можно говорить, если всё происходит по воле могущественных людей.

Другой стороной является культура потребления, своеобразная – не по средствам. Если для коррупционера это и есть норма, то экстраполяция этой нормы на общество реализуется через банковское кредитование, вводящее значительную долю населения в статус вечных должников. Роль государства – милостивого господина, оказывающего адресную помощь и поддержку, выглядит издевательством над рядовым гражданином, работающим, но не способным достойно существовать и содержать свою семью. Семья не является для человека средой, в которой он находит покой и умиротворение, скорее это дополнительная расходная статья, уменьшающая удовлетворение эгоистических потребностей индивида.

Таблица 4

Кодекс устный и письменный

Социальные институты					Субинститут коррупция
семья	государ- ство	экономика	образование	религия	
Семейные запреты и допущения	Конституция	Контракты	Правила учащихся	Вера	
	Законы	Лицензии		Церковные запреты	
↑	↑	↑	↑	↑	
Интернет просвещение	Правовые коллизии	Правила теневого рынка	Культ статуса (финансовой состоятельности)	Отступления от запретов для экономической выгоды	Устные правила более пластичные и в большей степени адекватны потребностям социума

Устные правила, составляющие кодекс коррупционера, более пластичны и в большей степени адекватны потребностям общества, поскольку оперативнее реагируют на социальные трансформации. В отличие от публично зафиксированных нравственно одобренных норм и правил, устный кодекс принимается (или не принимается) вполне добровольно, но каждый обязан определить свою собственную позицию. Действительно, большинство коррупционных сделок происходят по обоюдному согласию сторон, и при этом каждая сторона получает определённую коммерческую выгоду. Следовательно, устное согласие приобретает письменное закрепление (пусть косвенное) договорённостей и оценочных критериев.

Количество лиц, участвующих в коррупционных деяниях не ограничивается только взяткодателем и взяткополучателем (иногда через посредника), а представлено более широким социальным сегментом. С одной стороны, это государство (власть), получающее деньги, или теряющее их в виде налоговых недоборов; с другой – само общество, вынужденное приобретать товары и услуги, в стоимость которых бизнесмен уже включил так называемые «коррупционные откаты». Следовательно, осознавая этот факт, население априори соглашается и признает актуальность устных и письменных кодексов, реализуемых коррупционерами.

Таблица 5

Идеология

Социальные институты					Субинститут коррупция
семья	государ- ство	экономика	образова- ние	религия	
Романтическая любовь	Государственное право	Монополия	Академическая свобода	Православие	
Совместимость	Демократия	Свободная торговля	Прогрессивное образование	Баптизм	
Индивидуализм	Национализм	Право на труд	Равенство при обучении	Протестантизм	
↑	↑	↑	↑	↑	
Культивирование девиантного образа жизни, акцентирование на прагматизм и эгоизм	Механизм для обогащения круга приближённых лиц	Разделять общество на две социальные группы: богатые и бедные	Низкое качество и доступность образования за взятки	Вовлечение верующих в неконтролируемую финансовую деятельность	Подавлять инакомыслие в любых проявлениях опираясь на законы и контролируемое общественное мнение; запрещать самостоятельность и независимость отдельных лиц, групп

В этом своём стремлении тотального контроля за социальными процессами, учитывая лидирующую роль указанного института в государственном механизме, а также осознавая свою безнаказанность, правовая сфера в постмодернистском пространстве наиболее привлекательное и эффективное средство для гегемонии коррупционного субинститута и, следовательно, поиск эффективных средств и методов противодействия коррупции лежит за пределами узкоспециализированных подходов и частных теорий.

Литература:

1. Грошев И.Л. Истоки и причины коррупции в правоохранительных органах России// Следователь. 2008. №1 (117). С. 2-7.
2. Гишинский Я. Коррупция: теория и российская реальность. URL: [http://sartraccc.ru/print.php?print_file=Pub/gilinsky\(30-06-05\).htm](http://sartraccc.ru/print.php?print_file=Pub/gilinsky(30-06-05).htm) (дата обращения: 28.11.2013 г.).
3. Уткин Е. Коррупция в России это социальный институт.URL: <http://www.zaks.ru/new/archive/view/34830> (дата обращения: 28.11.2013 г.).
4. Сапронов С. Антикоррупционная политика: повестка-2012// Российское информационное агентство «Регионы России». URL: <http://www.gosrf.ru/magazine/archive/sep11/55/> (дата обращения: 28.11.2013 г.).
5. Комаров С. А., Малько А. В.. Теория государства и права. Учебно-методическое пособие. Краткий учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА– ИНФРА-М . 448 с.
6. Тематический словарь основных понятий и терминов. URL: http://www.sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/slovar_k_teme7.html (дата обращения: 23.10.2013 г.).
7. Социология. Электронные лекции. URL: <http://immemoreal.com/sociot10r2part1.html> (дата обращения: 12.03.2013 г.)

КРИЗИС ДОВЕРИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

THE CRISIS OF CONFIDENCE IN THE POSTMODERN ERA

Грошева И.А.,
кандидат социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой философии, истории и социологии
Тюменская государственная академия мировой экономики,
управления и права

Аннотация. В статье автор рассматривает социокультурные парадоксы, порождаемые эпохой постмодерна. Акцентируется внимание на противоречиях, возникающих в сфере противодействия коррупции: с одной стороны, имеется насущная потребность борьбы с этим явлением; с другой стороны, в условиях необходимости совершенствования механизмов противодействия на законодательном уровне одновременно сужается круг субъектов, способных эффективно противостоять дисфункциям в системе управления. В ходе сравнительного анализа результатов исследований уровня доверия населения к субъектам контроля, полученных ведущими социологическими центрами страны и автором статьи, была выявлена высокая степень корреляции, что свидетельствует об общих тенденциях, сложившихся в России. В качестве механизма преодоления кризиса доверия к системе управления автор статьи видит формирование гражданского контроля и наблюдения.

Annotation. In the article the author considers the socio-cultural paradoxes generated by the post-modern era. The attention is focused on the contradictions arising in sphere of counteracting corruption: on the one hand, there is an urgent need to counteract this phenomenon; on the other hand, in the need to improve mechanisms for countering at the same time the legislative level the range of subjects that can effectively resist the dysfunctions in the control system narrows. During the comparative analysis of the results of the studies of public confidence in the control subjects, obtained by the leading sociological centers of the country, and results of author's investigations a high degree of correlation was revealed, which indicates the general trends prevailing in Russia. As a mechanism for overcoming the crisis of confidence in the management system the author sees the formation of civil control and observation.

Ключевые слова: доверие, постмодерн, коррупция, гражданский контроль, общество.

Keywords: confidence, postmodern, corruption, civil control, society.

Концептуальные особенности постмодернизма современной эпохи выглядят почти революционно: отход от имевшихся форм индустриального производства, акцент на процессе дестандартизации, признание возрастающего плюрализма в обществе, роста неопределённости общественного прогресса и снижение возможностей социального прогнозирования, уход от массовости к индивидуальности вплоть до изменения характера восприятия социальной действительности. Одновременно появились угрозы, ощущаемые на социетальном уровне, исходящие из процесса глобализации и проявляющиеся в формировании стереотипов и культурных штампов; от техники, порабошающей индивида; от демократии, не способной обеспечить социальную справедливость для большинства граждан; от злокачественных форм религии, лишаящих индивидуальности и навязывающих псевдоценности; от права, где расширяется степень ответственности, позволяющая безответственно его применять и др. Именно в эпоху постмодерна усилилась борьба одновременно и с коррупцией, и с инакомыслием. Однако культура постмодерна не предполагает качественное и быстрое революционное переустройство общества, она выступает за поверхностные социальные изменения, так называемый «косметический ремонт» общественной системы.

Постмодернизм порождает целый ряд культурных парадоксов. Например, мультикультурализм, предполагающий взаимодействие культур, превращается в свою противоположность: культурную изоляцию и этнонационализм. Толерантность рано или поздно порождает конфликты

на межнациональной и межконфессиональной почве. Особенно остро эти парадоксы проявляются в развитии социальных институтов: государства, семьи, права и др. Возникает необходимость в самоорганизации общества, формировании социального согласия на основании доверия, которое должно установиться между субъектами и объектами управления. Вот здесь и появляются самые острые противоречия, позволяющие говорить о кризисе доверия в современном российском обществе.

В постмодернистском ракурсе любое действие органов государственной и муниципальной власти, связанное, прежде всего с правоприменением или нормотворчеством, напоминает ритуал, в ходе которого иногда стираются грани рациональности. Ситуация «сбесившегося принтера», когда депутаты сначала принимают решение о повышении налогов с предпринимателей, ставок транспортного налога, а затем только осознают социальные последствия таких решений, и есть ритуал, в котором субъекты при любом исходе должны выполнить предписанное ритуальное действие, символическая ценность которого оказывается сомнительной. Сложившуюся ситуацию можно представить с позиции концепции Г. Гурвича, в которой утверждается, что социальная система имеет специфический способ саморегулирования и может выбирать различные структурные формы и осуществлять деятельность, соответствующую конкретной ситуации, обеспечивая тем самым нормативный подход. «Носители социального контроля... порождают виды социального контроля, необходимые им и контролируемые ими, и служат активным центром их манифестации. Говоря в общем, каждый носитель социального контроля, в принципе, может производить и применять разные виды и формы социального контроля... Последние имеют сугубо практические функции» [12, р. 294].

Организация Transparency International Global ежегодно проводит Corruption Barometer Survey (GCB) (так называемое исследование барометра коррупции), где выявляется рейтинг стран по следующим индикаторам: частота бытового взяточничества, частота коррупции среди государственных институтов (политические партии, парламент / законодательная власть); частота коррупции среди государственных учреждений (СМИ, правовая система / судебная власть, государственные служащие). В отчёте этой организации за 2013 г. самыми коррумпированными в России, исходя из пятибалльной шкалы (1 - минимальный уровень коррупции, 5 - максимальный), были признаны государственные служащие (4,6), полиция (4,5) и судебная система (4,4). Менее всего оказались подверженными коррупции религиозные (3,1) и некоммерческие организации (3,3) [11, р. 37]. Безусловно, имеются претензии к качеству сбора данных, однако на сегодняшний момент это одна из лучших методик, помогающая сформировать общее представление о системе управления во многих странах. Тем более, что результаты социологических исследований внутри страны подтверждают представленные цифры.

По поводу оценки эффективности системы управления непосредственно в России возникает множество вопросов, так как критерии до сих пор не выработаны. Особенно актуальны ответы на вопросы «Кто будет контролировать?» и «Что будем контролировать?» Весьма символичным можно считать прецедент, когда в адрес Автономной некоммерческой организации «Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р» (далее – Центр) (руководитель Панфилова Е.А.) прокурором г. Москвы в 2013 г. было направлено предостережение о необходимости зарегистрироваться в качестве иностранного агента. В нём указывается, что «Центром организовано и проведено не менее 48 публичных мероприятий по вопросам противодействия коррупции, деятельности органов внутренних дел и государственной поддержки некоммерческих организаций», что подпадает под понятие «политическая деятельность» [6]. Можно признать, что в России право имеет все основания считаться постмодернистским в самом худшем значении этого слова: самая главная норма – это отсутствие всякой нормы. Расширительная трактовка понятия «политическая деятельность» (примерно в таком же «тумане» и чувства верующих) позволяет властям большинство правозащитных организаций либо признавать иностранными агентами, либо вообще ликвидировать, например: «Мемориал», Костромской центр поддержки общественных инициатив, «Го-

лос-Сибирь» и др. В Тюмени за последние пять лет ликвидированы региональные отделения правозащитных организаций «За права человека», «Мемориал» и «Защита прав пенсионеров».

Эти факты противоречат принципам формирования доверия в современном обществе. По мнению П. Штомпки, необходимо стремиться к последовательному строительству правовой системы, которая была бы «единой и непротиворечивой, простой и не слишком расширенной, прозрачной и не таинственной, прочной и не временной. Право должно стать мощным фундаментом сплочённости и стабильности всей общественной организации» [10, с. 320]. Культура доверия может оказаться ещё более дисфункциональной, если она требует от всех слепого подчинения, запрещает критику, не разрешает мониторинг и делает управляемым общественный контроль. И если в обществе начинает преобладать маниакальная недоверчивость, очень сложно бывает определить: была ли она вообще когда-либо обоснованной.

Правоохранительные органы - это та самая структура, которая должна выступать важнейшим субъектом борьбы с коррупцией. Однако в России наблюдается устойчивое недоверие населения к ней, что фиксируется различными исследовательскими центрами страны. Причём эти факты выявлялись как до принятия закона «О полиции», призванного кардинальным образом изменить ситуацию, так и после, несмотря на некоторые улучшения. Так сотрудникам Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр), регулярно осуществляющим опросы общественного мнения на предмет доверия к работникам органов внутренних дел. В книге «Общественное мнение-2013» были представлены некоторые результаты в динамике до реформы милиции и после, что представлено в таблице.

Таблица

Доверяете ли Вы работникам полиции* Вашего города/района
или относитесь к ним с недоверием? N=1600 [5, с. 127]

	2010 ноябрь	2011 март	2012 апрель	2013 февраль	2013 октябрь
Определённо доверяю	5	5	3	4	5
Скорее, доверяю	28	30	30	34	34
Скорее, отношусь с недоверием	42	43	45	43	40
Определённо, отношусь с недоверием	18	17	16	13	11
Затруднились ответить	7	6	6	7	10

*— до 2011 года милиции

Несмотря на некоторые улучшения, в сумме соотношение позиций «определённо доверяю» и «скорее доверяю» и «скорее отношусь с недоверием» и «определённо отношусь с недоверием» существенно различается. Например, в октябре 2013 г. это соотношение составило 39% и 51% не в пользу доверия. Тем не менее, можно считать такой результат прогрессивным по сравнению с мартом 2011 г. (35% и 60%), но не настолько, чтобы утверждать о неких кардинальных изменениях в отношении населения к полиции.

Среди причин недоверия чаще всего респонденты называли коррупцию, взяточничество (49% от числа не доверяющих), а также низкое качество отбора и недостаток профессионализма (по 37%).

За 2011 год 15% граждан отметили нарушения прав граждан со стороны сотрудников полиции, в основном это касалось таких служб как ГИБДД и патрульно-постовая служба [9]. Эти данные коррелируют с приведёнными выше результатами, полученными организацией Transparency International. Хотя исследователи Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) отмечают, что за период 2011-2012 гг. имидж полиции немного улучшился, большинство

опрошенных по-прежнему считают, что полиция не приносит обществу особой пользы и не стоит на защите интересов всех граждан.¹

Среди тех, кому доводилось в течение последнего года контактировать с сотрудниками правоохранительных органов, оценивают их работу более критично, чем те, кто с ними не сталкивался (16% признают пользу от полиции, 22% - вред). Большинство россиян склонны думать, что полицейские защищают интересы отдельных групп населения, а не всех граждан в целом, причём по сравнению с 2011 годом это мнение стало звучать чаще (с 24 до 41%). Только 19% уверены, что это касается интересов населения в целом [7].

При сопоставлении полученных в разные годы результатов авторских полевых исследований в Тюменской области с результатами ведущих социологических центров страны, следует отметить наличие высокого уровня корреляции. Результаты эмпирических исследований создают основания для того, чтобы подвергнуть сомнению стремление современных реформаторов получить быстрые положительные результаты в процессе реформирования путём «косметического ремонта». Цифры лишь являются подтверждением общей тенденции, сформировавшейся в России. Респонденты чаще всего опираются на собственный опыт общения с сотрудниками милиции/полиции, поэтому на основе исследований, осуществлённых автором статьи в разные годы,² следует отметить, что при расчёте средневзвешенной оценки лидировали следующие три позиции, характеризующие опыт негативного контакта респондентов с сотрудниками правоохранительных органов: коррумпированность – 59,8%, использование служебного положения в личных целях – 50,8%, низкая культура общения с гражданами – 39,7%.

После подписания Президентом РФ Указа о создании общественных советов при МВД ситуация практически не изменилась. Не прописана процедура оценки кандидатов и критерии отбора граждан в эту структуру, что означает применение в деятельности советов к указанному документу серии сопроводительных, нормативно ориентированных разъяснений (толкований), преследующих конкретно фиксированные целевые установки для обеспечения безопасности и сохранности конфиденциальной информации подразделений полиции. Не представляется возможным оценить объём проделанной этими организациями работы, так как имеющиеся отчёты, например, «Отчёт о деятельности Общественного совета при МВД по Республике Татарстан и общественных советов при территориальных органах МВД России по городским округам и муниципальным районам Республики Татарстан» [4] отражает скорее работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи, и не содержит анализ обращений граждан и принятых мер со стороны правоохранительных органов за указанный период. Не представляется возможным оценить выполнение пункта Указа Президента РФ об анализе мнения граждан о деятельности органов внутренних дел и доведение полученной в результате анализа обобщённой информации до руководителей соответствующих органов внутренних дел, потому что такая информация отсутствует.

Общественный совет УМВД России по г. Тюмени создан в апреле 2014 г., поэтому дать оценку его деятельности пока не представляется возможным. В составах существующих советов отсутствуют представители правозащитных организаций, что вызывает определённые вопросы. Представляет интерес тот факт, что по результатам опроса автора статьи (2012 г., N=970) оказалось, что население видит в составе структур, осуществляющих контроль за деятельностью власти, пра-

¹ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 11-12 августа 2012 г. Опрошено 1600 человек в 138 населённых пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

² Опрос 2005-2006 гг., N=1269; опрос 2010 г., N= 750; опрос 2012 г., N= 970. Отбор респондентов осуществлялся на основании квотной стратифицированной выборки со связанными параметрами. Выборка многоступенчатая, с учётом численности как постоянно проживающих на территории, так и прибывающих на север Тюменской области для работы вахтовым методом. Квотный отбор по полу, возрасту, образованию, социальному статусу. По индикатору «место проживания» выделены четыре категории населённых пунктов: крупный город с населением 500 тыс. и выше, средний город – от 100 тыс. до 500 тыс., малый город – до 100 тыс. и село.

воохранительных органов, в первую очередь, правозащитников, членов общественных организаций и журналистов. При этом люди высказываются против наличия в составе контролирующих структур бывших сотрудников правоохранительных органов, бывших и действующих чиновников, бизнесменов. Для полноты картины достаточно отметить, что Общественный совет в г. Тюмени возглавляет мэр города. Отсюда следует вывод: прежде чем принимать какой-либо нормативный акт, призванный обеспечивать взаимодействие общества и власти, необходимо было в ходе опроса выяснить у населения, кто, по их мнению, должен выступать в роли контролёров. На основании полученных результатов можно было конкретно прописать сферы компетенции и порядок рекрутирования в члены общественных советов, чтобы сформировать дееспособные структуры на региональном уровне. Если в зарубежной практике формирования подобных организаций принято советоваться с населением, т.е. это устойчивая социальная практика, то в России ещё предстоит такую практику сформировать. В целом в США имеется около 90 гражданских надзорных органов, существующих в различной форме. Несмотря на кажущуюся декларативность некоторых структур, они помогают сформировать общественное доверие.

Справедливости ради следует отметить, что не только правоохранительные органы наделены низким уровнем доверия в обществе, но и власть в целом. Эта проблема носит системный характер. На основании результатов опроса автора, проведённого в 2012 г. в Тюменской области среди факторов, мешающих формированию гражданского общества, лидировали коррупция, падение нравственных ценностей и произвол чиновников.

Причина доминирования коррупции заключается в том, что фактически власть в регионе не подвергается контролю со стороны общественности, а потому область периодически сотрясают коррупционные скандалы. Отсутствие полноценного общественного контроля за деятельностью чиновников в органах местного самоуправления незамедлительно сказывается на уголовной статистике. Согласно информации прокуратуры Тюменской области, с начала 2011 года было выявлено 2253 коррупционных преступления, в том числе 162 факта взяточничества, 310 злоупотреблений и превышений должностных полномочий. За период с 2009 по 2011 гг. количество выявленных преступлений в сфере государственной и муниципальной службы выросло почти в три раза [1].

В 2012 г. экс-заместитель руководителя управы Ленинского округа администрации г. Тюмени Ю. Бедель, экс-председатель комитета по благоустройству и озеленению данной управы Д. Хромов и экс-директор муниципального учреждения «Служба заказчика по благоустройству Ленинского административного округа города Тюмени» С. Потапских в период с октября 2012 по февраль 2013 гг. от организаций в виде взяток получили 8,1 млн. рублей [2]. В 2013 г. было утверждено обвинительное заключение по уголовному делу в отношении бывшего главы Тюменского муниципального района А. Линника и его сообщников, совершивших ряд экономических преступлений. В 2007-2010 годы экс-глава Тюменского района похитил свыше 35 млн. рублей бюджетных средств, выделенных на сферу ЖКХ [8].

В апреле 1999 г. Тюменской областной Думой принят Закон «Об ответственности за неисполнение Законов Тюменской области», где было чётко прописано, что контроль со стороны областной Думы за соблюдением законодательства должен осуществляться в виде депутатских расследований, заслушивания отчётов по результатам депутатских запросов, обсуждения информации в ходе работы постоянных комиссий и комитетов [3, ст.8,п.1]. Но в законе такая форма контроля как депутатское расследование не регламентируется. В сентябре 2012 г. проект закона «О депутатском расследовании в Тюменской области» был отклонён. Главным аргументом выступил тот факт, что в отличие от Чечни, Дагестана и Северной Осетии, где приняты такие нормативные акты, Тюменская область - стабильный во всех отношениях регион, и подобный закон здесь не нужен. Самоуверенность сама по себе не является гарантом формирования доверия к власти.

В целом для его формирования в обществе действия властей должны носить открытый характер. Например, в Тюменской области весьма актуальным является создание независимых средств

массовой информации, независимых центров мониторинга общественного мнения с целью избежать так называемого «плюралистического невежества». То есть, должны существовать несколько условий для формирования нового элемента в социальной системе - эффективного гражданского контроля («ЭГК»). Во-первых, независимость от государственной или муниципальной власти и самостоятельность функционирования данного механизма. Во-вторых, отсутствие «рычагов давления» на субъектов, осуществляющих базовые функции гражданского контроля. В-третьих, подотчётность всех иерархических уровней власти обществу, и на основе данных оценок – формирование общественного мнения. В-четвертых, наличие противоречий на «входе» (исходные параметры для принятия управленческих решений) и на «выходе» (результаты принятия управленческих решений), которые сложно обнаружить на ранних этапах и произвести комплекс превентивных мероприятий. В-пятых, общественный кризис в ситуации выявления истинного уровня развития государства и действий лиц, ответственных за текущее положение дел.

В качестве механизма преодоления кризиса доверия к системе управления автор статьи видит формирование гражданского контроля и наблюдения. Однако процесс его создания проходит гораздо медленнее, чем институционализация теневых практик. Этому способствуют несколько факторов: 1) слабость гражданского общества, проявляющаяся ввиду низкой гражданской активности самих граждан, выбирающих порой неинституциональные методы сопротивления; 2) несовпадающие цели власти и населения: в первом случае – это контроль над ресурсами и обогащение, во втором – рациональное использование ресурсов и выживание; 3) подмена истинных функций гражданского контроля борьбой компроматов; 4) отсутствие оппозиционной прессы в регионах.

Литература:

1. Более 2,2 тыс. коррупционных преступлений выявлено в Тюменской области. URL: <http://crimerussia.livejournal.com/5265583.html> (дата обращения: 16.11.2013).
2. Бывшие чиновники Ленуправы обвиняются во взяточничестве и мошенничестве. URL: <http://www.nashgorod.ru/news/news61877.html> (дата обращения: 16.11.2013).
3. Закон Тюменской области от 08.07.1999 № 121 «Об ответственности за неисполнение Законов Тюменской области». Текст правового акта по состоянию на август 2012 года/ Семёрка. Российский правовой портал. URL: <http://law7.ru/tyumen/act4w/v650.htm> (дата обращения: 18.12.2013).
4. О деятельности Общественного совета при МВД по Республике Татарстан и общественных советов при территориальных органах МВД России по городским округам и муниципальным районам Республики Татарстан в первом полугодии 2013 г. Официальный сайт Министерства внутренних дел по Республике Татарстан. URL: <http://mvd.tatarstan.ru/rus/info.php?id=590872> (дата обращения: 23.04.2014 г.).
5. Общественное мнение – 2013. М.: Левада-Центр, 2014. – 252 с.
6. Пастухов И.Н. Правовой анализ/ Фонд ИНДЕМ. Официальный сайт. URL: <http://www.indem.ru/russian.asp> (дата обращения: 25.04.2014).
7. Работа полиции: общественная оценка. Пресс-выпуск №2147. Официальный сайт ВЦИОМ. 24.10.2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113269> (дата обращения: 25.11.2012).
8. Рябкова Н. Чиновнику грозит 10 лет. URL: <http://aktualno.ru/view/tumen/accidents/14815> (дата обращения: 16.11.2013).
9. Уровень безопасности личности и деятельности органов внутренних дел РФ. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=113276> (дата обращения: 25.11.2012).
10. Штомпка П. Доверие – основа общества/ Пётр Штомпка: пер. с польского Н.В. Морозовой. – М.: Логос, 2012. – 440 с.
11. Global Corruption barometer/ Transparency International. Germany. Berlin. 2013. 43 p.
12. Gurvitch G. Social Control // Gurvitch G., Moore W. (Ed.) Twentieth Century Sociology. N.Y.: Philosophical Library, 1945. 309 p.

**ТЕНЕВАЯ БИЗНЕС-АКТИВНОСТЬ МОЛОДЁЖИ
В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ**
**SHADOW BUSINESS-ACTIVITY OF YOUTH
IN CONDITIONS OF CONSUMER SOCIETY**

Грошева Л.И.,
преподаватель кафедры Гуманитарных
и общенаучных дисциплин,
Тюменского высшего военно-инженерного командного училища
(военный институт) имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

Аннотация. В статье автор отмечает достаточно устойчивые предпосылки для роста девиаций в молодёжной среде в условиях общества потребления. Несмотря на превалирующую долю сферы торговли в теневом молодёжном бизнесе, среди молодых предпринимателей присутствует значительное количество тех, кто производит уникальные бытовые товары, либо услуги досугового характера. Для этой категории подобная деятельность является порой единственным способом преодолеть социальную эксклюзию, либо обеспечить себе максимально возможный жизненный комфорт. Автор полагает, что комплексный подход к работе с теневыми предпринимателями может не только свести к минимуму ущерб от отсутствия налоговых поступлений со стороны данных компаний, но и повысить рентабельность официального бизнеса в регионе.

Annotation. In the article the author stresses quite stable conditions for deviations' growth among the youth in terms of the consumer society. Despite the preferential development of the sphere of trade in the shady business of youth among the young entrepreneurs there is a significant number of those who produce unique household goods, services for leisure. For this category such activity is sometimes the only way to overcome the social exclusion, or to secure the highest possible standard of living. The author believes that a comprehensive approach to dealing with shady entrepreneurs can minimize the damage from a lack of tax revenues from these companies, but also can improve the profitability of official business in the region.

Ключевые слова: молодёжь, молодёжный бизнес, теневое предпринимательство, благосостояние населения, молодёжная политика.

Keywords: youth, youth business, shady entrepreneurship, welfare, youth policy.

В условиях современного общества потребления особенно интенсивно распространяются ценности успешного молодого человека. Чаще всего в качестве признаков успеха обозначаются количественно измеримые и внешне идентифицируемые знаки отличия в виде конкретных материальных благ, доступа к досугу «элитарной» стоимостной категории. Чрезмерная акцентуализация внимания и формирование установок молодёжи на успех любыми средствами в значительной мере приводит к возрастанию доли девиантных проявлений в её среде.

По-прежнему наиболее универсальным средством измерения потенциала успешного молодого человека является обладание денежными средствами. Многочисленные исследования относительно самооощения молодых людей в России показывают достаточно высокий процент уверенности в своём текущем материальном положении, относительно высокий уровень удовлетворённости жизнью, позитивную самооценку своей успешности. Однако в то же время значительное количество респондентов не имеют чёткого представления о долгосрочных перспективах развития. По данным 2010 года, лишь 6% россиян ответили, что могут ясно представить своё будущее более чем на пять лет вперед, лишь одна пятая видит его на год-два вперёд. Но и относительное большинство молодых людей также считают, что могут планировать свою жизнь не более чем на год-два

вперёд [4, с. 55]. Этот показатель свидетельствует об установке на одномоментное получение дивидендов и быстрое достижение успеха. Согласно опросу молодёжи, проведённому исследовательской группой Левада-Центра в 2011 году (N=1600), удовлетворённость материальным положением в среде молодёжи в целом растёт. Если в 1997 г. высокий уровень удовлетворённости указали 14%, то в 2011 г. этот показатель возрос до 37% опрошенных. Однако в то же время 51% отмечают затруднения в приобретении вещей длительного пользования (бытовая техника и более дорогостоящие товары) [4, с.38]. Подобный разброс может быть вызван преобладающим характером потребительских настроений молодёжи. Так большая часть престижных товаров определена сегментом относительно доступной бытовой электроники. Но наиболее затруднительным для себя молодёжь видит устройство на работу с высоким уровнем заработка, либо открытием своего дела. Данную проблему отмечают до 60% молодых людей [4, с.37], что подкрепляется ощущением недостатка материальных средств (71%) и остротой вопроса трудоустройства (54%) [4, с. 38].

Согласно исследованию Международной организации труда (МОТ), проведённому в 2011 году, в России среди населения в возрасте 18-30 лет не имеют постоянной работы 30%, в то время как теневая сфера включает 12% от всей совокупности [2]. При этом следует учитывать несовершенство методик оценки масштабов теневого бизнеса ввиду того, что единичные предприниматели предпочитают не афишировать свою деятельность, т.е. не выходить на рынок, более ёмкий, чем удовлетворяющий их текущее предложение.

При обращении к данным Росстата становится очевидным, что наиболее проблемный диапазон в отношении трудоустройства и определения материального обеспечения жизни составляет 20-25 лет. По данным на конец третьего квартала 2013 года молодёжь до 25 лет среди безработных составляла 29,3 %. Высокий уровень безработицы отмечался в возрастной группе 20-24 лет (13,2%). Среди городского населения процент нетрудоустроенных составлял 13,1%, среди сельского населения - 17,3%. Коэффициент превышения уровня безработицы среди молодёжи в среднем по возрастной группе 15-24 лет по сравнению с уровнем безработицы населения в возрасте 30-49 лет составляет 3,6 раза [5]. Данные свидетельствуют о том, что существенная часть молодых людей, находящихся на этапе обучения в профессиональных учебных заведениях, либо недавно получивших образование, сталкиваются со значительными затруднениями в сфере поиска работы с желаемой оплатой труда, либо условиями работы. Эта часть молодёжи в целом является наиболее экономически и граждански активной, поэтому её временное исключение из экономических отношений имеет потенциал, стимулирующий негативную девиацию.

Данный потенциал реализуется в рамках нескольких тенденций.

1. Популяризация иждивенческого типа существования (синдром хикикомори) – который исключает всякую социальную активность индивида. Несмотря на достаточно неэффективный с точки зрения экономического, социального и морального положения индивида, данная тенденция уже получила широкое распространение в Японии, странах Евросоюза и США, как ответ на страх перед неопределённым будущим и отсутствием гарантированных перспектив.

2. Формирование статусной диссоциации. В данной ситуации мы получаем молодёжь с высшим образованием, занятую в низкоквалифицированных сферах труда, обладающих зачастую низким жизненным тонусом и склонностью к делинквентному поведению.

3. Развитие феномена девиантной образовательной системы, включающей установки лишь на получение квалификационных документов, так как вероятность применения фактических знаний оценивается как невысокое. Преподаваемая информация позиционируется как устаревшая и не имеющая возможности быть реализованной на практике.

4. Развитие теневых форм предпринимательской бизнес-активности в сферах, имеющих прямое или косвенное влияние на здоровье и нормальную жизнедеятельность людей (криминальный бизнес, наркобизнес, теневая коммерческая деятельность).

5. Пополнение делинквентных групп молодёжи новыми участниками для совершения преступлений.

Молодые люди в качестве значимых условий или средств достижения успеха и карьеры выделяют явления, негативно оцениваемые в массовом сознании: блат, использование властных ресурсов, связей (54 %); циничный, эгоистичный расчёт, прагматизм, что само по себе и есть механизм дисквалификации, понижения ценности успеха, карьеры как социального факта [4, с. 53]. Данное смещение ориентиров может привести к формированию терпимого отношения к криминальным структурам и способам достижения цели. Так наиболее распространенным преступлением остаются кражи (ст. 158 УК РФ). На втором месте стоит грабеж (ст. 161 УК РФ) [6]. Другими словами, решение экономической проблемы не только значимый фактор в области планирования жизни и создания семьи, но и точка бифуркации в выборе социально одобряемого или криминального пути развития молодого человека.

Другая проблема роста девиантных форм развития молодёжи вызвана затруднительным формированием социального капитала. Согласно официальным данным около 60% всех трудоустройств молодёжи приходится на социальные связи с внешним миром: друзьями, родственниками, знакомыми и пр. [5]. Однако в настоящее время развитие интернет-технологий, в том числе социальных сетей с полуреальной информацией, высоким уровнем обмана и неточности послужил причиной формирования и накопления дисфункционального социального капитала, который не имеет под собой действительной силы, позволяющей продвинуться по карьерной лестнице, либо создать тесные межличностные связи. Данная закономерность характеризует сравнительно низкий уровень доверия к источникам социального ресурса, который, по мнению одного из исследователей социального капитала Ф. Фукуямы [1], составляет основу формирования социальных связей. Соответственно данный социальный капитал характеризуется низким качеством и практической значимостью, что опять же приводит к развитию вышеуказанных тенденций негативной девиации. Этот факт стал особенно тревожным, так как весьма активно пропагандируется образ обеспеченного молодого человека, который в условиях современной российской системы не может быть широко распространённым. Это связано с рядом принципиальных особенностей экономического фона в стране.

1. Сравнительно низкая возможность совмещения обучения и трудовой деятельности без ущерба для успеваемости, что связано с достаточно жёсткими требованиями работодателей и организацией учебного процесса.

2. Несоответствие зарплатных ожиданий работодателя, соискателя и уровня первичных бытовых зарплат – при средней заработной плате молодого специалиста в Уральском и Сибирском федеральных округах России (в частности в г. Тюмень) в 15 тыс. руб., при условии полного рабочего дня снять квартиру вблизи учебного заведения в среднем обходится в 10-15 тыс. руб. в месяц. Учитывая транспортные и иные обязательные расходы, работающий студент по-прежнему остаётся на иждивении родителей. Таким образом, не может быть и речи о самообеспечении.

3. Отсутствие достоверной маркетинговой информации для открытия собственного бизнеса. Несмотря на то, что в ряде учебных заведений введены специальные курсы по составлению бизнес-плана и планированию предпринимательской деятельности, данный вид активности не становится массовым ввиду опасений изменения налоговых ставок, формы государственного контроля и отсутствия достоверных данных о состоянии различных сфер производства и услуг.

4. Противопоставление высокого уровня ответственности, возлагаемого на молодёжь обществом и низкой потребности в принятии данной потребности. Основная идея многочисленных программ позиционирует молодёжь как основу будущего и двигатель прогрессивных течений и инноваций, однако подавляющая часть молодёжи не способна или не желает брать на себя предписываемый ей объём ответственности, не обладая для этого необходимыми психологическими и экономическими ресурсами.

В конце 2013 года автором статьи был проведён анализ двадцати общероссийских и региональных порталов, предлагавших вакансии для молодёжи (из исследования были исключены Москва и Санкт-Петербург ввиду существенной разницы в оплате наёмного труда по сравнению с большинством регионов страны). Были рассмотрены все вакансии, ориентированные на молодых людей без специального опыта работы. Также были опрошены в качестве экспертов молодые люди в возрасте 18-30 лет, занимающиеся исключительно теневой формой бизнеса (в рамках разрешённых видов коммерческой деятельности, N=20). Результаты представлены на рисунке.

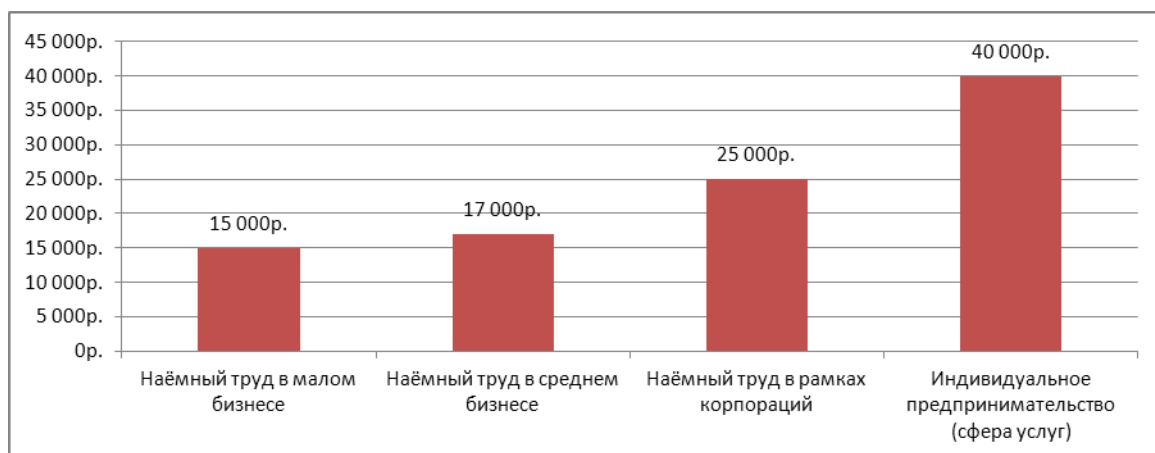

Рис. Примерное соотношение доходов в рамках различных форм занятости, руб.

Как свидетельствуют приведённые данные, разница между средней оплатой наёмного труда и отдачей от усилий в сфере бизнес-активности фактически различается в два раза. Этот нюанс привлекает молодёжь, которая по заявлениям экспертов чаще всего начинает с подработки.

Согласно итогам «Глобального мониторинга предпринимательства», проведённом в 2012 году Высшей школой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (ВШМ СПбГУ) при поддержке Babson College и London Business School (было опрошено население 69 стран), российское предпринимательство носит вынужденный характер – его целью является решение насущных финансовых проблем, практически не раскрывается трудовой и предпринимательский потенциал населения, а качество ведения бизнеса остаётся весьма низким. [3] Особенно удивительным является тот факт, что чем дольше человек осуществляет бизнес в России, тем больше становится тех, кто считает свой бизнес «вынужденным».

Напротив большинство нелегальных предпринимателей в среде молодёжи указывают на саморазвитие, самореализацию и получение признания в определённых кругах общества. Многие из них – носители позитивной девиации, подверженные в прошлом или настоящем некоторой степени социальной эксклюзии.

Анализ сетевых сообществ универсального (социальные сети) либо специализированного характера (порталы мастеров различных видов декоративно-прикладного искусства (ДПИ)) показал, что в основном молодёжь избираются несколько типовых вариантов самореализации.

1. Сфера посреднических услуг. Выступает в трёх основных формах: содержание определённого ассортимента (некоторое подобие интернет-магазина), организация коллективных закупок (наибольшее распространение выявлено в сфере торговли одеждой, аксессуарами, малогабаритной бытовой электроникой), обеспечение индивидуального посредничества (осуществление закупки готовой продукции с ориентацией на индивидуальный интерес клиента).

2. Сфера бытовых и досуговых услуг. Бытовые услуги в большинстве своём реализуются посредством стандартных типовых систем работы (парикмахерская, салон красоты, клининговые компании и пр.). Более востребованными со стороны молодёжи, склонной к позитивной девиации, является сфера досуговых услуг, заключающаяся в генерации новых видов, способов оказания

услуг, т.е. по сути данные организации выполняют концептуально точную предпринимательскую функцию (организация праздников, шоу мыльных пузырей, кислородные салоны, стояние в очередях и пр.).

3. Сфера реализации товаров ДПИ. Данный сектор наиболее продуктивен с точки зрения вовлечения людей с определённой степенью девиаций, хотя в некоторых случаях он характеризуется сравнительно меньшей рентабельностью. Указанная группа теневой бизнес-активности включает достаточно широкий диапазон участников: лица с ограниченными возможностями, женщины в период ухода за ребёнком, нетрудоустроенные молодые люди, получившие творческие профессии, а также совмещающие бизнес с основной работой.

Основное преимущество данных теневых бизнес-групп заключается в том, что реализация значительного количества товаров происходит через виртуальные сети, где есть возможность преодолеть отсутствие реального социального капитала. Более чем 70% экспертов отмечают, что их клиенты в подавляющем большинстве находятся за пределами их территории проживания (в некоторых случаях – в других странах). Так же не исключается возможность временной приостановки деятельности в случае временной нетрудоспособности. Вопрос временного отсутствия возможности получения средств к существованию часть молодых людей решила посредством создания семейных предпринимательских единиц. Чаще всего они относятся к категориям интергенерационного (оставшееся в наследство ремесло), нуклеарного (ведение одного семейного бизнеса обоими супругами) или патронатно-стаховочного бизнеса (ведение супругами различных видов бизнес-деятельности, косвенно связанных, либо не связанных друг с другом).

В сложившихся условиях следует признать тот факт, что теневой молодёжный бизнес в целом имеет позитивную направленность, особенно в сфере реализации способностей молодёжи позитивной девиантной группы. Так же данная категория деятельности способна удерживать часть молодёжи от социального «сползания» в криминальную и полукриминальную активность (ввиду отсутствия иных способов заработка), которая в большей степени нежелательна для государства. В данном случае создаётся двойственная ситуация, когда борьба с негативным влиянием теневого бизнеса на экономику вступает в противоречие с социальным и экономическим комфортом молодых граждан.

Решение данного противоречия в условиях текущего состояния информационной и образовательной инфраструктуры бизнес-среды затруднительно, однако возможна коррекция некоторых аспектов, и частичный естественный вывод молодёжного бизнеса на официальный тип функционирования. Наиболее актуальной в сложившейся конъюнктуре является комплексный подход, включающий организационную, образовательную и правовую компоненты.

1. Организационная компонента должна в первую очередь охватывать два основных направления по работе с молодыми предпринимателями различного уровня легализации. Первое включает создание единых реестров благонадёжности предпринимательских структур. На настоящий момент социальный контроль за деятельностью подобных структур в сети интернет осуществляют либо индивидуальные распространители сведений о фактах невыполнения сделок, либо существуют отдельные объединения, занимающиеся созданием списков надёжных и недобросовестных агентов (Попытка создания данного реестра имеет место в соцсети Вконтакте – Интернет-магазины RUнета). В качестве второго направления стоит рассматривать идею комплексного обслуживания молодых предпринимателей, т.е. система «единого окна», которая должна охватывать полный спектр услуг наиболее актуальных сервисов, с целью сокращения потери времени, а также снижения негативного восприятия работы с госструктурами.

2. Образовательные программы для молодых предпринимателей для охвата наибольшей аудитории должны быть широко представлены в виде открытых семинаров, которые не должны требовать обязательной регистрации присутствия участников. Наиболее предпочтительными

направлениями образовательной деятельности, как отмечают эксперты, являются способы поиска клиентов, организации конкурентной борьбы, оценки благонадёжности поставщика и пр.

3. В правовом поле России в настоящий момент вынуждены идти на уступки растущей доле теневого предпринимательства молодёжи, путём выдачи специальных патентов. Система патентирования, предусматривающая минимальные требования (регистрация, свободные взносы, отсутствие отчётности), необходима и во многом актуальна для таких форм молодёжной бизнес-активности, как индивидуальное предпринимательство и семейное предпринимательство без привлечения наёмных работников, так как данные бизнес-структуры направлены исключительно на поддержание домохозяйства, нежели на получение сверхприбыли.

Данные меры не являются исчерпывающими, однако именно они могут стать основой перехода от запретительной концепции системы управления бизнесом к стимулирующей и регулирующей концепциям. Следует отметить, что нежизнеспособные формы бизнеса погибают в среднем в течение 1-2 лет. Практический смысл в их регистрации на уровне домохозяйств отсутствует и несёт в себе лишь дополнительные организационные и финансовые затраты. Лишь показавшие свою конкурентоспособность формы могут претендовать на официальную деятельность, которая необходима, если организация собирается расширять ассортимент и переходить на взаимодействие со средними и крупными юридическими фирмами.

Невозможность реализации теневого бизнеса в отдельных случаях, как и значительное его расширение в общей совокупности экономических отношений являются угрозой либо для экономической, либо для социальной сферы жизни общества. Поэтому необходимо вместо экспансивной конкурсно-соревновательной политики реализовывать комплексное организационно-правовое поле для стимулирования эффективной и комфортной бизнес-активности молодёжи.

Литература:

1. Francis Fukuyama TRUST: The Social Virtues and the Creation of Prosperity Free Press; 1st Free Press Pbk. Ed edition 1996, 480 p.
2. Безработица среди молодежи в России достигает почти 30%. Информационный портал Финам. // URL: <http://finam.info/news/bezrobotitsa-sredi-molodegi-v-rossii-dostigaet-pochti-30/> (дата обращения: 17.06.2014 г.).
3. Верховская О.Р. Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM). Портал Высшей школы менеджмента. // URL: http://www.gsom.spbu.ru/files/upload/research/gem/gem_full_13.pdf (дата обращения: 15.06.2014 г.).
4. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. - М.: Московская школа политических исследований, 2011. - 96 с.
5. Занятость и безработица в России. Портал Росстата России. // URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/197.htm. (дата обращения: 15.06.2014 г.).
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2012 года. Портал Министерства внутренних дел Российской Федерации. // URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_102505/#top_page (дата обращения: 20.01.2014 г.).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

CONCEPT OF SECURITY IN CRIMINOLOGY: SETTING THE RESEARCH AGENDA

Гуринская А.Л.,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права,
юридический факультет РГПУ им. А.И. Герцена,
кафедры проблем междисциплинарного синтеза
в области социальных и гуманитарных наук, факультет свободных
искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. Проблематика безопасности в последние десятилетия пронизывает все сферы жизни и проникает в криминологическую науку и практику противодействия преступности, в которых различные проактивные стратегии, направленные на обеспечение безопасности, сменяют традиционные подходы социального контроля и борьбы с преступностью. Вместе с тем, само криминологическое понятие безопасности остается недостаточно разработанным. Это связано с многогранным и противоречивым характером феномена безопасности. В структуре понятия безопасности представляется необходимым выделять объективную и субъективную сторону, а также такие элементы, как объект, угроза, способы обеспечения и субъект.

Annotation. Recent decades have witnessed how security issues penetrate all areas of life. In criminology it results in adoption of a number of proactive strategies aimed at providing security that become an alternative to the traditional “social control” and “fighting with crime” approaches. However, the concept of security remains not sufficiently developed. The reason for that security being a highly controversial phenomenon. There are objective and subjective sides of security. In order to define the concept one needs to address such questions as the object of security, threats to it, means and subjects of provision.

Ключевые слова: безопасность, преступность, криминология, предупреждение преступлений

Keywords: security, crime, criminology, crime prevention

В середине XVII в. Т. Гоббс писал, что в состоянии войны всех против всех «жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна».¹ Ради обеспечения безопасности люди добровольно объединяются и учреждают государство, причем его задачей является не только защита человека как биологического существа. Благom (salus), к которому нужно стремиться, является счастливая жизнь - не просто свободная от насилия, но жизнь, «приносящая плоды, при которой ... [люди] могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве».² Обеспечение именно такой защиты граждан и является высшим смыслом существования государства. Т. Гоббсу спустя полвека вторит Дж. Локк - главным принципом, лежащим в основе любых действий власти является salus populi suprema lex (общее благо является высшим законом).³ Общим же благом является сохранении жизни, свободы, здоровья, телесной неприкосновенности или собственности, т.е. безопасность. Необходимость обеспечения общего блага, согласно представлениям философа-основателя либеральной идеологии, позволяет исполнительной власти воспользоваться правом прерогативы - действовать по собственному разумению, не опираясь на предписания закона,

¹ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. - М.: Издательство «Мысль», 2001. - С.87.

² Там же. С. 119.

³ Локк Дж. Сочинения: В 3т. - Т.3. - М.: Мысль, 1988. С. 355.

а в ряде случаев даже вопреки ему.⁴ Таким образом, еще в XVII утверждается идея о том, что без безопасности не может быть свободы, столь необходимой для счастливой и продуктивной жизни, а значит благо безопасности приоритетно перед всеми иными благами. К концу XVIII века, как пишет Г. Берчелл, свобода и безопасность становятся практически синонимами.⁵ На стражу безопасности становятся такие институты, как полиция, тюрьмы, социальная защита. Их развитие играло роль не только в вопросах укрепления внутренней безопасности, но и обеспечивало эффективность военной машины и системы национальной безопасности.⁶

Таким образом, изначально люди конституируют государство и соглашаются признать его право на применение насилия для предотвращения и минимизации последствий наиболее опасных для человека посягательств, но в современном мире оказываются буквально опутанными разнообразными «сетями безопасности», в «плетении» которых участвуют уже не только государственные структуры всех уровней власти, но и надгосударственные образования, частные компании, отдельные индивиды и их неформальные объединения. Обоснование политического решения необходимостью обеспечения безопасности обеспечивает легитимность такого решения и его скорейшую реализацию. Это может создавать соблазн для использования риторики безопасности даже в тех случаях, когда вопрос не связан с угрозами, рисками и потенциальным причинением вреда. В связи с этим важно понимать, что мы имеем ввиду, когда произносим слово «безопасность», какие составные элементы этого понятия можно выделить. Можем ли мы прикоснуться к безопасности, ухватить онтологическую суть этого понятия, или она, как жидкость,⁷ утечет сквозь пальцы? Необходимо ли, наконец, выработать свое собственное определение применительно к криминологической проблематике, или же криминологи могут довольствоваться законодательным понятием и определениями, являющимися частью понятийного аппарата других наук?

В настоящей работе мы рассмотрим, как проблематика безопасности из сферы международных отношений проникает в криминологию, после чего сконцентрируемся на вопросе об особенностях криминологического понятия безопасности - его объективных и субъективных характеристиках, а также его составных элементах. В настоящей работе мы не ставим задачу сформулировать криминологическое понятие безопасности. Скорее она нацелена на постановку этой теоретической проблемы и выявление некоторых противоречий, связанных с ее решением.

Понятие безопасности приходит в криминологию из науки международных отношений, в которой международная и национальная безопасность являются давними объектами исследования. Однако в 90-е гг. XX века в связи с окончанием «холодной» войны и крушением биполярного мира происходит изменение системы международных отношений и, как результат, переосмысление проблематики безопасности научно-экспертным сообществом.⁸ Наряду с изменением представлений о способах обеспечения безопасности в условиях нового устройства мира, возникает интерес к вопросам безопасности личности, а также приобретают популярность теории, рассматривающие безопасность как политическую практику, а не как объективное состояние дел.⁹ Кроме того, конец «холодной» войны сместил акценты национальной безопасности с внешних на внутренние проблемы. Безопасность граждан, безусловно, всегда рассматривалась в качестве приоритетной задачи, однако в 90-е на ее решение были перенаправлены существенные политические и экономические ресурсы.¹⁰

⁴ Там же. С. 357

⁵ Burchell G. Peculiar interest: civil society and governing 'the system of natural liberty' // *The Foucault effect: studies in governmentality: with two lectures by and an interview with M.Foucault* / Ed. by Burchell G., Gordon C., Miller P. - Chicago: The University of Chicago Press, 2001. P. 139.

⁶ Zedner L. *Security*. Oxon: Routledge, 2009. P. 36.

⁷ Zedner L. *Liquid Security: Managing the Market for Crime Control* // *Criminology and Criminal Justice*. 2006. Vol. 6(3). Pp. 267-288.

⁸ Сергунин А.А. Международная безопасность: новые политические подходы и концепты // *Полис*. 2005. № 6.

⁹ Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // *Полис*. 2011. №3. С. 24.

¹⁰ Zedner L. *The Concept of Security: an Agenda for Comparative Analysis* // *Legal Studies*. 2003. P. 153.

Размытость границ между внешней и внутренней безопасностью явно обнаружилась после событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, заставивших мировое сообщество искать новые способы противостояния угрозе террора. Следствием явилось развертывание войны с терроризмом и усиление связанных с этим мер безопасности, в связи с чем актуализировался вопрос о соотношении свободы и безопасности.

Однако проблема укрепления безопасности и защиты населения от криминальных угроз не сводится только лишь к противодействию угрозам террористического характера. Еще с 80-х гг. XX века практики контроля над преступностью в неолиберальных государствах (прежде всего, США, Великобритании, Австралии) переосмысляются в терминах обеспечения безопасности. Уголовная политика становится политикой безопасности. Криминологи объясняют, что такое безопасность,¹¹ рассказывают, как нужно ею «заниматься»¹² и управлять,¹³ как сделать ее более демократичной и цивилизованной,¹⁴ гарантировать права человека при ее обеспечении.¹⁵ Эти попытки осмысления безопасности в рамках нормативного подхода соседствуют с ее критическим переосмыслением.

Тематика безопасности проникает не только в криминологическую науку, а пронизывает все сферы общественной жизни. В школах изучают «Основы безопасности жизнедеятельности», эксперты рассуждают о безопасности национальной и экологической, государственной и продовольственной, общественной и финансовой. Множество разнообразных явлений - коррупция, некачественное продовольствие, неконтролируемая миграция, нетрадиционные ценности, экстремизм и т.д. - объявляются угрозами безопасности. Опасности подстерегают везде - на детской площадке и в метро, на рабочем месте и на диване перед телевизором. Холестерин угрожает сосудам, курение - легким, прививки - иммунитету, реалити-шоу - интеллекту и нравственности. Список угроз постоянно пополняется, а граждане призывают к государству, которое воспринимается ими как основной гарант безопасности, требуя обеспечить защиту от каждодневно возникающих угроз - запретить пропаганду, ограничить курение, криминализировать оскорбление. Угроза, опасность, риск стали элементом повседневной жизни. Понятие безопасности расширяется экспоненциально.

Что же мы имеем ввиду, произнося слово безопасность? Очевидно, что исторические и содержательные границы понятия безопасности довольно размыты.¹⁶ Можно ли в принципе дать определение безопасности, и будет ли оно одинаково применительно к обеспечению национальной и антикриминальной безопасности? Каким понятием должны руководствоваться криминологи, разрабатывая свои предложения по совершенствованию системы общественной безопасности и безопасности личности? И являются ли, например, синонимичным употребление термина «безопасность личности» в документах ООН и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.?

В современных теоретических спорах относительно понятия безопасности можно условно выделить две линии. Согласно первой, во всех понятиях безопасности можно выделить общие элементы, и в этом смысле можно говорить о существовании общего понятия безопасности, которое можно успешно применить к различным сферам, наполняя эти элементы конкретным содержанием в зависимости от того, о какой области жизни идет речь. Как указывает Д. Болдвин, без четких понятий ученые не смогут вести друг с другом диалог, а политики не смогут провести различие между альтернативными политическими курсами.¹⁷ Отсутствие общего, хотя бы даже и относительного,

¹¹ Zedner L. Security.

¹² Button, M. Doing Security. Critical Reflections and an Agenda for Change, Palgrave Macmillan, 2008. 251p.

¹³ Johnston, L., Shearing, C. Governing Security: Explorations in Policing and Justice, Routledge, London, 2003. 177 p.; Wood, J., Dupont, B. (Eds.) Democracy, Society and the Governance of Security, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2006. 291p.

¹⁴ Loader, I., Walker, N. Civilizing Security. Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2007. 291 p.

¹⁵ Goold B., Lazarus L. (Eds.) Security and Human Rights. Oxford, Hart Publishing, 2008. 426 p.

¹⁶ Мартынов К. Рождение безопасности // Отечественные записки. 2013. №2 (53).

¹⁷ Baldwin D. The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23. P. 6.

понимания безопасности приводит к бессмысленности обсуждения вопроса о балансе свободы и безопасности и любых попыток нормативных дискуссий о должном в сфере обеспечения безопасности. Следует отметить, что эта исследовательская линия является значительно более плодотворной в вопросах изучения коллективной и национальной безопасности. Что касается внутренней безопасности, то, как утверждает Д. Уолдрон, в теории права и в политической науке предпринималось не так много попыток внесения ясности в это определение.¹⁸

Согласно второй линии исследований, единого понятия безопасности не существует; это просто слово, с помощью которого обозначаются всевозможные практики управления, динамичные и внутренне противоречивые.¹⁹ Поэтому мы не можем сказать, что такое безопасность, а можем лишь эмпирически изучать практики, связанные с ее обеспечением, или же действия, которые, как заявляется, преследуют цель защиты населения от возникающих угроз. Теория секьюритизации «копенгагенской школы» международных отношений вообще предлагает изучать безопасность как дискурсивную практику, в ходе которой в обществе закрепляются определенные представления об угрозах как реальных, что затем находит отражение в реальной политической практике.²⁰

«Гонка» за безопасностью не обошла и отечественную криминологию. Ученые призывают государство обратить пристальное внимание на необходимость обеспечения антикриминальной или криминологической безопасности.²¹ Они аргументируют, что рассмотрение проблемы преступности под углом безопасности является актуальным, прогрессивным и способно заменить устаревшую парадигму борьбы с преступностью, сместив фокус с объекта нападения (преступности) на объект защиты (личность, общество, государство) и переориентироваться на оборонительную или оберегательную стратегию.²² Как указывают М.М. Бабаев и Е.Н. Рахманова, именно состояние безопасности является конечным смыслом и высшей целью деятельности государства и общества в сфере их противостояния преступности.

Следует понимать, что борьба с преступностью и обеспечение безопасности - это не просто разные названия одной и той же деятельности. И дело тут не только в замене наступательной на оборонительную стратегию. К тому же в реальности обеспечение безопасности предполагает использование обоих подходов, причем совсем неоднозначно, что приоритет будет отдан защите объекта, а не атаке на источник угрозы. Так, например, в своей работе, посвященной социальным и правовым основам безопасности человека, А.А. Тер-Акопов утверждает, что приоритетным является обеспечение безопасности не с помощью защиты от существующих угроз, а путем нейтрализации самой угрозы. При этом он делает оговорку, что применительно к преступности можно говорить только о снижении ее уровня до определенного предела, хотя в других случаях может быть поставлена задача полного устранения опасности.²³ Представляется, что в том случае, когда безопасность

¹⁸ Waldron J. Safety and Security // Nebraska Law Review. 2006. Vol. 85. P. 456.

¹⁹ Valverde M. Question of Security: a Framework for Research // Theoretical Criminology. 2010. Vol. 15 (1). P. 5.

²⁰ О теории секьюритизации см. подробнее: Морозов В.Е. Теория секьюритизации: учебно-методическое пособие. СПб, 2006.; Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. 2011. №3.

²¹ Плешаков В.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних. автореф. дисс. ... док. юр. наук : 12.00.08. - Москва, 1998. - 22 с.; Бабаев М.М., Рахманова Е.Н. Права человека и криминологическая безопасность: Учебное пособие. - М.: Логос, 2003. - 153 с.; Горшенков Г.Г. Антикриминальная безопасность личности: Монография/Г.Г.Горшенков - Н.Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. Службы, 2006. - 294 с.; Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография / под науч. ред. Н.В.Щедрина; Сиб. Федер. Ун-т. - Красноярск: СФУ, 2010. - 324 с.; Симоненко Д.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение органами внутренних дел. автореф. дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.08. - Москва, 2007. - 22 с.; Шабанов С.Г. Криминологическая безопасность корпораций и ее прогнозирование: автореф. дисс. ... канд. юр. наук : 12.00.08. - Омск, 2001. - 18 с.

²² Лапин А.А. Стратегия обеспечения криминологической безопасности личности, общества, государства и ее реализация органами внутренних дел: монография / А.А.Лапин; под ред. С.Я.Лебедева. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С.9.

²³ Тер-Акопов А.А. Безопасность человека: Социальные и правовые основы. - М.: Норма, 2005. - С. 19.

становится целью политики противодействия преступности, то фокус этой политики смещается не с наступления на оборону, а с использования ретроактивных способов (к которым относится традиционный институт наказания) на проактивные стратегии. Эти стратегии могут иметь своей целью как правонарушителя, так и его потенциальную жертву – выявлять и обезоруживать первого до того, как он причинил вред, и защищать вторую, чтобы из потенциальной она не стала реальной. Наказание при этом, безусловно, не становится менее значимым инструментом. Но оно все чаще используется не как инструмент возмездия и реабилитации, а как превентивный механизм.

В русскоязычной криминологической литературе анализ концепции безопасности применительно к криминальным угрозам, как правило, строится на основе понятия, заимствованного из Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. N 2446-I с некоторыми дополнениями. В.А. Плешаков, М.М. Бабаев и Е.Н. Рахманова определяют криминологическую безопасность как объективное состояние защищенности жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества, государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, порождаемых различного рода криминогенными факторами (явлениями, процессами), а также осознание людьми, независимо от их статуса, такой защищенности. В Законе речь шла только о защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, к которым были отнесены те из них, которые могли надежно обеспечить потребности в существовании и прогрессивном развитии (статья 1). Прочитанное же научное определение предполагает возможность защиты не только жизненно важных, но и иных существенных интересов. К сожалению авторы оставляют за скобками ответ на вопрос, какие именно интересы следует признавать существенными.

Несмотря на то, что на законодательном уровне понятие безопасности было пересмотрено в связи с принятием нового федерального закона «О безопасности» от 28.12.2010 г. N 390-ФЗ и предшествовавшей ему Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ от 12.05.2009г. N 537, в современной криминологической литературе это обстоятельство не нашло должного отражения. Согласно пункту 6 Стратегии под национальной безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

Отсутствие анализа нового законодательного употребления термина безопасность свидетельствует о том, что на теоретическом уровне в криминологии понятию безопасности уделяется недостаточное внимание. В связи с этим обратимся подробнее к опыту разработки понятия безопасности в других областях научного знания, а именно к первому выделенному нами подходу, связанному с поиском общих элементов концепции безопасности, которые, как представляется, следует проанализировать применительно к криминологической проблематике.

В качестве отправной точки возьмем определение безопасности, предложенное А. Волферсом в 1952 г. Оно было разработано применительно к проблемам национальной безопасности, однако концептуальный подход, характерный для теории (нео)реализма, предполагает, что оно с успехом может использоваться для определения безопасности также и в других сферах. Волферс утверждает, что в объективном смысле безопасность измеряется отсутствием угроз для приобретенных ценностей, а в субъективном - отсутствием страха, что на эти ценности будет совершено нападение.²⁴ Д. Болдуин несколько скорректировал это определение, указав, что безопасность - это скорее не отсутствие угрозы, а низкая вероятность причинения вреда ценностям.²⁵ Оба этих определения предполагают, что безопасность - это состояние, которое существует здесь и сейчас. Напри-

²⁴ Wolfers A. «National Security» as an Ambiguous Symbol // Political Science Quarterly. 1952. Vol. LXVII, No. 4. P. 485.

²⁵ Baldwin D. Op. cit. P. 13.

мер, согласно толковому словарю Ожегова безопасность – это состояние, при котором опасность не угрожает или же есть защита от нее.²⁶

Прежде всего, обратимся к принципиальному вопросу о двух измерениях безопасности: объективному и субъективному.²⁷ Заметим, что на наличие у безопасности не только объективных, но и субъективных признаков указывают М.М. Бабаев, Е.Н. Рахманова и Г.Г. Горшенков, понимая под ними осознание людьми защищенности от преступных посягательств и угроз таких посягательств, или же «эмоционально окрашенное состояние человека, которое детерминировано восприятием действительности как явления, не представляющего угрозы человеку, общности».²⁸

В *объективном* смысле безопасность представляет собой состояние, в котором либо отсутствуют угрозы, либо существует защита от угроз или от вероятности наступления вреда, либо есть возможность уклониться от угрозы и избежать вреда.²⁹ Имеется ввиду, что угрозы или вероятность вреда существуют в объективной реальности, но существуют также и реальные механизмы, способные противостоять им. Однако здесь возникает ряд теоретических проблем. Два из трех объективных состояний безопасности предполагают наличие угрозы. Если угроза существует в настоящее время, то предполагается, что мы должны от нее защищаться или же ее избегать, но как быть с угрозами, которые только могут возникнуть в будущем. Следует ли принимать их в расчет, защищаться от них сейчас, и каким образом мы можем оценить вероятность их возникновения? Представляется, что безопасность не исчерпывается лишь настоящим состоянием, она направлена и в будущее, связана с принятием мер к отражению будущих угроз. Поэтому безопасность – это не только состояние сегодняшнего дня, но и стремление к будущему – в определенной смысле можно сказать, что это гонка преследования.³⁰ Поэтому статичное понимание безопасности Волферсом и Болдуином может быть дополнено видением безопасности как динамичной концепции – безопасность является целью, а меры безопасности – средство для достижения цели.

В связи с направленностью мер безопасности в будущее важным становится вопрос о необходимости оценки вероятности возникновения угрозы и предсказания возможности наступления тех или иных последствий в результате ее реализации? С момента своего рождения в XIX веке криминология была очень озабочена проблемой прогнозирования преступности, а применительно к криминологической безопасности – угроз и рисков.³¹ Но несмотря на большой интерес и значительное число исследований, посвященных этой проблеме, следует констатировать, что далеко не все события можно спрогнозировать. К вопросу о неопределенности угроз мы вернемся ниже в настоящей работе.

Дискуссионным является вопрос о том, может ли существовать абсолютная безопасность. Волферс подчеркивает, что безопасности может быть больше или меньше. Кроме того, к ней можно стремиться в большей или меньшей степени.³² При этом вряд ли состояние абсолютной безопасности является возможным, да и не ясно, должны ли мы желать его наступления.

Субъективная сторона безопасности заключается в том, что наличие или отсутствие угрозы не всегда является объективным феноменом. Мы можем полагать, что угроза существует, а на самом деле ее нет, и наоборот. Какие-то действия представляют большую угрозу для одних людей и практически не могут причинить вреда другим, поэтому не всеми воспринимаются одинаково. Например, спортивный мужчина будет спокойнее ощущать себя вечером на пробежке в парке, чем

²⁶ Словарь Ожегова: толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.com/words/1376.shtml>

²⁷ Подробный анализ субъективных и объективных аспектов безопасности см. также: Zedner L. Security. Chapter 1.

²⁸ Горшенков Г.Г. Антикриминальная безопасность личности. С. 21.

²⁹ Zedner L. The Concept of Security. P.3.

³⁰ Zedner L. Security. P.19-21.

³¹ Обзор вопросов, связанных с криминологическим прогнозированием см., например: Клейменов М.П. Криминология: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 171-186.

³² Wolfers A. Op. cit. P. 484.

юная девушка. Далеко не всегда ощущение безопасности в принципе соотносится с угрозой. Например, вероятность погибнуть в авиакатастрофе существенно ниже, чем автомобильной аварии. Но большинство гораздо спокойнее садится на пассажирское место в машине, чем в кресло самолета. Учитывая то обстоятельство, что люди редко осведомлены о реальном состоянии дел, их восприятие угроз может в принципе не иметь никакого отношения к действительности. Тем более, что многие угрозы могут долгое время никак не обнаруживать себя. Поэтому мы будем куда сильнее бояться вооруженного ограбления, в то время как настоящую опасность для нас представляет текущая мимо нашего дома речка, в которую предприятие сбрасывает загрязненные воды. Кроме того, люди могут чувствовать себя небезопасно не потому, что им реально что-то угрожает, а потому, что видят, что окружающие предпринимают какие-то меры по защите.

Даже казалось бы объективные показатели наличия угрозы - такие, как показатели состояния и уровня преступности, существенно зависят от таких субъективных характеристик, как доверие граждан к полиции и суду и желание сообщать о совершенных преступлениях. На формирование этих показателей влияют различные факторы, связанные с институциональным устройством системы правоохранительных органов.³³

Кроме того, угроза предполагает потенциальную уязвимость тех или иных ценностей. Но мы не можем сказать, что ценности являются одинаковыми для всех. К тому же представление о ценностях достаточно изменчиво - то, что ценно сегодня, перестает быть ценным завтра. В связи с этим разработка мер по обеспечению безопасности неизбежно связана с ответом на вопрос, чью безопасность предполагается обеспечить, и не будут ли в связи с этим ущемлены законные интересы других лиц.

Да и само состояние защищенности также очень субъективно и зависит от многих параметров. Один будет себя чувствовать защищенным, лишь держа пистолет под подушкой, другой же ложится спать, не закрывая дверь на замок. Люди по-разному будут оценивать те меры, которые принимает государство, чтобы их защитить. Одни будут ратовать за их расширение, а другие - возражать, считая их и так чрезмерными. Но все может измениться, если вторые вдруг посчитают, что предпринимаемые меры не эффективны.

В связи с тем, что мы признаем безопасность не только как объективную категорию, но и как субъективную, следует уделить внимание вопросу о том, как снизить уровень страха граждан перед опасностью, поскольку именно отсутствие страха трактуется, по Волферсу, как состояние безопасности. Как государство и иные акторы, обеспечивающие безопасность, могут воздействовать на страхи населения? С одной стороны, можно предпринимать усилия, чтобы показать, что угрозы минимальны - продемонстрировать, например, что уровень преступности неуклонно снижается, а суд незамедлительно приговаривает нарушителей к суровому наказанию и изолирует их от общества. С другой стороны, можно вызывать убежденность в эффективности мер защиты - рассказывать, как эффективно полиция осуществляет профилактику нарушений, информировать о способах самозащиты, о порядке действий в условиях чрезвычайной ситуации и о том, как вызвать полицию (с помощью единого телефонного номера, тревожных кнопок и т.д.). Наконец, гипотетически, можно раздать людям оружие и организовать общественные патрули, либо поместить людей в охраняемую крепость или бункер. Однако реальность довольно сложна. Не всегда демонстрация снижения угроз и усиления мер безопасности будет вызывать чувство спокойствия. Напротив, снижения уровня преступности может истолковываться гражданами как следствие нежелания полиции регистрировать преступления, а социальная реклама горячей линии полицейского подразделения усиливать убежденность в серьезности исходящих от преступности угроз. Что касается обеспечения безопас-

³³ Шклярчук М.С. Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы. - СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2014. - 27 с. URL: http://www.enforce.spb.ru/images/Issledovanya/2014/IRL_Preprint_2014_02_Maria_Shklyaruk_Pravovaya_Statistika.pdf Дата обращения: 13.06.2014 г.

ности частными структурами, то И. Лоадер высказывает предположение, призывая к его эмпирической проверке, что маркетинговая стратегия этих компаний направлена на стимулирование страха перед криминальными посягательствами, что позволяет обеспечить рост продаж товаров и услуг, предлагаемых на рынке безопасности.³⁴

Д. Болдуин, развивая предложенное А. Волферсом понятие безопасности, предлагает для его успешного определения ответить на следующие вопросы: Безопасность для кого? Безопасность каких ценностей? Сколько безопасности необходимо? От каких угроз обеспечивается безопасность? С помощью каких средств? Какова стоимость безопасности? Каков временной период обеспечения безопасности?³⁵ Представляется, что все эти вопросы можно рассматривать в рамках следующих блоков, образующих элементы понятия безопасности: объект и угрозы безопасности, способы и субъект обеспечения безопасности. Для выработки криминологического понятия безопасности эти блоки необходимо охарактеризовать применительно к безопасности от угроз именно криминального характера.

Объект безопасности предлагается понимать в широком смысле. С одной стороны, это индивид, общество и государство. С другой стороны, это те ценности, которые подлежат защите. Применительно к вопросу о ценностях следует задуматься о том, охраняем ли мы лишь те ценности, которые уже имеются у нас, либо мы обращаемся в будущее и хотим обезопасить даже те ценности, которых у нас еще нет - например, ценности будущих поколений.

Угрозы безопасности, как представляется, являются необходимым составным элементом понятия безопасности, хотя это именно то, что меры по обеспечению безопасности должны предотвращать. Однако Л. Зеднер справедливо указывает на тот парадокс, что не только преступление предполагает необходимость социального контроля, но контроль презюмирует наличие преступления. Или, говоря в терминах безопасности, обеспечение безопасности предполагает существование продолжающейся угрозы.³⁶ Таким образом, мы не можем определить понятие безопасности от угроз криминального характера не объяснив, в чем заключается специфика этих угроз. Основными угрозами безопасности, безусловно, будут являться преступные посягательства. При этом само понятие преступления является крайне дискуссионным в современной криминологии.³⁷ Не будем подробно останавливаться на этой проблеме, обозначим лишь одну точку зрения, основанную на конструктивистской теории. Как видится, именно этот взгляд на природу преступления в наибольшей степени демонстрирует те сложности, с которыми может столкнуться исследователь, размышляющий о безопасности.

Первая глава книги Н. Кристи «Приемлемое количество преступлений» озаглавлена «Преступления не существует». Красной нитью в ней проходит идея о том, что преступление является не данностью, а порождением различных культурных, социальных и ментальных процессов, происходящих в обществе.³⁸ Это не означает, что не существует поступков, которые причиняют вред и считаются неприемлемыми, за совершение которых стоит наказывать. Речь идет о том, что при определенных обстоятельствах любое деяние может быть названо преступлением, интерпретировано, классифицировано и соответствующим образом оценено. Эту точку зрения разделяет Я.И. Гилинский, который, анализируя конструктивистские подходы в современной социологии, девиантологии и криминологии, приходит к выводу, что преступление не существует как онтологиче-

³⁴ Loader I. Ice Cream and Incarceration: On Appetites for Security and Punishment // Punishment and Society. 2009. Vol. 11(2). P. 249.

³⁵ Baldwin D. op. cit. P. 13-17.

³⁶ Zedner L. The Concept of Security. P. 3.

³⁷ См. один из примеров коллективных монографий на эту тему: What is Crime? Controversies over the Nature of Crime and What to Do about It / Ed. by Henry S. and Lanier M. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 2001.

³⁸ Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / пер. с англ. Е. Матерновской; общ. ред. и вступ. ст. Я.И. Гилинского. - СПб.: Алетейя, 2006. С. 25.

ская реальность, а является изменчивой мыслительной конструкцией, порождаемой властью и обществом.³⁹ Организованная преступность (и мафия как ее разновидность), коррупция, наркотизм и прочие угрозы безопасности - социальные конструкты.⁴⁰

Но если угрозы безопасности являются социальными конструктами, то что же такое безопасность и как ее можно обеспечить, если мы не можем однозначно выявить в объективной реальности те феномены, которые представляют для нее угрозу? Следуя конструктивистской логике следует задуматься, а является ли сама безопасность объективным феноменом или же ее также следует признать продуктом, сконструированным в общественном сознании?

В теории международных отношений большую популярность в последнее время приобрели идеи уже упоминавшейся «копенгагенской школы», которая рассматривает безопасность не как объективное (и недостижимое на практике) состояние защищенности, а как форму борьбы за перераспределение ресурсов и мобилизацию поддержки. Дискурс безопасности может использоваться как для введения чрезвычайных процедур в обход установленных процедур принятия решений, так и для легитимации тех или иных политических решений. В любом случае в процессе секьюритизации происходит навязывание обществу технократической модели вместо демократических способов управления, предполагающих совместную выработку политических решений.⁴¹

Другая проблема, связанная с рассмотрением угрозы как элемента понятия безопасности, имеет отношение к принципиальному вопросу о возможности предсказать вероятность наступления угроз, от которых мы пытаемся защититься, а также их характер. Представляется, что защита должна быть основана на прогнозах о тех событиях, которые мы можем объективно предсказать. Однако многие угрозы в современном мире носят совершенно непредсказуемый характер. Террористический акт, стрельба ученика по одноклассникам в школе, появление серийного маньяка-убийцы в конкретной местности - события, которые практически невозможно предсказать. Интересно, что именно эти угрозы при своей реализации способны причинить наибольший вред и посеять настоящую панику среди населения. В связи этим возникает вопрос, могут ли меры безопасности, построенные на основе подсчета рисков, обеспечивать защиту от непредсказуемых угроз?⁴² Кроме того, возникает вопрос, насколько далеко в будущее следует заглядывать, прогнозируя угрозы?

Также при характеристике угроз надо учитывать, что безопасность, понимаемая как свобода от преступных посягательств, связана не только с обеспечением защиты непосредственно от преступлений. Это обусловлено тем, что корни преступности лежат вне ее – в общественных процессах и противоречиях. Воздействие на эти процессы и противоречия или, как говорится в криминологии, общесоциальное предупреждение преступлений, отражается на динамике преступности. В связи с этим необходимо учитывать, что угрозу представляют не только сами преступления, но и разнообразные факторы социальной действительности, порождающие их.

Но, пожалуй, самым дискутируемым вопросом является вопрос о характере угроз, которые необходимо отражать. В связи с этим Д. Волдрон ставит вопрос о том, насколько глубоким должно являться понятие безопасности, следует ли в него включать только угрозы жизни и здоровью, или же оно должно быть расширено и включить угрозы материального ущерба. Возможно, необходимо также задуматься о необходимости отражения угроз, направленных на изменение привычного образа жизни, который может быть более ценен, чем вещи.⁴³

Способы обеспечения безопасности. Безопасность может рассматриваться как негативная концепция в том смысле, что мы безопасны в том случае, когда ничего с нами не происходит, либо

³⁹ Гилинский Я.И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Сборник статей. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации. С. 26-28.

⁴² Подробнее о проблеме управления катастрофами см., например: O'Malley P. Governable Catastrophes: a Comment on Bougen // *Economy and Society*. 2003. Vol. 32. No. 2. P. 275-279.

⁴³ Waldron J. Op. cit. P. 456.

мы воспринимаем ситуацию как такую, в какой угрозы отсутствуют. Но такое понимание безопасности не отражает того, что безопасность, во-первых, не связана только лишь с отсутствием угроз, а, во-вторых, что безопасность является не статичной, а динамичной концепцией. В этом смысле безопасность - концепция позитивная, она предполагает необходимость создания и поддержания механизмов защиты от угроз и механизмов воздействия на угрозы. Человек может не быть в опасности, если в настоящий момент угрозы отсутствуют, но без перспективы защиты от будущих угроз он не может быть по-настоящему в безопасности.

Очень важно еще раз подчеркнуть проактивность мер безопасности - они направлены в будущее, на защиту от тех событий, которые еще не произошли. При этом, как мы уже указали ранее, такой традиционный реактивный институт, как наказание, связанный с реагированием на уже причиненный вред, также может быть рассмотрен как мера безопасности. Одной из целей наказания является предупреждение преступлений - общая и частная превенция. Демонстрация правонарушителям невыгодности преступного поведения, а также их изоляция от общества могут влиять на общий уровень безопасности. Сама по себе криминализация тех или иных деяний может усиливать субъективное чувство безопасности. Включая определенные составы в уголовный закон, государство демонстрирует озабоченность общественными проблемами, высказывает готовность обеспечить защиту от них. С другой стороны, необходимо отметить то обстоятельство, что не всегда криминализация является ответом на реально возникающие угрозы. Она может быть результатом «моральной паники», объективно не мотивированного повышенного уровня страха населения перед тем или иным видом поведения.⁴⁴

Субъект обеспечения безопасности. Традиционным является представление, что обеспечение безопасности - задача только государства. Однако это в определенной степени иллюзия. Современные государства, находясь под воздействием наднациональных институтов, реформируют систему обеспечения безопасности, одновременно открывая это поле для частных игроков. Мы уже указывали, что на настоящем этапе государство видит свою функцию не в командном управлении, а в определении основных начал политики безопасности.⁴⁵ Само же осуществление политики не связано только лишь с государственными структурами. Обеспечением безопасности от преступных посягательств занимаются частные компании, местное сообщество, простые граждане.

Итак, мы рассмотрели некоторые теоретические подходы к определению понятия безопасности, которое является крайне неоднозначным и противоречивым. Дальнейшая разработка этого понятия применительно к криминологической проблематике представляется интересной и актуальной проблемой. При этом изучение самого термина «безопасность» и выделение его элементов невозможно без изучения контекста, в котором оно используется, без изучения практик безопасности. Безопасность предстает перед нами как конечная цель и как средство для достижения этой цели, как право и как основа для всех других прав, как благо и как инструмент политической практики. Безопасность имеет множество оттенков, изучение которых представляется важной исследовательской задачей.

⁴⁴ Подробнее о «моральных паниках» см.: Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: Culture, Politics, and Social Construction // Annual Review of Sociology. 1994. Vol. 20. Pp. 149-171.

⁴⁵ Гуринская А.Л. Уголовная политика как политика безопасности: вызовы современности // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен // Материалы IX Российского Конгресса Уголовного права, состоявшегося 29-30 мая 2014 г. / отв. ред. докт. юрид. наук, проф. В.С. Комиссаров. - М.:Юрлитинформ, 2014. С. 262.

**ЯКОВ ИЛЬИЧ ГИЛИНСКИЙ - УЧЕНЫЙ,
В КОТОРОМ СОЕДИНИЛИСЬ ВЫСОЧАЙШИЙ
ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, ТВЕРДАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ,
ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И ПОРЯДОЧНОСТЬ: ВЗГЛЯД С УКРАИНЫ**

**YAKOV GILINSKY - THE SCIENTIST EMBODIES
THE HIGHEST PROFESSIONALISM, FIRM CIVIL STAND,
HUMANITY AND HONOUR: AN OPINION FROM UKRAIN**

Денисов С.Ф.,
профессор, доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского,
хозяйственного и уголовного права
Черниговского государственного института экономики и управления
(г. Чернигов, Украина)

Денисова Т.А.,
профессор, доктор юридических наук, заслуженный юрист Украины,
проректор по учебно-педагогической работе
Классического частного университета –
директор Института права имени Владимира Сташиса
(г. Запорожье, Украина)

Аннотация. Рассматриваются основные направления научного поиска профессора Я.И. Гилинского. Освещены отдельные эпизоды из жизни ученого.

Annotation. The basic directions of professor Yakov Gilinsky scientific search are examined. Particular episodes of scientist life are illustrated.

Ключевые слова: профессионализм, гражданская позиция, научные изыскания.

Keywords: professionalism, civil position, scientific researches.

Спешите делать добро!

Сложно говорить о человеке искренне, неизбежно и так, чтобы это не было похоже на эпитафию. Да и язык понемногу начинаем забывать – нет той палитры, тех ярких красок, которые способны передать всю теплоту эмоций.

Колоссальный интеллектуальный потенциал дает Я.И. Гилинскому возможности решать задачи любой сложности не только в юриспруденции, но и в областях, далеких от его основной специализации. Его уникальным, на наш взгляд, качеством является умение безошибочно отделять «зерна от плевел» - глупо пытаться провести его, используя «двойную игру» или показные качества. Честный и благородный до глубины души, ценит те же качества в людях. Этому подтверждение сам Яков Ильич, который на страницах популярного Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, в своем интервью, нетерпимым недостатком в людях называет ложь, а наиболее ценными – правдивость и честность. Одновременно, рассказывая о себе, он, посмеиваясь, метко замечает: «Мое «лицо» - вроде профессионал, но все время куда-то заносит».¹

Юбилей – это, скорее, приятное событие, нежели грустное. В юбилейные годы вспоминаются особенные моменты, когда веришь в то, что та или иная встреча не была случайной: единение по

¹ Гилинский Я.И. «Мое «лицо» - вроде профессионал, но все время куда-то заносит» //Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. - 2005. - № 2. – С. 2-12.

духу, по научным интересам, бережному отношению к семейным ценностям – дают возможность почувствовать себя уверенней.

Первое наше знакомство произошло на одной из зарубежных конференций. Украинская делегация была малочисленной и А.П. Закалюк, предложил поискать коллег-криминологов из России. Спустя несколько минут он увидел Я.И. Гилинского и, обменявшись с ним двумя-тремя соответствующими ситуации фразами, отрекомендовал нас. Встречу можно было бы назвать банальной, если бы не одно обстоятельство. Зная лишь по публикациям этого ученого с мировым именем как человека неординарного, часто жесткого, имеющего собственный взгляд на криминологию, мы были поражены, с какой легкостью и невероятным дружелюбием он представился просто и лаконично: «Яша. А это моя супруга, Наташа. Вижу, что вы тоже путешествуете по-семейному». Признаться, поначалу мы несколько опешили: в конце 90-х всем еще предстояло отвыкнуть от церемоний, а называть себя только по имени в то время – это что-то выходившее за привычные и непривычные рамки. Но с той поры так и повелось, несмотря на определенный разрыв поколений, разницы в возрасте, взглядах, общении, где присутствовали искренность и доброта, мы никогда не чувствовали. Более того, встречаясь позднее, мы разговаривали как старые друзья не только о науке, о многом: политической ситуации, экономических трудностях и путях их преодоления, путешествиях, живописи, любимых животных...

Большая часть разговора – это, безусловно, научные споры, обмен мнением, возможность услышать что-то новое, необходимое. Рассуждения Я.И. Гилинского отличаются высоким профессионализмом, порядочностью, грамотностью, точностью, глубиной и широтой. Нужно отметить, что выступления ученого, особенно на различных форумах, примечательны твердой гражданской позицией, ответственностью за сказанное. Превыше всего он ставит жизнь конкретного человека, его свободу и другие ценности. Поэтому, одна из его главных позиций – отказ от применения насилия в любом его проявлении. Мы это со всей остротой чувствуем сегодня, когда часть российской элиты, даже будучи дружественно настроенной, допускают некорректные, а порой и неприемлемые высказывания, сопровождаемые эпитетами: бандеровцы, боевики, террористы, предатели (уж не говорим о более жестких выражениях). В письмах, на своих страничках, на форумах Я.И. Гилинский не таясь, пишет: «Ура!! Революция в Украине побеждает! Прекрасно понимаю, что не все так однозначно... О Януковиче, Тимошенко все знаю (благодаря "Эху Москвы" и Интернету). Да, да, да, еще все может быть, еще могут прийти к власти националисты, еще «третья сила» (и мы знаем, что это за сила...) может все погубить, но ПОКА - УРА!». События развиваются стремительно, не все так однозначно, а «горячие головы» даже грозят закрыть границы между Россией и Украиной, вплоть до возведения стены в 1920 км.² Несмотря на все, мы от всей души говорим: «Спасибо, дорогой Яков Ильич! Спасибо за поддержку Украины, за понимание, за сострадание, за разумное сопоставление фактов и пропаганду демократических, общечеловеческих, а не каких-либо абстрактных, ценностей».

Игнорируя устоявшиеся стереотипы, вопреки позиции приверженцев усиления карательной политики государства, а таких немало, Я.И. Гилинский демонстрирует постоянство и последовательность, независимость мышления и не только вступает с ними в дискуссию, но категорически выступает против применения насилия. Как бы перекликаясь с позицией Чезаре Беккариа,³ с новой силой звучат его призывы о минимизации применения наказания, поскольку, по справедливому убеждению, оно есть худшим средством социального контроля. Он постоянно смещает акцент в сторону позитивных стимулов, одобрения и поощрения правомерного поведения людей, признания права человека думать и действовать по собственному усмотрению.

² Коломойский предложил укрепить границу с Россией стеной в 1920 км // Агентство «Интерфакс-Украина», 13 июня 2014. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа ресурса: <http://news.mail.ru/inworld/ukraine/politics/18535619/?frommail=1>

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. - М. : Госюриздат, 1939. - 289 с.

Считая вынужденной и временной мерой применение уголовного наказания, ученый подчеркивает, что исключительно репрессиями, страхом и запугиванием граждан добиться снижения преступности не удастся. По его справедливому мнению, запрет и репрессия лишь способствуют увеличению преступлений. В подтверждение позиции профессора Я.И. Гилинского можно задаться вопросом, а стало ли преступлений меньше, в связи с проведением постоянных реформ, предусматривающих усиление уголовной ответственности? Уверенности нет ...

Мы не будем утруждать окружающих детальным анализом каждого запретного шага наших государств, достаточно обратиться к статье Якова Ильича «Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор». В ней анализируются многократные запрещения или ограничения, которые впоследствии становятся девиантогенными факторами. Вот только несколько из них: торговля алкоголем в России – СССР (обращается особое внимание на «полусухой закон» 1985 г.); запрет потребления и торговлю наркотиками и уголовная ответственность за любые действия, связанные с наркотиками (незаконное изготовление, переработка, приобретение, сбыт, хранение, перевозка, пересылка наркотических средств и психотропных веществ, культивирование наркосодержащих растений и др.); запрет деятельности легальных игорных заведений (казино, залов игорных автоматов); запрет секс-индустрии и гомосексуализма и др.

С молчаливого согласия граждан или всеобщего одобрения (помнится, как сопровождалось введение таких запретов разъяснениями в прессе, а уверенный голос диктора с телевидения вещал, что «по многочисленным просьбам трудящихся вводится ...»), запреты постепенно превращают конкретного человека в послушного «раба», исполняющего волю свыше. Инакомыслие не поощряется, а протест принимается как бунт, который подлежит жестокому подавлению. Профессор Гилинский Я.И. указывает: «понимание того, что запрет часто служит значимым криминогенным (девиантогенным) фактором, порождает многочисленные «теневые» последствия, расширяя поле коррупции, деятельности организованной и экономической преступности, призвано способствовать совершенствованию законотворческой и правоприменительной практики, а также целенаправленному формированию правосознания населения и воспитанию толерантности».

Говоря о личности Я.И. Гилинского, недостаточно останавливаться лишь на его научной деятельности. Его кипучей энергии, желании творить добро, «бороться и искать, найти и не сдаваться» можно только по-доброму завидовать. Вместе с супругой они облетели полсвета, но как всякие романтики, с благоговением и наслаждением принимают Париж ...

Легко ли быть такими молодыми душой и всем естеством? Видимо, секрет в высочайшей работоспособности и еще в чем-то особенном, присущем этим двум любящим людям (на то он и секрет).

Возвращаясь к кратким встречам, хочется отметить, что особенностью домашних «посиделок» у Якова Ильича была и есть свобода творчества. Проявление радушия и неподдельного интереса к собеседникам, к малейшим деталям их жизни, поддерживается лучшими семейными традициями. В этом, наверное, и есть исключительность, которая создает общую атмосферу доверия и дружбы между собеседниками. И это не только наше мнение, такие воспоминания остаются у всех, кто хотя бы раз побывал дома у Якова Ильича и его супруги.

С профессиональных и нравственных позиций, вправе ли мы оценивать Я.И. Гилинского как ученого-профессионала и как человека? Отвечая на этот вопрос, скажем: надо прожить такую же цельную жизнь. Но с оценочных позиций можно с уверенностью выставить высочайшую оценку по 12-и бальной системе в педагогике – «12».

Применительно к Я.И. Гиляинскому хочется произнести такие строки:

«Замышлять, Творить, Переживать –

Эта круговерть всегда едина.

Это есть наука выживать

На кострах, на дыбах, и на льдинах!»

(Вячеслав Ложко)

Дорогой Яков Ильич! Мы всегда будем рады приветствовать Вас на славной козацкой Запорожской земле. Запорожью более двух веков, а название нашего города связано со знаменитыми Днепровскими порогами, тянувшимися от острова Хортица на 90 км вверх по течению Днепра. От дедов – внукам, от отцов – детям, передавались легенды, былины, преданья глубокой старины. Тут гремела когда-то козацкая удаль, полыхали сечевые костры, стонала земля. Тут год за годом поднимался казацкий род на славные дела, возрождаясь не один раз из пепла. Не случайно гласит украинская поговорка: «Козацькому роду – нема переводу». Страницы истории города овеяны вдохновенными делами людей многих поколений. Как невозможно представить Украину без Киева, так невозможно представить Украину, Запорожье без Хортицы. Мы всегда ждем Вас!

В 80-летний юбилей мудрости мы искренне желаем Вам доброго здоровья, долголетия, неизменных творческих успехов, неиссякаемых оптимизма и энергии.

Многие Вам лета, глубокоуважаемый профессор!

**ПРИГОВОР О «РЕАЛЬНОМ»/«УСЛОВНОМ»
ОСУЖДЕНИИ В ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ НАРКОТИКАМИ:
СЛОЖНЫЙ ПРОЦЕСС ИЛИ СЛУЧАЙНЫЙ ВЫБОР?
REAL/CONDITIONAL SENTENCE IN DRUG-RELATED CASES:
A COMPLEX PROCESS OR A RANDOM SELECTION?**

Дмитриева Александра,
Факультет социологии СПбГУ, преподаватель
Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ),
научный сотрудник

Аннотация. Потребление наркотиков до сих пор воспринимается как тотальная угроза и конструируется российским государством и его агентами как «социальное зло». Мы обозначаем нашу исследовательскую проблему как противоречие между восприятием отличий реального и условного заключения и пониманием того, как выносятся эти судьбоносные решения. В обоих случаях обвинительный приговор оставляет значимый «отпечаток» на биографии подсудимого, но и оставляет совершенно разные шансы на ресоциализацию и, прости господи, исправление.

Annotation. Drug use is still remains a total threat and persistently constructed as a "social evil" by the Russian state and its agents. My research question is how and what configurations of factors affect the sentencing of the real/conditional imprisonment in drug-related cases? So the problem is a contradiction between understanding of the differences between real and conditional sentence and the understanding of how these fateful decisions are making by judges. In both cases the conviction leaves significant "imprint" on the biography of the defendant, but also leaves different chances of re-socialization and further "correction" of the life path.

Ключевые слова: потребление наркотиков, включение/исключение, «реальное»/ «условное» осуждение.

Keywords: drug consumption, inclusion/exclusion, real/conditional sentence.

Введение

В информационно-аналитической справке ФСКН о наркоситуации в РФ в 2013 году написано, что «стремительно развивающаяся внешняя наркоэкспансия и высокий уровень наркотизации общества продолжают представлять прямую угрозу национальной безопасности страны» (2). Эта глубокая мысль является вводной в подобные справки и отчеты соответствующих органов уже довольно давно – примерно с тех пор, когда паника по поводу распространения наркотиков в РФ набрала силу и начала реализовываться в активной репрессивной форме (конец 1990-х-начало 2000-х гг.). Когда речь идет о «внешней экспансии», логично предположить, что под эту категорию попадают те, кто занимаются крупным сбытом, контрабандой и транспортировкой наркотических веществ. Организация работы контролирующих сбыт органов в этом направлении представляется важной и «нормальной» задачей, ограничивающей развитие нелегальных рынков. Введение категории «высокий уровень наркотизации общества» автоматически расширяет спектр задач ФСКН, подчеркивая ее функциональность с обеих сторон – сбыта и потребления.

Однако вопрос о необходимости регулирования потребления запрещенных веществ правоохранительными органами остается открытым. Если этот вид потребления может вызывать синдром зависимости, что зафиксировано в медицинских документах, то и регулированием/контролем потребления должны заниматься медицинские работники, а не МВД или ФСКН. Но в стране слабо развита система наркологической помощи, ограниченная, в основном, детоксикацией наркозависимых. При этом помощь труднодоступна, осложнена бюрократическими барьерами, а также низким

уровнем реабилитационных услуг (которые заключаются в длительном курсе нейролептиков (28 дней) «под надзором» врача), поэтому наркология в актуальном ее состоянии не может быть реальным «агентом»/регулятором этой сферы человеческой деятельности. Хотя обсуждение и принятие поправок о принудительном лечении вместо заключения в тюрьме ведутся в последнее время все чаще, пока оно не слишком часто практикуется (или почти не практикуется) в судебной реальности. Но и здесь возникает вопрос о возможности/невозможности именно «принудительного» лечения. Если и лечение становится таковым, то разве может быть оно эффективным, и чем в таком случае оно отличается от содержания под стражей?

Ко всему прочему, введение принудительного лечения в качестве альтернативы тюремному заключению, не может быть панацеей от всех болезней, т.к. потребление не всякого вещества требует медицинского вмешательства и контроля. Тем не менее, даже эта мера, в случае ее активной реализации, в совокупности с «апгрейдом» российской системы наркологической помощи, могла бы стать точкой «сдвига» от репрессий к чему-то более современному и эффективному, по крайней мере, в контексте потребления тех веществ, которые вызывают устойчивую химическую зависимость. В других случаях возможны варианты развития системы досудебных разбирательств с использованием, например, наложения штрафов, увещательных бесед и даже техник медиации. Вопрос в том, получится ли уйти от унифицированного представления о потребителях наркотиков как о едином асоциальном целом в пользу дифференцированной системы мер по включению, а не исключению тех, кто совершает мелкие преступления без жертвы? Взять хотя бы пример США, как наиболее близкий российской реальности, и недавно озвученный президентом Обамой тезис о том, что вряд ли марихуана “is more dangerous than alcohol” (5). Напомним, что недавнего времени американский вариант «войны с наркотиками» был одним из самых ожесточенных и идеологизированных в мире.

А пока потребление наркотиков воспринимается как тотальная угроза и конструируется российским государством и его агентами как «социальное зло», мы обозначаем нашу исследовательскую проблему как противоречие между восприятием отличий реального и условного заключения и пониманием того, как выносятся эти судьбоносные решения. В обоих случаях обвинительный приговор оставляет значимый «отпечаток» на биографии подсудимого, но и оставляет совершенно разные шансы на ресоциализацию и, прости господи, исправление.

Концептуальная рамка исследования

В качестве теоретической рамки исследования была использована концепция «социального включения/исключения». Под включением/исключением понимаются процессы, благодаря которым индивид перемещается в разные точки социальной структуры. Эти перемещения происходят вследствие «запуска» тех или иных механизмов, представляющих различные способы включения/исключения. В контексте нашей темы мы были, прежде всего, заинтересованы в изучении того, как работают правовые механизмы включения/исключения, «запускаемые» в процессе передвижения индивида в «наркоконтинууме». Под «наркоконтинуумом» мы подразумеваем цепочку практик и связей, образующих пространство, на одном крае которого находятся повседневные потребительские практики, а на другом - болезнь, при этом де-юре все это пространство является криминальным, а точнее криминализированным.

Поскольку процессы включения/исключения определяются идентичностью индивида и ее восприятием социальной средой (1;4), мы предположили, что именно идентичность наркопотребителя (или ее отсутствие) в значительной степени влияет на передвижение индивида вдоль «наркоконтинуума» и запускает/не запускает процессы включения/исключения.

Описание методологии исследования

Основной **исследовательский вопрос** можно сформулировать следующим образом: как и какие факторы или/и сочетания факторов влияют на вынесение приговора о реальном/условном лишении свободы в делах, связанных с наркотиками?

Если попытаться разложить основной исследовательский вопрос на подвопросы (что мы и сделали), то возникают несколько групп/сочетаний факторов, по поводу которых на каждой стадии анализа данных возникали новые вопросы:

Как социальные характеристики обвиняемого влияют на принятие решения реальном/условном лишении свободы?

Какие правовые механизмы влияют на/задействованы в этом процессе?

Как и какие конструируются риски в отношении обвиняемого до и после начала следствия?

Мы исходили из того, что процесс принятия решения о вынесении приговора о реальном/условном лишении свободы является сложно организованным. Существуют заранее известные факторы, способные повлиять и описать ситуацию обвиняемого, и те факторы, которые сами по себе или в сочетании с другими, в процессе разворачивания дела конструируются как создающие/задающие определенного типа траектории с двумя «развилками» - реальное и условное лишение свободы.

К первому типу факторов мы отнесли демографические характеристики, включающие сведения о поле и занятости осужденных, а также сведения о наличии/отсутствии предшествующих судимостей, как по делам, связанным, так и не связанным с наркотиками. Ко второму типу факторов мы отнесли особенности подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий, вид меры пресечения, избираемой в тех или иных случаях, наличие фактора признания вины в сочетании с одобренным/избранным порядком рассмотрения конкретного дела (общий/особый порядок), основание для текущей судимости.

В процессе отбора перечисленных факторов возник другой важный фактор - «состояние здоровья обвиняемого на момент возбуждения уголовного дела», который проблематично отнести к первому или второму типу. Этот фактор состоит из двух показателей - наличие постановки на наркоучет и состояние наркотического опьянения (или его отсутствие) на момент прохождения медицинского освидетельствования. Оба показателя, на первый взгляд, являются подтверждением медицинского диагноза, свидетельствующего о наличии синдрома зависимости у обвиняемого, и один подкрепляет другой, в случае наличия обоих. С другой стороны, так как запись о постановке на учет появляется до возникновения факта преступления, послужившего поводом для возбуждения дела, то этот показатель является устойчивым и уже известным, а не сконструированным в процессе. В то время как состояние наркотического опьянения, зафиксированное в момент освидетельствования, появляется уже в тот момент, когда возникает «подозреваемый в совершении преступления». Поскольку оба показателя важны с точки зрения особенности квалификации изучаемых дел как дел, связанных с наркотиками (т.е. касающиеся здоровья), и в частности с их хранением для личного употребления, этот фактор мы не могли опустить, но старались относиться к нему «с осторожностью».

Помимо рассмотрения групп/сочетаний разных факторов, была также выстроена логика анализа принятия решения о реальном/условном лишении свободы, исходя из хронологической последовательности появления этих факторов – прохождении разных этапов следствия (не в закреплённом юридическом смысле). «Доследственный» этап включал в себя как раз «известные» устойчивые факторы, которыми «обладал» человек до возникновения подозрения о совершении им преступления. Этап «подозрения и обнаружения» включал в себя фактор характеристики сведений, полученных правоохранительными органами до начала проведения ОРМ и принятое в связи с этим решение о типе проводимого ОРМ, а после и избранная мера пресечения. Это те факторы, которые не имеют/или не доказано, что имеют устойчивое отношение к подозреваемому, приписываемые ему из

посторонних источников до возбуждения уголовного дела. Этап дознания и предварительного следствия, включавший в себя сведения, «превращающиеся» в характеристики обвиняемого как, например, наличие состояния наркотического опьянения в момент освидетельствования и признание вины, которое может осуществляться, в том числе, под давлением. Однако оно становится характеристикой обвиняемого и влияет на дальнейший порядок рассмотрения дела в случае подачи и одобрения судьей соответствующего ходатайства.

И третий «разворот» процесса принятия решения рассматривался нами через призму абстрактных величин, обозначаемых как характеристики не самих подсудимых, а тех групп факторов, которые можно объединить под каким-то общим наименованием. Во-первых, нами были рассмотрены те факторы, которые с точки зрения самой системы правосудия и необходимости принятия судьями аргументированного решения, руководствуясь нормами права, актуализируются еще до начала возбуждения уголовного дела и возникают в процессе, т.е. группа правовых факторов. Во-вторых, мы рассматривали группу социальных характеристик, которые могут приниматься во внимание судьями как смягчающие/отягчающие обстоятельства (отсутствие/наличие занятости, отсутствие/наличие болезни, о которой напрямую свидетельствуют запись о постановке на наркоучет и косвенно – опьянение в момент освидетельствования).

В качестве **объекта исследования** были использованы материалы уголовных дел по статьям, связанным с наркотиками, полученные простым случайным выбором. Проще говоря, это дела, собранные, исходя из их доступности в тех судах, в которых к ним предоставлялся доступ (всего 5 судов). Всего было рассмотрено 142 дела. Несмотря на разделяемые нами сомнения по поводу репрезентативности такой выборки, мы все же настаиваем на том, что распределение по частоте дел, рассматриваемых в связи с тем или иным типом наркотического вещества, является адекватным реальности. Так, в основной части дел (95) предметом преступления являются опиаты/опиоды, и примерно в равном количестве распределены дела с другими веществами в качестве предмета преступления, но по психостимуляторам чуть больше (25), а по каннабиноидам чуть меньше (22).

Распределение по частоте вынесения приговора о реальном/условном лишении свободы также примерно равное по всем типам веществ. Из 22-х дел по каннабиноидам, 11 получили реальное, 11 - условное лишение свободы. Из 95 дел по опиатам/опиоидам, 54 получили реальное, 41 - условное лишение свободы. Из 25 дел по психостимуляторам, 12 получили реальное, 13 - условное лишение свободы.

В процессе **методической обработки** собранного материала мы столкнулись с некоторыми трудностями, связанными со сложностью отнесения полученных данных к определенной методологической парадигме – качественной или количественной. Для начала мы попробовали количественно обработать данные, посчитав отдельные корреляции, отбросив вопрос об отсутствии репрезентативности выборки. Прodelав эту операцию, мы пришли к выводу, что в количественном развороте полученные данные «не играют» и не могут быть полезны в силу невозможности утвердительных заключений. Полноценный качественный анализ материалов также не представлялся релевантным, т.к. глубиной данные также не отличались, т.к. по форме представляли собой уголовные дела, «заточенные» в анкетную форму. При этом «анкета» включала в себя 46 вопросов, т.е. рассматриваемые уголовные дела были представлены достаточно детально.

Подходящим «разворотом», как нам показалось, мог стать качественный сравнительный анализ (Qualitative Comparative Analysis (QCA), разрабатываемый рядом исследователей с начала 1980-х гг. (Ч. Рагин, Б. Риу, Ж. Де Мер, А. Берг-Шлоссер, Л. Кронквист, Дж. Квист, К. Шнайдер, Б. Вис и др.) Смысл применения этого инструмента мы видели в том, что он подходит для изучения «средних» выборок, не работающих для классического понимания репрезентативности, да и вообще не выносящих эту категорию в качестве ключевой. Поскольку нам было интересно то, как «различные комбинации причинных факторов способны генерировать один и тот же результат» (3), мы занялись процедурами, необходимыми для перехода к этому типу анализа. Мы перекодировали полу-

ченные данные в дихотомизированные переменные с результатом – 1 или 0, обработав дела таким образом, чтобы заключенные в разнообразии ответов данные, можно было уложить в четкие множества (КСАчм/“csQCA”), т.е. в два варианта ответа. После проведения этой операции мы разбили 46 пунктов «анкеты» на тематические блоки, чтобы структурировать полученные результаты, исходя из тех тем, которые были интересны нам для аналитических процедур. По результатам такой разбивки получилась следующая структура, отраженная в изучаемых уголовных делах:

- демографические характеристики (пол; возраст; занятость; образование),
- влияние фактора зависимости/потребления на ход дела (запись о постановке на наркоучет; наличие состояния наркотического опьянения в момент освидетельствования; наличие записи о наркозависимости в качестве смягчающего обстоятельства; возложение обязательства пройти курс лечения от наркозависимости)
- криминальный опыт (наличие судимости как таковой; наличие судимости по делам, связанным с оборотом наркотиков; совершение преступления в период непогашенной судимости/испытательного срока)
- обстоятельства текущего дела (статья по текущей судимости; наркотическое средство, психотропное вещество или их аналоги, явившиеся предметом преступления; количество вещества, находившееся при задержанном; вид наказания; срок лишения свободы).
- соблюдение постановления Пленума Верховного суда и определения Конституционного суда (наличие документальных результатов экспертизы вещества (помимо заключения эксперта); соблюдение Постановления Пленума ВС и Определения КС).
- особенности проведения ОРМ (правоохранительный орган, проводивший задержание; вид проводимых ОРМ; наличие соответствующего распоряжения о проведении ОРМ; источник информации, послуживший причиной для проведения ОРМ; наличие сведений об обвиняемом до проведения ОРМ, их источник и характеристика; контакт с обвиняемым до проведения ОРМ, его инициатор и форма; особенности проведения обыска обвиняемого; характеристика выявленного в процессе обыска).
- мера пресечения и порядок рассмотрения дела (мера пресечения; причины, повлекшие избрание меры пресечения, не связанной с заключением под стражу; изменение меры пресечения во время следствия (дознания) и судебного разбирательства; наличие ходатайств (и их удовлетворении судом) защитника и обвиняемого об изменении или отмене меры пресечения в случае признания обвиняемым своей вины).
- особенности работы защитников (участие защитника, основание участия; количество ходатайств, заявленных защитником; наличие ходатайства о признании доказательств, собранных с нарушением УПК РФ, в качестве недопустимых; неподача ходатайств при явных нарушениях процессуального законодательства со стороны обвинения; наличие апелляции защиты к тому, что полиция совершила провокацию в отношении обвиняемого; наличие оценки подобных заявлений судом и ее результаты в приговоре).

Результатом (outcome) предложенных конфигураций в каждом из блоков стала дихотомия – реальное и условное лишение свободы. После начала работы над кейсами в программе Tosmana, предназначенной для автоматизации качественного сравнительного анализа, мы пришли к выводу, что заранее продуманные нами блоки не работают на практике. Эмпирически конфигурации выстраиваются непредсказуемым образом, хотя и приводят всего к двум вариантам результата.

Параллельно другим процедурам, рассматриваемые нами дела были рассортированы по типу веществ, которые стали основанием для возбуждения дела. Кроме упрощения работы с данными, в качестве цели мы преследовали желание сократить количество «противоречивых» случаев, когда слишком большое количество дел, представляющих разные конфигурации условий, с одинаковой частотой в качестве результата имеют как реальное, так и условное заключение. Предпринятые действия не помогли, поэтому упомянутое обстоятельство мы использовали как одну из характеристик

современной российской наркополитики, который мы можем воспринимать не как ошибку выборки, а как еще один повод для теоретизирования и интерпретации эмпирического материала.

Некоторые результаты исследования

Как нами уже отмечалось, первоначальная обработка данных показала слишком большое количество противоречивых результатов. Это означало, что в рассмотренных делах невозможно установить реально значимые факторы/сочетания факторов, приводящие либо к условному, либо к реальному заключению (т.к. все факторы/сочетания в равном количестве встречаются в делах и с условным, и с реальным сроком в качестве приговора). Тем не менее, интерпретация наиболее характерных противоречивых сочетаний показалась даже более интересным занятием, чем констатация вывода, характеризующего систему принятия решения о реальном/условном сроке в рассмотренных делах.

В частности, нами была рассмотрена гипотеза о том, что демографические факторы (пол + занятость) в сочетании с факторами, характеризующими подсудимого как потребителя/зависимого (запись о постановке на учет + состояние наркотического опьянения в момент освидетельствования) могут быть значимыми для вынесения решения о лишении свободы/условном заключении. С точки зрения российского правосудия отсутствие занятости в сочетании с наличием зафиксированной зависимости может усугублять ситуацию подсудимого, особенно если это мужчина. Именно поэтому реальное лишение свободы может быть вполне уместным, т.к. в отличие от условного срока, представляет прекрасную возможность для изоляции от искушений и время, чтобы обдумать ошибки прошлого и проложить путь в светлое будущее.

Каннабиноиды

Наиболее часто встречающееся сочетание факторов – мужчина, занят, на учете не состоит, в момент освидетельствования состояние наркотического опьянения не было установлено. Сам факт того, что сочетание таких факторов встречается чаще других, представляется нам интересным. С одной стороны, оно характеризует среднего потребителя каннабиноидов как «нормального» человека без приписываемых (государством или прогосударственными СМИ, например) отклонений в сторону болезни или отсутствия занятости, которая является основным показателем включенности в жизнь общества. С другой стороны, это сочетание факторов является полностью позитивным, т.е. этот средний мужчина соответствует и оправдывает нормативную модель, принятую в обществе. Однако даже такое сочетание факторов не дает возможности ни нам, ни ему надеется на позитивный исход дела, т.е. получение им условного срока, т.к. в совокупности подобных случаев вероятность получения реального и условного сроков одинакова. А это парадокс российской правовой системы, характеризующий ее непредсказуемость и низкую управляемость, по крайней мере относительно дел, связанных с наркотиками.

Опиаты/опиоиды

Наиболее частыми сочетаниями являются следующие – мужчина, занят, не состоит на учете, на момент освидетельствования не было установлено наркотическое опьянение (таких даже больше) и мужчина, не занят, не состоит на учете, на момент освидетельствования не было установлено наркотическое опьянение, т.е. разница только в отсутствии/наличии статуса занятого. Соответственно, отсутствие или наличие этого статуса не играет никакой роли в решении судьи. Равно как, что удивительно, отсутствие статуса потребителя/больного. В принципе, этот же факт можно использовать и для разрушения стереотипа о том, что потребитель опиатов/опиоидов не может быть занятым, и уж тем более, совсем необязательно состоит на учете как потребитель или производит преступления в момент наркотического опьянения, что, в общем, тоже выглядит интересно.

Отсутствие постановки на учет можно интерпретировать и как сознательный отказ от «сотрудничества» с медицинскими органами, свидетельствующем о низком уровне доверия потребителей к системе наркологической помощи и наркоучета. Вероятно, это связано с тем, что статус потребителя опиатов, и, тем более, база таких потребителей, составляемая органами наркоучета, может служить «верным помощником» для органов правопорядка в поиске потенциальных преступников.

Психостимуляторы

В случае психостимуляторов впервые возникает равная доля женщин, преследуемых по делам о наркотиках. Характерным обстоятельством является отсутствие занятости и наличие как постановки на учет, так и зафиксированного состояния наркотического опьянения в момент медицинского освидетельствования. Мы можем предположить, что отсутствие занятости не обязательно является буквальным, так как женщины - потребительницы психостимуляторов, могут быть вовлечены в нелегальную деятельность, например, проституцию. Функциональные характеристики психостимуляторов - снятие усталости, повышение работоспособности и эффект усиления сексуальной активности и удовольствия - позволяют предполагать, что эти вещества могут чаще употребляться именно секс-работницами в силу специфики их деятельности.

Вместо заключения

Вывод, который был нами сделан – рассмотренные дела демонстрируют высокую степень «рандомизации» в процессе принятия решения о лишении свободы подсудимого, т.к. сами статьи, связанные с наркотиками, обладают слишком высоким стигматизирующим (исключающим) эффектом, позволяющим судьям не обращать серьезного внимания на другие детали подобных дел. Таким образом, проще говорить о существовании неправовых практик, осуществляемых органами правопорядка для исключения индивидов, исходя из принципа причастности к потреблению наркотиков.

Поскольку наше исследование до сих пор не вполне закончено, представление результатов предполагается произвести непосредственно на конференции «Преступность, девиантность, социальный контроль в эпоху постмодерна».

Литература:

1. Ильин В.И. Потребление как дискурс: Учебное пособие. СПб.: Интерсоцис, 2008.
2. Информационно-аналитическая справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков в 2013 году URL: <http://fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml>
3. Сайт кафедры сравнительной социологии факультета социологии СПбГУ // 10.2. Качественный сравнительный анализ URL: <http://comparsociology.com/wp-content/uploads/2014/03/QCA.pdf>
4. Inclusion Matters: The Foundation for Shared Prosperity. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 2013
5. Wenner J.S., Nadelmann E. Obama's Pot Breakthrough // Rolling Stone. March 5, 2014 URL: <http://www.rollingstone.com/politics/news/obamas-pot-breakthrough-20140305#ixzz35SPN7219>

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ИНЦЕСТОМ

SOCIAL CONTROL OVER INCEST

Дьяченко А.П.,
д.ю.н, профессор,

Цымбал Е.И.,
Кандидат медицинских наук

Круг научных интересов профессора Якова Ильича Гилянского чрезвычайно широк. Но даже мэтр отечественной криминологии не может объять необъятного. К предыдущему юбилею мы желали профессору Гилянскому заняться научной разработкой такой проблемы как порнография, в том числе, детская. Сейчас считаем необходимым обратить внимание мэтра криминологии и социологии на не менее интересную комплексную проблему – инцест, прежде всего, в отношении несовершеннолетних. К следующему юбилею хотелось бы узнать о результатах.

Среди сексуальных посягательств на детей значительную часть составляют противоправные действия со стороны членов семьи – инцест.¹ Латинское слово инцест (нечистый, преступный) первоначально было понятием римского религиозного права и означало любую ритуальную нечистоту. Когда понятие инцест было воспринято светским правом, оно приобрело новый смысл и стало означать преступную кровосмесительную связь. Причем кровным первоначально считалось родство до шестого и только позднее - до четвертого колена.

В современном обществе запрет на инцест одобряется повсеместно, но далеко не во всех странах в уголовном законодательстве существуют нормы, предусматривающие наказание за подобные отношения. Запрет на инцест основан на получивших эмпирическое обоснование соображениях евгенического характера (угроза серьезных генетических отклонений у детей, рожденных в результате кровосмесительных связей в первом поколении, и риск накопления рецессивных наследственных дефектов у последующих поколений).²

Инцест является не только нарушением репродуктивного поведения, повышающим риск появления генетически неполноценного потомства. Одновременно инцест – это нарушение ролевого поведения, подмена ролей в семье, когда один из членов семьи начинает исполнять абсолютно несвойственную ему роль супруга или супруги. Табуирование инцеста, прежде всего, связано с глубоким изменением распределения ролей в инцестуозных семьях, следствием которого становится распад семьи как системы. Если беременность и генетическая патология как следствие инцеста возникает далеко не в каждом случае инцестуозных отношений, то поведенческие расстройства являются неизбежным следствием любого достаточно продолжительного инцеста, что дает авторам основание рассматривать в качестве универсального последствия инцестуозных отношений именно поведенческие нарушения.³

В той или иной степени в инцест оказываются вовлечены все члены семьи, его следствием и одновременно причиной является нарушение ролей и взаимодействия всех членов семьи. Роль матери в инцестуозных отношениях, как правило, пассивна, она чаще всего длительное время не замечает инцеста либо не придает ему значения и не способна прекратить его. Отсутствие у матери спо-

¹ Дьяченко А. П., Цымбал Е.И. Типология инцеста // Криминология: вчера, сегодня, завтра. №1 (2) 2002 С. 56-74.

² Елинский А.В. Зарубежная практика органов конституционного правосудия об уголовной ответственности за инцест: в поисках разумного баланса частных интересов и публичных ценностей // Российский судья. 2011. № 3. С. 13 - 18.

³ Цымбал Е.И., Дьяченко А.П. Защита интересов детей – жертв сексуального насилия //Сексуальное здоровье человека на рубеже веков. – М., 1999. С.32-34.

способности защитить ребенка от насилия традиционно связывают с наличием у женщины депрессии или считают следствием страха, вызванного агрессивным поведением мужа и низкой самооценкой.

Говоря об инцесте, необходимо учитывать, что негативные последствия инцестуозных отношений и, следовательно, их общественная опасность напрямую связаны с возрастом их участников. Так, если кровосмесительная связь возникает между совершеннолетними лицами, основная ее опасность обусловлена рождением неполноценного потомства.

Иная ситуация возникает, если в инцестуозные отношения оказываются вовлечены взрослый и ребенок, являющиеся членом одной семьи (педофильный инцест), здесь возможны и дополнительные опасные последствия.

Под педофильным инцестом авторы понимают любые сексуальные отношения с ребенком со стороны родителей или лиц, их заменяющих, братьев или сестер, а также других совместно проживающих с ребенком близких родственников, выполняющих роль его фактического воспитателя.

Педофильный инцест, на наш взгляд, имеет следующие особенности.

Инцестом признаются, не только половой акт, а любые сексуальные отношения ребенка со взрослым членом семьи.

Кровное родство не является обязательным признаком этих отношений. Инцестуозными являются отношения с ребенком тех лиц, которые играют основную роль в его социализации как в силу близкого родства, так и вследствие фактически сложившихся обстоятельств, например, опекуны или постоянные партнеры матери или отца. Они воспринимаются ребенком как близкие люди, заботящиеся о нем, исполнение требований которых для него является не обсуждаемым или обязательным. Таким образом, педофильный инцест можно рассматривать как более широкое понятие, чем кровосмешение, который нередко встречается на практике и, кроме того, может носить гомосексуальный характер.

Ребенок воспринимает лицо, вовлекающее его в сексуальные отношения как близкого для себя человека, обязанного заботиться о нем, которому полностью можно доверять.

Важнейшим элементом инцестуозных отношений является использование зависимого положения ребенка, обман или злоупотребление его доверием. Это имеет место также и в тех случаях, когда применяется физическое принуждение. В последнем случае зависимость ребенка обусловлена родственными связями, фактом совместного проживания, закрытостью семьи, что в значительной мере лишает ребенка возможность обратиться к кому-либо за помощью извне.

Ответственность за инцест была установлена в уголовном законодательстве Российской империи. В главе четвертой Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., посвященной преступлениям против «общественной нравственности и нарушении ограждающих оную постановлений», можно выделить статьи о соблазнительном и развратном поведении и противоестественных пороках.

Так, ст. 993 предусматривала, что если лица, имеющие надзор за малолетними и несовершеннолетними, находящиеся в услужении их родителей, опекунов или родственников, будут благоприятствовать их склонности к непотребству⁴ и другим порокам или же побуждать их к тому своими внушениями и обольщениями, то за это они подвергаются заключению в тюрьму на время от двух до четырех месяцев.

Особый интерес представляет то, что они также лишаются навсегда права иметь надзор за малолетними и несовершеннолетними. Здесь просматривается сходство с ныне действующим запретом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на определенный срок.

⁴ В русском уголовном праве этим термином обозначались т.н. плотские преступления – любодеяния, любострастие, разврат и иные действия. См. Чучаев А. И. Уголовное уложение Советской России. Сб.: Взаимосвязь уголовного и процессуального права: исторический и сравнительно-правовой аспекты. Уфа, 2012 с.34.

Глава шестая Уложения предусматривала нормы об ответственности за преступления против чести и целомудрия женщин.

Так, по ст. 1524, если растление девицы, не достигшей 14-летнего возраста, учинено без насилия, но по употреблению во зло ее невинности и неведения, то виновный в этом приговаривается: к лишению всех прав состояния и к ссылке на каторжную работу на время от 8 до 10 лет или на время от 4 до 8 лет.

При наличии отягчающих обстоятельств, в настоящей статье предусматриваются более строгие сроки уголовного наказания в виде лишения свободы. Так, когда виновный для совершения преступления употребляет во зло не только невинность и поведение девицы, но и предоставленную ему по званию или по особой доверенности ее родителей, опекунов или родственников, власть, то по лишении всех прав состояния он подвергается ссылке на каторжную работу на время от 10 до 12 лет.⁵

В основе первого советского уголовного Уложения, которое недавно было пущено в научный оборот, лежали многие положения дореволюционного уголовного законодательства.⁶

В главе 19 этого Уложения (ст. 213-225) предусмотрена ответственность за непотребство, т.е. преступления, посягающие на половую свободу и половую неприкосновенность потерпевших, в том числе и несовершеннолетних. Особый интерес представляет уголовно-правовой запрет кровосмешения.

Согласно ст. 216 Уложения виновный в кровосмешении с нисходящим или восходящим родственником наказывается лишением свободы. Однако Уложение, к сожалению, не разъясняло, о каких именно родственниках идет речь.

УК РСФСР 1922 г., 1926 г. и 1960 гг. ответственность за кровосмешение с родственниками предусмотрена не была. В УК РФ 1996г. инцест также не был криминализован.

В этой связи представляет научный и практический интерес обзор уголовного законодательства зарубежных стран. Сексуальная связь с несовершеннолетними родственниками в возрасте 16-18 лет нередко образует самостоятельный состав преступления по законодательству многих зарубежных стран (напр. Аргентина, Великобритания, Германия, Дания, Италия, Канада, США, Финляндия, Швеция).⁷

Так, в УК Республики Польша (ст.2.01.201) предусмотрена ответственность за половое сношение с родственником по восходящей или нисходящей линии, усыновленным, усыновителем, братом или сестрой (наказание в виде лишения свободы на срок от 3 мес. до 5 лет).

УК Республики Словения (ст. 121) карает за кровосмешение того, кто совершает половое сношение с кровным родственником по прямой линии либо с братом или сестрой, лишением свободы на срок до 3 лет.

Закон об Уголовном праве Израиля (ст. 346) запрещает половое сношение с несовершеннолетней в возрасте от 14 до 16 лет, которая не является женой виновного, а равно с несовершеннолетней в возрасте от 16 до 18 лет, используя при этом ее зависимость или власть над ней, либо положение наставника или надзирателя, либо ложное обещание вступить в брак под страхом тюремного заключения сроком на 5 лет.

В ст. 351 УК Израиля предусмотрено наказание для того, кто вступает в половое сношение с женщиной в возрасте от 14 до 21 года, и она является членом его семьи, а равно тот, кто совершает акт содомии в отношении женщины того же возраста, которая является членом его семьи (тюремное заключение сроком до 16 лет). Закон разъясняет, что под членом семьи понимаются родители, су-

⁵ Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., изд. пятое, доп. СПб, 1886, с. 545-546.

⁶ Чучаев А.И. Указ. соч., с. 15-35

⁷ Щерба С.П. и др. Сравнительное уголовное право. Особенная часть. Колл. Авторы. М., 2010, с. 151.

пруга родителя, даже если они не состоят в официальных супружеских отношениях, а равно дедушка или бабушка.

УК Австрии (§ 211) содержит самостоятельную ответственность за инцест. Сожительство с лицом, которое является его родственником по прямой линии влечет наказание в виде лишения свободы сроком до 1 года. Если виновник склоняет к половому сожительству лицо, являющегося его родственником по восходящей линии, его лишают свободы сроком до 3 лет. Если виновный осуществляет половое сожительство со своим братом или сестрой – лишение свободы на срок до 6 месяцев.

УК разъясняет, что за кровосмешение не наказывается виновный, который в момент совершения преступления не достиг 18 лет.

Уголовное законодательство Голландии, как и других европейских государств, содержит раздел о преступлениях против общественной нравственности, включающий ответственность за педофильный и инцестуозный акт.

Согласно УК (ст. 249), виновный в совершении непристойных действий со своим несовершеннолетним ребенком (инцест), пасынком или падчерицей, приемным ребенком, воспитанником или несовершеннолетним служащим, вверенным его попечению, обучению или наблюдению, карается тюремным заключением на срок до 6 лет или штрафом. Таким образом голландский законодатель приравнивает зависимость ребенка от родителей или лиц, их заменяющих, к их зависимостью от работников образовательных или социозащитных организаций (лица, на которых возложена обязанность по обучению и наблюдению за детьми). С такой позицией вряд ли можно согласиться.

Особенностью УК Голландии (ст.250) является ответственность за посредничество в совершении инцестуозных действий с несовершеннолетним, которое карается тюремным заключением на срок до 4 лет или штрафом. Настоящий УК разъясняет (ст. 251), что при осуждении за любое из указанных преступлений может быть назначено лишение прав, в том числе права заниматься своей профессиональной деятельностью.

По УК Аргентины вне зависимости от возраста жертвы виновный наказывается каторжными работами или тюремным заключением сроком от 10 до 15 лет, если преступление было совершено родственником по восходящей линии, супругом, братом, опекуном, попечителем, лицом, проживающим совместно с жертвой, или иным лицом, ответственным за ее воспитание.

Согласно настоящему УК Аргентины (ст. 133), родственникам по восходящей или нисходящей линии, супругам, сожителям, сожительницам, родственникам по прямой линии, по браку, братьям, сестрам, опекунам, попечителям и любым другим лицам, которые, злоупотребляя отношением зависимости, власти, доверия или порученным им делом, содействовали совершению предусмотренным в данном разделе преступлениям, назначается то же наказание, что и исполнителям.

По УК Швейцарии (ст. 213) тюремным заключением карается тот, кто сожительствует с кровным родственником по прямой линии или с родными или сводными братьями или сестрами. Несовершеннолетние не наказываются, если они были совращены.

В соответствии с § 173 УК ФРГ тот, кто сожительствует с кровным родственником по нисходящей линии, наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или денежным штрафом; кто сожительствует с кровным родственником по восходящей линии – лишением свободы на срок до 2 лет или денежным штрафом. Также наказываются кровные братья и сестры, которые сожительствуют друг с другом (родственники по нисходящей линии и братья и сестры не несут наказания по этой правовой норме, если ко времени совершения деяния еще не достигли 18-летнего возраста).

УК штата Техас (ст. 25.02) предусматривает ответственность за половой акт или половой акт в извращенной форме с лицом, известным виновному в качестве его:

- кровного и приемного предка или потомка;
- пасынка, падчерицы, отчима или мачехи, при наличии брака, в результате которого родство установилось;

- полнокровных или неполнокровных дяди или тети;
- полнокровных, неполнокровных или приемных брата или сестры; или полнокровных, неполнокровных или приемных племянника или племянницы.

Посягательство, предусмотренное настоящей статьей, влечет лишение свободы на срок от 2 до 10 лет. В качестве дополнительного наказания может быть назначен штраф, не превышающий 10 тыс. долларов.

По УК штата Калифорнии (§ 285) преследуется инцест. Лица, которые будучи связаны родственными узами, вступают в брак друг с другом, который по закону признается недействительным, наказываются заключением в тюрьме штата на срок 2-3 года.

Согласно УК штата Миннесоты, каждый, имеющий половое сношение с лицом более близким в родстве, чем двоюродные родственники (брат, сестра), независимо от полного родства или половинного, виновен в инцесте и может быть осужден к заключению на срок не более 10 лет.

УК штата Нью-Йорк (§ 255.25) карает лицо, виновное в кровосмешении, если оно вступает в брак или половое сношение с лицом, которое, как ему известно, приходится ему родственником по восходящей или нисходящей линии, братом или сестрой по обоим родителям или только по одному из них, дядей, тетей, племянником или племянницей. Кровосмешение наказывается тюремным заключением на срок свыше 1 года.

С учетом международно-правовых актов, отечественного и зарубежного опыта считаем целесообразным установить в Российской Федерации уголовную ответственность за инцест в отношении несовершеннолетних и малолетних.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗЛА

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF EVIL

Ениколопов С.Н.,
заведующий отделом медицинской психологии
Научного Центра психического здоровья РАМН

Аннотация. Психология уделяет мало внимания проблеме зла в обществе. Зло рассматривается как форма насилия и агрессии, имеющей особенности, которые отличают зло от других форм намеренного вредоносного поведения.

Ключевые слова: зло, агрессия, насилие, жертва.

Annotation. Psychology as a discipline has given relatively little attention to the problem of evil in society. Evil as only varieties of violence and aggression without any characteristics that distinguish them from other forms of intentional harmful behavior.

Keywords: Evil, aggression, violence, victim.

Исследование зла многие годы не пользовалось популярностью в социальных науках, но в последнее время оно переживает ренессанс. Э. Стауб [Staub, 1989] первоначально использовал термин зло, чтобы обозначить чрезвычайное деструктивное действие, такое как геноцид или массовые убийства, но позже исследователи стали рассматривать проявления зла в корпорациях (Hamilton L., Sanders J. 1999), сексуальной агрессии и других формах насилия и агрессии.

Долгое время зло было религиозным понятием. Слово Зло также использовалось как светский термин, чтобы описать, объяснить, или выразить отношение, чаще всего негативное, к определенным действиям, людям или событиям. Определяя что-то как зло предполагают, что обсуждаемые действия или события не постижимы обычному человеческому пониманию и располагаются вне границ этики и даже нормального человеческого поведения. Однако, зло - результат обычных психологических процессов и их проявлений в поведении.

Зло, согласно Оксфордскому английскому Словарю, имеет много определений. В одном из них зло - это действия, которые "нравственно развращены, плохи, порочны", а в другом - зло "делает или имеет тенденцию причинять вред; вредное, наносящее ущерб" [Simpson и Wiener, 1991, p. 471]. В первом случае акцент делается на том, что совершается нравственно наказуемый акт с целью достигнуть предосудительной цели, а во втором - определение зла частично совпадает с определениями агрессии [Ениколопов 2001]. Понятие зла становится все более и более используемым в научной литературе [Baumeister, 1997; Darley, 1992; Staub, 1989], важно дифференцировать такие близкие понятия как зло, агрессия и насилие.

Э. Стауб предположил, что зло может быть определено множеством элементов (Staub, 1989). Один из них - чрезвычайный вред. Вред может быть болью, страданием, смертью, потерей личностного или человеческого потенциала. Другим элементом определения зла, является то, что некоторые люди или группы участвуют в чрезвычайно вредных действиях, которые не соразмерны с любым подстрекательством или провокацией [Darley, 1992]. Повторение или постоянство вредных действий могут быть третьим элементом определения зла. Соответственно можно говорить о зле, когда все эти элементы определения присутствуют: насильственные вредные действия, которые не соразмерны с провоцирующими условиями, и постоянство или повторение таких действий.

А.А. Гусейнов отмечает, что в определении понятия насилия существуют два подхода. В первом случае понятие насилия несет четко выраженную негативную оценочную нагрузку и употребляется в очень широком значении, включающем все формы физического, психологического, экономического подавления. Насилие прямо отождествляется со злом вообще. Другой подход ори-

ентируется на ценностно нейтральное и объективное определение насилия и отождествляет его с физическим и экономическим ущербом, который люди наносят друг другу [Гусейнов А.А., 1994].

Практически во всех определениях под насилием понимают применение силы, приводящее к ущербу наносимому основным человеческим потребностям или даже жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже потенциально возможного. При этом, угроза насилия также является насилием. Под основными потребностями понимаются: а) потребность выживания (отрицанием данной потребности является смерть, смертность); б) потребность благополучия (отрицанием является - нищета, болезни); в) потребность в идентичности (отрицание этой потребности - отчуждение); г) потребность свободы (отрицание - репрессии).

Й. Галтунг [Galtung J., 1990] выделил три форм насилия: прямое, структурное и культурное. По отношению к перечисленным выше потребностям прямое насилие проявляется в следующих формах - а) убийство; б) телесные повреждения, блокада, санкции, нищета; в) десоциализация из собственной культуры и ресоциализация в другую культуру (например, запрещение родного языка и навязывание другого), отношение к людям как гражданам второго сорта; г) репрессии, задержание, изгнание.

Структурным насилием по Й. Галтунгу являются: а) эксплуатация типа А, когда нижестоящие могут быть ущемлены настолько, что умирают от голода и болезней; б) эксплуатация типа Б, когда нижестоящие могут оказаться в состоянии постоянной нищеты, включающем недоедание и болезни; в) внедрение в сознание, ограничение информации; г) маргинализация, разобщение. Структурное насилие эквивалентно социальной несправедливости.

Под культурным насилием рассматриваются те аспекты культуры, символической сферы нашего существования, представленной религией и идеологией, языком и искусством, эмпирической и формальной наукой (логикой и математикой), которые могут быть использованы для оправдания и легитимации прямого и структурного насилия. Культурное насилие ведет к тому, что прямое и структурное насилие начинают выглядеть и восприниматься как справедливое, или, во всяком случае, не дурное дело.

Три вида насилия имеют базовое различие во временном отношении. Прямое насилие имеет характер события; структурное - процесса с подъемами и спадами; культурное насилие - инварианта, «перманентности», оставаясь по существу неизменным на долгие периоды с медленной трансформацией базовой культуры. Можно установить каузальную связь от культурного через структурное к прямому насилию. Изучение культурного насилия проливает свет на то, каким образом акт прямого насилия и факт структурного насилия легитимизируются и делаются таким образом приемлемыми в обществе. Один из способов функционирования культурного насилия состоит в изменении моральной окраски действия с несправедливой на справедливую, или же, по крайней мере, на приемлемую.

Большинство ценностей, функционирующих в современном обществе, способствуют тому, что агрессия и насилие, а соответственно и зло, активно проявляются и воспроизводятся в социуме. Это первую очередь, имеет отношение к ценностям касающихся статусных, имущественных, возрастных отношений, и создающих основу для сильных социальных напряжений, переживаемых большим количеством членов социума. Это особенно заметно проявляется в модернизирующихся странах, где большое количество людей, явно или неявно, вовлечены в процесс перераспределения ресурсов и статусов. Люди, чувствующие себя униженными, зажатыми, подавленными и проигравшими, начинают использовать прямое насилие для своего освобождения и изменения своего положения и, соответственно, контрнасилие для сохранения существующего положения.

Многочисленные исследования показали, что рост злых действий в обществе тесно связан с крупными и резкими социальными переменами (например, модернизация страны) и связанными с этими переменами нарушениями традиционной организации общества, которые заставляют людей обратить внимание на свои индивидуальные проблемы [Staub, E. 1989].

Ощущение (не всегда осознанное и объективное) невозможности удовлетворения своих потребностей способствует возникновению чувства безнадежности и фрустрации, которые проявляются как апатия, отстранение, направленная вовнутрь агрессия, а наиболее вероятной реакцией становятся различные формы прямого насилия.

Перед психологами стоит вопрос, что позволяет человеку или группе участвовать в "злых" действиях или создавать условия для их осуществления. Мы предлагаем использовать этот термин зло в широком смысле. Во-первых, это позволяет, исследуя общие механизмы относительно незначительных нарушений продвинуться к пониманию крупномасштабного зла. Во вторых, ограничительные определения могут препятствовать пониманию того, как преступник (который может воспринимать события иначе) мог совершить такие действия.

Анализ геноцидов в Турции, Германии, Камбодже и Аргентине, проведенный Э.Стаубом [Staub, E. 1989] показал, что причины геноцида, как против людей своей национальности, так и против инородцев, многоплановы, но вполне познаваемы, очень рациональны и прагматичны. Конфликт между различными социальными группами и отдельными индивидами, особенно во время каких-либо изменений (например, модернизации), может разгораться из-за субъективного и объективного ощущения, что интересы и цели, которых они желают достичь, пересекаются, вступают в соперничество. Чем менее устойчиво равновесие между различными группами, а также между группой и окружающей средой, чем чаще нарушается это равновесие, тем скорее формируется стремление решить проблемы с помощью прямого или структурного насилия. Конфликты могут развиваться из-за различий в ценностных установках этнических, социальных и религиозных групп. Все кто критикуют или не разделяют, ставшие сверхценными, идеалы какой-либо группы, превращаются во врагов, так как, отвергая идею, они отвергают, тем самым, и группу, неся ей угрозу.

В модернизирующихся странах прямое и структурное насилие проявляются, как попытка перераспределить, или сохранить статус, ресурсы и богатство, отомстить за унижения. Способы разрешения ситуации фрустрации во многом обусловлены существующими в данном обществе и группах (в том числе и этнических) типовыми образцами и схемами поведения (например, этническими стереотипами поведения).

Чем интенсивнее конфликт, тем больше вероятность того, что будет формироваться образ врага. Возникнет апелляция к патриотическим чувствам, призывы к лозунгам борьбы за свободу и независимость. Создаваемое таким образом ощущение угрозы и опасности нападения, пробуждает естественную оборонительную агрессивность, как реакцию на угрозу витальным интересам и индивида и группы. Это реакция не столько, на реальную угрозу, сколько на воображаемую. Она позволяет довольно умело управлять людьми. Разъяренной толпе достаточно указать на виновника бед и угроз, чтобы она уничтожила его и была бы довольна свершившимся "правосудием". Это может быть любой «иной».

При этом вероятность внутреннего социального взрыва и недовольства уменьшается, а возникающая ситуация позволяет создать атмосферу строжайшей дисциплины и беспрекословного подчинения лидерам.

Образ врага возникает только, если он правдоподобен с точки зрения реальности. Образ субъективен, что включает в себя пристрастность - зависимость восприятия от потребностей, мотивов, установок, эмоций. Если лидерам и средствам массовой информации удалось вызвать тревогу у человека относительно безопасности жизни, то у него появляется потребность материализовать ее, найти ей причину, объект ее вызывающий, поскольку субъекту страшна такого рода неизвестность. Если объект подобного свойства предлагается субъекту, то даже если обстоятельства и сам объект довольно неправдоподобны, он принимается как враг, неизвестность более страшит субъекта, чем возможная ошибка. И вот ранее нечто субъективное (переживание неопределенности, тревоги) приобретает определенный облик, против которого можно бороться, которому можно противостоять и

возможно победить. Мотивом же возможных последующих действий выступает страх, который перестает мучить, если вызвать его у другого.

Образ врага может не соответствовать реальности и содержать в себе в определенной мере и фантазии (предательство государственных интересов, человеческие жертвоприношения, заговор и т.п.). Люди могут в своих фантазиях выражать нечто опасное и защищаться от этого совместными усилиями. С помощью различных механизмов, например - отрицая существование в своей группе проблем и перенос вины на другие группы, представляя, что враг находится вне группы, люди пытаются решить свои жизненные проблемы.

Работы Э. Стауба позволяют понять, почему во времена активных перемен, кризисов в обществе обостряется интерес к истории, индивидуальной и коллективной памяти. В ней пытаются найти обоснование собственной идентичности. Важно отметить, что поиск «иного, врага» так же способствует решению этой проблемы, т.к. в чужой культуре, мы всегда видим модификацию собственной и враждебные образы «чужого» формируются из образа себя, но с отрицательным знаком [Вальденфельс Б.1999]. Враждебное отношение к «чужой» культуре уходит корнями в совершенно различные мифологические, религиозные и философские системы, но на эмоциональном уровне проявляются общечеловеческие психологические свойства. «Враждебная триада» - гнев, отвращение и презрение составляют эмоциональный фон, который выключает «чужого» из принятых моральных и этических норм. Осознание того, что другой человек является «чужим» и не принадлежит к миру «своих», что он недочеловек, что он ритуально нечистый, резко снижает сознательный, культурно выработанный контроль над разнообразными проявлениями агрессии по отношению к данному человеку или группе людей. Необходимо отметить, что враждебное отношение к определенным социальным или национальным группам не ведет к немедленному и явно выраженному проявлению насилия и агрессии по отношению к представителям данных групп, но служит консолидации «своих», повышению групповой и индивидуальной самооценки.

Очень часто мы предполагаем, что преступники совершая свои действия, так же как и мы, воспринимают их как шокирующие и отвратительный. Преступники, однако, могут видеть все иначе. С точки зрения жертвы, чудовищность преступления является центральной проблемой. Для преступника, однако, акт может иметь гораздо меньшую важности, и руководствуется он больше положительными соблазнами, чем преодолением моральных и правовых норм и барьеров. В некоторых случаях люди могут совершать чудовищные преступления (даже массовые убийства) для реализации своих положительных идеалов, ценностей группы, или утопических проектов. Например, самое большое числа жертв в истории были достигнуты в Сталинистских и Маоистских чистках. Эти смертельные кампании, однако, были реализацией идеалистических проектов создания утопического общества, основанного на равенстве, разделенном богатстве, и достоинстве для всех. Преступник почти всегда в момент совершения преступления считает свои действия справедливыми и лишь спустя какое-то время может понять ошибочность своей оценки ситуации.

Р. Баумайстер [Baumeister,R.F.1997] считает одной из важнейших характеристик людей совершающих зло садизм, который определяет как прямое достижение удовольствия от нанесения вреда другим. В его понимании садизм совпадает с враждебной агрессией (злокачественной по Э. Фромму) - поведением, возникающим из чувства гнева по отношению к предполагаемому «врагу» и имеющим целью нанести ему физический, материальный или психологический ущерб. При этом главной целью субъекта является именно причинение вреда и страдания своей жертве, а не достижение какой-либо неагрессивной задачи. Важно отметить, что люди получают удовольствие вреда или убивая другие и чувствуют себя хорошо [Фромм Э. 1994]. Фактические садисты весьма редки, и даже в сообществе садомазохистских практиков, людей, желающих играть покорную роль существенно больше тех, которые желают играть доминирующей [Scott, G. G. 1983]. Ф. Зимбардо [1972] отметило, что садистским действительно становилось меньшинство. Они, казалось, восхищались мучением беспомощных, уязвимых заключенных. Комментарии насильников

в исследованиях Г. Тох [Toch, H. 1993] и А. Грота [Groth, A. N. 1979] показывают, что человек медленно развивает привычку к причинению вреда, но у некоторых это становится аддикцией.

Другим фактором совершения злых поступков является скука и поиск острых ощущений. Насилие и агрессия могут обеспечить такие острые ощущения, и поэтому злые действия могут быть забавой. Можно предполагать, что существует непрерывность между небольшими и крупномасштабными преступлениями. Во многих случаях, преступник, возможно, даже не намеревается нанести кому-то вред. Цель состоит в том, чтобы получить удовольствие, уменьшить скуку и обеспечить забаву.

Намного более существенным примером дрейфа от поиска забавы от скуки к злу является история Ку-клукс-клана. Организация была основана маленькой группой молодых людей американском юге после того, как была проиграна Гражданская война. Чтобы сделать костюмы они достали белые простыни, которые были пригодны к эксплуатации как призрачные маскировки. Они начали играть и обнаружили, что прежние рабы были превосходными целями. Позже, Клан стал печально известен насилием, и для многих это стало одним из ведущих воплощений зла в Соединенных Штатах. [Wade, W. C. 1987]. Такие случаи показывают, что поиск первоначально невинной забавы может ввести к насильственным, злым действиям.

Другой психологической характеристикой тесно связанной с проявлением зла является эгоизм. Когда люди чувствуют, что их благоприятной самооценке или репутации что-то или кто-то угрожает, они ведут себя агрессивно. Нацисты и Ку-клукс-клан совершают зло исходя из их собственного представления о врожденном превосходстве над другими.

Необходимо, анализировать события и с точки зрения жертв, которая, также важна. Действительно, специфическая проблема с определением зла с точки зрения величины вреда состоит в том, что преступники и жертвы часто имеют поразительно различные представления относительно этой величины. Р.Баумайстер [Baumeister 1997] предложил, что существуют большие различия в восприятии жертвами и преступниками одного и того же акта. Так, жертвы изнасилования ощущают беспокойство, кошмары и нарушения сексуального функционирования в течение многих лет, в отличие от мимолетного и слабого удовольствия, полученного насильником. Убийство стоит жертве жизнь и причиняет значительное горе социальной сети жертвы, что, не сравнимо с чувствами убийцы.

Исследования межличностных преступлений [Baumeister 1997] показывают, что жертвы имеют тенденцию интегрировать преступление в предшествующую историю, а преступники имеют тенденцию отрицать связи между прошлым преступлением и существующей ситуацией. Преступления становятся "древней историей" намного более быстро для преступников, чем для жертв.

Жертвы имеют тенденцию видеть абсолютные моральные проблемы, тогда как преступники часто признают некоторый проступок, но также и видят оправдывающие их обстоятельства и провоцирующие действия жертв. Жертвы судят преступников намного более резко и однозначно. Жертвы редко признают любую свою провоцирующую роль к себе, тогда как преступники часто оценивают вклад жертвы в конфликт, даже если признают, что их собственные действия были чрезмерны. Преступники обычно имеют причины и объяснения своих действий, тогда как много жертв описывают действия преступника как совершенно неспровоцированные.

Люди, страдающие от чувства вины, связанного с травмой, имеют когнитивные нарушения, связанные с убеждениями о непредусмотрительности, неоправданности своих действий, а также об ответственности за происшедшее. Данные когнитивные нарушения являются характеристиками ошибочного мышления травмированных людей, что может привести к желанию реванша, мести и насилия. Кольцо зла может сомкнуться.

Современное общество с одной стороны, подавляет и стремится контролировать насилие, а с другой – само же и воспроизводит его. Войны, террористические акты, преступность, этнические и религиозные конфликты обеспечивают постоянное присутствие насилия в обществе, которое

поддерживается и усиливается средствами массовой информации. Зло стало объектом эстетики, а не только морали.

Многие исследователи не занимаются анализом психологии зла худшей формы человеческого насилия по вполне понятным причинам. Первая причина психологична по своей природе – это уход от темы исследования, которая вызывает ужас и отвращение. Вторая причина – моральная – как сохранить «научный нейтралитет» сталкиваясь с дикими по своей жестокости действиями? Более того, научное исследование зла таит в себе опасность не только к реабилитации, но и к его рекламе, т.к. может вызвать интерес и стимулировать поведенческую активность. Третье препятствие имеет более интеллектуальную природу: явление резни бросает вызов рациональному и логичному пониманию. Эти действия воспринимаются как бессмысленные, иррациональные. Возникает тенденция списывать эти, не укладывающиеся в наше понимание, события как проявления «безумия». Отсюда Фроммовская «некрофилия», «паранойя» Сталина. Это создает иллюзию объяснения, но не объясняет поведения большого количества рядовых участников, свидетелей и жертв, не дает оснований предполагать, что подобные явления можно предотвратить.

К сожалению, в нашей стране, которая имеет самый уникальный опыт травматизации в двадцатом веке как по количеству ситуаций и вовлеченных людей, так и по продолжительности, большого внимания этой проблеме не уделяется. Девальвация ценности человеческой жизни, являющаяся следствием невнимания к нашей травматичной истории, проявляется в последние годы высоких показателей насильственной преступности и самоубийств. Отсутствие многостороннего анализ того, что произошло в нашей стране в прошлом веке и как это переживалось, может привести к тому, что история будет повторяться, но, ни как фарс, а для тугодумов.

Литература:

1. Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск.: Пропилеи, 1999.
2. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия. Вопросы философии. 1994,6, 35–41
3. Ениколопов С.Н. (2001) Понятие агрессии в современной психологии. Практическая психология, №1, с. 60-71.
4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
5. Baumeister, R.F.. Evil: Inside human violence and cruelty. New York: Freeman. 1997
6. Darley, J. M. Social organization for the production of evil. Psychological Inquiry. 1992, 3, 99-217.
7. Galtung J. Cultural Violence. Journal of Peace Research 1990, Vol. 27, 3,291-305
8. Groth, A.N. Men who rape: The psychology of the offender. New York: Plenum. 1979
9. Simpson J, Weiner E. The Compact Oxford English Dictionary. Oxford University Press, USA 1991
10. Scott, G.G. Erotic power: An exploration of dominance and submission. 1983
11. Staub, E. The roots of evil: The origins of genocide and other group violence. New York: Cambridge University Press. 1989
12. Toch, H. Violent men: An inquiry into the psychology of violence. 1993
13. Zimbardo F. The Lucifer effect. 2007
14. Wade, W.C.. The fiery cross: The Ku Klux Klan in America. New York: Simon & Schuster.1987

**РОССИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
МОНОПОЛИЗМА ВЛАСТИ И МОНОПОЛИЗМА
СОБСТВЕННОСТИ (ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ)**
**RUSSIA: CRIMINOLOGICAL UNDERSTANDING OF MONOPOLY
POWER AND MONOPOLY PROPERTY (PAST, PRESENT, FUTURE)**

Забрянский Г.И.,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Российская академия адвокатуры и нотариата

Аннотация. В работе рассматривается связь преступности с противоречиями общественного развития. Анализируется формирование криминогенных последствий: монополизма власти и монополизма собственности; перераспределения власти и перераспределения собственности. В социальной структуре общества выделены четыре группы, состоящих из различных сочетаний признака «власть-собственность».

Annotation. In this paper we consider the connection of crime with the contradictions of social development. Analyzed the formation of criminogenic effects: monopoly power and monopoly of ownership; redistribution of power and redistribution of property. In the social structure, four groups consisting of various combinations of the attribute "power-property". The mechanism of the formation and functioning of organized crime at different stages of development of society.

Ключевые слова: противоречия общественного развития, монополизм власти, монополизм собственности, перераспределение власти, перераспределения собственности, коррупция.

Keywords: contradictions of social development and crime, sources of conflict, monopoly power, monopoly ownership, redistribution of power, the redistribution of property, organized by crime.

1. Центральным понятием теорий социологического направления объяснения преступности является категория противоречия. Категория противоречия может служить методологическим основанием оценки современного состояния отечественной криминологии. Криминогенная ситуация – есть система противоречий, требующих понимания и объяснения. Такой подход раскрывает новый горизонт перед криминологической наукой.

Связь преступности с противоречиями общественного развития – традиционное направление исследований в современной криминологии. Вместе с тем весьма спорно не только отождествлять причины преступности с социальными противоречиями, но и непосредственно выводить их из противоречий. Противоречия сами по себе не опасны. Криминогенность возникает, когда они игнорируются, не разрешаются или разрешаются несвоевременно. В этом случае противоречия порождают многие негативные процессы, которые оказывают влияние на криминогенную напряженность в обществе.

2. Природа и характер источников противоречий современного периода и особенности криминогенной ситуации тесно связаны с природой и характером источников противоречий в России до реформ и особенностями преступности того периода. Один из основных источников противоречий и конфликтов в нашем обществе до реформ – монополизм власти и монополизм собственности. Монополизм власти не может существовать без монополизма собственности, а монополизм собственности – без монополизма власти. Взаимодействуя между собой, они (на весьма низком уровне потребностей народа) обеспечивают некоторое равновесие в обществе, в силу чего распад основных социальных институтов и социокультуры как целостности происходит постепенно.

Постепенность распада основных социальных институтов оказало влияние на особенность динамики преступности того периода. На протяжении 27 лет (1961-1988 гг.) преступности был ха-

рактен постепенный, плавный рост без заметных скачков и падений. Чем ближе к распаду страны, тем интенсивнее процесс насыщения общества преступностью. В 1961 г. в России было зарегистрировано 534866 преступлений. Чтобы прирасти еще на 500 тыс. России понадобилось 19 лет. В 1980 г. число зарегистрированных преступлений впервые достигло 1 миллиона и составило 1028284 преступлений. Чтобы прирасти еще на 500 тыс. понадобилось уже 9 лет. В 1989 г. было зарегистрировано 1618191. Для прироста еще на 500 тыс. понадобилось только два года. В 1991 г. число зарегистрированных преступлений впервые в истории России достигло двух миллионов (2173074).

3. Важным для осмысления криминологических проблем проявлением монополизма власти является раскол народа и власти, который сопровождается страхом и основанным на нем высоким уровнем подчинения населения требованиям власти. Народ выражает свое отношение к власти скрыто (феномен «кухонной демократии»). Граница свободы задана идеологическими стереотипами и догмами. Выработаны выгодные власти стандарты, в пределах которых поведение одобряется, за пределами – осуждается. Ввиду постепенности распада целостной социокультуры преступность как его отражение хотя и устойчиво росла, но относительно невысокими темпами. Распад затронул все сферы жизнедеятельности: экономику, политику, социальную сферу, культуру, этнические отношения и т.д. Каждая сфера порождает «свои» противоречия и конфликты, которые определяют, в конечном счете «свою» модель преступности.

4. Важным для осмысления криминологических проблем проявления монополизма собственности является неспособность общества воспроизвести необходимый уровень ресурсов. Общество живет в условиях дефицита на товары и услуги, когда существует неудовлетворенный спрос и избыток денежных средств. Самая распространенная в России ситуация до реформ – «есть деньги, нет товара», т.е. общество жило в условиях сосуществования неудовлетворенного спроса и избытка денежных средств. Дефицит, вторгаясь в жизнь общества, деформирует его. Разбалансированность экономики достигла такого уровня, что общество предстало перед потребителем как государственный магазин, в котором среднестатистические цены на товары массового спроса соответствуют заработной плате среднестатистического потребителя, но товаров нет. Зарплата теряет социальную ценность. Легальная работа в таком обществе бессмысленна. Подобный жизненный круг усиливает социальную напряженность, недовольство, озлобленность. Преступление нередко используется как инструмент разрешения противоречий между потребностями и легальными возможностями их удовлетворения. Однако объективно преступность ведет не к устранению, а к обострению противоречий.

5. Раскол народа и власти и неспособность воспроизвести необходимый минимум ресурсов определили особое место, которое занимают в обществе три группы населения:

- в первую входят те, кто назначает на должности, связанные с распределением дефицита;
- во вторую – те, кто дефицит распределяет;
- в третью – те, кто нелегально производит дефицит.

Эти группы образуют ядро того слоя людей в обществе, который, находясь в более благоприятных условиях и чувствуя своё превосходство, не заинтересован в развитии общества и может стремиться упрочить свое привилегированное положение. Интересы таких групп не совпадают с целями реформ. Они составляют наиболее активную силу скрытого антиреформистского движения. Бюрократическая система сформулировала свои принципы «подбора и расстановки кадров». В основном их три: протекционизм, кастовость, коррупция.

6. Начавшиеся в России перестроечные процессы ставили задачу разрушить монополизм власти и монополизм собственности. Пришедшие на политическую арену силы попытались разрушить монополизм власти, не затрагивая монополизм собственности. Но демократические институты власти не могут эффективно действовать в условиях господства в экономике монополизма собственности, а монополизм собственности не может нормально сосуществовать с демократическими

институтами власти. В этой ситуации на первый план выступает конфликт между властью и собственностью.

Постепенность распада социокультуры, которая обеспечивалась логикой взаимной поддержки монополизма власти и монополизма собственности, сменилась резкой интенсификацией, на что быстро отреагировала преступность (не только количественным скачком, но и негативными качественными новациями). Попытки разрушить монополизм собственности к первому конфликту добавили два новых: между ветвями власти и между различными формами собственности. Общество не нашло адекватных способов разрешения конфликтов.

7. От монополизма власти Россия перешла не к плюрализму власти, а к принципу её перераспределения между чиновниками, который, как и монополизм, привел к расколу народа и власти. Однако в отличие от раскола, характерного для доперестроечного периода, этот раскол сопровождается не страхом, а свободой, и народ выражает свое отношение к власти не скрыто, а открыто (феномен «уличной демократии» и легальной оппозиции).

От монополизма собственности Россия перешла не к рыночной экономике, а к принципу перераспределения собственности, последствием чего стала неспособность государства оплатить общественно полезный труд. Видимым проявлением распада в экономике этого периода является не дефицит товара, как в доперестроечной России, а дефицит капитала. Товары есть, но цены среднестатистическому потребителю недоступны. Большинство населения находится в жизненном кругу «есть товары, но нет денег». Разбалансированность экономики достигла такого уровня, что общество предстает перед потребителем как супермаркет, в котором изобилие товаров, но цены на них не соответствуют заработной плате среднестатистического потребителя. Зарплата теряет социальную ценность. Легальная работа в таком обществе бессмысленна.

Какая жизненная модель лучше: «есть деньги – нет товара» или «есть товар – нет денег»? Криминологическая наука не может ответить на этот вопрос. Её задача показать, какая из этих моделей, при прочих равных условиях, в большей степени способствует формированию у различных групп населения, прежде всего молодежи, преобладания ориентаций на нелегальные способы разрешения противоречий и конфликтов над ориентациями на легальные способы.

8. Для современной России характерен процесс быстрого «переселения» значительной части населения в два других жизненных круга: 1) «есть деньги, есть товар»; 2) «нет денег, нет товара». По данным Росстата в 2011 г. на долю 10% наиболее обеспеченных россиян приходилось 30,8% денежных доходов. На долю 10% наименее обеспеченного населения приходилось 1,9% общей суммы денежных доходов жителей РФ. Следовательно, децильный коэффициент дифференциации населения по доходам в 2011 г. равнялся 16,2. В последние годы (2007-2012 гг.) в России наблюдается самый высокий за всю историю существования страны коэффициент Джини (индекс концентрации доходов).

Происходит расслоение общества, на разных полюсах которого расположены «богатство» и «нищета». Государство, в котором темпы роста богатства, опережают темпы сокращения бедности, обречено на неудачи. Полезно помнить слова К. Маркса: «должно быть есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает своё богатство, но при этом не уменьшает нищету...».

В последние годы наблюдается тенденция сокращения числа зарегистрированных преступлений. Однако эта тенденция не должна успокаивать. Во-первых, средний показатель абсолютного числа зарегистрированных преступлений, средний показатель интенсивности преступности и преступной активности в последние десять лет (2004-2013 гг.) значительно выше, чем в предыдущее десятилетие. Во-вторых, многие эксперты полагают, что в последние годы большая доля преступлений, чем раньше, уходит в тень. В-третьих, темпы сокращения числа зарегистрированных преступлений в последние годы снижаются (в 2010 г. по сравнению с 2009 г. – на 12,2%, в 2011 г. по срав-

нению с 2010 г. – на 8,5%, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. – на 4,3%, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. – на 4,2%).

9. В начале двадцать первого века в современной России начался новый веток перераспределения власти и собственности, который продолжается и в настоящее время. Если этот процесс будет происходить без учета возможных экономических, социальных и криминогенных последствий он может вызвать:

- сращивание власти и собственности;
- дисфункцию в деятельности органов власти, что стимулирует коррупцию;
- дезорганизацию социальных общностей, что стимулирует насилие;
- развитие неконтролируемой государством и правом экономики и криминальных форм вне-экономического перераспределения;
- появление новых видов преступности, в основе которых будут лежать такие проблемы, с которыми действующая система юстиции справиться не в состоянии.

Происходящее на разных уровнях (федеральном, региональном, местном) сращивание власти с собственностью сформировало четыре группы людей:

- первую группу образуют те, кто имеет легальную власть и легальную собственность;
- вторую – те, кто имеет легальную власть и нелегальную собственность;
- третью – те, кто имеет легальную собственность и нелегальную власть;
- четвертую – те, кто имеет нелегальную собственность и нелегальную власть.

Криминогенная ситуация в стране будет определяться в основном четырьмя факторами:

- во-первых, тем, насколько государству удастся развести по разным полюсам власть и собственность;
- во-вторых, соотношением описанных четырех групп;
- в-третьих, степенью распространения в этих группах криминальных способов формирования собственности и достижения власти. Чем выше эта распространенность, тем интенсивнее развитие в стране наиболее опасных форм преступности и в первую очередь организованных её форм;
- в-четвертых, распространенностью сращивания криминала с властью («синдром Кушневки»), что приводит к «политизации преступности и криминализации власти».

Концентрация богатства у небольшого слоя населения, особенно если источник этого богатства нелегальный, провоцирует образования групп, ориентированных на насильственное перераспределение богатства (от простого рэкета, до рейдерских захватов). Одними из самых опасных видов проявления этой тенденции является «захват бизнеса государством (чиновники устанавливают контроль над бизнесом) и захват государства бизнесом (бизнесмены подкупают властные решения)», которые стимулируют интенсификацию одного из самых опасных сегментов современной преступности – коррупции. Как отмечают эксперты, «коррупция в России вошла в стадию формирования коррупционных сетей - организованных групп, созданных для совместного извлечения дохода из коррупционной деятельности».

Коррупция не только наносит ущерб экономике страны, подрывает государственную власть и управление, но и оказывает разлагающее влияние на моральное состояние общества. «Коктейль» параллельной власти, параллельной собственности и параллельной жизни, опирающийся на много-летний опыт цинизма административно-командной системы, повышает уровень общественной опасности преступности в целом.

**ОДНА НАУЧНАЯ ЗАГАДКА
ИЛИ ПОЧЕМУ АБОРИГЕНЫ СЪЕЛИ КУКА
ONE SCIENTIFIC RIDDLE OR WHY ABORIGENES ATE COOK**

Ильюк Е.В.,
к.ю.н., доцент
доцент кафедры уголовного права
Институт повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»

Аннотация. Психические расстройства рассматриваются как криминогенный фактор в отношении насильственных преступлений. Среди рецидивистов по статьям о насильственных преступлениях - все имеют психические расстройства. Ограниченная вменяемость (наказание+ лечение) - ст. 22 УК РФ - применяется редко. Рассматриваются проблемы применения ограниченной вменяемости в России, опыт зарубежных стран, в том числе по вопросу проведения экспертизы риска криминального поведения в будущем.

Annotation. Mental disorders are seen as factor of violent crimes. All of repeat violent offenders have a mental disorder. Diminished responsibility (punishment + treatment) - Art. 22 of the Criminal Code, is rarely used. The report is devoted the problems of application of diminished responsibility in Russia, the experience of foreign countries, including the issue of the examination of risk of criminal behavior in the future.

Ключевые слова: ограниченная вменяемость, парафилии, некрофилия, принудительные меры медицинского характера, лечение

Keywords: diminished responsibility, paraphilia, necrophilia, nature coercive measures, treatment.

Психические расстройства как один из факторов насильственной преступности.

При общем снижении количества преступлений рецидивная преступность не уменьшается. По-прежнему Россия занимает одно из первых мест в мире по количеству умышленных причинений тяжкого вреда здоровью и убийств. К факторам высокого уровня рецидивной преступности следует отнести и влияние психических аномалий на криминальное агрессивное поведение.

Среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за насильственные преступления, удельный вес лиц с психическими аномалиями составляет до 80%. В колониях УИС у осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и убийства у всех осужденных выявлены психические расстройства, не исключающие вменяемости.¹

Наиболее распространены среди лиц, совершивших общественно опасное деяние и направленных на принудительное психиатрическое лечение, шизофрения (40,5%) и органические психические расстройства (22,6%). Развитие заболевания может пойти по пути присоединения парафилий (расстройств сексуального предпочтения). К парафилиям относятся педофилия, некрофилия, некрофагия, геронтофилия и др. Парафилии часто образуют комплексы, например, сочетаются трансвестизм, педофилия и садизм, и возникают на фоне психических расстройств (шизофрения, параноя, эпилепсия, слабоумие и др.) и органического поражения головного мозга.

Некрофилия может проявиться при следующих вариантах криминальных действий:

1. При убийстве: манипуляции с половыми органами, отрезание половых органов или молочных желез; мастурбация рядом с трупом или половые действия с трупом.

¹ Калманов Г.Б., Костюк М.Ф. Особенности уголовно-правовой ответственности за насильственные преступления у лиц с психическими аномалиями // Российский следователь. 2012. N 21. С. 10 - 13.

2. При надругательстве над телами умерших: мастурбация или половые действия с трупом.

3. При жестоком обращении с животными (причинение смерти животному): мастурбация рядом с трупом или половые действия с трупом животного.

Манипуляции с трупом не сексуального характера, при которых признаки парафилии (некрофилии) могут не проявиться: поедание, использование в качестве материала. Каннибализм.

По данным ГИАЦ МВД России за период 1997-2009 на территории России совершается в среднем 983,85 преступлений - надругательств над телами умерших и местами их захоронения в год. Очевиден рост этих посягательств: по сравнению с 1997 г. их число выросло к 2010 г. в 1,5 раза. При этом факты надругательств носят латентный характер либо фиксируются как гражданско-правовые деликты или административные правонарушения.

Предметом надругательств являются трупы – в 88,4% или их части – в 11,6 %. Как показала судебная практика, надругательство характеризуется такими действиями, как анальный и генитальный половые акты (7,8%), отрезание половых органов и молочных желез (13%), введение в половые органы трупов различных предметов (палки, бутылки, костыли, металлические предметы, и др.) - 13,2%. Отрезали пальцы, уши- 17,1%, наносили посмертные раны - 30,3%. Употребляли в пищу органы трупов- 18,4% преступников. При этом мотивы могут быть разные - половые, ритуальные действия, голод, месть. По результатам судебно-психиатрических экспертиз 7,1% были признаны психически больными в рамках вменяемости. Среди психических аномалий отмечены легкая умственная отсталость, шизофрения, расстройства личности. На учете у нарколога состояли 9,3% преступников, как правило, с диагнозом «хронический алкоголизм».²

Парафилии как основание для признания лица ограничено вменяемым (ст. 22 УК РФ).

Медицинский критерий ст.22 УК РФ объединяет широкий круг психических нарушений, разнообразных по клиническим проявлениям, степени выраженности и нозологической природе, которые имеют ряд общих признаков, например, личностный уровень поражения, неглубокие интеллектуальные и аффективные нарушения.³

Среди лиц, признанных «ограниченно» вменяемыми часто встречается расстройство сексуального предпочтения – парафилии (57 %), в половине случаев оно представлено полиморфным парафильным синдромом (F65.6) (28%). Наиболее частыми оказывались сочетания педоэфебофилии с раптофильной или садистической активностью. На втором месте по частоте встречаемости оказалась педофилия.⁴

Патология сексуального влечения определяет стабильность реализации аномальных сексуальных проявлений, высокую повторность совершения сексуальных правонарушений у лиц с парафилиями, более частое совершение насильственных преступлений и проявления агрессии.

При парафилии, в особенности при диагностике множественных расстройств сексуального предпочтения, наблюдалось снижение саморегуляции, волевые расстройства (ограничение круга интересов, ослабление инициативы) (27%); психический инфантилизм (45%), который проявлялся легковесностью суждений, повышенной внушаемостью, несамостоятельностью, наивностью, стремлением к удовольствию, беспечностью, узостью и неустойчивостью интересов, пониженным прогнозированием результатов своего поведения и поступков, уменьшением способности подчиняться требованиям ситуации или группы, неспособностью к волевому напряжению и преодолению трудностей.

² Шокель А.С. Предупреждение преступлений, связанных с надругательствами над телами умерших и местами их захоронения. Автореф. дисс. ...к.ю.н. М., 2011. С.24.

³ Клопина Т. С. Судебно-психиатрическая оценка в соответствии со ст. 22 УК РФ психического состояния лиц, совершивших сексуальные правонарушения. Автореф. дисс. ... к.м.н. М., 2008.

⁴ Там же.

Лица, признанные ограниченно вменяемыми, чаще переносили черепно-мозговые травмы в легкой форме без потери сознания (28%), среди них лиц с парафилиями - 40%.

Наличие перенесенного сексуального насилия в анамнезе: среди лиц, признанных ограниченно вменяемыми, сексуальное насилие имело место в 23% и только среди испытуемых с парафилиями. Сексуальное насилие наблюдалось на всех этапах сексуального развития, в периоды формирования полового самосознания, полоролевого поведения и психосексуальных ориентаций, обуславливая нарушение усвоения социально приемлемых межполовых норм поведения. Несовершенство половой идентичности создает трудности усвоения полоролевых стандартов, включая понимание социального смысла межполового поведения.

В отношении привлекаемых к уголовной ответственности лиц, обладающих патологическими аномалиями психики, не исключающими вменяемости, в ст. 22 УК РФ закреплено, что психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания. Пленум Верховного суда РФ в Постановлении от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» в п.14 уточнил, что психическое расстройство у несовершеннолетнего обвиняемого учитывается при назначении наказания в качестве *смягчающего обстоятельства* и *может* служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. Эта рекомендация высшей судебной инстанции нашла отражение в судебной практике.⁵

Как отмечает С.Н. Шишков, в Курской области суды в случае применения ими ст. 22 УК РФ снижали размер наказания каждому ограниченно вменяемому ровно наполовину. Суды же Вологодской области применяли к ограниченно вменяемым лицам только условное осуждение, даже за тяжкие преступления, и назначали при этом принудительные меры медицинского характера.⁶

Представляется, что высшая судебная инстанция недооценивает значение психического расстройства как криминогенного фактора. Научные исследования показывают, что у больных психическими заболеваниями степень выраженности враждебности выше по сравнению с нормой, при этом враждебность характеризуется устойчивостью. Враждебность при психической патологии является стабильной во времени и не претерпевает существенных количественных изменений с возрастом, увеличением длительности заболевания.⁷

Использование ст.22 УК РФ оказалось для правоприменителя крайне сложным, на практике она применяется редко, осталась невостребованной в уголовно-правовой практике. Применение этой нормы в 2006 г. рекомендовалось только 3,4% лиц с психическими расстройствами, и до сих пор процедура применения указанной юридической нормы в судебно-психиатрических экспертных учреждениях РФ освоена еще недостаточно.⁸ Продолжает сохраняться не соответствующее современному законодательству представление о том, что при психических расстройствах отсутствует вменяемость, что среднего состояния между вменяемостью и невменяемостью не существует и существовать не может, совмещать наказание и лечение невозможно; что при наличии психического расстройства лицо признается невменяемым, и тогда к нему надо применять принудительные меры медицинского характера, либо лучше «не заметить» наличие психического расстройства, виновное лицо признать вменяемым и назначить наказание в виде лишения свободы без применения принудительных мер медицинского характера.

⁵ Бюллетень Верховного Суда. 2008. N 7. С. 13 - 14; Постановление президиума Московского городского суда от 23 марта 2006 г. по делу N 44у-132 // СПС "КонсультантПлюс".

⁶ Шишков С.Н. Статьи 21,22,23 и 81 Уголовного кодекса РФ: комментарии к законодательству и предложения по его совершенствованию. М., 2008. С. 23.

⁷ Кузнецова С.О. Психологические особенности враждебности при психической патологии (шизофрении, шизаффективном и аффективном расстройствах). Автореф. дисс. ... к.м.н. М., 2007. С.7.

⁸ Клопина Т. С. Судебно-психиатрическая оценка в соответствии со ст. 22 УК РФ психического состояния лиц, совершивших сексуальные правонарушения. Автореф. дисс. ... к.м.н. М., 2008.

Например, по делу, рассмотренному Пермским областным судом 24 мая 2012 г. в отношении З., совершившем убийство малолетней девочки 10 лет (с последующими половыми актами с трупом девочки) заключением сексолого-психиатрической экспертизы было установлено наличие органического поражения головного мозга, эпилепсии, педофилии и некрофилии, однако в Приговоре Пермского краевого суда по делу З. (дело № 2-71-12) указано: «Из заключения комиссии экспертов следует, что З. каким-либо хроническим расстройством, слабоумием, либо иным психическим расстройством не страдал ранее и не страдает ими в настоящее время. В период инкриминируемого ему деяния З. не обнаруживал признаков какого-либо временного психического расстройства. Действия З. ...без психопатологических предпосылок и каких-либо признаков проявлений сексуальной патологии. В настоящее время З. психотических расстройств не обнаруживает и в применении мер медицинского характера не нуждается».

В отдельных регионах при анализе судебно-следственной практики применение ст. 22 УК РФ не выявляется. Например, в судебной практике Тверского региона за 2009 г. констатируется активное применение принудительных мер при установлении невменяемости, однако с трудом можно отыскать дела, по которым констатируется применение принудительных мер при установлении ограниченной вменяемости.⁹

В ряде случаев можно выделить даже неправильное понимание и использование рассматриваемых уголовно-правовых терминов: по 25% изученных уголовных дел, рассмотренных Ленинградским областным судом и Соломбальским федеральным районным судом г. Архангельска, исследуемое лицо определялось "невменяемым" уже в актах судебно-психиатрических экспертиз. После получения такого заключения этот участник процесса также иногда именовался в материалах уголовного дела как "невменяемый" и следственными органами, тогда как подобный правовой статус в УПК РФ отсутствует. Примером может служить уголовное дело N 129350/02 в отношении Ч. (Республика Коми), где один из процессуальных документов был обозначен как "постановление о направлении дела в суд в отношении невменяемого".¹⁰

Следует отметить, что есть не только проблемы субъективного характера в применении ст. 22 УК РФ, но и объективные трудности в применении принудительных мер медицинского характера при отбывании наказания. Специализированные учреждения по осуществлению принудительных мер медицинского характера, соединенные с исполнением наказания (ст. 104 УК РФ) не отвечают современным требованиям по оказанию медико-социальной помощи таким осужденным. Отсутствует преемственность и надзорный контроль за этими осужденными после освобождения.¹¹ На практике принудительные меры медицинского характера, назначаемые несовершеннолетним, признанным ограниченно вменяемыми, в ряде случаев реально исполняются только в условиях исправительных учреждений. Часто суды применяют к несовершеннолетним с психическими аномалиями условное осуждение и при этом игнорируют рекомендации экспертных комиссий о необходимости применения принудительных мер медицинского характера.¹² Разработаны основные психиатрические критерии применения ст.22 УК РФ при шизофрении в состоянии ремиссии, органическом психическом расстройстве, расстройствах личности, умственной отсталости.

При оценке риска рецидива насильственного преступления со стороны лица, имеющего психическое расстройство, нужно учитывать, что при психическом расстройстве чередуются периоды ремиссии и обострения заболевания, но излечение само по себе произойти не может.

⁹ Лазарева И.И. Судебно-психиатрические критерии применения ст. 22 УК РФ к несовершеннолетним с органическими психическими расстройствами: Дис. ... канд. мед. наук. М., 2005. С. 12-15.

¹⁰ Дело N 2-90/03 // Архив Ленинградского областного суда; Дело N 1-301/02 // Архив Соломбальского федерального районного суда г. Архангельска; Дело N 129350/02 // Архив Верховного суда Республики Коми. Цит. по: Калманов Г.Б., Костюк М.Ф. Особенности уголовно-правовой ответственности за насильственные преступления у лиц с психическими аномалиями // Российский следователь. 2012. N 21. С. 10 - 13.

¹¹ Калманов Г.Б., Костюк М.Ф. Указ. соч. С. 10-13.

¹² Лазарева И.И. Указ. соч. С. 155-156.

Для профилактики рецидива насильственных преступлений со стороны лиц с психическими расстройствами очень важно применять психолого-психиатрическую экспертизу лиц, отбывающих наказание, перед освобождением - для назначения дальнейшего лечения и после отбывания наказания, что предусмотрено ч. 2.1 ст. 102 УК РФ. Однако дальнейшее лечение может быть назначено только амбулаторно и только в отношении лиц, указанных в п. «д» ч.1 ст. 97 УК РФ, т.е. лиц, страдающих педофилией; на лиц, указанных в п. «в» ч. 1 ст. 97 эта мера не распространяется, т.е. она не распространяется на лиц, страдающих некрофилией, на лиц, страдающих шизофренией.

Проведение такой экспертизы перед освобождением необходимо для всех ограниченно вменяемых лиц, т.е. совершивших насильственное преступление в связи и вследствие психического расстройства, в целях обезопасить общество от возможного рецидива. Принудительное лечение необходимо применять не только амбулаторно, но и в стационаре. Полагаем, что положения, предусмотренные ч. 2.1. ст. 102 УК РФ необходимо распространить и на лиц, указанных в п. «в» ч. 1 ст. 99, а принудительные меры медицинского характера, которые могут быть назначены после проведения такой экспертизы, должны предусматривать весь спектр принудительных мер, перечисленных в ч. 1 ст. 99 УК РФ с учетом общественной опасности деяний, совершенных и совершаемых лицами с такими опасными заболеваниями.

В ходе такой экспертизы специалисты осуществляют прогнозирование риска совершения новых деликтов с учетом того, что взаимосвязь психопатологии с преступлением довольно стабильна и значительна. Врач определяет периоды обострения и ремиссии болезни, и в зависимости от периода может дать вероятностный прогноз общественной опасности больного с учетом его диагноза и гендера.¹³

За рубежом - в Европейских странах, с США наличие психического расстройства на протяжении последних десятилетий рассматривается как криминогенный фактор в отношении насильственных преступлений. И судебная система не допустит, чтобы лицо, имеющее психическое расстройство, после отбытия тюремного заключения за насильственное преступление, было освобождено, что нашло отражение, например, в деле "Раду (Radu) против Германии" (жалоба N 20084/07). По делу обжаловалось продолжение содержания заявителя в психиатрической больнице после истечения срока лишения свободы. В Постановлении ЕСПЧ от 16.05.2013 отмечено, что при этом требования статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод нарушены не были.¹⁴

Экспертный прогноз возможности криминального поведения в будущем: опыт Европы.

«Как велика вероятность возникновения рецидива?

Какие преступления могут быть совершены, какой степени тяжести, с какой частотностью?

Как можно уменьшить риск возникновения рецидива, какие обстоятельства могут этот риск увеличить?» - именно эти вопросы ставятся перед экспертным исследованием в Германии, перед психологами и психиатрами, при осуществлении экспертного прогноза возможного криминального поведения в будущем.

Такая постановка вопроса продиктована требованиями безопасности общества и предусмотрена п.1 ч. II § 454 УПК № 2 и п.3 ч. I в § 66 УК, Законом о борьбе с сексуальными и другими опасными преступлениями в Германии.

¹³ Березанцев А.Ю., Кузнецов Д.А. Правовые и клинические аспекты оценки общественной опасности больных шизофренией и органическими психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния // Медицинское право. 2013. N 5. С. 25 - 33.

¹⁴ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 10.

Судьями в Германии было принято решение, что если преступник продолжает представлять опасность, его можно оставлять даже пожизненно, бессрочное превентивное заключение не нарушает ни человеческого достоинства, ни прав человека.¹⁵

Оценка рисков – одна из задач психиатров в сфере уголовного правосудия.

При работе с лицами, совершившими сексуальное преступление, психиатры с помощью тестовых методик определяют степень риска рецидива данного лица. Прежде всего выявляются лица с максимальной возможностью рецидива и лица, которые не будут в будущем совершать подобные преступления. В целях прогнозирования долгосрочного риска рецидива длительность наблюдения над сексуальными преступниками составляет от 3,5 до 8,5 лет. Лечение в среднем длится 4-5 лет. Диагностическую информацию несут также результаты психофизиологического исследования с использованием полиграфа. Лечение прежде всего применяется к лицам с высоким риском рецидива.

На сегодняшний день в европейских странах существуют хорошо разработанные методики оценки рисков рецидива у насильников и маньяков. Точность таких прогнозов оценивается в 70-90%. В Германии в 2006 г. был представлен перечень «Минимальных требований к экспертному прогнозу». Рекомендации должны помочь судебным экспертам в составлении прогноза, а участникам процесса – судьям, прокурорам, защитникам, работникам исправительных учреждений - в оценке их убедительности.

В соответствии с законодательством Германии экспертные прогнозы составляются в следующих случаях:

1) При помещении в психиатрическую больницу, главным образом правонарушителей с психическими расстройствами, если в дальнейшем от них можно ожидать совершения противоправных действий (§ 63 УК Германии);

2) При помещении в наркологическую лечебницу наркозависимых лиц, совершивших преступление, если в дальнейшем от них можно ожидать совершения противоправных действий (§ 64 УК);

3) При содержании в заключении рецидивистов после отбытия ими наказания (§ 66 УК), если общая оценка лица, совершившего преступление, предполагает его потенциальную опасность для общества;

4) При условном содержании в заключении рецидивистов после отбытия ими наказания (§ 66 а УК), когда потенциальная опасность установлена не окончательно;

5) При вынесении постановления о содержании в заключении рецидивистов после отбытия ими наказания (§ 66 b УК), если вероятность рецидива высока;

6) При изменении меры наказания (§ 67 а УК), если это может способствовать ресоциализации лица, совершившего преступление;

7) При отсрочке применения меры наказания (§ 67 с УК);

8) При наличии опасности совершения преступником дальнейших преступлений (§ 68 УК);

9) Если после полного отбытия наказания в заключении возможно установление надзора за поведением правонарушителя (§ 68 f УК);

10) При вынесении приговора с первоначальной отсрочкой исполнения (§ 56 УК), если ожидается, что уже сам факт вынесения приговора послужит для осужденного предупреждением;

11) При прекращении неотбытого срока (§§ 57, 57 а УК), если это оправдано, с учетом интересов общественной безопасности;

¹⁵ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т.1. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. С. 644-645; Богданов В. Сидеть в тюрьме придется дважды. Рецидивистов в Европе ждут особые резервации//Российская газета. 2008. 16 янв.

12) При отмене меры наказания (§ 67 b, 63, 64 УК), если этим может быть достигнута цель наказания;

13) При прекращении принудительного лечения (§ 67 d), если ожидается, что пациент больше не будет совершать противоправных действий или если отсутствует опасность совершения им преступлений вследствие предрасположенности.

Абстрактный прогноз, опирающийся исключительно на статистическую вероятность, не соответствует требованиям, предъявляемым к экспертному заключению. Обычно используемые методики оценки рисков используют статистические (неизменные) факторы риска. Более поздние исследования уже включают динамические, изменчивые данные в оценку рисков.

При составлении прогноза УК Германии в п.1 ч. I § 56 и п.2 ч. I § 57 предписывают «особо» учитывать личность осужденного, его прошлое, обстоятельства совершения им преступления, его поведение после совершения преступления, условия его жизни *и его возможные действия после отбытия наказания*. При сокращении срока наказания следует учитывать *степень угрозы в случае рецидива* и поведение заключенного во время отбытия наказания. В отдельных случаях следует также отвечать на вопрос, существует ли на настоящий момент ранее реализованная опасность (ч. II § 454 УПК Германии).

Целью является составление как можно более точного, фактически подтвержденного описания преступника. Фундаментом для *последующей оценки риска* должна быть реконструкция развития личности и история жизни преступника. При этом недостаточно опираться только на высказывания лица, совершившего преступление. Должны учитываться материалы уголовного дела с имеющимися экспертными заключениями, личное дело заключенного, высказывания свидетелей, материалы по прошлым судимостям. Обработывается информация, касающаяся таких сфер, как семья, школа, образование и работа, финансовое состояние, болезни, употребление наркотиков, сексуальные связи, партнеры, досуг, криминальные наклонности, склонность к насилию, отбытие наказания или лечение, социальное поведение, жизненные установки, самооценка, поведение в конфликтных ситуациях и представления о будущем. Неотъемлемой частью экспертного заключения является подробное описание актуального психического состояния лица, совершившего преступление. Многомерное исследование составляется в трех тематических направлениях: развитие и актуальная картина личности, анамнез болезней и расстройств, анализ истории и состава преступления. Анализ должен проводиться, с одной стороны, с учетом специфики преступления, с учетом психических расстройств или с учетом специфики личности.

На основании такого трехмерного анализа должна быть разработана индивидуальная концепция появления и развития криминального поведения до настоящего момента. В заключении должен быть представлен анализ индивидуальной криминальности, ее основания и причины, образцы поведения, установки, ценности, мотивации. Для каждого конкретного человека должна быть разработана индивидуальная концепция причин возникновения криминального поведения и возможного сохранения и развития этой криминальности.¹⁶

На основании собранной информации эксперт должен вынести заключение о *вероятном* правовом поведении преступника в будущем.

Психические расстройства у лиц, совершивших насильственные криминальные действия – являются важным криминогенным фактором, фактором, влияющим на рецидивную преступность. Поэтому необходима детальная и беспроblemная нормативная база для лечения лиц, совершающих общественно опасные деяния, проведения экспертизы рисков будущего криминального поведения лиц с психическими расстройствами и работа по организации лечения.

¹⁶ Х. Кури. Криминологическое прогнозирование в отношении сексуальных и других опасных преступников. Опыт Германии//Криминология: вчера, сегодня, завтра. № 2 (17). 2009. С. 22-37.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ
И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА: PRO ET CONTRA
ECONOMIC CRIME
AND THE SHADOW ECONOMY: PRO ET CONTRA**

Исаев Н.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья рассматривает различные аспекты взаимоотношения преступности и экономики, автор приходит к закономерному выводу о том, что репрессивность норм уголовного права напрямую связана с экономическими институтами.

Ключевые слова: теневая экономика, преступность, экономическая преступность.

Взаимосвязь экономики и преступности является предметом огромного количества исследований и публикаций, в данной работе позволим себе конспективно остановиться на нескольких наиболее значимых для обозначенной проблематики темах.

1. Существует ли экономическая преступность как *sui generis, per se*? Основной вопрос лежит в плоскости того, насколько экономика является «свободной» и должна ли последняя регулироваться со стороны государства нормами позитивного права. Хорошо известно, что ситуация экономической свободы быстро ведет к росту неравенства в распределении доходов, росту социальной напряженности и преступности. Второй вопрос, касающийся непосредственно темы исследования, и являющийся продолжением первого - насколько экономические отношения могут и должны регулироваться в рамках уголовного законодательства?

Как хорошо известно, экономические отношения или экономическая деятельность не является объектом уголовно-правовой охраны, исходя из прямого толкования текста ст. 2 УК РФ. Криминообразующим признаком деяний, включаемых в уголовный закон, выступает, прежде всего, вред причиняемый охраняемому объекту. Для экономических преступлений такого объекта в действующем законодательстве просто нет.

Проводя анализ криминообразующих признаков экономических преступлений, Н.А. Лопашенко справедливо делает выводы: во-первых, незнание законодателя, что же он охраняет; во-вторых, в большинстве составов экономических преступлений один криминообразующий признак – характер деяния, выражающийся в нарушении норм закона.¹ Если при этом учесть, что диспозиция норм, относящихся к экономическим преступлениям, носит бланкетный характер, то получается парадоксальная ситуация, так как указанные формы противоправного поведения регулируются нормами других отраслей права – финансового, налогового, административного и т.д.

Если обратиться к литературным источникам, то вопрос об экономической преступности не только не прояснится, но и еще более запутается. Так проф. Е.В. Благов в самом начале лекционного курса «Преступления в сфере экономики» пишет: «Что представляют собой преступления в сфере экономики? Дать точный ответ достаточно сложно. И эту сложность породил законодатель.»² Фундаментальный пятитомный курс уголовного права, под ред. проф. А.И. Коробеева, гласит: «Понятие «экономическое преступление» введенное в УК РФ в 1996 г. пока (то есть за 12 лет на момент издания курса) не нашло достаточно полного отражения в юридической литературе, и этот вопрос, как

¹ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М. Wolters Kluwer, 2009. – С.251.

² Благов Е.В. Преступления в сфере экономики. Лекции. – М. Юрлитинформ, 2010. – С.3.

и вопрос... еще ждет своего решения».³ При этом позвольте спросить, если мы признаем отсутствие доктринального и законодательного понятия экономического преступления, то за что 18 лет действующего кодекса люди привлекаются к уголовной ответственности?

В связи с изложенным представляется целесообразным вспомнить классическую работу французского экономиста и политика Фредерика Бастиа «Грабеж и закон», написанную в 1850 году. Приведу несколько цитат из этой работы, которые наиболее точно передают смысл: «Когда ты хочешь присвоить собственность других людей, то если ты не идиот, ты должен действовать не вопреки закону, а от его имени... Если же, вы превратите закон в орудие грабежа в пользу отдельных лиц или классов, то сперва каждый будет рваться в сочинители законов, затем каждый будет стремиться сочинить его для собственной выгоды... Когда грабеж становится образом жизни группы людей, совместно живущих в обществе, то со временем они создают легализующую его правовую систему и прославляющий его нравственный кодекс».⁴ Написанное более 150 лет назад выглядит пророчески в наши дни.

Существование несовершенной, нелегитимной и прямо противозаконной уголовной «законодательной» базы лежит в основе соответствующей «правоприменительной» практики в виде криминального рейдерства, вымогательства, силового предпринимательства, провокаций, слияния силовых и криминальных структур. Последний скандал в Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, широко освещаемый в сети Интернет, является типичным примером «борьбы» с экономической преступностью.

Изложенное позволяет кратко остановиться на том, что представляется явно неблагоприятный прогноз – уголовное законодательство связанное с экономическими преступлениями используется и будет использоваться по точному выражению Ф. Бастиа для «грабежа по закону». Несовершенство отраслевого законодательства будет этому способствовать.

2. Экономический подход к анализу преступного поведения, так называемая модель рационального выбора, является одним из наиболее классических примеров в криминологических исследованиях. Этот подход берет свое начало с работ Гэри Беккера, Нобелевского лауреата (1992 г.) по экономике. В эпохальной работе «Преступление и наказание: экономический подход»⁵ он рассматривает поведение преступника как основанное на анализе возможностей и ограничений. Совершение преступления - акт свободного выбора, основанный на анализе риска и выигрыша в условиях неопределенности. Соотношение выгод и издержек будет определять уровень существующей преступности. Преступник соотносит тяжесть наказания, вероятность поимки и т.д. и выгоду от совершения преступления и занятия легальной деятельностью. По Беккеру, преступники – лица, склонные к рискогенному поведению, поэтому профилактика более эффективна не в тяжести наказания, а в его неотвратимости, то есть высокой вероятности задержания преступника. Он выделял две категории преступников – с высшим образованием и склонным к значительным финансовым тратам в связи с совершением преступления, и с низким – склонным к значительным тратам времени. Эффективное наказания в отношении первых, то которое связано с лишением свободы, в отношении вторых – связанное с финансовыми потерями (штрафами).

Далее экономический подход к анализу преступности показывает, что число заключенных в местах лишения свободы в той или иной стране не зависит от действующего уголовного законодательства, а коррелирует, обратно пропорционально с экономическими показателями, в частности уровнем безработности и количеством свободных рабочих мест. При этом безработица – это отсутствие оплачиваемой работы, тогда как бесплатная работа всегда в избытке. Все это хорошо известно

³ Полный курс уголовного права: В 5 т. Под ред. докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. Т7 3 Преступления в сфере экономики. – СПб., Юридический центр Пресс, 2008, - С. 8-9,

⁴ Бастиа Ф. Грабеж по закону. – Челябинск, Социум, 2012. – С. 192, 201, 211.

⁵ Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach. - "Journal of Political Economy", 1968, vol. 76, No. 2.

как «тюремная индустрия», прежде всего, благодаря работам Н. Кристи.⁶ Привлечение осужденных к труду, имея давнюю отечественную традицию, показало свою экономическую эффективность начиная с ГУЛАГа и подробно теоретически обоснована в трудах многих советских криминологов. Подробный анализ тюремной экономики был приведен В. Буковским, поэтому позволю себе достаточно большую цитату из книги «И возвращается ветер...». Он пишет «Высокий процент преступности искусственно поддерживается государством – прежде всего из экономических соображений. Заключение – это дешевая (почти бесплатная) рабочая сила, которую легко перемещать по усмотрению властей их одной отрасли хозяйства в другую, посылать на самые тяжелые и невыгодные работы, в неосвоенные районы с тяжелым климатом, куда свободную рабочую силу можно заманить лишь очень высокими заработками... Так создавались все великие стройки коммунизма: плотины, каналы, дороги, полярные города. Труд принудительный, преимущественно ручной, мало механизированный (при отсталости нашей технологии это вполне рентабельно)... Стимулирование труда – отрицательное, то есть не мерами поощрения, а в основном различными наказаниями за уклонение от работы или невыполнение норм... Словом если бы вдруг объявить всеобщую амнистию, это вызвало бы экономическую катастрофу».⁷

«Работа по созданию современной системы организации привлечения осужденных к труду – перспективное направление деятельности исправительной системы на долгое время» – пишет проф. Т.Ф. Миняева.⁸ Эта современная система организации труда – как то: 16 часов рабочий день, отсутствие выходных, отсутствие оплаты труда, ненормированность и другие рабские условия, подробно описана в письме из колонии Н. Толоконниковой.⁹

Кратко изложенные модели взаимосвязи преступности и экономики являются классическими. Более интересной и сложной является постклассическая модель такой взаимосвязи, на описании которой кратко позволю себе остановиться.

Свободная рыночная экономика предполагает условия равной безопасности для всех субъектов. Появление конкурентов, способных использовать силу, неизбежно приведет к перераспределению ресурсов в пользу тех субъектов, которые эту силу применяют. Так называемое силовое предпринимательство – хорошо известный феномен 90-х годов. Монополия на легальное применение насилия, как известно, принадлежит государству, и этим объясняется его исключительное право на выполнение фискальных функций. Монополия на насилие в современном мире преподносится как функция по обеспечению безопасности. При определенных условиях безопасность можно превратить в хорошо продаваемый товар на рынке услуг. Такой механизм был хорошо продемонстрирован на определенном этапе развития нашего общества в 90-х, когда на экономического субъекта вначале делался «криминальный наезд», а потом предлагалась «крыша», то есть безопасность. За счет этой простой схемы шло ускоренными темпами формирование отечественной организованной преступности. Далее по этой схеме пошло государство, но чтобы продавать безопасность нужны постоянные и реальные внутренние угрозы, необходимо чувство страха у потенциального и платежеспособного покупателя. На роль такой угрозы как нельзя лучше подходит феномен преступности в самых разнообразных ее формах – от карманников в общественном транспорте до террористов.

Первостепенная роль в процессе порождения страха перед преступностью принадлежит СМИ, которые переполнены как сценами криминального насилия в художественном обрамлении, так и криминальными хрониками. Особенно жестокие преступления в СМИ тиражируются на новостных каналах, занимают первые полосы и таким образом многократно тиражируются, как бы совершаясь вновь и вновь. Как результат появление огромного рынка спроса на безопасность, кото-

⁶ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к Гулагу нового образца? – М., Идея-Пресс, 1999.

⁷ Буковский В. «И возвращается ветер...» Письма русского путешественника. – М., 1990. – С. 239-240.

⁸ Миняева Т.Ф. Порядок отбывания наказания в России. // Структура тюремной индустрии. / Под ред. Е.Н. Тонкова – СПб., Алетей, 2012. – С. 89.

⁹ http://www.dp.ru/a/2013/09/24/Pismo_Tolokonnikovo_iz/

рый успешно делиться как силовыми структурами – легально и нелегально, так и частными охраняемыми предприятиями, в большинстве своем возросшими из среды организованной преступности.

В результате получается постклассическая модель взаимосвязи экономики и преступности, с одной стороны, прекрасно работающая «тюремная индустрия», с другой – торговля безопасностью. Последняя входит в структуру повседневности, становится рутинной практикой современного постдисциплинарного общества, описанного М. Фуко. Организованная преступность, в данной модели, устанавливает монополию на использование насилия в тех экономических зонах, на которые защита и безопасность не распространяются, то есть теневую экономику. Последняя и станет предметом дальнейшего рассмотрения.

3. Теневая экономика (shadow economy) в последнее время модная и широко распространенная тема в криминологических и экономических научных и околonaучных исследованиях. Смысл этих работ, хорошо известный всем, немного упрощенно заключается в следующем – феномен теневой экономики есть негативное социальное явление, причина экономических бедствий и необходимы меры по усилению борьбы.

Фернан Бродель, один из авторитетнейших историков XX в., столпов исторической школы «Анналов», изучая историю материальной цивилизации, экономики и капитализма, выделил три различных и независимых видов экономик, имеющих свои законы развития и поведение.¹⁰ Одна экономика – это «Рыночная экономика т.е. механизмы производства и обмена, связанные с деятельностью людей ... и с рынками... под рынком протирается непрозрачная для взгляда зона, которую зачастую трудно наблюдать из-за отсутствия достаточного объема исторических данных... которая встречается повсеместно и масштабы которой попросту фантастичны... - материальная жизнь или материальная цивилизация»¹¹ или вторая экономика, развивающаяся вне государственного учета и контроля, то что большинство авторов относят к понятию теневая экономика.

И третья экономика, «над обширной поверхностью рынков – возвышаются активные иерархические социальные структуры. Они искажают ход обмена в свою пользу, расшатывают установившийся порядок. Стремясь к этому а порой и не желая того специально, она порождает аномалии, «завихрения» и дела свои ведут весьма своеобразными путями... Эта вторая, непрозрачная зона, которая находясь над ясной картиной рыночной экономики, образует в некотором роде верхний ее предел, представляется мне... сферой капитализма по преимуществу». Так же как и К. Маркс, Бродель говорит о внеэкономических источниках сферы капитала или третьего вида экономики – войны, грабежи, пиратство, рейдерство, финансовые пирамиды

Материальная цивилизация по Ф. Броделю или теневая экономика по данным историка, дает самое малое 30-40% национального продукта, и не поддается учету даже в индустриально развитых странах. Кризисы рынка в историческом аспекте, ведут к увеличению доли и расширению спектра теневой экономикой. Различные виды экономик являются взаимосвязанными, исторически сформированными структурами, воздействие на любую из них приведет к расшатыванию и кризису других. Надрыночная экономика или капитализм по Броделю, также является непрозрачной зоной, то есть теневой, однако в работах по теневой экономике данная зона не выделяется, а рассматривая второй сектор теневой экономики так называемый «белворотничковый». К последнему относят, прежде всего, коррупцию, уклонение от уплаты налогов и должностные злоупотребления хозяйствующих субъектов.¹² Если же поднимать научный вопрос о внеэкономических источниках не исторического, а ныне существующего капитала, то это будет расценено как призывы к переделу собственности, экстремизму и т.д.

¹⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. 3 т. – М., Весь Мир, 2006.

¹¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. т. 1. Структуры повседневности. – М., Весь Мир, 2006. – С. 7-14.

¹² Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика. – М. Норма, 2006. – С. 53-83.

Таким образом говоря о теневой экономике криминологам, прежде всего, необходимо пересмотреть свои понятия, привлекая данные смежных дисциплин и истории.

И в заключении можно возвратиться к определению экономических преступлений. Исторические факты говорят нам, что понятие экономика разноуровневое и многообразное, единообразное понимание которого отсутствует даже среди специалистов по экономике. И с сожалением приходится констатировать что уголовный закон, используя данное понятие, способствует по пророческому высказыванию Ф. Бастиа «грабежу по закону».

ЭПАТАЖ И МАНИПУЛЯЦИЯ: ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

EPATAGE AND MANIPULATION: DEVIANTOLOGICAL LEGEND OF PROBLEMS

Клейберг Ю.А.,
академик РАЕН, доктор психологических наук,
доктор педагогических наук, профессор
Московский государственный областной университет

Аннотация. В статье с девиантологических и социально-психологических позиций анализируются понятия «эпатаж», «манипуляция» и «кич»; указывается на факторы восприятия и переработки эпатажной информации; говорится, что эпатаж предстает и как деструктивный, и как позитивный феномен, своеобразный усилитель эмоциональной, чувственной составляющей основы психики человека, это раздражитель «вкусовых рецепторов» устоявшейся морали; анализируются совпадения и взаимоисключения между эпатажем и кичем, утверждается, что кич является инструментом эпатажа; дается характеристика родовым признакам манипуляции, рассматриваются основные функции эпатажа как механизма манипуляции.

Annotation. The article analysis the concept of «epatage», «manipulation» and «kitsch» in the framework of deviantological and socio-psychological approach. The article indicates the factors of perception and processing of epatage information. Epatage is stated to be both a destructive and a positive phenomenon, a kind of intensifier of emotional and sensual component of human psychology; besides, it is a stimulus of «taste buds» of the settled morality code. The article gives the analysis of matches and mutual exclusions between epatage and kitsch. The author states that kitsch is a tool of epatage and gives a characteristic of the patrimonial signs of manipulation. The basic functions of epatage (shocking) are considered to be the mechanism of manipulation.

Ключевые слова: эпатаж, манипуляция, кич, признаки и функции эпатажа, эпатажное поведение.

Keywords: epatage, manipulation, kitsch, the attributes and functions of shocking, scandalous behavior.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова читаем: «эпатаж – вызывающее поведение; скандальная выходка» (2006, 911).

Эпатаж – запланированное, экстраординарное, самодостаточное нарушение общепринятых норм за рамками традиционного восприятия, имеющее своей целью привлечение внимания к продукту или услуге и развитие восприятия продукта или услуги с точки зрения новаторства и уверенного превосходства над конкурирующими продуктами и услугами.¹

Эпата́ж (фр. epatage) - умышленно скандальная выходка или вызывающее, шокирующее поведение, противоречащее принятым в обществе правовым, нравственным, социальным и другим нормам, обычно рассматриваемое большинством в данном обществе, как предосудительное, недостойное или недопустимое.

Слово «эпатаж» соответствует жаргонному фр. épatage, «подножка» из русского выражения «дать/подставить подножку». В русский язык слово вошло в XIX веке вместе с желанием «ошелошить буржуев» (фр. épater les bourgeois – «ошеломить буржуев»), которое проповедовали французские деятели искусства с 1830-х годов. Во многих языках, включая английский, слово не имеет эквивалента.

¹ См.: <http://www.psycho.ru/library/184>

Эпатаж может проявляться не столько в поведении человека, сколько в его творчестве или общественной деятельности, которые радикально нарушают существующие обычаи, каноны, нормы. С приходом модернизма эпатаж вошел в искусство как неотъемлемый элемент. Привлечение внимания к товарам и услугам с помощью эпатажа широко используется в рекламе и маркетинге.²

Психологами доказано, что восприятие и переработка любой информации осуществляются под воздействием множества различных факторов, но три из них присутствуют практически всегда: это когнитивный (познавательный), эмоциональный (аффективный) и поведенческий (конативный) факторы.

Существование проблемы эпатажа в XX веке трудно переоценить. Распад привычного образа мира в эпоху кризиса культуры влечет за собой массовую утрату идентификаций как на индивидуальном, так и на групповом уровнях, а также на уровне общества в целом. Фундаментальные перемены в XX веке привели к рождению общества творческих индивидуальностей, актуализации девиантной активности и, как следствие – поиск оригинальности, что также нашло свое выражение в эпатаже, эпатажном поведении.

Е.А. Рогалева в своей работе «Эпатаж в XX веке. Теория игры в анализе эпатажа» (2001) утверждает, что «традиционно феномен эпатажа рассматривался гуманитариями в контексте изучения личной жизни индивида, в жанре исторической биографии, когда анализу подвергался сам факт выхода за пределы нормы, исследовалась сама норма, подчас с позиций либо психологического, либо юридического подходов». Автор также рассматривает эпатаж как средство выхода из неопределенного и неустойчивого положения, порожденного отсутствием единой «культурной матрицы» для принятия решений в условиях современного столкновения культур. Эпатаж у Рогалевой – это проявление девиантного поведения вследствие утраты самоидентификации и одновременно поиск новой идентификации. Она считает, что присутствующий в эпатаже элемент игры позволяет использовать художникам девиантное поведение не для разрушения, а для творчества, так как игра создает порядок за пределами пространства повседневной жизни.³

Схожую позицию занимает С. Даниэль. В его понимании эпатаж – это девиантность, переходящая из жизни художника в его творчество.⁴

Альберт Камю считает, что эпатаж – это предельное проявление «метафизического бунта» (восстание «человека против своего удела и против всей вселенной»). При этом эпатаж является бесполезным бунтом художника, который «замыкается в абсолютном отрицании».⁵

Маринетти утверждал, что «без наглости нет шедевров», потому «главными элементами нашей поэзии будут храбрость, дерзость и бунт».⁶

Разногласия в определении эпатажа заставляют некоторых исследователей избегать самого термина. Так, А. Флакер использует два термина, «эстетическая провокация» и «эстетический вызов» вместо эпатажа, так как последний с точки зрения А. Флакера обременен «историческими и классовыми коннотациями».⁷

Однако в качестве феномена социальной жизни конца XX века, явления, имеющего глубокие не только социокультурные, но и психологические (девиантологические) основания, эпатаж до сих пор не изучался.

В науке такое сложное и многогранное явление, как эпатаж, было изучено на основании **принципа взаимодополнения** (Н. Бор). Такими взаимодополнительными подходами являются *тео-*

² См.: <http://www.psychologos.ru/articles/view/epatazh>

³ Рогалева Е.А. Эпатаж в XX веке: теория игры в анализе эпатажа // Вестник Самарского государственного университета. Социология. - 2001. - № 3. - С. 37-39.

⁴ Даниэль С. Авангард и девиантное поведение // Авангардное поведение. - СПб, 1998. - С. 41-46.

⁵ Камю Альберт. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990.

⁶ См.: <http://omop.su/216197.html>

⁷ Флакер А. Эстетический вызов и эстетическая провокация // Живописная литература и литературная живопись. - М., 2008. - С. 88-99.

рия девиантного поведения, концепция кризиса идентификации и теория игры. Шокирование и изумление публики, отклонение от нормы позволяют рассматривать эпатаж как проявление девиантного поведения. С точки зрения структурной, эпатаж является следствием утраты идентификаций и проявляется как несоответствие поведения нормативным требованиям социальной среды. Эпатаж – это поиск идентификации.

В рамках социальной психологии и девиантологии эпатаж предстает *и как деструктивный феномен*, вызывающий дезакцептацию, дезадаптацию и конфронтацию или даже открытый конфликт существующей системе традиционных норм морали и права, *и как позитивный феномен*, имеющий в своей основе нетрадиционность, творчество, необычность, новаторство, экстраординарность, в результате чего происходит тоже нарушение общепринятых норм, но только морали и культуры. Здесь сильна дерзкая эмоционально-интригующая составляющая влияния эпатажа на публику, приводящая ее в замешательство и шок из-за своей контрастности с мнениями и представлениями окружающей среды. Поэтому для эпатажа важно постоянно усиливать эту эмоциональную составляющую. А. Старцев приводит достаточно точную сравнительную параллель эпатажа с усилителем вкуса: эпатаж действует аналогично пищевому усилителю вкуса глутамату натрия, который раздражает наши вкусовые рецепторы и «делает» еду более «вкусной». Поэтому в нашем случае *эпатаж – своеобразный усилитель эмоциональной, чувственной составляющей основы психики человека, это раздражитель «вкусовых рецепторов» устоявшейся морали*. Именно для этого он нужен, именно для этого его используют. Главное – не переусердствовать с дозировкой, как в известной карикатуре про хлеб и напильники: заключенный в тюрьме, принимая очередную передачу от посетителя, умоляет: «Побольше хлеба, поменьше напильников!..».

Важной особенностью эпатажа является открытая, публичная демонстративность. Чтобы проявить эпатажное поведение, нужна публика, зрители, которые оценят это поведение. Стало быть, эпатаж, эпатажное действие – это игра, своеобразный спектакль, имеющие свой сценарий, свои правила игры, установленные эпатирующим субъектом. Причем именно элемент игры позволяет субъектам, находящимся под воздействием эпатажа, примитивно воспринять заложенные в такое поведение идеи, замысел и смысл. Это облегчает процесс оценивания увиденного или услышанного и создает условия эпатирующему для трансляции, а затем и создания новых образов.

В социальной природе эпатаж не одинок: у него есть «родственники» в виде провокации, сенсации, кича. Очень часто эпатирующие субъекты используют их в качестве дополнения к эпатажу, а иногда и в качестве субститутов.⁸

В чем же совпадения и взаимоисключения, что общего между эпатажем и кичем? Общего не так много и оно заключается в том, что:

Во-первых, и кич, и эпатаж действуют в режиме настоящего времени «здесь и сейчас», чтобы произвести внешний эффект, ошарашить и поразить.

Во-вторых, и кич, и эпатаж достаточно настойчивы и навязчивы в своих предложениях обществу.

В-третьих, и эпатаж, и кич меняют представление об отживающих элементах общественных устоев (различаются только механизмы). Они заставляют увидеть в догмах нечто такое, что зовет отращивание у аудитории, заставит увидеть привычный процесс с неожиданной стороны.

В-четвертых, и эпатаж, и кич являются социальным механизмом развития, толкая публику к изменению мышления, развитию отношений.

Различий между эпатажем и кичем гораздо больше и они выглядят таким образом:

⁸ *Субститут* (лат. *substitution* заменитель; *substitutus* подставленный) заменитель, суррогат; замена товара на другой товар, обладающий сходными с ним свойствами; в психоанализе – то же, что *сублимация агрессии* (замена разрушительных импульсов на другие, более высокие и социально одобряемые уровни психического функционирования).

1. *Кич* имеет «массовую ориентацию», это популярное псевдо-искусство, его можно увидеть и на заборе, и в выставочном зале.

Эпатаж – четко ориентирован на целевую аудиторию, важно место, время, окружение, доступен только один раз, невозможно тиражировать.

2. *Кич* содержит только ответы, заранее подготовленные клише, не вызывает духовных исканий, но стремится к созданию незамутненного, самоуверенного спокойствия.

Эпатаж – нарушает стандарты и стереотипы, переворачивает сознание, заставляет сомневаться в объективности общепринятых норм, искать другие варианты.

3. *Кич*, подражая высоким художественным образцам, намеренно низводит их к банальности и пошлости.

Эпатаж сам является искусством и образцом, имеет высокие долгосрочные цели в отношении предмета эпатажа, основа действий – стиль.

4. *Флаг кича* – мода и попса.

5. *Библия эпатажа* – чувство меры, недоступность для других.

Исходя из этой классификации общего и особенного в эпатаже и киче, можно сказать, что *кич является инструментом эпатажа*, либо его спутником. Кич менее благопристоен, нежели эпатаж. Однако и тот, и другой являются мощным социально-психологическим провоцирующим механизмом, изменяющим сознание, установки и поведение людей, социальных групп и общества в целом. И все же эпатаж достаточно демократичный инструмент, предлагающий другим принять или не принять источник эпатажа. Имеет четкую внутреннюю ориентацию. Кич же характеризуется беспринципностью, бесцеремонностью и откровенным попранием норм морали [1; 2].

Говоря откровенно, редкий человек не причастен к чему-то, что отвергается канонами благопристойности: об аморальных ли поступках заходит речь или о асоциальном поведении, похотливых желаниях или черном юморе. Следует признать: все это – вместе или по отдельности – присуще каждому. Однако проблема в другом: когда посредством эпатажа немотивированно отрицаются, вульгаризируются и искажаются культурные нормы, ценности и традиции поколений целого народа и формируются новые, непонятные и агрессивные нормы, человеческое подсознание «бунтует», испытывает дискомфорт, «смешанные чувства»: с одной стороны, защищается, блокируя то, что нельзя, а с другой, с интересом впитывает эту информацию.⁹ И если раньше эпатаж затрагивал только сферу искусства и шоу-бизнеса, то теперь он проникает во все сферы человеческой жизнедеятельности: мы испытываем его в личных и семейных взаимоотношениях, в деловом общении, религиозные убеждения оказывают на нас свое влияние, а манипуляция государства его гражданами вообще не знает границ. Это было всегда, есть, и так будет. Под воздействием психологических провокаций, манипуляций эпатажирующих субъектов у человека, социальной группы, этноса, общества происходит трансформация их сознания со всеми вытекающими для них последствиями, принимая формы, описанные в свое время Лебоном, Фрейдом, Московичи, Каннети и другими исследователями воздействия манипулятивных методик применимо к массам. **Государство и власть, используя тотальную манипуляцию, неумолимо ускоряет процесс изменения системы культурных норм и ценностей общества на генерационном уровне.** А это грозит обществу социокультурными и психологическими катаклизмами (я уже не говорю об экономических и политических катаклизмах). И этот

⁹ Российский писатель **Виктор Ерофеев**, рассуждая о тенденциях в современной литературе в своей книге «Русские цветы зла» пишет: «Разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена [...] между агентами жизни и смерти (положительными и отрицательными героями). Каждый может неожиданно и немотивированно стать носителем разрушительного начала; обратное движение затруднено. [...] Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к «грязному» слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между «черным» отчаянием и вполне циничным равнодушием. В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи – это вонь».

тотальный эксперимент власти и государства над своим народом может оказаться последним для нации, общества, а, значит, и для самого государства [1; 2].

В современной трактовке понятие «манипуляция» рассматривается как «воздействие на человека (группу людей) с целью побуждения к действиям, противоречащим его (их) собственным интересам». Следует заметить, что от иных видов психологического воздействия манипуляцию отличает закрытый характер: скрываются не только цели, намерения или интересы активной стороны, но и сам факт преследования иных, кроме декларируемых целей. Таким образом, сущность манипуляции заключается в видимой открытости информации, декларировании возвышенных целей, но при этом существует нечто скрытое от глаз, некий механизм, который позволяет осуществлять воздействие на людей, не будучи сам при этом обнаруженным. Реальные цели и мотивы манипуляторов практически всегда расходятся с декларируемыми.

Используются подсознательные и подпороговые информационные стимулы различных модальностей: аудиальные, визуальные, аудио-визуальные, тактильные. К универсальным побудителям поведения относятся такие человеческие чувства и мотивы, как потребность в безопасности, пище, объединении с другими людьми и группами, во власти и достижении, чувство гордости и потребность в самоуважении. Часто движет людскими поступками стремление к уюту и повышению статуса, враждебность к «другим» и желание комфорта, в том числе и психологического, потребность в защите и контроле над событиями и людьми, контроле над собственной жизнью.

Е.Л. Доценко (1996) приводит ряд следующих формулировок понятия манипуляции:

- вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями;
- вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент;
- вид психологического воздействия, направленного на изменение активности другого человека, выполненного настолько искусно, что остается незамеченным им;
- вид психологического воздействия, направленного на неявное побуждение другого к совершению определенных манипулятором действий;
- искусное побуждение другого к достижению (преследованию) косвенно вложенной манипулятором цели;
- вид психологического воздействия, используемого для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий.

Иногда, по его мнению, в практических целях удобнее пользоваться непосредственно метафорой при определении данного понятия, сформулировав его следующим образом: «Манипуляция – это действия, направленные на «прибирание к рукам» другого человека, помыкание им, производимые настолько искусно, что у того создается впечатление, будто он самостоятельно управляет своим поведением».¹⁰

Манипуляция – это скрытый психологический прием, целью которого является заставить человека, вопреки его интересам, выполнить нужные вам действия. Немало важный фактор манипулирования – сделать так, что бы человек сам захотел это сделать.

Манипуляция, это инструмент воздействия на людей, и все зависит от того, в каких руках он находится. Так же как и нож, может служить оружием убийства, а может быть инструментом во спасение жизни, при хирургической операции.

Любой человек в своей жизни, сталкивается с тем, что на него оказывается манипулятивное воздействие, и сам сознательно или бессознательно манипулирует другими людьми. Весь социум

¹⁰ Доценко Е.Л. Психология манипуляции. - М., 1996. – С.58.

в той или иной степени использует различные способы манипуляций, он на них построен и полностью их поощряет. Таким образом, психика абсолютно любого индивида (за редким исключением) подвержена манипулятивным воздействиям извне: профессор С.Г. Кара-Мурза относил к таковым, прежде всего, психику простых людей, а профессор В. Медведев – психику индивидов, на которых не осуществлялось воздействие средств массовых коммуникаций, прежде всего телевидения.

Результаты анализа, проведенного Е.Л. Доценко (1996), позволяют раскрыть как сам подход, так и основные значения понятия «манипуляция». Выделенные им характеристики манипуляции, употребляемые различными авторами, объединяются в группы признаков и обобщаются в следующие интегральные критерии, которые можно использовать для определения понятия манипуляции:

- 1) родовой признак – психологическое воздействие;
- 2) отношение к объектам манипулирования как средству достижения собственных целей;
- 3) стремление получить односторонний выигрыш;
- 4) скрытый характер воздействия (как самого факта воздействия, так и его направленности);
- 5) использование (психологической) силы, игра на слабостях (использование психологической уязвимости);
- 6) побуждение, мотивационное привнесение (формирование «искусственных» потребностей и мотивов для изменения поведения в интересах инициатора манипулятивного воздействия);
- 7) мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий.¹¹

Таким образом, резюмируя вышесказанное о манипуляции, можно сделать достаточно обоснованный вывод о том, что понятие «манипуляция» употребляется в следующих переносных значениях.

Во-первых, как обозначение специфического общего подхода к социальному взаимодействию и управлению, предполагающего активное использование разнообразных способов и средств скрытого принуждения людей.¹²

Во-вторых, манипуляция используется как обозначение специфического вида психологического воздействия. В этом значении используются также понятия «манипулятивное воздействие», «психологические манипуляции», «манипулирование общественным мнением» и «манипулирование общественным сознанием», «межличностные манипуляции», «социально-политические манипуляции личностью» и т.п.

В-третьих, понятие манипуляции используется для обозначения определенных организационных форм применения тайного принуждения человека и отдельных способов или устойчивых сочетаний приемов скрытого психологического воздействия на личность.

Причем, процесс манипулирования может быть относительно простым, включающим «одноактный» период общения с использованием одного или нескольких приемов манипулятивного воздействия, или структурно достаточно сложным, то есть включать комплекс (систему) разнообразных манипулятивных приемов, действие которых направлено на различные психологические структуры личности и использование различных психологических механизмов с поэтапной реализацией этих приемов в определенные периоды времени и в различных ситуациях взаимодействия.¹³

В заключение рассмотрим основные функции эпатажа как механизма манипуляции.

1. *Информативная функция.* Информация, которую несет тот или иной эпатажный субъект, оповещает публику о следующих вещах:

- мир застоялся и требует обновления в одной из сфер;
- субъект эпатажа располагает информацией о способе разрешения сложившейся ситуации;
- субъект эпатажа показывает, как это можно делать;

¹¹ Доценко Е.Л. Психология манипуляции. - М., 1996.

¹² Доценко Е.Л. Психология манипуляции. - М., 1996. – С. 45.

¹³ http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/grachev_manipulirovanie/03.aspx

- субъект меняется внутренне и не требует, а предлагает окружению обратить внимание на проблему.

2. *Аналитическая функция.* Она заключается в серьезной предварительной аналитической работе эпатирующего субъекта по переосмыслению и новому видению проблемы. Господствующие догмы здесь не действуют и сразу отбрасываются – требуется концептуально новый подход, отличный, знаковый, узнаваемый.

3. *Мобилизующая функция.* Поскольку эпатаж – явление затратное, оно требует мобилизации многих ресурсов: человеческих (договориться с организаторами о возможности эпатажа, найти единомышленников, подобрать помощников и сопровождающих); финансовых; информационных; материальных (используемые материалы также должны быть новы и демонстративны).

4. *Функция раскрепощения.* Готовность к эпатажу подвигает человека искать подтверждение правильности или хотя бы оправданности своих действий. И оно всегда находится. Человеку необходима поддержка, чтобы он не чувствовал себя одиноким в эпатажном порыве. Через эпатаж предлагается открыться полностью, воспринимать только настоящий момент акции, быть полностью доступным в объяснении своих возражений в отношении постулатов и догм. Раскрепощение предполагает найти точку опоры, которая позволит непринужденно и совершенно свободно осуществлять эпатажные поступки.

5. *Функция актуализации.* Под этой функцией понимается процесс «раскручивания» темы, популяризация проблемы, доказательство того, что вопрос действительно назрел и сейчас же требует решения. Эпатирующий субъект «делает» проблему актуальной, насущной, горячей, острой, обсуждаемой. Так поступил, например, Кулик, во время акции «Пятачок раздает подарки» в 1995 году во время анималистического фестиваля, когда в СССР повсюду обсуждался вопрос об отмене смертной казни (и все депутаты проголосовали против).

И последнее. Эпатаж, вообще, понятие относительное, как и сами этика и мораль – что было запрещено вчера, сегодня уже никого не удивляет. Эпатаж – явление относительное, что было вчера общественным раздражителем, сегодня уже норма. По мере расширения и уплотнения информационного пространства, что и происходит сейчас активно, спрос на нетривиальные идеи, провокацию, эпатаж будет неизменно повышаться. И с этим ничего не поделаешь. Это надо понять и принять.

Литература:

1. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. СПб: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014.
2. Klayberg Yu. Epatage and Manipulation: Concept and deviantological Nature // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». - № 4. - 2013. - С. 41-46.

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТОГЕННЫХ ВЛИЯНИЙ МЕДИАПРОДУКЦИИ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ¹

PREVENTION OF DEVIANT EFFECTS MEDIA-PRODUCTION ON THE SOCIALIZATION OF THE YOUNGER GENERATION

Книжникова С.В.,
канд. пед. наук, доц.
заведующая кафедрой общей и социальной педагогики,
Кубанский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена обосновывается необходимость подготовки подрастающего поколения к критическому осмыслению девиантогенных влияний медиапродукции.

Annotation. Article focuses on the necessity of training the younger generation to a critical understanding of deviant effects media-production.

Ключевые слова: факторы девиантного поведения, медиапродукция, дети, подростки.

Keywords: factors of deviant behavior, media production, children, teenagers

Девиантологические воззрения можно разделить на условные группы: представители первой утверждают, что девиации обладают общественной пользой; вторые считают, что девиантное поведение не благо и не зло, а естественные эволюционные изменения человечества; третьи девиантное поведение отождествляют с социальными патологиями, ведущими к разрушению, смерти конкретного общества, цивилизации.

Видение в девиациях общественной пользы опирается на их признание необходимыми, полезными для «естественного отбора в человеческом обществе». Представители таких теорий отвергают необходимость предупреждения, коррекции, пресечения девиаций: выживут более сильные особи, а более слабые падут жертвами наркомании, алкоголизма, насилия и т.п. У недальновидных и незаботливых родителей дети будут подвержены риску стать девиантами, следовательно, только воспитательно сильные родители обеспечат возможность выживания своего потомства. Девиации представляются некими «санитарами леса», приносящими пользу человечеству.

Мыслители, понимающие девиации как признаки эволюции человеческого сообщества, говорят о них как о социальных флуктуациях. В качестве доказательства приводят необходимость в современном информационном обществе прибегать к искусственному, наркотическому возбуждению-торможению психики: при таком темпе жизни, при наплыве информации человек сможет расслабляться или активизироваться лишь при употреблении наркотических веществ. Иногда аргументом выступает смягчение общественного отношения к гомосексуализму. Человечество «герматофродизируется», т.к. для воспроизводства новых людей отпадает необходимость в распределении женских и мужских особей. Прежде общество нуждалось в ролях «мужчина-добытчик, защитник», «женщина – мать, хранительница очага». Современное развитие пищевой промышленности, технологизация быта, трудовая занятость и обеспеченность позволяют женщине самостоятельно заботиться о себе и о своем ребенке без помощи мужчины. То же самое можно сказать и о самостоятельности и самодостаточности современного мужчины. Рождение ребенка теперь не связано лишь с копулятивными действиями (половым актом) между мужчиной и женщиной: ребенка можно «получить» путем искусственного оплодотворения, суррогатного материнства, а вскоре и клонирования. Следуя логике данного подхода, можно прогнозировать, что изменения репродуктивных воз-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование у молодежи установок на критическое осмысление девиантогенных влияний медиатекстов» (проект № 12-36-01373)

возможностей человечества скажутся и на восприятии сексуальных извращений. Ранее копулятивное поведение (сексуальное влечение, половой акт, сексуальное удовлетворение) было тесно связано с репродукцией, т.е. с потенциальной возможностью зачать нового человека. Всякая сексуальная активность, идущая вразрез с возможным зачатием, признавалась извращением: копулятивное поведение с лицом того же пола (гомосексуализм), с неполовозрелым ребенком (педофилия), с пожилым человеком (геронтофилия), с животным (зоофилия), с трупом (некрофилия), замещение объекта или субъекта сексуального влечения каким-либо символом (фетишизм), нанесение ущерба половому партнеру (садизм) и т.д., и т.п. Теперь копулятивное поведение рассоединяется с репродуктивным и потому человечество будет более лояльно относиться к формам сексуальной активности, ранее признаваемым перверсиями.

Третья группа девиантологических воззрений связывает отклоняющееся от норм поведение с угрозой функционирования и развития общества. Считается, что вал девиаций, «межпоколенный разрыв», разрушение ценностно-ориентационной системы уничтожает конкретный социум, этнос, культуру, цивилизацию. Потому общество должно бороться с девиантными проявлениями или пытаться взять их под контроль. Именно такие взгляды стимулируют поиск эффективных методик выявления и профилактики аддиктивного поведения, насилия, суицидов и т.д. Отметим, что педагоги и психологи в своем большинстве придерживаются именно этой позиции. Отчасти это связано с профессиональным мировоззрением - ведь, если признать, что девиации есть благо или признак эволюции человечества, то профессиональная психолого-педагогическая деятельность (поддержка личности в трудной жизненной ситуации, воспитание, использование нравственного ресурса этнопедагогики и т.д.) не будет иметь смысла.

Учитывая собственный психолого-педагогический опыт и устойчивое профессиональное мироощущение, автор данной статьи причисляет себя к приверженцам именно этого девиантологического подхода, отождествляющего девиации с социальными патологиями, с социальными болезнями. Считаем, что ключевым критерием девиантности выступает деструктивность подобного поведения для самого индивида, для его ближайшего окружения, а при массовом распространении такого поведения - для конкретного социума. Также у нас вызывает сомнение отнесение к «позитивным» девиациям одаренности, гениальности и т.п. На наш взгляд, девиантное поведение есть отклонение только от социальных норм, но не от среднестатистических норм интеллектуального развития, здоровья и т.п. Сверходаренные люди действительно часто демонстрируют поведение, отклоняющееся от социальных норм. Но не будем забывать, что яркая индивидуальность, уникальность одаренных людей порой провоцирует у них социально-психологическую дезадаптацию, последняя и является основным фактором девиантного поведения. Анализ биографий выдающихся личностей, чья самоактуализация была поддержана социальной средой, показывает высокий уровень их социально-психологической адаптации, просоциальной активности и отсутствие девиантных аттитюдов.

Другим основанием наших исследований [2] выступают следующие убеждения.

1. Девиантное поведение есть источник обогащения лиц и организаций, получающих колоссальные финансовые прибыли от вовлеченности населения в игровую зависимость, наркоманию, алкоголизм, проституцию, деструктивные религиозные культы, в делинквентность.

2. Девианты очень быстро умирают социальной и физической смертью. Потому лица и организации, извлекающие прибыль из социальных патологий, постоянно прилагают усилия для «взращивания» новых поколений больных через культивирование девиантного образа жизни.

3. Одним из самых эффективных каналов рекламирования девиантного образа жизни является медиапродукция.

4. Наиболее уязвимой группой населения для девиантогенных влияний медиапродукции выступают дети и подростки (связано с возрастными психологическими особенностями: приоритет наглядно-образного мышления над абстрактно-логическим, «зыбкость» ценностно-смысловых структур). Медиапродукцией, девиантогенной для подрастающего поколения, мы считаем медиа-

тексты (мультфильмы, фильмы, песни, видеоигры, статьи и т.п.), в которых дискредитируются общечеловеческие ценности и Золотое правило нравственности, насилие натуралистично или эстетизируется, эксплуатируется интерес к сексу, девиантные поступки романтизируются и в итоге поощряются.

5. Девиантогенное влияние медиапродукции на социализацию подрастающего поколения проявляется в суггесто-подражательном эффекте; в эффекте ослабления внутренних запретов на девиантное поведение; в эффекте ожидания девиантного поведения от окружающих; в эффекте равнодушия к девиантному поведению окружающих; в эффекте постепенной реактивации имеющихся личностных деструкций; в эффекте «запретного плода».

6. Девиантопревентивный эффект может быть достигнут не за счет запретов просмотра девиантогенной медиапродукции (возрастное маркирование медиатекстов, блокирование сайтов и т.п.), а с помощью обучения детей и подростков критически оценивать медиапродукцию, выявлять манипулятивные приемы рекламирования девиантного поведения. Необходима специальная подготовка подрастающего поколения к самостоятельному девиантологическому анализу медиапродукции.

Возникает потребность в целенаправленном развитии у детей, подростков критического мышления (логичности суждений, рефлексии, диалогических навыков, интерпретационных умений, представлений об информационных воздействиях), а также коррекции таких характеристик, как: внушаемость, конформизм, подверженность манипуляциям.

Актуальность подобной психолого-педагогической работы подтверждают результаты анкетирования 200 подростков Краснодарского края, проведенного нами в конце 2013 г. и посвящённого изучению отношения школьников к содержанию современной медиапродукции. Анкетирование проводилось в анонимной форме. Предлагаем для осмысления некоторые ответы на вопросы анкеты. На вопрос «Если бы Вы были министром образования или министром культуры нашей страны, то *разрешили ли бы Вы показывать фильмы с реалистичными сценами насилия?*» предлагалось выбрать один вариант ответа. Ответы распределились следующим образом: «Да, разрешил(-а) бы показывать и смотреть абсолютно всем» - 22%, «Да, разрешил(-а), но только лицам, старше 16-18 лет» - 9%, «Да, разрешил(-а), но только лицам, старше 10 лет» - 8%, «Да, разрешил(-а) бы всем, но дети такие фильмы должны были бы смотреть только в присутствии родителей» - 17%, «Да, разрешил, но приложил (-а) бы все усилия, чтобы население страны излишне не увлекались агрессивными фильмами» - 26%, «Нет, я бы запретил (-а) показ таких фильмов, считаю, что они вредно влияют на население» - 14%, другие варианты ответов - 4%.

Можно увидеть, что доля респондентов, имеющих «разрешительные» установки с неприемлемостью социального контроля, составляет пятую часть респондентов. Примечательно то обстоятельство, что именно эти респонденты в своем большинстве на вопрос «Какой точки зрения Вы придерживаетесь относительно *жестоких компьютерных игр?*» дали следующие ответы: «Затрудняюсь судить, никогда не задумывался(-лась) об этом», «Они безопасны и никак не влияют на психику, на взаимоотношения с окружающими», «Они полезны, т.к. учат действовать в реальной жизни», «Они полезны, т.к. помогают игроку выплеснуть свое зло». Подобные ответы эта же категория респондентов дает на вопрос о *жестоких фильмах, мультфильмах*.

В вопросе «Какие *сцены* в фильмах, мультфильмах, *сюжеты* видеоигр, темы в социальных сетях, лично Вас *возмущают*, Вам *неприятны?*» респондентам предлагалось отнестись к следующим сюжетам, темам: «грубость мужчины по отношению к женщине», «изображение употребления алкогольной продукции и одурманивающих веществ», «изображение глумления, издевательств над старостью, инвалидностью», «изображение пренебрежения, неуважения к родителям, причинения обид родным», «подробное изображение преступлений», «изображение насилия по отношению к животным», «слишком натуралистичное изображение ран, кровопотери, процесса умирания», «брань и бранные слова». Оказалось, что 23% юношей и 37% (!) девушек не испытывают возмуще-

ния, остаются равнодушными при просмотре сцен грубого отношения мужчин к женщинам. Спокойно к медиаизображениям употребления алкогольной продукции и одурманивающих веществ относятся 76% школьников. Равнодушное отношение к изображению глумления, издевательств над старостью, инвалидностью, демонстрируют 43%; без осуждения 31% школьников относятся к сценам пренебрежения, неуважения к родителям, причинения обид родным. Абсолютно никаких эмоций не испытывают 69% респондентов при просмотре слишком натуралистичного изображения ран, кровопотери, процесса умирания. Наиболее «толерантное» отношение школьники показали по отношению к брани, бранным словам в медиапродукции (94%). А вот наибольшее возмущение вызвали сцены с изображением насилия по отношению к животным – 32% ответили «немного неприятно», 44% - «сильно возмущает».

Также респондентам предлагалось вспомнить последний художественный фильм (мультфильм), который им особенно понравился. После этого предлагалось выявить, *какие ценности затрагивала эта медиапродукция*. На выбор предлагался следующий перечень: честность, справедливость; гуманизм, человечность, милосердие, чуткость; любовь к родному краю, к своему народу, к стране; добро, мир; любовь в семье; уважение к старшим; забота о младших, о слабых; товарищество, дружба, взаимоподдержка; добросовестность и трудолюбие; благородство и уважение по отношению к женщине; женская гордость, чистота и самоуважение; уважительное отношение к вере, религии; здоровье; трезвый образ жизни; социальная активность, социальная забота; творчество, научные достижения, спортивные достижения; образованность, стремление к самосовершенствованию, мудрость, интеллектуальность; любовь к природе и бережное отношение к ней; красота, прекрасное; культура поведения в общественных местах. Перечисленные ценности школьники обнаружили лишь в 22% просмотренной ими «интересной» медиапродукции. Наверное, не трудно догадаться, что же было в остальной (78%) медиапродукции...

Дополнительно мы просили установить *насколько поведение и поступки главного героя* в этом фильме, мультфильме *соответствуют нормам порядочности*, честности, доброжелательности, нравственности и т.д. Более половины опрошенных (56%) сказали, что «частично не соответствуют, но герой все равно обаятельный» или «поступки героя не соответствуют нормам порядочности, честности, доброжелательности, нравственности, но герой все равно мне нравится». 12% школьников после просмотра не задумывались о поведении главного героя, им трудно судить хорошо или плохо он поступает.

Кроме того, предлагалось оценить *воздействие предпочитаемой медиапродукции на детей, молодежь в целом и самого респондента в частности*. При оценке «обобщенного» воздействия современной медиапродукции на детей и молодежь школьники дали следующие ответы: «большинству детей и молодежи современная медиапродукция помогает адаптироваться в обществе», «обучает, готовит к жизни» (54% ответов), «помогает налаживать общение» (62% ответов), «отвлекает от скучной реальности» (41% ответов), «отвлекает от проблем» (39% ответов).

При оценке воздействия медиапродукции на самого респондента получено следующее распределение ответов: «да, я замечаю, что большая часть медиапродукции ориентирует меня на честность, доброжелательность, справедливость и ответственность» - 4%, «да, я замечаю, что большая часть медиапродукции провоцирует у меня тревогу и предчувствие опасности» - 13%, «да, я замечаю, что большая часть медиапродукции провоцирует у меня злость» - 19 %, «да, я замечаю, что большая часть медиапродукции провоцирует у меня равнодушие к окружающим, к их заботам» - 14%, «нет, я сам(-а) не замечаю, но близкие говорят, что я из-за любимых фильмов (компьютерных игр, социальных сетей и т.п.) изменился(-ась) в лучшую сторону» - 1%, «нет, я сам(-а) не замечаю, но близкие говорят, что я из-за любимых фильмов (компьютерных игр, социальных сетей и т.п.) изменился(-ась) в худшую сторону» - 42%, «нет, мои ценности и смысл жизни никак не меняются под воздействием медиапродукции» - 5%, другое - 2%. Как видно из ответов, почти половина респондентов связывают свои деструктивные психологические изменения с медиапродукцией. Другая зна-

чительная часть школьников не замечает признаков неблагополучия, но свидетельствует о подобных опасениях со стороны близких.

Предлагаемая нами модель подготовки школьников и студентов к осознанному выявлению в медиапродукции девиантных и потребительских ценностей успешно реализуется в условиях образовательного учреждения.

Первый этап предполагает подготовку педагогического коллектива школы (факультета) к реализации технологии психолого-педагогического противодействия девиантогенным влияниям и пропагандируемым потребительским ценностям, транслируемых через медиапродукцию. Задачи данного этапа: девиантологическая подготовка коллектива учителей (преподавателей), планирование превентивных мероприятий; обучение педагогического коллектива использованию методики девиантологического анализа медиапродукции; подбор надпредметного материала, направленного на минимизацию девиантогенности медиапродукции [1]; подготовка методических материалов для диагностики у школьников, студентов уровня развитости критического мышления, особенностей ценностной сферы и смысло-жизненных ориентаций, специфики восприятия медиатекстов.

Второй этап связан с подготовкой родительской общественности (в условиях школы, в вузе этот этап отсутствует) к реализации технологии психолого-педагогического противодействия девиантогенным влияниям и пропагандируемым потребительским ценностям, транслируемых через медиапродукцию. На этом этапе проводится ряд родительских собраний для обучения родителей использованию методики девиантологического анализа медиапродукции.

На третьем этапе осуществляется собственно подготовка школьников, студентов к осознанному выявлению в медиапродукции девиантогенных и потребительских ценностей. Данный этап представляет собой последовательность диагностических процедур (оценка развитости критического мышления, особенностей ценностей и смысло-жизненных ориентаций, специфики восприятия медиатекстов); классных, кураторских часов, которые: а) информируют на доступном уровне о распространенности в молодежной среде социальных болезней и их динамике, б) информируют о социальной опасности распространения в молодежной среде девиантогенных и потребительских ценностей. Затем следует занятие, посвященное умениям распознавать манипулятивные приемы, используемые в целях «рекламы» девиантного образа жизни. Особое место занимает обучение школьников, студентов самостоятельному использованию методики девиантологического анализа медиапродукции (школьников обучают через наделение ролью «взрослого»: будущих родителей и будущих общественных деятелей). Школьный психолог (преподаватель психологических дисциплин) параллельно организует серию тренингов развития критического мышления и противостояния манипуляциям.

Описанная программа подготовки школьников и студентов к осознанному выявлению в медиапродукции девиантных и потребительских ценностей успешно реализуется с 2012 г. в четырех школах Краснодарского края и на факультете педагогики, психологии и коммуникативистики Кубанского государственного университета.

Литература:

1. Бережнова Д.Б. Педагогические возможности фонового знания в организации культурного контекста образования // Школьные технологии. - 2007. - № 6. - С. 14-18.
2. Книжникова С.В. Нравственные зёрна и плевелы подростковой медиапродукции: как научить школьников отделять одно от другого? // Народное образование. - 2013. - № 7. - С. 221-224.

ЗНАЧЕНИЕ НАРКОТИЗМА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

MEANING DRUG TRAFFICKING IN THE POSTMODERN ERA

Кожухова И.В.,

Старший преподаватель кафедры уголовного права
юридического факультета Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена

Аннотация. В статье дается критический анализ значения наркотизма в эпоху постмодерна. Отмечается потребительский характер духовных ценностей и преобладание гедонистической ориентации в жизни, выступающей одним из факторов, способствующих приобщению субъекта к алкоголю, наркотическим средствам и психотропным веществам, компенсаторные функции которых выступают, своего рода, «симулякром» удовлетворённости окружающей действительности, приводят к прекращению осознания им реальности и к его превращению лишь в объект окружающей действительности.

Annotation. In article the critical analysis of value of a drugs abuse during a postmodern era is given. Consumer character of cultural wealth and prevalence of hedonistic orientation in the life acting as one of factors, promoting familiarizing of the subject with alcohol, drugs and the psychotropic substances which compensatory functions act, some kind of, is noted by "simulacrum" of satisfaction of surrounding reality, lead to the termination of understanding of reality by it and to its transformation only in object of surrounding reality.

Ключевые слова: эпоха постмодерна, общество потребления, гедонистическая ориентация, наркотизм.

Keywords: postmodern era, consumer society, hedonistic orientation, drugs abuse.

Одним из проявлений эпохи постмодерна стал феномен всеобщего потребления, как вещей, так и отношений, порожденного изобилием товаров, услуг, знаний и информации. Процесс продажи и потребления включает даже духовные ценности и эмоции, сопровождающие удовлетворение потребностей. Ж. Бодрийяр отмечает чудотворный статус потребления: «...именно магическая мысль управляет потреблением, именно ментальность чуда управляет повседневной жизнью...».¹ Отсюда развивается преобладание гедонистической ориентации человека в жизни – принципа, заключающегося в соотношении блага, противопоставленного злу, лишь с тем, что вызывает удовлетворение, наслаждение и освобождает от страданий.

Однако именно гедонистический характер жизненной ориентации выступает одним из факторов, способствующих приобщению субъекта к алкоголю, наркотическим средствам и психотропным веществам. Ф.К. Василюк отмечает, что данным типом личности совершившийся факт (будь то потребление наркотических средств) игнорируется, искажается, отрицается; формируется и поддерживается иллюзия благополучия.² Наркотики и алкоголь в эпоху постмодерна выполняют для молодежи – их основного потребителя – в первую очередь, компенсаторные функции, выступают «симулякром» удовлетворённости окружающей действительности, оказывают помощь в преодолении отчужденности, маскируют нехватку межличностного общения. Но реальным изображением кривого зеркала данного «симулякра» выступает физическая и/или психическая зависимость от него. Как верно отмечает Ж. Бодрийяр, «знак, «симулякр», как бы помогает человеку овладеть реально-

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления / Пер. с франц. – М.: Культурная революция, Республика. 2006. С. 9.

² См.: Василюк Ф.К. Психология переживания. М., 1984. С. 25 и след.

стью, но одновременно он уничтожает реальное, заменяя его собой».³ В подтверждение тому приведем некоторые статистические данные.

В нашей стране синдром зависимости от наркотических средств и токсических веществ является одним из основных социально-обусловленных заболеваний у детей в возрасте 0 – 17 лет. В 2012г. выявлено 554 человека с подобным синдромом.⁴ Всего специализированными наркологическими учреждениями в России зарегистрировано 396 подростков с диагнозом «наркомания», с впервые в жизни установленным данным диагнозом наркомании – 143, с диагнозом «употребление наркотиков с вредными последствиями» – 5 720, с впервые в жизни установленным диагнозом «употребление наркотиков с вредными последствиями» – 2 790 человек.⁵ Однако данные показатели официальной статистики, на наш взгляд, не отражают реально сложившуюся обстановку. Так, исследования, проведенные С.И. Гусевым в воспитательной колонии для несовершеннолетних осужденных г. Ленинск-Кузнецка (ЛВК) и исправительной колонии ФБУ ИК-29 ГУФСИН России по Кемеровской области г. Кемерово, показали, что впервые выявленная заболеваемость наркоманиями у осужденных подростков составила 14 960 на 100 тысяч несовершеннолетних осужденных, что выше общероссийского показателя в 1 290 раз (11,6 на 100 тысяч подросткового населения).⁶ Аналогичные высокие показатели отмечаются и подразделениями ГУ МВД СПб и ЛО: по состоянию на 01 января 2014г. индивидуально-профилактическая работа проводилась в отношении выявленных 3 430 лиц, немедицински потребляющих наркотические средства и психотропные вещества, из которых на учет поставлен 301 человек, в том числе 36 несовершеннолетних, совершивших преступления.⁷

Сформировавшийся в подростковом возрасте и углубившийся позже (под влиянием наркозависимости и негативных личностных особенностей) диссонанс в ценностно-смысловой сфере отмечают в своем исследовании также и В.А. Ткачук и А.Г. Зайцева.⁸ У большинства наркозависимых пациентов, проходящих курс лечения в условиях реабилитационного центра (87%), имеют место преморбидные аномалии личности уже в подростковом возрасте (неустойчивость настроения, низкая заинтересованность и трудности в учебе, чрезмерная увлеченность дискотеками и дворовыми компаниями), а также различные формы асоциального поведения.

В данном контексте примечательным является тот факт, что в последнее время к потреблению наркотиков все чаще стали прибегать подростки не только из социально незащищенных слоев населения, испытывающих недостатки воспитания и социальные трудности, но и из богатых семей.

³ Бодрийяр Ж. Общество потребления / Пер. с франц. – М.: Культурная революция, Республика. 2006. С. 174.

⁴ Социально значимые заболевания населения России в 2012 году (статистические материалы). М.: Департамент анализа, прогноза и инновационного развития здравоохранения ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава, 2013. С. 39 – 45.

⁵ Государственная межведомственная программа «Комплексная реабилитация и ресоциализация потребителей наркотических средств и психотропных веществ» // Официальный сайт ФСКН. URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/13250/index.shtml>

⁶ Гусев С.И. Клинико-патодинамические, социально-психологические закономерности формирования ремиссий и реабилитация больных наркоманиями в условиях пенитенциарной изоляции. Автореф. дисс. ... докт. мед. наук. Томск, 2010. С. 20. Об этом же: Богданов С.И. Острые отравления опиоидами: эпидемиологические, социально-экономические и клинические аспекты: автореф. дис. ... докт. мед. наук. Москва, 2011. С. 18.

⁷ Справка по 1 вопросу повестки дня совместного расширенного заседания Антинаркотической комиссии в Санкт-Петербурге и Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Санкт-Петербурга от 24.04.2014 «О повышении эффективности работы по предупреждению и устранению причин и условий, способствующих совершению несовершеннолетними и молодежью преступлений в законодательства о наркотических средствах и психотропных веществах, а также об обороте алкогольной продукции» // Сборник материалов к расширенному заседанию Антинаркотической комиссии в Санкт-Петербурге и Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Санкт-Петербурга. 2014. 24 апреля. – СПб.: Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр, 2014. С. 5.

⁸ Ткачук В.А. и Зайцева А.Г. Ценностно-смысловая сфера наркозависимых лиц // Вестник психотерапии. 2012. № 43 (48). С. 39-40, 48.

Материальная обеспеченности, с одной стороны, интеллектуальная бедность и духовная пустота с другой, делает таких молодых людей очень привлекательным «материалом» для наркоторговца.⁹

По мнению Т. Шипуновой, окончательным завершением общества потребления становится функционализация самого потребителя, психологическая монополизация всех его потребностей,¹⁰ что и происходит в настоящее время. Единодушное потребление наркотических средств и психотропных веществ населением¹¹, либеральное отношение к их потребителям, к наркотизации (согласно данным А.С. Киреева, 45% опрошенных студентов высших учебных заведений толерантно относятся к наркозависимым людям)¹² приводят к тому, что человек перестает осознавать реальность, выступает лишь объектом окружающей действительности.

⁹ Криминология: учебн. пособие / Г.И. Богуш, О.Н. Ведерникова, М.Н. Голоднюк; науч. ред. Н.Ф. Кузнецова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. С. 231 – 232.

¹⁰ Девиантность в обществе потребления: Коллективная монография / Под ред. Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 28.

¹¹ По оценкам Управления ООН по наркотикам и преступности (ЮНОДК) в 2013 году во всем мире хотя бы один раз запрещенные вещества употребляли от 167 до 315 млн. человек. В Российской Федерации регулярно или эпизодически употребляющих наркотики – 8,5 млн. человек, а численность лиц, которые хотя бы раз в жизни пробовали наркотики – около 18 млн. человек.

¹² Киреев А.С. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: криминологический анализ и социальные последствия: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Москва, 2013. С. 18 – 19.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ
ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**THE CONSTITUTIONAL STATUS
OF VICTIMIZATION PROTECTION OF MINORS FROM CRIME**

Комарницкий А.В.
кандидат юр. наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

Аннотация. По мнению автора, кризис государственных и гражданских институтов социализации личности является прямой предпосылкой виктимизации несовершеннолетних. В России отсутствует система виктимологической защиты несовершеннолетних от преступлений.

Комплекс мер по защите несовершеннолетних от преступлений, повышение способности к девиктимизации, профилактика и устранение обстоятельств, ситуаций, причин составляют суть виктимологической защиты несовершеннолетних от преступных посягательств, и требуют реформирования и совершенствования.

Annotation. According to the author, crisis of the state and civil institutes of socialization of the personality is the direct precondition of victimization of minors. In Russia there is no effective system viktimologicheskoy protection of minors from crimes.

Package of measures on protection of minor victims against crimes, increase of ability to a devictimization, prevention and elimination of circumstances, situations, the reasons - makes an essence viktimologicheskoy protection of minors from criminal encroachments and demand reforming and perfection.

Ключевые слова: виктимологическая защита, несовершеннолетняя жертва преступления, виктимность несовершеннолетних, виктимизация несовершеннолетних, виктимологическая профилактика.

Keywords: viktimologicheskoy protection, minor victim of a crime, viktimnost of minors, victimization of minors, viktimologicheskoy prevention.

Преамбула Декларации прав ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года, провозглашает: «Ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения».¹

Следуя нормам международного права и сохраняя преемственность всего лучшего из отечественного, ранее действующего, законодательства, ст. 38 Конституции РФ² провозглашает и гарантирует материнству, детству и семье особую защиту со стороны государства.

Российское законодательство, будучи социально обусловленным, всегда отражает сложившуюся в обществе систему отношений (производственных, социальных, идеологических и др.).³ Именно уровень развития общественных отношений «определяет пределы правового регулирования, содержание правовых норм и круг социальных явлений, охватываемых юридическим воздействием».⁴

¹ Комарницкий А.В. Уголовная ответственность несовершеннолетних: уч. пос. -СПб., Юрид. ин-т, 2005. С. 37.

² Конституция Российской Федерации 1993 г. Ст. 38. (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. – № 4.

³ Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних. Диссертация ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 19.

⁴ Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 76.

Охрана и защита несовершеннолетних, их законных прав и интересов всегда являлись одними из приоритетных направлений деятельности государства. Данные вопросы актуальны в современных условиях, когда построение правового государства, а также развитие демократических начал в жизни общества предполагают признание приоритета общечеловеческих ценностей, прежде всего, жизни, здоровья, чести, достоинства, прав и свобод личности. В то же время, мировой экономический кризис и, как следствие, обострение негативных явлений практически во всех сферах общественной жизни, резкая дифференциация населения по уровню материального достатка, продолжающийся кризис духовного развития общества, – отрицательно влияют на процесс криминализации одной части населения и виктимизации другой.

Проблеме обеспечения защиты прав несовершеннолетних посвящены исследования практически во всех областях правовых знаний.⁵ И это не случайно, т.к. несовершеннолетние – «это одна из самых уязвимых частей общества, открыта для всех опасностей и угроз, больше всего страдающая на изломах общества, в кризисные времена».⁶

Поскольку всякое нарушение прав несовершеннолетних, так или иначе, сопряжено с совершением преступлений, вполне естественно, не может стоять в стороне и виктимология – наука о жертве преступления. Обычно нарушения прав несовершеннолетних связанных с их воспитанием, обучением и т.д. сопряжено с насильственными, корыстными и другими видами преступлений. Исходя из этого, виктимологическое обеспечение как, прежде всего, необходимый объем информации, требуемый от правоохранительных органов должен стать постоянным объектом деятельности криминологов.

По данным Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) в мире ежедневно от жестокого обращения погибают 3 ребенка, примерно каждые 1-2 из 100 случаев физического насилия заканчиваются смертью. По данным Аналитического центра Государственной Думы РФ 70% всех жертв тяжких насильственных посягательств, совершенных в семьях. Для 10% несовершеннолетних исходом становится смерть, а для 2 тысяч – самоубийство. Более 50 тысяч несовершеннолетних уходят из дома, спасаясь от собственных родителей. В 1,7 раза возросло число случаев умерщвления грудных младенцев матерями.⁷

Проблема насилия в семье отражает дисгармонию и перекосы, существующие во взаимоотношениях в обществе. Ее острота свидетельствует о нездоровой социально-нравственной обстановке в нашем обществе.

Однако в российском государстве данной проблеме не уделяется должного внимания и насилие в сфере семейно-бытовых отношений рассматривается как нечто обыденное, не выходящее за рамки частной жизни.⁸

Наиболее виктимизированной социальной группой по исследованиям криминологов являются несовершеннолетние мужского пола. В возрастной структуре потерпевших пик виктимизации

⁵ Середина Л.М. Обеспечение прав несовершеннолетних органами местного самоуправления. Диссертация ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006; Черкасов А.В. Гарантии защиты конституционных прав несовершеннолетних. Диссертация ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2010; Гайфоллин Д.К. Безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних в российском обществе: процессы социальной изоляции и социальной реабилитации (региональный аспект). Диссертация ... канд. социол. наук. Казань, 2012; Николаева Ю.В. Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России. Диссертация ... д-ра юрид. наук. Москва, 2012 и др.

⁶ Брычев В.Г. Профилактика преступности несовершеннолетних в условиях чрезвычайных ситуаций // Ювенальная юстиция и профилактика правонарушений: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 26-28 ноября 1999 года. Часть 1 / Под общ. ред. Сальникова В.П., Пустынцева Б.П. - СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. С. 12.

⁷ Состояние криминальной виктимизации в стране и тенденции ее развития на перспективу: ан. обзор ВНИИ МВД России. М., 2008. С. 9.

⁸ Именно российские семьи, по оценкам экспертов, в настоящее время признаны самыми агрессивными в мире, что обусловлено обострением социально-экономической обстановки в государстве, алкоголизацией и наркотизацией населения в целом. www.soprotivlenie.org.ru.

приходится на 14-15 лет. Каждая третья жертва в возрасте 16-17 лет. Возрастная специфика жертв объективно определяет однородность их социального положения и образовательного уровня. Самую многочисленную группу потерпевших составляют учащиеся общеобразовательной школы - 69,2%. Удельный вес потерпевших студентов - 19,2%, работающих - 5,2%, малолетние потерпевшие дошкольники 3,4%.⁹

Не последнее место в увеличении криминальной виктимности несовершеннолетних занимает и такой фактор, как вовлечение их взрослыми лицами в преступную и иную антиобщественную деятельность.

Повышенная общественная опасность указанных противоправных деяний связана и с тем, что число ежегодно совершаемых преступлений, предусматривающих ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность, остается фактически высоким. Однако, официальная уголовная и судебная статистика представляет весьма позитивную картину ситуации в стране, отражая существенное снижение преступлений указанного вида.

Так, по данным ГИУ МВД России, в 1997 году было зарегистрировано 20 760 преступлений, предусмотренных ст. 150 и 151 УК РФ; в 1998 г. - 20 289; в 1999 г. - 24 827; в 2000 г. - 21 011; в 2001 г. - 16 988; в 2002 г. - 10 713; в 2003 г. - 9 832; в 2004 г. - 9 664; в 2005 г. - 8 802; в 2006 г. - 8 357; в 2007 г. - 7 746; в 2008 г. - 7 229; в 2009 г. - 5 942; в 2010 г. - 4 159; в 2011 г. - 3 471; в 2012 г. - 2 500; в 2013 г. - 2 300 таких преступных деяний.¹⁰

Весьма неоднозначно воспринимаются и данные региональной статистики. Так, если в 1999 году в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области было зарегистрировано - 1347 преступлений, предусмотренных ст. 150 и 151 УК РФ, то в 2010 году число таких правонарушений составило всего 37, а в 2011 г. еще меньше - 12 преступлений за год, в 2012 г. - 11 соответственно.¹¹

ГУ МВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области проинформировало, что за 2012 год по Санкт-Петербургу и Ленинградской области число зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, составило 1216 проявлений, более 75% из них - насильственного характера. Наиболее часто (в 33% случаев) несовершеннолетние становятся жертвами преступлений против жизни и здоровья (нанесение телесных повреждений различной степени тяжести, в том числе и убийства). В 22% случаев - становятся потерпевшими от грабежей и разбоев, в 11% случаев - от преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.¹²

В 2009 г. количество погибших несовершеннолетних в Российской Федерации составило 3731 человек (их доля от общего количества потерпевших составила 2,0%), 8878 человек получили тяжкий вред здоровью (их доля составила 2,1%), в 2010 г. - 1914 человек составили погибшие (их доля от общего количества потерпевших составила 2,0%), 2330 человек получили тяжкий вред здоровью (их доля - 2,1%). В 2011 г. количество погибших несовершеннолетних несколько снизилось и составило 1761 человек (-8,9%), 2518 человекам причинен тяжкий вред здоровью (+9,0%). При этом в 2012 году «жертвами насильственных преступлений, в том числе в семье», были признаны более 89 тыс. несовершеннолетних (в 2008 году - более 118 тыс.). Число погибших при этом выросло - до 2,1 тыс. От насильственных действий со стороны родителей в прошлом 2012 году только по официальной статистике пострадали почти 4,9 тыс. детей (в 2008 году - около 3,5 тыс.).¹³

Проблема убийств несовершеннолетних¹⁴ никогда самостоятельно не изучалась, хотя к ней обращались многие авторы¹⁵ в рамках исследования насилия в отношении несовершеннолетних

⁹ Мордовец А.С. Уголовно-правовая характеристика преступлений против несовершеннолетних / А.С. Мордовец, И.Н. Туктарова. Саратов: Изд-во Саратовского юридического института МВД РФ. 2002. С. 36.

¹⁰ Статистические данные ГИЦ МВД России за январь - декабрь 1997-2012 гг.

¹¹ Статистический сборник. Сведения о состоянии преступности в Санкт-Петербурге и Ленинградской области за январь - декабрь 1999-2012 гг.

¹² Статистические данные ГУ МВД по г. СПб и ЛО за 2012 г.

¹³ Статистические данные ГИЦ МВД России за январь - декабрь 2009-2012.

¹⁴ В данном случае мы имеем ввиду малолетних детей, т.е. не достигших 14 лет.

и убийства матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов. Статистика такого рода убийств, как правило, не ведется, однако средства массовой информации постоянно «кричат» о том, или ином свершившемся факте, что заставляет нас невольно содрогнуться и задуматься о будущем наших детей. К тому же часть из них попадают в категорию «без вести пропавших», из которых многие подверглись преступному насилию в семейно-бытовой сфере.¹⁶

Наметившийся процесс интеграции России в мировое сообщество потребовал приведения национального законодательства в соответствие с международно-правовыми актам, закрепляющими основные права и свободы человека и гражданина.¹⁷

Законодательной базой российской виктимологии является статья 52 Конституции РФ, в соответствии с которой «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Эта статья воспроизводит п. 3 ст. 30 ныне отмененного из-за невозможности выполнения Закона «О собственности», возлагающего на государство обязанность возместить собственнику ущерб, причиненный преступлением.

Соответственно ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ определяет защиту прав потерпевших как первоочередную задачу уголовного судопроизводства. На деле, однако, и в настоящее время по многим процессуальным позициям потерпевший поставлен в неравное положение с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым и, таким образом, фактически рассматривается как второстепенный участник уголовного процесса, что позволяет говорить о неполной реализации как принципа равенства сторон в уголовном судопроизводстве, так и принципа состязательности.

По мнению Д.М. Галушко, положение Конституции РФ несет явно декларативный характер, ибо государство не возмещает ущерб, причиненный даже особо тяжким преступлением, куда уж говорить об остальных.¹⁸

В независимом докладе «Нарушения прав человека в системе уголовного правосудия России», представленном на 54-ю сессию Комитета ООН по правам человека отмечалось, что «...правовые нормы, регулирующие положение личности в судопроизводстве приблизились к международным стандартам..., но в повседневной практике не применяются постоянно», это не касается личности потерпевшего от преступления.

Как справедливо отмечает А. Парий,¹⁹ жертва преступления осталась «за бортом» проводимой правовой реформы, хотя стоящие перед ней проблемы носят весьма и весьма острый характер, а их разрешение не менее важно, чем разрешение проблем лиц, подвергшихся уголовному преследованию.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

¹⁵ Максимов С.В., Ревин В.П. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений: проблемы их профилактики: Учебное пособие. М., 1993; Харченко О.В. Виктимологические проблемы предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних (по материалам г. Санкт-Петербурга): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999; и др.

¹⁶ По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации более 60% убийств детей в Российской Федерации совершаются родителями и законными представителями на почве семейно-бытовых конфликтов. www.sledcomproc.ru.

¹⁷ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Рос. газ. 1998. 10 дек.; Международный пакт о гражданских и политических правах. СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. М., 1989. С. 310, 416; Конвенция о правах ребенка // Советский журнал международного права. 1991. № 2.

¹⁸ Галушко Д.М. Ювенальная виктимология: криминологические и социально-психологические проблемы: дис... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 34.

¹⁹ Парий А. Защита прав жертвы преступления в российском уголовном процессе // Правозащитник. 1997. №1. С. 44.

Основные права и свободы человека (несовершеннолетнего) неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17 Конституции РФ).

Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ).

Вместе с тем мы не считаем приемлемым ограничение виктимологической защиты несовершеннолетних жертв преступлений кругом только основных прав личности, хотя их нарушение представляется и наиболее очевидным, и нетерпимым. Преступное посягательство возможно не только на них, но и на те права, которые по классификации отнесены к политическим, экономическим, социальным и культурным.

Для цивилизованного общества свойственно к правам личности относить и их гарантии в виде «притязаний на защиту общего правового статуса - полицейскую и судебную».²⁰ Важнейшую группу таких гарантий составляют процессуальные гарантии: право на судебную защиту, на квалифицированную юридическую помощь, право обвиняемого считаться невиновным, пока виновность не будет доказана вступившим в законную силу приговором суда, право потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба и др. Основные процессуальные гарантии закрепляются в Конституции и находят детальное развитие в принципах и нормах процессуальных отраслей законодательства.

Конституция РФ, одобренная всенародным волеизъявлением в 1993 году, создавала для этого благоприятные условия. Ею устанавливается не только развернутая система демократических прав и свобод человека, но и гарантии их реализации в виде обязанностей государства и его органов обеспечивать их осуществление. Важнейшим конституционным принципом является положение о том, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства» (ст. 2). Эта обязанность распространяется на все три ветви государственной власти. «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18).

Конституцией провозглашено равенство всех перед законом и судом, право на свободу и личную неприкосновенность. «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» (ст. 21). «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» (ст. 46). Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52).

Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53).

В отношении законодателя к проблеме виктимологической защиты несовершеннолетних жертв преступлений весьма показательна эволюция позиции на конституционном уровне. В Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой в 1991 году, было записано: «Права жертв преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает им доступ к правосудию и скорейшую компенсацию причиненного ущерба» (ст. 33).²¹ Этой статьей Декларации была дополнена Конституция 1978 года. Однако в ныне действующей Конституции, принятой в 1993 году, эта норма сформулирована таким образом, что обязательства государства как защитника своих граждан существенно ограничены. Статья 52 гласит: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба». Речь, как видим, уже идет не

²⁰ Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий. М., 1997. С. 29.

²¹ Декларация прав и свобод человека и гражданина (принята в 1991 г.)

о жертвах преступлений и злоупотреблении властью, а о потерпевших, то есть процессуально признанных таковыми, а скорейшая компенсация, которую якобы обеспечивает государство, заменена туманным обещанием компенсации в неустановленные сроки.

Учитывая уровень виктимизации несовершеннолетних, на законодательном уровне для нивелирования возможных негативных последствий были приняты Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ; Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, который содержит специальную главу 20, посвященную преступлениям против семьи и несовершеннолетних, и ряд других нормативных правовых актов, направленных на защиту несовершеннолетних (например, Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», Постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»).

К сожалению, принятые документы не решают всех проблем, возникающих в данной сфере, в связи, с чем не стоит игнорировать уже накопленный зарубежный опыт виктимологической защиты несовершеннолетних от преступлений.

Вопрос о том, в какой мере могут быть реализованы конституционные нормы в современной России с ее нестабильной экономикой, духовно-нравственным кризисом, правовым нигилизмом, отсутствием ювенальной политики, нами здесь не обсуждается. Вместе с тем, не кажется убедительным утверждение о том, что положения ст. 7 Конституции РФ в обозримом будущем будут оставаться фикцией.

**ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ СИНТЕЗ ЗНАНИЙ
О ПРЕСТУПНОСТИ – НОВЫЙ ВЕКТОР
В РАЗВИТИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДЕВИАНТОЛОГИИ**

**POST-POSTMODERN SYNTHESIS
OF KNOWLEDGE OF CRIME – A NEW VECTOR IN DEVELOPMENT
OF A THEORETICAL DEVIANTOLOGY**

Комлев Ю.Ю.,
начальник кафедры философии, политологии,
социологии и психологии
Казанского юридического института МВД России

Аннотация. Выделяется новое направление в теоретической девиантологии. Оно состоит в пост-постмодернистском синтезе знаний о преступности и девиантности. Интегрированную рамку теории составляют положения позитивистской и постмодернистской криминологии.

Annotation The new direction in the theoretical deviantology is allocated. It consist in post-postmodern synthesis of knowledge of crime and deviance. The provisions of positivist and postmodernist criminology is formed of integrating frame of theory.

Ключевые слова: постмодернистская и интегративная криминология, пост-постмодернистский синтез, диалектическая причинность.

Keywords: positivist and postmodernist criminology, post-postmodern synthesis, dialectic causality.

Рост числа девиантных проявлений, их дифференциация, а также неспособность системы формального социального контроля в развитых странах Запада и, прежде всего, в США сбить «волну преступности» во второй четверти прошлого века привели к «кризису наказания» или «полицейского контроля». Стала реальностью масштабная девиантизация транзитивного общества позднего модерна. В этих социальных условиях сложился запрос на разработку интегративной парадигмы в девиантологии.

Интегративный подход в моделировании природы делинквентности и других форм негативной девиантности предполагал более полный учет различных сфер человеческой деятельности, синтез причинно-следственных связей, заимствованных из ряда непротиворечивых криминологических монотеорий. Интегративная перспектива анализа и описания девиантности в рамках неопозитивизма стала формироваться как реакция на ограниченность объяснительных возможностей классических монотеорий. Впрочем, попытки интеграции их элементов, взаимное влияние теоретических конструкций имели место и на более ранних этапах развития девиантологической науки в работах Козна (1955), Клоурда и Олина (1960), Реклесса (1973) и других социологов и криминологов.

Увлечение теоретическим синтезом неопозитивистов, изучавших девиантность в ее наиболее социально опасных проявлениях, привело к появлению целого ряда модернистских интегративных теорий девиантности и преступности. Это работы Говарда Каплана (1975), Рональда Айкерса (1975), Ричарда Куинни (1977), Дэлбета Эллиота (1979), Ричарда Джонсона (1979), Марка Колвина и Джона Паули (1983), Фрэнка Пирсона и Нэйла Уэйнера (1983), Джеймса Уилсона и Ричарда Хернштайна (1985), Томаса Бернарда (1986), Мервина Крона (1986), Джона Хагэна (1988) и многих других криминологов.

Кризис детерминизма и острая критика неопозитивистской социологии преступности структурно-функционального направления радикальными конфликтологами, феноменологами и, особенно, постмодернистами привели к возникновению альтернативных путей в развитии девиантологических теорий.

Как известно, постмодернизм проблематизирует традиционные представления о природе девиантности и социального контроля. Во многом это ответ науки на социальные вызовы и перемены в сфере девиантности и преступности, обусловленные переходом общества к эпохе постмодерна, с попыткой выдвинуть адекватные новой девиантной реальности решения по либеральному совершенствованию социального контроля. Постмодернистская криминология (конститутивная, феминистская, культуральная, топологическая, анархическая) формируется в работах Д. Миловановича, Э. Янг, Б. ДиКристина, Дж. Фэррела, К. Хейворда и других теоретиков этого научного направления. Ее различные варианты конструируют и деконструируют социальные нормы, девиантность, преступность, социальный контроль в предельно широком социокультурном контексте. Преступность и контроль над ней рассматриваются как релятивные социальные конструкты, как неопределенные, взаимосвязанные динамически изменчивые явления, продуцированные в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертва и общество.

Развитие криминологии в постмодернистской перспективе позволяет выделить новые базовые черты этой науки в третьем тысячелетии. Попытку структурировать их сделал американский исследователь Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году». Постмодернистское будущее науки о преступности видится Уэллсу в следующих утверждениях:

- более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;
- более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;
- скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волонтаристическая, чем детерминистская;
- ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;
- нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;
- более рефлексивная, прибегающая, в том числе, к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области.¹

В развитии непозитивистской криминологии на рубеже веков сформировался еще один постмодернистский вектор – интегративная криминология. Американские криминологи Роберт Сэмпсон и Джон Лауб, Брайен Вила, Брюс Арриго, Джеймс Мессершмидт выдвинули ряд постмодернистских интегративных теорий девиантности и преступности. В частности, Р. Сэмпсон и Дж. Лауб в 1993 году обосновали интегративную версию теории жизненного пути. Процесс преступления они представили в виде модели «путей и поворотных моментов в жизни», отображающей социальное (ре)конструирование преступления. Центральная идея этих авторов состоит в том, что «преступление и девиация – это результат слабых или нарушенных связей индивидуума с обществом».

Б. Вилла разработал интегративную эволюционно-экологическую теорию девиантности в 1994 году. Его подход позволяет рассматривать взаимодействия между причинными факторами девиантности уже посредством различных подходов и научных дисциплин. В теоретическом синтезе Вила использует положения эволюционной экологии, проблемно-ориентированный и дисциплинарно-ориентированный подходы.

Б. Арриго в 1995 году, развивая междисциплинарный дискурс, выдвигает постмодернистскую интегративную теорию, в которой синтез включает разнообразные положения из психоанализа, семиотики, структурализма, деконструктивизма с учетом роли человеческого фактора и социальных изменений.

¹Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.561.

В 1997 году Дж. Мессершмидт обосновал теорию преступности как структурированного действия, в которой конструировал преступность с помощью дискурсов и через способы, которыми люди активно формируют свои идентичности (гендерную, классовую, расовую) в тех или иных социальных контекстах и ситуациях. Интегративный подход Мессершмидта показывает, что преступление - рекурсивная продукция, являющаяся неотъемлемой частью историко-культурных дискурсов, сложившихся в течение длительного времени.

Усилиями постмодернистов в области теоретического синтеза были выдвинуты новые объемные, многофакторные, процессуально-динамические объяснительные модели девиантности и преступности. Они более адекватно и гибко описывали девиантную реальность и контроль над ней при моделировании причинно-следственных связей в быстро меняющемся обществе постмодерна. Неслучайно Эйнстэдтер и Генри, обобщая достижения науки о преступности в рамках позитивистских и непозитивистских моделей теоретической интеграции, выделили четыре типа причинности (*линейная, множественная, интерактивная, диалектическая*) и показали развитие теории в направлении диалектического описания казуальных связей.²

Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит финальный криминальный акт.

Множественная причинность в ранних интерпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более поздних вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления. Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие могут меняться местами, приобретая циклический характер взаимодействия. Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно. В неопозитивистских интегративных теориях, как правило, подразумевается линейная или множественная причинность. Постмодернистская интеграция учитывает более сложную связь причины и следствия: это и множественная интерактивная, и диалектическая причинность.

Первое десятилетие нового века открывает эпоху «ультрасовременного капитализма», который формирует «новый мировой порядок». Социальное доминирование базируется уже не только на эксплуатации человеческого труда, но и на технологических нововведениях: управление и манипуляции людьми средствами high-tech приобретают все более скрытый характер. В механизмах социального контроля растет манипулятивная роль массовой информации, Интернета, других масс-медиа и популярной культуры. Социальная реальность, скрепленная «мировой паутиной» и массовыми телекоммуникациями, все больше приобретает черты виртуальности, отчужденности и фрагментарности многополярного и изменчивого мира.

На девиантность и преступленное поведение все большее влияние оказывают взаимосвязанные факторы технологического характера, конфликтов, культуры, возраста, пола, расы, класса и других социальных констант и изменений, а также факторы интересубъективности и других психологических измерений индивидов, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта людей как членов различных общностей и обществ. Как известно, девиантологические неопозитивисты аналитически нередко разделяют объективные и субъективные причины девиантности и преступности, а постижение логики совершения преступлений и осуществления социального контроля моделируют в «замороженном» или статическом состоянии социоструктурных или личностных переменных. Постмодернисты учитывают как объективные обстоятельства, так

²Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P. 191.

и интерпретацию субъективных факторов, «чувственных смыслов» при совершении девиантных действий не только в контексте социальной структуры, но и, что особенно важно, социальных изменений. Так, криминолог-постмодернист Джефф Фэррел, обращая внимание на интерпретацию «чувственных смыслов», заявляет, что «ситуативные удовольствия, разделенные волнением и выплеском адреналина, определяют опыт и значение преступлений для многих из тех, кто причастен к их совершению... Преступность вытекает из моментов криминального гедонизма, а также волнений, связанных с сопротивлением классовому неравенству, со спецификой потребления в ультрасовременном мире.³ Сторонники культуральной криминологии, конструируя преступность как продукт культуры (as creative constructs), сосредотачиваются на изучении преступлений, совершаемых представителями субкультурных групп. Среди них: байкеры, скинхеды, художники, работающие в стиле граффити. Этих молодых людей объединяют определенные образы, стили, символические формы, удовольствия, вызванные нередко сопротивлением власти и участием в запрещенных видах деятельности.

В результате научной состязательности в зарубежной теоретической девиантологии начала века развиваются не только *модернистские, постмодернистские модели теоретической интеграции*, но и *гибридные (смешанные)*, сочетающие положения и методы, созданные в рамках модернизма (принципы, факты и ценности эмпиризма), и постмодернизма (реконструкционизм).

Новый перспективный вектор, направленный на развитие гибридных теорий, наиболее ярко выражен в трудах американского криминолога Грэга Барака по разработке пост-постмодернистского синтеза девиантологических и криминологических знаний. Еще в работе «Интегративная криминология» (1998) Барак обосновывает тезис о том, что теоретическая интеграция – необходимая предпосылка для переустройства криминологии, способ ухода от ведущей карающе-административной формы социального контроля в сторону новой более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и другим формам девиантности. Интегративная трансформация, к которой он призывает ученых, включает как «разрушение, так и реконструкцию ритуалов в преступности, в криминологии, системе формального и неформального социального контроля».⁴

Свою модель теоретического синтеза Г. Барак выстраивает исходя из конститутивной и постмодернистской теории криминологов феноменолого-конструктивистской ориентации С. Генри и Д. Миловановича, теории структуризации Э. Гиденса, положений интегративного подхода Дж. Тикосинера с его идеей объединения всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку.

Из конститутивной, постмодернистской криминологии Барак заимствует положения о неопределенном, динамичном, диалектическом, релятивном и сконструированном характере преступности и контроля над ней. Взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, жертвы, преступники, полицейские, судьи средствами языка конструируют преступность и контроль над ней. Преступность – рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях. Это результат совокупного взаимосвязанного воздействия всех объективных (политических, экономических социальных) и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние.

Из теории структуризации Э. Гиденса Барак использует положение о том, что социальные действия создают структуры («правила», «властные ресурсы»), в том числе структуры знания об обществе и поведении в нем, которые делают возможным на практике как конформное, так и девиантное поведение.

³See: Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P. 217.

⁴Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P. 236-255.

Из интегрированной системы Zetetics Дж.Тикосинера он интегрирует философию синтеза как объединение всего систематизированного гуманитарного знания, связанного с методами исследования, мыслительными процессами, психологическими факторами, условиями окружающей среды, которое позволяет ставить новые проблемы, стимулировать творческое воображение, создавать оригинальные идеи. Под влиянием Тикосинера Г. Барак выстраивает фрейм интеграции открытой системы знаний о девиантности и преступности, включая специальную терминологию, их функции и взаимосвязи.

В итоге «Zetetics криминология» Барака объединяет новые и старые научные знания о девиантности и преступности. Тем самым пост-постмодернистский синтез Барака представляет собой объединение в открытую к изменениям и дополнениям систему не только специализированных криминологических знаний, но и смежных с ними дисциплин. Фрейм Барака интегрирует знания из сферы материального мира, связанные с отклонениями и репрессиями, из естественных и социальных наук (культурологии и человековедения, социальной экологии и политической экономики, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии). В «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) криминолог пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках пост-постмодернистского подхода вполне могут сочетать непротиворечивые положения современного эмпиризма и постмодернистского реконструкционизма.⁵ Пост-постмодернистский синтез позволяет полнее учесть как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние множества зависимых и независимых переменных (диалектическая причинность), а также то, что девиантность, преступность, социальный контроль как моделируемые явления сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются во времени в ультрасовременном обществе.

Таким образом, пост-постмодернистская модель Барака предполагает предельно широкий вариант теоретической интеграции знаний, накопленных как позитивистской, так и постмодернистской наукой о девиантности и преступности. Пост-постмодернистская интеграция позволяет объединить как позитивистские, так и постмодернистские теории девиантности и преступности, выйти на диалектический уровень описания причинно-следственных связей. Их взаимодополнение и взаимодействие со знаниями из области культуры, масс-медиа в контексте социальной экологии и развития политической экономики составляют, по мысли ученого, основную идею новой интегративной пост-постмодернистской девиантологии и криминологии.⁶

В работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Грэг Барак продолжает развивать свой пост-постмодернистский подход к пониманию природы девиантности и преступности, но уже в контексте глобализации.⁷ Он критически оценивает девиантологические и криминологические теории в исторической ретроспективе, развивает пост-постмодернистское интегративное моделирование девиантности и преступности, а также мер социального контроля, аргументирует предложения по совершенствованию системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Таким образом, пост-постмодернистская модель интеграции криминологических знаний охватывает проявления делинквентности и контроля над ними в форме, присущей как модернизму, так и постмодернизму, максимально покрывая всю возможную картину девиантной и криминальной реальности, в том числе в глобальном социальном контексте. Кроме того, она учитывает наиболее важные и разноплановые аспекты взаимоотношений между субъектами отклоняющегося поведения и контроля как на индивидуальном, так и социальном уровнях развития.

Пост-постмодернистская интеграция знаний о девиантности и преступности - современный продуктивный вектор в области теоретической девиантологии. Он нуждается в критическом осмыслении отечественными специалистами, в эмпирической верификации и дальнейшей разработке.

⁵Интегративные теории, интегративные криминологии //Энциклопедия преступности и наказания (Sage,2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative.htm

⁶Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon.1998.P.216-232.

⁷Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

**ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АМОРАЛЬНОЙ
НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ**

**DEVIANTOLOGICAL RESEARCH OF UNMORAL AND INFORMAL
EMPLOYMENT OF WOMEN IN ERA OF POSTMODERN:
METHODOLOGICALLY PREREQUISITES**

Комлева М.Н.,
доцент кафедры государственного,
муниципального управления
и социологии Казанского национального исследовательского
технологического университета

Аннотация. Предлагается методологическая рамка исследования женской девиантности и неформальной занятости. На стыке девиантологии и экономической социологии используются гендерный, сетевой и культуральный подходы.

Annotation. The methodological frame of research of female deviance and informal employment is offered. On a joint of deviantology and economic sociology the approaches of gender, network, cultural is used.

Ключевые слова: Девиантность женщин, неформальная занятость, гендер, социальные сети, консьюмеризм.

Keywords: female deviance, informal employment, gender, social network, consumerism.

Россия хоть и полупериферия глобальной мира-системы, но наряду с другими странами включена в рыночную экспансию и трансформацию общества модерн в постмодерн.

В настоящее время на фоне консьюмеризации и, согласно Г. Силласте, «неуклонной феминизации современного российского общества», мало изучены и практически не известны содержательные количественные и качественные характеристики, прежде всего, неформальной занятости женщин, связанных с негативной девиантностью, аморальным поведением (сексуальное насилие в семье, проституция, социальное мошенничество, коррупция).¹ Этот факт во многом является результатом методологических просчетов исследователей.

Представляется, что поиск интегрированной методологической рамки адекватной реалиям изучения неформальной занятости женщин девиантного типа в обществе постмодерна и всеобщего рыночного потребления, позволяет существенно приблизиться к искомой цели.

Занятость женщин в девиантных, социально неблагополучных формах сложна, латентна и изменчива, отсюда имеет резон обратиться не только к положениям девиантологии и, в частности, феминистской криминологии, но и интегрировать подходы, созданные гендерной и новой экономической социологией, а также культуральной криминологией. Принципиально важно, опираясь на принципы, структурированные Я.И. Гилинским (универсальность, относительность знаний, дополнительность и др.) при описании методологического фрейма по изучению женской девиантности на рынке труда воспользоваться рядом работающих подходов из различных областей социального знания.

Так, из гендерной социологии в девиантологическом исследовании продуктивно использовать категорию «гендер», в частности, в версии конструкциониста Дж. Лорбера, определяющего ее как «организованную модель социальных отношений между женщинами и мужчинами, не только

¹Силласте Г.Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы// Социологические исследования. 2004. №9. С. 77.

характеризующую их межличностное общение или взаимодействие в семье, но и определяющую их социальные отношения в основных институтах общества, например, в социальных классах, в иерархиях крупных организаций и при формировании структуры занятости».²

Чрезвычайно важно, что девиантологический и гендерный конструктивизм указывают на то, что неформально занятая женщина как социальный субъект не только усваивает гендерные правила и отношения, но и активно создает их, в том числе в латентных формах девиантной активности, характерной для бедных, неустроенных женщин. Неслучайно, американская исследовательница Марта Чен указывает на тесную взаимосвязь между такими статусами как быть бедной, быть женщиной и работать в неформальной экономике.³

Если исходить из посыла постмодернистской экономсоциологии и феминизма о том, что гендерные отношения конструируются обществом как отношения социально-экономического неравенства, то из этого вытекает, что определенно существует и возможность их реконструирования и изменения существующего гендерного порядка. Методология постмодернистского конструктивизма и деконструктивизма представляется весьма продуктивной для исследования экономических гендерных отношений, особенно при изучении типичных форм женской неформальной занятости сопряженной с негативной девиантностью, распространившихся на неформальном рынке труда в современной России.

Анализ ряда работ показывает, что в рамках различных течений феминистской теории, которые активно разрабатывают К. Дельфи, Х. Хартманн, А. Янг, С. Файрстоун, Дж. Митчелл, К. Уидон, Н. Чодороу, С. Рейнхарц, Ф. Адлер, Р. Саймон и другие фундаментальным является положение о том, что женщины по причине гендерной дискриминации находятся в подчиненном положении и процессе устранения этой зависимости. Исследователями акцентируется внимание на трех основных социальных проблемах: постмодернистский ультракапитализм и эксплуатация женщин; патриархат и эксплуатация женщин; взаимосвязь патриархата и капитализма в эксплуатации женщин.⁴ Ф. Адлер, Р. Саймон первыми поставили проблему различий в женской и мужской доступности в контексте приобретения соответствующей феминной или маскулинной идентичностей и девиантной социализации.⁵

Объяснение роста женской негативной девиантности как способа адаптации к быстрым социальным изменениям, в том числе на неформальном рынке труда в условиях постмодерна, девиантологический феминизм ищет в капиталистической и патриархальной природе женской дискриминации. Для анализа девиантизации части неформально занятых значение имеют и неоплачиваемый семейный труд, и изменение норм сексуально-репродуктивного поведения и маскулинизация женского поведения, связанная с жесткой конкуренцией и гендерной дискриминацией на рынке труда.

В девиантологическом исследовании неформально занятых женщин, продуктивны положения новой экономической социологии М. Грановеттера. Исследователь считает, что «экономические институты не возникают автоматически как ответ на экономические потребности. Они скорее конструируются индивидами, действиям которых способствуют и действия которых ограничивают структуры и ресурсы, имеющиеся в социальных сетях, где эти институты укоренены...».⁶ Грановеттер рассматривает рынок труда, особенно неформальный, как переплетение социальных сетей (social networks), под которым понимается совокупность устойчивых связей между социальными

²Лорбер Дж. Пол как социальная категория (Сокращенное изложение)/Лорбер Дж. Хрестоматия к курсу Основы гендерных исследований. 2-е изд. М., 2000. С. 72.

³Цит. по: Хоткина З.А. Гендерная дискриминация в неформальной экономике// Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: МОТ, 2003. С. 27-49.

⁴Комлева М.Н. Женщины на рынке труда: социогендерное измерение неформальной занятости (по материалам Республики Татарстан): дис... канд. наук: 22.00.03: защищена 24.02.06/М.Н. Комлева. 2006.

⁵Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. - Казань: КЮИ МВД России, 2013. С. 267-271.

⁶Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа// Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1. С. 82.

субъектами рынка, общностями и индивидами. Причем рыночная ситуация в целом, идентичность участников рынка, определяются не столько их собственными экономическими свойствами, сколько характером позиционирования, типом социального взаимодействия в соцсетях, генерируемых, прежде всего, средствами «мировой паутины».

Сетевые связи, в которые включаются женщины, занятые неформальной девиантной активностью, приносящей доход, характеризуются тремя принципиальными чертами, подчеркивающими их социальный характер: укорененностью, связанностью, взаимностью.⁷ Иначе говоря, для девиантологического понимания включения в занятия проституцией, мошенничеством на неформальном рынке важен сетевой анализ. Он позволяет полнее учесть не случайные, а структурно укорененные связи между участниками неблагоприятной деятельности. Сетевой подход исходит из того, что агенты связи с большей вероятностью вступают в отношения с теми, с кем они имели дело ранее, используя неформальные контакты, личные или анонимные сетевые знакомства.

Как известно, еще Т. Веблен утверждал, что в рыночных обществах потребление имеет определяющее значение для его членов. В обществе же постмодерна потребление товаров и услуг нередко имеет приоритет над наличием работы как признаком социального статуса. Более того, постсовременное общество отличается интернационализацией и глобализацией массового потребления, захватом локальных потребительских рынков транснациональными компаниями и их агентами. В результате обостряются противоречия между традиционной и массовой культурой. В этом процессе традиционные социальные нормы, которые помогали поддерживать солидарность и конформизм местных сообществ, без государственной защиты быстро размываются массовой культурой, подрывая привычный порядок вещей. Рыночная экспансия, консьюмеризм и инструменты их реализации существенно индивидуализируют и релятивизируют социальный мир эпохи постмодерна. Россия не является исключением.

«Ультрасовременный капитализм» требует «свободы потребителя и потребления», стимулируя ничем не ограниченный консьюмеризм и соответствующую ему самоидентичность, детерминруемую массовой культурой. Действительно, в контексте конструирования потребительской идентичности индивидуализированный субъект олицетворяет не только то, что он ест, пьет, курит, носит, имеет привычку делать, но и свой имидж, стиль, которому следует в повседневной жизни. Так, в частности, массовая культура средствами вездесущей рекламы требует от «человека потребляющего» конкретного действия - «просто сделай это!». Купи платье от кутюр, духи от Шанель, кроссовки от Nike, пей пиво и отдыхай в Потайе, что и толкает нередко часть малоимущих и дискриминированных женщин на преступление или девиантную занятость с целью соответствующей самоидентичности (быть не хуже активно потребляющих других) и адаптации.

Отсюда на междисциплинарном стыке экономической социологии и девиантологии расположилась область междисциплинарных исследований в том числе и женской девиантности, в которой можно успешно использовать положения культуральной криминологии и сам культуральный подход. Он позволяет интегрировать в объяснительную рамку факторы массовой и потребительской культуры, вместе с динамикой СМИ, формированием их агентами потребительской и тесно связанной с ней девиантной идентичностей.

Кроме того, культуральная перспектива анализа девиантности продуктивна в обществе постмодерна перенасыщенном электронными масс медиа, институтами «культуриндустрии», экспансией «блогосферы», общением в твиттере, в контакте, в одноклассниках и других сетях Интернет-пространства. Культуральный подход позволяет лучше понять, что на выбор девиантной адаптации, особенно женщинами, более чувствительных к движению моды, «промыванию мозгов» электронными средствами и рекламой определенно влияют рыночные механизмы, скрытно и целена-

⁷Радаев В.В. Рынок как идеальная модель и форма хозяйства. К новой социологии рынков// Социологические исследования.2003. № 9. С.23.

правленно эксплуатирующие крайний индивидуализм и высокую степень зависимости от потребительского капитала.

Отсюда очевидна взаимная связь девиантной субкультуры с культурой массовой и потребительской в обществе постмодерна, на что указывают современные теоретики девиантологии и новой экономической социологии (Колвин и Паули, Сэмпсон и Лауб, Розенфельд и Грановеттер).

Таким образом, использование интегрированной, поликонцептуальной рамки в девиантологическом исследовании женской девиантности на рынке труда повышает его объяснительный, эвристический потенциал. При этом эмпирическое описание и интерпретация девиантной реальности женской неформальной занятости в рамках методологической триангуляции может опираться как на традиционные количественные, статистические, так и качественные социологические методы.

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ЛИЦА В СИСТЕМЕ
УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ УК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И УК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)**

**PUBLIC DANGER OF A PERSON IN THE SYSTEM OF CONDITIONS
OF IMPLEMENTATION OF THE CRIMINAL RESPONSIBILITY
(FOR EXAMPLE, THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CRIMINAL CODE
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN).**

Конарбаева Н.М.,
аспирант кафедры уголовного права факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Аннотация. В статье исследуются место и роль общественной опасности субъекта преступления при реализации уголовной ответственности, в том числе назначении наказания.

Annotation. The article researches the place and role of social danger of the perpetrator in the implementation of the criminal responsibility, including sentencing.

Ключевые слова: общественная опасность лица, реализация уголовной ответственности, субъектные условия, личность виновного.

Keywords: public danger of a person, implementation of criminal responsibility, subjective conditions, identity of the perpetrator.

Преступное деяние, не являясь лишь абстрактно-юридической категорией, «живое» содержание которого представляет собой социально опасный поведенческий акт, виновно совершенный конкретным индивидом со свойственными ему личностными особенностями. В этом смысле философско-методологические воззрения о свободе воли лица (*liberum arbitrium*) составляет идейную основу реализации уголовной ответственности и назначения наказания за содеянное. Так, согласно положениям концепции *liberum arbitrium*, лицо обладает возможностью сознательно и свободно на альтернативных началах выбирать правомерные формы поведения из множества, среди которых противоправное, является лишь одним из возможных. Таким образом, принятие лицом решения о преступном поведении и его реализация, является основанием для признания деяния общественно опасным и наступления уголовной ответственности.

Как известно, изучение лица, совершившее преступление стало предметом многих дисциплин, в том числе юридических - криминологии, уголовного права и юридической психологии. В тоже время, в доктрине уголовного права и криминологии отсутствует единство мнений по вопросу о целесообразности обособления понятия «личность преступника». Категория «личность преступника» по сей день является не столько актуальным, а сколько противоречивым институтом вышеупомянутых дисциплин.

Между тем, уголовные законы Республики Казахстан и Российской Федерации закрепляют норму о том, что изучение личности виновного является одним из оснований назначения справедливого наказания лицу, совершившему преступление. Уголовные законы прямо указывают на учет личности виновного, в том числе его поведения до и после совершения преступления, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного в качестве необходимых условий назначения наказания. Так же примечательно то, что законодатель не дает ответа на вопрос о том, в каком

объеме и как существенно при назначении наказания личность подсудимого и его структурные компоненты влияют на размер назначаемого судом наказания.

На наш взгляд, одним из составляющей субъектных условий уголовной ответственности является общественная опасность лица, совершившего преступления. К примеру, достижение целей наказания может иметь место зачастую тогда, когда судом учитывается общественная опасность субъекта преступления, когда суд при выборе наказания подсудимому связанного или не связанного с изоляцией общества - лишением свободы, учитывает, прежде всего, опасно ли данное лицо для общества или нет.

Между тем, общественная опасность, как структурный компонент личности преступника, в криминологической доктрине исследовались либо с позиций причин преступности в целом, либо с точки зрения предупреждения отдельных видов преступлений, в частности. Так, суть обозначенных криминологических исследований сводится к выявлению механизмов совершения преступного поведения, разработке социальных и правовых инструментов, способствующих повышению степени вероятности выбора лицом правомерных форм поведения т.д.

Между тем, в криминологической доктрине практически отсутствуют исследования, направленные на разработку уголовно-правовой модели общественной опасности лица, подлежащего привлечению к ответственности, с дифференциацией ее степеней и системой признаков, определяющих содержание каждой степени (от максимальной до утраты лицом свойства общественной опасности).

Исследуя вопросы нормативного закрепления признака общественной опасности, отдельными авторами высказывается точка зрения о том, что общественную опасность не только субъекта, но и преступления в целом, не следует специально обозначать в рамках состава преступления в качестве отдельного признака, а равно самостоятельно устанавливать в процессе расследования и судебного рассмотрения дела. Так, В.Н. Кудрявцев указывает: «...что различные виды преступных деяний потому и включены в Уголовный кодекс, что они обладают общественной опасностью, признанной законодателем...».¹ Другими исследователями отрицается возможность отграничения общественной опасности виновного (деятеля) от общественной опасности преступления (деяния), считая первого производным от второго. Так, Ю.А. Манаев пишет: «...из правильной посылки, что общественная опасность преступника не может рассматриваться в уголовном праве вне связи с преступлением, ибо вне этой связи она не имеет уголовно-правового значения, делает вывод о невозможности раздельного рассмотрения общественной опасности преступления и виновного в нем лица, о том, что общественная опасность преступника определяется исключительно совершенным им преступлением...».² Третья группа учёных, указывая на отсутствие дефиниции нормативно-правовой конструкции общественной опасности, справедливо отмечают о наличии ее отдельных признаков в различных уголовно-правовых нормах. К примеру, А.Э. Жалинский отмечает, что «...законодатель неоднократно использует понятие общественной опасности, соотнося его с деянием, лицом и, наконец, преступлением. Однако следует подчеркнуть, что нигде он не раскрывает прямо или косвенно ее содержание и структуру, критерии оценки характера и степени...». Далее автор пишет, что признаки общественной опасности лица отражены в ст.75 и 80-1 УК РФ.³

В данной связи небезынтересно отметить, что отсутствие единообразия по вопросам общественной опасности лица, виновного в совершении преступления, характерно как для доктринально-теоретического уровня юридической действительности, так и для сложившейся правоприменительной практики. При этом анализ данных правоприменительной практики, по нашему мнению, позволяет выявить тенденции к более или менее явному отрицанию целесообразности использования рас-

¹ Курс российского уголовного права. Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: Спарк, 2001. С. 145.

² Ю. Манаев. Уголовно-правовое содержание обстоятельств, характеризующих личность виновного. «Советская юстиция», 1968. №4., С.12.

³ Уголовное право: Учебник: В 3 т. Т.1. Общая часть / Под общ. ред. докт. юрид.наук, проф., засл.деятеля науки РФ А.Э. Жалинского. – М.: Издательский дом «Городец», 2010. С.332-333.

сматриваемой категории, наряду с понятием «общественная опасность деяния». К примеру, в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в постановлении от 27 июня 2013 г. №19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядков освобождения от уголовной ответственности» деятельное раскаяние может влечь освобождение от уголовной ответственности только в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным.⁴ Таким образом, думается, что при такой трактовке исследуемого вопроса, динамика общественной опасности лица ставится в зависимость от форм проявления деятельного раскаяния, которые, в свою очередь, могут как нуллифицировать, так и повышать количественные и качественные характеристики общественной опасности субъекта преступления. Тем временем необходимо иметь в виду, что пределы наличия общественной опасности лица законодатель связывает со всей совокупностью обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также с данными о его личности.

Между тем, актуальность исследования содержания общественной опасности лица как важнейшего инструмента для принятия различных уголовно-правовых решений, становится очевидной при рассмотрении отдельных положений уголовного закона. К примеру, Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ существенно усилил уголовную ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних,⁵ связав возрастание общественной опасности привлекаемых к ответственности лиц с признаками возраста потерпевших, неоднократности и специального рецидива совершения указанных преступлений. В рассматриваемой ситуации, усиление ответственности, прежде всего, осуществлено с позиции увеличения общественной опасности лица, совершившего такие деяния, поскольку, сексуальные преступления против несовершеннолетних, и, в первую очередь, не достигших 14-летнего возраста, указывают на опасные проявления жестокости, немотивированности и садизма и совершаются лицами, которые склонны иметь много психопатических черт.⁶ Таким образом, усиление уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних не только является одной из форм обеспечения нормального физического, психического, психосексуального, нравственного и социального развития несовершеннолетних, а также является мерой защиты последних от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации со стороны общественно опасных лиц.

Также, на значительную общественную опасность лиц, совершающих неоднократно преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего законодатель указывает в ч. 5 ст.131, ч. 5 ст.132, ч. 6 ст. 134 УК РФ, путем установления наказания в виде пожизненного лишения свободы, в случае совершения данных преступлений лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

На наш взгляд, общественная опасность лица, подлежащего уголовной ответственности, как критерий и основание для усиления уголовной ответственности использована также при принятии Федерального закона от 16 октября 2012 г. N 172-ФЗ «О внесении изменения в статью 73 Уголовного кодекса Российской Федерации».⁷ Согласно упомянутому закону условное осуждение не назначается:

а) осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста;

б) при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления, либо в течение

⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 01 августа 2013, N 8, стр. 5-8

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 05 марта 2012, N 10, ст. 1162.

⁶ Бартол К. Психология криминального поведения. – СПб.: Прайм – Евроник. 2004. .84-85.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 22 октября 2012, N 43, ст. 5785.

ние неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении;

в) при опасном или особо опасном рецидиве. Из содержания данной нормы следует, что все перечисленные обстоятельства субъекту преступления придает такое качество как значительная общественная опасность, иными словами его делают более опасным, что является основанием полной изоляции такого лица от общества.

В сравнении с нормами УК РФ, УК Республики Казахстан за наиболее опасные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних не устанавливает более сурового наказания с учетом общественной опасности лица, совершившего такого деяния. Призная, единственным особо квалифицирующим признаком в отношении несовершеннолетних признака «совершение в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста», законодатель устанавливает в качестве самого тяжкого наказания лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет. На наш взгляд, подход российского законодателя в решении данного вопроса, безусловно, является справедливым, хотя при выявлении тенденции уголовной политики Республики Казахстан, также можно уследить, когда общественная опасность лица учитывается при принятии ряда правовых решений. Так, в Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года отмечается, что дальнейшее развитие уголовного права, должно осуществляться с учетом двух векторности уголовной политики. Гуманизация должна касаться, главным образом, лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, а также социально уязвимых групп населения - беременных и одиноких женщин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей, несовершеннолетних, людей преклонного возраста. Вместе с тем, проводится жесткая уголовная политика в отношении лиц, виновных в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, скрывающихся от уголовного преследования, а так же при рецидиве преступлений.⁸

Следует отметить, что общественная опасность лица, подлежащего уголовной ответственности не является новой юридической конструкцией. Анализ текста УК РСФСР, так и УК КазССР показывает, что данная категория являлась одним из важнейших предпосылок реализации уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступления (ст.1, 7, 7-1 и другие статьи УК РСФСР и КазССР). К примеру:

- законодатель различал понятия общественной опасности деяния и лица, при освобождении от уголовной ответственности. В ст.50 УК РСФСР и ст.45 УК КазССР было установлено, что лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде, вследствие изменения обстановки, совершенное им деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным;

- в отношении множественности преступлений, законодатель связывал данное понятие непосредственно с личностными качествами, так, он использовал категорию «особо опасный рецидивист» (ст.24-1 УК РСФСР, ст.23-1 УК КазССР);

- законодателем предполагалось возможность освобождения лица от уголовной ответственности с передачей на поруки для перевоспитания и исправления общественной организации или трудовому коллективу, если само это лицо не представляют большой общественной опасности (ст.52 УК РСФСР, ст.45-1 УК КазССР);

⁸ Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» / Опубликован: «Казахстанская правда» от 27 августа 2009 г. № 205 (25959); САПП Республики Казахстан 2009 г., № 35, ст.331.

- особая опасность лица, совершившего преступления использовалась при конструировании норм о помещении в психиатрическую больницу душевнобольного, совершившего преступление (ст.59 УК РСФСР, ст.49-2 УК КазССР).⁹

Следует отметить, что современные уголовные законы Российской Федерации и Республики Казахстан в вопросе общественной опасности лица, совершившего преступления не претерпели существенные изменения.

В целом, в уголовных законах Российской Федерации и Республики Казахстан наряду с понятием общественной опасности преступления понятие общественной опасности преступника прямо или косвенно реализована следующим образом: 1) общественная опасность преступника и преступления могут не совпадать; 2) после совершения преступления общественная опасность преступника может отпасть и лицо может перестать быть общественно опасным; 3) в ряде случаев общественная опасность преступника, отбывшего наказание продолжает сохраняться, и в этой связи в законе предусматривается возможность установления над ним административного надзора в целях предотвращения с его стороны новых преступлений; 4) на необходимость учета общественной опасности лица законодатель указывает в нормах о смягчающих и отягчающих обстоятельствах, условном осуждении и др., а также в нормах уголовно-процессуального характера – об избрании и изменении меры пресечения. Также, фактически оценка общественной опасности лица осуществляется законодателем в санкции (характере и объеме уголовной кары), предусмотренной за каждое преступление, а правоприменителем – в выборе его конкретного значения, тем самым отражаются существенные стороны уголовной политики.

Таким образом, обзор уголовных законов, в том числе и исторический обзор показывают, что общественная опасность преступника представляет реальную категорию, имеющую серьезное юридическое значение. Поэтому, вызывает возражения как отрицание общественной опасности преступника, так и сведение ее к общественной опасности преступления. Следует согласиться с мнением Б.В. Волженкина о том, что «исходя из чисто объективных характеристик общественно опасных деяний, можно сказать, что для возникновения уголовной ответственности по той или иной статье уголовного закона требуется наличие определенной общественной опасности личности».¹⁰ Заслуживает внимания его тезис о том, что возникновение права государства в лице соответствующих его органов применить определенные меры принуждения и обязанности виновного претерпеть, подчиниться этим мерам обусловлено наличием общественной опасности и деяния и деятеля, а также оправдывается целями, стоящими перед уголовным законодательством.¹¹

В этой связи необходимо изучение общественной опасности лица, подлежащего уголовной ответственности, с учетом современных тенденций развития общества, поскольку деяние имеет личностный характер, а уголовную ответственность несет именно лицо. Задачи уголовных законов, цели назначения уголовного наказания и применения иных уголовно-правовых мер установлены только для личностей.

Как уже отмечалось, общественная опасность лица, подлежащего уголовной ответственности является инструментом для принятия ряда уголовно-правовых решений. Данная категория уголовного права и криминологии пронизывает уголовные законы Российской Федерации и Республики Казахстан, и в этой связи признаки общественной опасности лица, подлежащего уголовной от-

⁹ Уголовный кодекс КазССР. Утвержден Законом Казахской ССР от 22 июля 1959 года. / Ведомости Верховного Совета и Правительства Казахской ССР, 1959 г., N 22-23, ст. 177; Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Принят третьей сессией ВС РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г. / Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, N 40, ст. 591.

¹⁰ Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963-2007гг.).-СПб.: 2008. - С.120. 971 с.

¹¹ Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963-2007гг.).-СПб.: 2008. - С.120. 971 с.

ветственности должны быть исследованы с целью их уточнения в соответствующих уголовно-правовых нормах, а также повышения пригодности и усиления полезности этих норм.

Литература:

1. Курс российского уголовного права. Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: Спарк, 2001.
2. Ю. Манаев. Уголовно-правовое содержание обстоятельств, характеризующих личность виновного. «Советская юстиция», 1968. №4.
3. Уголовное право: Учебник: В 3 т. Т.1. Общая часть / Под общ. ред. докт. юрид.наук, проф., засл.деятели науки РФ А.Э. Жалинского. – М.: Издательский дом «Городец», 2010. – 864 с.
4. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 01 августа 2013, N 8.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 05 марта 2012, N 10, ст. 1162.
6. Бартол К. Психология криминального поведения. - СПб.: Прайм – Еврознак. 2004. - 352 с.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 22 октября 2012, N 43, ст. 5785.
8. Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» / Опубликован: «Казахстанская правда» от 27 августа 2009 г. № 205 (25959); САПП Республики Казахстан 2009 г., № 35, ст. 331.
9. Уголовный кодекс КазССР. Утвержден Законом Казахской ССР от 22 июля 1959 года. / Ведомости Верховного Совета и Правительства Казахской ССР, 1959 г., N 22-23, ст. 177;
10. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Принят третьей сессией ВС РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г. / Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, N 40, ст. 591.
11. Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963-2007гг.).- СПб.: 2008. - С.120. 971 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РФ

SOME PROBLEMS OF FORMATION OF THE COURT JURY IN RUSSIA

Коряковцев В.В.,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права юридического факультета
РГПУ им. А.И. Герцена

Аннотация. В докладе рассматриваются вопросы формирования коллегии присяжных по действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Annotation. The report considers the problem of court jury in criminal procedure legislation.

Ключевые слова: «присяжные заседатели», «уголовный процесс», «суд».

Keywords: "jurors", "criminal proceedings", "court".

За время действия суда с участием присяжных заседателей в современной России (начало 90-х годов XX века) сложилась достаточно четко действующая система действия таковых судов и достаточно устоявшиеся правила их работы, хотя современное государство вряд ли по вполне понятным причинам испытывает «симпатию» к таковым судам (например, в 2013 году судами с участием присяжных заседателей в РФ было осуждено 765 человек, а оправдано 194)¹ и автор данной статьи в обозримом будущем вполне предполагает не только дальнейшее сокращение их подсудности, но и их полную отмену в России.

Помимо общепринятых и общеизвестных требований в УПК РФ к любому судебному решению (например, законность, обоснованность и справедливость приговора в ст. 297 УПК) главным определяющим неофициальным требованием была и остается неотменяемость того самого судебного решения (в нашем случае приговора, вынесенного на основании вердикта присяжных заседателей), чему не может не способствовать соблюдение законной процедуры как формирования самого суда с участием присяжных заседателей, так и формирования самой коллегии присяжных заседателей для рассмотрения конкретного уголовного дела.

Отбор потенциальных присяжных заседателей предполагает предоставление возможности участия в выполнении обязанностей присяжного заседателя всеми гражданами края, области, города федерального значения и т.п. чьи кандидатуры включаются в списки; исключение возможности выбора лиц, не отвечающих требованиям, предъявляемым к присяжному заседателю (в присяжные попадают на основе случайной выборки, независимо от социального статуса, национальной принадлежности, имущественного положения, расы, принадлежности к общественным объединениям, партиям, пола, вероисповедания, образования); опубликование общих и запасных списков в местной печати с предоставлением возможности обжалования незаконного включения или невключения в список или исключение из списка; обеспечение такого процесса отбора, который позволяет в установленном законом порядке и на справедливой основе освободить от исполнения обязанностей присяжных кандидатов, имеющих на то уважительные причины.

В соответствии со ст. 4 ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ» 2004г. (в ред. от 29.12. 2010 с изменениями, вступившими в законную силу 01.01.2013) высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации каждые четыре года составляет общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели, включая

¹ Данные взяты с официального сайта Судебного департамента при ВС РФ

в них необходимое для работы соответствующего суда число граждан, постоянно проживающих на территории субъекта Российской Федерации. Например, в г. Санкт-Петербурге действует Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 1005 от 20 сентября 2012 г. «О составлении списков кандидатов в присяжные заседатели Санкт-Петербурга на 2013- 2016 годы», которым предусматривается число граждан для включения в указанные списки на данный период (для включения в общий список, в т.ч. для двух военных судов, необходимо на вышеуказанный период 110500 человек, а в запасной – 26700).

Число граждан, подлежащих включению в общий список кандидатов в присяжные заседатели субъекта Российской Федерации от каждого муниципального образования, должно примерно соответствовать соотношению числа постоянно проживающих в муниципальном образовании граждан с числом граждан, постоянно проживающих в субъекте Российской Федерации.

Количество граждан, подлежащих включению в запасной список кандидатов в присяжные заседатели, определяется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации и составляет не более одной четвертой числа кандидатов в присяжные заседатели, подлежащих включению в общий список кандидатов в присяжные заседатели.

В соответствии с ч.1 ст. 5 ФЗ «О присяжных заседателях» председатель суда субъекта Федерации не позднее чем за три месяца до истечения срока полномочий кандидатов в присяжные заседатели, ранее включенных в общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели, вносит руководителю высшего исполнительного органа государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации представление о необходимом для работы суда числе кандидатов в присяжные заседатели.

Высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации устанавливает порядок и сроки составления списков кандидатов в присяжные заседатели и сообщает исполнительно-распорядительным органам муниципальных образований число граждан, которое необходимо включить в списки кандидатов в присяжные заседатели от соответствующих муниципальных образований. При составлении списков кандидатов в присяжные заседатели число указанных граждан может быть превышено не более чем на 10 процентов.

Списки кандидатов в присяжные заседатели составляются исполнительно-распорядительными органами муниципальных образований отдельно по каждому муниципальному образованию субъекта Российской Федерации на основе персональных данных об избирателях, входящих в информационные ресурсы Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы», путем случайной выборки установленного числа граждан. При этом из числа отобранных граждан исключаются лица, которые не могут быть присяжными заседателями, например, не достигшие возраста 25 лет.

О составлении списков кандидатов в присяжные заседатели исполнительно-распорядительный орган муниципального образования извещает граждан соответствующего муниципального образования, а также уведомляет граждан, включенных в списки кандидатов в присяжные заседатели, и в течение двух недель предоставляет им возможность ознакомиться с указанными списками и рассматривает поступающие от них письменные заявления об исключении граждан из списков кандидатов в присяжные заседатели и исправлении в них неточных сведений о кандидатах в присяжные заседатели.

Высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации на основании поступивших от исполнительно-распорядительных органов муниципальных образований списков кандидатов в присяжные заседатели составляет общий список кандидатов в присяжные заседатели субъекта Российской Федерации, который подписывается руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и скрепляется печатью.

Одновременно с составлением общего списка кандидатов в присяжные заседатели высший исполнительный орган государственной власти субъекта Федерации составляет запасной список

кандидатов в присяжные заседатели. В него включаются только граждане, постоянно проживающие в населенном пункте по месту постоянного нахождения соответствующего суда. Запасной список кандидатов в присяжные заседатели подписывается руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации и скрепляется печатью.

Общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели публикуются в средствах массовой информации соответствующего муниципального образования и содержат только фамилии, имена и отчества кандидатов в присяжные заседатели. Граждане имеют право обращаться в высший исполнительный орган государственной власти субъекта Федерации с письменными заявлениями о необоснованном включении в списки кандидатов в присяжные заседатели, об исключении их из указанных списков или исправлении неточных сведений о кандидатах в присяжные заседатели, содержащихся в этих списках. Высший исполнительный орган государственной власти субъекта Федерации в пятидневный срок рассматривает поступившие письменные заявления и принимает решения, которые могут быть обжалованы в суд в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством.

Среди основных требований, предъявляемых к кандидатуре присяжного, гражданство Российской Федерации; достижение возраста 25 лет на момент составления списков; полная дееспособность; погашение или снятие предыдущей судимости; отсутствие заболеваний в виде алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств; включение в списки кандидатов в присяжные заседатели на основе персональных данных об избирателях, входящих в информационные ресурсы Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы».² Для сравнения укажем, что по Учреждению судебных установлений 1864г. (ст. 81) основными требованиями к присяжным были наличие русского подданства, знание русского языка и умение читать по русски, возраст от 25 до 70 лет, проживание не менее 2 лет в уезде, где производится избрание в присяжные заседатели.

Препятствует выполнению обязанностей присяжного в конкретном уголовном деле (ч. 3 ст. 3 ФЗ «О присяжных заседателях») возможность неправильного восприятия происходящего в ходе судебного разбирательства (лицами, не владеющими языком на котором ведется судопроизводство в данной местности³ или имеющими физические или психические недостатки, препятствующие полноценному участию в рассмотрении уголовного дела); подозрение или обвинение в совершении преступлений. В соответствии со ст. 82 УУС 1864 г. не могли быть присяжными заседателями, например, объявленные несостоятельными должниками, слепые, глухие, немые, лишенные рассудка, домашняя прислуга и впавшие в крайнюю бедность.

В декабре 2004г. ст. 326 УПК РФ была дополнена ч. 7, предусматривающей возможность освобождения от обязанностей присяжных лиц старше 60 лет; женщин, имеющих ребенка в возрасте до 3 лет; лиц, имеющих религиозные убеждения; лиц, отвлечение которых от исполнения служебных обязанностей может нанести существенный вред общественным или государственным интересам; иных лиц, имеющих уважительные причины для неучастия в судебном заседании.⁴

² В судебной практике до сей поры можно встретить случаи включения в коллегия присяжных как лиц, не включенных в списки избирателей и не голосовавших на предшествовавших выборах, так и лиц, которые вообще не значились зарегистрированными как жители по данному муниципальному округу. См. Архив ВС РФ. Дела №№ 52-005-10сп, 74-005-41сп.

³ Одним из оснований к отмене приговора в суде присяжных, постановленного по уголовному делу в отношении Б., было то, что в состав коллегии присяжных было включено пять заседателей, не владеющих якутским языком, т.е. языком, на котором велось судопроизводство. Несмотря на то, что в судебном заседании присутствовали переводчики, эти присяжные заседатели фактически были лишены возможности свободно участвовать в процедуре принятия вердикта и ориентироваться в принятом вердикте, т.к. он был принят на якутском языке // Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел. М., 2006. С. 480.

⁴ В соответствии с ч.4 ст. 328 УПК РФ каждый из кандидатов, явившихся в судебное заседание, вправе указать на причины, препятствующие исполнению им обязанностей присяжного, а также заявить самоотвод,

В соответствии со ст. 7 ФЗ «О присяжных заседателях» после составления общего или запасного списков высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ из них исключаются лица, указанные в ч. 2 ст. 3 данного ФЗ (например, признанные судом ограниченно дееспособными или недееспособными), а также могут быть по их письменному заявлению исключены лица (10 категорий), указанные в п. 2 ст. 7. Думается, вполне обоснованно предложение об исключении в безусловном порядке из вышеуказанных списков (вне зависимости от их письменного заявления) лиц, указанных в п. 2 ст. 7 ФЗ «О присяжных заседателях» (например, достигшие возраста 65 лет, представители власти, работники правоохранительных органов, священнослужители и т.д.).⁵ Например, в одном из изученных уголовных дел (с оправдательным вердиктом в отношении трех подсудимых обвиняемых в убийстве с отягчающими обстоятельствами) потерпевший в кассационной жалобе ссылался на то, что одним из присяжных был священнослужитель. Кассационная инстанция данный довод не приняла во внимание, хотя и отменила приговор по иным основаниям.⁶ По формальным требованиям, если просьбы об освобождении не последовало, вышеуказанные лица устраняются лишь при наличии у председательствующего судьи сомнений в их объективности, хотя в практике встречаются и противоположные случаи.⁷

В соответствии с ч. 1 ст. 8 ФЗ «О присяжных заседателях» составленные высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели направляются в соответствующий суд не позднее чем за месяц до истечения срока полномочий кандидатов в присяжные заседатели, включенных в ранее представленные общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели. При выявлении в поступивших в суд общем и запасном списках кандидатов в присяжные заседатели лиц, указанных в ч. 2 ст. 3 ФЗ «О присяжных заседателях», или лиц, подавших письменное заявление об исключении из списков кандидатов в присяжные заседатели в соответствии с п. 2 ст. 7 ФЗ «О присяжных заседателях», а также в случае необходимости дополнения этих списков председатель суда вносит в высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации представление о необходимости изменения и дополнения общего и запасного списков кандидатов в присяжные заседатели.

Необходимы и специальные комиссии по составлению списков потенциальных присяжных однако порядок их формирования, полномочия, срок действия в настоящее время не предусмотрен. Учитывая, что данная работа предполагает получение информации о гражданах из самых различных источников, в состав комиссий было бы целесообразно включить, помимо работников аппарата краевой, областной администрации, представителей прокуратуры, органов внутренних дел, здравоохранения, опеки и попечительства. Деятельность этой комиссии должна носить постоянный характер, так как администрация обязана регулярно проверять и вносить в списки присяжных заседателей изменения по мере получения соответствующей информации от различных органов и учреждений.

Соблюдение процедуры формирования подобных списков имеет важнейшее значение, например, оправдательный приговор суда присяжных в отношении Л. в Ульяновске был отменен на том основании, что областной суд добавил 269 лиц из своего годового списка 1994 г. к списку 1995 г., т.е. список 1995 г. не обновлялся в текущем году; списки в одном из городов области составлялись не методом случайной выборки, а с учетом мнений граждан и данных, характеризующих личность граждан из списков.⁸

например, в силу ознакомления с делом из средств массовой информации и сформировавшегося предубеждения.

⁵ Мельник В. Для обвинительного вердикта необходимо квалифицированное большинство // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 12.

⁶ Архив ВС РФ. Дело № 4-кп000-23сп.

⁷ Архив ВС РФ. Дело № 74 – 005 – 41сп.

⁸ Защита по уголовному делу. М., 1999. С. 191.

В Ставропольском крае, например, имели место случаи включения в списки граждан, не только состоящих на учете в психоневрологическом диспансере, умерших, не проживающих по указанным адресам, но и лиц, в отношении которых были вынесены приговоры как краевым судом, так и другими судами края. Многие из этих лиц содержались под стражей еще до момента внесения их в списки присяжных заседателей.⁹

Сама процедура формирования коллегии присяжных заседателей предусмотрена ст. 328 УПК РФ и представляет собой отбор из предварительного списка присяжных заседателей присяжных на конкретное уголовное дело в подготовительной части судебного заседания.

Сам предварительный список составляется методом случайной выборки секретарем судебного заседания или помощником судьи по распоряжению председательствующего (ч. 1 ст. 326 УПК РФ) и лица в него включенные должны быть извещены о дате и времени прибытия не позднее чем за семь суток до начала судебного разбирательства (в само судебное заседание должно явиться не менее двадцати кандидатов в присяжные заседатели).

По нашему мнению, пробелом закона на сегодня является то, что федеральное законодательство не предусматривает необходимость ведения и приобщения к материалам уголовного дела специальных протоколов или иных документов, в которых была бы отражена процедура составления судебным секретарем или помощником судьи предварительного списка кандидатов в присяжные заседатели, хотя в соответствии с Определением КС РФ от 23 мая 2006г. № 189 - О (об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко В.С.) сторона защиты и вправе оспаривать при наличии оснований к тому случайный характер выборки кандидатов в присяжные заседатели и заявлять отвод включенным в предварительный список кандидатам.

Следует отметить, что предметом конституционного обжалования была и ч. 2 ст. 10 ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», позволяющая по тексту статьи привлекать кандидатов в присяжные заседатели, которые в суд вызывались, но не были отобраны в состав коллегии присяжных заседателей, для участия в качестве присяжных заседателей в другом судебном заседании без случайной выборки (жалоба гражданина Власова В.С.). Определением КС РФ от 24 июня 2008г. № 357- О - О (Определение официально опубликовано не было) в принятии к рассмотрению жалобы Власова В.С. на нарушение его конституционных прав вышеупомянутой частью статьи было отказано, но в тексте данного Определения указано, что положения ч. 2 ст. 10 данного ФЗ не освобождают суд от обязанности после назначения нового судебного заседания вновь произвести отбор кандидатов в присяжные заседатели путем случайной выборки и без соблюдения этого условия не позволяет включать кандидатов в присяжные заседатели, вызванных в суд по одному уголовному делу, в предварительные списки кандидатов в присяжные по другим делам.

По нашему мнению, вышеуказанная позиция КС РФ обязывает законодателя внести соответствующие изменения и дополнения как в ч. 2 ст. 10 ФЗ «О присяжных заседателях», так и в ч. 1 ст. 326 УПК РФ, установив запрет привлечению уже отобранных в предыдущее дело присяжных в новое уголовное дело без повторной случайной выборки.

Более того, в действующем законодательстве должен быть предусмотрен процесс самой случайной выборки кандидатов в потенциальные присяжные секретарем суда или помощником судьи и соответствующие процессуальные документы, в каковых будет фиксироваться подобная процедура.

Наблюдаемая практика показывает, что целесообразно вызывать в суд порядка 50- 60 кандидатов в присяжные, т.к. «отсеивается» обычно не менее половины вызванных кандидатов, в том числе и по обычным бытовым причинам (автор несколько лет назад лично наблюдал как в Санкт-Петербургском городском суде вызванные кандидаты в присяжные до их регистрации и последующего «отсеивания» покидали помещение, где проходила регистрация и выдача анкет присяжного

⁹ Гондаренко А.С., Зозуля И.В. Судебная система в России: сравнительное исследование развития на рубежах XIX –XX и XX –XXI веков (на примере Кубани и Ставрополья). Ставрополь, 2002. С. 169.

заседателя¹⁰ в силу утомительнейшей длительности подобной процедуры и бюрократической волокиты).

В небезызвестном деле Тапия Ф., обвинявшемся в многократных изнасилованиях и насильственных действиях сексуального характера (44 эпизода) в отношении малолетних приемной дочери и родного сына, было вызвано 52 кандидата в присяжные заседатели. В ходе отбора присяжных на стадии самоотводов председательствующим им было задано 18 категорий вопросов (например, 16. Кто из вас уже составил свое твердое мнение о виновности или невиновности подсудимых, либо считает, что любой человек, находящийся на скамье подсудимых, независимо от принятого решения, является преступником или, напротив, невиновным человеком? 17. Кто-нибудь из вас или близких родственников подвергался сексуальному насилию?)

Четыре кандидата (№ 42, 20, 26, 39) были исключены из предварительного списка кандидатов в присяжные заседатели в силу их предыдущих судимостей, три кандидата (№ 18, 11, 52, 21) заявили о своей возможной необъективности в силу религиозных и профессиональных убеждений (один из кандидатов был врачом - косметологом как и сам подсудимый) и были исключены из списка. 13 кандидатов (№ 33, 14, 13, 45, 16, 6, 44, 21, 2, 28, 46, 12 и 25) заявили о своей занятости по работе или плохом здоровье и их самоотводы были удовлетворены, еще четыре кандидата (№ 10, 7, 5, 31) были отведены по причине наличия родственников, работающих в системе МВД, а кандидаты № 19, 48, 41, 36, 30 (заявившие о судимостях их родственников) были в списке оставлены.

После вышеуказанного отбора в предварительном списке присяжных заседателей осталось 28 кандидатов, мотивированных отводов им от участников процесса не поступило, после подачи немотивированных отводов (по два кандидата от защиты и обвинения) количество оставшихся составило 24 человека, из которых первые 12 из первоначального списка составили коллегию присяжных заседателей по данному делу, 10 последних стали запасными присяжными заседателями. По мнению автора, процесс отбора присяжных в данном деле был выполнен на достаточно высоком уровне, хотя впоследствии (после вынесения присяжными оправдательного вердикта в отношении Тапия) одним из основных доводов апелляции представления прокуратуры г. Москвы на приговор Мосгорсуда было то, что один из запасных присяжных (заменивший присяжного заседателя № 12) был в свое время потерпевшим по уголовному делу, но данный факт им был при отборе скрыт.¹¹

Вышеуказанный и иные наблюдаемые примеры показывают, что основной причиной препятствующей участию присяжных является занятость по работе, т.е., по сути, мы имеем достаточно активное противодействие работодателей явке присяжных в суд, в связи с чем необходимо продумать более жесткие меры ответственности за подобные действия, может быть, вплоть до уголовной в главе УК РФ «Преступления против правосудия».

Среди иных предложений по совершенствованию вышеуказанных процедур, например, можно подумать об увеличении минимального количества для явки в суд кандидатов в присяжные заседатели для формирования коллегии таковых с двадцати до тридцати, тридцати пяти человек (ч. 3 ст. 327 УПК РФ), об увеличении количества запасных присяжных заседателей до четырех или шести человек (ч. 21 ст. 328 УПК РФ), об увеличении числа немотивированных отводов кандидатам в присяжные до четырех или шести (ч.ч. 13-15 ст. 328 УПК РФ), об участии гражданина в качестве присяжного заседателя не более одного раза (ч. 3 ст. 328 УПК РФ). Последнее, достаточно своеобразное предложение, поддерживается, кстати, большинством опрошенных автором коллег – адвокатов (в т.ч. и самим автором), когда либо принимавших участие в качестве защитника в судебном процессе с участием присяжных заседателей (это вполне возможно как в силу достаточного количества граждан РФ, отвечающих требованиям, предъявляемым присяжным, так и в силу достаточно

¹⁰ Содержание вопросов подобных анкет предусмотрено приложением № 2 к Приказу Судебного департамента при ВС РФ от 15.12. 2004г. № 161.

¹¹ Архив Московского городского суда. 2013. Уголовное дело № 2 – 122/13.

незначительного количества уголовных дел, рассматриваемых в таковой форме в России на сегодня, например, в 2013 году таковых было 609, из них 542 были рассмотрены с вынесением приговора).¹²

¹² Данные взяты с официального сайта Судебного департамента при ВС РФ

ПРЕСТУПНОСТЬ И ДЕВИАНТНОСТЬ В ИНТЕРНЕТЕ

CRIME AND DEVIANCE IN INTERNET

Костюковский Я.В.

кандидат социологических наук

сектор социологии девиантности и социального контроля

Социологический институт РАН

Аннотация. Автор описывает общую картину девиантности и преступности в интернете. Различные формы отклонений и кибер-преступности обладают в Интернете специфическими чертами, отличными от тех, которые можно наблюдать в реальности. Автор делает попытку классифицировать некоторые особенности возникновения и развития девиантности и преступности в виртуальном мире. Статья основана на анализе информации, полученной в ходе специального социологического исследования.

Annotation. The author gives a general picture of the deviation and Crime in Internet. Development of various forms of deviation and cyber-crime are a number of specific differences from what is happening in reality. The author makes an attempt to classify some features of the emergence and development of deviance and crime in the virtual world. The article is based on an analysis of the information received in the course of special sociological research.

Ключевые слова: преступность, интернет, девиантность

Keywords: crime, deviance, internet

Отличие сети Интернет от телевидения или видео состоит в том, что:

1. К сети пользователь обращается для поиска информации конкретного содержания. Обращения часто носят интерактивный характер. Возможно или создание попадания в группы интереса.
2. Чаты, форумы поддержки, мгновенный обмен сообщениями являются неотъемлемыми сторонами сетевой жизни, которая дает людям чувство общности.
3. Субъективно (и в подавляющем большинстве случаев ошибочно) воспринимаемая анонимность в сети ведет к снижению моральных ограничений: пользователь якобы находясь в атмосфере защищенности, ищет и потребляет (смотрит, читает), а также создает такие вещи, которые он бы не смог попросить ни в каком физическом пространстве (напр., библиотеке/видеотеке).
4. Частная жизнь становится предметом переноса в личное виртуальное пространство. Проявления эксгибиционизма (как традиционные проявления, так и транспарентность, граничащая с социальным эксгибиционизмом) провоцирует любопытство, ревность, агрессию.
5. Возможность создавать, распространять и получать информацию любого качества, содержания создает дискурс бесконтрольности потребления и иллюзию вседозволенности. Вседозволенность и безнаказанность (непорицаемость) создают резонанс, входя в который пользователь уже не отличает законное от незаконного, моральное от аморального, социальное от асоциального, ценности от симулякров и т.п.
6. Кибер-преступник отличается от простого пользователя прежде всего тем, что технические навыки и умения его намного выше, чем у обычного юзера. Прежде всего это сохранение анонимности (реальной) путем использования специальных программ, запутывания своих следов (невозможность отследить точку выхода в сеть), создания «зомбированных компьютеров» и т.п. Справедливости ради стоит отметить, что традиционное отличие преступника от законопослушного гражданина, заключающееся в готовности нарушить закон в данном случае нивелируется тем, что многие законы в интернете очерчены крайне невнятно и даже если и известны пользователю, могут им неправильно (с точки зрения законодателя и правоприменителя) толковаться. А чаще всего просто неизвестны для него.

Развитие и распространение разных форм девиантности в интернете в целом похоже на то, что происходит в реальности, однако возможности, которые дает сеть (скорость и охват в коммуникации, интерактивность) несравненно богаче.

Характерной примерной моделью развития девиации является следующая:

1. Существует некий носитель девиантного поведения. Сам он знает, что его интерес девиантен, однако не находит поддержки со стороны общества, у него нет «коллег», а потому его интерес остается на личном уровне. В полной мере, видимо, это даже нельзя назвать «девиантным поведением», скорее просто некий специальный интерес.

2. В интернете носитель девиации вдруг обнаруживает, что он не одинок. У него есть «соратники» и люди проявляющие интерес и к девиации и к нему лично. Возникает интерактив на межличностном уровне.

3. Создается ассоциация (в виде сайта – портал, форум), на основе этой девиации. Создается идеология, словарь, термины, понятия, принципы существования группы, возможно субкультурная группа, организация. Учитывая интернациональность интернета пользователи имеют возможность распространять и делиться своим опытом по всему миру.

4. Встречи в интернете вполне могут перерасти в физическое общение.

Таким образом мы можем наблюдать рождение, развитие, интегрирование (а часто затухание и развал) некоторых форм девиации. Интересно, что скоротечность этих событий может оказаться гораздо выше возможностей наблюдения. Иными словами, исследователь может не заметить зарождение, развитие и угасание каких-то форм такого социального творчества.

(Кибер) преступность можно разделить на две большие части.

1. Имущественные (корыстные).

2. Не имеющие корыстной направленности.

- воровство и использование личных данных; преступления в бизнес сфере (прежде всего фишинг);

- нарушение авторских прав;

- троллинг, буллинг, моббинг и пр.

Серия интервью, проведенная в ходе исследования позволяет выявить некоторые особенности кибер-преступников.¹

Интервью носили полуструктурированный характер. Основными направлениями, по которым велась линия вопросов:

1. Считаете ли вы, что ваша деятельность в сети преступна (девиантна)?

2. Насколько широко распространена девиация (преступность) в интернете?

3. Можно ли по-вашему бороться с преступностью (девиацией) в интернете?

4. Как вы чувствуете присутствие государства, спецслужб в интернете, давление на вас?

Показательным является, что в ответах почти все респонденты относительно своих действий использовали выражения «Это лучшая программа, которую я написал», «Это мой лучший код», «Это было гениальное проникновение» и т.п. Можно заметить, что преступники и те, которые совершают преступления с целью заработка, и те, кто делает это «из любви к искусству» или по идейным соображениям относятся к своим действиям: 1. Вполне осознанно (т.е. все понимают, что нарушают законы); 2. Оценивают свои действия с технической точки зрения (качество «отлично», «гениально», «уникально» в данном случае не так важно) весьма высоко и также подходят к оценке действий коллег.

Поскольку кибер-преступность имеет весьма сложную организационную сторону встречаются предположения, что возможно это новый виток развития организованной преступности.

¹ Исследование не закончено, находится в фазе продолжения серии интервью и анализа информации.

С одной стороны это действительно так. Есть организатор, технические исполнители, есть звенья связывающие виртуальную сторону с физической (а это часто необходимый элемент при совершении преступных акций), с другой стороны часто есть и финансирующая сторона, заказчик. Неизбежно возникает иерархия, а распределение функций, как было замечено выше уже есть.

Однако образование этих групп часто очень быстротечно, почти никогда не имеет внешних проявлений (напр., символики, татуировок и пр.), очень часто (возможно в большинстве случаев) преступники разных уровней (звеньев исполнения разного функционала) не только не знакомы и никогда не видели друг друга, но и вообще не подозревают о существовании этих уровней и звеньев.

Общей чертой преступных действий в интернете является то, что в первый момент почти никто с уверенностью не может сказать с чьей стороны произошла преступная акция. Если с имущественными преступлениями картина более менее ясная, то со всеми акциями, связанными со вскрытиями почтовых ящиков, кражей личных данных, завладения личными аккаунтами, паролями и пр. возникают подозрения, касающиеся деятельности спецслужб. Особенно часто такие подозрения возникают, если жертва преступления - публичный человек, социально активная личность, оппозиционный деятель.

В интервью многие преступники высказывали соответствующие мысли: «а кто еще мог это сделать», «больше это никому кроме государства не надо», «так нагло это могли сделать только федералы», «ни у кого таких ресурсов и технических возможностей больше нет».

Интересно и то, что многие из преступников при определенных условиях, гарантиях и оплате согласились бы сотрудничать с государством в качестве консультантов или даже специалистов.

Способности преступников видимо используются частными структурами весьма часто. «Видимо», потому что, по понятным причинам, подтверждения этой информации в исследовании пока найти не удалось, но сами преступники говорят о том, что им поступают заказы от какой-либо фирмы совершить преступление против конкурентов. Показательным развитием ситуации является то, что жертва преступления часто заинтересована в том, чтобы найти преступника не с целью наказания, а с целью трудоустройства. Возможно это является одной из главных причин столь бедной картины статистики кибер-преступности.

Интернет не является криминальной сферой, однако, очевидно, является криминогенным и девиантогенным пространством.

1. Прежде всего это происходит в силу быстрого развития технологических возможностей – знания и умения большинства пользователей просто не справляются с этими темпами.

2. Недостижимый еще недавно (скажем, 20 лет назад) охват, с точки зрения аудитории и географический дает богатейшие возможности как для распространения информации, общения, так и для преступности и для развития различных видов девиантности.

3. Меры принимаемые в различных государствах ограничивающие и/или призванные бороться с девиантностью и преступностью в интернете приводят не только к развитию преступных технологий, но и порождают протестные движения, идеологию и пр. Чаще всего это происходит из-за плохого понимания природы интернета, особенностей коммуникации между пользователями, что ставит новые исследовательские задачи.

УЖЕСТОЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ИЛИ ПРИМЕНЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВИДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫМ?

Кури Хельмут,

Ильченко Оксана

1. Введение

Актуальность изучения степени суровости наказания или применения альтернативных мер подтверждается огромным интересом к данной проблеме исследователей, вниманием практикующих юристов и политических деятелей. В последнее время в странах Запада, например в Германии, дискуссия о необходимой и достаточной степени наказания усилилась. Некоторые авторы утверждают, что очевидна тенденция ужесточения наказания, что, например, наблюдается с середины 1970-х годов в США или в Великобритании (Sack, 2006). Другие считают, что суровость наказания возрастает только в отношении некоторых уголовных деяний, но не в настроениях членов общества (Hasemer 2009; Kury & Obergfell-Fuchs 2006).

Одной из основных проблем, вызывающей много споров в данной области, является вопрос о четкости определения концепта «наказание». (Kury и др al. 2004). Определение и употребление термина отличается в разных странах, что оказывает влияние на результаты эмпирических исследований. Жестокость наказания традиционно выше в России и бывших советских республиках, что обусловлено влиянием представлений о преступности и о мерах её предупреждения, а также недостаточным опытом применения альтернативных мер наказания. В последние десятилетия всё больше и больше исследований показывают, что суровое наказание, особенно лишение свободы, имеет, незначительный превентивный эффект, несмотря на то, что политические деятели говорят об обратном (Dölling et al. 2011).

Результаты эмпирических исследований, проведенных во многих западных странах, убедительно доказывают, что наказание оказывает незначительное влияние на профилактику преступности, если оказывает вообще. Такие показатели как число заключенных в тюрьмах, приговоры в виде смертных казней значительно отличаются в разных штатах Америки, не оказывая влияния на уровень преступности в них. Напротив, южные штаты, до сих пор практикующие применение смертной казни, имеют более высокий уровень совершенных убийств, чем штаты на севере страны, в которых смертная казнь не применяется. В Дании число заключенных в тюрьмах снизилось на треть с 1950 по 2000 год, не оказав какого-либо влияния на уровень преступности (Lappi-Seppälä, 2011). Как подчеркивает Лаппи - Сеппала в Финляндии массовое освобождение из тюрем «было бы не возможным без политического консенсуса и принципиальных соглашений. Согласие о декарцерации - массовом освобождении - от тюремного заключения было достигнуто, и действует благодаря активной, совместной работе реформаторов, представляющих политическую сферу, государственную службу, судебную систему, университеты и научно-исследовательские институты. Представители политической системы, в прочем, не проявили большого интереса к уголовной политике. СМИ также сохраняет довольно умеренный интерес к этим вопросам, по крайней мере, по сравнению с другими странами. Для Финляндии усиление Северного сотрудничества в правовых вопросах и укрепление общей Северной идентичности оказало существенную дополнительную поддержку в усилиях по гуманизации финской системы уголовного правосудия в 1960-х и 1970-х годах. Дальнейшее развитие было обусловлено поддержкой и пониманием необходимости изменений в криминологической ситуации сотрудниками системы уголовного правосудия, Министерства юстиции, судебной власти и университетов» (Lappi-Seppälä 2011, с.281). Данное утверждение показывает, как много инициатив и поддержки необходимо для того чтобы изменить уголовную практику в отдельной стране.

Критика эффективности наказания как профилактической меры основывается на таких фактах, что в США – стране, которая имеет очень высокий уровень лишения свободы, намного превышающий аналогичный показатель в России, свойственен также высокий уровень преступности. Данная закономерность может быть преодолена применением других форм воздействия на преступность, веками используемых в «традиционных» обществах. Прежде всего речь идет о медиации, или о восстановительном правосудии (Hopt & Steffek 2008; Johnstone & Van Ness 2007; London 2011). Основой для возврата к данным формам работы является то, что криминологические исследования последних десятилетий всё отчетливее демонстрируют, что воздействие на проблему, осуществляемое в настоящее время, особенно суровое наказание, является не лучшим способом борьбы с преступностью, не способствует уменьшению конфликта в обществе. Наказание обходится дороже, чем «альтернатива», о чем вновь свидетельствует опыт США – страны – мирового лидера по уровню лишения свободы, в то же время имеющей очень высокий уровень насильственных преступлений (Kury 2013). Кроме того, наблюдается возврат интереса к виктимологии как важной части криминологии, которая, как верно подчеркивает Брейтвэйт, была забыта (Braithwaite 1989). В современных судах долгое время жертвы преступлений выступали лишь в качестве свидетелей для доказательства виновности подсудимых.

Международные исследования показывают, что большинство потерпевших, может быть, за исключением жертв особо тяжких преступлений, больше заинтересованы в реституции, возмещении ущерба, причиненного преступником, чем в его наказании (Sessar 1992). Но государство и уголовное законодательство концентрируются в большей степени на наказании обидчика, используя жертву только в качестве свидетеля. В результате классического судебного разбирательства потерпевший должен удовлетвориться лишь тем, что преступник наказан, не более. Однако, как показывают современные исследования такое положение вещей не устраивает жертв преступлений. Медиация же служит мостом, преодолевая разрыв между интересами потерпевшего, наказанием и восстановлением равновесия в обществе. «Восстановительное правосудие представляет собой иной подход к достижению справедливости, отличный от традиционной судебной системы. В то время как традиционные суды нацелены оказать карающее воздействие, и не принимают во внимание проблемы потерпевших, восстановительное правосудие фокусируется на возмещении ущерба, причиненного в результате преступления, реинтеграцию преступника в общество, предоставляя возможность всем сторонам, вовлечённым в деяние (преступник, жертва и общество) право голоса в процессе отправления правосудия» (Gromet 2009, p. 40). Для более широкого использования медиации необходимо, чтоб процедура стала хорошо известной среди населения, а также среди юристов и особенно судей. Джонстон и Ван Несс указывают: «Всё ещё, несмотря на возросшую популярность в профессиональных и академических кругах, смысл термина «восстановительное правосудие» по-прежнему остается малопонятным для большинства людей» (Johnstone & Van Ness 2007, p. 6).

В следующей главе мы обсудим превентивный эффект (суровых) наказаний, вопросы о том могут ли статьи уголовного законодательства и уголовные санкции быть решением в борьбе с преступностью. Здесь же будут представлены аргументы, подчёркивающие неэффективность сурового наказания, обсуждаемые в научной литературе. Далее рассмотрим предположение о том, что медиация и восстановительное правосудие могут быть более эффективными, дешевыми и гуманными способами предупреждения преступлений. В заключении подведём итоги обсуждения всех перечисленных выше вопросов.

2. Является ли (суровое) наказание решением проблемы?

Во все времена, начиная с самых истоков человеческой истории, наказание являлось «естественной» реакцией на отклоняющееся поведение, особенно на преступления. Если оно не оказывало должного эффекта, люди выражали желание усилить «лечение» девианта, применяя более суро-

вое наказание. Особенно выделяется эпоха средневековья, для которой характерен «творческий подход» в поиске новых и всё более жестоких способов наказания преступников.

Эйснер на основании сравнительного исследования наказания за тяжкие преступления (убийства), проведенного на материалах европейских стран (Англия, Нидерланды и Бельгия, Скандинавия, Германия и Швейцария, Италия) нашёл, что, несмотря на чрезмерную жесткость наказания, уровень преступности в 13-х и 14-х веках был примерно в 25 раз выше, чем в настоящее время (Eisner 2001, p. 83). Иными словами, суровое наказание не оказывает профилактического эффекта. Основой профилактики преступлений должно быть повышение уровня жизни, улучшение среды обитания людей, а не строгость наказания. Томас Морус (Thomas Morus 1992, p. 51) цитирует слова одного из высокопоставленных юристов, который сказал, что очень удивлен противоречию: с одной стороны, лишь немногие воры могут избежать наказания после совершения преступления, но, с другой – каждый день, повсеместно совершается огромное число краж.

Представляет интерес исследование Доллинга, в основе которого лежал анализ публикаций об эффективности профилактики преступности (Dölling 2011). В результате работы, автор пришел к следующему выводу: «В целом результаты мета-анализа не подтверждают универсальную валидность гипотезы сдерживания, но утверждение, что устрашение не имеет никакого эффекта также опровергается. Данный вывод соответствует утверждению о том, что поведение человека обусловлено рядом факторов. Так, Вебер помимо целерациональных действий, говорит о ценностно-рациональных, аффективных и традиционных действиях, последние из которых трудно измерить путём соотнесения затрат и выгод (Weber, M. 1980). И хотя, бесспорно, имеют место случаи, когда устрашение влияет на поведение - смертная казнь, похоже, не принадлежит к их числу. Следовательно, теория негативного общего сдерживания не может быть основой для легитимации санкций, но с её помощью можно объяснить высокую вероятность применения наказания» (Dölling 2011, p. 374; Aos 2003).

Хофер и Тэм критикуют идею общего сдерживания, основываясь на сравнении оказываемого эффекта на организационное и индивидуальное поведение. «Организационное поведение не укладывается в границы уголовного права ... Поэтому, люди получают метку «угроза для общества и его граждан», даже если на самом деле эта угроза исходит от могущественных государственных и частных организаций. Если это так, то становится очевидным, что идея общего сдерживания - это чистая идеология, сокрытие реальности. Утверждается, что общая профилактика позволяет защитить основные социальные ценности, которые в действительности являются особыми интересами различных властных групп. Общая профилактика видит консенсус там, где есть конфликт. В значительной степени уголовное законодательство - это попытка определенных групп обеспечить свои собственные интересы - не столько в отношении того, что на самом деле является преступлением, но и в связи с тем, что не считается таковым» (Hofer & Tham, 1975, p. 268).

Соединенные Штаты Америки имеют самый высокий уровень инкарцерации (число заключенных на 100000 населения) во всем мире. В США он составляет 750 человек на 100000 населения, в России около 580. Большинство бывших советских республик имеют более высокий уровень лишения свободы, чем западноевропейские страны. Так, например, в Грузии - 540, Казахстане - 400, в Украине - 340, Чешской республике - 10 и Словацкой Республике - 185. Тогда как в Англии и Уэльсе этот показатель равен 150, в Канаде - 120, Франции - 95, в Германии - 90, Дании - 70 и в Исландии - 55. При этом страны с более высоким показателем лишения свободы не имеют автоматически меньший уровень преступности по сравнению с другими. То же самое наблюдается в Германии: некоторые немецкие земли имеют меньший уровень лишения свободы, другие, напротив, более высокий, однако не отмечено какого-либо значимого влияния данного факта на уровень преступности. В США показатель тюремного заключения чрезвычайно высок, также как и уровень насильственной преступности. Таким образом, значительное усиление наказания не оказывает эффекта снижения преступности, но существенно увеличивает расходы на содержание заключённых (см., например,

the Death Penalty Information Center www.deathpenaltyinfo.org/documents/FactSheet.pdf). Канада имеет гораздо более низкий уровень лишения свободы - 120, против США - 750, и в то же время гораздо более низкий уровень насильственных преступлений, чем соседняя страна. Кавадино и Дигнан указывают в заключении, проведённого ими сравнительного исследования политики наказания и политической экономии: «Первое, различия в отношении к наказанию, вероятно, сохранятся, несмотря на глобализацию, второе, важной причиной, обуславливающей такие различия, является тип политической экономии» (Winterdyk & Doug 2011).

В Германии за последние 50 лет, на фоне активного критического обсуждения вопросов наказания и стоимостного выражения тюремного заключения, наблюдается снижение числа случаев лишения свободы. Если в 1950-е годы 80% всех правонарушителей наказывались немецким судом заключением в тюрьму, то в настоящее время только около 7% лишаются свободы. Для Германии характерно интенсивное увеличение замены уголовной ответственности другими видами воздействия, которые могут быть применены на разных уровнях: в полиции, генеральной прокуратуре или в суде, особенно если дело касается молодых людей от 14 до 18 лет (Kury & Lerchenmüller 1981).

Серьёзной проблемой в обсуждении уголовного наказания и его последствий является то, что Ширер назвал «циклом политико-государственного укрепления» («politisch - publizistischer Verstärkerkreislauf») (Scheerer, 1978). То есть, если в регионе существует «криминальная проблема», чаще всего это единичное тяжкое преступление, широко обсуждаемое в обществе, то все приходят к выводу, что наказание должно быть усилено, чтобы предотвратить подобные случаи. При этом СМИ освещают данное преступление более или менее односторонне. Для СМИ информирование о преступности является выгодным бизнесом, потому что люди интересуются криминальными историями, следовательно, такой интерес помогает продавать журналы и увеличивает число людей, сидящих перед экранами телевизоров. В Германии в прайм-тайм на всех важных телевизионных каналах вы найдете как минимум один фильм или криминальную передачу. Когда СМИ сообщают о преступлении, журналисты спрашивают политиков о том, что те намерены предпринять, чтобы уменьшить «проблему». В свою очередь, политики, испытывающие общественное давление, должны отреагировать. Они хотят вновь быть избранными и предлагают «решение», которое принимается населением, и обычно это более суровое наказание, потому как политики считают, что общество хочет этого. После того как СМИ сообщают о реакции политиков, люди могут прочитать «решение», которое говорит им, что теперь все поняли, что делать. В итоге, всё это усиливает предположение о том, что суровое наказание является лучшим способом борьбы с преступностью (Roberts 2002; Roberts & Hough 2005). Гелб, суммируя данные результатов международных исследований, проведенные в основном в Соединенных Штатах, Великобритании и в Канаде, приходит к заключению, что, несмотря на различные методологические подходы «...исследование общественного мнения о преступности и правосудии позволяет сделать ряд последовательных выводов:

- в целом, общественность считает, что наказание является слишком мягким, - в целом, люди склонны думать о насильниках и рецидивистах как недостаточно наказанных,
- люди обладают неточными знаниями о преступности и системе уголовного наказания,
- СМИ являются основным источником получения информации о преступности и системе правосудия,
- когда люди получают больше информации, их стремление покарать резко снижается,
- люди, имеющие опыт виктимизации, проявляют больше милосердия, чем общество в целом,
- люди, имеющие высокий уровень страха перед преступностью высказываются за более жестокое наказание,
- несмотря на несомненное желание покарать, члены общества заинтересованы в более интенсивном использовании альтернативных методов работы с преступниками,

- несмотря на несомненное желание покарать, люди считают, что наиболее эффективными способами борьбы с преступностью являются такие программы как образование и родительская поддержка, а не уголовное преследование,

- несмотря на несомненное желание покарать, общественные предпочтения приговоров очень схожи с теми, которые выносят суды в настоящее время,

- несмотря на несомненное желание покарать, члены общества считают ресоциализацию основной целью наказания для несовершеннолетних правонарушителей и лиц, впервые совершивших преступление,

- несмотря на несомненное желание покарать, общественная поддержка наказания в виде лишения свободы уменьшается, когда преступник стремится загладить вину» (Gelb 2006, p. Vf.).

Сесар в своём исследовании также обнаружил, что жертвы преступлений (за исключением случаев тяжких преступлений) не являются сторонниками более жестких мер наказания, чем те, кто никогда не страдал от преступных деяний (Sessar, 1992). В своём большинстве дискуссии о преступности и преступниках обычно сосредоточены на правонарушителе, не принимая во внимание причины и факторы, которые привели его на этот путь, невзирая на роль общества в формировании противоправного поведения. Грос так пишет об этом: «Убийца ... воспринимается ... в абстрактных стереотипных терминах таких как «сумасшедший» или «холоднокровный». Но когда мы узнаем чуть больше о нём, даже несущественные детали ... что у него есть «семья, домашние животные, хобби», что он «живет в трейлере, любит ходить на охоту, и имеет друга по имени Генри» – привычный стереотип тает, фокус смещается на личность» Gross (1998, p. 1474). Концентрация на преступнике, отсутствие внимания к влиянию социальной среды и роли общества в росте противоправных деяний, снимает с общества ответственность за преступность в нем. Таким образом, преступники сами виноваты, никак не «мы». В этой связи Мозер указывает: «Удивительно, как далеко общество позволяет зайти своим членам, предоставляя время для осуществления любого преступного деяния, не делая ничего, чтобы его предотвратить. Общество не делает ничего, чтобы предотвратить подобное поведение пока люди являются жертвами. Меры применяются, как только общество начинает чувствовать себя жертвой, не раньше» (Moser 1972, p. 289).

В то же время криминалисты утверждают, что в последнее время они всё реже и реже привлекаются политиками в качестве экспертов для того чтобы предоставить информацию о преступлениях и наказании. Политические деятели всё больше сосредотачиваются на запросах электората, а не на научных фактах; будучи не заинтересованными в научных результатах о предупреждении преступности, они не обладают полнотой информацией о проблеме. Гарланд указывает: «Опыт последних десятилетий ... показывает, что эпоха принятия правительственных решений с опорой на мнение экспертов закончена и трудно представить себе, что она возобновится в ближайшее время. И даже если бы это было возможно, такое решение вызовет принципиальные возражения. В условиях демократии, политические лидеры обязаны интересоваться общественным мнением и формировать его там, где это возможно с помощью образования, информации и дебатов» Garland (2009, p. 229).

Вместе с тем, члены общества имеют ограниченное представление о преступности, преступном поведении и эффективности наказания. Так, в Германии наблюдается тенденция сокращения числа совершённых тяжких преступлений, в том числе сексуального насилия над детьми. Однако, результаты опросов общественного мнения показывают, что население полагает, что число подобных преступлений растёт. СМИ активно рассказывают о таких преступлениях, выбирая для публикаций самые шокирующие случаи. В результате у людей складывается впечатление, что проблема является серьёзной и широко распространённой (Hestermann 2010). Также индустрия охраны и безопасности чрезвычайно заинтересована в формировании подобного мнения, формируя страх перед преступностью и ощущение, что есть «проблема» для того, чтобы обеспечить спрос на свою продукцию.

Искаженное средствами массовой информации представление о масштабах и формах преступлений может быть одной из причин стремления к ужесточению наказания, наблюдающегося в Германии в последние годы. Штрэнг регулярно проводит опросы студентов - первокурсников немецких университетов об их отношении к наказанию (Streng 2014). Результаты, полученные ученым, показывают, что в последние годы по сравнению с данными 1970 годов жесткость в высказываниях студентов возросла. Например, в 1977 году 34,6% студентов высказывались за отмену многолетнего наказания, то в 2012 только 2%. Если в 1977 году 6,7% респондентов ответили, что длительный срок лишения свободы для некоторых преступлений слишком мягкое наказание, то в 2012 году доля таких ответов увеличилась до 31,6%. В том же 1977 году 11,5% высказались за возобновление применения в Германии смертной казни за тяжкие преступления, в 2010 году за наказание в виде смертной казни высказалось уже 31,9% опрошенных. (Напомним, что в Германии наказание в виде смертной казни было отменено в 1949 году). С другой стороны, с течением времени поддержка медиации, посредничества и реституции (возмещение убытков потерпевшему) существенно не изменилась. Это, возможно, объясняется тем, что реституция – это также наказание для правонарушителя, а не просто извинение перед потерпевшим. Баргер получил аналогичные результаты, опрашивая не только студентов-юристов, но на основе случайной выборки студентов всех специальностей в Германии (Bargel, 2008). Если в 1985 году 29% опрошенных высказывались за ужесточение наказания за преступное поведение, то в 2007 году их число возросло до 52%. Вместе с тем, «только» пятая часть населения Германии пожелала введение смертной казни (Reuband 2011, p. 142). По словам Реубанда в Германии «... 60 % населения в 1970 году верили в эффективность устрашения. В последующие годы, соответствующие значения несколько уменьшились, не изменяя пропорции в целом: в 2006 году, как и раньше, большинство людей полагали, что суровое наказание производит профилактический эффект, не веря, что оно вообще не оказывает превентивного действия» (Reuband. 2011, p. 143). Если в 1970 году 60% населения верили в устрашающий эффект суровых приговоров, то в 2006 г. их количество снижается до 50%. Всё это происходит на фоне слабого формирования общественности о преступности и предупреждении преступлений.

В последние десятилетия результаты исследований английских и канадских ученых, особенно Майка Хью и Джулиана Робертса демонстрируют, что чем больше информации имеют люди о преступлениях и влиянии наказания, тем меньшую жестокость они проявляют (Hough et al. 1988; Hough & Park 2002; Roberts & Hough 2002; Roberts et al. 2003). Сато провела экспериментальный опрос об отношении к смертной казни в Японии (Sato, 2014). Опрос проводился в двух группах: контрольной, не имеющей дополнительной информации, и экспериментальной, в которой предварительно прошло обсуждение по вопросам преступления и наказания. Результаты показали, что поддержка смертной казни сократилось после того как люди получили дополнительную информацию об этом виде наказания. Таким образом, лучшим способом изменить отношение к наказанию, возможно, является информирование общественности об отсутствии или незначительном сдерживающем эффекте суровых видов наказания (например лишения свободы) и огромных финансовых затратах (в Германии содержание в обычной тюрьме стоит 100 евро в день) по сравнению с альтернативными санкциями, которые не только дешевле, но и более эффективно способствуют утверждению мира и спокойствия в обществе (о чём будет сказано ниже).

3 Основания (не)эффективности сурового наказания

Криминологи и пенологи отмечают, что уголовное наказание, в том числе тюремное заключение может производить профилактический эффект, но только при соблюдении определенных условий. Доллинг, основываясь на анализе данных эмпирических исследований, указывает, что полученные результаты «не поддерживают универсальную справедливость гипотезы сдерживания, но также опровергают утверждение, что сдерживание не происходит» – за исключением наказания в виде смертной казни, которая не оказывает никакого влияния на профилактику тяжких преступле-

ний (Dölling et al., 2011, p.374). Так какие же условия необходимы для оказания наказанием положительного профилактического эффекта?

Эндрюс и Бонта считают, что для того чтобы быть эффективным наказание должно содержать четыре основных момента:

- полученное наказание должно быть тяжелым и очень ощутимым для преступника, менее интенсивные санкции повышают толерантность и оказывают лишь краткосрочный эффект;
- наказание должно следовать незамедлительно за противоправным действием, в противном случае он не имеет никакого эффекта,
- наказание должно следовать за каждым преступлением, а не применяться только к избранным видам девиантного поведения,
- преступное поведение не должно иметь никаких позитивных последствий для правонарушителя (Andrews & Bonta 2010).

Если даже один из этих пунктов не будет реализован, то наказание не будет иметь сдерживающего эффекта. Нет никаких сложностей в том, чтобы тривиально использовать тяжёлые формы наказания; как мы обсуждали ранее, правительство очень часто делает это в качестве единичной меры борьбы с преступностью, что например, проявляется особенно на примере США. Но это само по себе наказание не является достаточной мерой для эффективного снижения преступности. Наказание нарушителей сразу после совершения преступления в уголовных делах является почти невозможным, за исключением случаев нарушения правил дорожного движения. Полиции и судам требуется время, чтобы собрать доказательства и понять условия совершения преступления, так что просто не возможно при рассмотрении сложных уголовных дел наказать виновного сразу после преступления. Зачастую предварительные процедуры длятся полгода или даже дольше, особенно в серьезных случаях, прежде чем начнётся судебный процесс. Кроме того, новые исследования показывают, что чтобы быть эффективным период времени между преступлением и наказанием должен быть крайне мал и даже вовсе отсутствовать (с Verrel 2012; Bliesener & Томас 2012). Следовательно, мы не можем реализовать этот пункт в реальной практике, а это значит, что наказание не может быть эффективным.

Следующий момент – наказание должно следовать за каждым преступлением. Здесь мы имеем дело с латентностью. Современные исследования показывают, что к данной проблеме стоит крайне остро. По некоторым данным, около 90% всех преступлений латентны, то есть, не зарегистрированы в полиции. В Германии полиция фиксирует только около 10% всех преступлений, совершённых в стране (Kury 2001). Кюрзингер отмечает, что «только одна десятая от общего количества совершённых преступлений регистрируется полицией» (Kürzinger 1996, p. 181). То есть шанс совершить преступление, которое не будет учтено полицией и, следовательно, за ним не последует наказание очень высок. Большинство преступлений, очевидно, не будут раскрыты, даже в случаях очень тяжёлых преступлений, таких как убийства.

Четвертый пункт теории Эндрюса и Бонта о том, что преступление ни в коем случае не должно иметь положительного подкрепления для нарушителя так же не всегда может быть реализовано. Если лицо, совершившее преступление, не наказывается – это лучший мотив для закрепления девиантного поведения, развития девиантной карьеры. Несовершеннолетние, которые не несут никакого наказания, очень часто воспринимают это как «победу» над полицией и судами, их друзья будут радоваться за нарушителя, он будет считаться героем (Кури, Ильченко, 2013).

Кроме того, есть ещё несколько пунктов, которые следует принять во внимание. Преступники не должны быть наказаны только для возмездия, но приговор должен вовлекать правонарушителя в изменение поведения, то есть преступник должен чувствовать, что общество заинтересовано не в его наказании, а в изменении. Лишение свободы имеет крайне негативные побочные эффекты, такие как закрепление девиантного поведения, призонизация (Сайкс 1958; Ортманн 2002). Чем дольше человек находится в тюрьме, тем более он теряет контакты с семьей, а его дети подвер-

гаются стигматизации (Kury & Kern 2003). Кроме того, в Германии больше должно быть сделано для подготовки заключенных к освобождению, к выходу из тюрьмы. Уровень рецидива особенно высок в первые месяцы после освобождения. Нагрузка сотрудников службы пробации очень часто составляет 100 правонарушителей на одного специалиста или больше, иными словами у социальных работников не хватает времени для интенсивной помощи заключенным. Преступник, отбывший наказание в тюрьме должен получить не «штамп», а шанс получить помощь и образование, надежду на лучшую жизнь после освобождения. Как уже отмечалось, исследования показывают, что уровень рецидива очень высок в первый год после освобождения, поэтому более интенсивная помощь и надзор могут помочь уменьшить этот показатель (Jehle et al. 2013, p. 166).

С 1970-х годов началась резкая критика программ терапии в США, особенно на фоне первых оценок последствий этих программ (see Lipton et al. 1975; Martinson 1976; Kury 1986). Между тем у нас есть много новых исследований по оценке воздействия современных терапевтических программ, особенно на основе когнитивно-поведенческих методов, которые показывают положительные результаты. Нарушители, которые принимают участие в этих курсах, имеют уровень рецидивов от 10 до 30%. Лечение стоит дорого, но, как показывают исследования, в итоге общество экономит деньги, затраты окупаются благодаря низкому уровню совершения повторных преступлений (Aos 2003). В Германии лишь немногие заключенные имеют возможность получить интенсивное лечение, социальную реабилитацию в лечебном заведении. Большинство заключенных после освобождения не получают должного внимания и лечения, но в то же время не всем заключенным необходимо лечение, вопрос о данном виде помощи должен решаться индивидуально в каждом конкретном случае.

4. Является ли восстановительное правосудие (медиация?) более эффективной и более дешевой альтернативой?

Хирши в своём докладе об уголовном сдерживании и тяжести приговора указывает, что «практика суровых приговоров ... могла бы иметь большее влияние, если бы сочеталась с гораздо более высокой степенью неотвратимости наказания» (Hirsch et al., 1999, p.48f). Но в то же время он пишет, что «сдерживание только одна из стратегий снижения уровня преступности. Существуют другие, в том числе те, которые предполагают использование более широкого спектра положительных и отрицательных стимулов в повседневных условиях (например, различные стратегии ситуативного и социального предупреждения преступности). Эти стратегии должны быть оценены как альтернативы сдерживанию преступности на основе политики наказания, следует оценить потенциальную эффективность альтернатив, их стоимость и способность снизить остроту проблемы социальной справедливости» (Hirsch et al., 1999, p.48f).

Между тем, например, в Германии альтернативы тюремному заключению и «классическому» уголовному наказанию широко обсуждаются, особенно в отношении несовершеннолетних преступников. Большинство экспертов отмечают, что альтернативы в настоящее время должны использоваться гораздо интенсивнее во всех уголовных делах, не только касающихся несовершеннолетних.

Медиация является историческим способом разрешения конфликта (Frühauf 1988, p. 8). В прошлом медиация была естественной частью регулирования конфликтов, связанных с преступлением. Например, Кодекс Хамурапи, написанный около 1700 лет до нашей эры кроме суровых наказаний содержал также подробные правила реституции для потерпевшего от правонарушителя, например, в случаях хищения или телесных повреждений, а также в случаях убийств. Свободные правила реституции были введены как способы регуляции конфликтов в большинстве обществ. Вопросы реституции также обсуждаются в Библии (Burnside). Шарп так пишет об этом: «Возмещение являлось проводником правосудия на протяжении всей человеческой истории» (Sharpe, 2007, p. 26).

Фрухауф описывает развитие реституции за последние столетия в немецкой юридической системе (Frühauf, 1988, с. 13ff). После 5-го века от Рождества Христова местные законы всё больше и больше записывались в книгах. Салическая правда, написанная между 507 и 511 годами от Рожде-

ства Христова, определяет реституцию как оплату, произведённую правонарушителем потерпевшему от различных преступлений. В следующих столетиях значение реституции уменьшалось по указам правителей, которые были заинтересованы, в установлении новых правил, контролируемых исключительно ими в целях укрепления своей власти. С установлением государственных законов в начале средних веков публичное право сменило частное право (Rossner 1998, с. 880). Новая концепция авторитарного наказания не оставляла больше места для реституции. Теперь государство взяло ответственность за решение конфликтов в свои собственные руки. Акцент сместился от интеграции к исключению: преступник должен быть изолирован от общества. Кристи указывает, что как только решение конфликтов стало прерогативой государства, так положение жертвы свелось лишь к роли свидетеля преступления и эта ситуация наблюдается до сих пор (Christie, 1977). Между тем потерпевшие и правонарушители всё больше и больше не удовлетворены сложившимся способом регулирования. Развитие виктимологии особенно критикует практику официального решения конфликтов судами. Потерпевший должен иметь больше прав, поэтому к процедуре медиации обращаются всё чаще и чаще.

Медиация рассматривается как процедура, позволяющая жертве и правонарушителю урегулировать конфликт путём примирения. Интересы обеих сторон соблюдаются независимым экспертом. Существуют различные формы посредничества: процедура может проводиться до официального судебного разбирательства, в ходе судебного разбирательства или после этого, даже во время нахождения преступника в тюрьме. Медиация используется не только для решения судебных споров, но и конфликтов между различными группами, в том числе в школе или в семье.

Брайтвэйт, один из основоположников нового этапа развития медиации считает, что следует различать медиацию и «восстановительное правосудие» и пишет: «Простая медиация между жертвой и правонарушителем может быть описана как «восстановительный процесс», но это исключает участие других заинтересованных стороны, например семью преступника» (Braithwaite, 2009, р. 497). В отличие от этого он понимает восстановительную юстицию как «идеальный процесс, в котором все заинтересованные стороны, пострадавшие от какого-либо преступления, имеют возможность собраться вместе для того, чтобы обсудить последствия преступления и сделать всё возможное, чтобы исправить несправедливость и понять потребности пострадавших. Конечно, такой идеал возможен в большей или меньшей степени». На основе этого определяется, что взаимодействие «один на один (жертвы и правонарушителя) – это медиация, но не восстановительная сессия, в которую потерпевшие и правонарушители могут ввести свои семьи и других сторонников. Для участия в сессии восстановительного правосудия обе стороны: потерпевшие и правонарушители могут пригласить людей, которые пользуются их особым уважением и доверием, чтобы те поддержали их». Восстановительное правосудие имеет дело не только с процессами, но «с ценностями. Речь идет о том, что если преступление ранит, то справедливость должна лечить. Главной ценностью восстановительного правосудия является отсутствия давления» (Braithwaite, 2009, с. 497; Braithwaite & Pettit 1990; Braithwaite 2002). Это значит расширение прав и возможностей, что в свою очередь означает устранение государства от «кражи конфликтов» (Christie 1977), от людей, которые хотят, уцепившись за конфликты и их разрешение, получить собственную выгоду. Расширение прав и возможностей означает также использование дополнительных преимуществ восстановительного правосудия, таких как прощение, исцеление и извинение, имеющих самостоятельную ценность. Если жертва хочет получить возмездие вместо возмещения убытков это также допустимо. «Но так как отсутствие давления является фундаментальной ценностью, которая стимулирует операциональную ценность расширения прав и возможностей, то, люди, в своём стремлении к мести, не должны нарушать основные человеческие права» (Braithwaite 2009, р. 497f).

Согласно мнению Волгрейв разница между восстановительным и уголовным правосудием особенно проявляется в следующих пунктах:

- преступность в восстановительном правосудии понимается не как нарушение абстрактной правовой установки, но как социальный вред;

- в уголовном правосудии, основным коллективным агентом является государство, в то время как в восстановительной юстиции под коллективом подразумевается местное сообщество;

- ответ на преступления - это не определённый набор процедур, идущий сверху вниз, но направлен снизу вверх с участием, на правах совещательного голоса, тех, кто прямо заинтересован в последствиях;

- в отличие от формализованного и рационального уголовно-процессуального правосудия, процессы восстановительного правосудия являются неофициальными, и допускают проявление эмоций и чувств;

- итог восстановительного правосудия – не только пропорциональное возмещение ущерба, но социально приемлемое или восстановительное решение проблемы, вызванной преступлением;

- справедливость в уголовном правосудии определяется «объективно», основываясь на законах, в то время как в восстановительном правосудии рассматривается в основном как результат субъективно-нравственного опыта. (Walgrave, 2007, p. 559).

В тоже время, в последние годы различия между уголовным и восстановительным правосудием уменьшились. «Становится очевидным, что четкая граница между восстановительным и уголовным правосудием не является устойчивой, как это было изначально» (Walgrave, 2007, с. 560).

Также нет четкого разделения различных типов медиации. Зернова и Райт пишут о том, что существует множество моделей того как восстановительное правосудие может быть практически реализовано в настоящее время. «Нет согласия среди сторонников восстановительной юстиции о том, как именно восстановительное правосудие должно осуществляться и какие отношения иметь с системой уголовной юстиции» (Zernova & Wright, 2007, p. 91). Хопт и Штефек на основании, проведённого международного сравнительного исследования, указывают, что определение и практическое применение медиации очень отличается в различных правовых системах (Hopt & Steffek, 2008, с. 12). Важным элементом медиации является реституция между потерпевшим и правонарушителем. Государство (правительство) также заинтересовано в медиации, так как это позволяет экономить деньги. Вместе с тем, отделение медиации от возмездия некоторыми авторами считают спорным. Так, по мнению Брайвайта и Странга, медиация и возмездие не совместимы и не могут быть объединены (Braithwaite & Strang, 2001). Другие авторы считают, что сочетание обеих процедур может быть лучшим способом разрешения конфликтов. Как пишет Громет: «возмездие является важным компонентом адресного заглаживания вины, и это сочетание восстановления и возмездия, позволяет лучше добиться справедливости. С этой точки зрения только восстановление также отвергается в качестве единственного приемлемого ответа на правонарушения. Сторонники этой модели утверждают, что и его жертва и общество имеют право желать возмездия за преступления, которое было совершено против них» (Gromet, 2009, стр. 45). Такого же мнения придерживаются многие другие исследователи (Barton 1999; Daly 2002; Duff 2003; Robinson 2003). Также Громет указывает, что «в интегративной модели восстановительного правосудия ... восстановление и возмездие не обязательно конкурируют ... сочетание восстановления и возмездия может обеспечить лучший ответ на преступление, чем самостоятельный отклик этих компонентов, несколько целей правосудия могут быть достигнуты....цели правосудия в отношении восстановления как реабилитации и возмездия как наказания правонарушителя, реституция и восстановление статуса пострадавшего, поддержка ценностей, принятых в обществе, обновление общества» (Gromet, 2009, p. 45f).

Волгрейв описывает другой момент: «... ограничение восстановительного правосудия только в рамках добровольной процедуры резко ограничит его объем Dignan 2002). Основным ответом на преступления останется принуждение и наказание. Система уголовного правосудия, вероятно, оставит восстановительному правосудию только серию незначительных случаев, исключая, таким образом, жертв тяжких преступлений, наиболее нуждающихся в восстановлении статуса» (Walgrave

2007, стр. 565). Этот процесс в большей или меньшей степени наблюдается сегодня в Германии. Между тем в Германии появляется все больше инициатив использовать медиацию и восстановительное правосудие в широком спектре уголовных дел, особенно учитывая положительные последствия процедуры. Немецкая служба пробации, основываясь на решении правительства Германии, создала бюро обслуживания – реституции потерпевших и правонарушителей (<http://www.toa-servicebuero.de/>). Как показывают данные общенациональной статистики всё больше и больше сервисных бюро занимается разрешением конфликтов (Kerner et al. 2005). В 2012 году Бундестаг (правительство Германии) приняло «Закон о развитии медиации и других процедур внесудебного урегулирования конфликтов» («Gesetz zur Förderung der Mediation und anderer Verfahren der außergerichtlichen Konfliktbeteiligung»). Закон также создан с целью реализации Правила 2007/52/EG Европейского парламента 2008 года.

Хорт и Штефек на страницах своей книги приводят информацию о развитии медиации в других европейских странах (Hopt & Steffek, 2008). Существуют четкие различия между странами в реализации принципов медиации. Правила различны. В то время как в западных странах восстановительное правосудие получило развитие с начала 1980-х годов и с течением времени используется всё больше и больше, в странах Восточной Европы инициативы слабее, меньше информации и исследований. Вилемсен и Волгрейв указывают: «хотя в ряде стран Центральной и Восточной Европы практика медиации между потерпевшим и правонарушителем уже хорошо известна (например, в Польше, Чехии, и Словении), другие все еще пытаются предпринять первые шаги» (Willemsen & Walgrave, 2007, p. 491). Европейский форум стремится к тому, чтобы помочь организовать в рамках AGIS2 – Проект «Решение задач внедрения медиации между жертвой и правонарушителем в странах Центральной и Восточной Европы».

Вилемсен и Волгрейв, на фоне собственного исследования, сформулировали несколько препятствий в сотрудничестве с восточной Европой по вопросам медиации, такие как:

- существенное одобрение политики наказания среди общественности и официальных лиц (см. также Kury & Shea 2011),
- не критическое отношение к тюремному заключению,
- сильное сопротивление полиции, прокуроров и судей, которые боятся конкуренции,
- пассивное гражданское общество и ослабленная легитимность государства и его институтов,
- ограниченное доверие к НГО и их профессиональным возможностям,
- отсутствие информации о восстановительном правосудии и его программах;
- нестабильная экономическая ситуация, что затрудняет ведение проектов,
- отсутствие традиции сотрудничества и диалога в ряде секторов экономики, - общая потеря надежды на лучшее будущее, настроение уныния и цинизма,
- распространение семейственности и даже коррупции в системе уголовного правосудия,
- административные и финансовые запреты для агентств, что снижает качество работы» (Willemsen & Walgrave, 2007, стр. 491).

Исследователи также пишут о медиации в России. Как указывает Курзунский–Зингер в своём отчете, медиация в России является относительно новой темой, которая не так много обсуждается и имеется незначительный опыт работы с преступлениями с помощью данной процедуры (Kurzynsky-Singer, 2008, p. 837ff.) .

5. Эффективность альтернативных видов наказания

Ответ на вопрос об эффективности программ восстановительного правосудия и медиации содержится во многих эмпирических исследованиях, выполненных на международном уровне. Как пишут Байсмор и Элида, на основе результатов проведённых исследований, очевидно утверждение

о том, что «позитивное воздействие восстановительного правосудия наблюдается на нескольких уровнях, начиная от впервые совершивших преступления, переходя к преступлениям средней тяжести и более серьезным насильственным деяниям» (Bazemore & Elis, 2007, p. 397; см. также Hayes, 2007). В отличие от развития ресоциализирующих программ в тюрьмах, в которых итоги не всегда положительные, результаты, доказывающие влияние восстановительного правосудия отличаются более стабильным положительным эффектом. «Большинство исследований восстановительных программ, в том числе последние мета-анализы указывают на положительное влияние... и некоторые полагают, что восстановительные программы могут иметь такой же или более сильный эффект, чем многие программы терапии ...» (Bonta et al. 2000; Nugent et al. 2003). Положительный эффект для жертв преступлений тоже очевиден.

Хейс также указывает, что восстановительное правосудие оказывает положительное воздействие на правонарушителя и жертву: «Кажется очевидным, что процесс восстановительного правосудия несёт преимущества для потерпевших, правонарушителей и общества. Жертвы получают выгоду от активного участия в процессе отправления правосудия. Нарушители имеют возможность загладить причинённый вред и возместить ущерб. Общество, оказывая социальную помощь по месту жительства, извлекает выгоду из преодоления конфликта путём восстановительных процедур... В этом смысле, восстановительное правосудие добивается сразу нескольких целей (привлекает правонарушителей к ответственности, предоставляя им возможность загладить свою вину символическим и материальным способами, поощряет взаимодействие между преступниками, жертвами и сообществами социальной помощи по месту жительства» (Hayes, 2007, p. 426). Таким образом, критика медиации, основанная на том, что она помогает правонарушителям, но не жертвам не находит подтверждения. Обе стороны получают положительные результаты, если процедура сделана хорошо. Однако, к настоящему моменту острым остаётся вопрос о возможности рецидива после проведения процедуры восстановительного правосудия.

Исследования, проведённые по данной проблеме, имеют трудности с методологией: на некоторые вопросы очень непросто ответить и сложно отследить зависимость. Также нелегко найти доказательства эффективности такой сложной процедуры как восстановительное правосудие. Здесь мы сталкиваемся со схожими проблемами, которые встречали десятилетия назад, исследуя результаты терапевтических программ для правонарушителей (см. Lipton et al. 1975). Восстановительное правосудие представляет собой свободную и сложную концепцию, процедура которой часто очень отличается в разных проектах. Жертва и преступник должны принять процедуру, поэтому мы автоматически сталкиваемся с проблемой «self-selection bias» (Gromet 2009, p. 41). Некоторые проекты могут иметь очень хорошую теоретическую основу, но реальная процедура отличается от теории (Hoyle 2002, p.116). Проведение экспериментальных исследований ограничено этическими нормами. Также неясными остаются возможности рецидива (Menkel-Meadow 2007). С учётом всего вышесказанного, Хейс приходит к окончательному выводу: «Несмотря на результаты, которые показывают недостаточную эффективность восстановительного правосудия..., а в некоторых случаях даже увеличение числа правонарушений..., перевес данных научных исследований по восстановительному правосудию, с одной стороны, и рецидива – с другой, кажется склонился в положительном направлении, демонстрируя, что восстановительное правосудие имеет потенциал для снижения преступности. Я не делаю окончательных заявлений о способности восстановительного правосудия предотвращать преступления, потому что, на данном этапе, мы просто знаем недостаточно о том, как и каким образом восстановительное правосудие повлияет на поведение правонарушителей в будущем. Однако я, предполагаю, что, в конечном счете, восстановительное правосудие «работает»» (Hayes, 2007, p. 440). Восстановительное правосудие имеет эффект снижения рецидивной преступности, но изучение опыта и последствий подобного регулирования остаётся очень важной темой.

Некоторые авторы отмечают, что сокращение рецидива преступлений не должно быть основным фокусом внимания восстановительного правосудия (см. Morris 2002). Очень важный аспект

заключается в том, чтобы помочь пострадавшим избавиться от негативных последствий. «Вместо того чтобы сосредоточить эмпирическое изучение непосредственно на повторных правонарушениях, возможно, исследователям следует попытаться лучше понять весь комплекс последствий восстановительных процессов» (Hayes 2007, с. 440). Брейтвэйт, один из отцов-основателей восстановительного правосудия считает, что положительные эффекты впечатляют, в том числе в деле снижении уровня рецидива (Braithwaite, 1999; 2009). Он обобщил результаты исследований из разных стран, которые показывают впечатляющие снижение рецидивной преступности. «Восстановительное правосудие является более успешным в том, что правонарушители берут на себя ответственность за преступления. Это происходит потому, что они испытывают больше угрызений совести, чем при традиционных процессах уголовного права». Данный эффект медиации может быть использован во многих сферах, например, распространение травли в школах (буллинг) может быть значительно уменьшено (Olweus 1993).

Хопт и Штефек указывают, эффект восстановительного правосудия и медиации коррелирует с правовой ситуацией в стране и общепринятой культурой разрешения конфликтов в обществе, очень важным моментом также является международное сравнение (Hopt & Steffek, 2008, с. 77). Например ситуация в России очень разительно отличается по сравнению с Германией. Правовые условия и отношение к способам разрешения конфликтов различны в странах бывшего Советского Союза, с учётом особенностей исторического развития и юридической практики (see Ludwig & Kräupl 2005). Это также оказывает влияние на отношение к казни и наказанию (Kury & Shea 2011). Хопт и Штефек приходят к выводу, что медиация является очень плодотворным и позитивным методом, способствующим снижению конфликтов в обществе (Hopt & Steffek, 2008, p.79). Также очень важно установить порядок в системе регулирования конфликтов, в том числе и по уголовным делам. Медиация требует меньше времени и стоит дешевле, чем классические процедуры. Исследования Балса показали, что более 90% правонарушителей и жертв отметили, что медиация - это хороший способ примирения, 80% жертв преступлений и 57,1% правонарушитель посчитали, что их дело было рассмотрено очень справедливо (Bals, 2006).

6. Обсуждение и заключение

Опыт из Германии и других западных стран показывает, что ввод процедуры медиации и восстановительного правосудия в существующую уголовно-исполнительную систему – это непростое дело, людям требуется время, чтобы оценить все преимущества процедуры. Информировать следует как профессиональное сообщество, так и рядовых членов общества. Большинство потерпевших от преступлений, возможно за исключением жертв очень серьёзных деяний, готовы сотрудничать после получения информации о порядке и возможностях процедуры. Медиация также очень важна для правонарушителей, так как позволяет им осознать вину и демонстрирует варианты возмещения причинённого ущерба. Взаимодействие правонарушителей и жертв, ведёт к более глубокому, личностному осознанию вины. Они понимают, что несут ответственность за то, что совершили, но также и то, что общество заинтересовано в них.

Уголовный приговор должен выноситься более обдуманно, восприниматься как начало изменения личности и поведения правонарушителя. Решение о наказании суд должен использовать таким образом, чтобы заставить преступников взять на себя ответственность за собственное изменение, мотивируя к тому, что сроки тюремного заключения могут быть уменьшены, например, в случае сотрудничества или персонального взаимодействия с командой специалистов (в том числе психотерапевтов). В этом случае медиация является хорошим шансом. Помощь при освобождении из тюрьмы, особенно в первое время должна быть более продуктивной, здесь также медиация может играть важную роль. Результаты научных исследований говорят о положительных последствиях, которые должны стимулировать развитие данного процесса. Суровое наказание не имеет таких положительных эффектов.

Литература:

1. Аболонин В.О. Коммерческая медиация в России: особый вектор развития / В.О. Аболонин // Закон. - 2012. - № 3. - С. 57-67
2. Борисова Е.А. Российская процедура медиации: концепция развития / Е.А. Борисова // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. - 2011. - № 5. - С. 18-30.
3. Восстановительное правосудие в России / под. общ. редакцией Н.В. Путинцевой М.: МОО «Центр Судебно-правовая реформа», 2012 – 70 с.
4. Комарова Ю. А. Понятие, виды и место медиации в системе разрешения споров // Право и государство : теория и практика. - 2011. - № 2. - С. 107-111.
5. Колобашкина С. С. Проблемы использования адвокатом переговоров и медиации как внесудебных средств разрешения спора // Адвокат. - 2011. - № 2. - С. 18-24.
6. Кури Х, Ильченко О. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. № 2 (26), 2013. - С. 240-256.
7. Рогожин М. Ю. Медиация - новая альтернатива судебной процедуре урегулирования споров // Налоговый вестник - 2011. - № 1. - С. 44-49.
8. Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Известия вузов. Правоведение. – 1998. – № 4.
9. Справка о практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70120182/?prime#ixzz34I1A5Ogg>
10. Andrews, D.A., Bonta, J. (2010). Rehabilitating Criminal Justice Policy and Practice. Psychology, Public Policy, and Law 16, 39-55.
11. Aos, S. (2003). Cost and Benefits of Criminal Justice and Prevention Programs. In: Kury, H., Obergfell-Fuchs, J. (Eds.), Crime Prevention – New Approaches. Mainz: Weisser Ring, 413-442.
12. Aslan, R. (2013). Zealot. The Life and Times of Jesus of Nazareth. New York: Random House Publishing.
13. Bals, N. (2006). Täter-Opfer-Ausgleich – Cui bono? Befunde einer Befragung von Geschädigten und Beschuldigten. Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform 89, 131-145.
14. Bannenberg, B., Weitekamp, E.G.M., Rössner, D., Kerner, H.-J. (1999). Mediation bei Gewaltstraftaten in Paarbeziehungen. Baden-Baden.
15. Bargel, T. (2008). Wandel politischer Orientierungen und gesellschaftlicher Werte der Studierenden. Studierendensurvey: Entwicklungen zwischen 1983 und 2007: Bonn: Bundesministerium für Bildung und Forschung.
16. Barton, C.K.B. (1999). Getting even: Revenge as a form of justice. Peru/IL: Open Court Publishing.
17. Bazemore, G., Elis, L. (2007). Evaluation of restorative justice. In: Johnstone, G., Van Ness, D.W. (Eds.), Handbook of Restorative Justice. Cullompton: Willan Publishing, 397-425.
18. Bliesener, T., Thomas, J. (2012). Wirkt Strafe, wenn sie der Tat auf dem Fuße folgt? Zur psychologisch-kriminologischen Evidenz des Beschleunigungsgebots. Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe – ZJJ 23, 382-390.
19. Bonta, J., Wallace-Capretta, S., Rooney, J. (2000). Quasi-experimental evaluation of an intensive rehabilitation supervision program. Criminal Justice and Behavior 27, 312-329.
20. Braithwaite, J. (1989). Crime, shame and reintegration. Cambridge/UK: University Press.
21. Braithwaite, J. (1999). Restorative Justice: Assessing Optimistic and Pessimistic Accounts. In: Tonry, M. (Ed.), Crime and Justice: A Review of Research. Vol. 25. Chicago: University of Chicago Press, 1-127.
22. Burnside, J. (2007). Retribution and restoration in biblical texts. In: Johnstone, G., Van Ness, D.W. (Eds.), Handbook of Restorative Justice. Cullompton: Willan 132-148.

23. Bush, R.A.B., Folger, J.P. (2005). *The Promise of Mediation – The Transformative Approach to Conflict*. San Francisco.
24. Cavadino, M., Dignan, J. (2006). Penal policy and political economy. *Criminology & Criminal Justice* 6, 435-456.
25. Christie, N. (1977). Conflicts as Property. *British Journal of Criminology* 17, 1-26.
26. Clemmer, D. (1940). *The prison community*. Boston: Christopher.
27. Crawford, A., Newburn, T. (2003). *Youth Offending and Restorative Justice: Implementing Reform in Youth Justice*. Cullompton: Willan Publishing.
28. Doob, A.N., Roberts, J. (1983). *Sentencing: An analysis of the public's view of sentencing*. Ottawa: Department of Justice.
29. Frühauf, L. (1988). *Wiedergutmachung zwischen Täter und Opfer. Eine neue Alternative in der strafrechtlichen Sanktionspraxis*. Gelsenkirchen: Verlag Dr. Mannhold.
30. Garland, D. (2009). A note on penal populism. In *Japanese Association of Sociological Criminology* (Ed.), *Globalised penal populism and its countermeasures*. Tokyo, Japan: Gendaijinbunsha.
31. Gelb, K. (2006). *Myths and Misconceptions: Public Opinion versus Public Judgment about Sentencing*. Melbourne/Australia: Sentencing Advisory Council.
32. Gelber, C. (2012). Viktimologische Ansätze im Strafvollzug. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform* 95, 441-450.
33. Gelber, C., Walter, M. (2012). Über Möglichkeiten einer opferbezogenen Vollzugsgestaltung. *Forum Strafvollzug* 61, 171-172.
34. Griffiths, C. (1999). The victims of crime and restorative justice: The Canadian experience. *International Review of Victimology* 6, 279-294.
35. Gromet, D.M. (2009). Psychological perspectives on the place of restorative justice in criminal justice systems. In: Oswald, M.E., Bieneck, S., Hupfeld-Heinemann, J. (Eds.), *Social Psychology of Punishment of Crime*. Chichester: Wiley-Blackwell 39-54.
36. Gross, S.R. (1998). Update: American public opinion on the death penalty – it's getting personal. *Cornell Law Review* 83, 1448-1475.
37. Hagemann, O. (2003). Restorative Justice in Prison? In: Walgrave, L. (Ed.), *Repositioning Restorative Justice*. Cullompton: Willan Publishing.
38. Hayes, H. (2007). Reoffending and restorative justice. In: Johnstone, G., Van Ness, D.W. (Eds.), *Handbook of Restorative Justice*. Cullompton/UK: Willan Publishing, 426-444.
39. Hestermann, T. (2010). Fernsehgewalt und die Einschaltquote. Welches Publikumsbild Fernsehschaffende leitet, wenn sie über Gewaltkriminalität berichten. Baden-Baden: Nomos.
40. Hirsch, A. von, Bottoms, A.E., Burney, E., Wikström, P.-O. (1999). *Criminal Deterrence and Sentence Severity. An Analysis of Recent Research*. Oxford, Portland Oregon: Hart Publishing.
41. Hopkins, B. (2004). *Just Schools: A Whole School Approach to Restorative Justice*. London, New York: Jessica Kingsley.
42. Hopt, K.J., Steffek, F. (Eds.) (2008). *Mediation. Rechtstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen*. Tübingen: Mohr Siebeck.
43. Hough, M., Park, A. (2002). How malleable are attitudes to crime and punishment? Findings from a British deliberative poll. In: Roberts, J.V., Hough, M. (Eds.), *Changing attitudes to punishment: public opinion, crime and justice*. Cullompton/UK: Willan, 184-197.
44. Hough, M., Lewis, H., Walker, N. (1988). Factors associated with 'punitiveness' in England and Wales. In: Walker, N., Hough, M. (Eds.), *Public attitudes to sentencing: surveys from five countries*. Aldershot, UK: Gower.
45. Hoyle, C. (2002). Securing restorative justice for the 'Non-participating' victim. In: Hoyle, C., Young, R. (Eds.), *New visions of crime victims*. Oxford, Portland/Oregon: Hart Publishing, 97-131.

46. Jehle, J.-M., Albrecht, H.-J., Hohmann-Fricke, S., Tetel, C. (2013). Legalbewährung nach strafrechtlichen Sanktionen. Eine bundesweite Rückfalluntersuchung 2007 bis 2010 und 2004 bis 2010. Berlin: Bundesministerium der Justiz.
47. Jessel-Holst, C. (2008). Mediation in Ungarn. In: Hopt, K.J., Steffek, F. (Eds.), Mediation. Rechtstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen. Tübingen: Mohr Siebeck, 906-921.
48. Johnstone, G. (2007). Critical perspectives on restorative justice. In: Johnstone, G., Van Ness, D.W. (Eds.), Handbook of Restorative Justice. Cullompton: Willan Publishing, 598-614.
49. Johnstone, G., Van Ness, D.W. (Eds.)(2007). Handbook of Restorative Justice. Cullompton: Willan Publishing.
50. Johnstone, G., Van Ness, D.W. (2007). The meaning of restorative justice. In: Johnstone, G., Van Ness, D.W. (Eds.), Handbook of Restorative Justice. Cullompton: Willan Publishing, 5-23.
51. Kumpmann, S. (2007). Kosten und Kostenersparnis im Täter-Opfer-Ausgleich. Praxisheft Täter-Opfer-Ausgleich Nr. 5. Servicebüro für Täter-Opfer-Ausgleich und Konfliktschlichtung.
52. Kury, H. (1986). Die Behandlung Straffälliger. Teilband 1: Inhaltliche und methodische Probleme der Behandlungsforschung. Berlin: Duncker & Humblot.
53. Kury, H. (2001). Das Dunkelfeld der Kriminalität. Oder: Selektionsmechanismen und andere Verfälschungsstrukturen. Kriminalistik 55, 74-84.
54. Kury, H. (2013). Zur (Nicht-)Wirkung von Sanktionen – Ergebnisse internationaler empirischer Untersuchungen. In: Kury, H., Scherr, A. (Eds.), Zur (Nicht-)Wirkung von Sanktionen. Immer härtere Strafen – immer weniger Kriminalität? Soziale Probleme 24, 11-41.
55. Kury, H., Lerchenmüller, H. (Eds.)(1981). Diversion. Alternativen zu klassischen Sanktionsformen. 2 Volumes. Bochum: Studienverlag Brockmeyer.
56. Kury, H., Kern, J. (2003). Frauen und Kinder von Inhaftierten. Eine vergessene Gruppe. Kriminologisches Journal 35, 97-110.
57. Kury, H., Kania, H., Obergfell-Fuchs, J. (2004). Worüber sprechen wir, wenn wir über Punitivität sprechen? Versuch einer konzeptionellen und empirischen Begriffsbestimmung. Kriminologisches Journal 36, 51-88.
58. Kury, H., Obergfell-Fuchs, J. (2006). Zur Punitivität in Deutschland. In: Kury, H. (Ed.), Härtere Strafen – weniger Kriminalität? Soziale Probleme 17, 119-154.
59. Kury, H., Shea, E. (Eds.)(2011). Punitivity – International Developments. 3 Vols. Bochum: Universitätsverlag Brockmeyer.
60. Kurzynsky-Singer, E. (2008). Mediation in Russland. In: Hopt, K.J., Steffek, F. (Eds.), Mediation. Rechtstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen. Tübingen: Mohr Siebeck, 837-853.
61. Lappi-Seppälä, T. (2011). Changes in Penal Policy in Finland. In: Kury, H., Shea, E. (Eds.), Punitivity – International Developments. Vol. 1: Punitiveness – a global phenomenon? Bochum: Studienverlag Dr. Brockmeyer, 251-287.
62. Lipton, D.S., Martinson, R., Wilks, J. (1975). The Effectiveness of Correctional Treatment : A Survey of Treatment Evaluation Studies. New York.
63. Ludwig, H., Kräupl, G. (2005). Viktimisierung, Sanktionen und Strafverfolgung. Jenaer Kriminalitätsbefragung über ein Jahrzehnt gesellschaftlicher Transformation. Mönchengladbach: Forum Verlag Godesberg.
64. Martinson, R. (1974). What Works? – Questions and Answers about Prison Reform. The Public Interest 22-52.
65. Mestitz, A. (2005). A comparative perspective on victim-offender mediation with youth offenders throughout Europe. In: Mestitz, A., Ghetti, S. (Eds.), Victim-Offender Mediation with Youth Offenders in Europe. Amsterdam: Springer.
66. Miers, D. (2007). The international development of restorative justice. In: Johnstone, G., Van Ness, D.W. (Eds.), Handbook of Restorative Justice. Cullompton: Willan, 447-467.

67. Ministry of Justice, UK (2013). More mediation encouraged as divorce hotspots are revealed. Press Information of the English Ministry of Justice from 20. 2. 2013. London: Ministry of Justice (<http://www.justice.gov.uk/new/features/figures-show-divorce-hot-spots>;
68. <http://www.justice.gov.uk/news/press-release/moj/more-mediation-encouraged-as-divorce-hotspots-are-revealed>)
69. Morris, A. (2002). Critiquing the critics: A brief response to critics of restorative justice. *British Journal of Criminology* 42, 596-615.
70. Morrison, B. (2007). Schools and restorative justice. In: Johnstone, G., Van Ness, D.W. (Eds.), *Handbook of Restorative Justice*. Cullompton: Willan Publishing, 325-351.
71. Moser, T. (1972). *Jugendkriminalität und Gesellschaftsstruktur*. Frankfurt/M.: Fischer.
72. Nugent, W., Williams, M., Umbreit, M.S. (2003). Participation in victim-offender mediation and the prevalence of subsequent delinquent behaviour: A meta-analysis. *Utah Law Review*, 137-166.
73. Ortmann, R. (2002). *Sozialtherapie im Strafvollzug. Ein experimentelle Längsschnittstudie zu den Wirkungen von Strafvollzugsmaßnahmen auf Legal- und Sozialbewährung*. Freiburg: edition iuscrim.
74. Reuband, K.-H. (2011). Changing Punitiveness in the German Population? A Review of the Empirical Evidence Based on Nationwide Surveys. In: Kury, H., Shea, E. (Eds.), *Punitivity – International Developments*. Vol. 2: Insecurity and Punitiveness. Bochum: Universitätsverlag Dr. Brockmeyer, 131-163.
75. Roberts, J.V. (2002). Public opinion and sentencing policy: In: Rex, S., Tonry, M.H. (Eds.), *Reform and punishment: the future of sentencing*. Cullompton, UK: Willan.
76. Roberts, J.V., Stalans, L.S., Indermaur, D., Hough, M. (2003). *Penal populism and public opinion: Lessons from five countries*. Oxford, UK: Oxford University Press.
77. Roberts, J.V., Hough, M. (Eds.) (2002). *Changing attitudes to punishment: Public opinion, crime and justice*. Cullompton: Willan Publishing.
78. Roberts, J.V., Hough, M. (2005). *Understanding public attitudes to criminal justice*. Maidenhead, UK: Open University Press.
79. Sack, F. (2006). Deutsche Kriminologie: auf eigenen (Sonder)Pfaden? Zur deutschen Diskussion der kriminalpolitischen Wende. In: Obergfell-Fuchs, J., Brandenstein, M. (Eds.), *Nationale und internationale Entwicklungen in der Kriminologie. Festschrift für Helmut Kury zum 65. Geburtstag*. Frankfurt/M.: Verlag für Polizeiwissenschaft, 35-71.
80. Sato, M. (2014). *Public opinion and the death penalty in Japan: Measuring tolerance for abolition*. Berlin: Springer.
81. Scheerer, S. (1978). Der politisch-publizistische Verstärkerkreislauf. *Kriminologisches Journal* 10, 223-227.
82. Senghaus, P. (Ed.) (2010). *Mediation und Polizei*. Rothenburg/Oberlausitz: Sächsische Polizei.
83. Sessar, K. (1992). *Wiedergutmachen oder Strafen. Einstellungen in der Bevölkerung und der Justiz*. Pfaffenweiler: Centaurus-Verlagsgesellschaft.
84. Streng, F. (2014). *Kriminalitätswahrnehmung und Punitivität im Wandel. Kriminalitäts- und berufsbezogene Einstellungen junger Juristen*. Heidelberg: Kriminalistik.
85. Sykes, G.M. (1958). *The society of captives*. New Jersey: University Press.
86. Van Ness, D.W. (2007). Prisons and restorative justice. In: Johnstone, G., Van Ness, D.W. (Eds.), *Handbook of Restorative Justice*. Cullompton: Willan Publishing, 312-324.
87. Verrel, T. (2012). Zur (Un)Wirksamkeit schnellerer Reaktionen auf Jugendstraftaten - Erkenntnisse aus der Begleitforschung zum nordrhein-westfälischen „Staatsanwalt for/für den Ort“. In: Hilgendorf, E., Rengier, R. (Eds.), *Festschrift für Wolfgang Heinz zum 70. Geburtstag*. Baden-Baden: Nomos, 521-530.
88. Weber, M. (1980). *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Verstehenden Soziologie*. 5th Edition, Studienausgabe, published by J. Winckelmann, Tübingen: Mohr.

89. Weitekamp, E. (2002). Restorative justice: Present prospects and future directions. In: Weitekamp, E., Kerner, H.-J. (Eds.), *Restorative Justice: Theoretical Foundations*. Cullompton: Willan Publishing.
90. Willemsens, J., Walgrave, L. (2007). Europe. In: Johnstone, G., Van Ness, D.W. (Eds.), *Handbook of Restorative Justice*. Cullompton: Willan Publishing, 488-499.
91. Winterdyk, J., King, Doug (2011). Perspective on Punitiveness for Adult Offenders: Contrasting Canada and the United States. In: Kury, H., Seha, E. (Eds.), *Punitivity – International Developments*. Vol. 3: Punitiveness and Punishment. Bochum: Universitätsverlag Dr. Brockmeyer, 101-132.

**МЕЖДУНАРОДНО ПРИЗНАННЫЙ РУССКИЙ КРИМИНОЛОГ,
ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР ЯКОВ ИЛЬИЧ ГИЛИНСКИЙ – 80 ЛЕТ!**

* Яков Ильич родился 16.06.1934 г. в Санкт-Петербурге (тогда Ленинград). Сегодня он является заведующим кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, деканом юридического факультета Балтийского института экологии, политики и права и профессором Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ. Он член Нью-Йоркской Академии наук и Европейского Общества криминологов. Автор свыше 530 научных трудов, в том числе более 20 монографий. Свыше 130 трудов изданы на разных языках.

* Яков Ильич считает, что большинство его работ посвящено проблемам криминологии и девиантности – социологии девиантности и социального контроля. А желающие всегда могут ознакомиться с ними, например: Я. Гилинский. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013.

* Яков Ильич никогда не жалеет, что стал юристом. Маме – Елене Львовне он обязан всем, и воспитанием и трудолюбием.

* С Яковым Ильичом познакомился почти 40 лет назад, когда я летом в 1977 г. находился около Санкт-Петербурга в Стрельна Свято-Троицком Сергеева Приморской пустыни, православном мужском монастыре (основан в 1734 г.) высших курсов штабных работников МВД СССР. Тогда в монастыре находилась Специальная средняя школа милиции. Во время курсов, я был часто приглашен в квартиру любимой жены Якова Ильича - Наташу, где собирались на «домашний семинар» представители разных областей науки (юристы, философы, психиатры, экономисты и др.).

* Яков Ильич блокадник Ленинграда (08.09.1941-27.01.1944). Он пишет в своей замечательной книге «Я в мире, мир во мне» / Неконченные мемуары. Санкт-Петербург, 2010, следующее: «Зима 1941/42 г. была самая мучительная. Голод заставлял думать все время о еде. Мама с теткой и бабушкой делили жалкие крохи хлеба (по 125 г. на человека при отсутствии других продуктов) между нами, включая двухгодовалого двоюродного брата, на три части – «завтрак», «обед» и «ужин». Но есть очень хотелось, и три кусочка в день не устояли голод. Я стал требовать, чтобы мне мою дневную порцию выдали сразу, чтобы я смог сразу ее съесть, хоть немного почувствовать «сытость», а остаток дня – будь что будет... Выхожу однажды на кухню, а на кухонном столе сидит огромная крыса и смотрит на меня... Бедные крысы, а также их враги – несчастные кошки (да и собаки) либо умерли в блокаду от голода, либо были съедены людьми... Впрочем, съедали и людей. Случаи каннибализма были не единичны в блокаду...».

* Яков Ильич принимал участие во всех Балтийских криминологических семинарах, начиная с 1987 г. в Кялярику (Эстония), где участвовали очень известные криминологи из всех уголков земного шара. К сожалению многих из них уже нет среди нас.

* Яков Ильич в своих научных произведениях некомпромиссный критик коррупции своей родины, особенно в системе юстиции.

* Яков Ильич являлся оппонентом моей докторской диссертации вместе с профессорами Л.И. Спиридоновым (Санкт-Петербург) и Дз. Сепсом (Рига) в 19.06.1992 г. в зале ученого совета Тартуского университета, где присутствовали почти все самые известные криминологи из Тарту, Риги, Вильнюса и Санкт-Петербурга.

* Яков Ильич очень любит животных. У него было дома много бездомных кошек и собак, с которыми дружил и я, когда был у него в гостях. Говорят: люди которые любят животных – добрые люди!

* Яков Ильич, давний друг эстонским криминологам. Творческие связи издавна связывают эстонских и Санкт-Петербургских криминологов. Например, в течение многих лет издан ряд совместных работ русских и эстонских профессоров Л.И. Спиридонова, Я.И. Гилинского, Э. Раска и А. Лепса. Никто не сомневается, что сотрудничество между русскими и эстонскими криминологами продолжается.

Твой друг

Андо Лепс

Доктор юридических наук, профессор, воспитанник Тартуского университета, член Парламента Эстонии в 1995-2003 годах (Эстония, Таллинн)

ОТКУДА «БЕРЕТСЯ» УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ОПРЕДЕЛЕННАЯ ОСНОВА КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ?

Андо Лепс

д.ю.н., профессор, член Римского Клуба Эстонии,
Правовая Академия Таллинского Университета,
член Парламента Эстонии в 1995-2003 гг.

Подавляющее большинство научных работ русского профессора Я.И. Гилинского посвящено проблемам криминологии и девиантности – социологии девиантности и социального контроля. Во все времена люди тщетно пытались «ликвидировать» нежелательные виды поведения – преступность, пьянство, наркотизм, сексуальные «извращения» и т.п. При этом человечество испробовало все мыслимые методы воздействия на «девиантов», включая пытки, квалифицированные виды смертной казни, калечение, галеры, каторгу, тюрьмы. ... Все виды девиантности, включая преступность – суть социальные конструкты... Однако, до сих пор, ничего не вышло. ... Еще Э. Дюркгейм утверждал, что «Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно».¹

Аннотация. Впервые в юридической литературе, мы постарались раскрыть эти социальные процессы развитого (монопольного) капитализма, которые порождают такие социальные явления, как право, преступление и наказание.

Ключевые слова: Философия права и неправа, положительное право, законодательство, прибавочная стоимость.

Бытие

Диалектическая логика гениального немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля распадается на три отдела: на логику бытия, сущности и понятия.

1) В первую категорию бытия – качество - входит три категории: а) единичное владение как таковое; б) владение как бытие для другого и потому признанное другим (собственность); в) договор как наличное единство воли обменивающихся, образующее «для-себя-бытие» владения, - составляют непосредственные определения права, характеризуя его со стороны *качества*. Конечно, такое определение, характеризующее правовые отношения лишь в качестве отношений собственности, не есть характеристика развитого права, например, правовой системы при современных капиталистических производственных отношениях.² Следовательно, договор является только внешней формой «для-себя-бытия» владения, а внутри-себя-бытием, что является более важным, чем *договор*, есть *прибавочная стоимость*, как *субстрат*, ради чего товаровладельцы и обменивают свой товар.

2) «Неэквивалентность обмена, пишет К. Маркс, обуславливает далее возможность произвола отдельных индивидов – их посягательства на равенство сторон в договоре, то есть на самую основу абстрактного права. Юридическое выражение этого произвола, которые входят в логической категории количество, охватывает все три возможных степени посягательства: 1) нарушение принципа равенства, устанавливаемого правом, когда стороны не подозревают о неравноценности обмена, то есть, по характеристике К. Маркса, в случае субъективной ошибки во взаимной оценке; 2) нарушение договора, когда посягающий злоупотребляет доверием контрагента в рамках самого договорного отношения, то есть, по словам К. Маркса, «в случае, если один индивид надувает дру-

¹ См.: Гилинский Я.И. Я В МИРЕ, МИР ВО МНЕ/Неоконченные мемуары. Издательство ДЕАН. СПб., 2010. С. 74-75.

² См.: Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. Издательство Ленинградского университета, 1973. С. 49.

гого»; 3) преступление, когда посягающий попирает право (договор) как таковое, отрицая за ним значение видимости, то есть в случае вступления «изолированного индивида» в борьбу «против господствующих отношений».³ Первые две формы составляют сферу преимущественно гражданского права, третья - уголовного.⁴ Гегель фиксирует этот процесс как количество.

3) Единство качества и количества образует *меру*. С категориальной точки зрения законодательство, в том числе и правонарушение (преступление) и наказание, относится к логической категории *мера*. «Мера, как единство качества и количества, - пишет Гегель, - есть, следовательно, вместе с тем завершенное бытие».⁵

Категории бытия – качество, количество и мера как состояния абстрактного и положительного права, согласно Гегеля, представляют собой различные состояния некоторого *субстрата*. Они не существуют для себя, а составляют определения, приписываемые или принадлежащие другому - *субстрату*. Поэтому ряды отношения мер (качество, количество, мера) должны быть мыслимы, как состояния, в основе которых лежит *субстрат*, как их носитель, играющей роль причины или действия. Итак, этим субстратом является как раз – *прибавочная стоимость, как новое знание, как истина*. Вместе с тем исчезнет и загадочность правонарушения (преступления) и наказания.⁶

Логическая категория мера, как и количество, является уже прерогативой государства. Правонарушение (преступление) и наказание есть уже «рабочее поле» законодателя как парламента, т.е. государственного учреждения. Однако, как нам кажется, Гегель рассматривает первоначально общество как «гражданское общество», как раздираемое противоречивыми интересами антагонистическое общество, как войну всех против всех, вместе с государством и только в абсолютном отношении показывает, каким образом государство разделяется от общества и как гражданское общество «переходит» в государство.

Сущность

«Истина бытия, - пишет Гегель, - это *сущность*».⁷ «Будучи изначально коллективным существом, пишет, - Л. И. Спиридонов, - единичный владелец предполагает наличие других владельцев. И поскольку здесь выбор производителями вида деятельности определяется в зависимости от «в силу природной хитрости, искусства убеждать и т.д., словом лишь в силу чисто индивидуального превосходства одного индивида над другим», поскольку продукт труда одного индивида отличен от продукта труда другого индивида. Это, в свою очередь, обуславливает различие потребностей производителей-владельцев, побуждает их к обмену и делает последний необходимым».⁸ Обменное отношение придает владельцам новые определения, выводящие их за пределы собственной единичности. Раз индивид А может удовлетворить свою потребность, лишь получив товар индивида В, и наоборот, - оба они пользуются друг другом как средством. Следовательно, каждый из них, будучи для себя самоцелью (бытием для себя), становится бытием для другого. В этом смысле они взаимно полагают себя *равными* друг другу.⁹ Здесь мы тоже видим первооснову капитализма как более конкретная форма абстрактного права – положительное право переходит в законодательство, которая является единым масштабом оценки человеческих поступков. Возникает вопрос? Разве покушение индивида на юридические нормы, не затрагивает экономических основ обмена? По мнению К. Маркса нет ничего более неправильного, чем тот способ, когда рассматривают общество под

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 323.

⁴ Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. С. 51.

⁵ Гегель. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. Москва-Ленинград, 1930. С. 185.

⁶ См., подробнее: Leps, Ando. Wrong. The Baltic States in the European Union Proceedings of the International Conference 25-26 April 2014 Latvian Academy of Sciences. Riga, 2014. pp.62-61; он же: Wrong. Неправо. Juridical Sciences and Education. Юридические науки и образование. // International Organization for Legal Researches. Журнал. № 40. Баку, 2014. С. 64-85.

⁷ Гегель. Наука Логики. Т.1. Москва, 1970. С. 7.

⁸ Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. С. 47.

⁹ См.: Там же. С. 48.

углом зрения его экономических условий.¹⁰ Мысль К. Маркса движется, по нашему мнению, в правильном направлении, однако, он нигде не писал, что содержанием неправа может быть *прибавочная стоимость*. К. Маркс, конечно хорошо понимал, что *прибавочная стоимость*, имеет не только экономическое, но и огромное социальное значение для членов общества в целом. Однако К. Маркс изучил в первую очередь в основном экономическую «сторону» *прибавочной стоимости*.

Здесь надо подчеркивать очень интересную мысль Л.И. Спиридонова, когда он пишет в своей самой главной книге «Социальное развитие и право» следующее: «...речь идёт не о сущности общества вообще; а о сущности капитализма, не о стоимости как таковой, а о прибавочной стоимости и т.д.».¹¹ Однако автору этой статьи неизвестно, почему он не развивал дальше идею о прибавочной стоимости и ее связанности с правом и правонарушениями.

Прибавочная стоимость, имеет как раз огромное социальное, в том числе и правовое значение, и, что самое главное - существование *прибавочной стоимости*, как социально-экономической категории, нельзя доказывать только чисто экономическими методами (средствами), как это постарались сделать многие экономисты, например, француз Ж. Аттали, американец П. Суизи, эстонец У. Мересте и др., которые к сожалению, плохо или вообще не знали диалектической логики Гегеля. Поэтому их «научные работы» остались без внимания. Разумеется, задача экономистов при капитализме, должен быть - выработать методологию: каким образом можно увеличить прибавочную стоимость, чтобы она была в пользу всего общества, а не только капиталистов.

Сущность как рефлексия в самой себе: Тождество: Гегель своей логики в разделе *сущность*, вводит понятие абстрактного (формального) тождества, которому соответствует по нашему мнению - человек, как член общества.

Как известно, капитализм впервые в мировой практике, должен был констатировать, что все производители материальных и умственных благ, являются перед обществом, хотя и формально, равными. Без этого не могло перед рабством и феодализмом, более прогрессивный капиталистический способ производства, существовать. Впервые это было декларировано во Франции 1789 года в знаменитой декларации «Декларация прав человека и гражданина» (фр. *Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*), которая являлась политической воли французской буржуазии. Декларация была принята Национальным Учредительным собранием (фр. *Assemblée nationale constituante*) 26 августа 1789 года. В основу идей «Декларации прав человека и гражданина» положена концепция равноправия и свободы, принадлежащей каждому от рождения. Статья 1. Декларации гласит: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе». *Естественными правами человека и гражданина* объявлялись свобода личности, свобода слова. Свобода убеждений, право на сопротивление угнетению. Декларация до сих пор лежит в фундаменте французского конституционного права.¹²

Различие: Однако абстрактное (формальное) тождество включает в себя различие, которое выступает сперва как *разность*.

Уже ближайшее рассмотрение Декларации показывает, что речь идет *только* о правах *эгоистического индивида*. Она даже в идеале не предусматривает установления связей между людьми как *человеческих отношений*. Каждый индивид является преградой для другого индивида. «Свобода состоит в возможности делать все то, что не вредит другим, - объявляет ст. 4, - поэтому осуществлению естественных прав отдельного человека полагается предел только необходимостью обеспечить за другими членами общества пользоваться теми же правами». Если учесть, что частная собствен-

¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 213.

¹¹ Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. С. 25.

¹² Декларация прав человека и гражданина 1789 года // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. – Москва, 1989. – С. 26-29.

ность признавалась важнейшим из прав (ст.17), то Декларацию можно назвать декларацией прав *частного собственника*.

Из истории известно, что отдельные индивиды хотят получить прибавочную стоимость, т.е. прибавку уже существующей собственности, на счет других индивидов, чтобы увеличивать свою частную собственность. Из истории также известно, что эти люди обычно становятся королями, военачальниками, богатыми, даже морскими разбойниками и т.д., которые имеют власть над другими людьми и которые получают прибавочную стоимость, как основу частной собственности, за счет других людей. Спрашивается, откуда «идут» эти люди? Об этом писал К. Маркс следующее: «...лишь в силу природной хитрости, искусства убеждать и т.д., словом, лишь в силу чисто индивидуального превосходства одного индивида над другим».¹³ С категориальной точки зрения, т.е. разные люди, которые *разные* чего-то третьего, т.е. «в силу индивидуального превосходства одного индивида над другим» является уже основой следующего (рефлектирует, как-бы сказал Гегель) логической категории - противоположность.

Противоположность: Единство абстрактного (формального) тождества и разности образует *противоположность*. Развитая разность, т.е. частная собственность есть основа противоположности.

Объявив всех граждан политически равными, поставив политическое общество, т.е. *государство* над гражданским (однако здесь, Гегель рассматривает государство еще вместе с обществом), она вместе с тем сделала своей предпосылкой казалось, была отобрана от человека. При таких условиях реальный человек признан при капитализме лишь в образе *эгоистического* индивида, от которого капитализм абстрагирует все человеческие качества. Поэтому истинный человек перешла к вещи (человек как вещь, в этой статье не будет рассмотрено).¹⁴

Люди, которые получают частную собственность за счет других людей, называются богатыми (имущими), а людей, которые не получают прибавочную стоимость за счет других людей, называются бедными (неимущими). Обычно богатые являются «позитивными» и бедные «негативными» людьми. Итак, обе стороны противоположные вообще, где каждое из них лишь противоположно другому. Они оба отрицательны друг друга. Но они могут быть заменены друг другом, и каждая сторона такова, что ее можно одинаково брать и как положительную, и как отрицательную. Конечно, идеологи капитализма и даже некоторые всемирно известные писатели заявили, как при капитализме, люди могут перемещаться от категории «бедных» к категории «богатых». Действительно, великий немецкий философ И. Кант был сыном шорника, известный священник М. Лутер был сыном рудокопа, президент США А. Линкольн происходил из небогатых фермеров, а Г. Форд когда-то участвовал в сборке автомобилей. Однако, эти только отдельные случаи, и здесь не надо забывать, что по Гегелю на уровне *бытия* все конкретно, а на уровне *сущности* – относительно или вероятно.

Противоречие: Теперь, первые рефлектированные определения – тождество, разность и противоположение переходят в свою *истину*, а именно к противоречию, потому что противоречие же есть корень всякого движения и жизненности.¹⁵ *Положительное*, как ранее сделанный труд, как предпосылка общества, как частная собственность и *отрицательное*, как отсутствие частной собственности. Без понимания того, что *частная собственность*, вместе своим «двигателем – прибавочной стоимости», есть соединяющим звеном членов капиталистического общества и продолжением существования общества (человечества) вообще, тогда, как нам представляется, *частная собственность* является сегодня как раз и *самосознанием капиталистического общества, где отношения между членами общества действуют преимущественно через частную собственность*.

Придаваемые индивиду социальные свойства являются только внешними для него.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 46, ч. I. С. 187.

¹⁴ Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. С. 145.

¹⁵ Гегель. Наука Логики. СПб., 2002. С. 398.

Капиталисты и наемные работники - они как внешние явления, переходят к противоречию, как отношения, где положительной стороной являются владельцы частной собственности и негативной стороной - рабочая сила, где обе стороны погружаются в основание, (на немецком языке игра слов - *gehen zu Grunde*, идут ко дну, погибают), и идут к *основанию*,¹⁶ что другими словами означает: быть членом капиталистического общества – значит быть частным собственником или рабочей силой (т.е. ведущими социальными группами или «классами», как сказали бы марксисты).

Марксисты, увы, сурово критиковали Гегеля, за такую «эволюционную теорию общества», потому, что по их теории, противоречие частными собственниками, т.е. имущими и рабочей силы, т.е. неимущими - должно было обязательно ввести к революцию. Однако, главная ошибка марксистов всех времен было и есть сегодня, как мы из истории знаем, что социально-экономический кризис в России и попытку социалдемократами преодолеть кризис в октябре 1917 г. и означавшая начало своей большевистской революции, оказались неудачными, прежде всего, вследствие своей *преждевременности* (!), потому, что общество не обладало *самосознанием*.¹⁷

Следует отметить, что логическая категория противоречие занимает центральное место не только в «Большой Логике» и в «Энциклопедии философских наук», оно является одним из важнейших и в других работах гегелевского учения. Поскольку логическая категория - противоречие – идет к основанию, то сущность согласно гегелевскому учению, определяет себя как основание, которое развертывается как абсолютное основание и определенное основание.

Абсолютное основание: «Сущность – пишет Гегель - определяет самое себя как основание в своей *отрицательности*».¹⁸

Абсолютное основание, т.е. форма и сущность, форма и материя, (где особую роль имеет как раз форма и материя) и форма и содержание, является одними из самых трудных, может быть даже самыми трудными категориями диалектической логики Гегеля вообще. Философ как-бы «показывает дорогу», каким образом надо дальше ввести исследование.

Форма и сущность: По нашему мнению, первая проблема, с которой нам здесь приходится сталкиваться, есть проблема различения существенных и несущественных признаков капиталистического общества.

Сегодня мы живем в обществе, где существует развитый (монопольный) капиталистический способ производства материальных и духовных благ. К. Маркс, в своем главном труде «Капитал», который является сегодня классикой,¹⁹ исследовал с позиции диалектической логики способ производства как основу капиталистической общественно-экономической формации, как определенную систему. Это позволило ему посредством открытия *прибавочной стоимости* разоблачить тайну капиталистического производства, выяснить его внутренний механизм, открыть закон его движения, основные тенденции развития.²⁰ «...Капиталистическим производством, писал он, мы называем такой общественный способ производства, при котором процесс производства подчинен капиталу, т.е. который основывается на отношении между капиталом и наёмным трудом».²¹ Однако совершенно ясно, что каждое производство, разных общественно-экономических формаций, производят *прибавочную стоимость*.

¹⁶ Гегель. Энциклопедия философских наук. С. 206-207.

¹⁷ См., также: Спиридонов Л.И. Избранные произведения. С. 22.

¹⁸ Гегель. Наука Логики. Т.1. С.70-73.

¹⁹ «Классика потому вечна, что она меняется, эволюционирует, приобретая новые качества в каждый данный момент истории. (Следовательно меняется и общественно-экономическая формация и способ производства материальных и духовных благ. – А.Л.)...Меняется система, и произведение культуры меняет эти качества», пишет Л.И. Спиридонов. См.: Спиридонов Л.И. Избранные произведения. С. 24.

²⁰ Философский Энциклопедический Словарь. «Советская Энциклопедия». Москва, 1983. С. 244-245.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47. С. 148.

Гегель пишет: «*Определенность* сущности как основания становится тем самым двойкой определенностью *основания* и определенностью *основанного*. Она, *во-первых*, сущность как основание, *определенная* быть сущностью, противостоящей положенности как *неположенности*. *Во-вторых*, она основанное, непосредственное, сущее, однако не в себе и для себя – положенность как положенность. Тем самым положенность точно так же тождественна с собой, но она тождество отрицательного с собой. Тождественное с собой отрицательное и тождественное с собой положительное есть теперь *одно и то же тождество*. Ибо основание – это тождество с собой положительного или даже положенности; основание – это положенность как положенность, но эта его рефлексия в себя есть тождество основания. – Следовательно, само это простое тождество не есть основание, ибо основание – это сущность, *положенная* как *неположенное*, *противостоящее положенности*. Как единство этого определенного тождества (основания), и отрицательного тождества (основанного), оно *сущность вообще*».²²

Сказанное Гегелем надо уточнить. Во-первых, капиталистическое производственное отношение является сущностью, т.е. основанием, и прибавочная стоимость – основанным и *vice versa*, прибавочная стоимость является сущностью, т.е. основанием и капиталистическое производственное отношение – основанным. Во-вторых, без капиталистического производственного отношения нет прибавочной стоимости и наоборот, без прибавочной стоимости, нет капиталистического производственного отношения, где прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти получают только собственники средства производства, т.е. капиталисты, которые являются владельцами капитала, как всеобщего *двигателя* или *силы* капиталистического общества. При капитализме, основанный на частной собственности, ведущего социального группы (класса) собственников на средства производства и эксплуатации (этот термин гораздо мягче, чем в категориальном смысле насилие, потому что-бы получить работу, люди даже на коленях просят капиталиста, чтобы им дали работу, чтобы кормить себя и свою семью) капиталом наёмных рабочих, лишённых средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу, получают прибавочную стоимость только своим трудом. Поэтому мы можем сказать, что капиталистическое производственное отношение и прибавочная стоимость одно и то же тождество.

Сущность как соотнесенный *субстрат*, т.е. *прибавочная стоимость*, есть *определенная сущность*, что при развитом капитализме означает то, что *собственники производственных средств получают прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда*,²³ когда наемные рабочие получают прибавочную стоимость только своим трудом. Совершенно ясно, что собственники производственных средств, будут защищать свою прибавочную стоимость, которую они получают без труда вполне или отчасти, и которая является основой их богатства, и они имеют на это *п р а в о*. Эту очень важную проблему мы будем рассматривать в следующей пары категории «форма и материя».

Форма и материя: Сущность *имеет* некоторую форму, которая иначе говоря, есть субстрат или прибавочная стоимость и определения формы, которым классовых обществах является прибавочная стоимость, которую получают только капиталисты, как собственники производственных средств, без труда или отчасти труда, которой можно смело называть «надземным богом». Однако, теперь возникает вопрос. Имеют ли капиталисты право присвоить прибавочную стоимость без труда или отчасти труда? Да. Они имеют это *право*. Капиталисты имеют такое право потому, что они владельцы производственных средств, они владельцы ранее произведенного труда или частной собственности. Наемные работники не имеют *право* получить прибавочную стоимость без труда или отчасти труда потому, что они не являются владельцами частной собственности. Следовательно, *право* как и *справедливость* имеют всегда два полюса – позитивного и негативного, который в свою очередь значит, что право является сугубо социальным явлением. Это очень важный постулат!

²² Гегель. Наука Логики. Т.1. С. 74.

²³ См.: Фишер К. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. Москва-Ленинград, 1933. С. 379.

В Эстонии и в других странах, много страсти разжег термин *справедливость*. Якобы, наш самый известный на Западе ученый-правовед И. Таммело (1917-1982) основательно изучил проблему справедливости. Он писал, «что справедливость есть позитивная этическая социальная ценность, по которой нормативно в двусторонних ситуациях каждому дается его доля.»²⁴ При этом он отметил, что идея справедливости в таком виде, как она представлена в приведенном определении, непосредственно в теории права не применима. Мы спрашиваем, почему? Всё же правильно, но что И. Таммело не знал, это самая существенная «вещь», явление или ценность, которая определяет или «дает» в двусторонних ситуациях сторонам их долю. Но ценность знаний И. Таммело состоит именно в том, что он очень верно заметил, что в справедливости должна быть «вторая сторона». Однако ясно то, что *право* одного человека или группы людей на какую-то вещь или предмет не может быть справедливо в отношении другого человека или другой группы людей. Ещё Платон различал два вида справедливости: *справедливость* в отношении частных лиц и справедливость в общественном смысле.²⁵

«Сущность, пишет Гегель, становится материей (т.е. правом. - А.Л.), когда ее рефлексия определяет себя так, что она относится к сущности (прибавочной стоимости, которого получают без труда или отчасти труда только капиталисты. - А.Л.) как к лишенному формы неопределенному (право как неопределённое понятие или термин. - А.Л.). Материя есть, следовательно, простое лишенное различий тождество, которое есть сущность (так сказать «после» капиталистического производственного отношения. - А.Л.), с определением - быть иным формы... Если абстрагироваться от своих определений, от всякой формы какого-нибудь нечто, то остается неопределенная материя. Материя есть нечто совершенно *абстрактное*. Материю нельзя ни видеть, ни осязать и т.д. - то, что видят или осязают, - это уже *определенная материя*, т.е. единство материи и формы».²⁶ Сказанное Гегелем значит, что члены общества, которые получают прибавочную стоимость без труда или отчасти без труда, заботятся в том, что прибавочная стоимость «через самое себя низводит себя до этого простого тождества» к *праву*.

«Далее, пишет Гегель, форма *предполагает* материю, с которой она соотносится. Но это не значит, что форма и материя *противостоят друг другу* внешне и случайно; ни материя, ни форма не самосущи, другими словами, не *вечны*».²⁷ Это высказывание Гегеля является одним из самых важных постулатов его диалектической логики. *Без труда или отчасти без труда полученная прибавочная стоимость* (как форма) и *право* (как материя) не являются вечными. Следовательно, классовые общества, в том числе и капитализм не являются вечными.

При капитализме, владельцы производственных средств, что является *положительным*, имеют *право* получить прибавочную стоимость без труда или отчасти труда. Наёмные работники, как *отрицательные*, это *право* не имеют. Однако при социализме, который должен быть «обществом труда», члены общества не могут получить прибавочную стоимость без труда или отчасти труда, потому что такое поведение является преступлением.

Возникает еще один очень важный вопрос. Хотя при капитализме собственники имеют право получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда, однако право их еще не защищает. Право только фиксирует их право получить прибавочную стоимость без труда вполне или отчасти труда, который является и позитивным правом.

Форма и содержание: Теперь *право*, как материя (которая есть пассивное), как сущность, которая считается правильным (положительным или позитивным), по которому капиталисты должны получить прибавочную стоимость без труда или отчасти труда (как форма, которая есть деятель-

²⁴ Tammelo, Ilmar. Õiglus ja hool. Tartu, 2001, 2006. С.279. Таммело Ильмар. Справедливость и забота.

²⁵ См.: Лепс А. Криминология: вчера, сегодня, завтра. Санкт – Петербург. // Журнал Санкт – Петербургского международного криминологического клуба. 2011, С. 32.

²⁶ Гегель. Наука Логика. С. 408.

²⁷ Там же.

но), перейдет (рефлектирует) положительную (позитивную) праву, как *форму*, которая будет защищать капиталистов, которые получают прибавочную стоимость без труда или отчасти труда и угрожать наказанием этих людей, которые не имеют право получить прибавочную стоимость без труда или отчасти труда. Следовательно, содержанием *абсолютного основания*, как капиталистического производственного отношения, является *насилие*. Обязательно надо здесь заметить, что *положительное право* еще не есть *законодательство*, как пишут многие ученые-юристы.²⁸ В положительном праве только сказано эти принципы, которые должны быть зафиксировано в законодательных актах, в нашем случае в уголовных кодексах.

С категориальной точки зрения эта картина представляется следующим образом. «При рассмотрении противоположности между формой (положительное право. - А.Л.) и содержанием (насилие. - А.Л.), - пишет Гегель, - существенно важно не упускать из виду, что содержание не бесформенно (содержание, как насилие. - А.Л.), а *форма* одновременно и содержится в *самом содержании* и представляет собою нечто *внешнее* ему (принципы законодательства, в том числе уголовного законодательства). Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она, как рефлектированная внутрь себя, есть содержание (положительное право, как форма, переходит (рефлектирует) к содержанию, как насилию. - А.Л.); во-вторых, она, как нерефлектированная внутрь себя (т.е. форма, как положительное право. - А.Л.), есть внешнее, безразличное для содержания (т.е. насилию. - А.Л.) существование. *В себе* здесь дано абсолютное отношение (т.е. производственное отношение развитого капитализма. - А.Л.), отношение между формой и содержанием (т.е. в положительном праве, право того, что капиталисты имеют право получить прибавочную стоимость без труда или отчасти труда и запрещенная угрозой наказания положительном правом деяния этих людей, которые не имеют право получить присвоичную стоимость без труда или отчасти труда. - А.Л.), а именно, переход их друг в друга, так что содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, и форма есть нечто иное, как переход содержания в форму. Тот переход представляет собою одно из важнейших определений».²⁹

Определенное основание: *Формальное основание:* Формальное основания имеет лишь одно содержание для основания и основанного. Это значит, что законодательство, в том числе уголовное законодательство, защищает в первую очередь, основанную на частной собственности капиталистическое производственное отношение. В силу этого тождества основания (на частной собственности основанного капиталистическое производственное отношение) и основанного (законодательство, в том числе уголовное законодательство) как по содержанию, так и по форме, основание есть достаточное основание - нет ничего в основании, чего нет в основанном, так же как нет ничего в основанном, чего нет в основании. Гегель заявляет, что какое из этих определений делают первым, безразлично, переходит ли от одного как положенного к другому как основанию, или от одного как основания к другому как положенному.³⁰

Реальное основание: Когда формальное отношение основания имеет лишь одно содержание для основания и основанного, то реальное основание имеет *разное* содержание. Основой реального основания станет *прибавочная стоимость*, которую «производит» на частной собственности базируемой капиталистическое производственное отношение, который есть по Гегелю нечто «третье» или «одно». Следовательно, в реальном основании законодательство, в том числе уголовное законодательство защищает на частной собственности основанное капиталистическое производственное отношение, который «производит» *прибавочную стоимость*, которая является связывающим звеном между разными составами преступлений и соответствующих им наказаний.

Прибавочная стоимость есть как квант, который с одной стороны, есть частица, а с другой – волна, потому что прибавочная стоимость имеет одно значение при преступлениях и другое значе-

²⁸ См.: Гегель. Наука Логики. Т. 1. С. 83-84.

²⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. С. 224.

³⁰ См.: Гегель. Наука Логики. Т.1. С. 85-86.

ние при наказаниях. Совершенно ясно, что для преступника, при совершении преступления, преступление является для него прибавочной стоимостью, а наказание имеет для него значение, как изъятия прибавочной стоимости.

Один поступок, пишет Гегель, например преступление, может иметь разные основания, каждое из которых поэтому можно выдавать за основание. Отыскивание и указание оснований, в чем главным образом состоит *резонирование*, есть поэтому бесконечное шараханье из стороны в сторону, не приводящее ни к какому окончательному определению.³¹

Что же касается наказания, то под наказанием обычно подразумевается месть виновному, перевоспитание виновного лица, исправление виновного, чтобы он в дальнейшем не совершал виновных деяний, а в отношении тюремного заключения - также то, что пока он изолирован от общества, он, как правило, не может совершить новых преступлений. Все указанные определения наказания ни в коем случае не ошибочные, но они «собранные вместе», не дают того явления, которое Гегель называет «нечто» или «одно», что, кстати, и есть *содержание наказания*.³²

Однако, ни одно из этих оснований, ни преступлений и наказаний, не исчерпывает сути дела, составляющей их *сочетание* и содержащей их все вместе; ни одно из них не есть *достаточное* основание, которым является как раз *прибавочная стоимость*.

Поэтому основанием или этим «третьим», в реальном основании является прибавочная стоимость. Следовательно, по нашему мнению - *преступление есть уголовным законодательством за-прещенная прибавочная стоимость*. Известно, что при совершении преступлений, преступник получает себе *прибавочную стоимость*, а при наказании его, эта прибавочная стоимость от него изымают и *прибавочную стоимость получают все члены общества*. Но это только идеально.

Полное основание: Теперь нам предстоит совершить то, чего до сих пор социальная, в том числе юридическая наука не смогла делать, - именно показать, что действительно является содержанием законодательства, особенно уголовного законодательства. Чего от себя представляет законодательство, в том числе уголовное законодательство в *целом*?

Как известно, капиталисты защищают свое *право* получить прибавочную стоимость без труда или отчасти труда при помощи законодательства, особенно уголовного законодательства, которые и являются первоначально формальным основанием. Как мы уже раньше отмечали, законодательство, в том числе уголовное законодательство, должны защищать прибавочную стоимость без труда или отчасти труда капиталистов, т.е. «надземного бога», и наказывать тех членов общества, которые не имеют право получить прибавочную стоимость без труда или отчасти труда, но все-таки хотят прибавочную стоимость получить, т.е. совершают правоотношения и преступления. Сказанное и есть в капиталистическом обществе *с о д е р ж а н и е* законодательства и особенно уголовного законодательства.

Резюме: По нашему мнению эта статья, во-первых, заявляет, что содержанием абсолютного основания, как развитого капиталистического производственного отношения, является насилие; во-вторых раскрывает тайну права вообще, и тайну законодательства, в том числе уголовного законодательства. В-третьих, она раскрывает юридическую (нормативную) основу криминологии.

³¹ См.: Гегель. Наука Логики. С. 422-423.

³² См.: Там же.. С. 420-425.

25 ЛЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ПОЛЬШЕ И БОРЬБЫ С НЕЙ

25 YEARS OF PRESENCE AND STANDING AGAINST ORGANIZED CRIME IN POLAND

Ляковска Катажина,
хаб. др, проф. УвБ
кафедра уголовного права,
юридический факультет Университет в Белостоке, Польша

Аннотация. В работе К. Ляковской обсуждались этапы развития организованной преступности в Польше в течение последних 25 лет. Представлен также диагноз и оценка существующего состояния. Синтетически указаны правовые и организационные решения, способствующие противодействию и борьбе с этой категорией преступности в данной стране. Представлены угрозы, связанные с ней и причины постоянного развития этого явления.

Annotation. The K. Laskowska's study discusses the stages of development of organized crime in Poland over the past 25 years. A diagnosis of the current state of affairs was also presented. Legal and organizational measures aimed at preventing and combating this type of crime in the country were synthetically shown. Risks posed by organized crime as well as grounds for constant development of the phenomenon were also identified.

Ключевые слова: организованная преступность, уголовная преступность, экономическая преступность, наркотическая преступность

Keywords: organized crime, crime, economic crime, drug-related crime

В нынешнем году исполнится 25 лет с момента формирования в свободной демократической Польше сильных, хорошо организованных, преступных структур, начавших свое существование в ново создавшихся условиях. В этом месте следует однако уточнить, что организованная преступность в Польше не появилась впервые 4 июня 1989 г. - в день первых свободных выборов в парламент, в день падения социалистического строя, а значительно раньше, она имела свои корни именно в старом действующем строе, так как уже в социалистической Польше существовали группы лиц, занимающихся незаконным оборотом и контрабандой разнообразных товаров, торговлей и контрабандой валюты, подделкой денег. Их действия были направлены на получение прибыли, неоднократно они имели характер хозяйственных преступлений. Однако деятельность этих структур, хотя замечались в них некоторые черты и проявления организации, не называлась в то время организованной а профессиональной преступной деятельностью. Данная дезинформационная политика государства была преднамеренной, она имела своей целью убеждение общества о невозможности и нецелесообразности существования таких империалистических видов преступности в социалистической стране. Однако в то время, когда пропаганда распространяла свои лозунги, жизнь организованных преступников, по-прежнему, шла своим ходом. Результатом этого было то, что вместе с независимостью, открытием границ и экономической свободой в новый строй Польша вошла с успешно функционирующими преступными формированиями.¹ А совсем новый раздел в истории этой преступности открыл 1989 год.

Для целей данной работы было принято предположение, что период последних 25 лет является достаточным, чтобы представить процесс эволюции, поставить диагноз относительно состоя-

¹ K. Laskowska, Etiologia przestępczości zorganizowanej w Polsce [в:] E.W. Pływaczewski (ред.), Przestępczość zorganizowana, Изд. С.Н. Beck, Warszawa 2011, с. 154 -157.

ния организованной преступности в Польше, оценить результаты мероприятий, предпринимаемых с целью ограничения этого явления и перспективы его развития в этой стране.

1. Формирование организованной преступности в Польше

В течение 25 лет существования современной организованной преступности в Польше можем выделить несколько условных этапов её развития², характеризующихся своеобразными чертами.

Первый этап включает период 1989-1994 гг. Это период формирования преступных групп на базе развития экономики свободного рынка, открытия границ, свободы хозяйственной деятельности. Появились новые перспективы деятельности, результатом чего было создание возможности преступным группировкам получить прибыль. Первые незаконные деньги преступные структуры заработали на контрабанде алкоголя, сигарет и угнанных автомобилей. Их лидерами зачастую становились бывшие офицеры спецслужб. Именно тогда сформировались основные преступные группировки: прущковская и воломинская, гданьская, силезско-краковская, лодзинская и западнопоморская. Власти в то время недооценивали, умаляли значение их деятельности, а они начали серьезным образом воздействовать на государство с целью реализации своих интересов³.

Этап II включает 1994-1999 гг. Это время неимоверного развития организованной преступности. Его последствием была борьба преступных группировок за раздел территории и сфер влияния. В этой войне погибло много глав и членов преступных формирований (что было „заслугой” как самих групп, так и результатом действий Полиции). Прущковская группировка в это время стала самой сильной преступной организацией в Польше. Полиция, из-за интенсивного развития организованной преступности, была вынуждена предпринять необходимые меры для ограничения активности этих структур. Соответственно, открылось Бюро по координации борьбы с организованной преступностью (1994г.), а затем Бюро по борьбе с наркопреступностью при Главной комендатуре Полиции в Варшаве (1997 г.), в 1997 г. были приняты новые правовые регулирования, способствующие ликвидации преступных группировок. Благодаря этим мероприятиям часть преступников была задержана и по отношению к ним возбуждались уголовные дела.⁴ В этот период группировки совершали разбойные грабительские нападения и убийства, производимые на почве сведения счетов между преступными организациями. Итак, криминальный террор стал основным средством и способом ведения преступной деятельности посредством использования огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, поджога объектов. Кроме этого, группы занимались эксплуатацией проституции, незаконным оборотом наркотических средств, организованным в международном масштабе угоном автомобилей, рекетом, нелегальной переброской людей через границу, контрабандой товаров, подделкой известных брендов [так наз. фейковые товары] и введением их на рынок, производством огнестрельного оружия. Полученные преступным путем финансовые средства переводились из теневой экономики в официальные легальные мероприятия. Для отмывания денег использовалась банковская система, помощь в пользу улучшения эффективности своих действий оказывали так наз. консультанты из разных областей науки и экономики. Их деятельности способствовали преступные связи с другими международными организациями.⁵

III этап – это период после 1999 г. В 2000г. при Главной комендатуре Полиции в Варшаве открылось Центральное следственное бюро, занимающееся расследованием, раскрытием и борьбой с организованной преступностью в Польше. В то время многие, опасаящиеся за свою жизнь пре-

² Трехэтапное деление принято, ссылаясь на: См.: R. Rogalski, *Przestępczość zorganizowana - zarys problematyki* [в:] E. Gruza, T. Tomaszewski (ред.), *Problemy współczesnej kryminalistyki*, T. VIII., Warszawa 2004, с. 245.

³ Там же, с. 245.

⁴ Там же, с. 246.

⁵ Stan bezpieczeństwa publicznego w Polsce w ocenie Policji, Komenda Główna Policji, Warszawa, wrzesień 1998, с. 4-5; Ocena stanu bezpieczeństwa i porządku publicznego w Polsce, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji, Warszawa 1998, с. 8.

ступники начали сотрудничать с Полицией, выявляя подробности преступной деятельности. Это повлекло за собой ликвидацию очередных группировок (напр. бандитской шайки „Краковяк”, лодзинского „осьминога”, воломинской мафии)⁶. Так как преступный мир не терпит пустоты, после уничтожения старых структур их место заняли новые. Правда, они не были так сильны и консолидированы, как прежние, но зато отличались беспощадностью и жестокостью. Они были менее многочисленные, но группировок было больше, чем прежде⁷. „Главарями преступных группировок стали молодые люди, грубые, более жестокие, способные совершить любое уголовное преступление. Они не соблюдали никаких законов и принципов, их единственная цель – быстрое обогащение. Группировки направляли деньги, полученные преступным путем, в легальный бизнес, они действовали на стыке экономической уголовной преступности и легальных экономических отношений”⁸.

В начале 2000 г. организованная преступность становится своеобразным „мостом между обыкновенной и экономической преступностью”. Это стало возможным в результате совершения преступлений разных категорий в рамках одной группировки и зависило от возможностей и средств, остающихся в её распоряжении. Итак, появилось использование мошенничества в виде выманивания налога НДС/VAT, выманивание лизинговых кредитов, нелегальный оборот топлива и электронных товаров, контрабанда табачных изделий, алкогольных напитков и угнанных автомобилей. Накопленные нелегальным путем финансовые средства легализовались с помощью банковского и страхового сектора а также рынка ценных бумаг. В то время наступило развитие преступности, связанной с использованием платежных карт и интернета, так как именно тогда группировки заинтересовались достижениями современной информатики и коммуникации. Забота о безопасности структур осуществлялась благодаря коррумпированию должностных лиц разных органов на разных уровнях.⁹ Организации не избегали и уголовных преступлений, то есть, рекета – вымогательства уплаты дани от лиц, ведущих легальную предпринимательскую деятельность, грабительских нападений с применением оружия, м. пр., на перевозчиков TIR, убийств по заказу, выманивания денег под предлогом выкупа,¹⁰ подделки платежных документов. Однако основной доход приносили преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (контрабанда, торговля, дистрибуция),¹¹ выманивание налога НДС (VAT), контрабанда и торговля оружием и взрывчатыми веществами. Заметно было „все более яркое проникновение в сферу нелегальной и легальной хозяйственной деятельности, связанной с выманиваниями в финансовой области и выманиванием товаров, направлением прибыли, полученной преступным путем, в легальный экономический и финансовый оборот”¹².

В течение очередных лет основой деятельности группировок стала экономическая и наркотическая преступность, а „Уголовная преступность использовалась для обеспечения осуществляе-

⁶ R. Rogalski, op. cit., c. 246.

⁷ A. Stelmach, Zwalczanie przestępczości zorganizowanej w Polsce. Wyzwania dla Policji [w:] A. Szymaniak, W. Ciepiela (ред.), Policja w Polsce. Stan obecny i perspektywy, T. I., Poznań 2007, c.113.

⁸ Там же, c.113.

⁹ Raport o stanie bezpieczeństwa państwa, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji, Warszawa 2000, c. 55-56.

¹⁰ Деньги, получаемые из похищений с целью получения выкупа (в том числе, несовершеннолетних лиц) предназначались, в значительной степени, на „расходы, связанные с укрыванием лидеров разбитых группировок и организацией новых уголовных мероприятий”. См. Raport o stanie bezpieczeństwa i porządku publicznego w Polsce w 2000 roku, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji, Warszawa, maj 2001, c. 22.

¹¹ Производство наркотиков, главным образом, амфетамина, состоялось в массовом масштабе, с использованием продуктивных машин для таблетирования, свидетельством этого является конфискованное Полицией профессиональное оборудование для фасовки и упаковки наркотических средств. См.: Raport o stanie bezpieczeństwa i porządku publicznego w Polsce w 2000 roku..., c. 23.

¹² Там же, c. 20-21.

мых интересов и для защиты от конкурентных преступных группировок. Она обеспечивала также соблюдение дисциплины в группе и служила орудием борьбы за сферу влияния”.¹³

2. Современное состояние организованной преступности

Как уже упоминалось, в настоящее время, в отличие от того, что происходило в девяностые годы прошлого века, доминируют небольшие, немногочисленные группировки, не очень плотно связанные друг с другом, сотрудничающие лишь в конкретных мероприятиях. Благодаря этому, они являются мобильными и тактичными.¹⁴

Экономическая преступность представляет собой крупнейшую сферу деятельности организованных преступных группировок, которые в её рамках совершают преступления в виде выманивания налога на товары и услуги (VAT) и снижения причитающихся публично-правовых платежей в ущерб Государственной казны, уклоняются от уплаты акцизного налога и совершают преступления на капиталовом, банковском и страховом рынках, преступления в ущерб финансовых интересов ЕС или преступления, связанные с публичными заказами либо авторскими правами. Группировки, по-прежнему, эффективно коррумпируют государственных чиновников и отмывают грязные деньги.¹⁵ Уже несколько лет считается, что экономическая преступность - это „наиболее быстро развивающийся вид преступной деятельности”.¹⁶

Наркотическая преступность расцветает благодаря, главным образом, расположению нашей страны на пересечении контрабандных путей, из-за этого Польша является как транзитной, так и целевой страной для контрабанды наркотиков, а также значительным, в масштабах Европы, производителем синтетических наркотиков.¹⁷

Организованная преступность уголовного характера играет в настоящее время незначительную роль в деятельности преступных структур. Она используется для достижения имущественной выгоды, обеспечения безопасности осуществляемых группировкой интересов (напр.: защита от конкурентных группировок или расширение сфер влияния). Этим целям способствуют: преступления, связанные с нелегальной миграцией и незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также преступления, связанные с контрабандой отходов.¹⁸

В организованной преступности в Польше активное участие принимают также иностранцы, в том числе, граждане стран бывшего Советского Союза (Украины, Белоруссии, Литвы, России, Азербайджана, Армении, Латвии), балканских стран (Болгарии, Албании), Азии (Вьетнама), Западной Европы (Голландии, Германии, Италии), а также стран Центральной и Южной Америки. Их преступная активность включает, главным образом, контрабанду товаров, обложенных высоким акцизом и другие преступления в сфере хозяйственной деятельности, контрабанду наркотических средств, преступления, связанные с нелегальной миграцией. Их деятельность на территории нашей страны осуществляется благодаря связям с польскими группировками, что свидетельствует о международном характере преступного сотрудничества.

3. Правовые и организационные меры, направленные на противодействие организованной преступности в Польше

25 лет борьбы с организованной преступностью позволило выработать и принять соответствующие правовые меры реагирования на организованную преступность. Основным законодательным актом, содержащим правовые нормы, относящиеся к борьбе с организованной преступностью в

¹³ Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2009 roku, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji, Warszawa 2010 rok, с. 53 и с. 62-64.

¹⁴ Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2012r., MSW, Warszawa 2013, с. 108.

¹⁵ Там же, с. 109.

¹⁶ Raport o stanie bezpieczeństwa w Polsce w 2010r., MSWiA, Warszawa 2011, с. 80.

¹⁷ Там же, с. 109.

¹⁸ Там же, с. 109.

Польше, является уголовный кодекс от 6 июня 1997 года. Ст. 258 ук признает наказуемым преступление, заключающееся в участии в организованной преступной группировке или в сообществе, имеющим своей целью совершение преступлений. Если группа или сообщество имеют вооруженный характер тогда виновный, участвующий в этих структурах, подлежит более суровому наказанию. Более суровое наказание угрожает также тому, кто создает такую группу или сообщество, либо такими организациями руководит. Зато ст. 259 говорит, что не подлежит наказанию за преступление тот, кто добровольно отказался от участия в группе либо сообществе и сообщил органу, призванному осуществлять преследование преступлений, обо всех существенных обстоятельствах совершенного деяния или предотвратил совершение задуманного преступления.

Кроме этого, уголовно-процессуальный кодекс от 6 июня 1997 г. предусматривает институт свидетеля *incognito* (анонимного). Его суть заключается в том, что персональные данные такого свидетеля не оглашаются. Предпосылкой для применения такого института является обоснованное опасение возникновения угрозы и опасности в значительном объеме для жизни, здоровья, свободы или имущества свидетеля или самых близких ему лиц.

В правовой системе Республики Польша большого внимания заслуживает закон о коронном свидетеле от 22 июля 2006г., принятые регулирования которого служат разрушению солидарности членов организованных преступных группировок. Этот институт подвергается довольно резкой критике. Критикуется, м.пр., отсутствие достоверности показаний свидетелей, защищающих собственные интересы и большие расходы на финансирование программы их защиты. Однако, как доказала практика, которая довела до ликвидации мощных преступных группировок, этот институт очень нужен.

Несмотря на ряд принятых правовых регулирований, законодательство постоянно нуждается в совершенствовании, это, прежде всего, относится к экономической преступности (напр. введение нормативных актов относительно надзора за оборотом новыми и бывшими в употреблении машинами, служащими для производства табачных изделий, введение правовых актов, ограничивающих свободу производства и оборота табачных изделий, регулирования, относящиеся к правовым возможностям передачи информации о правонарушениях Комиссией по финансовому надзору в органы преследования, введение изменений в записи уголовного кодекса, относящиеся к защите сферы публичных заказов, выработка решений в области обеспечения и хранения обнаруженных опасных веществ, а также их потенциального отчуждения или уничтожения). В свою очередь, в области наркотической преступности необходимым является продолжение работ над правовыми регулированиями, ограничивающими доступ к психотропным веществам, не охваченных законом о противодействии наркомании от 2005 г. Что касается уголовной преступности, необходимыми являются правотворческие действия, направленные на установление закона о минимальном уровне обеспечений, относящихся к подделке документов, находящихся в публичном обороте и о обязанностях эмитента, а также работы над анализом существующих законов о принудительном труде с целью составления соответствующих правовых решений.¹⁹

Благодаря опыту Польши, связанному с функционированием в нашей стране организованной преступности, был здесь создан ряд государственных органов по борьбе с этим явлением.

¹⁹ Krajowy Program przeciwdziałania i zwalczania przestępczości zorganizowanej na lata 2012-2016, MSWiA, Warszawa (отсутствует дата в документе), www.msw.gov.pl, с. 54-58.

Таблица 1

Государственные органы по борьбе
с организованной преступностью в Польше

Выбранные категории организованной преступности	Полиция	Пограничные службы	Финансовый контроль	Финансовая разведка	Генеральный инспектор финансовой информации	Таможенные службы	Агентство внутренней безопасности	Агентство разведки	Центральное Антикоррупционное бюро	Военная жандармерия
Организованная экономическая преступность										
Выманивание акцизного налога и налога НДС/VAT	+	+	+	+		+	+		+	
Преступность на капиталовом рынке	+			+	+		+			
Преступность на банковском рынке	+						+			
Преступность на страховом рынке	+									
Отмывание денег	+	+			+	+	+		+	
Преступность, связанная с публичными заказами	+						+		+	+
Преступления против авторских прав	+	+				+				
Нелегальный оборот и складирование отходов и опасных веществ	+	+				+	+			
Организованная наркотическая преступность										
Производство, торговля и контрабанда наркотических средств	+	+				+	+	+		+
Организованная преступность уголовного характера										
Разбойная преступность и уголовный террор	+									
Нелегальная миграция	+	+					+			
Торговля людьми	+	+								
Незаконная торговля оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами	+	+				+	+	+		
Преступность связанная с угоном автомобилей	+	+								

Подделка платежных средств и документов	+	+				+	+		+	
Коррупционная преступность	+	+		+			+		+	+
Организованная преступность, связанная с политическим экстремизмом и терроризмом	+	+			+		+	+		+

Источник: Krajowy Program przeciwdziałania i zwalczania przestępczości zorganizowanej na lata 2012-2016, MSWiA, Warszawa (отсутствует дата в документе), www.msw.gov.pl, с. 12-13.

По данным, указанным в таблице, реагированием на организованную преступность в Польше занимаются полицейские и специальные службы. Самое большое количество государственных органов занимается борьбой с выманиванием акцизного налога и налога НДС/VAT (7), отмыванием денег (6), наркотической преступностью (6), коррупционной преступностью (6) и организованной преступностью, связанной с политическим экстремизмом и терроризмом (6). Тут возникает вопрос: „содействует ли большое количество субъектов, осуществляющих преследование, большей эффективности действий?” Ответ не всегда оказывается положительным, ибо такое разложение государственных сил вызывает также проблему дублирования компетенции, что на практике может обернуться конкурированием служб, их трудным сотрудничеством или несоответствующей координацией мероприятий. Поэтому, в некоторых случаях, ради более эффективных действий, лучшим было бы ограничение количества органов, преследующих разные проявления организованной преступности (напр. коррупции).

Забываясь об эффективной деятельности всех учреждений, занимающихся проблемой организованной преступности и координировании их работы в Польше в 2003 году при Главной комендантуре полиции был открыт Единый центр криминальной информации. Это общепольская информационная система, главной целью которой является: сбор, анализ и передача учреждениям, занимающимся борьбой с преступностью, полной и актуальной информации, которая может иметь решающее значение в эффективном поиске и преследовании виновников преступлений, а также в противодействии преступности.

Представленная качественная характеристика организованной преступности, развивающейся в Польше в течение 25 лет, позволила поставить диагноз, оценить её эффективность и указать перспективы развития.

Вышеуказанные рассуждения доказывают, что организованная преступность и преступники в Польше чувствуют себя вполне хорошо. Доказательством этого является масштаб деяний, совершенных в ущерб государства и общества, свидетельствующий о возможности глубокого проникновения преступных группировок в различные сферы жизни и указывающий способы их реализации и достижения целей. Он эффективно представляет силу организованной преступности и реальное влияние этих структур на общество и государство. Следовательно, сила её воздействия и поражения является значительной.

Было установлено, что организованные преступные структуры могут действовать как жестоко, так и мягко – в зависимости от ситуации. Итак, с одной стороны они весьма эффективно запугивают и элиминируют путем физического уничтожения, но с другой - предлагают нужные обществу товары, удовлетворяя его не всегда легальные потребности. Легко вовлекают в сферу своего воздействия многих лиц, улучшая их материальное положение и укрепляя чувство экономической безопасности. Угрозы для общества со стороны организованной преступности могут иметь как прямое

(материальные и нематериальные потери), так и косвенное проявление (из-за организованной преступности - ущерб в государственном бюджете). В своей деятельности преступные структуры используют также коррупцию, воздействуя, таким образом, на государство и его представителей. Иногда случается, что по отношению к государственным чиновникам применяют насилие. Угроза с их стороны по отношению к государству имеет прямой характер. Кроме того, что не поступают финансовые средства в государственный бюджет, государство несет расходы на функционирование органов преследования, наказывание и исполнение наказаний по отношению к осужденным членам преступных группировок.

Узнав силу организованной преступности следует ответить на вопрос: почему, несмотря на 25 лет борьбы с ней, организованная преступность в Польше может быть так эффективной? Возможности её эффективного воздействия мы можем представить указывая следующие причины²⁰:

- причины лежащие по стороне общества (согласие общества на совершение структурами некоторых преступлений (напр. связанных с незаконным оборотом наркотических средств) и спрос общества на незаконно предлагаемые товары (напр. наркотики) и услуги (нелегальное производство спиртных напитков, сигарет),

- причины лежащие по стороне государства (неприспособление законодательства к тенденциям современной преступности, не всегда высокая эффективность органов в области преследования преступлений, совершаемых организованными группами),

- причины лежащие по стороне организованного преступного мира (профессиональная организация преступного мира; хорошая подготовка преступлений, связанных с совершением других – предшествующих или последующих – напр. подделка документов, коррупция, скупка краденого; связи отечественной преступности с международной; новые техники и технологии, способствующие её развитию).

Помимо предпринимаемых государством правовых организационных действий, направленных на ограничение масштаба и объема организованной преступности, следует отметить, что, по-прежнему, это не государство является двигателем изменений в преступном мире, так как это преступники решают, что им приносит прибыль и что является рентабельным, а общество – какой спрос проявляет нелегальный рынок. Поэтому, предусматривая направления развития этой категории преступности и учитывая тенденцию последних лет, следует констатировать, что в будущем, в течение длительного времени будет доминировать экономическая и наркотическая преступность.

²⁰ Похожие аспекты отмечал B. Hołyst, Czynniki utrudniające ściganie przestępczości zorganizowanej [в:] B. Hołyst, E. Kube, R. Schulte (ред.), *Przestępczość zorganizowana w Niemczech i Polsce. Zwalczanie i zapobieganie*, Warszawa 1998, с. 306-329.

CRIMINAL RECIDIVISM - THE CZECH REPUBLIC PERMANENT PROBLEM

Alena Marešová,
Institute of Criminology and Social Prevention,
Praha, Czech Republic

Keywords: criminal recidivism, persistent offender, criminal policy, purpose of punishment

The problem of criminal recidivism and persistent offenders is often discussed not only among professionals dealing with criminality but also among prosecuting bodies workers, politicians and in media. Discussions often include different contents of basic concepts without warning about existence of these problems. The level of criminal recidivism is being used (and even abused) as a criterion of intervention of society activities effect against crime especially at evaluating criminal policy effect (both when evaluating programmes of treatment effect concerning convicted serving of a term of imprisonment and at evaluation of punishments disconnected with imprisonment or at alternative measures. For that reason the Institute of Criminology and Social Preveton in Prague gives these problems serious consideration.

НАБЛЮДАТЕЛИ КАК НОВЫЕ АКТОРЫ НА ПОЛЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

OBSERVERS AS NEW KIND OF ACTORS ON THE FIELD OF SOCIAL CONTROL IN RUSSIA

Меньшикова Г.А.,
Кандидат экономических наук, доцент,
Факультет социологии,
Санкт-Петербургский государственный университет

Annotation. The article deals with observation as new kind of social action and civil control. It consists of two parts. In first one its authors gave definition of observation, classified its forms abroad and in Russia. In the second one they described the activity of "Observers of S.-Petersburg". Main attention was given to project "Civil control of municipal power".

Наблюдение одна из относительно новых технологий социального контроля населения за органами власти и управления в России. Организации наблюдателей сложились в нашей стране в следующих сферах социальной деятельности: во взаимодействии с полицией, в здравоохранении, образовании (за ходом приема в школы и вузы, а также в сдачей ЕГЭ), в армии, судах, местах лишения свободы и др. Движение наблюдателей контролирует экологические проблемы в стране, ход выборов разного уровня, начиная с депутатов МСУ и кончая Президентом страны.

Как проявление социального контроля, деятельность наблюдателей поощряется государством. Так, по инициативе Президента РФ, разработан проект закона РФ «Об общественном контроле» (окт.2011), инициирующий меры по стимулированию этой деятельности.

Цель данной статьи - обозначить особенности наблюдения как формы социального (гражданского) контроля, обобщив при этом опыт работы общественных организаций, прежде всего СПб (1), а также описать деятельность «Наблюдателей СПб» на примере проекта «Гражданский контроль муниципалитетов» (2).

1. Отличительной, по нашему мнению, особенностью современного этапа формирования гражданского контроля в России является отказ от доминирования конфликтных форм, построенных на явном противостоянии государства (органов государственной власти) и населения, и развитие «мягких», нацеленных на сотрудничество, построенных на доверии к реформам. Современные активисты, сохраняя традиционные формы гражданского контроля, такие как участие в партийном движении, митинги, протестные акции и др., расширяют сферу сотрудничества, взаимопомощи, включая кооперацию (создание разного рода совместных органов - Советов, соучастие в работе избирательных комиссий и др.), координацию (создание информационных порталов, раскрывающих информацию о своей деятельности и приглашающих к сотрудничеству и др.).

Потенциал наблюдения как формы участия в социальном управлении был осознан уже в XVIII в. Так, в 1787 Дж. Бентам (Jeremy Bentham) написал работу "Panopticon; or the Inspection house" («Паноптикум или инспекторский дом»), в которой призвал всех наблюдать за всеми при государстве, - оно представляется им в форме круглого здания - организующем этот контроль.

Другой автор - John Bowring (Боуринг) в книге "Works" ("Работы») (Edinburgh, 1863), описывая наблюдение как вид занятий, выделяет две его функции: историческую (фиксирует результат, характеризующий данное событие) и контролирующую, когда полученные документы передаются для оценки специалистам.

Вообще за рубежом практика наблюдения зародилась давно и рассматривается как особый, очень распространенный и популярный в обществе вид социального действия. Доказательством

тому служат журналы, например, «Observer», «Observer Tribune», «Observer Dispatch», «Observer.com», акцентирующие тематику публикаций на описании сегодняшних событий и повседневной жизни.

Направлениями деятельности наблюдателей за рубежом являются: профессиональная независимая и публично оформленная экспертиза (политические обозреватели), формирование архива характеристик современной жизнедеятельности, сбор реальной информации об услугах от их пользователей (например, мониторинг качества медицинских или образовательных услуг), общественное наблюдение за выборами и т.д.

Интересна практика - ее также идентифицируют как наблюдение - по сбору и формированию социальных архивов, например, Mass Observation Project. Это направление возникло в Великобритании, когда два молодых человека решили собирать разного рода информацию с целью ее антропологического изучения. Проект получил название «Recording everyday life in Britain», он функционирует до сих пор. Структурно он организован следующим образом: основатели проекта привлекают волонтеров, которые описывают различные события из повседневной жизни по заданной, общей теме/проблеме. Таким образом, создается историческая документированность происходящих событий глазами свидетелей (соучастников). Так, одним из описываемых сюжетов было отношение к монархии - в связи с 60-летием правления Елизаветы. Следует отметить, что популярность Mass Observation Project благодаря Интернету существенно возросла. Его организаторы проводят регулярные семинары и кампании по привлечению и обучению волонтеров. С 2011 года аналогичный проект организован в Канаде.

К другим практикам европейских наблюдателей можно отнести Mass Observation Almeida (обзор, наблюдение за театральными постановками, организованное театром Almeida) (1); «Quick Perspective of the Future» (объединение фотографов, которые создают визуальную картину ожидаемого будущего, фотографируя то, что может им стать) (2), гендерные проекты, аккумулирующие артефакты разных сторон жизни женщин (3) и др.

Что касается США, здесь движение наблюдателей выбрало более утилитарные формы: например, проект «People in Production», инициированный в 40-ые годы, фиксирует фотографии людей в процессе труда. Результатом его послужил выход одноименной книги. Популярностью среди наблюдателей в Штатах пользуются проекты, связанные с наблюдением за здравоохранением (реформы Абама), образованием и т.д.

В нашей стране наблюдение как поведенческая практика внедряется в урезанном виде. В ней доминирует направление социального контроля.

Так, одним из наиболее известных населению направлений общественного наблюдения считается проект "РосПил", который в конце 2010 года был запущен известным юристом и блогером Алексеем Навальным. Создав специальный сайт, он объединил россиян в акции «Общественный контроль за гос. закупками», позволяющей выявлять и анализировать потенциальные случаи коррупции. Его посетители могут отправлять материалы о подозрительных, с их точки зрения, закупках и контрактах, а также комментировать конкурсы, помеченные на сайте как подозрительные.

Группа ОГОН (OGON-watch) («Объединенная группа общественных наблюдателей»): специализируется на контроле за деятельностью работников полиции. Первоначально (силами «Молодежного правозащитного движения» - МПД) наблюдение велось за формой полицейских, их поведением, а также помещениями полиции. Инициаторы из МПД обнаружили участвовавшие случаи незаконного задержания молодых людей, сопровождавшиеся выманиванием взяток за освобождение. Полицейские, осуществлявшие незаконное задержание, могли не предъявить документов, не иметь нагрудного знака, что мешало их идентификации в последующем. Члены группы выходили в выходные дни (наиболее частое время для незаконных задержаний) к станциям метро и фиксировали процесс задержания на фото- или видео- аппаратуру. Такое наблюдение за действиями полицейских распространилось на 20 регионов страны с 3 координационными центрами: Москва, Петер-

бург, Воронеж. Итог: обязательное ношение нагрудных знаков работниками полиции, обязательное соблюдение процедуры задержаний.

В настоящее время деятельность наблюдателей ОГОНа сфокусирована на двух других направлениях: контроль за действиями полицейских в ходе общественных митингов, а также за реализацией прав личности в помещениях полиции (наличия туалетов, контроль за продолжительностью и условиями пребывания задержанных и т.д.).

Распространяется и получает все большую общественную поддержку и известность наблюдение представителей Комитета матерей за организацией службы в армии призывников. Представляется, что именно их деятельность способствовала улучшению питания в армии, созданию изоляторов для заболевших призывников, повышению качества солдатского обмундирования и т.д. Она уменьшила масштабы дедовщины, смягчила психологические трудности при прохождении службы.

Актуальность и значимость для населения способствует развитию наблюдения в здравоохранении. В стране создана сеть общественных организаций, включая объединения по видам заболеваний и ВСП – «Всероссийское общество пациентов», которое организует естественное наблюдение за качеством обслуживания в лечебных учреждениях, за справедливостью распределения квот и дотаций на лекарства. Этот естественный (пациентами и их родственниками по ходу лечения) и повсеместный контроль способствует сокращению коррупции.

Важным направлением, острота которого пока не снижается, является надзор за процедурой делопроизводства. На нем акцентируют деятельность активисты «Гражданского контроля (СПб)» (действующего с 1992г). Приоритетными направлениями организации, по утверждению Елены Шаховой, ее нынешнего Председателя, являются: содействие независимости судов, становление ювенальной полиции и службы пробации,¹ обеспечение доступа граждан к правосудию (публичность правосудия), противодействие случаям национальной ксенофобии и неравенства перед судом. Наблюдая за процедурой ведения дел, специально обученные представители населения, журналисты и юристы реально влияют на решение перечисленных задач.

Назовем форму наблюдения, которая мало развита в России, но актуальна и распространена за рубежом. Это - контроль населения за торговлей и незаконными заготовками леса и продуктов его переработки, введения обязательной сертификации происхождения древесины. Так, конференция FLEGT² выступила с обращением к министрам стран Евроазиатского региона, включая персонально В.В. Путина, взять под личный контроль реформу системы управления лесами. Одновременно она обратилась к гражданам с призывом требовать предоставления достоверной информации о масштабах лесозаготовок, активно участвовать в создании действенных механизмов общественного участия в управлении лесами, наблюдать за движением продуктов из древесины.

Обобщая, отметим, что особенностью наблюдения как новой формы социальной деятельности является, во-первых, ее многообразие: она применяется не только как правозащитное поведение, но и как участие в формировании исторических архивов, сбор артефактов по тематике, обмен результатами зрительских впечатлений, мнениями и советами пользователей услуг здравоохранения, образования и т.д. Во-вторых, основным продуктом (итогом) наблюдения является фиксация результата в виде цифры, фотографии, артефакта. В-третьих, целью контролирующего наблюдения является не обвинение, а оценка, желание понять, помочь и найти выход.

2. Если в первой части была сделана попытка описать направления социального наблюдения с целью общей оценки этой относительно новой технологии общественного управления, то здесь будет представлена одна (профильная) организация – «Наблюдатели Петербурга», а также описан один из ее проектов.

¹ Пробация – вид условного осуждения, при котором осужденный на время испытательного срока помещается под надзор специальных органов.

² Некоммерческое сотрудничество 6 стран Азии с европейским союзом по поводу производства и продажи леса и продуктов деревообработки.

«Наблюдатели СПб» существует 2 года. Непосредственным поводом для ее создания послужили нарушения на выборах в Государственную Думу (осень, 2011г) и Президента РФ (март 2012г). Обозначим основные вехи двухлетней истории и некоторые направления деятельности организации. Отметим, попутно, что наблюдатели за выборами существовали в России и раньше, но их статус в обществе был принципиально иным. В неорганизованной форме это - один из видов оплачиваемой занятости, предполагающей присутствие наблюдателя и контроль за ходом выборов. Учитывая, что этих контролеров не учили, выдвинувшие их партии с ними подготовительной работы не проводили, что в их состав, как правило, входили женщины-пенсионерки, для которых мотивом деятельности был доход, а не соблюдение справедливости, то их работа была, как правило, формальной, а результат минимальным.

Принципиальным отличием организованного движения наблюдателей стало желание активистов добиться справедливости. По инициативе некоторых партий (в Москве, СПб и некоторых других городах) их обучили технологиям контроля, организовали, обеспечили юридическим сопровождением и журналистской поддержкой. Сначала в Москве возникла волонтерская организация «Голос», которая разработала методику подготовки, осуществила издание методической литературы, пошагово конкретизирующую деятельность наблюдателей. На приглашения к участию в наблюдении в сети и на митингах откликнулось (в СПб) около 2 тысяч человек. Люди подобрались интересные, неравнодушные, а нарушений на выборах было слишком много, чтобы оставить их без социального ответа.

В марте 2012 года на собрании этих активистов было провозглашено создание новой общественной организации, озвучены основные положения устава, выбраны Председатель (Александра Крыленкова), совет, выданы членские билеты и значки. В организации выделились три уровня волонтеров: участники (их где-то около 1,5 тысяч, что, однако, трудно проверить поскольку членских взносов они не платят); члены (их 90) и совет организации (7 человек, избираемых на год не ежегодном собрании членов).

Структура организации специфична - она сочетает два подхода: территориальный и проектный. Участники могут работать как в рамках территории, где проживают или просто которая их привлекает, так и по проектам. Многие принимают участие лишь в разовых акциях: ходят на обучающие семинары, показательные лекции (например Я.С.Гилинского), присоединяются к городскому протестному движению, выезжают на выборы в депутаты МСУ и т.д. Действуют территориальные группы, их функция - сплотить активистов для решения насущных задач своего района.

Прошли два года существования организации - она пережила первую проверку на известность, поскольку многие лидеры стали известными в среде политиков городского уровня: Александра Крыленкова (бывший председатель),³ Иван Квасов - первоклассный преподаватель школы наблюдателей, Красимир Врански - организатор «Красивого Петербурга» или самого популярного проекта.

Деятельный характер активистов движения, их ответственность за происходящее не могли не расширить поле наблюдения. Параллельно с подготовкой к участию в выборной компании, организация создала новые проекты (направления) - наблюдение за работой городских властей, в частности в сфере уборки улиц и благоустройства территорий («Красивый Петербург» (1) и контроль за работой органов местной власти (2) и ЖКХ (3). Они появлялись как рефлексия на проблемы города, на массовые нарушения прав граждан.

Так, ряд активистов столкнулись с невозможностью получить информацию о работе МСУ и принять участие в открытых общественных слушаниях по месту жительства. Им не удалось ознакомиться с годовыми планами и отчетами, с текстом бюджета, соответственно вставляли вопросы о рациональности расходования денежных средств в муниципалитетах. Было решено проверить как ор-

³ Сейчас по решению собрания в организации нет единого Председателя.

ганы местной власти на деле выполняют требования 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (2009), в частности статей, ст1, 8,12, 14 и 18. Для обоснования законности действий наблюдателей и объяснения выбора направлений наблюдения приведем выдержки из них.

Ст 8 «Пользователь информации имеет право: получать 1) достоверную информацию о деятельности органов местного самоуправления, ...3) не обосновывать необходимость получения запрашиваемой информации о деятельности органов местного самоуправления, доступ к которой не ограничен»

Ст. 14, пп. 7,8. Перечни информации о деятельности органов местного самоуправления утверждаются в порядке, определяемом органами местного самоуправления. При утверждении перечней информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления определяются периодичность размещения информации в сети Интернет, сроки ее обновления, обеспечивающие своевременность реализации и защиты пользователями информацией своих прав и законных интересов, а также иные требования к размещению указанной информации.

Ст. 16. Органы местного самоуправления в помещениях, занимаемых указанными органами, и иных отведенных для этих целей местах размещают информационные стенды и (или) другие технические средства аналогичного назначения для ознакомления пользователей текущей информацией о деятельности соответствующего органа местного самоуправления/

Ст. 17 п. 2 Орган местного самоуправления, не имеющий возможности размещать информацию о своей деятельности в сети Интернет, обеспечивает пользователей информацией возможностью ознакомиться с указанной информацией в помещениях, занимаемых этим органом местного самоуправления.

В работе приняли участие 23 волонтера. Порядок их действий сложился следующий: в феврале 2014 г. были подготовлены тексты запросов и техническая база для рассылки; в феврале - апреле осуществлена рассылка 20 различных запросов об отдельных аспектах закона в 111 муниципалитетов Санкт-Петербурга; в марте - июне осуществлен сбор, систематизация и изучение полученных ответов, в июне - представлены результаты для гражданских активистов, а в июле планируется довести их до сведения городской общественности, муниципальных депутатов и сотрудников администраций органов местного самоуправления. В общей сложности волонтерами по электронной почте на официальные адреса было направлено более 2300 запросов и получено более 1700 ответов.

Для ранжирования муниципалитетов по качеству работы с информацией все полученные ответы оценивались по 4-х балльной системе: 0- при отсутствии ответа, 1 балл – отписка, 2- неполный ответ, 3 полный. Для упрощения оценки высчитывался средний балл по МСУ и по районам.

Перечислим содержание запросов: 1. Прошу сообщить мне реквизиты муниципального правового акта, которым установлены, 1.1. права и обязанности структурных подразделений, ответственных за организацию доступа к информации о деятельности МС, 1.2. порядок организации доступа к информации о деятельности МСУ.

2.2.1. Прошу сообщить адреса официальных сайтов, на которых размещалась информация о деятельности в 2014 году Муниципального совета МО; 2.2. Прошу сообщить мне, права на какие доменные имена принадлежат Муниципальному совету МО.

3.3.1. Прошу сообщить реквизиты муниципального правового акта, которым установлен порядок размещения в сети Интернет информации о деятельности Муниципального совета МО, 3.2.перечни информации в Интернете о деятельности МО.

4. Прошу сообщить наименование подразделения и должностное лицо, которое в соответствии с актами МС ответственно за распространение информации о деятельности органов местного самоуправления.

5. Прошу сообщить реквизиты муниципального правового акта, которым 5.1. установлен порядок официального опубликования для всеобщего сведения нормативных актов Муниципального совета МО, 5.2. определены критерии для решения вопроса о том, подлежит ли нормативный правовой акт опубликованию или обнародованию.

6. О месте размещения информационных стендов о деятельности органов МСУ.

7. О реквизитах муниципального правового акта, которым установлен порядок размещения информации о деятельности МС МО на информационных стендах.

8. О порядке хранения обязательного экземпляра муниципальной газеты с содержанием текстов актов и документов МС.

9. О порядке ознакомления жителей с общественными слушаниями, проводимыми органами муниципальной власти.

10. О порядке работы с обращениями граждан.

11. О наличии судебных дел на территории муниципального образования, связанных с его деятельностью,

12. Порядок допуска рядовых жителей на заседания органов МСУ.

Кратко подведем первые итоги. Не ответили ни на один запрос 17 или более 15% адресатов, включая: №7, Ульяновка, Ржевка, Комарово, Песочное, Молодежное, Репино, Сестрорецк, Смолячково, Солнечное, Пулковский меридиан, Обуховский, Аптекарский остров, Коломяги, Черная речка, Волковское, Дворцовый. Адреса двух - Ульяновка и Аптекарский остров - не функционируют, а запросы автоматически возвращались. Некоторые – Прометей, Металлострой – ответили, но не предоставили информации, потребовав либо номер телефона, либо подтверждение человеческой принадлежности запросившего. МО «Московские ворота» просто отказалось отвечать, не аргументировав отказа. На все запросы в МО «Петровский» был получен одинаковый ответ: некто Сергей Дорогов, идентифицировать статус или сопричастность которого к МО по сайту не удалось, отсылал всех к 8-ФЗ.

Лучше других справились с поставленными вопросами: МО «Малая Охта», № 17, «Полюстрово», «Правобережный», «Петергоф», «Смольнинское». Их средний балл составил 2,8 -3.

Распределение оценок по районам: Петродворцовый (2,76), Выборгский (1,78), Адмиралтейский (1,76), Невский (1,73), Московский (1,61), Калининский (1,59), Василеостровский (1,43), Петроградский (0,76) Курортный (0,69).

Пока обработано (в Excel) 12 запросов, остальные 9 - обрабатываются. Один из участников проекта, юрист А.Одинг дал следующую оценку проделанной работы: «Сегодняшний день сделал нас богаче: мы узнали, например, что помимо государственной есть и муниципальная тайна, которая не подлежит разглашению. Часть муниципалитетов отрицает нашу правосубъектность, нашу способность иметь права в принципе, что, между прочим, противоречит Декларации прав человека и ряду международных соглашений. Было выявлено, что информация к человеку от органа управления может попадать двумя способами: доведением и доступностью. Доведение - это когда сам орган решает, кому именно и как сообщить информацию, а доступ – это возможность каждому в любой момент с ней ознакомиться. Сотрудники значительной части петербургских МСУ считают, что предоставлять доступ к информации об их деятельности не обязательно. В целом: большинство МСУ знали и понимали суть закона 8-ФЗ, поэтому отвечали на запросы. Многие ответы были содержательными».

Координаторы проекта убеждены, что эта работа не пройдет даром. Полученные данные будут доведены до Правительства города и до жителей районов. Наше наблюдение за работой органов МСУ с информацией должно быть учтено избирателями при выборе депутатов на будущих выборах.

На этом примере хорошо видна эффективность наблюдения как формы социальной активности: она способствует выявлению коррупции и непрофессионального управления отдельными чиновниками и депутатами МСУ, создает базу для объективных выборов в органы власти и управления, учит наблюдателей навыкам гражданского контроля, инициирует рост общей активности населения под влиянием позитивных примеров волонтеров.

О СБЕРЕЖЕНИИ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

ABOUT LIFE SAVING CHILDREN AND TEENAGERS

Милуков С.Ф.,
доктор юридических наук, профессор
РГПУ им. А.И. Герцена

Так называемые «несчастные» случаи, которые уносят ежегодно тысячи жизней несовершеннолетних, начиная с младенческого возраста, на самом деле являются проявлением познанных и непознанных закономерностей, прежде всего социальной природы.¹

Обратим внимание, прежде всего, на так называемую «вину» потерпевшего. Российские дети в своем большинстве вольно или невольно отрешены от реальной действительности. Взрослые же (родители, другие родственники, представители госструктур и проч.) не только не пытаются помочь детям преодолеть барьер между ними и жизнью с многочисленными вызовами и опасностями, но и постоянно укрепляют его (чего стоит скажем пресловутая компьютеризация находящихся в глубоком кризисе начальной, средней и высшей школы и тот же ЕГЭ, на который ежегодно тратятся сотни миллионов рублей вместо реального повышения зарплаты учителям, строительства школьных зданий и спортивных сооружений).

Даже внешний вид современного подростка указывает на его незащищенность: его глаза устремлены на мобильный телефон или планшет, его уши заткнуты наушниками с громко звучащей иноземной музыкой, его руки заняты переключением кнопок или вожделением ими по экрану). У него слабые мышцы и сморщенные легкие, он подслеповат и больше всего боится свежего воздуха и холода, испокон веков привычного русскому человеку (как и другим народам Центральной и Северной Руси). Многие непрерывно жуют резинку, разрушая зубы, слизистую рта и желудочно-кишечный тракт.

События на Украине наглядно показывают насколько важно научить ребенка (прежде всего мальчиков, но и девочек также, памятуя опыт США и Израиля) сизмальства готовиться к защите Родины от внешних врагов и их внутренней агентуры (еще недавно последняя представлялась плодом больного воображения сталинистов). Пока же свою естественную тягу к рискованным приключениям молодежь нередко реализует самым варварским способом.

Так, в феврале 2012 г. в тоннеле между станциями «Улица Дыбенко» и «Проспект Большевиков» погиб 24-летний студент. Он решил прокатиться на сцепке вагонов, но сорвался и был буквально растерзан движущимися частями электропоезда. В декабре (!) 2013 г. двое московских зацеперов решили добраться в Петербург на крыше «Сапсана». И осуществили свой план – их сняли с поезда уже на Московском вокзале.² Эти примеры можно продолжить и далее.

Поэтому надо научить подростков самим защищать свою жизнь и здоровье, охранять собственное имущество и помогать в этом взрослым (прежде всего родителям, педагогам, сотрудникам

¹ Подробнее о причинах преступного и иного девиантного поведения см.: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. С. 182-199; Милуков С.Ф. Причины преступности // Криминология / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб., 2013. С. 43-57.

² См.: Санкт-Петербургские ведомости. 2014. 10 июня. Ведутся разговоры об ужесточении наказания этого вида правонарушений. Госдума планирует рассмотрение законопроекта о 50-кратном, то есть до 5 тысяч рублей, увеличении штрафных санкций. МВД на транспорте выступает с инициативой приравнять зацеперов к хулиганам. Тогда нарушителей можно будет штрафовать до 2,5 тысячи рублей или арестовывать на срок до 15 суток.

А вот блогер Николай П., проработавший больше 20 лет машинистом, предлагает более радикальные меры: «Штрафы и в 5 тысяч не остановят. Надо бы привлекать этих смельчаков к уборке останков человека из-под поезда. Разок увидят, чем их художества могут закончиться, и дурь из головы выйдет». (Там же).

правоохранительных органов). А государство не должно препятствовать деятельности таких добрых, в том числе несовершеннолетних.

Пока же мы видим обратное. Долгожданный Федеральный закон от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» начисто отсекает подростков от правоохранительной деятельности (это значительный шаг назад по сравнению с советским временем), а в отношении взрослых делает красноречивую оговорку: «Участие граждан в мероприятиях по охране общественного порядка, заведомо предполагающих угрозу их жизни и здоровью, не допускается» (ч.2 ст.5 названного Закона). Спрашивается, где составители Закона видели такую деятельность воочию? Даже урезонить группу хулиганов (не говоря уже о разбушевавшихся футбольных фанатов, в том числе подростков) без риска получить синяк под собственный глаз вряд ли получится.

Декларации высоких государственных чинов о том, что дети - «наше все», разбиваются о сухие конструкции ряда статей Уголовного кодекса РФ, которые скорее говорят правду о ледяном равнодушии наших законодателей к человеческой жизни.

Возьмем, к примеру, часть вторую статьи 235 УК, которая устанавливает лишение свободы от двух месяцев (!) до пяти лет за смерть человека в результате незаконного занятия частной медицинской практикой или (NB!) частной фармацевтической деятельностью. Видно депутатам Госдумы, вторгавшимся в эту норму менее 3 лет назад (ФЗ от 7 декабря 2011 г. №420-ФЗ) неизвестно, что этот бизнес чреват гибелью не одного человека, а многих людей, в том числе детей и подростков, страдающих трудноизлечимыми (в том числе ввиду дороговизны лекарств и высокотехнологической медицинской помощи) болезнями.

Масса несовершеннолетних гибнет на пожарах и автодорогах. Давно назрела необходимость усилить наказание за гибель несовершеннолетних от этих «обыденных» причин. Законодатель же, лихорадочно вносящий все новые изменения и дополнения (порой излишние и даже вредные) в уголовно-правовое поле,³ глух и нем к этим нуждам.

Население России оказалось заложником недобросовестных бизнесменов (в том числе зарубежных) производящих ради наживы в гигантских масштабах недоброкачественные продукты и промышленные товары и торговых сетей (красноречивый термин!), которые путем ложной рекламы навязывают эти фальсификаты потребителям. Что же делает законодатель? Он 11 лет назад (см. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) *отменяет* уголовную ответственность за *заведомо* ложную рекламу, а за производство либо сбыт товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности, предназначенных для детей в возрасте до шести (!) лет устанавливает *максимальное* наказание в виде шести лет лишения свободы.

Здесь нелишне вспомнить т.н. «меламиновое» дело, по которому китайский суд вынес приговор о применении расстрела к бизнесменам, сфальсифицировавшим детское питание.

Пора сделать выбор между пустым суесловием и реальной политикой по обеспечению сохранности жизни и здоровья подрастающих поколений россиян. Надо найти на это финансовые средства, которые ныне аккумулируются компрадорским промышленно-сырьевым и спекулятивно-финансовым капиталом с целью вывоза за рубеж нашим геостратегическим противникам, а, главное, проявить политическую волю, которая, несомненно, будет поддержана честными российскими гражданами.

³ См. подробнее: Милуков С.Ф. Законодательная «лихорадка» и ее уголовно-политические последствия // Уголовно-правовая защита конституционных прав человека. СПб., 2009. С. 102-108; Он же. Лжедемократизм российской уголовно-правовой политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. №1. С. 64-74.

**ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**PROSPECTS OF RUSSIAN REFORM OF CRIMINAL LAW
OF RESPONSIBILITY OF ECONOMIC CRIMES**

Никуленко А.В.,
Заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
полковник полиции

Одной из наиболее явных глобальных угроз, которые беспокоят человечество, является преступность. Наличие этой угрозы всегда, на всех этапах развития общества и государства побуждало социум изыскивать эффективный инструментарий снижения или полного ее устранения. На решение подобной задачи были направлены интеллектуальные и материальные ресурсы. Не является исключением в этой сфере и проблема борьбы с преступностью в Российской Федерации, поскольку в современный период по не самым пессимистическим оценкам совершается 5,5-6 млн. преступлений ежегодно с учетом латентной составляющей. Эти пугающие цифры позволяют судить о масштабности того негативного социального явления, которое представляет собой преступность. Общество и государство всегда предпринимало усилия для объяснения подобной ситуации, ссылаясь на целый комплекс причин, однако это объяснение мало что дает для улучшения положения. Граждане ждут от своего государства действенных и результативных акций, которые бы обеспечили эффективный контроль и противодействие преступности, ведущих к реальному понижению ее уровня до рамок естественного фона. Вот этой весьма масштабной и важной социальной задаче и подчинена уголовная политика государства. Современная наука и практика давно уже не ставит перед собой задач полного устранения либо искоренения преступности как опасного социального явления, поскольку весь опыт в этой сфере показывает, что такая задача не по силам. Причин тому бесчисленное множество.

Обратимся к официальной статистике. Так, по данным МВД России, в 2013 году органами внутренних дел возбуждено 1761,5 тыс. уголовных дел. Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 386 млрд. руб., что на 44,2% больше аналогичного показателя прошлого года. Почти половину всех зарегистрированных преступлений (46,7%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 922,6 тыс. (-7,0%), грабежа – 92,1 тыс. (-16,3%), разбоя – 16,4 тыс. (-11,8%).

Выявлено 141,2 тыс. экономических преступлений, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных составил 6,4%. Материальный ущерб составил 229,86 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе преступлений экономической направленности составили 57,8%.¹

По сведениям Генеральной прокуратуры РФ, за 11 мес. 2013 г. зарегистрировано 140 тыс. 352 преступления экономической направленности и выявлено 46 тыс. 058 лиц, их совершивших.²

Таким образом, следует констатировать, что вопросы экономической безопасности общества не перестают быть актуальными и значимыми в современной России.

¹ <http://mvd.ru>.

² <http://crimestat.ru>.

Основным направлением деятельности Правительства РФ в сфере обеспечения безопасности граждан является предупреждение и профилактика преступлений против личности, в том числе и преступлений, посягающих на экономические интересы граждан.

В тоже время, должна завершиться работа по совершенствованию законодательства, направленная на предотвращение случаев необоснованного возбуждения уголовных дел в отношении лиц, ведущих хозяйственную деятельность. В отношении правоохранительной и судебной практики должна быть исключена односторонняя оценка признаков преступлений экономической направленности, должен быть осуществлен отказ от игнорирования сведений, указывающих на невиновность либо меньшую степень ответственности привлекаемого лица.³

Однако, как мы полагаем, многим преступникам удастся уйти от ответственности и избежать заслуженного наказания. Причинами этого выступает как низкая квалификация сотрудников правоохранительных органов, не дающая им возможностей раскрывать сложные экономические (так называемые, беловоротничковые) преступления, которые совершаются, в том числе, с использованием современных компьютерных технологий, позволяющих снимать денежные средства со счетов граждан в различных банках, нанося колоссальный ущерб банковской сфере и подрывая доверие к ней, так и несовершенство законодательства, в частности, уголовного.

Несмотря на глубокий кризис современного общества и государства, охвативший, в том числе и уголовную политику,⁴ а также поразившую практически все сферы жизни общества, так называемую «матрицу преступности»: «Матрица сегодня представляется уже как система защиты и обеспечения криминальных интересов. Эта система включает организацию компаний по борьбе с преступностью с последовательным отводом острия атак от ее жизненно важных центров и переадресацию их на правоохранительные органы в поисках «оборотней в погонах» или «коллег», нарушающих правила дорожного движения».⁵

Тенденции сегодняшнего дня говорят об отсутствии системности при внесении тех или иных поправок в законодательство, в том числе уголовное. Так, за последние 11 лет в УК было внесено более 700 поправок.

Российское уголовное законодательство состоит не из разрозненных законов – оно является кодифицированным, то есть еще более систематизированным (по сравнению с некодифицированными правовыми актами). Как раз в этом и заключается его преимущество – в системности и обобщенной взаимосвязи статей.

Внесение поправок в Уголовное законодательство РФ необходимо, жизнь на месте не стоит. Однако именно поэтому поправки не должны вноситься точечно, иначе кодекс начинает походить на лоскутное одеяло и перестает служить поставленным перед ним целям. Так, недавно в Уголовный кодекс России включены новые экономические статьи. Прежде всего, мы имеем в виду ст. ст. 159¹-159⁶ УК РФ (однако в этой связи, нельзя не упомянуть о ст. 76¹ УК, введенной благодаря очередной политической компании и носящей явно популистский характер, так как воспользоваться ее

³ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (утв. Председателем Правительства РФ 31 января 2013 г.)

⁴ О проблемах современной уголовной политики см. подробнее: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. – 144 с.; Лопашенко Н.А., Лесников Г.Ю. Уголовная политика // Энциклопедия уголовного права. Т. 1 Понятие уголовного права. СПб., 2005. С. 4-142; Лопашенко Н.А. Уголовная политика / Монография. – М., 2009; Милуков С.Ф. Крутые виражи отечественной уголовно-правовой политики. В чем их цель? // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии. М., 2009. С. 71–76; Милуков С., Никуленко А. Силовое противодействие преступному поведению: модернизация нормативной базы // Уголовное право. 2012. № 6. С. 41-47; Корецкий Д., Милуков С. Экономические преступники – друзья или враги народа? // Уголовное право. 2013. № 3. С. 86-90.

⁵ См. подробнее: Овчинский А.С., Чеботарева С.О. Матрица преступности / Под науч. ред. В.С. Овчинского. М., 2006. С. 22 и др. См., также: Овчинский В.С. Криминология кризиса. М., 2009. – 240 с.

«поощрительными» (кавычки наши – *А.В.*) нормами может только человек, не умеющий считать),⁶ что вызвало широкое обсуждение в научном сообществе.⁷

На слушаниях в Совете Федерации даже прозвучала идея ввести мораторий на поправки в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы.⁸

По замыслу, поправки могут накапливаться и вноситься, скажем, один раз в год. Такая мера может позволить уберечь УК от противоречивых и бессистемных поправок.

Законодательная власть планирует в скором времени начать работу над новым Уголовным кодексом, хотя об этом говориться уже последние пять(!) лет!⁹

Однако качество работы законодателя оценивается не продолжительностью времени, прошедшего с момента обнаружения недочета в законодательстве, до момента его исправления, а тем, насколько вновь принятый (измененный) закон лучше старого регулирует уголовно-правовые отношения, содействует усилению охраны общества, насколько новая (измененная) норма органично вписывалась в существующую систему законодательства.

Таким образом, уголовное право реализует уголовную политику государства, в законах отражается эта политика. Меняется политика, и меняются законы. Наиболее резко меняется законодательство, когда в обществе, в государстве происходят не эволюционные, а революционные изменения, преобразования.

⁶ Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации // Российская газета. 2012. 3 дек. См. также: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ; Федеральный закон от 21.12.2013 № 365-ФЗ и многочисленные другие.

⁷ См. подр., напр.: Тюнин В. «Реструктуризация» уголовного законодательства об ответственности за мошенничества // Уголовное право. 2013. № 2.

⁸ Российская газета. 2013. 20 ноября.

⁹ См.: Российская газета. 2010. 10 июня. См., также: Кузнецова Н.Ф. О совершенствовании уголовного закона // Российская юстиция. 2009. № 5. С. 12-16; Наумов А.В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция кодекса? // Уголовное право. 2009. № 4. С. 44-48; Никуленко А.В. Перспективы уголовной политики в сфере законодательного закрепления новых обстоятельств, регламентирующих правомерное причинение вреда Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели // Материалы VII Российского Конгресса уголовного права 31 мая-1 июня 2012 г. М., 2012. С. 186-191; Он же. Соотношение отдельных положений Федерального закона «О полиции» и норм главы VIII Уголовного кодекса РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3. С. 56-60.

**ДЕВИАНТНОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ТИП
СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

**DEVIA NT AS A SPECIAL TYPE OF SOCIAL BEHAVIOR
OF JUVENILES IN TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY**

Орлова Ю.Р.,
к.ю.н., доцент,
Докторант кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений
Академии права и управления ФСИН России

Аннотация. В статье раскрывается сущность девиации как особого типа социального поведения несовершеннолетних в условиях трансформации российского общества, ее отличительные особенности и виды, затрагиваются вопросы социального контроля за девиантным поведением несовершеннолетних.

Ключевые слова: девиантность и делинквентность, преступность несовершеннолетних, социальный контроль.

Научный интерес к проблеме девиантного поведения несовершеннолетних в условиях трансформации российского общества очевиден и обусловлен сложившимися негативными тенденциями в сфере преступности несовершеннолетних. Как показывает практика, процессы существенных социально-экономических и политических преобразований в современной России, неизбежно привели к появлению все новых и новых видов отклоняющегося поведения, в первую очередь в подростковой среде (все чаще преступления совершаются представителями молодежных течений агрессивного характера, чье поведение характеризуется различными видами аутодеструктивного поведения и т.д.) Происходит это, прежде всего, потому, что субъекты подросткового возраста, являясь наиболее уязвимыми в части внешнего воздействия социума, моделируют свое поведение, воспринимая вновь появляющиеся, зачастую искусственно создаваемые в обществе установки как нормы, правила поведения.

Проведенный криминологический анализ статистических данных позволяет выявить следующие криминологические тенденции: несмотря на некоторое снижение абсолютного числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, в течении последних пяти лет с 2008 по 2012 гг. (так в 2012 году к уголовной ответственности были привлечено 59461, из числа привлеченных более половины 32572 были осуждены).

Уголовная статистика отмечает увеличение доли насильственных преступлений в структуре подростковой преступности, выявляет тенденцию к возрастанию степени организованности преступных групп несовершеннолетних, фиксирует рост преступлений, совершаемых на почве национальной ненависти или вражды в отношении представителей отдельных социальных групп. В последние годы изменилась мотивационная направленность действий подростков. Небывалыми темпами среди подростков распространяется такое негативное явление как happyslapping- «избиение для развлечения» детей детьми.

Динамика количества несовершеннолетних,
совершивших преступления, в период с 2004 по 2013 гг.

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Кол-во несовер.	151890	149981	148595	131965	107890	85452	72692	65963	59461	60761
Темп прироста к прошл. году (%)	4,3	-1,3	-0,9	-11,2	-18,2	-20,8	-14,9	-9,3	-9,9	2,2
Удельный вес в структуре заре- гистр-ой преступ- ности	12,4%	11,6%	10,9%	10,0%	8,6%	7,0%	6,5%	6,3%	5,9%	6,0%
Количество осужденных несо- вершен.	97506	99091	82218	84099	73333	56406	46954	38287	32572	29200

По итогам 20013 года впервые за несколько лет обнаруживается тенденция увеличения количества зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними на 4,6%, что в абсолютных цифрах составляет 67225 человек.

Особое беспокойство вызывает рецидив преступлений, со стороны несовершеннолетних, которые освободились из воспитательных колоний и специализированных образовательных учреждений (спецшкол и спецПТУ), составивший за последние пять лет около 25-30%. Обращает на себя внимание и такая негативная тенденция, что несмотря на снижение почти в 5 раз количества несовершеннолетних, отбывающих наказание в ВК с 2002 по 2012 годы с 10950 до 2289 человек на 30% увеличилось количество несовершеннолетних, которые ранее уже отбывали наказание в ВК. В 2 раза (с 421,7 до 998,7) за исследуемый период вырос уровень нарушений установленного порядка отбывания наказаний (на 1000 человек).

Как известно, делинквентное поведение понимается как отклонение от юридических норм, причем делинквентный статус субъекта рассматривается как частный случай девиантного поведения. Под девиантным поведением буквально понимается поведение, отклоняющееся от нормы, поведение, противоречащее принятым в обществе правовым или нравственным нормам, преступное или аморальное поведение, результат асоциального развития личности, «отклонение от групповых норм, которое приводит к изоляции, лечению, исправлению или наказанию нарушителя».¹ Таким образом, мы видим, что указанные понятия трактуются по-разному.

В действительности эти понятия - не совпадающие. Они соотносятся между собой как вид и род, часть и целое. Всякое делинквентное поведение является отклоняющимся (девиантным) поведением, но не всякое отклоняющееся поведение можно отнести к делинквентному поведению.

Существуют разные классификации девиантного поведения. Так, например, можно выделить:

1.«Докриминогенный уровень девиантного поведения», к числу которых можно отнести мелкие проступки, нарушение норм морали, правил поведения в общественных местах, уклонение от общественно-полезной деятельности, употребление алкогольных, наркотических, токсических средств, разрушающих психику, и другие формы поведения, не представляющие серьёзной общественной опасности.

2.«Криминогенный уровень девиантного поведения», когда действия и поступки, выражающиеся в преступных уголовно-наказуемых деяниях.

¹Смелзер Н. Социология, 1994, С. 652

Так, например, к числу делинквентных относятся административные правонарушения, выражающиеся в распитие спиртных напитков в общественных местах, мелком хулиганстве (нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан). Влекут за собой административную ответственность и такие формы проявления делинквентности, как занятие проституцией, распространение порнографических материалов или предметов и др., перечень которых в законодательстве об административных правонарушениях достаточно обширен.

Особую общественную опасность представляет такой вид делинквентного поведения, как преступление. Преступлениями являются только те общественно опасные деяния, которые предусмотрены уголовным законом и запрещены им под угрозой наказания.

По мнению специалистов существует и «преддевиантный синдром» - комплекс определённых симптомов, приводящих несовершеннолетнего к стойким формам девиантного поведения. А именно: аффективный тип поведения; семейные конфликты; агрессивный тип поведения; ранние антисоциальные формы поведения; отрицательное отношение к учёбе; низкий уровень интеллекта и др.

Полученные нами в ходе проводимых исследований сведения, отражающие социально-демографические характеристики несовершеннолетних о поле, возрасте, состоянии здоровья, трудоспособности, образовательном уровне и иных социально-демографических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных характеристиках личности привлечённых к уголовной ответственности позволяют, в свою очередь, правильно обозначить основные направления, содержание и перспективы развития уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних. Именно поэтому при определении основных направлений реализации уголовной политики не следует забывать и о трансформационных изменениях «самих объектов профилактического воздействия».

В е 2012 года российский уполномоченный по правам детей П. Астахов сообщил, что за последние 11 лет число детей инвалидов с психическими расстройствами выросло на 60%. По наблюдениям психиатров, число таких детей увеличивается ежегодно на 10%. И это только «шапка» айсберга. Согласно проведенных нами исследований, 65% подростков в период совершения общественно опасных деяний до достижения возраста наступления уголовной ответственности, имели отдельные психические расстройства различной этиологии. В одной только Москве, по оценкам специалистов, детей со скрытыми психическим отклонениями – четверть от общего количества. В регионах указанный показатель – число детей с психическими расстройствами колеблется от 15 до 30%.

Следует отметить, что изменение качественных и количественных показателей преступности несовершеннолетних, как и сам процесс перехода к новому типу трансформированного российского общества сопровождался неблагоприятными тенденциями в социально-демографической сфере, к числу которых необходимо отнести сокращение на 7500000 человек количества детей в России за последние 10 лет; всего в Российской Федерации в настоящее время проживают около 28 миллионов детей. При этом число детей, живущих в государственных учреждениях, не сокращается: около 156 тысяч детей воспитываются в детских домах и интернатах, в социально опасных условиях живут 760 тысяч детей; ежегодно свыше 25000 детей уходит из дома и социозащитных учреждений; около 30% детей рождаются вне брака; 70% отцов не платят алиментов; 79% детей имеют проблемы со здоровьем по итогам диспансеризации; на 160% за последние 10 лет (в период с 2003 по 2012 гг.) выросло число детей в возрасте до 14 лет, состоящих на учете в связи с алкоголизмом; 4 место занимает Россия по распространению табакокурения среди подростков; - 3 место в мире Россия занимает по уровню подросткового суицида

Безусловно указанные социальные явления и процессы негативно влияют на криминогенность подростковой среды, вместе с тем во многом процессы криминализации несовершеннолетних объясняются и непоследовательностью реализуемой в отношении несовершеннолетних уголовной

политикой, недостаточностью усилий, которые предпринимаются российским обществом, правоохранительной системой и наукой по предупреждению рецидивной преступности среди несовершеннолетних. И все таки, мы приходим к выводу, что основным криминогенным фактором преступного (как разновидности девиантного поведения несовершеннолетних является семейное неблагополучие и отсутствие необходимого контакта между родителями и детьми. Как показала практика, в большинстве случаев преступления совершаются детьми, о которых родители не заботятся вообще или делают это периодически. Небрежное отношение к процессу воспитания приносит свои «плоды». Ненадлежащее воспитание ребенка в семейных условиях приводит к развитию преступных наклонностей еще в раннем детстве, и ликвидировать эти наклонности впоследствии нелегко. Эмоциональная атмосфера в семье оказывает влияние на формирование здоровой психики, положительных черт характера. А это зависит от образа жизни, которого придерживаются члены семьи. Дети всегда являлись зеркалом семьи.

Именно родители должны учить честности, доброте, справедливости, показывать пример достойной жизни, оберегать их от общественно-опасных деяний, проводить профилактическую работу о недопустимости совершений правонарушений и преступлений, они в ответе за их судьбу, за их жизнь в будущем. Функция родителей не только в том, чтобы дать жизнь ребенку, одеть и накормить его, но и обеспечить любовь, внимание, заботу.

К криминогенным факторам, нравственно разрушающим и разлагающим личность несовершеннолетних относится деятельность современных СМИ. Телевидение сегодня перенасыщено сценами насилия. Открыто показываются формы проявления организованной преступности, бандитизма, незаконных способов наживы. Подростки, впитывая эти кошмары с экрана, видят в насилии единственное средство разрешения любых конфликтов.

Как известно делинквентное поведение несовершеннолетних субъектов формируется в процессе социального взаимодействия не только с микросоциальным окружением, но и с социумом в целом. Процесс формирования у подростка девиантного поведения отрицательной направленности происходит постепенно и часто латентно, но в случае вхождения подростка в антисоциальную среду его приобщение к нормам девиантной субкультуры происходит значительно быстрее, чем у взрослой личности под действием механизма девиантной идентичности. При этом механизм девиантной идентичности применительно к субъектам пубертатного возраста может рассматриваться как важнейший в процессе перехода с асоциального на антисоциальный уровень поведения подростков, так как он вбирает в себя наиболее значимые для его потребностно-смысловой сферы составляющие: стремление соответствовать установкам референтной группы, потребность в причастности к общности «Мы», удовлетворение потребности в самоутверждении.²

Механизм поведения отклоняющегося от нормы антисоциального характера, складывается из взаимодействия всех тех внутренних и внешних факторов, которые определяют возникновение устойчивой мотивации на совершение антинормативного акта, способствуют его совершению и в конечном итоге делают его практически осуществимым. В этой связи своевременно вспомнить об исследователях, которые говорили о тройном механизме социальной детерминации преступного поведения личности несовершеннолетнего: во-первых, путем ее постановки в такие социальные позиции, совокупность которых уже сама по себе способна исключать личность (полностью или частично) из сферы действенного положительного влияния и обеспечивать воздействие на нее негативных моментов; во-вторых, путем дачи предписаний, вытекающих из занимаемых позиций, не соответствующих нормам права и лежащей в их основе морали, либо носящих противоречивый характер; в-третьих, путем такого формирования личности в результате длительной деформации ее

² Васько Е.В. Эволюция преступности несовершеннолетних в России: психолого-правовой анализ. С. 24

социальных позиций и ролей, которое влияет на характер восприятия и исполнения соответствующих предписаний.³

В научной литературе представлены и другие точки зрения относительно механизма преступного поведения. Так, например, Ю.М. Антонян полагает, что психологическое отчуждение ребенка от родителей является не единственной, но одной из причин формирования личности преступника, так как при неприятии ребенка или лишении его родительской ласки и попечения в его психике на бессознательном уровне формируется тревожность, беспокойство, боязнь утраты себя, своего «Я», своего положения в жизни, неуверенность в своем бытии, ощущение враждебности и даже агрессивности окружающего мира.⁴ Подобной позиции придерживается В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов.

Все вышеназванные качества, указанные автором, объединяются термином «тревожность», понимаемым как страх небытия, несуществования. А у тревожных личностей угроза биологическому или социальному способна преодолеть любые нравственные преграды или правовые запреты, игнорировать их, именно по этой причине не учитывается и угроза сурового наказания. Нравственные нормы, регулирующие отношения между людьми, в силу указанных особенностей и отсутствия целенаправленного воспитания не воспринимаются подобными субъектами.

Актуальны эти выводы и для современной России, претерпевшей многочисленные преобразования, сказавшиеся, к сожалению, и на главной социальной функции семьи – защите от неблагоприятного внешнего воздействия. К сожалению, семья, в условиях трансформации российского общества, зачастую занимает не главенствующую роль, за исключением, пожалуй лишь семей, которые пускают своего ребенка по пути «криминогенного заражения», стимулируя деформацию его системы отношений окружающему своим а- или антисоциальным поведением, имея при этом достаточно прочную эмоциональную связь с ребенком. При этом представляется совершенно бесспорным выдвинутый авторами постулат о том, что «в нашей стране уже давно существуют объективные факторы, формирующие высокий уровень тревожности личности», вызванный значительным расслоением общества с позиции материальных благ, утерей людьми привычных жизненных ориентиров и идеологических ценностей, ослаблением социального контроля, возрастанием количества людей, неспособных найти себе достойного места в постсоветском трансформационном пространстве.

Классик мировой социологии и криминологии Эмиль Дюркгейм в свое время отмечал: быстрый социальный сдвиг, независимо от его направления, всегда приводит к росту самоубийств. Отклоняющееся поведение в целом, несмотря на некоторые оговорки, в тенденции следует той же закономерности.⁵ Как видно речь идет не только о психологических явлениях в сознании человека, но и более широком процессе: психология здесь сочетается с социологией поведения, а зачастую и с факторами экономического, социального, правового и медицинского порядка. На индивидуальном поведении несовершеннолетних сказываются и дефекты нормы, и дисфункции социальных институтов, и искажения ценностных ориентаций в общественном сознании. Быстрые перемены в обществе неизбежно ведут к социальному напряжению, независимо от того, что именно и в каком направлении меняется. В период резких перемен нарушается единство бытия и сознания, возникает несоответствие взаимодействия субъектов и социальных институтов, неадекватность социальной политики (в том числе и такого ее направления как уголовно-правовая) и морали, наблюдается диссонанс производственных отношений производительным силам, надстройке- базису. В данном случае было бы уместно говорить о согласованности взаимодействия людей и социальных институтов, о согласованности интересов, о соответствии морали и социальной политики. В трансформационной

³ См. Беляев Э.В. Шалин Д.Н. К понятию «роли в социологии // Личность и ценностные ориентации: Сб. научных трудов. М., 1969. С. 33-35; Долгова А.И. Социально-психологические аспекты

⁴ Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления: причины преступности. М., 2005г. С. 43-44

⁵ Левин Б.М., Левин М.Б. Наркомания и наркоманы: Кн. Для учителя. М., 1991

России во времена резких переломов эта согласованность нарушается, что приводит к необычным эффектам.

Размытость норм, ослабление социальной регуляции в современном российском обществе искажают духовные и культурные устои. Несовершенство и непроработанность как законодательной, так и правовой систем, в которых главным мерилom должна быть доля общественного продукта, производимого на основе профессиональных знаний и умений, а на деле не создающая никаких ограничений в накоплении капитала посредством коммерческих операций (в том числе и криминальных) изменили ценностные ориентации не только у взрослого населения, но и у юношества. Новые условия предполагали изменение схемы социального контроля с расширением самостоятельности личности и ее самоопределения. Кроме того, гипертрофия внешнего контроля привела к снижению внутренней ответственности: в настоящий момент в трансформированном российском обществе внешний контроль ослаблен, а самоконтроль личности развит недостаточно, в результате чего произошел разрыв между стремлением к быстрому росту материального благосостояния и отсутствием рычагов саморегуляции, основанных на высокой культуре и духовности. Данная социальная ситуация спровоцировала изменение отдельных количественных и качественных показателей преступности несовершеннолетних.

Проведенный нами опрос также показал, что для 80% опрошенных подростков в нашем обществе основным жизненным ориентиром и критерием «успешности» является количество свободных денег и возможность их использовать по своему усмотрению. Духовные и культурные ценности, ценности общественной активности перешли на задний план, уступив место лишь «приватным» ценностям.

В этой связи представляется совершенно очевидным и актуальным утверждение А.И. Долговой, о том, что спецификой криминологически неблагополучных семей являются дефекты семейной обстановки вследствие неправильного поведения родителей, которые сосуществуют с аморальными и противоправными взглядами, образцами поведения, восприятие которых способно само по себе, независимо от дефектов процесса воспитательного воздействия, порождать у подростка деформацию личности и поведения⁶.

И в заключении следует отметить, что к настоящему периоду российское общество постепенно пришло не просто к новому всплеску преступности несовершеннолетних, а к совершенно иному ее качеству – совершению тяжких и особо тяжких преступлений подростками из самых различных социальных слоев и в подавляющем большинстве случаев не связанных с удовлетворением насущных, жизненно важных потребностей и не обусловленных совокупностью инфантильных, незрелых мотивов. Как показывает исследование, подавляющее большинство преступлений совершается психически здоровыми подростками, а их действия носят характер спланированных и подготовленных при полном осознании ими своих действий в период осуществления деликта. В этой связи полагаем, что определение судом (или правоприменителем) мотивации совершения преступления подростком является крайне важным компонентом при комплексной оценке личности несовершеннолетнего правонарушителя, так как из мотивации совершения деликта – совокупности мотивов как динамичного образования, формирующегося, изменяющегося и реализуемого в преступную деятельность под воздействием как внешних (средовых), так и внутренних (личностных) факторов закономерно вытекают и индивидуально-психологические особенности подростка. В конечном итоге правильно определенная мотивация совершения подростком преступления, практически исключает ошибки при вынесении судом решения об уголовной ответственности несовершеннолетнего, а потому, позволяет достичь основные цели назначения наказания: восстановить социальную справедливость и предупредить совершение новых преступлений со стороны несовершеннолетнего.

⁶ Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981. С. 55

Пока же изучение материалов уголовных дел, свидетельствует, что суды при назначении наказания несовершеннолетним не всегда всесторонне, полно, объективно исследуют данные о личности подсудимого, мотивации его преступного поведения, не учитывают специфические особенности преступлений и лиц, их совершивших. А потому необходима дифференциация наказания при назначении его судом, для чего требуется изучение личности преступника, что имеет особую важность, если речь идет о несовершеннолетнем. И здесь недостаточно формальной характеристики. Ч. 1 ст. 89 УК РФ, которая предписывает правоприменительным органам при назначении наказания несовершеннолетнему учитывать условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц. Только при дифференцированном подходе назначенное осужденному наказание будет эффективным и достигнет своих целей. Необходимо, чтобы суд принимал во внимание не только степень общественной опасности несовершеннолетнего подсудимого, но и всю совокупность его жизненных обстоятельств и личных качеств, его отношение к учебе и труду, состояние здоровья и трудоспособность, а также сведения о его судимости. Необходимо, чтобы в судебной практике имело место разумное сочетание воспитательных и карательных мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних. Суды не должны игнорировать те возможности смягчения уголовной ответственности несовершеннолетних, которые им предоставляет законодатель, и подменять их иными, якобы более отработанными и удобными, вариантами. Наказание должно восприниматься несовершеннолетним преступником как адекватная реакция государства на его собственное деяние. Чрезмерно мягкое наказание способно породить у подростка мысль о вседозволенности и безнаказанности и не приведет к достижению целей, указанных в уголовном законе, а, наоборот, с учетом слабых моральных устоев несовершеннолетнего развяжет ему руки для совершения более дерзких и тяжких преступлений, завышенное наказание повлечет ненависть к суду, вызовет чувство обиды и озлобления, а подросток может замкнуться в себе от непонимания происходящего, сделать неправильные жизненные выводы.

**СИСТЕМА СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**
**SYSTEM OF SOCIAL CONTROL SUBJECTS
AT THE MODERN STAGE OF GLOBALIZATION**

Поклад В.И.,
заведующий кафедрой криминологии и социологии
Луганский государственный университет
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко

Аннотация. Система субъектов социального контроля рассматривается как взаимодействие самоконтроля, первичного, вторичного, третичного контроля, а также правового контроля. В условиях глобализации формируется глобальный контроль. Выделены основные тенденции развития глобального социального контроля.

Annotation. System of social control subjects regarded as interaction between self-assessment, primary, secondary, tertiary control as well as legal control. In the age of globalization global control is forming. The basic trends in the development of global social order and legal control are highlighted.

Ключевые слова: социальный контроль, правовой контроль, глобализация.

Keywords: social control, legal control, globalization.

Социальный контроль, как «способ саморегуляции социальной системы, обеспечивающий ее сохранение и нормальное функционирование»¹, является универсальным механизмом поддержания порядка в обществе на самых разных уровнях социальности – от диады-микрогруппы и до этнических, религиозных и прочих массовых общностей.

В структуре социального контроля выделяются социальные нормы и социальные санкции. Социальные нормы – это стандарты поведения большинства членов общества (общности). Социальные санкции представляют собой любые реакции со стороны большинства на индивидуальное или групповое поведение, цель которых гарантировать выполнение социальных норм². Действие социального контроля построено на поощрении конформного (нормального) поведения и наказании девиантного (отклоняющегося) поведения.³ Основанием для классификации конкретного поведения и его последующего санкционирования выступают социальные ценности, как существующие в обществе критерии (стандарты) для выбора социальными акторами определенных способов социальных действий.⁴

Осуществление социального контроля предполагает функционирование системы социальных субъектов, реализующих санкции на различных уровнях социальности. По мнению П. Бергера, «современный человек вписан в систему многоярусного и многостороннего социального контроля, осуществляемого со стороны самых разных институтов общества», которую американский социолог представляет в виде расходящихся концентрических кругов, где в центре находится индивид. Среди этих кругов П. Бергер выделяет, во-первых, первичные группы, во-вторых, неформальные группы коллег (сотрудников), в-третьих, профессиональные системы, в-четвертых, общественную мораль, в-пятых, политико-юридическую систему.⁵

¹ Лапаева В.В. Социология права: Краткий учебный курс / В.В. Лапаева; Под ред В.С. Нерсисянца. - М.: Издательство НОРМА, 2000, с. 111.

² См.: Гидденс Э. Социология. – М., 1999, с. 120.

³ См.: Смелзер Н. Социология. - М., 1994.

⁴ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем //Американская социологическая мысль. Тексты. - М., 1996. – С. 469

⁵ См.: Бергер П. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива.- М., 1996.- С.73-76.

Отталкиваясь от схемы П. Бергера, попытаемся представить систему социального контроля как систему его субъектов. Базовым уровнем социального контроля выступает самоконтроль. Субъектом санкций является сам человек, точнее, одна из его ипостасей как биологического, коллективного и духовного существа. Поощрение и наказание в самоконтроле реализуется личностью, как духовным существом, которая оценивает поступки, совершенные личностью как биологическим либо коллективным существом в форме эмоциональных переживаний, либо т.н. «угрызений совести», либо «морального удовлетворения».

Данная способность является результатом социализации индивида, критерием успешности которой выступает уровень интериоризации ценностей и норм общества (общности) в сознание личности. Оценивая собственные поступки, индивид смотрит на них глазами других людей. Духовный уровень личности, таким образом, выполняет функцию субъекта социального контроля на индивидуальном уровне, выступая представителем внешнего социального мира.

Формирование способности к самоконтролю зависит от многих факторов (индивидуальные особенности человека, историческая ситуация, культура общества), но главным является влияние первичных групп (семья, друзья), являющихся носителями воспринимаемых индивидом ценностей и норм. Даже полностью сформировавшаяся личность более всего опасается неформального наказания за свои поступки со стороны родственников и друзей. Соответственно, весьма значимым оказывается неформальное поощрение. Первичный социальный контроль, таким образом, призван преодолевать недостатки социализации и ослабленный самоконтроль. Конкретной формой санкций здесь является одобрение (осуждение) близких. Высшая мера наказания – исключение из первичной группы.

Вторичный социальный контроль осуществляется также в малых группах, для которых характерно непосредственное функциональное либо целевое единство. Они могут быть как формальными (трудовой коллектив), так и неформальными (любительская спортивная команда). Внутри большинства вторичных групп сосуществуют формальные и неформальные коммуникации, и характер поощрения (наказания) в каждом отдельном случае определяется их конкретным соотношением. Эффективность санкций зависит также и от того, является ли формальный руководитель неформальным лидером. Так, если начальник не находит официальных оснований для увольнения девиантного (по мнению большинства) сотрудника, коллектив будет применять весь арсенал неформальных негативных санкций для реализации универсальной высшей меры социального наказания – социальной эксклюзии (исключения).

Третичный социальный контроль представляет собой поддержание порядка внутри массовых этнокультурных общностей. Стандарты нормативного поведения усваиваются в процессе первичной социализации. Если в первичных и вторичных группах реакции на девиации следуют со стороны людей, с которыми девиант находится в постоянных непосредственных взаимоотношениях, то внутри массовых общностей субъекты санкций являются, как правило, анонимными. Инициаторами санкций чаще всего выступают носители этнокультурных ценностей и традиций. Обычно, это люди старшего возраста, а также представители высокостатусных групп, лидеры общественного мнения, моральные авторитеты. Эффективность поощрений и наказаний зависит от степени поддержки их инициаторов окружающими. В гомогенной культурной среде (Япония, Корея) она максимальна. В гетерогенном, поликультурном обществе ситуация противоположна.

И, наконец, формальный (правовой) контроль, с помощью которого государство и его органы стремятся компенсировать недоработки (недостаточную эффективность) предыдущих уровней социального контроля. Общественное одобрение позитивных девиаций подкрепляется государственными наградами. Общественное осуждение как основная форма наказания усиливается государственной репрессией. Субъектами санкций выступают специальные органы и лица (формальные руководители). При этом объектами санкций могут быть не только индивиды, а и группы (первичные и вторичные), общности и организации.

Эпоха глобализации дополняет существующую систему обеспечения социального порядка внутри каждого общества глобальным социальным контролем. Вообще глобализация как *процесс* эволюции общества в качестве *результата* предполагает формирование глобального социального порядка. Этот порядок, как и всякий другой, базируется на универсализации некоей мегакультурной (ценностно-нормативной) системы, обеспечивающей единый социальный контроль в масштабе планеты. Культурная глобализация выступает стержнем процесса формирования нового мирового порядка. Как отмечает В. Патрушев, «в настоящее время, по мнению большинства ученых, происходит глобальная смена социальных порядков, типов культур или суперсистем (по определению П. Сороскиной), смысл которой, прежде всего, в **переоценке ценностей**, в замене ведущей ценности настоящего времени ценностью грядущего».⁶ При этом в качестве образца имплицитно предполагается модель постиндустриального (информационного) общества, как наиболее эффективная в современном мире. Ядром ценностно-нормативной системы, претендующей последние 200 лет на глобальное доминирование, выступают *индивидуализм, экономический либерализм и политическая демократия*.

Современная постиндустриальная ценностно-нормативная система, которая в силу ее эффективности стала притягательной для всех социумов, сложилась в недрах *западной* цивилизации. Ее глобальным антагонистом выступает модель, которую условно можно назвать *восточной*, ценностные компоненты которой противоположны западным идеалам. На Востоке коллективизм ценится выше индивидуализма, государственный патернализм преобладает над экономическим либерализмом, а политико-идеологическое доминирование носителей господствующего мировоззрения приветствуется больше, чем демократия и плюрализм в политике. В целом можно констатировать, что основной водораздел различения западной и восточной моделей социального порядка проходит по линии соотношения общественного и индивидуального в организации социальной жизни: либо приоритет имеет индивидуальная свобода и деятельность, либо доминирует общественный интерес в различных формах (этнос, религия и т.д.).

Западная и восточная модели социального порядка могут быть представлены в качестве идеальных типов, своеобразных магнитных полюсов глобальных возможностей, в промежутке между которыми размещаются те или иные реально существующие системы организации социального контроля.

Западные ценности личного успеха, свободного предпринимательства и демократических процедур «снятия» социальной напряженности очень тесно взаимосвязаны между собой. Каждая из них является необходимым условием функционирования остальных. Поэтому эффективным может быть лишь социальный порядок, основанный на *целостном* внедрении ценностно-нормативной парадигмы. Однако во второй половине XX века, в период четвертой волны модернизации, в постсоветских обществах переход от национальных культур к глобальному социальному порядку осуществлялся, в основном, путем спонтанной замены отдельных элементов ценностно-нормативных систем регионального уровня глобальными стандартами жизнедеятельности, вторичными по отношению к фундаментальным ценностям. И в первую очередь глобальными становились стандарты потребления (пища, мода, увлечения). В частности, как пишет Э. Паин, «демократия в раннем постсоветском обществе воспринималась в основном не как ценность, а лишь как инструмент достижения высокого уровня жизни «как у них»».⁷

В большинстве постсоветских обществ модернизационные ценности оказались чисто декоративными элементами для новых элит, сформировавшихся в результате синтеза наиболее пассионарных представителей прежних командно-административных кадров с прежней же криминально-теневой элитой. Рыночная экономика, демократия, права человека - все это стало симулякрами

⁶ Патрушев В. Социально-технологический вектор современной цивилизации // Социология на пороге XXI века: основные направления исследований. - М., 1999. - С. 270.

⁷ Паин Э. Имперский синдром и имитация национального строительства России // Социология: теория, методы, маркетинг. - 2007. - № 3. - С. 40.

и манипуляционными технологиями. А реально возник социальный порядок, основанный на коррупции и насилии.⁸

Глобальная эволюция преступности и ее контроля воспроизводит основные этапы, закономерности, специфику развития общества, а также основные этапы достижения и закрепления прав и свобод личности. Именно наличие автономной (свободной) личности является первым условием совершения преступления и воспроизводства преступности. Одновременно нельзя не признать, что последовательная реализация индивидуализма с расширением объема прав человека является основным условием складывания «общества потребления». Чем свободнее индивид, тем менее он зависит от социального контроля (особенно в его традиционных формах), в том числе и в реализации своих желаний, в сфере потребления. И чем более «глобализирован» такой индивид в своих ценностных ориентациях на «мировые стандарты» жизни и деятельности, тем менее значимы для него не только общесоциальные, а и правовые ограничения национальных систем социального порядка. В ходе опроса населения города Луганска по проблемам правосознания (N = 647),⁹ на вопрос «Считаете ли Вы, что некоторые проблемы, с которыми Вам приходится сталкиваться, удобнее было бы решать незаконным способом?» положительный ответ (сумма вариантов «да» и «скорее да, чем нет») дали 37% респондентов. Показательно, что выше средних значений представлена данная позиция в ответах респондентов в возрасте 26-35 лет (51%), руководителей предприятий (56%), студентов (47%), т.е. представителей наиболее «культурно глобализированных» групп населения.

Можно вести речь о «глобальной аномии», индикатором которой выступает рост преступности практически во всех странах мира. Мы исходим из известного положения Э. Дюркгейма о том, что существование преступности (в определенных пределах) есть проявление условий, необходимых для социального развития и изменения общества.¹⁰ Чрезмерная же преступность ненормальна, ее рост сигнализирует о социальном неблагополучии.

Согласно исследованиям В.В. Лунеева,¹¹ преступность в мире в 60-90-х гг. возросла в 4 раза. И, что интересно, наиболее позитивная динамика (рост в 8 раз) присуща США и постсоветским государствам. США - страна-эталон, Россия, Украина - государства, весьма интенсивно осуществлявшие модернизацию. При этом наиболее значительно возрастает количество преступлений против собственности.

«Четвертая волна модернизации» (постсоветские государства) реализовывалась в основном через интенсивное заимствование вещественно-технологических компонентов культуры. Социальная и духовная сферы отставали. Одним из последствий этого отставания является рост преступности. Прежний внешний административно-политический контроль (основанный на сочетании идеологических и репрессивных механизмов) был разрушен, самоконтроль ослаблен. Сфера потребностей и желаний индивидов бесконтрольно расширяется, адекватно растет количество совершаемых вследствие этого преступлений.

Аномическое состояние постсоветских обществ усугублялось дальнейшим разрушением ценностно-нормативных регуляторов поведения. Нормы первичных групп (семейные и корпоративные) приобретают приоритет по отношению уже не только к праву, а и к нормам морали. Повидимому, это также можно считать одним из побочных эффектов глобализации, когда «корпора-

⁸ См.: Рущенко И. «Криминальная революция» как социетальный фактор // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. - № 3.

⁹ «Правовая реформа в Украине». Опрос населения города Луганска 14-23 октября 2013 года // Архив лаборатории криминологических и социологических исследований Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – Луганск, 2013.

¹⁰ См.: Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. - С.42.

¹¹ Лунеев В. В. Преступность в XXI веке (методология прогноза) // Социологические исследования. - 1996. - № 7. - С. 95.

тивные моральные кодексы обычно придают первостепенное значение соблюдению служащими правил и норм организации и удивительно мало внимания уделяют соблюдению норм закона».¹²

Повсеместно повышается уровень безразличного отношения к правонарушениям, не затрагивающим «ближний круг» индивида. Неудовлетворенность материальным уровнем, при ослаблении контроля первичных групп и отсутствии возможностей для самореализации, а также ослаблении ценностно-нормативного регулирования поведения, стимулирует противоправное поведение. По данным исследования (Луганск, май 2009 г.) более 20% респондентов ответили, что в период обострения кризиса личные потребности и желания являются главным детерминантом поведения. При этом выше среднего значения данная позиция опять отмечалась в ответах наиболее «культурно глобализированных» категорий населения: молодежи в возрасте 18-25 лет (29%), студентов (38%), лиц, состоящих в гражданском браке (30%). Напротив, для наименее глобализированных в культурном смысле категорий населения (пенсионеры) характерны противоположные ценностные ориентации.

Для культурной глобализации постсоветских обществ в части восприятия новых экономических ценностей характерна и собственная специфика. Личная экономическая активность вне государственных предприятий в СССР запрещалась и даже была криминализована. Поэтому «предпринимательство как экономическая деятельность в бывшем Советском Союзе существовала лишь в виде теневого бизнеса, а предпринимательская карьера отличалась элементами уголовного характера».¹³ По подсчетам российских криминологов за 25 лет (1966-1991) к уголовной ответственности за спекуляцию было привлечено около 1 млн. человек.¹⁴ Тем не менее, 20-летие интенсивной модернизации постсоветского общества повлияло на радикальное изменение ценностных ориентаций: осуждаемые (и наказуемые) прежде виды деятельности сейчас стали высокостатусными. При этом одновременно оказались «легализованными» и многие компоненты криминальной субкультуры (ценности, нормы), обеспечивавшие функционирование нелегального бизнеса в советский период. Сейчас знания о том, чем отличается «жизнь по понятиям» от жизни по законам стало достоянием практически всего взрослого населения нашего общества.

Глобальный рост преступности, прежде всего, экономической, можно рассматривать в качестве индикатора девиантности модели развития, ориентированной на построение «общества потребления». «Ведь должны быть пределы роста маразма потребления?» - восклицает В. Овчинский.¹⁵ Ответом на этот вопрос можно считать мировой кризис 2008 года и его последствия. Именно после начала мирового экономического кризиса фиксируется снижение показателей преступности в глобальном масштабе. Если рост преступности является показателем переходного периода, то ее снижение можно считать свидетельством завершения перехода и установлением нового типа социального порядка в глобальном масштабе.

В связи с изложенным выше, представляется возможным определение в качестве основных направлений эволюции социального порядка следующих процессов:

1. *Деглобализация*, переход от иерархической модели глобального порядка с доминированием евроатлантизма к сетевой модели с формированием пяти - шести мегасистем социального порядка, основанных на традиционных для каждого социума ценностно-нормативных параметрах.¹⁶ Со-

¹² Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – С. 363.

¹³ Черноволонко В., Иващенко О., Симончук Е. Проблемы статусной легитимации политических и хозяйственных элит современного украинского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. - 1999. - № 4. - С. 24.

¹⁴ Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М., 2000. – С. 75.

¹⁵ Овчинский В.С. Об организованной преступности как форме социальной организации жизни в России и необходимости нового российского курса // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2008. - № 2 (15). – С. 135.

¹⁶ По мнению председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, выход из нынешнего кризиса состоит в том, чтобы «усложнить модель глобализации, превратить ее из унификации в

циологи уже зафиксировали данную тенденцию. Так, в декабре 2007 года, выступая на социологических чтениях в Киеве «Современное состояние и перспективы развития социологии в Украине и Европе» президент Европейской социологической ассоциации Клер Уоллес, отмечает, что происходит «переход от «больших картин» всеобъемлющего характера в объяснении социальных процессов к фрагментарности нынешней социологии, обусловленной крахом глобальных проектов социальной инженерии...».¹⁷ Отсутствие эффективной глобальной системы контроля преступности, слабость национальных правоохранительных систем стимулирует реанимацию неформальных способов противодействия ей, характерных для предыдущих этапов развития (от изгнания субъекта преступления, его изоляции и до самосуда¹⁸ в соответствии с традициями). На эту тенденцию обращает внимание С. Милуков, констатируя, что «реакцией населения на удручающую пассивность власти зачастую становятся противоправные формы защиты своих интересов, вплоть до распространенных ныне «заказных» убийств»¹⁹. Однако подобные действия в подавляющем большинстве случаев являются реакцией на насильственные преступления. Что же касается экономических (хозяйственных) правонарушений, то здесь, как отмечает И. Попова, общественному осуждению подвергается не нарушение законодательства, а отступления от неформальных договоренностей,²⁰ т.е. девиации социальные, а не правовые.

2. *Ослабление значения материальных (вещественных) ценностей* в структуре каждой из систем социального порядка и соответственное усиление социально-коммуникативных и духовно-творческих ценностей. Нынешние мероприятия по преодолению кризисных явлений в различных государствах земного шара, так или иначе, связаны с ограничением потребления, что свидетельствует о вынужденном критическом пересмотре модели развития, ориентированной на построение «потребительского общества». Так, победившего под лозунгом перераспределения прибылей президента США Барака Обаму критики именовали не иначе как «социалистом».²¹

3. *Регионализация*, с повышением роли местных нормативно-ценностных регуляторов социального поведения; У. Бек и Р. Робертсон вводят в научный оборот термин «глокализация» для определения глобализации локального с присущей ей фрагментацией, когда разрушается, например, непосредственное (локальное) соседство, но одновременно укрепляется «соседство» транснациональное (глобальное). Локальные общности глобализируются, возникают связи и общности глокальности; глокализация продуцирует новые, неизвестные ранее общности».²²

4. *Ограничение прав и свобод личности* в субглобальных мегасистемах социального порядка в пользу традиционных для каждой из них способов контроля девиаций. Можно прогнозировать последовательное развитие тенденции ограничения свободы личности и прав человека, которая по-разному будет проявляться в различных системах социального порядка. В частности, можно вспомнить реакцию Америки на трагедию 11 сентября, когда страна добровольно поступилась некоторыми свободами ради безопасности.²³ В качестве примера можно привести и попытку Верховной Рады

нечто совершенно другое – сложное, богатое содержанием, многомерное явление». – См.: Зорькин В.Д. Глобальный кризис, право и права человека // <http://www.globalaffairs.ru/numbers/36/11224.html>.

¹⁷ Первые международные социологические чтения памяти Н.В. Паниной «Современное состояние и перспективы развития социологии в Украине и Европе» // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – № 1. – С. 238.

¹⁸ О тенденции самостоятельной расправы с преступниками в Украине – см.: Орел С. Постсиндром Лозинского // «Зеркало недели». – № 43 (771). – 7 - 13 ноября 2009.

¹⁹ Милуков С.Ф. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту. Отзыв официального оппонента // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2009. – № 1 (16). – С. 179

²⁰ См.: Попова И. Моральне виправдання і нормативна складова тіньових практик (спроба порушити проблему) // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2004. – № 1. – С. 43-44

²¹ Лучшие умы США спорят, переживет ли капитализм нынешний кризис // <http://news.mail.ru/economics/>

²² См.: Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М., 2001. – С. 93-94.

²³ См.: Новые законодательные и организационные инициативы США в борьбе с терроризмом (статьи американских авторов: Питера С.Пробста, Флетчера Н. Болдуина, Джозефа Б. Томкинса-мл.) //

Украины восстановить смертную казнь (февраль 2010 года). В этом же направлении весьма интенсивно развивается законотворчество Российской Федерации.

Все обозначенные выше тенденции проявляются на постсоветском пространстве. Ценностно-нормативная модель «русского мира», «евразийства» все отчетливее позиционируется в качестве ядра социального порядка, противопоставляемого западному варианту глобализации. Мы видим в нем и доминирование единой идеологии, и государственное регулирование экономических отношений, и ограничение прав и свобод личности, характерных именно для восточного типа социального контроля.

Ослабление значения вещественных ценностей происходит как вследствие самоограничения потребления в результате экономического кризиса, так и под воздействием государственной культурной политики (ориентация на «традиционные ценности»).

Мощным проявлением регионализации (глокализации) можно считать события в Крыму и на Востоке Украины, а также на севере Ирака. Видимо, подобные процессы можно предвидеть и в Российской Федерации (Дальний Восток, Кавказ и т.д.).

Глобальный правовой контроль, как система международных соглашений, не сможет сохраняться неизменным в условиях бурно изменяющегося мира. Субъекты международного правового порядка, который формируется сейчас в процессе коллективной реакции на конфликтные ситуации, будут вынуждены для сохранения мира и стабильности учитывать все обозначенные выше тенденции, начиная от допущения ограничений прав и свобод человека (на основе национальных традиций) и до законодательного закрепления прав регионов на самоопределение вплоть до отделения.

**НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ В СТРАНЫ СКАНДИНАВИИ,
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ЧЕРЕЗ ЭСТОНИЮ
В ПЕРИОД С 2008 ПО 2013 ГОД**

**IRREGULAR MIGRATION TOWARDS SCANDINAVIA
AND CENTRAL AND WESTERN-EUROPE
VIA ESTONIA IN PERIOD 2008-2013**

Ристо Пуллат,

д-р юрид. наук, подполковник полиции,
ведущий аналитик Департамента полиции
и пограничной охраны Эстонская Республика

Аннотация. Организованная незаконная миграция вызвана, в значительной степени, внешними по отношению к ЕС факторами, и её снижения в ближайшее время не предвидится. ЕС будет оставаться привлекательным местом назначения для незаконных мигрантов, обслуживаемых организованной преступностью с большой базой потенциальных клиентов. Следовательно, участие в этой преступной сфере будет оставаться прибыльным бизнесом для организованной преступности. Россия и Эстония расположены на Восточном транзитном пути незаконной миграции в Скандинавию, а также Центральную и Западную Европу. Общая статистика, связанная с нелегальной миграцией через Эстонию, показывает с 2008 года чёткую тенденцию к росту и предполагает, что давление на внешние сухопутные и воздушные границы Эстонии останется умеренным.

Annotation.

Facilitated illegal immigration is driven, to a large degree, by factors external to the EU and is not expected to decrease in the near future. The EU will remain an attractive destination for irregular migrants providing organised crime with a large pool of potential clients. Consequently, involvement in this crime area will remain a profitable business for organised crime. Russia and Estonia are located on Eastern transit route of irregular migration to Scandinavia and Central and Western Europe. The overall statistics related to irregular migration via Estonia since 2008 shows clear increasing trend and suggests that pressure towards Estonian external land borders as well air borders will remain moderate.

Ключевые слова: организованная преступность, незаконная миграция.

KeyWords: Organised crime, Facilitated illegal immigration

Вступление

В большинстве случаев незаконной миграции контакт между контрабандистом и мигрантом заканчивается после незаконного въезда в страну. Под незаконным въездом в данной ситуации подразумевается незаконное пересечение границы, въезд в государство назначения и нарушение норм пребывания, включающее использование поддельных удостоверяющих личность документов, а также других методов и средств. В основном контрабандисты не проявляют интереса к судьбе незаконно ввезённых мигрантов в стране назначения. Основной целью преступника является получение материальной выгоды от предоставленных услуг. Как правило, деньги должны быть уплачены заранее. В некоторых случаях контрабандисты бросают незаконных мигрантов сразу после получения денег, так и не доставив их в страну назначения.

В 2000 году в Протоколе против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности, было утверждено на международном уровне правовое определение незаконной миграции. Статья 3, часть А гласит: «Незаконный ввоз мигрантов означает доставку с целью получения прямой или косвенной финансовой или иной материальной выгоды из незаконного въез-

да в какое-либо государство-участник любого лица, которое не является гражданином или постоянным жителем».¹ Протокол вступил в силу в Эстонии в 2004 году. Законодательная база ЕС состоит из пакета из двух мер: директива (2002/90/ЕС) предусматривает уголовную ответственность за содействие несанкционированному въезду, транзиту и проживанию (т.е. контрабанда людьми), для которых дается общее определение.² Подход в ЕС еще более строгий, чем в вышеупомянутый в ООН, поскольку предусматривает наказание за содействие во въезде/транзите и без получения материальной выгоды. Выгода или «финансовое вознаграждение» ясно указаны только относительно предоставления незаконного проживания. Рамочное соглашение (2002/946/JHA) связано с укреплением рамок уголовного права для решения проблем контрабанды, в том числе путем установления некоторых минимальных требований к максимальным наказаниям.³ Европол считает содействие незаконной миграции в своей «Оценке угрозы серьёзной организованной преступности в ЕС в 2013 году» (SOCTA) одной из ключевых угроз.⁴ Организованная незаконная миграция вызвана, в значительной степени, факторами внешними по отношению к ЕС, и её снижения в ближайшем будущем не предвидится. ЕС будет оставаться привлекательным местом для нелегальных мигрантов, обслуживаемых организованной преступностью с большой базой потенциальных клиентов. Следовательно, участие в этой преступной сфере будет оставаться прибыльным бизнесом для организованной преступности. Подделка удостоверяющих личность и визовых документов является важным инструментом, используемым организованной преступностью в этой криминальной сфере.⁵

Клаус фон Лампе указывает на два типа преступной деятельности, которые подверглись значительным изменениям с момента падения железного занавеса, т. е. незаконная миграция и торговля людьми. Восточноевропейские страны стали основными странами отправления и транзита для незаконных мигрантов на пути в Западную Европу. Москва, например, служит важным центром для незаконных мигрантов из Азии.⁶ Исторически тесные связи между Восточной Европой и странами Юго-Восточной Азии создали благоприятные условия для организаторов незаконной миграции. Похоже, что некоторые транзитные государства (например, Польша, Венгрия, Словакия и Чехия) сами превратились в страны назначения.

Страны ЕС сталкиваются с большими миграционными потоками. Продолжающийся вооруженный конфликт в Сирии, сложная ситуация в сфере безопасности в Египте, Марокко и Ливии, а также вооруженные конфликты в регионе африканского Рога выступают в качестве сильных побуждающих факторов, которые создают новые миграционные потоки в ЕС. В случае с Эстонией основным источником незаконной миграции является Россия, страны СНГ и Азии. Помимо статуса транзитной страны, Россия и её граждане (чеченцы и ингуши по происхождению) являются источником незаконной миграции. В последние годы значительно возросла роль Эстонии в транзите незаконной миграции.

¹ Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. The United Nations Office on Drugs and Crime. New York 2004, pp 54-55. <http://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCbook-e.pdf> (11.04. 2014)

² Council Directive 2002/90/EC of 28 November 2002 defining the facilitation of unauthorised entry, transit and residence. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?jsessionid=h1jTTGnBYnHTNdF6GyvGNxlnSLv-SnXySGmDwP6qcZf1ys0ySSyc2!-506130859?uri=CELEX:32002L0090> (27.05.2014)

³ Council Framework Decision 2002/946/JHA of 28 November 2002 on the strengthening of the penal framework to prevent the facilitation of unauthorised entry, transit and residence. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32002F0946> (27.05.2014)

⁴ SOCTA 2013 EU Serious and Organised Crime Threat Assessment. European Police Office 2013. <https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/publications/socta2013.pdf>, p 6 (9.04.2014)

⁵ Ibid, p 23.

⁶ Klaus von Lampe (2005). Organized Crime in Europe. Handbook of Transnational Crime&Justice. Ed. Philip Reichel, p 411.

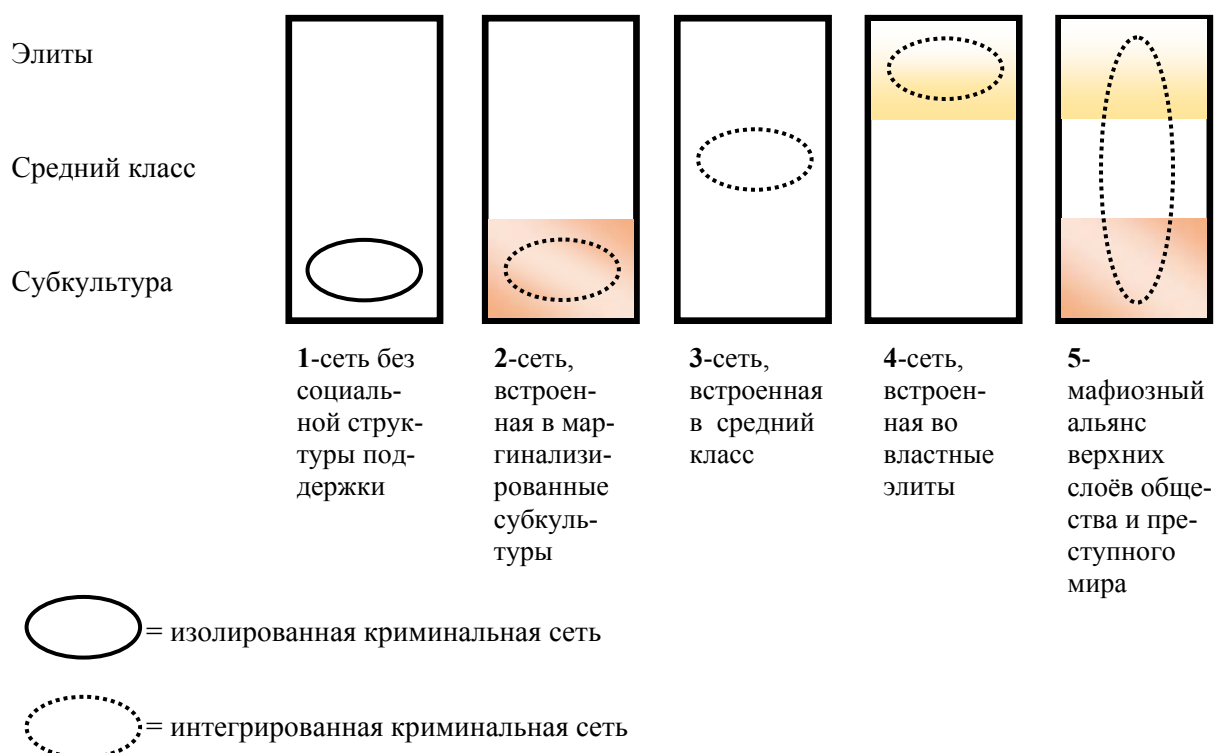
Эстония не является страной назначения для нелегальной миграции

Эстонская миграционная политика оставалась относительно стабильной, несмотря на значительное влияние общего свода законодательных актов Европейского союза (Шенгенский кодекс о границах, директивы ЕС и т.д.). Закон об иностранцах разрешает въезжать в страну исключительно на законных основаниях и запрещает незаконное пребывание в Эстонии. Таким образом, все лица, въехавшие в Эстонию незаконно или находящиеся на территории государства незаконно, обязаны немедленно покинуть страну, иначе они будут высланы. Эстония не является страной назначения незаконной миграции, а скорее транзитной страной или даже «вторичной страной назначения». В большинстве случаев незаконные мигранты пересекают российско-эстонскую временную контрольную полосу вне пунктов пограничного контроля или используют для въезда поддельные документы/визы/виды на жительство. В целях незаконной миграции используются и правовые возможности, такие как туризм, транзитные перевозки, обучение, личные контакты и контакты, связанные с работой. В контексте незаконной миграции люди пытаются установить контакты на межличностном уровне или в деловой сфере, чтобы получить визу. Устойчивой практикой являются попытки воспользоваться женской наивностью, когда люди знакомятся в интернете или во время отпуска, чтобы приехать в Эстонию. Известно, что некоторые граждане из стран с высоким миграционным риском проявляют также интерес к поиску в Эстонии женщин, которые согласились бы за определенное материальное вознаграждение заключить фиктивный брак. Как правило, Эстония не является конечной целью незаконных мигрантов, они стараются достичь скандинавских стран или стран Западной Европы.

С момента присоединения Эстонии к Шенгенской зоне, граждане из стран-доноров незаконной миграции начали проявлять больше интереса к Эстонии. Основной целью является получение шенгенской визы, которая предоставляет право на въезд на территорию всех стран-членов Шенгенского союза. Назначение методик, используемых для борьбы с незаконной миграцией, сделать Эстонию максимально непривлекательной для незаконных мигрантов, затруднить незаконный въезд, обеспечить высокую вероятность обнаружения незаконного пребывания и быструю реадмиссию. Эти цели достигаются следующими способами: визы, ходатайства о виде на жительство, ответственность перевозчика, контроль в аэропортах перед посадкой на борт самолета, соглашения о реадмиссии с транзитными странами, проверка действительности документов в пунктах пограничного контроля, мобильные единицы между пунктами пограничного контроля и регулярный внутренний контроль.

Если в период с 2008 по 2009 годы основным *modus operandi* незаконной миграции для въезда в Эстонию было незаконное пересечение границы вне официальных пунктов пограничного контроля и использование поддельных или фальшивых проездных документов (в т.ч. визы), то с 2010 года стало расти количество злоупотреблений визами. В 2013 году около 62 % от общего числа обнаруженных пограничной службой случаев незаконной миграции на всех границах были связаны со злоупотреблениями визовой системы, затем следовали случаи незаконного пребывания и незаконное пересечение границы между пунктами пограничного контроля. Следует отметить, что на участке российско-эстонской границы в районе Чудского озера и реки Наровы, большинство незаконных пересечений границы связаны с туризмом или рыбалкой. Помимо случаев незаконной миграции через российско-эстонскую контрольную полосу, незаконные пересечения границы также связаны с контрабандой сигарет. Контрабанда сигарет из России, наряду с незаконной миграцией, еще одна важная тема обсуждения, связанная с трансграничной преступностью. Принимая во внимание географические, а также другие факторы участка сухопутной границы в зоне ответственности Южной префектуры в Юго-Восточной Эстонии, он останется наиболее вероятным местом для не санкционированного пересечения границы и как *modus operandi* незаконной миграции.

**Рисунок 1. Разновидности альянсов организованной преступности
в регионе Балтийского моря.**

Источник: Klaus von Lampe (2008). Organized Crime in Europe: Conceptions and Realities. Policing: A Journal of Policy and Practice, 2(1), p 14.

Клаус фон Лампе расположил разновидности альянсов организованной преступности в порядке нарастания от менее серьёзных к более серьёзным в плане интегрированности в европейские общества. В направлении слева направо, с четвертым и пятым альянсом соотносится наихудший альтернативный сценарий (рис. 1).⁷ Организованная незаконная миграция относится как ко второму, так и к третьему типу преступных сообществ. Преступники второго типа могут рассчитывать на социальную поддержку структур отделенных от общества и его институтов и эти опорные структуры шире, чем их непосредственная криминальная среда. С одной стороны, преступники используют относительную изоляцию этнического меньшинства (т. е. вьетнамской диаспоры) при транзите и в стране назначения для сокрытия их преступной деятельности и обладают, с другой стороны, знаниями о местной инфраструктуре. Третий тип включает преступные сообщества, которые существуют в основной части общества в скрытой форме и включают в себя, казалось бы, законопослушных лиц (т.е. этнические группы в России), не имеющих препятствий для использования законной социальной инфраструктуры. Такие сообщества, прежде всего, связаны с организованной экономической преступностью, но они также пригодны для организованной незаконной миграции.

Что касается подделки проездных документов, то подавляющее большинство поддельных проездных документов это Шенгенские визы, и эта тенденция вряд ли изменится в ближайшем будущем. Начиная с 2013 года, в регионе было зафиксировано много случаев, когда подлинные и действительные проездные документы ЕС, использовались лицами, которым в действительности они не принадлежат, поэтому весьма вероятно, что тот же самый *modus operandi* будет использован и на российско-эстонской границе. Давление транзитной или следующей непосредственно из России незаконной миграции, вероятно, останется умеренным.

⁷ Klaus von Lampe (2008). Organized Crime in Europe: Conceptions and Realities. Policing: A Journal of Policy and Practice, 2 (1), p 15.

***Case study* вьетнамской незаконной миграции**

Ужесточение миграционных правил, миграционного и трудового надзора в России в 2013 году оказали влияние на вьетнамскую нелегальную миграцию в страны ЕС. Важными подталкивающими факторами вьетнамской незаконной миграции в ЕС стали сложные социально-экономические условия (экономический кризис, демографическая ситуация и т.д.) в стране-доноре, а факторами притяжения многочисленные этнические общины в Польше, Германии, Венгрии, Чехии и Франции.

В 2013 году давление вьетнамской незаконной миграции из России через страны Балтии в направлении Центральной Европы (в основном в Польшу) похоже на 2011 и 2012 годы, когда граждане Вьетнама были основной проблемой незаконной миграции в Юго-Восточной части Эстонии. Важно также отметить, что большинство случаев незаконной миграции в Восточной префектуре Северо-Восточной Эстонии имели место в пограничных пунктах контроля, в то время как в Южной префектуре в большинство случаев связано с незаконным пересечением границы в обход пунктов пограничного контроля. Транзитные каналы незаконной миграции, пересекающие Эстонию и направленные в страны Западной Европы, берут свое начало в Москве, проходят через Псков и участок границы в зоне ответственности Южной префектуры (в 2013 пять случаев). В 2013 году был только один случай незаконной миграции граждан Вьетнама через Сланцы с пересечением границы на участке, охраняемом Восточной префектурой.

Незаконная миграция граждан Вьетнама тесно переплетена с транснациональной организованной преступностью. Организованная преступность Вьетнама, помимо непосредственно своего государства, представлена также в странах транзита и назначения. В целом вьетнамская организованная преступность связана с выращиванием каннабиса в помещениях, с организацией незаконной миграции и т.д. Вьетнамские преступные группировки зачастую вовлечены в торговлю людьми. В 2013 году в Эстонии было вынесено четыре судебных решения связанных с незаконной миграцией граждан Вьетнама.

Обычно нелегальные мигранты из Вьетнама прибывают в Россию на основании виз. Вьетнамская нелегальная миграция, нацеленная на Западную Европу, как правило, организована. По данным Европола определенные организованные преступные группировки специализируются по обеспечению поддельными документами, способствующим незаконному въезду. Незаконные мигранты из Вьетнама часто въезжают на основании полученных обманным путем виз различных видов. Полный пакет услуги, включающий приглашение и визу, может стоить до 15 000 евро.⁸ Вьетнамскими этническими общинами Москвы и Варшавы была сформирована уголовная ось, которая используется для организации незаконной миграции граждан Вьетнама из России через Беларусь или/и страны Балтии в Польшу.⁹ Поставщиком криминальных услуг на этой оси являются этнические организованные преступные группировки, находящиеся на территории России, которые обеспечивают материально-техническую поддержку по транзитному маршруту через Эстонию, Латвию и Литву в Польшу. Ранее упомянутые пять случаев организованной незаконной миграции через участок границы охраняемой Южной префектурой были связаны с приведенной выше этнической преступной группировкой в России.

В 2013 году эстонской пограничной службой было зафиксировано шесть случаев организованной незаконной миграции вьетнамцев на польском направлении и задержано 58 мигрантов. Годом раньше было задержано 52 вьетнамца, незаконно перешедших российско-эстонскую временную контрольную полосу. Для сравнения, в 2012 году 97 и в 2013 году уже 233 незаконных мигранта из

⁸ Number of Vietnamese irregular migrants on the rise. Europol, December 04, 2013. <https://www.europol.europa.eu/content/number-vietnamese-irregular-migrants-rise> (10.04.2014)

⁹ По состоянию на октябрь 2013 Госпогранкомитет Республики Беларусь задержал 14 организованных групп незаконных мигрантов общим числом более 80 человек. Для сравнения в 2012 таких групп было 7 общим числом менее 40 человек. Домашняя страница Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, 26 ноября 2013. http://gpk.gov.by/press_center/regional_news/19944/ (10.04.2014)

Вьетнама были задержаны в Польше. В 2013 году 17 вьетнамцев были незаконно переправлены в Финляндию.¹⁰ Российские пограничники задержали в 2012 году в Псковской области 30 вьетнамцев, в то время как в Ленинградской области не было зафиксировано ни одного случая обнаружения мигрантов из Вьетнама. В прошлом году в Ленинградской области было задержано 8 и в Псковской области 74 незаконных мигрантов из Вьетнама.

При незаконной миграции граждан Вьетнама в Польшу российско-эстонскую временную контрольную полосу пересекают пешком, группами, на участках, где граница проходит по реке на лодках, с проводником или без него. Организаторы стараются предварительно исследовать местность, чтобы выявить, наиболее подходящие места для незаконного пресечения, обнаружить замаскированные детекторы, установленные пограничниками, определить частоту патрулирования, какими автомобилями пользуются разведслужбы охраны государственной границы и т. д. Иными словами, предпринимаются различные контрразведывательные меры с целью прикрытия.

Как правило, проездные документы у незаконных мигрантов из Вьетнама контрабандисты отбирают в России, пообещав вернуть их обратно после того, как мигранты прибудут в страну назначения. Большинство вьетнамских незаконных мигрантов имеют базовое образование. Только несколько мигрантов из Вьетнама имели при себе сотовые телефоны с российскими или вьетнамскими сим-картами, из чего следует, что на протяжении всего пути они полностью зависели от организаторов. По прибытии в страны конечного назначения, мигранты продолжают и дальше страдать из-за своего нелегального положения и отсутствия доступа к государственным услугам таким, как образование, жилищные вопросы и здравоохранение. Они должны компенсировать транспортные расходы из России в страны назначения позднее своим трудом. Незаконные мигранты из Вьетнама, задержанные в Эстонии, прибыли из расположенной в северо-центральной части Вьетнама провинции Нгхе.

Благодаря нескольким успешным двусторонним и многосторонним совместным операциям, проведенным в 2013 году, незаконная миграция из Вьетнама изменила свое направление на белорусско-литовское и белорусско-польское.

Выводы и перспективы развития

Демографические изменения в странах Африки, Ближнего Востока и стран Восточной Азии, которые привели к появлению большого числа молодых работоспособных людей, не имеющих возможности трудоустройства, будут и дальше питать миграционные потоки по направлению к ЕС и откроют возможности для организованных преступных группировок, вовлеченных в организацию незаконной миграции и торговлю людьми. Существует тесная связь между происхождением преступных группировок и национальностью незаконных мигрантов.¹¹ Незаконные мигранты в странах назначения подвергаются трудовой и сексуальной эксплуатации, как, например, в случае с незаконными мигрантами из Вьетнама.

Организованные преступные группировки имеют большой опыт по эксплуатации слабостей и лазеек законодательства о предоставлении убежища. Организаторы инструктируют незаконных мигрантов в соответствии с определенным *modus operandi*. В связи с возросшими сложностями при подделке визовых документов, организованные преступные группировки перешли к подделке или приобретению фальшивых подтверждающих документов для того, чтобы их «клиенты» могли ходатайствовать и получить подлинные визы.¹² По данным Фронтекс, использование поддельных доку-

¹⁰ Tuomas Massinen. Poikkeuksellinen laittoman maahantulon vyyhti paljastui – epäiltyinä suomalaisia. Vantaan Sanomat, 13.08.2013. <http://www.vantaansanomat.fi/artikkeli/249778-poikkeuksellinen-laittoman-maahantulon-vyyhti-paljastui-%E2%80%93-epailtyina-suomalaisia> (18.05.2014)

¹¹ SOCTA 2013 EU Serious and Organised Crime Threat Assessment. European Police Office 2013, p 23, p 38. <https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/publications/socta2013.pdf> (12.05.2014)

¹² Ibid, p 23.

ментов для въезда в ЕС или Шенгенскую зону в 2013 году увеличился на 24% (9 804).¹³ Между 2012 и 2013 годами резко увеличилось число обнаруженных незаконных пересечений по всему протяжению внешней границы ЕС, от приблизительно 72 500 до 107 000, что означает годовой прирост на 48%, но в то же время остается ниже, чем в период арабской весны в 2011 году (141 000). Число обнаруженных незаконных пересечений на восточной сухопутной границе в период с 2012 по 2013 год оставалось стабильным. Было обнаружено 1 316 случаев (для сравнения в 2012 году 1 597). Несмотря на увеличение числа незаконных пересечений границы в 2013 году в Эстонии, большинство из зафиксированных случаев были связаны с контрабандой акцизных товаров, и только затем следовали случаи нелегальной миграции.¹⁴

В зависимости от развития событий в странах-донорах в сочетании с мерами, предпринимаемыми в транзитных странах, общий уровень угрозы незаконной миграции через Эстонию остается умеренным из-за больших расстояний, разделяющих Эстонию и многие страны происхождения. В целях противодействия незаконной миграции исключительно важное значение имеет борьба с организованными преступными группировками и торговцами людьми в третьих странах, а также комплексное сотрудничество с транзитными странами и странами-донорами.

Литература:

1. Annual Risk Analysis 2013. Frontex, April 2013.
2. http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annual_Risk_Analysis_2013.pdf (13.05.2014)
3. Annual Risk Analysis 2014. Frontex, May 2014. http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annual_Risk_Analysis_2014.pdf (16.05.2014)
4. Council Directive 2002/90/EC of 28 November 2002 defining the facilitation of unauthorised entry, transit and residence. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?jsessionid=h1jTTGnBYnHTNdF6GyvGNxlnSLvSnXySGmDwP6qcZflys0ySSyc2!-506130859?uri=CELEX:32002L0090> (27.05.2014)
5. Council Framework Decision 2002/946/JHA of 28 November 2002 on the strengthening of the penal framework to prevent the facilitation of unauthorised entry, transit and residence. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32002F0946> (27.05.2014)
6. Number of Vietnamese irregular migrants on the rise. Europol, December 04, 2013. <https://www.europol.europa.eu/content/number-vietnamese-irregular-migrants-rise> (10.04.2014)
7. Tuomas Massinen. Poikkeuksellinen laittoman maahantulon vyyhti paljastui – epäilyinä suomalaisia. Vantaan Sanomat, 13.08.2013. <http://www.vantaasanomat.fi/artikkeli/249778-poikkeuksellinen-laittoman-maahantulon-vyyhti-paljastui-%E2%80%93-epailyina-suomalaisia> (18.05.2014)
8. Klaus von Lampe (2005). Organized Crime in Europe. Handbook of Transnational Crime&Justice. Ed. Philip Reichel, pp 403-424
9. Homepage of Belarus border guard. November 26, 2013. http://gpk.gov.by/press_center/regional_news/19944/ (10.04.2014)
10. Klaus von Lampe (2008). Organized Crime in Europe: Conceptions and Realities. Policing: A Journal of Policy and Practice, 2 (1), pp 7- 17.
11. SOCTA 2013 EU Serious and Organised Crime Threat Assessment. European Police Office 2013. <https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/publications/socta2013.pdf> (9.04.2014)
12. Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. The United Nations Office on Drugs and Crime. New York 2004. <http://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%-20Convention/TOCebook-e.pdf> (11.04.2014)

¹³ Annual Risk Analysis 2014. Frontex, May 2014, p 14. http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annual_Risk_Analysis_2014.pdf (16.05.2014)

¹⁴ Ibid, p 7, p 40.

**НАКАЗАНИЕ И ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ США**
**PUNISHMENT AND OTHER MEASURES UNDER THE CRIMINAL
LAW IN THE CRIMINAL LAW THE UNITED STATES**

Рабош А.В.,
аспирант, кафедра уголовного права,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

Аннотация. В статье рассматриваются особенности наказания и иных мер социального контроля по действующему уголовному законодательству Соединенных штатов Америки. Детально анализируются иные меры уголовно-правового характера направленные в отношении лиц признанных «привычными преступниками» и «сексуальными психопатами»

Annotation. The article discusses the features of sentences and other measures of social control by the criminal law of the United States of America. Detailed analysis of other measures under criminal law directed against persons deemed "habitual criminals" and "sexual psychopaths"

Ключевые слова: наказание, меры уголовно-правового характера, социальный контроль, пенитенциарная система.

Keywords: punishment, measures under criminal law, social control, the prison system.

В доктрине американского уголовного права наибольшее признание получили четыре основные цели наказания: воздаяние (retribution), устрашение (deterrence), лишение преступника возможности совершать преступления (incapacitation), исправление (rehabilitation).¹ Законодательного определения наказания не существует, поэтому основными определениями являются доктринальные. Так, например, Дж. Холлом дается следующее обстоятельное определение наказания: «Во-первых, наказание – это лишение (зло, муки, обесценивание). Во-вторых, оно является принудительным. В-третьих, оно налагается от имени государства; оно «санкционировано». В-четвертых, наказание предполагает наличие правил и их нарушение, а также более-менее формальное установление в судебном решении этого факта. В-пятых, оно налагается на правонарушителя, который причинил вред, а это предполагает наличие совокупности правил, с учетом которых как вред, так и наказание являются существенным с этической точки зрения. В-шестых, размер и тип наказания определенным образом зависит от причиненного вреда, т.е. они пропорциональны серьезности вреда, а также отягчаются или смягчаются с учетом личности правонарушителя, его мотивов и соблазнов».²

Основными видами наказания являются: смертная казнь, применяемая в большинстве штатов страны, лишение свободы, probation и штраф.

Лишение свободы широко используется, стоит отметить что на момент 2014 года наказание в виде лишения свободы отбывают 2 млн. 300 тыс. человек. Сроки лишения свободы различаются в зависимости от штата, т.к. каждый штат имеет свой уголовный кодекс. В большинстве штатов применяется система «неопределенных приговоров» без указания конкретного срока лишения свободы. Суд назначает по своему усмотрению минимальный и максимальный срок лишения свободы, в последующем административный орган, называемый Совет по вопросам условно-досрочного освобождения заключенных принимает решение о дате фактического освобождения заключенного в период между минимальным и максимальным сроками. При этом Совет учитывает как поведение

¹ Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. – М.: «Юрлитинформ», 2009. - С. 261.

² Hall J. General Principles of Criminal Law. 2d ed., Indianapolis, 1960. P. 310.

осужденного в период отбывания наказания, так и проводит оценку способности преступника не совершать новые преступления. В некоторых штатах уголовное наказание назначается в виде четко определенных сроков в пределах санкций, установленных законом, при этом система условно-досрочного освобождения не действует. Приговор с определенным сроком действует примерно в десяти штатах.³

За отдельные виды преступлений законодательством предусмотрены обязательные минимальные сроки наказания. В частности, это касается преступлений с применением огнестрельного оружия и преступлений, связанных с оборотом наркотиков.

Методика определения уголовных наказаний как руководство для судей содержится в Федеральном руководстве по назначению наказаний, принятом Конгрессом США в 1984 году. Данное руководство предусматривает меру наказания в зависимости от уровня тяжести преступления, с учетом конкретных обстоятельств дела, и от данных о преступной деятельности человека в прошлом.⁴ Наказание в виде лишения свободы отбывается, как правило, в тюрьмах. Необходимо отметить, что в США не существует единой исправительной системы, т.к. существуют тюрьмы федеральные и штатов, последние подразделяются на городские, окружные и тюрьмы штатов. При отбывании заключения осужденные используются на физических работах, что прямо прописано во многих уголовных законодательствах, например, УК Алабамы прямо предусматривает заключенному за фелонию «тяжелую физическую работу». С конца 70-х годов в Америке начали появляться частные тюрьмы, а также приватизироваться государственные. Общее число пенитенциарных заведений превышает 1,5 тысячи. Начиная с середины 70-х годов XX века отмечается неуклонный рост числа заключенных. Если в 1925 году количество заключенных было менее 100 тысяч, то в 1970-х годах численность достигла 200 тысяч, к 1980 году пройден рубеж в 300 тысяч человек, в 1983 году отмечена отметка в 400 тысяч человек, отметка в 500 тысяч достигнута в 1986 году, в середине 90-х годов превысила 1 млн. человек, в 2010 году превысила 2 млн. Многочисленными криминологическими исследованиями было показано, что связь между уровнем преступности и численностью тюремного населения хотя и существует, но не является прямолинейной. Так, например, штаты Техас и Миссисипи в 1997 году по уровню преступности занимали 16 и 27 места, а по уровню заключенных 1 и 5.⁵

Так называемый «тюремный бум» или рост числа заключённых связан с увеличением сроков наказания в виде лишения свободы и на 50% с тем, «что возросла вероятность признания правонарушителя виновным и определения ему наказания в виде тюремного заключения».⁶

Пробация – условное наказание с отдачей под надзор соответствующей государственной службе. Условие назначения probation это, прежде всего, учет обстоятельств совершенного преступления, особенностей личности и того, что реальное лишение свободы не даст положительного эффекта. При этом осужденный обязан соблюдать ряд условий и выполнять требования, как то: возмещение нанесенного ущерба, участие в общественных работах, посещение психологических тренингов, находиться в ночное время дома. Впервые probation стала применяться с 1878 года, с 1957 года она была законодательно закреплена во всех штатах. Для фелоний срок probation как правило не превышает пять лет, для мисдиминоров - трех лет.

Штраф может применяться за любое уголовно-наказуемое деяние, быть как основным так и дополнительным видом наказания, и штраф является наиболее распространенным наряду с лишением свободы. Размеры штрафа могут быть как предусмотрены законодательством так и быть кратными выгоде, полученной от совершения преступления или причиненного потерпевшему размеру

³ Документ министерства юстиции США: U.S. Department of Justice. Bureau of Judicial Statistics. Report to the Nation on Crime and Justice. 1990, p.91.

⁴ Herry L. Subin, Chester L. Mirsky, Ian S. Weinstein. The Criminal Process: Prosecution and Defense Functions. West, 1993, § 19.1 – 19.12.

⁵ Криминология / Под ред. Дж.Ф. Шели. – СПб.: Питер, 2003. – С. 550.

⁶ Криминология / Под ред. Дж.Ф. Шели. – СПб.: Питер, 2003. – С. 551.

ущерба. Решение вопроса о назначении штрафа решается судами в зависимости от различных характеристик, в том числе от материального положения осужденного, наличия лиц, находящихся у него на иждивении и др. Неуплата штрафа без уважительной причины является основанием для замены наказания на тюремное заключение. Однако, если осужденный не осуществил уплату штрафа по причине своей бедности он не может быть подвергнут тюремному заключению.

Разновидностью штрафных санкций является понятие реституции, осуществление которой предусматривается как федеральным законодательством так и законодательством большинства штатов. Законодательное правило реституции гласит, что все лица, которые претерпевают ущерб в результате преступной деятельности имеют право на реституцию. Ее размер определяется или доказанным ущербом, понесенным лицом в следствии преступления, если же сумма оспаривается, то ее размер определяется в судебном порядке.

В целом характеризуя пенитенциарную систему США можно отметить, что она содержит 25% заключенных всего мира, при этом население составляет лишь 5%. За десять лет с 2000 по 2010 год число частных тюрем возросло с 2 до 100 и выражаясь термином Н. Кристи быстрыми темпами развивается «тюремная индустрия», преступность в целом по стране, как и в мире падает, а количество заключенных растет. Такая ситуация образуется за счет следующих особенностей: 1) длительные сроки заключения получаю лица за ненасильственные преступления, прежде всего связанные с оборотом наркотиков; 2) в 13 штатах действует закон «трех преступлений» - лицо совершившее три преступления может быть приговорено к пожизненному лишению свободы и 3) все шире распространяется практика привлечения заключенных к трудовой деятельности в самых различных сферах, образуя рынок дешевой рабочей силы.

Необходимо отметить то, что наряду с наказанием тюремное заключение может использоваться в качестве меры безопасности в виде продленных или дополнительных сроков лишения свободы. В Примерном уголовном кодексе, рекомендации которого инкорпорированы законодательством большинства штатов, продленные сроки тюремного заключения могут применяться при наличии одного из следующих условий:

1. достиг 21 года и является «упорно совершающим посягательства лицом» (persistent offender), т.е. был ранее осужден за две фелонии или одну фелонию и два мисдиминора;
2. достиг 21 года и был «профессиональным преступником», поскольку заведомо посвятил себя преступной деятельности или доходы которого нельзя объяснить ни чем иным, кроме как извлечением из преступной деятельности;
3. является «опасным психически ненормальным человеком», но все вменяемым;
4. является совершившим несколько посягательств лицом, преступная деятельность которого имела столь широкие масштабы, что приговор к тюремному заключению на продленный срок является обоснованным (ст. 7.03 Примерного УК США).⁷

Меры безопасности применяются в отношении двух категорий: так называемых «привычных преступников», лиц неоднократно совершавших тяжкие насильственные преступления, и в отношении лиц, совершивших преступления в опасном психическом состоянии, так называемые «психически неполноценные преступники», к которым американский законодатель относит лиц, страдающих умственными дефектами или аномальными отклонениями психики, при этом являющихся вменяемыми в отношении содеянного.

Наиболее широкое распространение меры безопасности получили в отношении «сексуальных психопатов», т.е. лиц, совершивших половые преступления и «страдающих отсутствием контроля своих сексуальных импульсов или имеющих склонность к совершению половых преступлений». Лица, признанные «сексуальными психопатами» направляются в специализированные лечебные центры, в которых они содержатся до установления факта, что они перестали быть опасными

⁷ Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – С. 284.

для общества. При этом признание лица «сексуальным психопатом» рассматривается в порядке гражданского судопроизводства. Отдельно среди мер безопасности следует выделить кастрацию педофилов. Американские юристы не относят кастрацию к наказаниям по двум причинам, так как наказание не может быть добровольным и во-вторых, основная цель наказания - общее предупреждение, а не специальное как в данном случае. Впервые кастрация стала практиковаться в штате Техас как альтернатива тюремному заключению. Однако физическая кастрация не получила в США широкого распространения и была заменена на альтернативную химическую кастрацию. По желанию осужденного согласно Закону о сексуальных насильниках 1997 года он может выбрать физическую или химическую кастрацию, или же тюремное заключение. В 1996 году в штате Калифорния насчитывалось 16 тыс. осужденных педофилов. Исследования химической кастрации показали, что в течение восемнадцати лет только пять из семнадцати кастрированных преступников педофилов вновь совершили преступления. Принудительная химическая кастрация насильников легализована в штатах Флорида, Теннесси и Мичиган. В 1997 году в отношении сексуальных преступников был принят «Закон Меган», названный в честь семилетней Меган Канка, изнасилованной и задушенной сексуальным преступником. По данному закону: во-первых, все отбывшие срок сексуальные преступники должны регистрироваться по месту жительства, во-вторых власти обязаны информировать население, где поселился сексуальный преступник, в-третьих, правоохранительные органы должны создать базы данных о всех сексуальных преступниках и выдавать информацию, когда это необходимо для защиты населения.

Еще одной мерой безопасности является электронный мониторинг преступников, в том числе, домашний арест с электронным мониторингом. Он применяется, прежде всего, в отношении условно-осужденных, а также условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает такой вид наказания как смертная казнь. США является практически единственной развитой страной Западной цивилизации, в которой широко применяется смертная казнь. Период с 1966 по 1976 гг. в США действовал мораторий на смертную казнь. В 1976 году Верховный суд США высказал позицию, что смертная казнь не противоречит Конституции при условии, что смертный приговор преступнику вынесен за убийство первой степени. Законодательно предусмотрены следующие способы приведения приговора в исполнение: казнь в газовой камере, казнь на электрическом стуле, введение быстродействующего яда, повешение и расстрел. В тринадцати штатах смертная казнь приводится в исполнение путем введения инъекции яда, в двенадцати штатах – казнь на электрическом стуле, в одном – казнь в газовой камере, в десяти – смертникам предлагается сделать выбор из пяти способов. Около 60 % смертных приговоров приведено в исполнение путем введения инъекций. В тюрьмах США около четырех тысяч человек ожидают исполнения смертного приговора, ежегодное число казней примерно около ста человек.

Обстоятельствами сохранения смертной казни и ее широкого применения является следующее: во-первых, смертная казнь имеет длительную историю применения как в США, так и в Англии, т.е. она исторически легитимна; во-вторых, большая часть американского общества по данным социологических опросов считает применение смертной казни целесообразной и необходимой мерой; в-третьих, смертная казнь, как никакой другой вид наказания, достигает двух принципиальных социальных целей, с одной стороны – возмездие, с другой – предупреждение совершения новых преступлений.⁸ Проведенный опрос общественного мнения (в частности институт Гэллага), что за поддержку смертной казни высказываются 66 % американцев, при этом сторонники смертной казни в своих ответах утверждали, что смертная казнь удерживает людей от совершения особо тяжких преступлений, что и оправдывает ее назначение и исполнение.⁹ Поэтому можно считать, что в американской юстиции будет отмечаться и дальнейший рост приговоренных к смертной казни и ее исполнение.

⁸ LaFave W., Scott A. Criminal law. St. Paul (Minn.), 1999. P. 178.

⁹ Death penalty information center // www.deathpenaltyinfo.org

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, (ПОСТ)СОВРЕМЕННЫЕ СТАНДАРТЫ
БЕЗОПАСНОСТИ, ПРАКТИКИ ОБРАЩЕНИЯ
С ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ И СИТУАЦИОННОЕ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
КАК УГРОЗЫ И СТРАХИ МЕНЯЮТ МИР ВОКРУГ НАС**

**HUMAN RIGHTS, SAFETY STANDARDS IN LATE MODERNITY,
PRACTICES FOR THE TREATMENT OF OFFENDERS
AND SITUATIONAL CRIME PREVENTION:
HOW THREATS AND FEARS CHANGE THE WORLD AROUND US**

Разогреева А.М.,
Южный федеральный университет,
кафедра уголовного права и криминологии, доцент

Аннотация. В фокусе доклада – те социальные эффекты, которые производят новые стандарты безопасности и практики предупреждения преступлений, через призму критических исследований безопасности.

Annotation. In the focus of this report is the social effects that produced by new safety standards and practices of crime prevention through the prism of critical security studies.

Ключевые слова: критические исследования безопасности, секьюритизация, инсекьюритизация, ситуационное предупреждение преступлений.

В октябре прошлого 2013 года отец-основатель самой популярной русскоязычной сети «ВКонтакте» Павел Дуров разместил на ресурсе Slon.ru не что иное, как новый манифест киберпространства и кибербезопасности.¹ Суть примерно в следующем: под предлогом борьбы с терроризмом весь интернет-трафик контролируется спецслужбами, пишет он обеспокоенно. Дальше Дуров действует в привычной манере «двигателя технологий», предлагая новый информационный продукт, могущий обеспечить безопасность (в смысле приватность) коммуникации. Но, что важно, кроме продвижения продукта Дуров идет дальше, со свойственной ему социальной чувствительностью обозначая ключевую проблему и четко формулируя вопрос - что дает правительству основания вмешиваться в нашу личную жизнь. Угроза преступления? Угроза гибели людей? Угроза общественной безопасности? Свое недоумение он выражает, доводя ситуацию до крайности: «Ежегодно от несчастных случаев в ванной умирает в тысячи раз больше людей, чем от террористических атак. Но если завтра спецслужбы США или другой страны решат установить видеокамеры в наших ваннах для «нашей же безопасности», мы все же заклеим их объективы. Потому что наша личная жизнь – не их дело».

Вот уж нет, очень хочется возразить Дурову. Не заклеим, потому как за заклеивание установят штрафы, а может и уголовную ответственность введут, и сами не захотим, проникнувшись всей важностью угрозы. Главное – обоснование. Бесконечные медийные волны о потонувших в родных/иноземных ваннах соотечественниках, публичное обсуждение в Думе, твит премьера и выход в оперу «Смерть Марата» президента в (пост)современном мире являются достаточным и необходимым (как говорят юристы о признаках состава преступления) для новых законов, новых правил и новых практик безопасности.

Версия о дискурсивной (конструируемой языковыми средствами) природе (без)опасности была увлекательно рассказана лет двадцать назад главными фигурами Копенгагенской школы кри-

¹ Дуров П. Настало время закрывать личную информацию // [http://slon.ru/future/ programmnyy_tekst_durova-999613.xhtml](http://slon.ru/future/programmnyy_tekst_durova-999613.xhtml) (дата обращения 12 мая 2014 года)

тических исследований безопасности Барри Бузаном и Оле Вевером: «чтобы отнести ту или иную проблему к сфере безопасности, ее сначала нужно политизировать (сделать широко обсуждаемой), а затем секьюритизировать - объявить экзистенциальной угрозой. Когда представитель государства объявляет актуальной ту или иную проблему, он тем самым переводит ее в ранг угрозы, из чего вытекает правомерность любых мер для противодействия ей. Правда, чтобы секьюритизация состоялась, ее актор должен обладать достаточным авторитетом в обществе - например, быть признанным «экспертом по безопасности».² Все. Этого вполне достаточно.

Истории о драконовских санкциях за нарушение правил дорожного движения, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, и появление в российском уголовном законе так называемой «химической» кастрации для педофилов, несмотря на внешние отличия, до боли похожи: в начале большая информационная волна, потом предложения по изменению закона, а затем – новые практики обращения с правонарушителями (с длительными сроками реального лишения свободы за неосторожное преступление, с принудительным психиатрическим лечением лиц, имеющих расстройства влечения, но признающих вменяемыми – вполне себе в духе теорий «опасного состояния»).

При этом дискурсивные усилия по конструированию опасности ведут к повышению фонового напряжения в обществе и эскалации страхов, что повышает общую терпимость к вмешательству государства в ту сферу, которая еще недавно казалась неприкосновенной – в условиях жестко подерживаемой угрозы права человека перестали быть абсолютной и незыблемой ценностью. Что показательно, на этой аффективной подкладке вторжение в зону основных прав и свобод происходит не только в адрес лиц, совершивших преступление (как бы подобное ни обсуждалось/осуждалось в правозащитной среде, основной массе населения, по большому счету, все равно, как государство обращается с «преступниками»: чем строже, тем лучше), но постепенной эрозии подвергается содержание личных прав и свобод абсолютно (или относительно?) законопослушных граждан.

Переломной точкой для жесткой реинтерпретации содержания базовых прав и свобод человека и гражданина в странах западной демократии стали, конечно, события 11 сентября, после которых превентивные досмотры в аэропортах, контекстный контроль смс-сообщений и опасения в скайпе сказать лишнее для всех и каждого стали частью повседневности.

Помимо прямого соприкосновения человека с правительственным аппаратом безопасности, вторжение в сферу приватности довольно давно происходит в «невидимой миру» форме комплектования разного рода информационных мега-баз о людях и не только: реестры недвижимости, ИНН, всеобщие снимки, пока ограниченная геномная регистрация и т.д. Нельзя сказать, что это движения по тотальной «оцифровке» индивида не встречает сопротивления. Но азарт поиска преступника всегда был сильным аргументом для власти и населения. Можно вспомнить канонический пример из «Века криминалистики» Юргена Торвальда о добровольно-принудительном дактилоскопировании населения маленького английского городка.

«20 мая Кэмпбэлл предложил собрать отпечатки пальцев всех взрослых мужчин Блэкбурна, а также рабочих, приезжающих в Блэкбурн на работу. Город насчитывал 110000 жителей и около 35000 семей. Кэмпбэлл считал, что придется собрать 50000 отпечатков пальцев, чтобы сравнить с ними отпечаток с места преступления. Его предложение было столь необычным, что он сам не смел надеяться на его осуществление. Было известно, что по крайней мере в Англии ничего подобного не предпринималось. И никто не мог гарантировать, что эта грандиозная работа приведет к положительным результатам. Не было закона, который мог бы принудить население подвергнуться дактилоскопированию. Едва ли в какой-нибудь другой стране, кроме Англии, так прочно укоренилось мнение, что регистрация отпечатков пальцев всегда связана с преступлением и уни-

² См.: Терещенко А. «Критические направления в исследованиях безопасности» // Отечественные записки. 2013, № 2. Подробнее см.: Barry Busan, Ole Wæver and Jaap de Wilde. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner, 1998; Ole Wæver, Barry Buzan, Morton Kelstrup and Pierre Lemaître. Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. London: Pinter, 1993.

зительна для свободного гражданина. Сколько граждан уклонится от дактилоскопирования и поставит под сомнение успех дела? И все же решили попробовать. Чтобы облегчить осуществление этого плана, инициатива исходила не от полиции, а от мэра Блэкбурна, который обратился к жителям за добровольной помощью. Он заверил, что после сравнения все отпечатки будут уничтожены и ни в коем случае не будут переданы в дактилоскопическую картотеку. Мэр также официально гарантировал, что отпечатки пальцев граждан будут сравнивать только с отпечатком на бутылке и ни с какими другими отпечатками разыскиваемых преступников. Это означало, что полиция сознательно отказывалась от шанса обнаружить других разыскиваемых преступников. И, наконец, было решено, что полицейские, которые будут снимать отпечатки, пойдут сами из дома в дом, чтобы никому не пришлось ходить в полицейский участок».³

Мы не знаем, ходили ли полицейские по домам в деле Богдана Прахова, но масштабы охвата населения генетической идентификацией впечатляют. РИА Новости со ссылкой на главную PR-фигуру СКР Владимира Маркина бодро сообщило: «Главным управлением криминалистики Следственного комитета России проведено свыше 10 тысяч генетических исследований биологических образцов, в результате которых получены данные, позволившие идентифицировать личность преступника».⁴ О деталях и процедурах изъятия образцов для экспертизы население не информируют. Интересно, все эти 10 тысяч образцов были изъяты у лиц, «осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности», и у «неустановленных лиц, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий» (ч. 1 ст. 7 ФЗ РФ от 3 декабря 2008 г. N 242-ФЗ "О государственной геномной регистрации в Российской Федерации"⁵) или какая-то (какая) часть была получена в добровольном порядке? И насколько добровольным (в смысле профильного ФЗ) можно считать порядок изъятия в ходе производства по уголовному делу? И будет ли пополнена за счет этих изъятий федеральная ДНК-база? И каким образом эта информация будет использована в дальнейшем?

Симеон Гарфинкель, рассуждая о роли приватности в новых информационных и технологических условиях, в своем тексте 1999 года (русскоязычное издание 2004) «Все под контролем: Кто и как следит за тобой» (в оригинальной версии, между прочим, получившее название «Нация мегабаз»), старательно проводит различия между нарушениями и допустимыми с его точки зрения ограничениями неприкосновенности частной жизни:

«Речь не идет о мужчине, желающем обеспечить себе полную анонимность при просмотре порнографических изображений через Интернет. Речь о женщине, которая не рискует использовать Интернет для организации группы протеста против свалки токсичных отходов, так как вкладывающие в этот бизнес деньги люди могут порыться в ее прошлом, если она станет помехой для них.

Речь не идет о людях, получающих по почте уведомления о штрафе за превышение скорости на магистрали, зафиксированное автоматизированной системой контроля скоростного режима. Речь о влюбленных, которые не могут в полной мере насладиться прогулкой по городским улицам и магазинам, так как знают, что каждый их шаг фиксируется камерами видеонаблюдения.

Речь не идет о специальных обвинителях, перевернувших каждый камешек на своем пути в процессе расследования фактов коррупции и политических преступлений. Речь об обычных честных гражданах, которые отказываются идти на государственную службу, так как не хотят, чтобы кровожадная пресса копалась в их старых ученических работах, медицинских записях в компьютере и электронной почте.

³ Торвальд Ю. «Век криминалистики». М., 1991. С. 133

⁴ РИА Новости // <http://ria.ru/incidents/20130828/959106179.html> (дата обращения 12 мая 2014 года)

⁵ СЗ РФ. 2008, № 49, ст. 5740

*Речь не идет о досмотрах, металлодетекторах и расследованиях, ставших обычным явлением нашей жизни в аэропортах, школах и зданиях федеральных учреждений. Речь об обществе, которое, рассматривая законопослушных граждан как потенциальных террористов, в то же время не делает практически ничего для защиты этих граждан от реальных угроз их безопасности».*⁶

А в чем, собственно, разница? Основания, категории лиц, процедуры, место, время? Почему досмотр в аэропорту – нормально, а видеонаблюдение в офисе – вызывает вопросы? Пределы, если следовать копенгагенской школе, определяются в этом случае всего лишь риторической убедительностью тех, кто пытается нас убедить в наличии и реальности угрозы. Но этот подход не работает для объяснения стремительного распространения практик контроля на неопределенное число законопослушных лиц в условиях отсутствия сильного политического актора и его публичного высказывания. Более того, копенгагенская история не заканчивается секьюритизацией: датские оптимисты говорят, что за ней обязательно последует десекуритизация и все вернется «на круги своя». Но не возвращается, а ползет и расширяется.

Аналитическую модель, которая позволяет работать с практическим аспектом безопасности и производимыми этими практиками эффектами, предлагает парижская школа критических исследований безопасности - Д. Биго и теория инсекьюритизация. В постструктуралистской традиции анализа практик М.Фуко и П. Бурдьё Дидье Биго и Анастасия Тсукала (D. Bigo and A. Tsoukala) пишут о том, что *«процесс (ин)секьюритизации производится не только путем успешной политической речи... Он также производится множеством бюрократических решений в каждодневной политике, веберианская практика рационализации, использование технологий, особенно дистанционных с использованием мегабаз и скоростного обмена информацией»*.⁷ Другими словами, безопасность – это то, как она практикуется. Мы сами, включаясь в практики обеспечения безопасности, бесконечно ее производим и поддерживаем уже вне зависимости от политических речей и специальных политических же усилий.

Свою и весьма немалую роль в становление всеобщих практик безопасности, естественным образом подкорректировавших содержание личных прав и пределы прайвеси, внесла и изменившаяся в конце 80-ых-начале 90-ых годов прошлого века стратегия противодействия преступности. Именно в этот период со ссылкой на успешный опыт ситуационного предупреждения преступлений центра проблемно-ориентированной полиции (Д. Корниш, Р. Кларк)⁸ начинает переориентироваться даже такая инерционная структура как ООН: Руководство по основным направлениям предупреждения преступности от 7 сентября 1990 года, обозначив во введении всю бесперспективность формальных процессов уголовной юстиции, которые «оказывают только ограниченное влияние на контролирование преступности», предложило сфокусироваться «на развитии мер по предупреждению и сокращению преступности». Открывая набор стратегий реверансами («самый прямой путь предупреждения преступности - это снижение количества существующих или потенциальных правонарушителей») в адрес социальных мер предупреждения преступности, именно ситуационный подход Руководство называет «наиболее приемлемым для объяснения преступлений, совершаемых обычными людьми, действующими рационально, но под влиянием специфических обстоятельств и в специфических, обычно "способствующих" совершению преступления, ситуациях». Казалось бы, все прекрасно. Разумные меры, направление на снижение возможности совершить преступление или снижающие заинтересованность в совершении преступления, - что может быть лучше, проще и эффективнее? Ан нет. Эти разумные меры породили неожиданные эффекты и существенным образом изменили нашу жизнь. Перефокусировка превентивных усилий от «преступного индивида» к «криминогенной ситуации» автоматически поместила в сферу пристального внимания всех тех,

⁶ Гарфинкель С. Все под контролем: кто и как следит за тобой. Екатеринбург, «Фактория», 2004. С. 24-25

⁷ Terror, Insecurity and Liberty Illiberal practices of liberal regimes after 9/11 Edited by Didier Bigo and Anastassia Tsoukala Routledge studies in liberty and security Series editors: Didier Bigo, Elspeth Guild and R.B.J. Walker. С 5

⁸ <http://www.popcenter.org> (дата обращения 12 мая 2014 года)

кто попадает в эти самые криминогенные ситуации - то есть каждого из нас. Так как криминогенной в этом подходе оказывается одинарная ситуация повседневного взаимодействия - магазин, учебная аудитория, дорога, офис. Любая площадка для совершения практически любого преступления. Более того, на фоне тотального внедрения подобных практик дефрагментированной оказалась власть: право на контроль над рутинным поведением законопослушного гражданина на волне ситуационного предупреждения преступлений получили не только государственные спецслужбы, но и те, кого принято называть частными агентами безопасности - от консьержа в многоквартирном доме до системного администратора торговой компании, в обязанность которого вменено отслеживать содержание трафика с рабочих компьютеров. И в этом смысле, все усилия С. Гарфинкела на тонкое различие допустимого и недопустимого оказываются не нужными: допустимо все - в той степени, в которой эти практики разделяются, принимаются и поддерживаются каждым из нас.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

KRIMINOLOGY ESTIMATION OF INTERNATIONAL ARMED CONFLICTS

Рахманова Е.Н.,
доктор юридических наук, доцент
заведующая кафедрой уголовного права
Северо-Западного филиала ФГБОУВПО
«Российская академия правосудия»

Аннотация. Международные вооруженные конфликты изначально «заряжены» криминологическим компонентом. Они всегда затрагивают гражданское население, нарушают нормы международного гуманитарного права, неизбежно связаны с распространением международной преступности.

Annotation. Most international armed conflicts are tightly bound to criminal offences. They impact the safety of civilians; they break the norms of international humanitarian law and inevitably lead to the escalation of international crime.

Ключевые слова: международная преступность, гуманитарная интервенция, ответственность по защите.

Keywords: International Crime, Humanitarian Intervention, Responsibility to Protect.

Современный глобализующийся мир не свободен от военных конфликтов, имеющих разный генезис. Если за первые несколько лет после окончания холодной войны число вооруженных конфликтов в мире сократилось более чем на треть, то уже к середине 1990-х г.г. оно опять существенно увеличилось. С начала XXI-го столетия ежегодно в мире протекает до 30–32 вооруженных конфликтов. Так, в 2011 году по подсчётам экспертов Гейдельбергского института международных исследований было отмечено 20 войн, 338 военных конфликтов, 38 из которых были причислены к категории особо жестоких. Эта цифра является самой большой, начиная с 1945 года. Прежняя рекордная планка была зафиксирована в 1993 году и составила 16 войн. По данным ООН, в 2013 году почти 17 млн. человек бежали из своих стран, более 33 млн. скрываются в пределах границ¹.

Международно-криминальный характер вооруженных конфликтов проявляется в нескольких аспектах.

Прежде всего, в характеристике оснований (причин) вооруженного столкновения. В современном международном гуманитарном праве конфликты делятся на «международные вооруженные конфликты» и «вооруженные конфликты немеждународного характера». Правовые последствия такого деления имеют большое значение, так как при конфликтах немеждународного характера степень защиты гражданских лиц значительно меньше, нежели в случае конфликтов международных, поскольку Женевские конвенции предусматривают уголовную ответственность, в основном, за нарушения, совершенные в период международных вооруженных конфликтов. Правда, в 1995 г. Международный трибунал в Гааге признал международно-правовой принцип Устава Нюрнбергского международного военного трибунала, согласно которому преступления против человечности могут быть совершены как в военное время (в ходе международных и немеждународных вооруженных

¹ См.: Аннан Кофи А. Предотвращение войн и бедствий: глобальный вызов растущих масштабов. Годовой доклад о работе ООН за 1999 год. - Нью-Йорк, 1999. - С. 3.; Валленстин П. Парадигма вооруженного конфликта. URL: <http://inosmi.ru/world/20070918/236667.html>; Военный обозреватель. 01.03.2012 URL: <http://waronline.info/>; <http://www.finmarket.ru/database/news/3732953>

конфликтов), так и в мирное время в результате нападения вооруженных групп на гражданское население².

Практика международного сообщества показывает, что законность военных конфликтов должна быть подтверждена решением Совета Безопасности ООН. Принципиальны в этом отношении положения Устава ООН. Согласно ст. 39 Устава именно Совет Безопасности ООН определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и дает рекомендации или принимает решения о том, какие меры следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Второй аспект - это средства и методы ведения военных действий. Допуская силу лишь в качестве средства отпора агрессии, международное сообщество и в этом случае накладывает на обороняющихся определенные обязанности по соблюдению правил и обычаев ведения войны, несоблюдение которых может быть квалифицировано как преступление.³ Показательны в этом отношении следующие данные. По сведениям ООН гражданские лица (некомбатанты) составляют от 75% до 90%⁴ убитых и раненых в ходе современных вооруженных конфликтов. Для сравнения: в Первую мировую войну жертвы среди гражданского населения составляли порядка 5% от общего числа жертв, во Вторую мировую войну - 48%.⁵ Совершенно особое место в контексте криминального нарушения прав человека в так называемых «глобализационных войнах» занимает проблема гибели детей. По оценке Детского фонда ООН, за последнее десятилетие непосредственно в результате вооруженных конфликтов было убито 2 млн. детей; втрое больше детей было ранено или искалечено на всю жизнь.⁶ С начала вооруженного конфликта в Сирии, то есть с марта 2011 года, по сегодняшний день погибло 7500 детей, из них 4225 детей младше десяти лет, 55 погибших детей не достигли годовалого возраста.⁷

Этот криминальный нюанс глобализационных войн особенно важен. В докладе Генерального секретаря ООН о защите гражданских лиц в вооруженном конфликте, сделанном им на заседании Совета Безопасности ООН 28 октября 2007 г., прямо указывается на источник угроз жизни мирных граждан, находящихся в зоне военных конфликтов: «Хотя подобные конфликты всегда отличались различиями в военных потенциалах воюющих сторон, подобная асимметрия особенно ярко проявилась в ряде конфликтов в последние годы, в частности, на оккупированной палестинской территории, а также в Афганистане и Ираке, где национальные и многонациональные силы сражаются с различными вооруженными группировками. В таких конфликтах, чтобы компенсировать свое отставание в обычных вооружениях, более слабые в военном отношении стороны прибегают к стратегиям, грубо нарушающим нормы международного права, таким, как преднамеренное нападение на

² The Prosecutor v Dusko Tadic, Case N IT-94-AR72, Decision Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, 2 October 1995 URL: <http://www.icty.org> В этом решении Апелляционная камера Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МУТЮ) сделала заключения, не всегда бесспорные, но без сомнения способствовавшие развитию или разъяснению различных аспектов международного права, а именно: резолюции Совета Безопасности подлежат судебному контролю; конфликты в бывшей Югославии носили как международный, так и немеждународный характер; понятие военных преступлений в равной степени применяется в немеждународных вооруженных конфликтах; обычное международное право применяется в конфликтах последнего типа.

Данное решение сделало менее четким различие между международными и немеждународными вооруженными конфликтами в международном гуманитарном праве.

³ Биккинин И.А., Блинников С.А., Пудовочкин Ю.Е. Обеспечение территориальной целостности и неприкосновенности Российского государства: сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты. - Ростов-на-Дону, 2004. - С. 115 – 117.

⁴ ООН и защита гражданских лиц в вооруженных конфликтах. URL: <http://www.un.org/ru/rights/civilians/>

⁵ См. подробнее: Шакуро Е. Женщины и дети-беженцы в вооруженных конфликтах (Электронный ресурс) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. - 2001. - № 3 URL: <http://evolutio.info/content/view/445/52/>

⁶ Доклад ООН о влиянии вооруженных конфликтов на положение детей (2002 г.). (Электронный ресурс) URL: <http://www.un.org/ru/rights/civilians/>

⁷ Интернет-ресурсы: <http://www.trend.az/news/incident>

гражданских лиц с использованием террористов-смертников, а также взятие заложников и преднамеренное размещение комбатантов и других военных объектов среди гражданских сооружений. Подобные акты являются ничем не оправданными нарушениями норм международного гуманитарного права, направленными против гражданского населения. Существует также опасность того, что в ходе борьбы с противником, которого трудно, а подчас и невозможно, установить, более сильные в военном отношении стороны могут все чаще в свою очередь прибегать к методам и средствам ведения войны в нарушение принципов избирательности и соразмерности, что опять же в первую очередь сказывается на гражданском населении».⁸ Такие опасения, мягко говоря, не напрасны. ООН в одном из специально представленных докладов также отмечает, что «гражданское население стало основной мишенью для нападений на почве этнической и религиозной ненависти, политического противостояния или просто беспощадного преследования экономических интересов. Нарушение прав человека в условиях вооруженного конфликта и военной оккупации являются нарушениями основных международных принципов права в области прав человека и гуманитарного права, воплощенных в международно-правовых инструментах в области прав человека и в Женевских конвенциях 1949 г. и дополнительных протоколах к ним». И далее: «Во многих современных конфликтах потери среди гражданского населения и разрушения гражданской инфраструктуры являются не просто издержками войны, но последствием преднамеренных действий против тех, кто не участвует в военных действиях. Во многих конфликтах воюющие стороны направляют свои усилия против гражданского населения с тем, чтобы изгнать или ликвидировать часть населения, или же чтобы ускорить военную капитуляцию».⁹

Разрастание вооруженных конфликтов в мире напрямую связано и с угрозой распространения оружия массового поражения. Международное сообщество приняло множество нормативных и политических документов, направленных на создание режима нераспространения такого оружия и преследования, в том числе и в уголовно-правовом порядке, лиц, нарушающих их предписания.

Наконец, конфликты, как международные вооруженные конфликты, так и вооруженные конфликты немеждународного характера неизбежно связаны с международной преступностью.

Современные западные сторонники универсальной концепции прав человека иной раз не без оснований отмечают, что при декларируемой универсальности прав человека, ответственность за их нарушение чаще всего носит локальный характер, то есть возлагается лишь на определенное государство и ограничивается пределами его юрисдикции. В связи с этим предлагается активно работать над доктриной транснациональной ответственности и создать четкие правила, предусматривающие основания и процедуры вмешательства международных институтов во внутренние дела государств с целью предотвращения нарушения универсальных прав на их территории или же восстановления этих прав в случае их нарушения.¹⁰ Как справедливо отмечает Н.М. Марченко, в данном случае имеет место плохо скрываемое стремление под флагом защиты универсальных прав обеспечить возможность «на законных основаниях» не только в принудительном порядке насаждать содержащиеся в них сугубо прозападные – либеральные и неолиберальные представления о правах и соответствующие социально-политические взгляды, но и беспрепятственно вмешиваться во внутренние дела других стран».¹¹ Одной из форм такого вмешательства явились гуманитарные интервенции¹².

⁸ Доклад Генерального секретаря ООН о защите гражданских лиц в вооруженном конфликте на заседании Совета Безопасности ООН 28 октября 2007 г. S/2007/643. URL: <http://www.un.org/ru>

⁹ ООН и защита гражданских лиц в вооруженном конфликте. URL: <http://www.un.org/ru/rights/civilians/>

¹⁰ Gibney M., Tomasevski K., Vedsten-Hansen J. Transnational State Responsibility for Violations of Human Rights // Harvard Human Rights Journal. 1999. Vol. 12. P. 295; Sloane R. Outrelativizing Relativism: A Liberal Defense of the Universality of International Human Rights // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2001. - № 3. - P. 531 – 532.

¹¹ Марченко Н.М. Проблемы универсализации прав человека в условиях глобализации // Права человека и современное государственное-правовое развитие / Отв. ред. А.Г. Светланов. - М., 2007. - С. 46 – 47.

¹² Впервые в более или менее целостном виде концепция «гуманитарной интервенции» была озвучена премьер-министром Великобритании Тони Блэром в апреле 2000 года в Чикаго в канун юбилейного Вашингтонского саммита НАТО.

Вторая половина XX века дала множество примеров гуманитарных интервенций. В 1960 и 1964 годах Бельгия и США провели такую операцию в Конго. В 1965 году войска США высадились в Доминиканской Республике. В 1979 году Франция провела гуманитарную интервенцию в Центрально-Африканской Республике и т.д. Гуманитарной интервенцией были названы военные операции США в Гренаде (1983), в Панаме (1989), в бывшей Югославии (1992), в Косово (1999), в Сомали (1992-1993) и т. д.

Идея гуманитарных интервенций была рождена европейской социальной теорией. Это не удивительно, поскольку в свое время именно в Европе возникла и получила развитие универалистская теория общества. Так, Г. Гроций, исходя из предположения о существовании универсальной человеческой общности, утверждал, что «следует признать право королей (как и тех, кто обладает равными с ними правами) требовать наказания обвиняемых не только в преступлениях против них самих или их подданных, но и в преступлениях, которые непосредственно их не затрагивают, но при этом нарушают естественный закон или законы государства, вне зависимости от того, кто оказывается их жертвой».¹³ Эта же посылка лежит и в основе современного понимания «права» международного сообщества на «наказание» государств, не соблюдающих универсальные стандарты прав человека.

В самом общем виде гуманитарную интервенцию можно определить как применение силы или угрозу силой, осуществляемые государством или группой государств за пределами своих границ без согласия страны, на территории которой применяется сила, и направленные на предотвращение или пресечение масштабных и грубых нарушений основных прав людей, не являющихся гражданами этих государств. Подобные ситуации привели к необходимости рассмотрения возможности использования права на «гуманитарную интервенцию» и о принятии эффективных мер со стороны мирового сообщества, когда права граждан грубо и систематически нарушаются в ходе вооруженного конфликта. То есть возник вопрос, насколько вправе международное сообщество вмешиваться во внутренние дела любого государства даже с гуманитарными целями.

Неправительственная организация Хьюман Райтс Вотч (Human Rights Watch), учитывая доклад Международной комиссии по проблеме интервенции и государственного суверенитета, созданной под эгидой правительства Канады, в своем докладе «Война в Ираке и гуманитарная интервенция» определила некоторые параметры правомерности проведения гуманитарных интервенций. В частности, она исходит из того, что гуманитарная интервенция без согласия соответствующего правительства может быть оправдана только при наличии продолжающегося или неминуемого геноцида, либо сопоставимых массовых убийств или человеческих жертв. Другие формы тирании заслуживают осуждения и активных усилий по их искоренению, но не дают достаточных оснований для столь чрезвычайной меры, как применение военной силы. Гуманитарная интервенция должна оставаться исключительной мерой, зарезервированной для ситуации крайней необходимости. Если такая ситуация все же действительно возникает, для определения обоснованности гуманитарного характера интервенции, по мнению Хьюман Райтс Вотч, необходимо обратиться к анализу пяти важных факторов. Во-первых, военные действия должны быть последней возможностью прекращения или предотвращения убийств; при наличии эффективной альтернативы военная сила использоваться не должна. Во-вторых, гуманитарные соображения должны быть основным мотивом вооруженного вмешательства. В-третьих, должно быть сделано все возможное, чтобы обеспечить соответствие самой интервенции международным нормам о правах человека и гуманитарному праву; нельзя во имя прекращения одних нарушений пойти на некоторые и со своей стороны. В-четвертых, должна присутствовать разумная уверенность в том, что военные действия принесут больше пользы, чем вреда; гуманитарная интервенция изначально не должна предприниматься, если это явно может привести к эскалации конфликта или к значительно превосходящим страданиям. Наконец,

¹³ Цит. по: Иноземцев В. Гуманитарные интервенции: понятие, задачи, методы осуществления. URL: <http://polit.ru>

предпочтительно наличие санкции Совета Безопасности ООН или других достаточно авторитетных многосторонних органов; однако принимая во внимание несовершенство современной системы принятия решений на международном уровне, в ситуации, не терпящей промедления, возможно гуманитарное вмешательство и без такой санкции. Несмотря на некоторые спорные положения приведенной концепции гуманитарного вмешательства, нельзя не согласиться с принципиальным выводом, сделанным Хьюман Райтс Вотч: «Позволить использовать гуманитарную интервенцию как прикрытие для совсем другой войны чревато риском запятнать принцип, сохранение которого может быть прямо связано с возможностью спасти бесчисленные жизни в будущем».¹⁴

Вместе с тем, реальная практика проведения гуманитарных интервенций далека от стандартов, установленных Хьюман Райтс Вотч. Развитые страны, используя доктрину «гуманитарной интервенции» и «ограниченного суверенитета», распространяя «зону своих национальных интересов» на другие государства, без оглядки на мировое общественное мнение и нормы международного права позволяли себе инициировать и обострять конфликтные ситуации в тех или иных странах.

Не оправдавшая надежд доктрина гуманитарной интервенции в последние годы способствовала появлению новой концепции, так называемой «Ответственности по защите». В 2000 г. Генеральный секретарь ООН К. Аннан предложил разработать легитимное основание вооруженной защиты прав человека без согласия государства, в котором они нарушаются, как альтернативу гуманитарным интервенциям¹⁵. 18 декабря 2001 г. Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (МКВГС) представила доклад «Ответственность по защите» (The Responsibility to Protect, RtoP), в котором она предложила отказаться от термина «гуманитарная интервенция» в пользу понятия «ответственность по защите»¹⁶.

Концепция ответственности по защите впервые была использована Советом Безопасности ООН в резолюции 1973, принятой 17 марта 2011 года, в которой Совет Безопасности потребовал немедленного прекращения огня в Ливии, в том числе, прекращения постоянных нападений на мирных жителей, квалифицировав их как «преступление против человечности». Совет наделил страны-участницы полномочиями «принять необходимые меры» для защиты мирных жителей, которые находятся под угрозой нападения в своей собственной стране, исключая иностранную оккупацию в любой форме в любой части территории Ливии. Несколькими днями позже, действуя в соответствии с резолюцией, самолеты НАТО нанесли удар по войскам Каддафи.

Новое правило об ответственности за защиту было одобрено в 2004 году Группой высокого уровня, учрежденной в ноябре 2003 года Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном. В сентябре 2005 года в ходе Всемирного Саммита ООН мировые лидеры пришли к соглашению, что все государства-члены («международное сообщество») несут ответственность за оказание помощи по защите людей в иных государствах, которым угрожают вышеперечисленные преступления. Если мирные средства, а именно дипломатические, гуманитарные и другие, окажутся недостаточными и если национальные власти «очевидно не в состоянии» защитить свое население, международное сообщество должно действовать коллективно, «своевременно и решительно», через Совет Безопасности ООН и в соответствии с Уставом ООН, в случае необходимости сотрудничая с региональными организациями. Нужно сразу отметить, что данная концепция неоднозначно воспринимается международным сообществом.¹⁷

¹⁴ Всемирный доклад Хьюман Райтс Вотч «Война в Ираке и гуманитарная интервенция», январь 2004 г. Режим доступа: <http://www.hrw.org/russian/reports/2004/world/iraq.html>

¹⁵ «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке»: докл. Ген. секретаря: док. ООН A/54/2000 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. - URL: <http://www.un.org/russian/conferen/millennium/2000.htm>

¹⁶ Лабюк, О. «Ответственность по защите» и право на вмешательство // Международные процессы. - 2008. - Т. 6, № 3. - С. 5

¹⁷ О российском подходе к концепции «ответственности по защите» (Электронный ресурс) /Посольство Российской Федерации в Норвегии. URL: <http://www.norway.mid.ru/ru/index.html>

Концепция «ответственности по защите» включает в себя три основных момента: 1. государство несет ответственность за защиту своего населения от геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности, этнических чисток и подстрекательства к ним; 2. международное сообщество несет ответственность за применение дипломатических, гуманитарных и иных средств в целях защиты населения того или иного государства; 3. если государство не в состоянии выполнить свои обязанности по защите населения или в случае если мирные усилия международного сообщества оказались неэффективными, государства могут с согласия Совета Безопасности ООН использовать коллективные средства принуждения, в том числе, используя военную силу.

Как показывает практика, опасность международных конфликтов, возникающих под эгидой «гуманитарных интервенций» или новой концепции «ответственности по защите», состоит в том, что они, как правило, приводят к изменению геополитической ситуации, что порождает цепные реакции приграничных и этнических конфликтов, неконтролируемое распространение в зонах нестабильности современного оружия, коррупцию, вспышку употребления и торговли наркотиками, геноцид национальных меньшинств, ведет к разрушению семейных и общинных ценностей и т.п. Особенно важно учитывать, что «любой международный конфликт приводит к поляризации общественного мнения и позиций заинтересованных государств по прямо противоположным векторам, а это дополнительно обостряет проблему гарантий прав личности в конфликтных регионах и способствует разрушению традиционных ценностей демократии».¹⁸

Международные военные конфликты, замаскированные под процедуры «гуманитарных интервенций» или «ответственности по защите», отчетливо выявляют не только «двойные стандарты» в сфере международной политики, но значимые в криминологическом отношении глубинные противоречия, они изначально «заражены» криминологическим компонентом, поскольку сопряжены с массовыми нарушениями прав человека, нарушением норм и принципов международного права, причиняют или создают угрозу причинения вреда отношениям, обеспечивающим безопасность мира и человечества.

¹⁸ Малевич Ю.И. Права человека в глобальном мире. - М., 2004. - С. 324.

ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

CRIMES IN RUSSIA IN THE POST-MODERN PERIOD AND THE ISSUES OF PREVENTING THEM

Репецкая А.Л.,
д.ю.н., проф., Иркутский юридический институт
РПА Минюста РФ

Аннотация. В статье представлен общий анализ состояния преступности и ее перспективных тенденций в первый постсоветский и современный периоды, проанализированы доминирующие факторы, детерминирующие развитие преступности в эпоху постмодерна. Рассмотрены проблемы в сфере осуществления противодействия преступности, названы факторы, затрудняющие ее предупреждение. Автор приходит к выводу о том, что существенное изменение криминогенных детерминант, развитие новых видов преступности в сферах сложных для социального контроля, изменение структуры и характеристик населения при существующем уровне предупреждения преступности приведет в ближайшем будущем к значительному снижению уровня общественной безопасности.

Annotation. The paper presents a general analysis of the condition of criminality and its prospective trends in the early post-Soviet and modern periods; it also analyses the dominating factors determining the development of criminality in the post-modern period. The author examines some issues of fighting crimes and names the factors hindering their prevention. The author concludes that considerable changes in criminogenic determinants, the emergence of new types of crimes in the spheres where public control is problematic as well as changes in the structure and characteristics of population while crime prevention remains on the current level will all result in a significant deterioration of public safety in the nearest future.

Ключевые слова: преступность, криминогенные детерминанты, предупреждение, общественная безопасность.

Keywords: crimes; criminogenic determinants; prevention; public safety.

Преступность является одним из немногих явлений в жизни общества, которые определяют уровень его безопасной жизнедеятельности. Не случайно общество и государство прилагают достаточно много усилий и тратят колоссальные ресурсные средства на противодействие развитию преступности. Это позволяет в необходимой мере сохранять приемлемый уровень общественной безопасности. Однако преступность, будучи системным, самовоспроизводящимся явлением очень быстро приспосабливается к применяемым к ней формам социального контроля, снижая его эффективность и опережая его реализацию.

Для адекватного государственного реагирования на преступность следует понимать, что процессы, которые детерминировали развитие преступности в России в прошлом, в эпоху постмодерна претерпели существенные, если не сказать глобальные изменения. Эти изменения связаны не только с внутренними преобразованиями, произошедшими за последние несколько десятилетий, но и процессами трансформации всего мира, его интеграцией, изменением геополитической ситуации, глобализацией всех процессов, происходящих в мировом пространстве.

В этой связи и средства, которые использовались для противодействия преступности еще 20-30 лет назад, в период постмодерна должны быть другими, либо в значительной мере совершенствоваться, поскольку основным объектом воздействия как на процессы криминализации, так и на процессы виктимизации должны быть детерминанты как криминогенного, так и виктимогенного характера.

Иными словами, для того, чтобы система противодействия преступности эффективно работала, прежде всего, необходим тщательный криминологический анализ ситуации не столько оценивающий саму преступность, сколько процессы ее детерминирующие. При этом необходимо учитывать следующие моменты.

Представляется, что основным является то, что в период постмодерна произошло изменение доминирующих криминогенных детерминант, связанных с экономической и политической системой, нравственными установками, социальной действительностью при одновременном сохранении особой российской ментальности.

Резкий переход от жесткого социального контроля при достаточно стабильных социальных гарантиях к демократии, трактуемой как вседозволенность (в силу все той же особенности ментальности), диаметрально изменение ценностных ориентаций и значительное сокращение социальной помощи населению - не могло не повлечь качественного и количественного изменения преступности, уровня ее общественной опасности по сравнению с советским периодом.

Следствием таких изменений явилась высочайшая доля тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре преступности, превышающая 50% в первый постсоветский период ежегодно фиксируемая уголовной статистикой, которая стала снижаться только в 2003 году (2001- 60%; 2002 – 53%; 2003 - 39,8%). Криминализация хозяйственного комплекса, сопровождающаяся ростом доли экономических преступлений в общей структуре преступности; рост доли организованной формы преступности и ее профессионализация (ежегодно 30-31 тыс. преступлений, совершенных преступными сообществами, только в регистрации); криминализация политической элиты и политизация преступности; корыстная направленность мотивации большинства видов преступного поведения; вытеснение ситуативной преступности преднамеренными, тщательно продуманными преступлениями – вот наиболее яркие черты качественной характеристики преступности первого постсоветского периода.

Количественные показатели имели волнообразный рост регистрации преступлений вплоть до 2006 года, пикового для всего динамического ряда рассматриваемого периода (3,8 млн преступлений).

Между тем противодействие преступности этого времени в значительной мере осложнялось депрофессионализацией правоохранительных органов, которая выражалась не только в падении образовательного уровня и отсутствием опыта практической деятельности у сотрудников, но и значительными деформациями психологии профессиональной деятельности как на групповом, так и на индивидуальном уровне.

Кроме того, в этот период наблюдалась значительная депрофилактизация в процессе противодействия преступности. Основное внимание государства в этот момент было направлено на решение других задач, в первую очередь политических и экономических. Оно не только само устранилось от процессов противодействия преступности, но и устранило большую часть субъектов этой деятельности: при посылке, что профилактикой должны заниматься все, но наряду со своими основными функциями, в действительности ей не занимался никто, особенно если речь шла о социальной профилактике правонарушений. Значительное распространение коррупционных процессов окончательно подорвало доверительное отношение к правоохранительной системе со стороны гражданского общества.

Совокупность прогрессивно развивающихся негативных процессов, не только в социальной сфере, но и в экономике и политике, во взаимодействии со значительными дефектами в деятельности системы правоохранительных органов в значительной мере обусловили развитие вышеописанного состояния российской преступности в первый постсоветский период.

В дальнейшем, эпоха постмодерна, сохраняя в целом действие комплекса криминогенных детерминант постсоветского периода, демонстрирует смягчение всех вышеперечисленных негативных характеристик российской преступности. Наблюдается последовательное снижение количе-

ственных показателей (до 2,1 млн в 2013г.). Доля тяжких и особо тяжких преступлений снизилась до 25%, организованных – до 17,3 тыс. преступлений. Значит ли это, что состояние преступности действительно улучшается, а уровень общественной безопасности повышается?

Давно уже не является большим секретом, что основная доля реальной преступности является латентной, а в регистрации находится лишь незначительная часть из всех совершенных преступлений¹. При этом, нередко латентность преступности действительно является объективной, как следствие недоверия населения правоохранительным органам, в первую очередь в следствии их коррумпированности, либо незаинтересованности в расследовании неочевидных преступлений, сложных для раскрытия.

Между тем криминальная статистика является тем ориентиром, на который равняется вся правоприменительная практика и, как правило, колебания статистической картины преступности вызывают ее соответствующие изменения. Безусловно, что изменения и уголовной статистики и правоприменительной практики иногда детерминированы политическими интересами, в том числе и местного уровня, но чаще валом преступлений, с которым правоохранительные органы просто не справляются, поэтому регистрируют их весьма избирательно. Однако понимая, что реальная картина преступности совершенно другая, чем представляется в статистических отчетах, они вынуждены, тем не менее, корректировать противодействие преступности исходя не из ее реального состояния, а в соответствии с тем ориентиром, который выставляет уголовная статистика, самими же правоохранительными органами и сформированная.

Возникает замкнутый круг, который не позволяет не только эффективно противодействовать преступности, вовремя и рационально перераспределяя усилия правоохранительных органов и других субъектов, занимающихся такой деятельностью, но и иметь представление о реальной картине преступности, ее особенностях и характеристиках в том или ином регионе, а соответственно и в стране в целом.

Между тем, криминологический анализ, основанный на подходе связанном с укрупнением периодов,² свидетельствует, что не смотря на значительное снижение абсолютных показателей за последние 6 лет, начиная с 2007г. (в 1,8 раза), уровень преступности 2013г (2,1 млн), даже в регистрации, превышает уровень 1990г. (1,8 млн.).

Кроме того, при сравнении относительных показателей распространенности преступности и ее интенсивности советского и постсоветского периодов, следует констатировать, что за 30-летний советский период (1960-1990) они выросли в 3,3 раза с 361 до 1243. А за последующее 15-летие (1990-2005) коэффициент увеличился еще в 2 раза (2005 году он был 2477), достигнув максимума в 2006 году с показателем в 2700 преступлений приходящихся на 100 тыс человек. В 2012 г. коэффициент интенсивности преступности составлял 1609, что значительно выше уровня 1990 года.

Коэффициент преступной активности, как и абсолютные показатели числа выявленных преступников, значительно отстает от аналогичных показателей зарегистрированных преступлений. Его прирост в первом постсоветском периоде составил лишь 32 % и в 1995году, накануне принятия нового Уголовного кодекса, составлял только 1022 преступника на 100 тыс. чел., достигших возраста уголовной ответственности, а за следующее десятилетие этот показатель не только не приблизил-

¹ При среднем количестве преступлений, находящихся в регистрации 2,5-3 млн преступлений в год, текущая латентность по разным методикам расчетов составляет 22 млн преступлений. См. например: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. Иншакова С.М. – М., 2011; Латентность преступности / под ред. Иншакова С.М., - М., 2007; Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение – М., 2008, и др.

² Укрупнение периодов – способ, когда динамический ряд анализируется не по отдельным годам, а по периодам в 5-10 лет. Это позволяет отследить долговременные тенденции, которые не прослеживаются на коротких динамических рядах. Какой бы не была статистическая картина преступности в конкретно взятом году, или даже в предыдущем и последующем, она существенно сглаживается, если укрупнять анализируемые периоды до 15-20-25-30 лет.

ся к растущим коэффициентам интенсивности преступности, а наоборот упал почти в 2 раза: до 860 в 2005 году. В результате, можно констатировать, что в постсоветский период разрыв между коэффициентом интенсивности преступности и преступной активности все больше увеличивается. Сегодня выявляется меньше чем каждый второй преступник, а по отдельным составам, в частности по экономическим преступлениям, только третий, четвертый.

В целом, можно констатировать волнообразный характер динамики состояния современной российской преступности, с тенденцией поднятия очередной «волны» на качественно иной уровень. Уменьшение количества зарегистрированных преступлений, которое происходит в периоды стабилизации, во-первых, не является значительным для такой страны как Россия, и никак не компенсирует роста преступности в предшествующих периодах; во-вторых, не отражает действительной динамики развития преступности, отличающейся высокой латентностью.

Таким образом, применительно к оценке современного периода развития российской преступности стоит констатировать, что, несмотря на снижение абсолютных показателей в регистрации преступлений, состояние преступности может оцениваться как стабильное, поскольку латентная часть преступности продолжает оставаться значительной.

Это свидетельствует о том, что принимаемые меры противодействия не являются достаточными. Регистрация преступлений, а также практика отказа в возбуждении уголовных дел способствуют снижению показателей зарегистрированной, но не реальной преступности.

Кроме того, анализ социально-демографических процессов позволяет прогнозировать на ближайшее будущее рост как абсолютных, так и относительных показателей.

Это, прежде всего, связано с тем, что Россия прошла пик «демографической ямы» как следствие резкого снижения рождаемости в начале-середине 90-х годов. Количество несовершеннолетних и молодых людей постепенно увеличивается в структуре населения. Население растет также и за счет мигрантов, переезжающих в Россию на постоянное или временное место жительства из сопредельных стран, беженцев из Украины, населения Крыма.

Как не пытается российское государство регулировать миграционные процессы, связанные с ними проблемы, в том числе и криминогенного характера, будут только нарастать, поскольку российская экономика нуждается во внешних трудовых ресурсах. Стремление представителей бизнеса удешевить рабочую силу (опять же в силу особой российской ментальности) приводит к использованию противозаконных средств, а соответственно к развитию коррупции, криминальной эксплуатации и тому подобным процессам, которые в свою очередь неблагоприятно влияют на уровень общественной безопасности в целом.

Еще одной современной проблемой, характерной эпохе постмодерна, является бурное развитие криминальных рынков как легальных, так и нелегальных товаров и услуг³. Обычно эти рынки находятся вне сферы социального контроля или надежно защищены от него с помощью коррупции и других видов криминальных услуг, которые составляют свой расширяющийся криминальный рынок⁴. Уголовно-правовыми мерами бороться с такими рынками чрезвычайно сложно. Эффект может быть только в случае сбалансированного комплексного воздействия экономических, организационных и правовых мер, которые взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга. При этом комплекс таких мероприятий, касающихся легальных товаров и услуг, в значительной мере должен отличаться от аналогичного комплекса, направленного на предупреждение развития рынков нелегальных товаров и услуг.

Другой существенной характеристикой рассматриваемого периода является то обстоятельство, что значительная часть современной молодежи «уходит» из реальной жизни в Интернет, реализуя в виртуальном пространстве свои установки и потребности. Интернет существенно влияет

³ См. подробнее о этом: Репецкая А.Л. Криминальный рынок России. Саратов, 2007.

⁴ См.: Репецкая А.Л. Российский криминальный рынок услуг: структура и характеристика отдельных видов // криминологический журнал БГУЭП. 2008. № 1.

на формирование менталитета молодого поколения (в частности ценностных ориентаций), деформирует способность проводить грань между дозволенным и запрещенным, между реальным миром и виртуальным, атрофирует способность к живому общению, поиску решения конфликтных ситуаций, затрудняет адаптацию к коллективным видам деятельности. Сложившиеся в виртуальном мире типичные реакции на определенные ситуации могут быть на уровне автоматизмов перенесены в реальную жизнь.

Это в значительной мере затрудняет социализацию молодых людей с еще несформированной системой ценностных ориентаций, психикой и отношением к жизни, способствует не только их криминализации (в силу неумения находить правомерные решения в различных жизненных ситуациях), но и повышенной виктимизации. При этом поколение воспитанное Интернетом и интерактивными играми только вступает в активную жизнь.

Кроме того, реальностью нашей жизни, в целом становится перевод значительной части материальной жизни (документов, фотографий, переписки, денежных операций, покупок, развлечений, книг и т.д.) в цифровое, виртуальное пространство. Развитие цифровых и информационных технологий, компьютерных сетей, расширение Интернет-пространства увеличивает возможности для совершения как традиционных видов преступлений (например, мошенничеств), так и позволяет появляться новым «киберпреступлениям». Представляется, что в ближайшем будущем именно эта часть преступности будет наиболее прогрессивно развиваться сама и детерминировать развитие других преступлений.

Правоохранительная же система пока настроена на реагирование на традиционные виды преступлений, противодействие киберпреступности находится в самом начале своего пути. Специальные отделы, по борьбе с такими преступлениями являются немногочисленными и не могут охватить всей латентной части, в которой этот вид в основном и пребывает. По сути, ни в законодательной сфере, ни в правоприменительной адекватной реакции на эту прогрессирующую угрозу всей общественной безопасности нет.

Сама правоохранительная система, несмотря на колоссальные усилия со стороны государства, не претерпела больших изменений со времен первого постсоветского периода. Эпоха постмодерна показала, что фактически невозможно за достаточно короткий период реорганизации и реформирования любой системы вырастить кадры с другим уровнем профессиональной психологии, этики, образования. Органы внутренних дел, стоящие на передовом рубеже борьбы с преступностью, наиболее яркие тому свидетели. Более того сравнительные характеристики личности сотрудников низовых звеньев этой системы и преступников показывают их поразительное сходство.⁵

Определенную роль в развитии неблагоприятных тенденций преступности, нередко играет и само государство, выбирая ошибочные направления в развитии уголовной (особенно уголовно-правовой) политики, что невольно провоцирует развитие таких процессов, которые не только не способствуют эффективному обеспечению необходимого уровня общественной безопасности, но и существенно его снижают.

Постоянные и нередко противоречивые изменения и дополнения законодательства, на основе которого осуществляется борьба с преступностью, не имеют продуманного концептуального подхода.⁶

В результате, действие этих детерминант (постоянные изменения уголовного закона, не всегда базирующиеся на криминологическом анализе ситуации, не соблюдение принципа неотвратимости ответственности, развитый рынок коррупционных услуг в системе правоприменения), в значительной степени влияет на деформации правосознания не только населения в целом, лиц уже совершивших преступления, но и сотрудников правоохранительных органов.

⁵ См.: Панченко П.Н. Государственная власть и ее роль в борьбе с преступностью // Криминологический журнал БГУЭП. 2009, №1. С.7.

⁶ Лунеев В.В. Криминология. Углубленный курс. М., 2013. С.136.

Что касается современного состояния системы предупреждения преступности, то не заметно каких-либо кардинальных изменений в этом вопросе. До сих пор нет законодательного регулирования этих процессов. Отрывочные нормы различных ведомственных актов не решают проблемы целенаправленного комплексного подхода к регулированию процессов предупреждения преступности, выделения его специальных субъектов - цель деятельности которых - предупреждение преступности. Этот процесс в эпоху постмодерна продолжает оставаться самым насущным, в свете всеобщей гуманизации уголовной политики, и самым неурегулированным законодательно и второстепенным с точки зрения правоприменения.

Между тем, анализ основных тенденций преступности постсоветского периода, ее основных детерминант и опыта борьбы с ней⁷, свидетельствуют, что преступность продолжает активно развиваться, не смотря на снижение регистрационных показателей, причем делает это в сферах сложных для осуществления социального контроля. Меняется структура населения и его характеристики, а правоохранительная система продолжает оставаться на прежнем уровне развития. Предупреждение преступности пока не является приоритетным направлением в деятельности субъектов, осуществляющих противодействие преступности. В этой ситуации говорить о благоприятных прогнозах в развитии анализируемых явлений не приходится. Если не изменить уголовную политику в части усиления ее криминологической составляющей, уровень общественной безопасности в России будет снижаться.

⁷ Безусловно автор коснулся лишь некоторых проблем, существующих в данной сфере, но представляется что они являются ключевыми.

**О МИЛИТАРИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НЕКОТОРЫХ ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯХ**
**ABOUT MILITARIZATION OF LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY
AND HER SEVERAL CONSEQUENCES**

Ростокинский А.В.,
д.ю.н., профессор
кафедра уголовно-правовых дисциплин
Московский городской педагогический университет

Аннотация. В настоящей статье анализируются некоторые последствия милитаризации правоохранительной деятельности в современной России. Практическая реализация концепции „усиления борьбы“ с преступностью, „силового подавления“ ее наиболее опасных проявлений, „возмездия“ и т.п. Фактически приводит к противоположным результатам, т.е. к массовому нарушению прав и свобод граждан, распространению в деятельности полиции неформальных насильственных практик, а также росту безнаказанности должностной преступности сотрудников.

Annotation. This article analyzes some of the consequences of militarization of policing in modern Russia. Practical implementation of the concept of "strengthening the fight against" crime "violent suppression" of its most dangerous manifestations of "retaliation", etc. Actually leads to the opposite result, ie to a massive violation of the rights and freedoms of citizens, the spread in the police enforced informal practices, as well as the growth of impunity official criminality employees.

Ключевые слова: Милитаризация правоохранительной деятельности, террор, зачистки, нарушение прав и свобод граждан.

Keywords: The militarization of law enforcement, terror, stripping, violation of rights and freedoms of citizens.

Распространение неформальных насильственных практик в деятельности сотрудников правоохранительных органов побуждают еще раз обратиться к вопросу о природе и основных формах терроризирования в профессиональной деятельности полиции. О допустимости подобного анализа свидетельствуют признаки террора и терроризма, отмечаемые российскими и зарубежными учеными: насилие или угроза насилием, политические мотивы или цели виновных и причинение вреда мирному населению, посторонним лицам¹. При этом ряд авторов последовательно разделяют террор со стороны правящих, властных структур (их агентов) и терроризм, как насилие частных лиц, направленный против власти². В Докладе V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1976 г.) также отмечалось, что пытки и терроризм представляют собой две стороны одного и того же зла, которое заключается в применении насилия с целью заставить людей под страхом страдания или смерти подчиниться воли государственного аппарата, отдельных лиц или групп лиц³.

В целом терроризирование подвластных может осуществляться более разнообразными способами, включая принятие нормативных актов, ограничивающих под угрозой наказания различные права и свободы граждан, расширяющих - гласно или негласно - полномочия правоохранительных

¹ Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol.3. №4. P. 294 - 295; Конструирование девиантности / Под. Общ. ред. Я.И. Гилинского. - СПб., 2011. С. 178 - 180; Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социально-политический анализ. - М.: РОССПЭН, 2000. С. 53 и др.

²Бернгард А. Стратегия терроризма. - Варшава, 1978. С. 23; Чаликова В. Террор // 50/50 Опыт словаря нового мышления. - М.: Прогресс, 1989. С.310.

³ Цит. по: Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. - М.: Щит-М, 2000. С. 9 - 10.

органов и иных структур так называемого силового блока, а также путем поощрения различных неформальных насильственных практик сотрудников указанных служб, органов и учреждений при обращении с гражданами, либо непринятия мер по пресечению распространения данных практик.

Очевидно, множество запретов, даже весьма «смягченных» необязательным и избирательным исполнением, уже сами по себе устрашают и психологически угнетают неопределенно широкий круг лиц. Причиной может быть даже нормальное опасение нарушить законодательное предписание, особенно, сплошь состоящее из оценочных формулировок. Так в 2012 году мониторинг правозащитной Ассоциации «Агора» зафиксировал 49 инициатив, исходящих от представителей органов власти, по регулированию интернета и усилению контроля за пользователями, против 5 – в 2011 году. Одним из наиболее обсуждаемых стал закон, прозванный «О черных списках сайтов»⁴. Преследованиям подвергаются как известные блогеры А. Навальный или Р. Адагамов, так и обычные пользователи. Рост числа случаев, когда власти ограничивают свободу Интернета, включая привлечение пользователей к уголовной ответственности, блокирования сайтов, применение иных мер воздействия побуждают к эмиграции интернет-активистов. «Владельцы сайтов тоже начали активно выбирать иностранные юрисдикции - ...растет спрос на аренду серверов за рубежом».⁵

Принятие очередных запретительских актов обычно следует за совершением преступлений, получивших широкий общественный резонанс. Данная практика не является ноу-хау последних лет, а прослеживается, как минимум, со времени принятия нашего антиэкстремистского законодательства. Практически одновременно с ним МВД России разработало Приказы № 174 ДСП и № 870 ДСП от 10 сентября 2002 года и Приложение № 1 к приказу № 870 ДСП «Наставление по планированию и подготовке сил и средств... при чрезвычайных обстоятельствах», которые регламентируют поведение сотрудников МВД в период «чрезвычайных обстоятельств», «чрезвычайных ситуаций» и «чрезвычайного положения» - перечень которых и сфера применения трактуется очень широко. Данные подзаконные акты вводят понятия «фильтрационный пункт» и «группа фильтрационного пункта», регламентируют не только применение физической силы, специальных средств и оружия при несении службы его сотрудниками, но и порядок административного задержания граждан, направления их в фильтропункт, установления личности и проверки на причастность к совершению преступлений.

В принципе, война тоже является таким происшествием, но при всей своей чрезвычайности, носит длящийся характер, тогда как проступки и преступления совершаются в любом обществе и в любых условиях с печальным постоянством. Противадействие им, как пишет А.И. Долгова, не соответствует военным действиям, «...в подлинной войне противника стремятся уничтожить любыми средствами, ...подавить его атаку либо сопротивление. ...В борьбе с преступностью эта аналогия чревата незаконным принуждением, расправой с преступниками на месте преступления или задержания и другими весьма общественно опасными последствиями»⁶. Кроме того, воевать можно только с кем-то равным по силе и уровню организации, странно сравнивать силы государства и преступников, пусть и условно объединяемых в некий «террористический интернационал» или в локальные вооруженные формирования. Другое решение допускает признание факта ведения гражданской войны на отдельных территориях России в каких-то латентных формах.⁷

Если не обычной, то очень распространенной практикой устрашающего воздействия в работе правоохранительных органов, прежде всего ми(по)лиции, стало проведение массовых административных, режимных и оперативно-розыскных мероприятий, называемых «зачистками». Военные так называют массовую проверку участков местности, различных объектов и домовладений на

⁴ Напр.: Ростокинский А.В., Костюк М.Ф. Как нам обустроить Интернет?//Бизнес в законе. 2012. №5. С. 68-71.

⁵ http://slon.ru/russia/za_chto_vas_mogut_posadit_esli_vy_sidite_v_internete-1053802.xhtml.

⁶ Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А. И. Долговой. 3-е изд. - М., 2007. С. 380.

⁷ Например, только за 20 ноября 2013 день в Дагестане было погублено 10 человек: <http://kavkazpress.ru/archives/33670> ; <http://kavkazpress.ru/archives/33695>.

предмет обнаружения групп противника, диверсантов или партизан в своем тылу, мест их возможного базирования, а также гражданских лиц на предмет связей с противником, участия в незаконных вооруженных формированиях. Термин «зачистка» активно вошел в оборот в период оперативно-войсковых операций в Чечне еще в 1994-1996 гг.

Последствия проведения подобных операций в виде массовых нарушений прав и свобод гражданского населения, включая похищения и убийства лиц, заподозренных в связях с незаконными вооруженными формированиями неоднократно становились предметом рассмотрения Европейского суда по правам человека,⁸ вошли в совместный Доклад Международной Федерации прав человека и Правозащитного центра «Мемориал» «Пытки в Чечне: «стабилизация» кошмара» (2006 г.).⁹

Например, если за весь 2010 год по сообщениям МВД России при оказании сопротивления были уничтожены 87 предположительно членов незаконных вооруженных формирований (задержано за тот же период - 107), то уже за пять первых месяцев 2011 года было убито свыше 200 подозреваемых - только на Северном Кавказе (задержано 180). За первые четыре месяца 2012 года были убиты 139 и задержаны 161, за первые три месяца 2013 года - 73 (88), шестеро явились с повинной. Такое соотношение убитых к задержанным может означать либо провал оперативной работы,¹⁰ поскольку задержать вооруженных преступников возможно, не расстреливая из танков жилые пятиэтажки и блокируя половину города, а дождавшись выхода подозреваемых, либо применив иные спецсредства. Вполне вероятной представляется и версия устрашения потенциальных сообщников и сочувствующих лиц, демонстрация силы и власти.

Примерно с середины 90-х гг. XX века во исполнение директивы Министра внутренних дел РФ, г-на Рушайло о взятии под контроль МВД «экономических основ организованной преступности», начались массовые проверки различных хозяйствующих субъектов с привлечением сотрудников подразделений физической защиты, ОМОНа, СОБРОВ и т.п., прозванные в народе «маски-шоу». Их необходимость обычно объяснялась потребностями пресечения возможного сопротивления, в том числе со стороны вооруженной частной охраны. От обычной войсковой зачистки данные рейды под дулами автоматов отличались лишь количеством участников и масштабами последствий.

В дальнейшем подобные акции устрашения, сопровождавшиеся применением насилия, угроз, пыток, похищением документов, оргтехники, различных ценностей, незаконными задержаниями, повреждением имущества, длительной дезорганизацией работы предприятий и иными нарушениями прав граждан, все чаще применялись и в интересах передела сфер влияния, в ходе рейдерских захватов бизнесов. Поэтому, не следует относить возникновение подобной практики лишь на счет инкорпорации (от лат. *incorporatio* - присоединение) приемов войсковых и контртеррористических операций в практику «гражданской» охраны порядка, выявления, пресечения преступлений и правонарушений. Например, упомянутые выше приказы МВД стали достоянием гласности после известной «зачистки» в г. Благовещенск (Башкирия) и ряда подобных операций.

В Благовещенске поводом послужил инцидент 8 декабря 2004 года, когда при попытке милиционеров задержать трех нетрезвых граждан, те оказали активное сопротивление. К ним присоединилась толпа численностью до 50 человек, избившая милицейский наряд, в результате чего нескольких милиционеров были госпитализированы. Руководством МВД республики и ГРОВД по согласованию с прокуратурой было принято решение о «проведении профилактических мероприятий». В операции 10 - 13 декабря принимали участие личный состав ГРОВД Благовещенска (130 человек) и сотрудники ОМОНа (15 - 17 человек).

⁸ Решение ЕСПЧ по 90 без вести пропавшим гр-м и свидетельства выживших: <http://pravo.ru/story/view/100394/>.

⁹ Полный текст Доклада: <http://www.fidh.org/IMG/pdf/Tchetche462-4derniereversionsept2007.pdf>.

¹⁰ Об этом более подробно: Ростокинский А.В. Феномен «приморских партизан» или Зачем нам ОРД, если есть БТР // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2010. №8(50). С. 51 - 53.

Заместитель Министра внутренних дел республики сообщил, что они проверяли «притоны, квартиры, где проживают неблагополучные семьи, общежития, общественные места, ...дискотеки, бары, рюмочные, закусочные»... В отделения милиции был доставлен 381 человек (по данным правозащитников - 1500). Из них 171 человек находился в нетрезвом состоянии, в том числе 12 несовершеннолетних. Были раскрыты 6 преступлений, в т.ч. 2 грабежа и задержано двое лиц, находившихся в розыске. По официальным данным пострадали 342 человека, из них у 197 человек были зафиксированы травмы от побоев.¹¹ Довольно странно было бы проводить трехдневную специальную операцию всем личным составом с привлечением дополнительных сил, для выявления и задержания участников одной единственной драки или доставления 12 нетрезвых подростков (по 4 в день). Не является большим оперативным достижением выявление двух человек, ранее объявленных в розыск, среди сотен повально задержанных.

Прошли годы и после нападения на сотрудников уголовного розыска на Матвеевском рынке (июль 2013 г.) уже по всей стране проводятся подобные операции. В начале августа СМИ сообщали: «На рынке «Садовод» [г. Москва] в операции участвовали 400 полицейских. Тотальная проверка документов, досмотр помещений, задержание до последующего выяснения. ...Было задержано более тысячи человек. Большинство, по словам полицейских, скорее всего, отпустят, а выявленных нарушителей миграционного режима поселят [специально созданном лагере] в Гольяново»¹²... «На Калининскую овощебазу по адресу... [г. Санкт-Петербург], прибыли сотрудники полиции, в том числе ОМОН. ...Происходят массовые задержания. Очевидцы также видят полицейский вертолет над овощебазой».¹³

Обычно, сами сотрудники, участвующие в подобных мероприятиях, в частных беседах не скрывают карательный характер и поставленные цели устрашения потенциальных нарушителей и лиц, оказывающих им содействие. В принципе, отличить карательную операцию от контр-террористической или от иных режимных действий полиции или военных не сложно с учетом целей и достигаемых результатов проводимых мероприятий, соответствия размеров вреда причиняемого правам и охраняемым законом интересам граждан, размерам и характеру предотвращаемого вреда.

«Однажды бандиты при ограблении магазина расстреляли приехавший по тревоге экипаж вневедомственной охраны УВД, - рассказывает корреспонденту сотрудник ОМОНа, - погиб один и был ранен второй сотрудник. В городе ввели экстренный план «Вулкан», в подразделения вызвали всех..., собрали в райотделе. Дали команду - руководство сказала показать, кто в городе хозяин. Действовать жестко, уголовные дела на вас будут закрывать...

Нас разделили на группы и по карте раздали улицы - какой части где работать. Цель - увеселительные заведения. Официально это называлось что-то типа «усиление паспортного режима» - мы должны были проверять у граждан документы и в случае их отсутствия или каких-то подозрений сдавать задержанных группе в автобус для доставки по райотделам «для установления личности».

В реальности мы работали как на зачистке, лишь исключив стрельбу при малейшей угрозе. Мы точно так же «отрабатывали» объекты - окна, двери, дворы, вход в помещение производился полностью в боевом варианте. Самый быстрый вбегал внутрь, за ним следовали остальные, бегущие сбивали с ног всех попадавших на пути, пробегающие следом делали им по удару «на память», затем всем закручивали руки и либо держали на полу, либо, если человек успел прижаться к стене - впрессовывали в стену с руками за голову и на «растяжке» - максимально расставленными в стороны ногами.

Кто и как кого при этом бил и необходимо ли это было - никто не думал, каждый отрабатывал свою роль при операции. Автобусы набивались задержанными, райотделы были забиты стоя-

¹¹ Куликов В. Избитый город может спать спокойно//Российская газета. 2005. 25 марта; «Зачищенный» Благовещенск // Труд.- 2005. -13 января.

¹² <http://www.ntv.ru/novosti/641437/> .

¹³ <http://www.fontanka.ru/2013/08/06/092/>.

щими на полушпагатах людьми. «Особо выступающих» оформляли рапортом за (!?) «мелкое хулиганство» (в рапорте - нецензурная брань в общественном месте) и на месте «отрабатывали» со знанием боевых приемов»,¹⁴ - т.е. широко применялись избиения случайных лиц.

В этом смысле превентивные задержания гражданских активистов накануне массовых протестных мероприятий, задержания их участников без предъявления каких-либо обвинений и составления протоколов (на которые в установленном порядке могут быть поданы жалобы), блокирование участков местности, перекрытие улиц бронетехникой и спецтранспортом имеют во многом сходные черты: меры безопасности применяются в противоречии с их назначением.

Например, в апреле с.г. «несколько человек на Манежной площади вытянули руки в таком положении, как будто в руках у них находится плакат. Отсутствие реального транспаранта не смутило полицию, которая всех задержала». Задержанных посадили в автозак, ...но потом в отделении отпустили.¹⁵ Закон не нарушался, никаких неудобств окружающим задержанные не причиняли, никакие беспорядки таким образом спровоцировать не могли. Фактически со стороны полиции имеет место превышение крайней необходимости, с той лишь разницей, что вред, причиняемый каждому отдельному субъекту не является значительным, либо не признается таковым судами и органами прокуратуры.

Наибольший вред правам и свободам граждан причиняют незаконные задержания и аресты, часто используемые для оказания давления на подозреваемых и обвиняемых без достаточных доказательств - с целью принуждения к признанию вины, предоставлению доказательств или самооговору.

Так в Ростовском СИЗО гр. Серенко два года ожидал приговор за якобы совершенное им убийство семьи спецназовца. При этом обвинение строилось на данных экспертизы идентификация пыжей гладкоствольного ружья (?) и показаниях проститутки, видевшей среди ночи «кого-то похожего» на обвиняемого неподалеку от места преступления.¹⁶ Множатся иски к России в Европейский Суд по правам человека о компенсациях за незаконное содержание под стражей, пыточные условия, утрату здоровья и работоспособности, а «дома» уголовные дела по ст. 301 УК РФ в пору пересчитывать по пальцам. Знаковым примером в этой области стало дело Магнитского, названного так по имени юриста, работавшего для американского инвестиционного фонда, умершего в СИЗО № 6 г. Москвы в ноябре 2009 года. Эта история вызвала широкий общественный резонанс и стала причиной расследования Московской общественной наблюдательной комиссией, наложения международных санкций на ряд российских должностных лиц.

Быть задержанным даже за мелкое правонарушение в России - означает почти наверняка оказаться в условиях, определяемых как применение пытки. К такому выводу недавно пришли члены Краснодарской региональной ОНК по результатам проверок местных СИЗО и ИВС. В камерах нет света и окон, вентиляции, канализации и простыней. ...Даже в только что построенных полицейских участках пыточные условия содержания оказались заложены в проекте.¹⁷

По прежнему при производстве дознания даже в отношении административных нарушителей широко практикуются пытки связанные с физическим воздействием: избиение, содержание в холодных помещениях и антисанитарных условиях, а также принудительные позы, включая подвешивание, бросание, растягивание, выкручивание рук и т.п. Значительно реже - применение электрошока, погружение в воду, прижигание и иные пытки с использованием кипятка и горячих (раскаленных) предметов. Кроме того, респонденты упоминали угрозы оружием, тюрьмой, физическим и сексуальным насилием. Данная проблема получила широкое общественное обсуждение еще

¹⁴ Флорин Д. ОМОН как диагноз // <http://sovsekretno.ru/articles/id/3130/>.

¹⁵ Воденников Д. Пустота в руках // <http://www.gazeta.ru/comments/column/vodennikov/s63353/5986769.shtml>.

¹⁶ <http://www.gazeta.ru/social/2013/09/12/5650569.shtml>.

¹⁷ Кошик А. «Для чего им простынь — чтоб повесились?» Стать правонарушителем и избежать пыток почти невозможно, выяснили краснодарские правозащитники // <http://www.gazeta.ru/social/2014/03/20/5958337.shtml>.

в начале 2000 -х гг., в том числе после нескольких громких дел о жестоком обращении со стороны полицейских, вызвавших интерес у журналистов. Тогда же при активном участии Я.И. Гилянского проведено межрегиональное исследование распространения пыток в России (2004-2006 гг.).¹⁸

С тех пор ситуация не улучшилась, практика применения пыток в России стала обычным и рутинным явлением. К такому выводу пришли, в частности, авторы доклада «Пытки в разных лицах» (2012 - 2014 гг.) Французской ассоциации АСАТ (Ассоциация христиан против пыток). В последнем, отмечается, что пытки в России носят системный характер и применяются, как в отношении арестованных, так и подозреваемых на всех этапах судебных дел, начиная с задержания полицией до тюремного заключения. Они практикуются с целью быстрого получения признания, чтобы правоохранные органы показали хорошие статистические результаты, а также в виде мести за неповиновение, нежелание сотрудничать, в целях вымогательства. Особая глава посвящена ситуации в Чечне. Правозащитники отмечают, что уровень безнаказанности в этой республике «поражает и создает впечатление, что там законы вовсе не работают».¹⁹ Данные тенденции недавно признал и Уполномоченный по правам человека РФ.²⁰

Привлечение к ответственности виновного в применении пыток сотрудника полиции в России является редчайшим исключением. Так, количество зарегистрированных фактов принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) и лиц, выявленных в совершении этого преступления смехотворно мало: 2001 г. - соответственно 19 и 3; 2002 г. - 18 и 4; 2003 г. - 2 и 0; 2004 г. - 4 и 0; 2005 г. - 7 и 2; 2006 г. - 4 и 6; 2007 г. - 5 и 2; 2008 г. - 3 и 1; 2009 г. - 9 и 3. Например, в результате пыток электрическим током в одном из ОВД Орнбургской области в январе 2009 г. А.Ждан перенес инсульт и стал инвалидом. По сообщению пресс-службы межрегионального «Комитета против пыток», их юристы обжаловали с десяток незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по факту пыток. Дважды суд удовлетворял иски о компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями сотрудников Следственного комитета. Руководитель отдела, в производстве которого находился материал проверок по заявлению А. Ждана, игнорировал решения суда. Только спустя пять лет уголовное дело было возбуждено.²¹

Как следствие, в 2013 году 66% жителей крупных городов в России - а именно там сосредоточено активное население - ожидали от полиции незаконных действий в свой адрес. Для страны в целом такие показатели ниже - 51%.²² Вероятно, там, где полиции больше, а граждане сталкиваются с ней чаще, там они лучше информированы и ощущают меньше безопасности.

Таким образом, массовые облавы и задержания участников мирных митингов и демонстраций, применение пыток, введение (сохранения ранее введенных) необоснованных ограничений и запретов, включая процессуальные ограничения, служащие целям устрашения отдельных лиц или всего населения, являются карательными операциями, создающими условия для массового нарушения прав и свобод граждан. Рост милитаризации правоохранительной деятельности и распространение в ней насильственных практик за последние годы характеризует неформальное, вне конституционных процедур и ограничений, введение чрезвычайного режима охраны порядка и силового подавления преступности.

¹⁸ Социология насилия: произвол правоохранительных органов глазами граждан». - Нижний Новгород, 2007.

¹⁹ <http://www.russian.rfi.fr/rossiya/20131114-frantsuzskie-pravozashchitniki-pytki-v-rossii-nosyat-povsemestny-kharakter>.

²⁰ Лукин обнаружил в России «прогрессирующее» распространение пыток (февраль 2014 г.): интервью Интерфакс <http://lenta.ru/news/2014/02/20/lukin/>.

²¹ <http://svpressa.ru/accidents/news/84321/>.

²² Материал исследования «Евробарометра» цит. по: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/siloviki/247055-kak-reformirovat-rossiiskuyu-politsiyu>.

Литература:

1. «Зачищенный» Благовещенск // Труд.- 2005. 13 января.
2. Бернгард А. Стратегия терроризма. - Варшава, 1978.
3. Воденников Д. Пустота в руках // <http://www.gazeta.ru/comments/column/vodennikov/s63353/5986769.shtml>.
4. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социально-политический анализ.- М.: РОС-СПЭН, 2000.
5. Конструирование девиантности / Под. Общ. ред. Я.И. Гилинского. - СПб., 2011.
6. Кошик А. «Для чего им простынь - чтоб повесились?» Стать правонарушителем и избежать пыток почти невозможно, выяснили краснодарские правозащитники // <http://www.gazeta.ru/social/2014/03/20/5958337.shtml>.
7. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А. И. Долговой. 3-е изд. - М., 2007.
8. Куликов В. Избитый город может спать спокойно//Российская газета. 2005. 25 марта.
9. Ростокинский А.В. Феномен «приморских партизан» или Зачем нам ОРД, если есть БТР // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2010. №8(50).
10. Ростокинский А.В., Костюк М.Ф. Как нам обустроить Интернет? // Бизнес в законе. 2012. № 5.
11. Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. - М.: Щит-М, 2000.
12. Социология насилия: произвол правоохранительных органов глазами граждан». - Нижний Новгород, 2007.
13. Флорин Д. ОМОН как диагноз // <http://sovsekretno.ru/articles/id/3130/>.
14. Чаликова В. Террор // 50/50 Опыт словаря нового мышления. - М.: Прогресс, 1989.
15. Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol.3. №4.
16. <http://kavkazpress.ru/archives/33670>.
17. <http://kavkazpress.ru/archives/33695>.
18. <http://lenta.ru/news/2014/02/20/lukin/>.
19. <http://pravo.ru/story/view/100394/>.
20. http://slon.ru/russia/za_chno_vas_mogut_posadit_esli_vy_sidite_v_internete-1053802.xhtml.
21. <http://svpressa.ru/accidents/news/84321/>.
22. <http://www.fidh.org/IMG/pdf/Tchette462-4derniereversionsept2007.pdf>.
23. <http://www.fontanka.ru/2013/08/06/092/>.
24. <http://www.forbes.ru/mneniya-column/siloviki/247055-kak-reformirovat-rossiiskuyu-politsiyu>.
25. <http://www.gazeta.ru/social/2013/09/12/5650569.shtml>.
26. <http://www.ntv.ru/novosti/641437/>.
27. <http://www.russian.rfi.fr/rossiya/20131114-frantsuzskie-pravozashchitniki-pytki-v-rossii-nosyat-povsemestnyi-karakter>.

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

CORRUPTION IN RUSSIA: STATE AND WARNING

Савченков А.В.,
аспирант кафедры уголовного права РГПУ им. Герцена

Аннотация. В статье приводится статистика коррупционных преступлений за последние годы, включая исследования Transparency International. Предлагаются меры, направленные на снижение уровня бытовой и элитарной коррупции, такие как усовершенствование антикоррупционного законодательства и ведение работы, направленные на поддержку социально незащищенных слоев общества.

Annotation. The article presents statistics of corruption crimes in recent years, including research Transparency International. Proposes measures aimed at reducing domestic and elite corruption, such as the improvement of anti-corruption legislation and maintenance work to support socially vulnerable segments of society.

Ключевые слова: состояние коррупции, статистика, антикоррупционные меры, бытовая коррупция, элитарная коррупция.

Keywords: state corruption, statistics, anti-corruption measures, domestic corruption, elite corruption.

Коррупция в Российской Федерации давно стала одной из важнейших проблем, которая является постоянным «тормозом» на пути к экономическому благополучию общества. Мы согласны с позицией Я.И. Гилинского который считает, что «в условиях тотальной коррумпированности всех ветвей власти на всех уровнях принципиально невозможно решить ни одной социальной, экономической, политической проблемы. Ибо все сводится к вопросу: кому и сколько надо заплатить?»¹ Обычные граждане сталкиваются с этой проблемой при решении вопросов в различных сферах жизни, поскольку должностные лица различных органов, наделённые властными полномочиями нередко используют свое положение для своих корыстных целей и интересов.

Чтобы осознать весь масштаб угрозы необходимо обратиться к данным статистики. Согласно статистике МВД с 2004 по 2013гг. в среднем выявляется 11132,4 эпизодов взяточничества и 1728,3 эпизодов коммерческого подкупа. Причем с 2009 года количественные показатели сокращаются как по взяточничеству, так и по коммерческому подкупу. По взяточничеству самый высокий показатель был в 2009 г. - 13141 преступление (самый крупное число за последние 10 лет), и с этого момента до настоящего времени отметка опустилась до 9758 преступлений. Интересно, что наименьший показатель был в 2003 г. - 7346 преступлений. По коммерческому подкупу сокращение пошло на спад уже с 2007 года - 1786 преступлений до 1212 по состоянию на 2012г. Хотя самым крупным показателем в отчетном периоде стал 2003г. - 2495 преступлений. Однако ситуация поменялась уже в прошедшем году. В 2013г. было выявлено 11521 фактов взяточничества и 1958 случаев коммерческого подкупа.² Хочется надеяться, что данные цифры отражают реальные показатели, а не являются результатом искусственной латентности, т.е. фактической не регистрации данных преступлений в связи с выходом как раз в 2008 году федерального закона «О противодействии коррупции». С.М. Иншаков утверждает, что, «сопоставление структур зарегистрированной, латентной и фактической преступности по объекту посягательства показывает, что при доминировании

¹ Гилинский Я.И. Криминологический анализ преступлений по должности // Криминалист. 2008. №3. С.11.

² По данным mvd.ru

преступлений в сфере экономики главное различие заключается в том, что доля преступлений против государственной власти в латентной составляющей криминального феномена в два раза больше, чем в структуре зарегистрированной преступности. Это неудивительно, если учесть, что в группу преступлений против государственной власти входит большинство деяний коррупционной направленности, относящихся к числу высоко латентных и особо высоко латентных преступлений».³ Так доля латентных преступлений против государственной власти составляет 13.9% от всей латентной преступности. Не стоит забывать также что, и сама система МВД может манипулировать цифрами статистики в собственных интересах. Показательным в этом плане является цитата из интервью М. Бабаева: «ни одной цифре, которая публикуется официально МВД, я - сотрудник МВД, полковник милиции в отставке - не верю. Это бессовестная ложь»⁴.

Оценить весь масштаб трагедии, разворачивающийся в России можно через сравнение с другими странами, благодаря организации Transparency International, которая ежегодно составляет индекс восприятия коррупции (ИВК) в различных странах мира. ИВК составляется ежегодно на основе экспертных опросов и исследований о распространенности коррупции среди государственных служащих и политиков в большинстве стран мира. В опросах принимают участие эксперты семи международных финансовых и правозащитных институтов, в том числе Азиатского и Африканского банков развития, Всемирного банка, американской организации Freedom House. Россия по итогам 2013 года заняла сто двадцать седьмое место, разделяя его с Азербайджаном, Коморскими островами, Гамбией, Ливаном, Мадагаскаром, Мали, Никарагуа и Пакистаном. Впрочем, показатель 2.8 (по десятибалльной шкале) или 28 (по столбальной системе индекс стал рассчитываться с 2012г.), который Россия получила в 2013 году является одним из лучших результатов за последнее десятилетие. Такой же показатель был показан в 2004 и 2012 годах. Чуть хуже были результаты в 2003 и 2002 гг., когда Россия получила показатель – 2.7.⁵ В мировой «табели о рангах» Россия прочно засела во второй сотне наряду с рядом стран, соседство с которыми для России можно назвать нонсенсом. Занятые Россией 71, 86 и 90ые места в период с 2002-2004 гг., которые получала Россия, не могут отражать реального состояния, поскольку тогда агентство Transparency International рассчитывало индекс с участием неравного количества стран, которые участвовали в исследовании. В 2002 -102 страны, 2003 – 133, 2004 – 106, 2005 – 159. Неравное количество участников в конечном итоге влияло на занимаемые места той или иной страны, в т.ч. и России. С увеличением количества исследуемых стран Россия неизбежно падала в общем рейтинге. Соглашаясь с мнением Д.А. Шестакова о том, что «коррупция имеет место во всем мире и во все времена...Она разрастается в рыночном обществе потребления, где всё, что покупается, то и продается. Особенно заметна коррупция в постсоветских, постсоциалистических обществах, торговля в которых прежде была ограничена...»⁶ отметим что именно постсоциалистические государства находятся на задворках данного рейтинга, так по данным 2013 г. Узбекистан и Туркменистан делят 168 место из 177 стран, принимающих участие в исследовании, Таджикистан - 154, Кыргызстан - 150, Украина - 144, Казахстан - 140, Азербайджан - 127, Беларусь - 123, Молдова - 102, Армения - 94, Грузия – 55, Латвия - 49, Литва - 43, Эстония - 28.⁷ Стоит отметить, что наибольшего успеха в данном рейтинге достигли те постсоциалистические страны, которые успешно приняли курс на интеграцию в европейское сообщество. Сделаем прогноз, что и Украина после недавних событий, связанных со сменой государственной власти существенно поднимется в ближайшие годы в данном рейтинге, и возможно обгонит Россию.

Наконец приведем статистику по количеству осужденных по преступлениям коррупционной направленности (в соответствии с Перечнем № 23 преступлений коррупционной направленности) в

³ Иншаков С.М. латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования // [http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov\(10-04-10\).htm](http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov(10-04-10).htm) (дата обращения 13.06.2014г.)

⁴ Электронный ресурс [URL: <http://vooruzhen.ru/supporter/lib/107/516/>] (дата обращения 13.06.2014г.)

⁵ По данным transparency.org

⁶ Шестаков Д.А. Кому какая коррупция? // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2011. №4. С.38.

⁷ Электронный ресурс [URL: <http://cpi.transparency.org/cpi2013/results/>] (дата обращения 13.06.2014г.)

России за 2013 г. Всего осуждено - 8607 человек, из них к лишению свободы на определенный срок - 837, к ограничению свободы - 23, к исправительным работам - 26, к обязательным работам - 20, к запрещению занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью - 107, к штрафу - 5145, к условному осуждению к лишению свободы - 2331, к конфискации имущества - 128⁸. Проанализировав такую структуру можно отметить положительный момент в том, что большинство осужденных были приговорены к штрафу, как самому мягкому наказанию из всех существующих возможных. Поскольку большинство преступлений связаны с так называемой «низовой» (демократической) коррупцией, то можно считать, что «удар по карману» в виде штрафа будет действенной мерой для большинства мелких коррупционеров. Не будем отрицать того факта, что штраф является одним из тех видов наказаний от которого можно легко уклониться после вынесения приговора. В таком случае необходимо использовать все возможные виды наказаний системы в случае уклонения от уплаты штрафа, начиная с исправительных или обязательных работ и заканчивая реальным лишением свободы.

Для выработки действенных профилактических мер необходимо разделить их на две группы: меры по предупреждению демократической (бытовой) коррупции и меры по предупреждению коррупции «элитарной».

Примеры бытовой коррупции мы часто можем видеть в системах здравоохранения и образования. Иллюстрациями тому могут являться случай с вымогательством взятки в размере 50 тысяч рублей у двукратного параолимпийского чемпиона Неволлина-Светова за справку об установлении инвалидности первой группы по зрению бессрочно. А также дело завкафедрой «Северо-Западной академии государственной службы» Е. Галактионова, который был приговорен к трем годам условного лишения свободы за получение взятки в размере 280 тысяч рублей от 56 студентов за сдачу экзаменов и курсовых работ.

Адекватной мерой по предупреждению бытовой коррупции на наш взгляд является социальная поддержка работников бюджетной сферы. Нехватка денег для улучшения собственных условий жизни толкает граждан на их получение незаконными способами, используя свое должностное положение. Государство должно обеспечить достойное существование для работников в бюджетных сферах. Это может выражаться в повышении пенсий и заработных плат, дополнительных социальных льгот, предоставлении более низкого процента по ипотеке. Здесь также одной из действенных мер может являться деятельность по формированию нетерпимости к коррупции в обществе. «Реализация данной меры связана с повышением уровня правовой культуры, что достигается осуществлением правового воспитания. Под правовым воспитанием понимается целенаправленная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также общественных структур, средств массовой информации, трудовых коллективов по формированию высокого правосознания и правовой культуры граждан. Данное понятие включает в себя также получение и распространение знаний о праве и других правовых явлениях, усвоение правовых ценностей, идеалов. Антикоррупционная направленность правового воспитания основана на повышении в обществе, в целом позитивного отношения к праву, его неукоснительное соблюдение, повышение уровня правовых знаний, в том числе о коррупционных формах поведения и мерах по их предотвращению, формировании у государственных, муниципальных служащих и у граждан представления о мерах юридической ответственности, которые могут применяться в случае совершения коррупционных правонарушений»⁹. К сожалению правовой нигилизм все еще доминирует в сознании большей части населения, укоренившийся еще в годы советской власти, где нельзя было разрешить большинство проблем без использования личных связей (блата).

⁸ По данным сайта судебного департамента при Верховном суде // cdep.ru

⁹ Клышева А.Е. Формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению (в рамках полномочий органов местного самоуправления) // Вопросы управления. 2012. №2. С. 392.

Сложнее обстоит дело с коррупцией «элитарной». Продуцируя в высших политических и экономических структурах многие преступления остаются безнаказанными. Однако некоторые случаи периодически появляются в СМИ, получая немалый общественный резонанс, поскольку суммы взяток и хищений из государственной казны в таких преступлениях достигают огромных масштабов. Приведем лишь некоторые примеры. Прежде всего необходимо упомянуть те случаи, которые имели место быть в связи с подготовкой и проведением зимней Олимпиады в Сочи. По данным исследования Фонда борьбы с коррупцией А. Навального эксперты выявили что реальные затраты на проведение Игр составили полтора триллиона рублей вместо озвученных 214 миллиардов. Кроме того, постройка ряда спортивных объектов обошлась дороже чем ряд аналогов за рубежом, в большинстве случаев отсутствовали конкурсы на выбор подрядчиков, а сами подрядчики в итоге оказались в большинстве своем связаны с госслужащими.¹⁰ Также нельзя не отметить дело компании «Оборонсервис» и бывшего министра обороны А. Сердюкова, которого пытались привлечь за хищения в итоге вылилось в смехотворную статью «Халатность» с последующей амнистией.

Эффективной мерой может и должно стать усовершенствование антикоррупционного законодательства. В частности, положительным моментом является принятие N 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», в котором заключены правовые основы установления контроля за расходами лиц на государственных должностях. В нём установлен точный перечень лиц, и указано четкое основание для такого контроля. «Основанием для принятия решения об осуществлении контроля за расходами лица, замещающего (занимающего) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, а также за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей является достаточная информация о том, что данным лицом, его супругой (супругом) и (или) несовершеннолетними детьми совершена сделка по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) на сумму, превышающую общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению сделки».¹¹ Однако даже такой закон не восполняет всех недостатков существующей правовой системы. Опорной точкой в деятельности по противодействию коррупции среди чиновников должно стать ратифицирование статьи 20 конвенции ООН против коррупции – «Незаконное обогащение». По смыслу статьи доказывание своей невиновности переносится на обвиняемого, т.е. ему придется доказать, как значительное увеличение его активов может превышать его доходы. Наш взгляд имплементация данной статьи может существенно снизить коррупционные риски среди чиновников высшего ранга. Причиной того что данная статья до сих пор не имплементирована в российское является отсутствие действительной политической воли Президента. Некоторые меры принимаются (например, принятие Национального плана противодействия коррупции на 2014-2015гг), но носят декларативный и декоративный характер.

Необходимого внимания и разбора заслуживают и нормы нынешнего УК. А именно отсутствие в санкции составов конфискации имущества. По этому поводу можно согласиться с В.В. Гавриловым: «Существенным недостатком действующего УК Российской Федерации, в том числе в сфере уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям, является то, что в нем не предусматривается такого вида наказания, как конфискация имущества (данное наказание было исключено из Уголовного кодекса Российской Федерации в 2003г.). Несмотря на то, что конфискация имущества была восстановлена в Уголовном кодексе Российской Федерации в качестве иной меры уголовно-правового воздействия, ранее она могла применяться как дополнительный вид нака-

¹⁰ Энциклопедия трат Сочи 2014. С.16. PDF-версия // sochi.fbk.info/ru/

¹¹ Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Российская газета. 2012. 5 декабря.

зания за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений и назначаться судами в случаях, предусмотренных особенной частью УК Российской Федерации, в том числе за коррупционные преступления. Полагаем, что в настоящее время совершенствование уголовного законодательства в указанном направлении является объективной необходимостью».¹² Такое мнение подтверждается фактами статистики, которая приводилась выше. Всего лишь 128 человек подверглись конфискации имущества из 8607 осужденных. Данная мера, наряду со штрафом может быть эффективной при правильном её применении. Однако законодатель вместо возвращения в систему наказаний конфискации имущества вносит в УК откровенно коррупциогенные нормы. Так, например, введенная в 2011 году шестая часть статьи пятнадцатой гласит что «суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую», что создает прямую предпосылку для коррупционных преступлений среди судей федеральных судов. Поскольку судья может в своих интересах манипулировать этой нормой.

Позитивной же мерой должно стать введение в УК ответственности за соучастие в организованной коррупционной группе. «Предлагаемый состав предполагает необходимое соучастие и объединение в преступных целях недобросовестных чиновников с другими лицами... Коррупцию постоянно подпитывают, те, кто побуждает должностных лиц к предательству публичного интереса, поэтому они также должны выступать в качестве субъектов преступления».¹³ Проанализировав существующее антикоррупционное законодательство можно согласиться с П.А. Истоминим, который отмечает, что: «антикоррупционное законодательство РФ в настоящее время находится в начале своего развития и не соответствует современным требованиям гражданского общества, где каждый должен чувствовать себя защищенным от действий коррупционеров».¹⁴

Важнейшим элементом противодействия коррупции является институт антикоррупционной экспертизы правовых актов. Основополагающим нормативно-правовым актом в этой области является Федеральный закон от 17.07.2009 №172-ФЗ (ред. от 21.11.2011 № 329-ФЗ) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». В нем установлены правовые и организационные основы проведения антикоррупционной экспертизы. Важным моментом является установление субъектов проведения экспертизы. В законе указывается что «институты гражданского общества и граждане могут в порядке, предусмотренном нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет собственных средств проводить независимую антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов)».¹⁵ Важным моментом становится тот факт, что институты гражданского общества получили возможность проводить антикоррупционную экспертизу. Т.е. может быть представлен разный взгляд как с точки зрения субъектов государственной власти, так и с точки зрения общества. Данная экспертиза, прежде всего, необходима для устранения коррупциогенных факторов, которые усугубляют для чиновников широкие пределы усмотрения.

Систематизировав все упомянутое выше мы предлагаем следующие меры по предупреждению коррупции в России: 1) социальная поддержка незащищенных слоев населения, направленная на преодоление социально-экономического неравенства; 2) формирование нетерпимости в обществе к проявлениям коррупции; 3) ратификация статьи 20 Конвенции ООН против коррупции; 4) воз-

¹² Гаврилов В.В. Совершенствование уголовно-правового противодействия коррупции // Мир юридической науки. 2012. №4. С. 61.

¹³ Борков В.Н. О необходимости криминализации участия в коррупционной сделке и организации коррупционной группы // Российский юридический журнал. УГЮА. 2012. №2. С.96.

¹⁴ Истомин П.А. Роль современного российского общества в борьбе с коррупцией // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012 №3. С.60.

¹⁵ Ст.3, Ст.5. Федеральный закон от 17.07.2009 №172-ФЗ (ред. от 21.11.2011 № 329-ФЗ) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»// Собрание Законодательства РФ 2009. №29. Ст. 3609.

вращение в систему наказаний конфискации имущества; 5) введение ответственности за соучастие в организованной коррупционной группе; 6) дальнейшее усовершенствование института антикоррупционной экспертизы. Введение предложенных мер поможет переломить сложившиеся негативные тенденции и заметно улучшить ситуацию, связанную с предупреждением коррупционных преступлений в стране.

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА
И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

**POLITICAL AND LEGAL MECHANISMS TO ENSURE
STATE SOVEREIGNTY AND NATIONAL SECURITY OF RUSSIA**

Смирнов Л.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
кафедра уголовного права
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

Аннотация. В статье исследованы политические, уголовно-правовые и криминологические аспекты политической преступности, а также изложен комплекс мер необходимых для обеспечения государственного суверенитета и национальной безопасности России.

Annotation. This article explores the political, criminal and criminological aspects of political crime, and set out a package of measures needed to ensure national sovereignty and national security of Russia.

Ключевые слова: государственный суверенитет, политическая преступность; международная агрессия.

Keywords: state sovereignty, political crime; international aggression.

Современная ситуация в мире характеризуется обострением мирового экономического кризиса. Выходом из кризиса Западные страны во главе с США видят в захват новых территорий необходимых для получения дополнительных ресурсов. В качестве объектов своих преступных посягательств западные страны и США включили и Россию.

Одним из инструментов разрушения России и лишения ее государственного суверенитета является политическая преступность, охватывающую широкий круг криминальных деяний совершаемых с целью противодействия, свержения, захвата власти, изменения политического строя, политической системы и политического режима.

Наиболее активно политическая преступность проявилась в первый период существования СССР. Политические преступления в это период проявлялись в виде убийств государственных и общественных деятелей, террористических актов, диверсий, саботажа, заговоров с целью свержения власти, шпионажа, вредительства и др. преступных действий.

Политическая преступность выступает как важный инструмент и геополитики и активно используется в целях господства международных транснациональных корпораций и представляет собой рейдерский захват государства.

Результатом международной политической преступности в XX веке было разрушение и ликвидация СССР и соответственно его социальной, политической и экономической модели. Страны НАТО под руководством США совершили разбойные нападения на Ирак, Югославию, Ливию. Они организовали вокруг России серию так называемых цветных революций, спровоцировали нападение Грузии на Южную Осетию.

Активизация международной политической преступности обусловлена поиском ресурсов необходимых для производства материальных благ с целью извлечения сверх прибылей транснациональными корпорациями, поисками рынка сбыта, обеспечением высокого уровня жизни и потребления «золотого миллиарда». Объектами международной политической преступности выступает государства их население, территория, инфраструктура, ресурсы и недра.

Прикрытием политической преступности является деятельность по продвижению (транзиту) либеральной демократии, других либеральных ценностей другие в страны.

Сразу после окончания второй мировой войны, США, и другие империалистические государства, развернули против СССР и других социалистических стран «холодную войну», которая выразилась в форсировании гонки вооружений, особенно ядерных, создании сети военных баз вокруг СССР, использовании силы или угрозы силой, активизации подрывной деятельности против СССР, усилении антикоммунистической, антисоветской пропаганды.¹

17 июля 1945 г. будущий шеф ЦРУ генерал А. Даллес сформулировал цели и способы ликвидации СССР, в том числе с помощью «пятой колонны».² «Окончится война, кое-как всё утрясётся, устроится. И мы бросим всё что имеем, всё золото, всю материальную мощь, на оболванивание и одурачивание русских людей... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркома-ния, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветет махровым цветом...».³

Одновременно с идеологической войной США готовились уничтожить СССР военным путем для чего был разработан план «Дропшот» 1950 г. предусматривал четыре этапа.

Первый этап: внезапный удар 300 атомных бомб по 70 крупным городам Советского Союза: Дополнительно к этому стратегические бомбардировщики должны сбросить 29 тысяч тонн бомб еще на 100 городов.

Второй этап: вторжение на территорию СССР и его союзников 250 дивизий, обеспеченных действием 7400 самолетов, продолжающих бомбардировки, и более 750 боевых кораблей, высаживающих десанты.

Третий этап: захват территории СССР и его союзников вооруженными силами США и стран НАТО.

Четвертый этап: оккупация территории СССР, расчленение его на четыре зоны, с дислокацией американских войск в ключевых городах бывшего СССР, а также его союзников в Европе.⁴

Еще в 1939 году И.В. Сталин отмечал, что многие достижения СССР будут извращены и оклеветаны, прежде всего, за рубежом. Сила СССР, утверждал И.В. Сталин в дружбе народов, поэтому острие борьбы будет направлено, прежде всего, на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. С особой силой отмечал И.В. Сталин поднимет голову национализм, который на какое то время придавит интернационализм и патриотизм, возникнут национальные группы внутри наций и конфликты, появится много вождей - пигмеев, предателей внутри своих наций.⁵

24 января 1977 г. глава КГБ СССР Ю. В. Андропов секретной запиской, подготовленной внешней разведкой Комитета государственной безопасности «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан» информировал ЦК КПСС что ЦРУ США разрабатывает

¹ «Холодная война». Дипломатический словарь в трёх томах. Т. 3, М., 1986, с. 537.

² Термин «пятая колонная» возник в начале октября 1936 г., когда франкистский генерал Э. Мола передал по радио обращение к населению столицы, что мятежники ведут наступление на Мадрид четырьмя армейскими колоннами, а пятая, которой они располагают в самой столице ударит с тыла. «Пятая колонна» в виде тайных агентов сеяла панику, занималась шпионажем, саботажем и диверсиями. Во время второй мировой войны 1939–1945 гг. «пятой колонной» называли нацистскую агентуру в различных странах, помогавшую захвату этих стран войсками гитлеровской Германии. БСЭ. Изд. 3-е. т. 21. М., 1975, с. 283.).

³ Митрополит Иоанн. Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб., 1995, с. 42–43; Бегунов Ю.К. Тайные смыслы в истории России. М., 2000; Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя Зла. М. Крымский мост – 9Д. Форум, 2001, с. 167–168; Платонов О.А. Почему погибнет Америка? Тайное мировое правительство. Краснодар: Советская Кубань, 2001, с. 117–118.

⁴ Карпов В.В. Генералиссимус. Кн.2-я. М., 2003, с. 240–241.

⁵ Сталин И.В. в беседе с А.М. Коллонтай в ноябре 1939 г. Запись Коллонтай А.М. // Досье гласности. Спецвыпуск. Великий и загадочный Сталин. Декабрь. 2001.

планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезориентацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферы управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающей приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры – преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.⁶

Стратегические цели борьбы США против СССР в начале 80-х годов сформулировал член Совета политического планирования американского госдепартамента З. Бжезинский. Он представил госдепартаменту «План игры. Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР», где писал: «Децентрализовать империю (советскую), значит вызвать её распад... любая значительная децентрализация даже исключительно в экономической сфере – усилит потенциальные сепаратистские настроения среди граждан Советского Союза нерусской национальности. Экономическая децентрализация будет неизбежно обозначать политическую децентрализацию».⁷

11 марта 1985 г. – Внеочередной Пленум ЦК КПСС избрал М.С. Горбачёва Генеральным секретарём ЦК КПСС. Сами выборы Генсека были явно частью операции соответствующих служб США, даже на Западе многие это хорошо понимали.⁸

Формирование новой политической «команды Горбачёва» прошло в течение 1985 – 1986 годов. По подсчётам американской газеты «Вашингтон пост» к началу 1987 г. было заменено 70 % членов Политбюро, 60 % секретарей областных партийных организаций, 40 % членов ЦК КПСС брежневского набора».⁹

Уже «в 1985–1986 годах были введены в оборот «сверху» по инициативе Горбачёва: экономическая реформа, рынок, плюрализм, демократизация, приоритет общечеловеческих ценностей, забота о человеке, преодоление тоталитаризма, интеграция в мировую цивилизацию, обновление Союза и др.».¹⁰

Через СМИ была развёрнута широкомасштабная и хорошо скоординированная кампания антисоветизма и антикоммунизма с целью навязать обществу мнение о том, что в течение всех лет Советской власти у нас строилось не так и построено не то. Отсюда – «перестройка» с её многочисленными мифами, в том числе, о «застое» и «реформах» с целью уничтожения экономической и политической систем страны.¹¹

Спустя десять лет после прихода к власти, Горбачёв утверждал, что «когда я оказался во главе государства, уже было ясно, что со страной не ладно».¹²

Однако социально-экономическое развитие страны даёт основания для противоположного вывода. «К началу перестройки в 1985 г. по объёму промышленной продукции СССР превзошёл уровень 1913 г. в 205 раз и к 1900 г. – в 360 раз. Россия – соответственно в 190 и 330 раз».¹³

⁶ Крючков В.А. Личное дело. В двух частях. Ч. 2. М.: Олимп, АСТ, 1996. XX век глазами очевидцев с. 389–390; Крючков В.А. Последняя речь в Кремле // День. 1991. № 27, 15–21 декабря.

⁷ Широнин В. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996, с. 87.

⁸ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя Зла. М.: Крымский мост – 9Д, Форум. 2001, с. 170–171; Шевякин А.П. Там же, с. 165–166.

⁹ Согрин В. Политическая история современной России. 1985–1994; От Горбачёва до Ельцина. М., 1994, с. 17.

¹⁰ Россия сегодня: Политический портрет, 1985–1990 гг. / Отв. ред. Б.Ю. Коваль. М., 1991, с. 23.

¹¹ Дрожжин В.А. История отечественного государства и права 1985–1991 гг.: учебное пособие. СПб., 2008. С. 22.

¹² Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995, с. 6.

¹³ Волков Ф.М. Роль российского государства в развитии индустриального потенциала страны в XX веке // Российская государственность: тысячелетний опыт. Сб. статей. М., 1999, с. 93.

23 апреля 1985 г. на Пленуме ЦК КПСС Горбачёв констатировал: «Страна достигла больших успехов во всех областях общественной жизни. Опираясь на преимущества нового строя, она в короткий исторический срок совершила восхождение к вершинам экономического и социального прогресса. Советский Союз ныне располагает мощной, всесторонне развитой экономикой, квалифицированными кадрами рабочих, специалистов, учёных. По многим направлениям развития производства науки и техники мы прочно занимаем ведущие позиции в мире».¹⁴

8 мая 1985 г. на торжественном заседании по случаю 40-летия Великой Победы Горбачёв заявил: «подводя итоги истекших сорока лет можно с полным основанием утверждать, что на путях мирного развития социализм убедительно продемонстрировал свои огромные возможности и преимущества... Советское общество сегодня – это общество высокоразвитой экономики. В 16 с лишним раз по сравнению с предвоенным уровнем вырос национальный доход страны, в 24 раза поднялся выпуск промышленной продукции. Наша индустрия шагала вдвое быстрее, чем в развитых капиталистических государствах. Сегодня СССР производит больше, чем любая другая держава мира, чугуна и стали, нефти и газа, цемента и минеральных удобрений, станков, тракторов и зерноуборочных комбайнов, многих других видов продукции...».¹⁵

В принятом 9 июня 1989 г. Съездом народных депутатов СССР постановлении «Об основных направлениях внутренней и внешней политики», провозглашалась право народов на самоопределение, чем инициировало процесс дезинтеграции союзного государства путем принятия деклараций о суверенитете (независимости).

3 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял антигосударственный конституционный Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»¹⁶ согласно которого «решение о выходе союзной республики из СССР принимается свободным волеизъявлением народов союзной республики путем референдума (всенародного голосования).

12 июня 1990 года первый Съезд народных депутатов РСФСР принял «Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики»,¹⁷ в результате 25 миллионов русских оказались «за рубежом». Этот закон нанес смертельный удар по СССР.

Профессор при Колумбийском университете С. Биаллер в одной из вашингтонских газет охарактеризовал следующим образом эту декларацию: «Самая важная декларация о суверенитете была провозглашена не на нерусской периферии, а в самой России, в самом сердце Советского Союза. Документ российского парламента – революционная веха. Это, по существу, уничтожило Советский Союз».¹⁸

В стране началось уничтожение научно-технической мощи, производственного потенциала, агропромышленного комплекса, интеллектуального запаса, нравственных устоев. К началу 90-х годов оказалось почти полностью разрушенной индустриальная экономика и система ее управления.¹⁹

Разрушение СССР было перовой фазой задуманного ими уничтожения России как государства. Все дальнейшие помыслы и дела темных сил были направлены на ликвидацию уже РФ.

Разрушение государства помимо экономики достигается через уничтожение морали и нравственности, во-вторых, через ослабление образовательных, силовых и производственных сфер. Такой комплекс мер позволяет держать общество в распыленном состоянии²⁰.

¹⁴ Горбачёв М.С. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. // Коммунист. 1985. № 7, с. 5.

¹⁵ Горбачёв М.С. Бессмертный подвиг советского народа // Правда. 1985. 9 мая.

¹⁶ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 15. ст. 252.

¹⁷ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. ст. 22.

¹⁸ За рубежом. 1990. № 47, с. 2.

¹⁹ Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Политическая история России от становления самодержавия до падения Советской власти. М., 1999. с. 694.

²⁰ Шалыганов Ю.В. Проект Россия. Полное собрание. М., 2012. С. 352

Общепризнано что СССР был самой образованной державой. Начиная с 90 годов прошлого века в России осуществляется планомерное разрушение образовательной ее сферы. Объектом воздействия подрывных сил является общее, среднее профессиональное и высшее образование.

Одним из современных способов установления господства западных государств является навязывание западных демократических ценностей и порядков преподносимых как общечеловеческие, общепринятые и следовательно общемировые.

Страны и народы, которые, по мнению западных государств не отвечают стандартам демократии и не стремятся к ней объявляются недемократическими, тоталитарными или авторитарными, и представляющими угрозу демократии.

Максимальная задача Запада полный контроль над Россией, лишение ее государственного суверенитета, территориальное расчленение и ограничение границами московского государства периода XV – XVI веков.

Вместо фашисткой Германии, Запад и США, против России хочет выставить националистов и неофашистов всех мастей из разных стран.

Можно утверждать, что в настоящее время в Европе произошло возрождение фашизма. Начало этому процессу положили события в Югославии, когда страны НАТО используя технологии фашизма сначала организовали этнические чистки, а затем бомбардировки Сербии и Черногории продолжавшиеся 78 дней. Североатлантический альянс превратившийся в группового Гитлера безнаказанно бомбил территории беззащитных сербов и черногорцев, сбросив на их головы 22 тыс. тонн, в том числе 20 тыс. тяжелых авиабомб, 1,3 тыс. крылатых ракет, 37 тыс. кассетных бомб включая бомбы начиненные обедненным ураном. Под бомбами нефашистов погибли тысячи мирных граждан и военнослужащих. Практически полностью была уничтожена промышленная инфраструктура, разрушены более 2 тыс. населенных пунктов. Материальный ущерб от бомбардировок составил около 100 млрд. долларов.

Агрессия против Сербии и Черногории положила начало новому захвату западноевропейскими странами во главе с США восточных территорий Европы. Югославия была выбрана первой жертвой международного разбоя как страна, показывающая высокие темпы экономического развития, уступая по этому показателю только Китаю и Беларуси.

Активную роль в фашизации Европы играет Германия, правящие круги которой, имея уязвленное национальное самосознание, полученное в результате поражения во второй мировой войне и последующей капитуляции, вынашивает идеи политического и экономического реваншизма и построения очередного нового рейха.

Промежуточная задача Запада по разрушению России заключается в том, чтобы оторвать Украину от России, разместить там свои военные базы и широким фронтом выйти на границы России.

Навязывание западной демократии осуществляется не только с помощью мощного информационного воздействия, но и подкрепляется не менее мощным вооруженным воздействием.

Против России ведется широкомасштабная информационная война. По эффективности информационное оружие превосходит ядерное, так как оставляет после себя целую территорию, невредимую инфраструктуру и зомбированное население. России необходима хорошо организованная информационная политика и эффективные средства, и механизмы ее реализации.

В целях защиты информационной безопасности целесообразно создать и перейти на свой (российский, евразийский) интернет, ограничить количество телевизионных каналов и создать эффективный контроль содержания их продукции.

Важными направлениями обеспечения государственного суверенитета должны стать национальная ориентация экономики; государственный контроль стратегических отраслей экономики; изменение системы налогообложения; политика разумных потребностей; контроль и регулирование доходов.

Наряду с экономическими мерами обеспечения государственного суверенитета необходима оптимизация системы карательных механизмов в отношении отдельных категорий осужденных, которая может предполагать ограничение применения условно-досрочного освобождения; ограничения районов их проживания после освобождения; запреты на право занимать должности в органах государственной власти и местного самоуправления, на занятие педагогической и образовательной деятельностью.

В сложившихся условиях Россия может считать себя свободной от ранее принятых международных обязательств в области уголовно-правовой политики, связанных с членством в Совете Европы, которые наносят вред ее интересам, государственному суверенитету и национальной безопасности.

В области уголовно-правовой политики представляется необходимым отменить мораторий на смертную казнь; отказаться от пожизненного лишения свободы; восстановить ссылку и высылку; вернуть уголовно-исполнительную систему России в МВД и интегрировать ее в экономику страны.

Непременным условием восстановления абсолютного государственного суверенитета является возвращение России ее правопреемного имперского статуса. В этом плане восстановление России началось с возвращения в ее состав Крыма как незаконно отторгнутой части. Следующим этапом восстановления России должно стать возвращение Новороссии. В ближайшей перспективе возможно создание нового союзного государства России, Беларуси, Украины и Казахстана. В последующем в состав союзного государства могут войти и другие бывшие территории Российской Империи – СССР.

МЕТОДИКА РАСЧЕТА КОМПЛЕКСНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ УРОВНЯ ГОРОДСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

METHODS OF CALCULATE COMPREHENSIVE INDICATOR OF THE LEVEL OF URBAN CRIME

Собинина А.А.,
кафедра прикладной математики Института математики,
информационных и космических технологий
САФУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье рассмотрены методы экономико-математического моделирования для расчета комплексного показателя уровня городской преступности. Разработан алгоритм, позволяющий выполнить данный расчет, результаты которого можно использовать для составления сценарного прогноза. Для апробации предлагаемых методов использовались данные по трем городам Архангельской области: г. Архангельск, г. Северодвинск и г. Новодвинск.

Annotation. The paper presents methods of economic-mathematical modeling to calculate the complex index of the level of urban crime. The algorithm allows to perform the calculation, the results of which can be used to create a model forecast. In order to approve the proposed methods used data from three cities of Arkhangelsk Region, Arkhangelsk, Severodvinsk and Novodvinsk.

Ключевые слова: интегральный показатель, комплексный показатель, уровень городской преступности, методика расчета, анализ.

Keywords: integral index, complex index, level of city crime, calculation procedure, analysis.

Уровень городской преступности является одним из основных показателей, которые используются для оценки качества жизни и социальной напряженности [1]. Соответственно, изучение данного показателя в динамике является одной из актуальных задач.

Для анализа состояния преступности используются статистические данные о числе зарегистрированных преступлений и числе выявленных лиц, совершивших преступления. Количество зарегистрированных преступлений – это выявленные правоохранительными органами и официально зарегистрированные общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законодательством. Преступление считается зарегистрированным, когда оно поставлено на централизованный учет в информационном центре правоохранительных органов и включено в статистическую отчетность.

Функции по формированию и ведению оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетов, соответствующих баз данных, для обеспечения межведомственного информационного взаимодействия осуществляет отдел обработки информации информационного центра Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Архангельской области. Именно там были получены статистические данные по количеству зарегистрированных преступлений и количеству лиц, совершивших преступления.

Под криминалистическим оперативно-справочным учетом понимаются банк данных об известных (установленных) лицах и объектах, которые поставлены на учет в связи с их причастностью к событию преступления, либо о самих преступлениях [2].

Оперативно-справочные учеты содержат краткое описание объектов учета. Назначение этих учетов – представлять установочные сведения об объектах учета и указывать местонахождение этих объектов на момент запроса.

Стоит отметить, что при анализе состояния преступности не учитывается латентный характер преступлений, т.е. преступлений, которые были совершены, но по каким-либо субъективным

причинам не зарегистрированы. Латентность – свойство многих преступлений. Но вместе с тем можно выделить группы наименее латентных и наиболее латентных преступлений. Так к наименее латентным преступлениям относят убийства, тяжкие телесные повреждения, нарушения правил дорожного движения, повлекшие смерть потерпевшего. Из наиболее латентных можно назвать обман покупателей и заказчиков, нарушение правил торговли, взяточничество и ряд других преступлений.

Что касается лиц, совершивших преступления, то учету подлежат все лица, в отношении которых утверждено обвинительное заключение по конкретному преступлению. Если одним лицом было совершено несколько преступлений, то в статистике такое лицо будет отражено только один раз – по наиболее серьезному преступлению.

Для отображения распространенности преступности среди населения необходимо также учитывать численность населения, достигшего уголовно-наказуемого возраста – 14 лет. Это даст возможность вычислить вероятность того, что тот или иной человек от 14 лет и старше может попасть в число выявленных лиц, совершивших преступления. Данные о возрастном составе населения содержатся в органах Государственной статистики.

Для отчетности о состоянии уровня преступности необходимо обработать достаточно большой объем данных, которые формируются на основе запросов в отдел статистики Информационного центра УМВД России по Архангельской области. В настоящий момент времени процесс сбора и обработки статистических данных автоматизирован не полностью, что делает анализ динамики преступности достаточно трудоёмкой работой. Стоит отметить, что общая характеристика преступности складывается из нескольких показателей (состояние преступности, коэффициент преступности, структура преступности и т.п.), которые так же подвергаются анализу.

Очевидно, что комплексная количественная оценка текущего уровня городской преступности может быть проведена только с помощью сводного, интегрального показателя, который формируется множеством факториальных признаков, измеряемых соответствующими показателями [3].

Анализ сводного показателя позволит, в первую очередь, проследить изменения качества жизни городского населения во времени [4], а так же установить присущие преступности закономерности и наиболее точно спрогнозировать состояние преступности на будущее.

Предложенный в данной работе метод расчета комплексного индикатора основан на использовании регрессионного анализа. Суть метода заключается в том, что первоначально выдвигается гипотеза о зависимости комплексного индикатора от частных показателей и определяется доля влияния (вклад) каждого показателя на комплексный индикатор в отдельности. Далее, используя экономико-математические методы, строится регрессионная модель, которая проверяется на точность, значимость и адекватность. На основе полученных результатов делается вывод о принятии или непринятии гипотезы.

Если регрессионное уравнение значимо и адекватно, выявлена доля влияния каждого показателя на комплексный индикатор, то строится расчетная формула, описывающая форму их связи. Заключительный этап состоит в построении прогнозных значений уровня городской преступности.

Предложенный метод применим для расчета *комплексного индикатора городской преступности*. Расчет проведём, используя статистические данные по количеству преступлений, по числу лиц, совершивших преступление и по численности уголовно-наказуемого населения. В Архангельской области три города - Архангельск, Новодвинск и Северодвинск, - представляют крупную городскую агломерацию. Соответственно, анализ уровня городской преступности логично было бы проводить как раз по данным этих городов (таблица 1) [5-9].

Таблица 1

Показатели преступности по периодам наблюдений

Город	Архангельск			Северодвинск			Новодвинск		
Год	Показатели								
	Π	$\mathcal{C}_{\mathcal{L}}$	H_y	Π	$\mathcal{C}_{\mathcal{L}}$	H_y	Π	$\mathcal{C}_{\mathcal{L}}$	H_y
2008	11646	3049	306624	2802	1149	165760	1118	473	35780
2009	9641	2793	305633	2483	1053	164106	1085	401	35562
2010	9017	2727	307256	2286	1019	167633	858	366	34230
2011	8648	2436	306876	2745	1015	164676	703	361	33789
2012	8295	2900	307082	2340	1080	162474	609	333	33419

Выдвигаемая гипотеза о форме связи комплексного индикатора от показателей имеет следующий вид:

$$I_{\Pi} = \Pi \cdot \frac{\mathcal{C}_{\mathcal{L}}}{H_y}, \quad (1)$$

где Π - количество преступлений, зарегистрированных в городах, $\mathcal{C}_{\mathcal{L}}$ - число лиц, совершивших преступления, H_y - численность населения, достигшего уголовно-наказуемого возраста (14 лет). Расчетные значения комплексного индикатора городской преступности приведены в таблице 2.

Таблица 2

Комплексный индикатор уровня городской преступности

Город	Архангельск	Северодвинск	Новодвинск
Год			
2008	115,81	19,42	14,78
2009	88,10	15,93	12,23
2010	80,03	13,90	9,17
2011	68,65	16,92	7,51
2012	78,34	15,55	6,07

На рисунке 1 показана динамика значений комплексного индикатора за период с 2008 по 2012 год, согласно таблице 2.

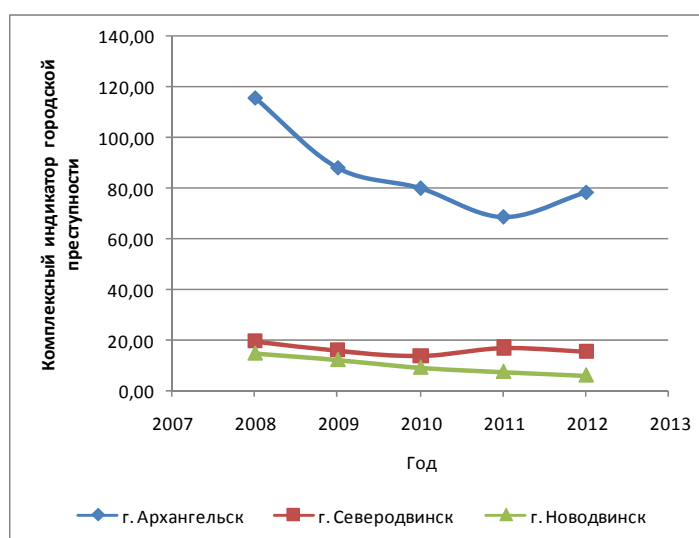

Рисунок 1 – Динамика значений комплексного индикатора городской преступности

Для оценки влияния показателей на комплексный индикатор по отдельности и в совокупности были построены линейные регрессионные модели и рассчитаны коэффициенты эластичности.

Анализ параметров моделей регрессии, коэффициентов эластичности и средних коэффициентов эластичности позволил получить следующие выводы: более тесная связь отмечена между количеством зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших, и полученным комплексным индикатором. Влияние численности населения, достигшего уголовно-наказуемого возраста, на индикатор слабее.

Оценив качество построенных уравнений парных и множественной регрессий, в качестве лучшей модели можно выделить множественную зависимость комплексного индикатора от совокупности показателей, т.е. влияние показателей в отдельности слабее, чем их совместное влияние на индикатор.

Методом регрессионного анализа, предположив, что тенденция изменения каждого из показателей, включенного в формулу расчета индикатора, останется неизменной, были построены прогнозные значения показателей, входящих в формулу (1), на основе которых были получены значения уровня преступности на 2013 год и прогноз уровня городской преступности на 2014 – 2015 годы. Проверив полученное значение индикатора за 2013 год с реальной ситуацией по уровню преступности в регионе, можно сказать, что прогноз достоверный, т.к. в 2013 году действительно было отмечено снижение преступности. Анализ прогнозных значений на 2014 и 2015 год позволяет сделать вывод о том, что в эти годы будет наблюдаться спад уровня городской преступности в Архангельской области (рисунок 2).

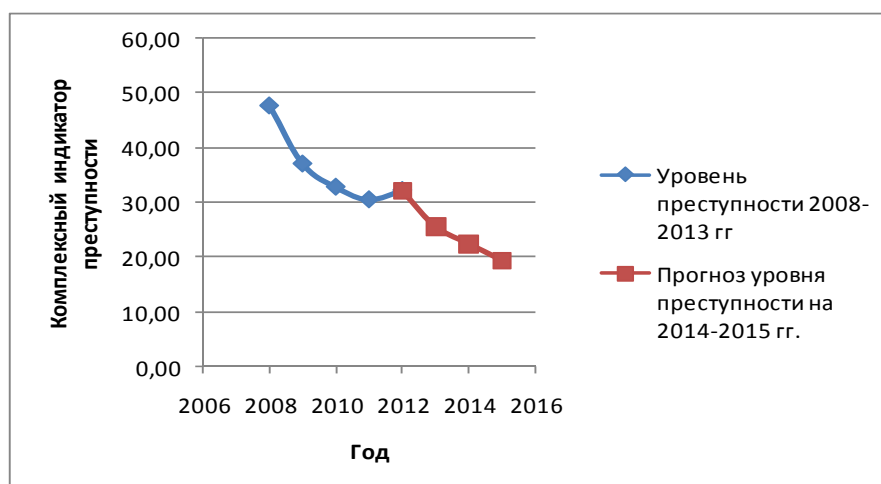

Рисунок 2 – Динамика индикатора городской преступности за 2008 – 2013 гг., включая прогнозные значения на 2014 и 2015 гг.

Таким образом, изучив параметры, входящие в формулу расчета комплексного индикатора городской преступности (1), можно сделать о том, что формула действительно применима для отражения уровня преступности как в одном конкретном городе, так и по области в целом. Данный вывод подтверждают проведенные расчеты и их анализ. В этой связи для общей характеристики преступности отпадает надобность анализировать показатели (количество зарегистрированных преступлений, количество лиц, их совершивших, число уголовно-наказуемого населения) в отдельности, используя формулу (1), можно рассчитать комплексный индикатор преступности и, анализируя его, охарактеризовать состояние преступности на сегодняшний день, а также построить прогноз на ближайшие годы. Кроме того, предложенная методика может быть использована для совершенствования программного обеспечения информационных центров органов внутренних дел, что даст возможность автоматизировать процесс обработки статистических данных.

Литература:

1. Казакова А.Ю., кандидат социологических наук доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин РГГУ, филиал в Калуге Башманов В.В. заместитель начальника отдела Управления МВД России по Калужской области «СОЦИАЛЬНОЕ ДНО» И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ РЕГИОНА (на примере г. Калуга)
2. Аленин А.П. Криминалистические учеты органов внутренних дел: учеб. пособие. - Омск., - 2008. - С.87
3. Звягинцева О.С. Оценка уровня инвестиционной привлекательности регионов на основе комплексной методики определения интегрального показателя / ЕВРАЗИЙСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, Проблемы современной экономики, № 1 (33), Секция: Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов [Электронный ресурс]. - Режим доступа URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3023> Заглавие с экрана (дата обращения 07.10.13 г.)
4. Показатели преступности и методы их определения [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.be5.biz/pravo/ksav/21.htm> Заглавие с экрана (дата обращения 06.10.13 г.)
5. Распределение населения Архангельской области по полу и возрасту на 1 января 2009 года. Статистический сборник. – Архангельск, 2009. - 142 с. С.56 – 141.
6. Распределение населения Архангельской области по полу и возрасту на 1 января 2010 года. Статистический сборник. – Архангельск, 2010. - 142 с. С.57 – 142.
7. Распределение населения Архангельской области по полу и возрасту на 1 января 2011 года. Статистический сборник. – Архангельск, 2011. - 142 с. С.56 – 141.
8. Распределение населения Архангельской области по полу и возрасту на 1 января 2012 года. Статистический сборник. – Архангельск, 2012. - 142 с. С.54 – 139.
9. Распределение населения Архангельской области по полу и возрасту на 1 января 2013 года. Статистический сборник. – Архангельск, 2013. - 142 с. С.56 – 140.

**ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
НА ОБЩЕСОЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ ПРОФИЛАКТИКИ**

**THE MAIN MEASURES OF COUNTERACTION
TO CORRUPTION ON THE PREVENTIVE SOCIAL LEVEL**

Стебенева Е.В.,
старший преподаватель,
кандидат юридических наук,
кафедра криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления противодействия коррупции на общесоциальном уровне профилактики и причины, способствующие существованию и воспроизводству данного социального негативного явления.

Elena Victorovna Stebeneva, the senior teacher of chair criminology St.- Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law. Russia, St.-Petersburg, Pilot Pilyutov str., 1.

Annotation. the main trends of counteraction to corruption on the preventive social level and the causes favouring the existence and restoration of a given social negative phenomenon are considered in the article.

Ключевые слова: коррупциогенные факторы, противодействие коррупции.

Keywords: corruption prone factors, counteraction to corruption.

Одним из приоритетных направлений государственной политики в современной России является борьба с коррупцией, которая представляет реальную угрозу стабильному экономическому, политическому развитию страны и общества. В свою очередь это обуславливает необходимость обеспечения государственной и общественной безопасности, выполнения важнейших социальных, экономических, политических преобразований, направленных на создание благоприятных условий реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Так, только за 2013 год по данным ГИАЦ МВД России было выявлено свыше 42 тысяч преступлений коррупционной направленности.¹ Вызывает тревогу и результаты общественного мнения по оценке уровня коррупции в России. Согласно исследованиям, проведенным общественной организацией Транспаренси Интернешенел, за последние 9 лет уровень восприятия коррупции в нашей стране достаточно высокий. Индекс России не поднимается выше трех баллов (или 30 начиная с 2012 года, так как была изменена балльная шкала), что показывает широкую распространенность коррупции, согласно опроса граждан, представителей общественных организаций и бизнес сообществ.²

Одной из причин повсеместного распространения коррупции является нацеленность большинства населения, особенно молодежи, на достижение материальных ценностей и благ, на высокий «имущественный» статус, что приводит к снижению актуальности духовных ценностных ориентиров в жизни (здоровье, любовь к близким, патриотизм и т.п.). Отмечается тенденция к возрастающему потреблению («общество потребления»³), к материальному удовлетворению взамен духовному, что приводит к преобладанию в системе ценностей физического комфорта и различных

¹ По данным статистической формы отчетности «1-КОРР» ГИАЦ МВД России за январь-декабрь 2013 года // ЦСИ ГИАЦ МВД России, 2014.

² Данные об индексе восприятия коррупции «Transparency International» (Трансперенси Интернешнл) по странам мира за 2005–2013 гг. [Электронный ресурс] // официальный интернет-сайт Transparency International. URL: www.transparency.org/cpi (дата обращения 10.06.2014 г.).

³ Гишинский Я.И., Шипунова Т.В. Девиантность в обществе потребления. Монография. – М.: Алеф-Пресс, 2012

форм материального потребления, к терпимости в обществе к проявлениям коррупции (к толерантности в отношении коррупции), так как это является тоже своего рода потреблением с использованием служебного положения и должностных полномочий.

В связи с этим актуализируется необходимость оздоровления социальной морально-психологической среды и создание в обществе обстановки нетерпимости к коррупционным проявлениям. Данное направление профилактики следует реализовывать через проведение ряда мер (которые в ряде регионов уже применяются):

- использование средств массовой информации, наглядной агитации для пропаганды антикоррупционной политики, проводимой в стране (плакаты, фильмы, статьи о недопустимости проявления коррупции, о фактах привлечении к ответственности чиновников за коррупционные преступления и т.п.);

- применение телефона доверия, для анонимного сообщения о фактах коррупции (например, с 2009 года в Санкт-Петербурге действует «горячая линия» «Нет коррупции!», которая включает постоянно действующую телефонную линию и электронный почтовый ящик на официальном сайте Правительства Санкт-Петербурга);

- увеличение в средствах массовой информации доли социальной рекламы, не направленной на приобретение товаров, услуг и т.д.

- в дошкольных, общеобразовательных, в средних и высших образовательных организациях ориентировать молодежь на ценности нематериального характера с помощью средств пропаганды, проведения занятий с участием официальных представителей различных конфессий, психологов, социологов (например, проведение «Уроков добра», проповедей, лекций по морально-психологическому воспитанию и т.п.); привлечения в качестве волонтеров;

- соблюдение должностными лицами при осуществлении служебных обязанностей определенных правил, антикоррупционного стандарта поведения (регулирование конфликта интересов, предоставление сведений о доходах и расходах т.п.) и др.

Немаловажную роль играет правовое информирование граждан, так как виктимологический аспект коррупционной преступности нередко характеризуется правовой безграмотностью потерпевших, выраженной в незнании действующих законов, низким уровнем правовой культуры в целом, несовершенным механизмом контроля со стороны государства. Такое положение дел искусственно создает условия, способствующие росту произвола со стороны должностных лиц и воспроизводству коррупции в государственных органах.

В связи с этим необходимо обеспечивать не только доступность информационно-правовых систем по действующему российскому законодательству, но и законодательным органам обеспечивать публикацию принятых ими нормативно-правовых актов в официальных источниках, в том числе и ведомственных приказов, инструкций (если не содержат сведений ограниченного доступа). Это способствует обеспечению прозрачности в деятельности государственных органов, способствует предупреждению возможных с их стороны злоупотреблений.

Следующую причину существования коррупции в современном обществе можно определить как отсутствие жесткой политической воли при проведении антикоррупционной политики.

Это определяет одно из направлений противодействия коррупции на общесоциальном уровне профилактики – совершенствование политической системы российского общества. Зачастую приходится наблюдать спад интенсивности антикоррупционной борьбы. Так, активность борьбы с коррупцией снизилась в 56 субъектах Российской Федерации (Приморский край, Астраханская,

Амурская области и др.).⁴ В то время когда ежегодные потери российской экономики от коррупции составляют около 2-4 трлн. рублей.⁵

Поэтому с целью эффективного противодействия коррупции необходимо:

- наличие единой и целенаправленной политической воли по планомерному, непрерывному и постоянному противодействию коррупции в противовес политической спекуляции проблемой коррупции⁶, подмене политической воли политическими лозунгами борьбы с коррупцией;

- разработка действенного государственного механизма, который позволял бы на всех уровнях государственной власти, во всех сферах общественной жизни проводить мероприятия (подкрепленные законодательно, материально, кадровыми ресурсами) по профилактике, борьбе с коррупцией и по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений;

- обеспечение прозрачности, гласности в деятельности государственных и муниципальных органов, тем самым способствуя усилению социального контроля и др.

Составляющей противодействия коррупции на общесоциальном уровне профилактики является проведение организационно-управленческих мероприятий, играющих обеспечивающую роль в эффективном механизме проведения антикоррупционной политики. К ним относятся: сокращение бюрократического аппарата путем реорганизации государственных структурных подразделений, исполняющих дублирующие функции, упразднение бюрократических процедур, ротацию руководящего кадрового состава, совершенствование системы учетно-регистрационной дисциплины, отчетности и статистики и др.

Также к организационно-управленческим мероприятиям следует отнести создание специализированных государственных и общественных организаций, осуществляющих контроль (в том числе и социальный) за соблюдением государственных, муниципальных органами и их должностными лицами законности, прав и свобод человека и гражданина. Данные органы также призваны осуществлять мониторинг изменений преступности, в том числе и коррупционных преступлений, детерминирующих ее факторов, с целью определения стратегии и тактики борьбы с ней с учетом реальных социально-экономических, политических условий, состояния общественного сознания, правоохранительной системы. Примерами могут служить создание Совета по развитию гражданского общества и правам человека⁷, членами которого стали представители политических партий и общественных объединений, малого и среднего бизнеса, средств массовой информации, культуры, известные в стране люди.

Одним из организационно-управленческих методов противодействия коррупции мог бы стать федеральный (региональный) регистр, перечень лиц, которым запрещено занимать должности в государственных, муниципальных органах.

К мерам противодействия коррупции на общесоциальном уровне также следует отнести совершенствование антикоррупционного законодательства и проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов, а также ряд других мер⁸.

⁴ Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2010 году: аналитические материалы. – М.: МВД России, 2011 г. – С. 42.

⁵ В.В. Глухов, М.В. Жерновой, Е.В. Глухов Криминологическая характеристика преступлений в сфере экономической деятельности // Криминологический журнал БГУЭиП. – 2012. – №4. – С. 69 – 75.

⁶ Политическая спекуляция проблемой коррупции – политическое явление, заключающееся в искажении статистических, социологических и иных данных о реальном состоянии коррупционной преступности в государстве или регионе, совершаемом для достижения политических и групповых (ведомственных) целей или интересов // Бикмухаметов А.Э., Газимзянов Р.Р., Кабанов П.А. и др. Коррупция и антикоррупционная политика: Словарь-справочник / под общей ред. Кабанова П.А. – М.: Медиа-Пресс, 2008.

⁷ Указ Президента РФ от 01.02.2011 г. №120 «О создании Совета по развитию гражданского общества и права человека» // Российская газета–Федеральный выпуск. – 2011. – 04 февраля. – № 5399.

⁸ См. подробнее Горшенков Г.Н. Антикоррупционная политика в России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. – 2010 – № 2(19). –С. 17–23; Е.В. Стебенева Коррупция как одна из составляющих теневой экономики России: место, роль и значение в

Несомненно коррупция выступает как одна из системных угроз национальной безопасности России, так как это явление с отрицательными социально-экономическими последствиями, которое искажает цели и ценности страны, служит показателем недостаточной состоятельности государства предупредить и пресечь данное явление в обществе. В связи с этим осуществление поступательного, планомерного и непрерывного противодействия коррупции на различных уровнях профилактики (общесоциальном, специально-криминологическом, индивидуальном), будет способствовать эффективности принимаемых мер по борьбе с данным негативным социальным явлением.

**КОНЦЕПТ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В АСПЕКТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ**
**THE CONCEPT OF ORGANIZED CRIME
IN THE ASPECT OF POSTMODERN CRIMINOLOGICAL THEORIES**

Топильская Е.В.,
доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала
ФГБОУВПО «Российская академия правосудия»
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье рассматривается генезис организованной преступности с точки зрения постмодернистских криминологических теорий, в частности – с точки зрения конститутивной криминологии. Прослеживается трасса дискурса – из Северной Америки, и структура значения – организованная преступность как извлечение преступных доходов из незаконных поставок запрещенных к свободному обороту товаров и услуг. Отмечается эффект метанарратива в генезисе организованной преступности, когда с помощью текстуальных повествований, в том числе и художественного толка, предлагающих известные явления в определенной коннотации, происходит самолегитимизирование социального явления, которое позиционируется как новая форма проявления преступности.

Annotation. The article deals with the genesis of organized crime from the point of view of postmodern criminological theories, in particular – of the constitutive criminology. The route of discourse is followed, from Northern America, and the meaning structure as obtaining a material benefit from the illegal delivery of forbidden goods or services. Here is marked the meta-narrative effect in the genesis of organized crime, when the auto-legitimation of the social phenomenon takes place owing to the fact of narrations, media or fiction, in which the special connotation of that phenomenon is proposed, the connotation of the new form of criminal manifestation.

Ключевые слова: организованная преступность, конститутивная криминология, постмодернизм.

Key-words: organized crime, constitutive criminology, postmodernism.

Постмодерн, как характеристика современного состояния развитых обществ в эпоху информатизационной и научно-технической революций, не мог не коснуться такого элемента социума, как преступность, особенно в силу интенсивного проникновения криминальной субкультуры в массовую культуру. Идеи постмодернизма предсказуемо заняли значительное место в социологическом сегменте криминологии. Благодаря этим идеям большинство криминологов называют социально-экономическое неравенство основной причиной преступности в современном обществе, а также критически переосмысливают методы и средства социального контроля над преступностью.¹ Преступность воспринимается как социальный конструкт, интегральный продукт общества, и не может быть отделена от глобального структурного и культурного контекста. И одно из важнейших положений постмодернистской конститутивной криминологии (считающейся наиболее полной и последовательной постмодернистской криминологической теорией),² о том, что преступность воз-

¹ См.: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Юридический центр Пресс. - 2009. С.155-156.

² См.: Cowling M. Postmodern Policies? The Erratic Interventions of Constitutive Criminology// Internet Journal of Criminology. 2006. - [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.internetjournalofcriminology.com/Cowling-PostmodernPolicies.pdf> (дата обращения 19.06.2014).

никает в момент создания социальных особенностей в процессе дискурса,³ имеет особое значение для объяснения феномена организованной преступности, поскольку этот феномен возник и развился в обозримом историческом периоде, и в когнитивном аспекте породил споры о том, является ли организованная преступность рядовым элементом системы преступности, или же обладает качественными отличиями от прочей преступности, представляя собой целостную систему с собственными аддитивными свойствами. «Организованная преступность – не сумма преступных организаций или преступлений, совершаемых ими. Это качественно новая характеристика такого состояния преступности, когда она встроена в социальную систему, оказывая существенное влияние на другие элементы системы, прежде всего – на экономику и политику».⁴ Это определение дано авторами, настаивающими на том, что организованная преступность, как и преступность в целом, – по своей природе не что иное как социальный конструкт: Я.И.Гилинским и Я.В.Костюковским.

Учитывая господствующий в постмодернистском направлении взгляд на социальную реальность как на то, что конструируется, в процессе социального взаимодействия, посредством языка, знаков, символов, текстов, можно подойти к феномену организованной преступности как к продукту представлений – идей и образов, произведенному человеческими субъектами на основе публикаций в средствах массовой информации, художественных произведений, документальных повествований, сообщений правоохранительных органов, исследований криминологов. «Чем больше мы говорим о преступности, чем больше создаем программ по предотвращению и контролю преступности, тем больше преступлений мы производим».⁵ Так существует ли организованная преступность объективно, как целостная система с собственными аддитивными свойствами, или является продуктом социальной реакции на усложнение традиционной преступной деятельности?

В Американской исторической энциклопедии говорится, что термин «организованная преступность» («organized crime») начал избирательно применяться в 1920-х годах, по отношению к определенным криминальным группам, зачастую объединенным по этническому признаку, и использовался, чтобы подчеркнуть опасный характер этих объединений и их деятельности. При этом криминальные группы, которые считались частью «организованной преступности», на самом деле редко были выстроены иерархически и обладали той влиятельностью, которую им приписывали. В 1967 г. Президентская Комиссия по правоохранительным органам и судебной деятельности США опубликовала отчет об организованной преступности, основанный главным образом на результатах ФБР-овского прослушивания переговоров. В отчете объявлялось, что двадцать четыре картеля, состоявших исключительно из американцев итальянского происхождения, объединились по всей стране для подпольного игрового бизнеса, ростовщичества и торговли наркотиками. На борьбе с этой угрозой были сконцентрированы все силы правоохранительных органов. Новостные издания в деталях расписывали ход расследования, в то время как романы и кинофильмы типа «Крестного отца» (1972) создавали у публики яркие и явно преувеличенные впечатления о всесильности мафиозии. Сконцентрированность федеральных и местных органов уголовного преследования на «итальянских» американцах, в сочетании с активностью СМИ, упрочили убежденность во влиятельности таких преступных групп, в то время как сложные и разнообразные причины преступности игнорировались. В 1970-е термин «организованная преступность» таким же образом был распространен на зарубежные наркокартели или на влиятельные и процветающие отечественные преступные организации, занимающиеся наркоторговлей. В относительно недавнем прошлом, в связи с развитием международной торговли и банковской деятельности, в сочетании с компьютеризацией международной экономики, в понятие «организованной преступности» были включены «отмывание» денег,

³ См.: Сморгунова А.Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена. – 2005. С.75.

⁴ Конструирование девиантности / Сост. Я.И.Гилинский. - СПб.: Изд-во ДЕАН. - 2011. С.155.

⁵ Сморгунова А.Л. Указ.соч. С.78. (автор упоминает работы представителей конститутивной постмодернистской криминологии - профессора государственного университета Сан-Диего, Калифорния, США, Стюарта Генри и и его соавтора Драгана Миловановича).

мошеннические операции с банковскими счетами и кредитными картами и другие виды преступлений, характерные для современной экономики, указывается в энциклопедии⁶. Таким образом, американский концепт организованной преступности в полном соответствии с постмодернистской криминологией восходит к идее заместительного дискурса. Периодически повторяющийся дискурсивный процесс содержательно характеризовался деконструированием концепции этнической преступности (итальянские иммигранты извлекают преступные доходы из теневых видов деятельности - торговли наркотиками, подпольных казино и т.п.) и замены ее новой концепцией (теорией криминального заговора, «conspirasy», некой особенной части преступности).

В международном масштабе следует обратить внимание на Миланский план действий⁷ – документ ООН 1985 года, положивший начало перманентному мировому процессу по предупреждению и противодействию организованной преступности. Термин «организованная преступность» встречается в тексте данного документа единожды, в п. 5 «g» (и едва ли не впервые в официальном документе ООН, если не считать повестки дня Пятого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 1975 г., на котором обсуждались новые формы преступности, включая организованную преступность как форму бизнеса),

В рабочих документах Пятого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1975 г.) упоминается, что озабоченность общественности видами преступности, включаемыми в понятие «преступности как формы бизнеса», – коррупцией, организованной преступностью и так называемой «преступностью белых воротничков», то есть преступностью служащих, – на тот момент была незначительной, хотя одним из объяснений отсутствия озабоченности могли являться прочные связи с теми лицами, от которых зависит юридическое и обывательское представление о преступности, а иногда преступники являлись теми же самыми лицами.⁸ Но даже при условии преуменьшения в глазах общественности экономических и социальных последствий преступности как формы бизнеса, организованная преступность, как отмечалось на Пятом Конгрессе, процветала в различной степени почти во всех частях мира, и в особенности – в Северной Америке, где достигла современного уровня развития в период «сухого закона», когда потребление и продажа спиртных напитков запрещались национальным законом, и таким образом организованной преступности была дана возможность незаконно поставлять товар, который нельзя было достать законным путем.⁹

Таким образом, можно проследить трассу дискурса – из Северной Америки, равно как и структуру значения – организованная преступность как извлечение преступных доходов из незаконных поставок запрещенных к свободному обороту товаров и услуг. Налицо эффект метанарратива, когда с помощью текстуальных повествований, в том числе и художественного толка, предлагающих известные явления в определенной коннотации, происходит самолегитимизирование социального явления, которое позиционируется как новая форма проявления преступности. Эта форма, как никакая другая ранее, самолегитимизируется за счет специфической социальной реакции, в которой перемешаны осознание серьезной угрозы со стороны преступности и в то же время стремление к ее романтизации, особенно за счет быстро сформировавшейся субкультуры организованной преступности, напрямую отсылавшей к теории заговоров, истории тайных обществ, благородных разбойников и т.п. Американские исследователи описывают процедуру посвящения неофита в чле-

⁶ См.: Organized Crime: US History Encyclopedia. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.answers.com/topic/organized-crime> . (дата обращения - 24.05.2014).

⁷ См.: Организация Объединенных Наций (ООН) - [Электронный ресурс] – режим доступа: [http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/482/59/IMG/NR048259 . pdf?OpenElement](http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/482/59/IMG/NR048259.pdf?OpenElement) . (дата обращения 18.05.2014). Документы A/40/482 и Con.2, и A/40/751.

⁸ См.: Пятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями / Изменения в формах и масштабах преступности – международной и внутригосударственной. Рабочий документ, подготовленный секретариатом. A/CONF.56/3.

⁹ См.: там же.

ны преступной организации, которая с небольшими модификациями сохраняется в течение более чем 60 лет. «"Каким пальцем ты стреляешь?" Я сказал: "Этим", – и поднял указательный палец правой руки... Он... велел мне сложить ладони чашечкой. Затем он положил мне в руки лист бумаги, зажег его спичкой и велел повторять вслед за ним...: "Вот так я сгорю, если предам тайну этой "Коза ностра"» (1968 г., посвящение в «семью» Дженовезе).

«Он (босс Пол Каstellано)... задал мне несколько вопросов... Одним из последних вопросов... был вопрос о том, убил бы я человека, если бы он попросил меня это сделать. Я сказал ему: «Да». Он спросил меня, каким пальцем я нажимаю на спусковой крючок... уколол его иголкой, показав кровь. Он положил палец на (изображение) святого и стал поджигать этого святого, пока я держал того в руке. Он сказал, поклянись честью. Он сказал мне, что если я разглашу какую-либо из тайн этой организации, моя душа будет гореть так же, как горит этот святой. Я поцеловал его в обе щеки. Я поцеловал всех, кто там был... Они сказали мне, чтобы я вошел в середину их круга... и в этот момент сказали мне, что я стал членом их братства. Я был принят в члены и теперь принадлежал к этой организации» (1992 г., посвящение в члены «семьи» Гамбино).¹⁰

В Советском Союзе существование организованной преступности было признано на официальном уровне только тогда, когда игнорировать соответствующие изменения преступности стало невозможно. При этом концепция нарратива в полной мере реализовалась по отношению к организованной преступности тем обстоятельством, что о ее существовании в нашей стране было заявлено со страниц литературно-художественного издания – «Литературной газеты».

20 июля 1988 года в этом издании было опубликовано интервью с Александром Гуровым – старшим научным сотрудником ВНИИ МВД, в прошлом оперуполномоченным уголовного розыска, под характерным названием: «Лев прыгнул!» Интервью открывалось сенсационным заявлением: «Слово “мафия” уже до такой степени вошло в наш лексикон, что, скажи кому-нибудь, вздохнув: “Куда денешься - мафия...”, – тебя не спросят: “Что, тревожно в Италии, да?”». Мы сжились с этим словом настолько, что к чему только и кому его не приклеиваем. К магазинам, НИИ, баням, кафедрам, творческим союзам, больницам, пивным палаткам, сантехникам, дипломатам, проституткам, мясникам, шахматистам, билетным кассирам; к городам, областям, республикам, к незаметным на карте поселкам и к столичным центрам.

Но за догадками, намеками стала пробиваться и истина, бесстрастная и холодная. Мафия – не красивый образ, мафия – реальность, болезнь, о которой мы раньше беспечно думали, что уж она-то нашему обществу не грозит.

– Мафию, – говорит А.И. Гуров, – характеризуют три признака. Во-первых, это преступное сообщество, которое имеет четкую структуру и иерархические связи: есть главарь (или группа главарей), держатель кассы, связники, боевики, разведка, контрразведка». ¹¹

В этом определении «мафии» нет ничего необычного для преступных групп; в советских уголовных кодексах 1922, 1926 и 1960 г. фигурировали составы групповых преступлений – бандитизма, группового разбоя; правоохранительной системе было известно о существовании лидеров преступного мира, воровских кассах-«общаках» и пр. Данный нарративный эксцесс зафиксировал лишь изменившуюся социальную реакцию на возрастающую опасность преступности. В дальнейшем на долю российских криминологов выпало, по словам Я.И. Гилинского, отмечать «исторически меняющиеся представления об организованной преступности и ее правовом и догматическом ре- и деконструировании». ¹²

¹⁰ Абадинский Г. Организованная преступность: пер. с англ. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та.- 2002. С.41-42.

¹¹ Щекочихин Ю. Лев прыгнул! //Литературная газета, 1988, 20 июля.

¹² Конструирование девиантности. С.160.

То, что мы рассматриваем организованную преступность как социальный конструкт, не отменяет ее объективного существования; социальный институт встроился в социальную систему и стал поддерживать себя в том числе и тем, что впитывает реакцию других на себя.

Учитывая, что идея об организованной преступности как о социальном конструкте поддерживается рядом отечественных криминологов, не следует пренебрегать и предложениями конститутивной криминологии по уменьшению вреда от преступности и преступлений, путем «освобождающего заместительного дискурса», идеологических и материальных перемен, изменения практик контроля преступности.¹³ Речь идет о реконструировании публичного восприятия организованной преступности: об исключении романтического флера в художественном нарративе, адекватном воздействию средств массовой информации на элементы криминологической ситуации. Пока же видные фигуры криминалитета привлекают не меньший интерес обывателей, чем звезды шоу-бизнеса, и средства массовой информации с готовностью удовлетворяют этот интерес. К примеру, в январе 2013 года в Москве был убит Аслан Усоян – известный по его преступному прозвищу как Дед Хасан, неоднократно судимый, в 1968 году «коронованный» по преступным обычаям, то есть получивший звание «вора в законе», высшее в преступной иерархии. Пресса характеризовала его как «самого известного и влиятельного представителя криминального мира на постсоветском пространстве».¹⁴ О самом убийстве, о похоронах Усояна сообщили все ведущие новостные агентства страны, репортажи об этих событиях размещались на первых полосах газет. Жизнь и смерть «патриарха воровского мира» активно обсуждалась в интернет-блогах большого числа людей, далеких от криминала и уголовной юстиции. Газета «Коммерсант» опубликовала фотографию, запечатлевшую венки на могиле Усояна от курдского криминального авторитета Садко, с надписью «Великому патриарху воровского мира, дедушке Хасану...».

Изменение медийной подачи информации об организованной преступности и ее представителях должно стать одним из основных положений уголовной политики, и, по мнению конститутивных криминологов, привести к постепенному реконструированию преступности. Безусловно, этот путь воздействия на организованную преступность не должен считаться панацеей, но это – путь, по которому может идти гражданское общество даже при отсутствии государственной поддержки.

¹³ См.: Сморгунова А.Л. Указ соч. С.79.

¹⁴ Газета «Коммерсантъ», 2013, 21 января, № 9/П (5040).

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ПЕРВИЧНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

THE POTENTIAL OF SOCIAL PEDAGOGY IN THE PRIMARY PREVENTION OF ADDICTIVE BEHAVIOR

Ус О.А.,

преподаватель кафедры общей и социальной педагогики
факультета педагогики, психологии и коммуникативистики,
Кубанский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу потенциала социальной педагогики в первичной профилактике аддиктивного поведения.

Annotation. The article is devoted to analysis of the potential social pedagogy in the primary prevention of addictive behavior.

Ключевые слова: социальная педагогика, девиантное и аддиктивное поведение, первичная профилактика, формирование потребности в самообразовательной деятельности, самоуважение, самообучение, самовоспитание.

Key words: social pedagogy, deviant and addictive behavior, primary prevention, the formation of needs in self-educational activity, self-respect, self-learning, self-education.

Характерной чертой постмодернистской эпохи – эпохи симуляров (Ж. Бодрийяр, 1981), эпохи двусмысленности – является прогрессирование устоявшихся и появление новых девиаций, в том числе аддикций: алкоголизм, наркомания, табакокурение, гэмблинг (азартные игры), интернет-зависимость, работооголизм, пищевые аддикции, сексуальные аддикции, зависимость от деструктивных религиозных культов, шопоголизм и т.п.

Общество в целях предотвращения дезорганизации и распада в эпоху перенасыщения и потребления, должно обеспечить важнейшее условие социального взаимодействия и эффективного функционирования – предсказуемость социальных действий и социального поведения людей.

Общество должно обеспечивать воспроизведение социально-приемлемых отношений и взаимодействий. Одним из основных средств является социальный контроль. Основная цель социального контроля заключается в способности различения позитивно-конструктивных отклонений, социальных норм (которые необходимо поощрять), и негативно-дисфункциональных отклонений (где необходимо применять определенные санкции негативного характера, например правовые).

Агенты общественного социального контроля не только наблюдают за правильностью усвоения и реализацией образцов социального поведения, но и обучают индивида правилам поведения в процессе социализации, то есть обеспечивают социальную практику механизмов социальной регуляции. Одним из таких механизмов являются педагогические науки, в частности социальная педагогика.

Социальная педагогика в России, как отдельная наука, относительно молодое, но достаточно прогрессивное явление. Социальная педагогика исследует и организует процесс влияния социальной среды на формирование личности, т.е. ищет ответы на главные вопросы: «Как лучше обустроить социализацию? Каковы пути построения позитивно-конструктивной личности?».

Позитивно-конструктивная личность - это свободная личность, в первую очередь, независимая от различных аддикций.

Проблема аддиктивного поведения - одно из современных масштабных бедствий в России. Отмечено, что статистика аддикций стремительно молодеет. Например, в настоящее время пик са-

мого массового приобщения к «выпивке» перешел в возрастную группу 14-15 лет. Все чаще алкоголь называют «легальным наркотиком».

По данным Генпрокуратуры в стране 178 тыс. детей-алкоголиков, возраст первой пробы – 10-12 лет. Показатели женского алкоголизма возросли в четыре раза за последние 10 лет. Сегодня только на официальном учете состоит 418 тыс. алкоголичек, но по экспертным оценкам, их в 10 раз больше.[5]

«Статистический айсберг» пугает не явными цифрами, а подводной частью. По мнению многих исследователей, чтобы узнать более-менее реальное положение дел необходимо официальные данные статистики умножать, в среднем, на пять.

Зависимое поведение, в силу определенных психофизиологических особенностей, в детском (подростковом) возрасте формируется в сжатые сроки, обычно тем быстрее, чем раньше начато приобщение к аддикции. Нередко зависимость формируется в течение 2 - 4 лет. Результаты исследований подтверждают, что склонность к аддиктивному поведению определяется феноменом психологической готовности. Она заключается в «неспособности адекватного восприятия ситуаций, связанных с необходимостью преодоления жизненных трудностей, налаживания отношений с окружающими, правильной регуляции своего поведения» [4]. Психологическая готовность, как совокупность личностных особенностей, препятствует нормальной социальной адаптации и социализации подростка. Однако проявляется не всегда, находясь как бы в «спящем» состоянии. Зато она активизируется в ситуации затрудненности или неудовлетворения социально-значимых потребностей человека. Это «слабое звено» в процессе социализации личности, которое обуславливает желание «ухода от реальности» или эскейп-реакции.

Вторую половину XX века и начало XXI века можно охарактеризовать бурным развитием различных теорий девиантного и аддиктивного поведения. Отдельного внимания заслуживают исследования американского клинического психолога Гарольда Каплана (1980), который провел лонгитюдные исследования, показавшие, что важной психологической чертой подростка, влияющей практически на все виды отклоняющегося от нормы поведения, является самоуважение [1].

Психология раскрывает понятие самоуважения как компонента «образа Я». Самоуважение в повседневной речи и отчасти в научной литературе - это удовлетворенность собой, сознание собственного достоинства, положительное отношение к себе.

По мнению Г. Каплана «мотив самоуважения – это личная потребность сделать максимальным переживание положительных и минимальным – отрицательных установок по отношению к себе». У некоторых подростков не получается самокритично относиться к себе, преодолевать заметные недостатки и тем самым повышать самоуважение. Негативному самовосприятию данной группы подростков предшествует три причины:

- 1) отсутствие личностно-ценных качеств и невозможность совершать соответствующие действия, следовательно, обладание отрицательными чертами и совершение отрицательных действий;
- 2) уверенность, что значимые для них люди не относятся к ним положительно или относятся отрицательно;
- 3) неумение эффективно использовать эго-защитные механизмы, позволяющие снять или смягчить последствия двух предшествующих элементов субъективного опыта.

Потребность в самоуважении у подростков особенно сильна, но они не могут (или им не дают возможности) ее удовлетворить социально-приемлемыми способами. Это именно та ситуация, когда возможно пробуждение «спящей» психологической готовности к аддиктивному поведению, именно тогда человек вынужден обращаться к девиантным или аддиктивным формам поведения.

Как отмечает философ В.Е. Грудев: «Личность основывается на четырёх краеугольных камнях: самосознании, самообразовании, самовоспитании и самоуважении». При реализации этих потребностей, обобщенно назовем их «потребность в самообразовательной деятельности», индивид

достигает уровня высших потребностей человека – эго-потребностей. А. Маслоу в своей теории иерархии потребностей определил эго-потребностям достаточно высокое местоположение.

На наш взгляд, одной из важнейших задач социальной педагогики (социальных педагогов) является организация социально-педагогической поддержки и сопровождения таким образом, чтобы сформировать у индивида осознанную потребность в самообразовательной деятельности и научить ее реализовывать.

Потребность в самообразовательной деятельности можно рассматривать как средство первичной профилактики девиантного (аддиктивного) поведения. Но лишь при условии, что сам педагог имеет устойчивую потребность в самообразовании, имеет навыки самовоспитания, самообучения, демонстрирует позитивную социальную активность. Только в этом случае социальный педагог может стать наставником и примером для школьников в самообразовательной деятельности.

Для продуктивной профилактической работы социальный педагог должен иметь различные знания, умения и навыки как общепедагогические, так и специфические. Набор и состав ЗУНов может варьироваться в зависимости от внешних и внутренних особенностей социальной среды. Некоторые из специфических ЗУНов возможно приобрести только лишь практическим путем и никак иначе.

Следует отметить, что сегодня при реализации мер первичной профилактики девиаций возникают трудности, которые «завязаны в клубок социально-психолого-педагогических проблем».

Во-первых, информационная эпоха специфически влияет на процесс освоения знаний. Информацию технически просто получить, однако о ее качестве не задумываются и, как следствие, разрушается исследовательская и аналитическая функции мышления. Скоростные информационные потоки изменяют тип общения между людьми – реальное общение замещается Интернет-коммуникациями. Современные студенты практически не умеют мыслительно концентрироваться, у них крайне ослаблены способности воображения, рефлексии, понимания, анализа, синтеза и т.д.

Во-вторых, педагоги и родители часто «замыкают» самоуважение ребенка на учебной деятельности, не учитывая его достижений в других сферах жизни.

В-третьих, многие «современные» родители полностью погружаются в обеспечение детей «достойными» материальными благами, забывая об ответственности в части нравственного воспитания и полноценного семейного общения.

В-четвертых, семья теряет статус института первичной социализации, уступая средствам массовой информации и коммуникации; медиапродукция в большей мере, чем семья, формирует у подрастающего поколения ценности, жизненные смыслы, установки, которые бывают очень далекими от прежних, традиционных [2].

В-пятых, психолого-педагогическая неграмотность взрослых и их безразличное отношение к детским проблемам.

В-шестых, бесцельное свободное времяпровождение подростков, отсутствие социально-приемлемого хобби, неумение организовать свой досуг и т.п.

Подводя итоги, считаем, что социально-педагогическая деятельность по профилактике девиантного и аддиктивного поведения будет наиболее успешной при:

- формировании у будущих педагогических работников потребности к самообразовательной деятельности и навыков самообучения, самовоспитания;
- последующем формировании у учащихся потребности к самообразовательной деятельности и их обучении соответствующим навыкам;
- корректном и деликатном психолого-педагогическом просвещении родителей (законных представителей) в вопросах формирования потребности к самообразовательной деятельности;
- при разработке и внедрении социально-педагогических программ, включающих в себя образовательный, психологический и социальный компоненты.

Литература:

1. Кон, И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1989.
2. Книжникова, С.В. Девиантология для педагогов и психологов / С.В. Книжникова. – Краснодар: Экоинвест, 2013.
3. Макклелланд, Д. Мотивация человека / Пер с англ. ООО «Питер Пресс»; научн. ред. проф. Е.П. Ильина. – СПб.: Питер, 2007.
4. Психологические основы профилактики наркомании в семье. Под ред. С. В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: СамГУ, 2001.
5. Российский статистический ежегодник (за 2008 – 2013 гг.) // www.gks.ru.

ПРИМЕНЕНИЕ ОН-ЛАЙН ТЕСТИРОВАНИЯ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СКЛОННОСТИ К СУИЦИДАЛЬНОМУ РИСКУ

APPLICATION ON-LINE TEST TO DETECT TENDENCY TO SUICIDE RISK

Ушакова Е.С.,
кандидат социологических наук,
декан заочной формы обучения
Балтийский институт экологии,
политики и права (Санкт-Петербург)

Аннотация. В докладе приводятся результаты эмпирического исследования по выявлению риска суицидального поведения при помощи Интернет – тестирования.

Annotation. Results of empirical research of suicidal risk behavior revealing are resulted with Internet – testing.

Ключевые слова: суицидальное поведение, суицидальный риск, Интернет – тестирование, социально-демографические факторы.

Keywords: suicidal behavior, suicidal risk, the Internet – testing, socially-demographic factors

При изучении суицидального поведения как социального феномена применяются все методы социологических исследований, изложенные в обширной литературе.¹

Однако при сборе информации исследователи сталкиваются с некоторыми особенностями, обусловленными объектом исследования.

В последнее время в социальных науках стали применяться методы, основанные на использовании Интернета как принципиально новой исследовательской среды.

К преимуществам исследований через Интернет относятся:²

- Экономия времени, средств, человеческих и др. ресурсов.
- Возможность набрать большее число испытуемых, что обеспечивает и большую точность статистических выводов.
- Расширение выборки по сравнению с традиционными формами.
- Легкость изменения методического инструментария на этапе его разработки и апробации.³
- Приближенность экспериментальной ситуации к условиям, в которых находится испытуемый, что обеспечивает большую экологическую валидность.⁴
- Снижение влияния экспериментатора.
- Возможность предоставления индивидуальной обратной связи непосредственно после прохождения тестирования
- Испытуемые в Интернете более откровенны, что снижает искажения данных под воздействием фактора социальной желательности.

¹ См. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995. – 336 с.; Ядов В.А. Стратегия Социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: "Добросвет", 2001. – 596 с.

² Жичкина А.Е. «О возможностях психологических исследований в сети Интернет». Психологический Журнал, 2000, том 21, № 2, С. 75-78

³ Ромек В.Г., Сатин Д.К. Надежность тестов при тестировании в Интернете // Междисциплинарный семинар «Виртуальная коммуникация в сети Интернет» межрегиональной исследовательской группы Н. Петровой при Российском Институте Культурологии. М., 1999. С. 27-36.

⁴ Roberts L.D., Smith L.M., Pollock C. Dancing on the edge of new technology: The Internet as a tool for psychological research. Paper presented at the 5th European Congress of Psychology, Dublin, 1997.

- Появление дополнительных возможностей программного контроля за выполнением заданий.
- Несомненно, исследования через Интернет имеют и недостатки:
- Анонимность тестирования, в результате которой респонденты могут давать случайные ответы на вопросы, и есть вероятность искажения информации о себе.
- Отсутствие возможности у испытуемого при проведении исследования в Интернете задать экспериментатору вопрос о выполнении задания.
- Выборка пользователей сети Интернет на данный момент четко определена, селективна, что несколько ограничивает возможности генерализации результатов исследования.
- Недостатком выборки исследования в сети Интернет является и то, что в нем участвуют добровольцы и, следовательно, она может быть нерепрезентативна по отношению к генеральной совокупности.

Тем не менее, валидность Интернет - исследований оказывается высокой - большинство результатов совпадает с результатами аналогичных работ, проведенных традиционным способом. Иногда отмечается, что при проведении опроса в сети Интернет регистрируется большее количество «крайних» и нелогичных суждений (что, однако, не нарушает сходства результатов сетевого и традиционного тестирования).

В остальных случаях результаты исследований в Интернете почти или полностью совпадают с данными, полученными традиционными способами. То есть вероятность фальсификации ответов некоторыми испытуемыми недостаточно высока для того, чтобы значимо исказить результаты работы в целом.⁵

И это неудивительно, поскольку большой объем выборки исследования является одним из самых надежных способов увеличения валидности и надежности тестирования.

В отличие от исследований, проводимых в реальных условиях, Интернет - исследование не имеет ограничений ни по времени проведения, ни по количеству данных.

В исследовании Musch (1999) приводится следующий список предметных областей исследований: познание, мышление, психолингвистика, восприятие и ощущение, память, принятие решений, внимание, личность, социальные группы, социальное познание, социальные установки и др.⁶

В нашем исследовании⁷ мы применили он-лайн тестирование для выявления склонности к риску суицидального поведения, целью исследования являлся анализ и оценка риска суицидального поведения, выявление социально-демографических факторов, влияющих на уровень суицидального риска.

В совместном исследовании Д.С.Сатина и В.Г.Ромека было показано, что в Интернете принципиально не меняются психометрические параметры таких классических личностных вопросников, как, например, вопросника ЕРІ (Личностный опросник Айзенка (Eysenck Personality Inventory)).

Мы выбрали опросник ЕРІ для проведения тестирования респондентов в режиме «online» на сайте «Частной службы психологической помощи» <http://www.psycorr.com>.

Используемый в исследовании опросник ЕРІ, состоящий из 57 вопросов, для определения суицидального риска был дополнен шкалой суицидального риска из 24 вопросов, разработанной П.И.Юнацкевичем.⁸

В основу методики П.И.Юнацкевича положен критерий характерных реакций респондентов на тестовые задания, с помощью которых достаточно эффективно диагностируются лица с суици-

⁵ Жичкина А.Е. «О возможностях психологических исследований в сети Интернет». Психологический Журнал, 2000, том 21, № 2, С. 75-78

⁶ Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002. С.177

⁷ Ушакова Е.С. Суицидальный риск: социологический анализ. Диссертация канд. социологических наук СПб. 2010.

⁸ Гишинский Я.И., Юнацкевич П.И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии. Учебное пособие./ Под ред. В.А.Кулганова. – СПб. 1999. С. 78

дальным поведением. Надежность методик подтверждена стабильностью результатов, полученных с помощью данных тестов при повторном исследовании одной и той же выборки.

Перед прохождением теста каждый респондент должен заполнить опросную карту: указать свой пол, возраст, образование, профессиональный статус, страну проживания.

Тест реализован в виде двух, взаимодействующих друг с другом, программ. Первая программа является флэш-формой, которая грузится в браузер пользователя, когда он заходит на сайт. Флэш-форма устроена таким образом, что тестирование невозможно будет начать, пока не будут введены все необходимые данные опросной карты.

Кроме того, форма позволяет исключить случаи повторного прохождения теста одним респондентом (заносятся в базу данных только первый вариант тестирования). Чтобы избежать повторных прохождений тестирования одними и теми же людьми, применяется идентификация IP - адреса компьютера, с которого заходит испытуемый.

После того, как данные введены, респондент выполняет три тестовых задания. Результаты тестовых заданий обрабатываются внутри формы и передаются второй программе, расположенной непосредственно на сервере. Эта программа реализует, в качестве поощрения, алгоритм интерпретации тестовых данных для респондента, выполненный в оригинальном формате, и записывает данные в базу данных, расположенную на сервере.

Подобная структура тестирования позволяет гибко решать исследовательские задачи в Интернете. Флэш - форма доступна для пользования любому желающему, но запись она будет производить в файлы только сервера исследователя. Поэтому, если со временем такие тесты будут распространяться по Интернет - сети, то данные все равно будут приходить на исходный сервер.

В результате тестирования, проведенного в период с 2006 по 2009 гг., был получен массив данных в количестве 1925 человек.

Суицидальный риск, т.е. риск, сопряженный с суицидальным поведением, оценивался по шкале от +100 до -100% в зависимости от набранного количества баллов каждым респондентом. Была рассчитана норма суицидального риска как среднее значение выборки плюс-минус среднее значение стандартного отклонения. Она расположена в интервале от -36% до +68%.

Для оценки внутренней валидности теста был использован метод многофункциональных критериев.

Все значения интервальной шкалы, находящиеся выше верхней границы нормы суицидального риска, считаются принадлежащими группе повышенного суицидального риска. Количество человек, попавших в эту группу, равно 198. Утвердительные ответы на все вопросы теста каждого из них сопоставлялись с противоположными ответами.

Полученные данные были исследованы двумя методами: непараметрическим методом эмпирических критериев Фишера (многофункциональный критерий Фишера) и параметрическим методом критериев Фишера (дисперсионный анализ как однофакторный, так и двухфакторный для несвязанных выборок).

В результате подробного анализа эмпирических данных выше названными методами, были получены статистически значимые зависимости суицидального риска от возраста, уровня образования и профессионального статуса респондента.

К субъектам суицидального риска можно отнести респондентов моложе 20 лет и старше 45 лет, со средним и неполным средним образованием.

Образовательный уровень является антисуицидальным фактором, повышение уровня образования влияет на снижение суицидального риска.

Суицидальный риск зависит также от профессионального статуса: максимальный риск отмечается в группе безработных.

Так называемое рассогласование уровня образования и социального статуса приводит к увеличению суицидального риска и является одним из основных факторов возникновения суицидального риска.

Таким образом, полученные данные совпадают с результатами социологических исследований, проведенных традиционными методами, и подтверждают социальную природу суицидального риска.

Результат данных исследования будет способствовать формированию более эффективного подхода к минимизации риска суицидального поведения.

Вместе с тем, нами понимается относительная ограниченность результатов исследования, обусловленная имеющейся выборкой. Очевидно, что требуется серия дальнейших исследований суицидального риска различных групп населения.

Проведение тестирования через Интернет позволяет осуществить расширение выборки по сравнению с традиционными формами.

Оно способствует снижению влияния экспериментатора, а также культурно-специфичных факторов, и дает возможность с большей уверенностью обобщать результаты исследования.

Используемая в исследовании методика по определению суицидального риска может найти применение при работе с лицами, обращающимися за помощью к психологу, суицидологу, для тестирования студентов, военнослужащих и других представителей групп «суицидального риска».

**ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОРГАНОВ:
ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ**
**THE TRANSPLANTATION OF HUMAN ORGANS:
PROBLEMS, FINDING, SOLUTIONS**

Фадеева М.А.,
аспирант, кафедра уголовного права,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

Annotation. The article is devoted to the poor state of post-mortem organ donation in Russia. The author considers selected issues of legal regulation of human organ transplantation in the United States, Germany, living donation is allowed not to relatives, and Iran, the only country in the world, which has allowed the sale of organs, and raises the question of the applicability of their experiences in Russia.

Keywords: organ transplantation, donor, recipient, the presumption of consent, posthumous donation, Federal Register of donors, the donor's identity, bioethics, the purchase and sale of organs

Еще в 90-е годы прошлого столетия исследователи международного права писали о том, что трансплантация анатомических органов, «как никакое достижение медицинской науки и практики, способна породить чудовищные преступления...» [11, С. 109]. Это объясняется тем, что операция по пересадке органов жизненно необходима в кратчайшие сроки (при удачном исходе операции жизнь пациента продлевается на десятилетия), трупных органов катастрофически не хватает, а изъятие органов у живого донора допустимо только при строго определённых условиях. На современном этапе развития медицины органы пригодны для трансплантации после изъятия их у донора в очень короткие сроки. Именно указанные факторы и влияют на рост уровня преступности в этой области медицины.

По данным исследователей, в течение последних 15 лет количество пересадок почек от умерших доноров уменьшилось. С 1999 отмечается рост операций за счёт родственной трансплантации почки. По данным 2008 г. в мире количество пересаживаемых органов составляет лишь 10% потребности. Российская Федерация, к сожалению, не является исключением. Уровень донорства у нас в стране составил всего 3,4 % на 1 млн. населения, что в 5-10 раз меньше, чем в США, Индии, странах Евросоюза [3]. На май 2013 года (данные за полгода) не было использовано 33 квоты по пересадки почек из-за отсутствия донорских органов. В Санкт-Петербургской городской больнице № 31 с января по май 2013 года не сделано ни одной операции по пересадке почки [12].

Сделаем попытку разобраться в проблеме и предложить выход из создавшейся ситуации.

На сегодняшний день законодательно закреплена презумпция согласия умершего на изъятие органов и тканей для трансплантации. Эта модель «неиспрошенного согласия» или действия «по умолчанию» заключается в следующем: если на момент смерти медицинская организация не поставлена в известность о нежелании умершего стать донором или не заявили о своём несогласии близкие родственники, то органы можно изымать для трансплантации. По мнению немецких специалистов, подобная модель «способствует увеличению активности трансплантации» [17], отметим, что презумпция согласия существует во многих странах, например, в Испании, где отмечается самый высокий уровень трансплантации в мире [9, с. 149]. Однако у российских юристов мнение иное: считается, что данная модель нарушает право на достойное отношение человека к его телу после смерти. [1].

Проект нового закона «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации» содержит изменения в этой части. Он обязывает медицинскую организацию, в случае отсутствия

волеизъявления умершего, в *обязательном порядке* испрашивать согласие близких родственников [2]. Нельзя не отметить, что указанное положение противоречит определению Конституционного суда, в котором сказано, что презумпция согласия основывается «на признании *негуманным задавать* родственникам практически одновременно *с сообщением о смерти* близкого человека... *вопрос об изъятии его органов (тканей)*» - (выделено мною - М.Ф.)[1].

По мнению автора данной статьи, нововведение, обязывающее испрашивать согласие родственников при отсутствии волеизъявления умершего, является небесспорным: если брать анализ уровня трансплантации от умерших доноров в России, о чём говорилось выше, введение модели расширенного согласия «сведёт на нет» трансплантацию трупных органов. Более того, актуальный вопрос: имеют ли право близкие родственники распоряжаться телом умершего - в теории права до сих пор остаётся спорным [15, С.55].

Заслуживает внимание опыт Германии. Поправка к новому закону обязывает страховые медицинские организации проводить мониторинг граждан, достигших возраста 16 лет, чтобы не перекладывать в последний момент принятие социально значимого решения на плечи убитых горем родственников. Предлагается оформить «донорское удостоверение» (Organspendeausweis), бланк которого рассылается застрахованным лицам. На предложенном удостоверении донора соответствующим знаком отмечено согласие/несогласие на изъятие после смерти органов для трансплантации [13]. Параллельно общественные медицинские организации ведут просветительскую работу с населением, разъясняют необходимость стать донором после смерти. Опыт немецких коллег возможно применять и в России, например, лицо может выразить своё отношение к трансплантации органов после смерти на документах (водительских правах, удостоверении личности, военном билете и пр.) посредством специальной отметки.

В проекте нового федерального закона, о котором упомянуто выше, предлагается ввести Федеральный регистр доноров органов. Представляется, что лицо само должно проявить инициативу: обратиться в учреждение здравоохранения, нотариально заверить своё согласие или отказ от трансплантации органов после смерти. Понятно, что далеко не всякий здоровый человек специально будет заниматься этим вопросом, тратить время и деньги на приобретение нотариально удостоверенного документа, а испрашивать согласие лица при непосредственном поступлении на лечение в учреждение здравоохранения, на наш взгляд, не является этичным. Нельзя игнорировать и тот факт, что в России имеет место высокий уровень недоверия к медицинским работникам вообще и к процедуре трансплантации в частности. Бытует мнение, что в случае поступления в учреждение здравоохранения пациента с ЧМТ (именно такой пациент считается «идеальным» донором) при условии презумпции согласия, он будет получать недостаточный объем лечения. Напрашивается вывод: правильнее написать отказ от трансплантации органов после смерти, в противном случае «разберут на органы» [6]. Последствием резонансного дела врачей-трансплантологов 2003 года стало резкое уменьшение количество операций по пересадке трупных органов, так как врачи предпочитают «не рисковать», не сообщать трансплантологам о поступлении в учреждение здравоохранения потенциального донора [7], многие неврологи не верят «в юридическую обеспеченность работ по посмертному донорству» [3, С. 21].

Медицина развивается стремительно, а принятие правовых норм, регламентирующих отношения в отдельно взятой отрасли медицины, процесс достаточно длительный. Этим и объясняется наличие законодательных пробелов во многих областях медицины, трансплантология не является исключением.

Обсуждая новейшие медицинские технологии, нельзя не сказать о биоэтике, которая является не только благом, но и в определённом смысле тормозом развития практической медицины.

Безусловно, пересадка органов от умерших граждан и родственное донорство представляются наиболее приемлемым с позиции биоэтики. Однако, по мнению медицинских работников, именно трансплантацию органов *живых доноров* необходимо рассматривать как *неизбежную необходи-*

мость (выделено мною – М.Ф.), в том числе и по причине недостатка трупных органов [17]. Как говорилось выше, трансплантация от живых доноров возможна при наличии ограничений: одно из них – необходимо документально подтвердить родственные отношения донора и реципиента. Однако родственное донорство в силу объективных причин не всегда возможно: ограничен круг родственников, неудовлетворительное состояние их здоровья, психологические проблемы, наличие конфликтных ситуаций в семьях пр.

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что предусмотренная в законе возможность трансплантации органов от живого донора родственника не может позитивно повлиять на ситуацию и увеличить количество операций по трансплантации органов.

Многие годы ведутся дискуссии о возможности легальной купли-продажи органов. Так, по мнению В. Эминова, коррумпирование медицинских кругов можно исключить только внедрением «на систематической основе законодательных норм, регулирующих куплю-продажу человеческого тела» [14, С. 48]. Возможно, вознаграждение за донорство не является этичным, так как само слово «donare» в переводе с латинского языка означает «дарить», следовательно, донорство – акт милосердия, благодеяния. Однако мораль и право далеко не всегда совпадают.

Биоэтика оказывает существенное влияние на право, но влияние это не является односторонним [10]. С позиции биоэтики далеко не однозначной является проблема биомедицинских экспериментальных исследований с участием человека. С развитием фармации возникает вопрос о целесообразности применения лекарственных средств, имеющих непоправимые побочные действия, которые ведут к развитию неизлечимых заболеваний, о лекарствах с эффектом «плацебо». Сегодня стало возможным рождение ребёнка методом ЭКО, суррогатное материнство (суррогатная мать вынашивает ребёнка по договору за вознаграждение и также по договору должна отказаться от своих родительских прав). Законодателем определены условия добровольной медицинской стерилизации и прочее.

В конце концов, этично ли само информированное добровольное согласие: врач, прежде чем пациент сможет подписать указанный документ и получить медицинскую услугу, обязан его ознакомить не только с методикой лечения, но и со *всеми возможными рисками*, могущими возникнуть в результате данного медицинского вмешательства.

В 1968 г. комитет медицинской школы Гарвардского университета констатировал в своём докладе об изменении традиционной медицинской концепции смерти. Было предложено использовать многоступенчатый тест для определения «смерти мозга». На сегодняшний день около 80% государств, членов Европейского Союза на законодательном уровне закрепили критерий смерти человека как смерти его мозга. Отметим, что указанное положение с позиции биоэтики неприемлемо, так как врачи констатируют смерть пациента при работающем сердце, однако оно (положение) прочно закреплено в национальном законодательстве с 1992 года и связано, прежде всего, с развитием трансплантологии.

Искусственное прерывание беременности с позиции религиозных конфессий справедливо считается убийством. Однако необходимость легализации аборта не вызывает сомнений. Тем не менее, и здесь существуют законодательные пробелы, которые на практике устранить достаточно трудно, даже порой невозможно. При принятии правовых норм нарушаются этические принципы. Например, согласно российскому законодательству, плод, находящийся в утробе матери, *не является субъектом права*. В ч.1 ст.56 ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» сказано, что каждая женщина *самостоятельно* – (выделено мною – М.Ф.) – решает вопрос о материнстве, то есть *согласие отца* ребёнка на искусственное прерывание беременности *не требуется*.

Нельзя не отметить, что в 1936 году прошлого столетия после криминализации аборт превратился в «дорого оплачиваемое преступление». Журнал «Социалистическая законность» 1937 года отмечал «изошрённость» преступлений в этой области, постоянно повышающуюся «квалификацию преступников». Представляет интерес и тот факт, что свыше 14 % всех дел о незаконном пре-

рывании беременности, находящихся в производстве следственных органов, оказались нераскрытыми или были прекращены в процессе расследования «за необнаружением виновных» [19, С.48-53]. Существует простой экономический расчет: спрос рождает предложение. Например, в странах, где эвтаназия не легализована, существует «специальный» туризм. Не секрет, что на сегодняшний день у нас в стране имеет место латентная эвтаназия.

Если есть спрос на трансплантацию органов, то и предложение не заставит себя ждать, другое дело, каким способом это предложение будет выражено. В 1994 году в Израиле Высший суд справедливости отказал бездомному и безработному гражданину Израиля в продаже почки нуждающейся женщине [16].

Почти ежедневно в СМИ и на сайте Интернет имеют место сводки о продаже органов и тканей, особенно в местах военных действий. Так, например, по утверждению стоковольской газеты «Aftonbladet», израильские военные уничтожают палестинцев с целью торговли их органами. Хирургические операции проводятся в Китае, Израиле, США, где в качестве реципиентов выступают жители слабо развитых стран. В Китае также изымаются органы у осужденных к смертной казни [20, С.39]. На сегодняшний день в центре внимания Украина.

Сегодня, в век развития информационных технологий, прослеживается связь компьютерной преступности и преступности в сфере трансплантологии.

По мнению юристов, лица, дающие объявление на сайте Интернет, не подлежат уголовной ответственности, что объясняется конституционным правом личности на свободу мыслей, слова [15, С.132-133]. Именно поэтому в СМИ часто встречаются предложения купли-продажи органов. Так, например, в октябре 2012 года в Томской области нуждающаяся в деньгах женщина посредством сети Интернет предприняла попытку стать донором почки за вознаграждение, операция была проведена в Германии, где также существует запрет купли-продажи органов. Однако обещанных денег донор не получил [4].

Если легализовать неродственное донорство за вознаграждение, возможно, большинство «нелегалов» как продавцов, так и покупателей «выйдет из тени», и уменьшится уровень преступлений, связанных с трансплантацией органов: убийство с целью изъятия органов для трансплантации, похищение человека с целью изъятия органов для трансплантации. Безусловно, если речь идёт о законодательном регулировании донорства за вознаграждение, то правовой механизм должен быть четким, регулировать детально правовые отношения в этой области медицины.

Существует мнение, что запрет в борьбе с криминальными явлениями «наименее продуктивен». Трудно не согласиться с мнением Я.И. Гилянского, утверждающего, что «всеобщая легализация наркотиков означала бы конец наркобизнеса» [5, С. 262].

Данное положение признавали и советские юристы в 30-е годы прошлого столетия. Журнал «Социалистическая законность» отмечал: «Чем строже...закон, тем изощрённее...маскировка преступников» [19]. То же можно сказать и о трансплантации органов: легализация неродственного донорства от живых доноров за вознаграждение позволит хотя бы отчасти удовлетворить спрос на органы, а, следовательно, уменьшить криминальный бизнес в этой области.

В некоторых странах, где национальным законодательством запрещена купля-продажа органов, существует неродственное донорство на безвозмездной основе. Правы те юристы, которые считают, что контролировать ситуацию невозможно в принципе [16]. В США, несмотря на запрет национальным законодательством купли-продажи органов, не запрещается компенсировать связанные с донорством расходы, такие как переезд, проживание [18, С. 303].

Выше мы упомянули женщину, решившую нелегально продать почку в Германии, где разрешена безвозмездная неродственная трансплантация. По данным СМИ, донору и реципиенту удалось ввести в заблуждение специальную комиссию, в задачу которой входило выяснить, действует ли донор добровольно и безвозмездно, или имеют место корыстные мотивы [4]. Более того, если реципиент и донор находятся в родственной связи, то это отнюдь не исключает вознаграждение

последнему, тем более что донор и реципиент могут состоять не только в генетическом родстве, но и в правовом, которое можно изменить, например, путём заключения фиктивного брака между донором и реципиентом.

Заслуживает внимания иранская модель неродственного донорства. Донор получает компенсацию (вознаграждение) или от государства, или от самого реципиента, если последний имеет такую возможность. Размер компенсации или вознаграждения регулируется до операции Ассоциацией пациентов по диализу и трансплантации. Для предотвращения трансплантационного туризма в Иране обязательно наличие гражданства, как для реципиента, так и для донора не родственника [8]. Отметим, что Иран – единственная в мире страна, где легализована купля-продажа органов. Неродственное донорство на безвозмездной основе не запрещено и в некоторых других странах, например, в Германии, в США. Отметим, что в США, где уровень неродственного донорства 40% от всех операций по трансплантации почки, доноры не родственники в большинстве своём связаны «эмоциональными связями», то есть являются близкими друзьями, партнёрами или просто откликнулись на призыв в сети Интернет [18, С.299].

Анализируя вышесказанное, можно сделать попытку ввести в Российской Федерации неродственное донорство за вознаграждение. Естественно, что вопрос крайне сложный и неоднозначный, могущий вызвать критику общественности.

Прежде всего, лицо, желающее стать донором органов, должно получить медицинское освидетельствование у психиатра, то есть быть полностью дееспособным и идти на риск осознанно. Нижнюю границу возраста донора принято считать 18 лет, однако на наш взгляд, если речь идёт о неродственном донорстве за вознаграждение, то в достаточно юном возрасте лицо не может полностью отдавать отчёт в своих действиях, поэтому в данном случае, минимальный возраст донора следует установить 25 лет. Свою волю донор должен подтвердить неоднократно, путём заполнения специальных бланков (информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство), а также иметь обязательную беседу с психологом. Также медицинская комиссия должна определить степень вреда здоровью, которую может повлечь предполагаемая операция, и медицинскую «пригодность» предполагаемого донора (отсутствие/наличие хронических или инфекционных заболеваний и пр.). Разрешение на операцию по пересадке органов от живого донора не родственника должен давать суд. Размер вознаграждения донора должен быть определён законодателем (либо Постановлением Правительства, либо постановлением Министерства здравоохранения) до операции; выплату необходимо производить только через учреждения здравоохранения. Плательщиком может быть как реципиент (если он платёжеспособен), так и медицинская или страховая организация. Именно учреждения здравоохранения должны вести Регистр живых доноров, осуществлять подбор живого донора не родственника реципиенту.

Анализируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. В Российской Федерации на сегодняшний день крайне низкий уровень посмертного донорства по многим причинам: существенные «пробелы» в национальном законодательстве, низкая правовая грамотность врачей, недоверие населения к медицинским работникам и прочее. Безусловно, если говорить о легализации неродственного донорства за вознаграждение, то подобная мера, скорее всего, вызовет негативную реакцию общественности. Противники считают, что бедные люди будут стремиться продать свои органы всеми возможными способами (фальсификация медицинских документов и пр.), что может негативно повлиять на ситуацию в целом. Однако, на наш взгляд, при детально разработанной нормативно-правовой базе при отсутствии «правового вакуума» можно рассчитывать на снижение уровня незаконной продажи органов.

Литература:

1. Определение Конституционного суда от 04 декабря 2003 г. № 459-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда в проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW46696 (дата обращения: 23. 08. 2014).
2. Проект Федерального закона «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации» (подготовлен Минздравом России) (не внесён в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 06.03. 2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_PRJ_116424 (дата обращения: 23. 08. 2014).
3. Багненко С.Ф., Полушин Ю.С. и др. Анализ причин дефицита органов и основные направления его преодоления [Электронный ресурс]. //Трансплантология. 2011. № 2-3. С.10-22. URL: http://www.abvpress.ru/uploads/press/magazines/.../498/Transp_2-3-2011109.file.pdf, свободный доступ (дата обращения: 25.07.2014).
4. В Томской области женщина продала почку... URL: <http://www.1tv.ru/news/polit/218360>, свободный доступ (дата обращения: 10.08.2014).
5. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийство и других «отклонений». Монография. СПб., 2013. 634 с.
6. Дело врачей – Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2005/03/02/vrachi.html>, свободный доступ (дата обращения: 15.08.2014).
7. «Дело врачей-убийц»: печальные последствия – МедНовости]. URL: <http://medportal.ru/mednovosti/main/2004/05/25/transplant> (дата обращения: 22.08.2014).
8. Иранская модель регулирования платного неродственного... URL: http://www.medservis.az/ARTIKLES/dia_doc_058.htm, свободный доступ (дата обращения: 04.08.2014).
9. Кевин Дж.О. Коннор, Фрэнсис Л. Дельмонико, Вопросы посмертного донорства в трансплантации почки С. 139-166//Данович, Габриель М. Трансплантация почки/пер с англ. Под ред. Я.А. Майсюка. М., 2013 – 848 с.
10. Крылова Н.Е., Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2006, 320 с.
11. Никифоров Б.С. Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. М., 1990. 253 с.
12. Новый закон о трансплантации: закон для мёртвых или для... URL: <http://Doktorpiter.ru/articles/6462> (дата обращения: 20.07. 2014).
13. Новый закон о трансплантации-Новости Германии-МК. URL: <http://www.mknews.de/.../810271-novyiy-zakon-o-transplantatsii.html>, свободный доступ (дата обращения: 10.08.2014).
14. Основы борьбы с организованной преступностью: Монография / Под ред. В.Г. Овчинникова, В.Е. Эминова. М., 1996. 400 с.
15. Тихонова С. С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: Вопросы уголовно-правового регулирования. М., 2002. 321 с.
16. Трансплантация органов и тканей. URL: <http://pravo.israelinfo.ru/artikles/analitik/389?print...>
17. Трансплантация почки – European Association of Urology. URL: http://www.uroweb.org/gls/pdf/russian/20_Transplantation.pdf, свободный доступ (дата обращения 10.08. 2014).
18. Тху Фам и др., Трансплантация почки от живого донора С.261-307//Данович, Габриель М. Трансплантация почки/пер с англ. Под ред. Я.А. Майсюка. М., 2013 – 848 с.
19. Шавер Б. Методика расследования преступных абортов//Социалистическая законность. 1937. № 8. С.48-53.
20. Шестаков Д.А. Преступные нормы, обеспечивающие незаконную трансплантацию органов//Ведение в криминологию закона. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011

РЕФОРМА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

REFORM MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS RUSSIAN FEDERATION: INTERNATIONAL STANDARDS ACTIVITIES

Фирсов В.В.,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры Государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются основные черты феномена стандартов деятельности полиции как одного из основных факторов, контролирующих обеспечение общественного порядка и общественной безопасности в государстве, описываются специфика государственно-правового реагирования на преступность, направленного на оптимизацию международно-правовых стандартов деятельности национальной полиции.

Annotation. The article considers the main features of the phenomenon standards of police activity as one of the main factors controlling the provision of public order and public safety in the state-carstve, describes the specificity of the state-legal response to crime, aimed at optimization of international legal standards the national police.

Ключевые слова: национальная полиция, криминальная полиция, международно-правовые стандарты деятельности, преступность, общественный порядок и общественная безопасность, международное уголовно-правовое сотрудничество, профилактики правонарушений, оперативно-розыскная и следственная работа, Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Keywords: national police, the criminal police, international legal standards activities, crime, public order and public security, international criminal law cooperation, prevention of crime, operational and investigative work, the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation.

Общие задачи и функции полиции это – традиционная охрана порядка в общественных местах, предотвращение и раскрытие преступлений, обеспечение безопасности дорожного движения, контроль за пороками (проституцией, запрещенными азартными играми и т.п.) [1, С. 25]. В некоторых странах на полицию дополнительно возлагаются и иные функции. Так, например, полиция ФРГ ведет учет проживания граждан и их миграции, а также выдает им документы, удостоверяющие личность. Полиция Италии, например, выдает разрешения (лицензии) на занятие торговлей, содержание увеселительных заведений и т.п., а также контролирует соблюдение правил, установленных этими лицензиями.

Актуальность переименования и реформирования милиции, объявленная в 2011 году Президентом РФ Д.А. Медведевым, обсуждалась во ВНИИ МВД РФ много лет.

В строгом соответствии с закрепленным в части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации [2] приоритетом норм международного права, под руководством министра внутренних дел РФ генерала армии Нургалиева Р.Г. был подготовлен соответствующий проект реформы, плоды которого на сегодняшний день постоянно критикуют средства массовой информации.

К негативным последствиям ведомство относит в первую очередь сокращение штата полиции на 20 процентов. В результате многие сельские районы остались без участковых, а во многих крупных городах не хватает сотрудников патрульно-постовой службы. Кроме того, ведомство недовольно закрытием ряда специализированных учебных заведений, из-за чего, снизилось качество подготовки полицейских. В министерстве также признали провал переаттестации его сотрудников,

проводившейся в ходе реформы. В ведомстве пояснили, что отведенного на нее времени президентской комиссии хватило только на проверку высшего офицерского состава полиции.

Реформа еще на стадии проекта вызвала резкую критику со стороны многих представителей МВД, а осенью 2012 года руководство МВД РФ признало фактический провал ее первого этапа. Тогда же прошла презентация программы, призванной оптимизировать работу полиции и повысить доверие к ней [3].

На сегодняшний день в научно-исследовательских институтах Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, Министерства Юстиции РФ создается документ, призванный свести к минимуму негативные последствия реформы милиции-полиции. Соответствующий пункт присутствует в проекте программы обеспечения общественного порядка и противодействия преступности, вынесенном на общественное обсуждение. Следовательно, российскому обществу необходимо знать и анализировать опыт зарубежных преобразований в полиции.

Так, например, в Соединенных Штатах в документе Ассоциации американских адвокатов обязанности полиции сведены к одиннадцати позициям, названным главными направлениями ответственности полиции, а именно:

1. Опознание уголовных преступников, задержание нарушителей, обращение с ними в соответствии с требованиями судебной процедуры.
2. Снижение возможности совершения некоторых преступлений при помощи превентивного патрулирования и других мер.
3. Помощь отдельным лицам, которым угрожает физическая опасность.
4. Охрана конституционных гарантий.
5. Облегчение передвижения людей и транспортных средств.
6. Помощь тем, кто не может заботиться о себе.
7. Разрешение конфликтов.
8. Определение проблем, имеющих потенциальное серьезное значение для принудительного исполнения законов или управления.
9. Создание и поддержание чувства безопасности в обществе.
10. Развитие и охрана гражданского порядка.
11. Развитие других служб чрезвычайного значения [4, С. 58.].

Почти во всех странах в их полицейские системы входят и специализированные силы. В Великобритании к ним, например, относятся полиция предприятий атомной индустрии, полиция по охране морских портов и т.п. В ФРГ крупнейшей специализированной полицейской силой является более чем 20-тысячная федеральная пограничная охрана.

Все эти полицейские силы вне зависимости от того, являются ли они общегосударственными или локальными, самым тесным образом связаны и взаимодействуют с территориальными полицейскими формированиями.

Так как вопросы профилактики правонарушений касаются всех служб полиции, необходимо отметить, что ее значение признано полицейским руководством всех стран, но самостоятельная служба профилактики выделена не всегда. В большинстве зарубежных стран профилактика правонарушений осуществляется полицией совместно с органами, исполняющими наказание.

Работа в полиции, как считают американские полицейские, является хорошо оплачиваемой, но не особенно престижной. До 1990 г. в США, например, каждый налогоплательщик, вносил на содержание полиции 100 долларов, у нас – 8 рублей. Причем такое соотношение существует с 1922 г. Оклад постового полицейского – до 2 тыс., сержанта – до 4 тыс. долларов в месяц, а детектив получает еще на 15 тыс. долларов больше [5, С. 11.].

За рубежом считают, что на эффективность деятельности полиции и ее авторитет влияют многие факторы, среди которых особое место занимает личное отношение главы государства и правительства к борьбе с преступностью. Немаловажное значение имеет и правовая защита жизни и

здоровья самих сотрудников полиции. Так, в Англии высшая мера наказания предусмотрена за два вида преступлений – изнасилование с убийством несовершеннолетней и умышленное убийство полицейского.

Эффективность работы полиции оценивается населением по ее возможностям обеспечить гражданам безопасность, что достигается, прежде всего, эффективной борьбой с преступностью. В структуре полицейских органов имеется подразделение, которое непосредственно занимается этой деятельностью - служба криминальной полиции.

Если обобщить функции криминальной полиции, то она, осуществляя свои полномочия по борьбе с уголовной преступностью, расследует отнесенные законом к ее компетенции уголовные и иные правонарушения, собирает доказательства, арестовывает лиц, совершивших преступления и оформляет необходимую документацию, ведет оперативные учеты, разыскивает лиц, скрывшихся от следствия и суда, бежавших из под стражи, а также пропавших без вести, разыскивает похищенное имущество и устанавливает его владельцев, оказывает содействие другим службам полиции. Что же касается борьбы с организованной преступностью как самой сложной задачи, то она возложена не только на криминальную полицию и даже на правоохранительные органы, но и другие государственные структуры.

Деятельность криминальной полиции реализуется как в виде установленных законом процессуальных действий, так и оперативно-розыскных мероприятий, с использованием легальных (гласных) и нелегальных (негласных) сил, средств и методов (мероприятий), регламентируемых чаще всего секретными и другими ведомственными актами.

Низшим звеном управления криминальной полиции в ее территориальных формированиях в США и Великобритании, как правило, является отделение детективов, входящее в оперативный отдел наряду с патрульным подразделением, регулирования дорожного движения и др.

Большое значение для управления криминальной полиции имеет создание неофициальных центров в наиболее крупных полицейских формированиях, руководство которых нередко принимает на себя функцию оказания помощи в раскрытии наиболее серьезных преступлений силами самих работников. Так, например, в Великобритании руководство полицейских отрядов часто обращается к полиции метрополии с просьбой прислать своих детективов из Скотланд-Ярда для расследования преступлений, вызывающих трудности у местных детективов. При этом представитель Скотланд-Ярда остается в подчинении комиссара столичной полиции, но проводит расследование в составе местной полиции и сообщает о ходе расследования местному главному констеблю.

В Соединенных Штатах Америки наиболее квалифицированные кадры по борьбе с наиболее опасными преступлениями сосредоточены в Федеральном бюро расследований (ФБР). Современное ФБР - крупнейший, лучше всех оснащенный и наиболее щедро финансируемый среди следственных подразделений министерства юстиции и других федеральных министерств Соединенных Штатов орган расследования. Около трети сотрудников ФБР работают в штаб-квартире Бюро в Вашингтоне, остальные - в 59 отделениях на местах, в 432 наибольших городах, на 12 постах связи в зарубежных странах и в Академии ФБР в Куантико (штат Виржиния) [6, С. 77.].

Являясь подразделением министерства юстиции, ФБР пользуется там фактической автономией. Эта автономия объясняется особенностями расследования в США, функциональными особенностями и политическими традициями, сложившимися «внутри» и «вокруг» ФБР.

Оперативно-розыскная и следственная работа ФБР регламентируется в основном четырьмя административными актами, изданными Генеральным атторнеем и президентом:

1 Инструктивным письмом Генерального атторнея директору ФБР от 15 декабря 1976 г. «Использование осведомителей в расследовании по делам внутренней безопасности, организованной преступности и по другим уголовным делам».

2. Инструкцией Генерального атторнея о порядке проведения секретных операций ФБР (январь 1981 г.).

3. Исполнительным приказом президента США №12333 от 4 декабря 1981 г. «Разведывательная деятельность США».

4. Инструкцией Генерального атторнея о порядке расследования по делам об общеуголовных преступлениях, деятельности предприятий, организованной преступности, внутренней безопасности и терроризме» (7 марта 1983 г.).

Следственная юрисдикция ФБР в настоящее время охватывает 200 составов преступлений, преследуемых по федеральным законам, - от шпионажа, государственной измены и до ограбления банков и похищения людей. Особое место оно занимает и в борьбе с организованной преступностью, являясь в этом направлении ведущей службой.

Характеризуя криминальную полицию основных зарубежных стран необходимо сказать об одном из важнейших аспектов деятельности их полицейских органов - их подавляющее большинство осуществляет тесное и довольно эффективное международное сотрудничество в рамках Международной организации уголовной полиции, или Интерпола. Она начала функционировать 7 сентября 1923 в Вене, где состоялся конгресс европейских государств по этому вопросу. В настоящее время членами Интерпола являются (с учетом некоторых бывших союзных республик) около 180 государств.

Принципы и организация комплектования и обучения полицейских кадров за рубежом имеют много общего в разных странах мира.

В США зачисление на работу в полицию является приемом на государственную службу, причем полицейский, всегда считается представителем государства как такового, а не отдельно территориального или иного подразделения. Это положение определяет любую правовую позицию полицейских среди всех других государственных служащих.

Исходя из того, что полицейские являются служащими государства, они должны удовлетворять, прежде всего, общим для всех государственных служащих требованиям. Кроме того, во всех странах изданы правовые нормы, выдвигающие дополнительные требования, которым должны отвечать полицейские. Так, например, созданная президентом США комиссия в своих выводах, опубликованных еще в 1967 г., рекомендовала органам всех штатов руководствоваться требованиями, установленными для поступающих в полицию в Калифорнии. Они предусматривали: гражданство США; достижение 21 года; отсутствие уголовного прошлого (по данным штата и национальных картотек); обязательное образование (может быть заменено сдачей экзаменов, свидетельствующих о достижении необходимого уровня знаний), хороший характер и моральные качества; отсутствие физических, эмоциональных и психических недостатков смогли бы помешать исполнять обязанности по службе; прохождение собеседования, устанавливающего удовлетворительные способности вступать в контакты, а также прошлое претендента [7, С. 93].

В Германии лица, поступающие в федеральные полицейские органы, должны удовлетворять требованиям, предъявляемым к федеральным чиновникам, а также специально установленным для полиции, на службу, в которую они могут быть зачислены лишь по достижении 18, но не свыше 24 лет, имеющие образование в объеме «народной школы», т.е. восьмилетки. Поступившие лица получают статус чиновников либо «на время», либо пожизненно. Срок службы чиновников «на время» определяется при зачислении и может колебаться от 2 до 12 лет. Офицеры полиции, как правило, зачисляются пожизненно и могут состоять на службе до достижения 60 лет.

В последнее время при отборе полицейских в США, Японии, Финляндии, Германии, прежде всего, учитываются их антропометрические данные, после чего все кандидаты в отельном порядке проходят своеобразные психологические испытания на сообразительность, внимание и реакцию. Изучаются их моральная устойчивость, этический уровень, физическая подготовка. Проходят они и контрольное тестирование для выявления склонности употребления наркотиков. Обращается внимание на умение устанавливать контакты с различными людьми, вести серьезную, разъяснительную работу среди населения. Тестирование имеет и другое важное значение. В зависимости от выявлен-

ных способностей поступающего лица, ему предлагается аналитическая, техническая или следственно-оперативная работа.

Для многих зарубежных стран характерно не делать разграничений между субъектами, занимающимися гласными и негласными методами сбора разведывательной информации, поэтому негласная работа может осуществляться сотрудниками, как оперативных подразделений полиции, так и следственных органов. В Соединенных Штатах, Австрии, во Франции и других странах функции следователя и оперативного работника могут выполняться одним лицом. Вопрос об обвинении и окончательной судьбе уголовного дела решают только прокуратура и суд, для которых криминальная полиция лишь собирает предварительный материал проверки.

Если говорить в целом о субъектах, использующих методы тайного розыска, в том числе и агентурного, то только в Соединенных Штатах помимо полицейских органов различного уровня можно насчитать больше десятка федеральных ведомств. В их числе ФБР, ЦРУ, РУМО, военная контрразведка, Управление по борьбе с наркотиками, Бюро по контролю за алкоголем табачными изделиями и оружием, Служба иммиграции и натурализации, Служба внутренних доходов, Служба маршалов, Береговая охрана, Таможенная служба, Секретная служба министерства финансов.

Среди лиц, занимающихся непосредственно сбором разведывательной информации, способствующей раскрытию наиболее опасных, сложных и замаскированных преступлений, самая важная роль, как наиболее надежным источникам, отводится кадровым служащим, входящим в криминальную полицию или следственный орган, называемым: секретными агентами, специальными агентами; скрытыми дознавателями; секретными сотрудниками; секретными детективами и др.

Согласно Инструкции Генерального атторнея США «секретным сотрудником» считается любой кадровый сотрудник ФБР, участвующий в секретной операции, либо кадровый сотрудник любого другого следственного или полицейского органа, участвующий в операции под руководством ФБР и сохраняющий факт своего сотрудничества с ФБР в тайне. «Специальный агент» - официальный титул рядового сотрудника следственно-оперативных подразделений ФБР. «Старший специальный агент» - официальный титул руководителей отделений ФБР на местах - в столицах штатов и крупных городах.

В США решение о внедрении секретного оперативного сотрудника, проблемы процессуального или материально-правового характера, возникающие при использовании этих сотрудников, должны обязательно согласовываться с прокуратурой. Если такое соглашение своевременно не могло быть осуществлено по каким-либо причинам, то прокуратура должна быть сразу информирована об этом. Ей предоставлено право решения вопроса о допустимости дальнейшего использования данного оперативного работника. Это решение выносит руководитель соответствующего органа прокуратуры или непосредственно ему подчиненный прокурор.

Внедрение штатных сотрудников полиции в преступную среду признано конгрессом США исключительно эффективным оружием в борьбе с коррупцией и организованной преступностью.

Федеральное бюро расследований прибегает к помощи секретных агентов в криминальных расследованиях с 1972 г. В 1973-1974 гг. они использовались примерно в 30 делах. К 2010 г. количество таких расследований достигло 1591, расходы составили 92 млн. 518 тыс. долларов. В настоящее время этот метод применяют практически все ведомства системы охраны правопорядка США.

Многолетний зарубежный опыт показывает, что внедрение оперативного работника в преступную группу требует решения таких важных вопросов, как:

- правовое урегулирование;
- подбор кандидата на внедрение;
- подготовка сотрудника к внедрению;
- оперативное прикрытие сотрудника и осуществление руководства его деятельностью;
- материальное и техническое обеспечение операции;

- адаптация сотрудника (после его вывода) к деятельности в обычных условиях и др. Остаточным на некоторых из них.

Правовое урегулирование вопросов, связанных с внедрением сотрудников полиции в преступную среду, имеет большое значение. Зарубежная и отечественная практика показывает, что ограничиваться в этих целях только внутриведомственными нормативными актами нельзя. Так как в США мероприятия по внедрению сотрудника согласовываются с прокуратурой, то оно рассматривается как законное и является началом официального расследования. В ФБР негласные сведения на основании решения уголовного сената Федерального суда от 10.07.52 г. используются и в уголовном процессе. Но самый важный в правовом плане, пожалуй, вопрос о допустимости совершения внедренным сотрудником правонарушения, т. е. освобождение его от уголовной ответственности за действия, формально в этом случае подпадающие под признаки состава преступления.

В принципе, секретным сотрудникам в ФРГ [8] и США [9, С. 4.] запрещено принимать участие «в любых действиях, которые образовывали бы состав преступления по законам штата и федеративным, и если они были бы совершены частным лицом, действующим без санкции или разрешения соответствующего государственного должностного лица». Однако в США на основании этой инструкции такого рода действия допускаются и могут быть разрешены в случаях, когда необходимо:

- получить информацию или доказательства, имеющие первостепенное значение для привлечения подозреваемых к уголовной ответственности;
- поддержать достоверность «легенды» в глазах лиц, деятельность которых расследуется;
- предупредить опасность для жизни или здоровья людей или избежать эту опасность.

Такой подход объясняют тем, что секретные сотрудники (или осведомители) нередко попадают в ситуации, когда для завоевания доверия у разрабатываемых они вынуждены принимать участие в совершении преступлений.

Участие в деятельности, которая согласно закону считается серьезным преступлением (кроме скупки и продажи, краденных и контрабандных товаров), заранее санкционируется руководством ФБР. Для участия в скупке и продаже краденных и контрабандных товаров и других мелких правонарушений достаточно письменной санкции начальника местного отделения ФБР.

При выборе будущего кандидата для внедрения в преступную группу, необходимо руководствоваться характером преступлений, которые предстоит расследовать, внешним видом и личностными, качествами кандидата.

В полиции США существует неписаное правило, в силу которого на оперативную работу вообще нецелесообразно направлять лиц с особенно запоминающейся внешностью. По мнению руководителей тайных операций муниципальной полиции, помимо внешнего вида важнейшим фактором выступают личностные качества кандидата, как способность к импровизации и умение ориентироваться в любой ситуации.

Не менее важным является и психологический настрой сотрудника на выполнение подобной деятельности, осознание опасности при выполнении задания, возможности провала операции.

Подготовка такого сотрудника для внедрения осуществляется специальным наставником, который в дальнейшем в операции не участвует. Связь внедренный полицейский поддерживает с определенным лицом по специальному номеру телефона, не принадлежащему официально полиции.

Зарубежный опыт оперативной работы показывает что на сотрудников полиции, внедренных в преступные группы оказывает объективное отрицательное влияние уголовная среда в результате чего они могут быть коррумпированы. Американцы считают, что руководство и контроль за негласной работой секретных сотрудников затруднены в силу самого характера этой деятельности, и чем глубже конспирация, тем в меньшей степени они осуществимы.

В деятельности зарубежной полиции особое внимание уделяется сбору разведывательной информации о преступной среде. Так, например, в Соединенных Штатах эта работа осуществляется

хорошо организованной разведывательной службой полиции, которая организационно входит, в состав городских полицейских органов, часть - в состав полиции штатов или местную полицию.

Цель разведывательной деятельности при этом - обеспечить полицейских руководителей информацией, которая давала бы возможность с большей точностью планировать проводимые ими операции. Это направление в функционировании полиции составляет содержание так называемой внутренней разведки. Наибольшего развития и совершенствования разведывательные мероприятия достигли в федеральных полицейских органах.

Основное назначение «внутренней разведки», подразделяющейся на тактическую и стратегическую, по мнению американских специалистов, состоит в предоставлении возможности прогнозировать преступность, время и место совершения отдельных преступлений, а также личность преступника. Такой прогноз кладется в основу мер, принимаемых для пресечения и предотвращения совершающихся и готовящихся преступлений. Утверждается, что проведение полицейских разведывательных мероприятий особенно необходимо в борьбе с организованной преступностью.

Сведения, полученные в ходе тактических разведывательных операций, могут дать «ниточку» следователю; дополнить список потенциально подозреваемых лиц, за которыми следует вести наблюдение; существенно, расширить сведения о деятельности преступников. Тактическая разведка - это такой вид разведки, который обеспечивает деятельность полицейского подразделения или отдельного его сотрудника в ходе расследования и раскрытия преступлений. Обычно это обеспечение сводится к добыванию необходимых сведений о конкретном уголовном деле и лицах, причастных к нему.

В расследовании преступной деятельности организованных групп, охватывающей нередко не только те или иные области внутри страны, но и выходящие за ее пределы, полиция придает важное значение стратегической разведке. Стратегическая разведка - высшая форма разведывательного процесса, направленная на получение важнейшей информации, представляющей комбинацию имеющихся фактов с их анализом и прогнозом, с целью определения вероятных тенденций в деятельности организованной преступности и выработки обоснованных мероприятий, которые необходимо реализовать органам полиции для обеспечения эффективной борьбы с организованной преступностью.

Стратегическая разведывательная деятельность включает в себя различные ее виды:

- анализ криминологической обстановки на обслуживаемой территории для определения степени связи между преступниками, а также наличия преступных групп. Подобная оценка помогает нацеливать на получение дополнительной информации либо на принятие срочных мер;
- анализ преступлений определенного вида. Этот анализ позволяет дать характеристику современному состоянию борьбы с конкретными, наиболее опасными и распространенными преступлениями;
- составление досье на наиболее опасных преступников, их сообщников и преступные группы. Ведение таких досье позволяет выявлять, концентрировать и систематизировать имеющиеся сведения, определять вероятные направления деятельности полицейского органа и спрогнозировать возможную деятельность преступных групп;
- анализ информации о новых видах преступлений с целью разработки, путей получения информации, необходимой для производства ареста преступной группы или принятия соответствующих профилактических мер;
- годовой анализ определенных видов опасных преступлений; оценка готовности полицейского органа, разработка прогноза динамики различных видов преступлений, подготовка, а предложений по основным направлениям деятельности разведки и следствия, способствующих достижению наибольшей эффективности в борьбе с преступностью.

По американским стандартам типовое разведывательное подразделение должно иметь:

1. Досье, картотеки, содержащие информацию (сведения), ведущиеся по определенным признакам и в форме, обеспечивающей ее, своевременное и эффективное использование.

2. Официально установленный порядок поступления сведений в информационное подразделение из любого источника.

3. Одного (или нескольких) сотрудников, специально выделенных для анализа первичной разведывательной информации и способных на основе поступающих сообщений и имеющихся досье выявлять сети, связи, новые области преступной деятельности, сферы проникновения организованной преступности. Без подобной глубокой аналитической обработки нельзя эффективно осуществлять стратегическое планирование деятельности полицейского органа.

Подразделения РСП, обслуживающие большие районы, кроме трех названных основных организационных элементов, также используют: специализированные сыскные подразделения, работающие только на разведывательную службу; технические отделы, имеющие фотографическое и электронное оборудование; офицеров связи для взаимодействия с начальниками полицейских участков или органов других ведомств; высококвалифицированный персонал специалистов-системщиков, специалистов в области бухгалтерского учета, техников по обработке и контролю информации и др. Говоря о прикладном значении использования разведывательной службы полиции в борьбе с преступностью, особенно с наиболее опасными ее формами, в США считают, что важнейшим аспектом борьбы любого государства против внутреннего и международного терроризма является получение точных разведывательных данных.

На сегодняшний день общепризнанным является то, что обновленная программа реформирования российской полиции, своими главными задачами полиции РФ называет повышение к 2020 году раскрываемости тяжких и особо тяжких преступлений, сокращение уровня уличной преступности и повышение доверия граждан к правоохранительным органам. Ежегодный объем средств, необходимых на реализацию программы, оценивается в среднем почти в миллиард рублей [10].

Литература:

1. Смирнов М.П. Полиция зарубежных стран и ее оперативно-розыскная деятельность. М. Юрид. лит., 1999.
2. "КонсультантПлюс". Конституция Российской Федерации (с изменениями на 5 февраля 2014 г.).
3. Президент РФ Дмитрий Медведев 24.12.2011 г. подписал указ о совершенствовании деятельности органов внутренних дел, предполагающий, в частности, сокращение сотрудников до 01.01.2012 года на 20%.
4. Ассоциация Американских Адвокатов. Совместный проект по оказанию методического содействия правоохранительным ведомствам в противодействии транснациональной преступности. М.: Представительство ААЮ, 2013.
5. Костин В.П. Тайная полиция США. ФБР: прошлое и настоящее. М.: Эксмо, 2010. С. 77.
6. Смирнов М.П. Полиция зарубежных стран и ее оперативно-розыскная деятельность. М. 1999.
7. Лубинский А.И. Предварительное расследование по законодательству зарубежных государств. М.: ФОРУМ-ИНФРА. 1997.
8. §163 УПК ФРГ.
9. Инструкция Генерального атторнея по тайным операциям ФБР 1987 г.
10. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Провал реформы. 29.10.2013 г.

**АНТИНАРКОТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА:
ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА**

**ANTI-DRUG ADVERTISING:
THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT IN THE POSTMODERN ERA**

Хабибова Н.Е.,
к. филос. н., ведущий научный сотрудник
группы научно-исследовательской
и редакционно-издательской работы ФКОУ ДПО
«Уфимский филиал Северо-Западного института
повышения квалификации Федеральной службы
Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков»

Аннотация. В статье характеризуются основные проблемы профилактики наркопотребления в РФ. Дается оценка эффективности антинаркотической рекламы на основе социологических опросов, проведенных в Республике Башкортостан 2012-2013 гг. Приводятся рекомендации направленные на повышение эффективности позитивного воздействия на людей социальной рекламы.

Annotation. The paper presents the characteristics of the main problems of drug prevention in Russia. The author assesses the effectiveness of anti-drug advertising on the basis of opinion polls conducted in the Republic of Bashkortostan, 2012-2013. There are the recommendations to improve the effectiveness of social advertising and positive impact on consumer.

Ключевые слова: антинаркотическая реклама, социальная реклама, профилактика, постмодерн.

Keywords: anti-drug advertising, social advertising, prevention, postmodern.

В 2013 году директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков В. Иванов выделил ключевые блоки в профилактике наркотических средств и психотропных веществ (организация устойчивого социально-экономического развития территорий, качественное образование и здравоохранение, полноценная и достойная занятость молодежи; массированное выявление и мотивирование наркопотребителей на реабилитацию), а также отметил, что «к сожалению, массовая устоявшаяся активность в сфере профилактики в подавляющем большинстве случаев сводится к увлечению яркими разовыми мероприятиями, - концертами, раздачей маек с грозными лозунгами, телемарафонами, - то есть того, что называется пиаром... Пропаганда идет мимо и уже потребляющих наркотики. Сложно представить как лекцией или видеороликом вытащить человека из бездны наркопотребления»[1].

Нельзя не согласиться с выделенными направлениями профилактики, однако:
во-первых, вызывает опасение их исполнение, во всяком случае, в ближайшее будущее;
во-вторых, что касается антинаркотической рекламы, то данный социокультурный феномен требует, на наш взгляд, более детального осмысления.

Напомним, что антинаркотическая реклама относится к виду социальной и термин социальная реклама, являющийся переводом с английского «public advertising», используется только в России (во всем мире ему соответствуют понятия некоммерческой и общественной рекламы).

Согласно Федеральному Закону РФ «О рекламе» (ст. 3), социальная реклама представляет собой информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства [2].

К причинам неразвитости социальной рекламы в России специалисты относят:

- трудности с ее размещением в российских СМИ (сложно поставить социальную рекламу в прайм-тайм, выход социальной рекламы планируется по остаточному принципу, что существенно снижает ее эффективность, так как редко достигает своей целевой аудитории);

- низкое качество технического и творческого исполнения.

Недостаточно внимания уделяется и вопросу о том, что для различных типов целевой аудитории социальной рекламы необходимы различные информационные носители (Интернет, пресса, телевидение, радио, наружная реклама и т.д.). То есть происходит следующее - социальная реклама не доходит до своего адресата, поскольку идет не по тем коммуникационным каналам, с которыми целевые аудитории непосредственно имеют дело.

К проблемам разработки антинаркотической рекламы (графическая, телевизионная, печатная, интернет, радиореклама, антинаркотические игры, сувенирная продукция, антинаркотические акции) можно отнести:

- проблемы научного сопровождения (так, по мнению доктора психологических наук СПбГУ Л. Цветковой "приходится констатировать, что в социальной антинаркотической рекламе нет научного сопровождения, а оценка успешности кампаний проводится лишь в 30% случаев"[3]);

- проблемы выбора подходов (запугивание или переключение внимания на позитивные образы);

- проблемы креативности.

Что касается эффективности антинаркотической рекламы, то, думается небезынтересно рассмотреть результаты нижеследующих социологических опросов, проведенных в Республике Башкортостан. Опросы проводились в соответствии со стандартным вопросником базовой (типовой) единой анкеты для всех субъектов Российской Федерации (утвержденной Государственным антинаркотическим комитетом 21 декабря 2011 г.)[4].

Первый, по заказу Министерства здравоохранения Республики Башкортостан при содействии антинаркотической комиссии Республики Башкортостан, Управления ФСКН России по Республике Башкортостан, Фонда «Башкортостан без наркотиков». Время проведения исследования: ноябрь 2012 г. - январь 2013 г. Методика исследования - уличный опрос. Выборочная совокупность 2003 человека (из них респондентов в возрасте 16-25 лет - 27,46%, в возрасте 26-35 лет - 25,46%, в возрасте 36-45 лет - 24,06%, в возрасте 46-64 лет - 23,02%). [5].

Второй, по заказу Министерства образования Республики Башкортостан в июне 2012 года (выборочная совокупность 2236 человек, из них студенты высших учебных заведений - 800 человек, средних профессиональных заведений - 390 человек, начальных профессиональных заведений - 390 человек).

Данные первого исследования таковы:

- антинаркотическая реклама на телевидении, прессе, радио (45,08 %),
- тематические программы и фильмы на телевидении (42,23),
- специальные концерты, фестивали (41,98 %),
- наружная реклама (баннеры, плакаты, открытки) о вреде наркотиков (31 %),
- выступления в СМИ известных, авторитетных людей, медиков, сотрудников наркоконтроля (32 %),

- беседы с родителями учащихся, студентов (32 %),

- лекции и беседы в учебных заведениях (31 %),

- статьи в прессе (21,86 %),

- публикации в Интернете, специализированные сайты (16,02 %),

- специальные буклеты и брошюры о вреде наркотиков (15,52 %),

- выступления бывших наркоманов (3,74 %).

Наиболее эффективными формами профилактики наркотизма, по мнению учащейся молодежи (второй опрос), являются:

- выступления бывших наркоманов (100 %),
- тематические программы и фильмы на телевидении (53 %),
- антинаркотическая реклама на телевидении, прессе, радио (45 %),
- публикации в Интернете, специализированные сайты (36 %),
- лекции и беседы в учебных заведениях (31 %),
- наружная реклама (баннеры, плакаты, открытки) о вреде наркотиков (31 %),
- выступления в СМИ известных, авторитетных людей, медиков, сотрудников наркоконтроля (30 %),
- беседы с родителями учащихся, студентов (28 %),
- специальные концерты, фестивали (27 %),
- статьи в прессе (17 %),
- специальные буклеты и брошюры о вреде наркотиков (12 %).

Как видим, выборка существенно изменяет позиции форм эффективности. И если такие формы как публикации в Интернете, специализированные сайты (четвертая позиция в сравнении с десятой) и антинаркотическая реклама на телевидении, прессе, радио (третья позиция в сравнении с первой) является закономерной для молодежной аудитории, то в отношении таких форм, как выступления бывших наркоманов (первая позиция в сравнении с последней) и специальные концерты, фестивали (девятая позиция в сравнении с первой) стоит серьезно задуматься.

В ходе анализа контента, размещенного в проекте «Банк социальной антинаркотической рекламы», А. Надеждин и А. Колгашкин выделили 16 базовых сюжетов антинаркотической рекламы, а также технические приемы, использование которых позволяет сделать ее более эффективной [6].

К ним они отнесли следующие приемы.

- Обыгрывание сленга, используемого в наркоманической субкультуре (заимствование (дрейф) наркоманического тезауруса в компьютерную и молодежную среду).
- Реализация недириктового воздействия (наркотики не упоминаются, используются неочевидные, непрямые образы, перекликающиеся с семантическим полем сленговых обозначений и мировосприятием потребителей наркотических средств).
- Использование графических объектов ассоциируемых со знаковыми и визуальными образами (использование символов отдельных наркотических средств, трансформация этих образов для придания им отталкивающего характера).
- Употребление нарочито примитивных слоганов, привлекающих внимание соответствующих целевых групп.
- Использование образов популярных/общеизвестных настольных игр, демонстрирующих интеллектуальную несостоятельность потребителей наркотических средств и психотропных веществ.
- Принимая во внимание тот факт, что операторы пронаркотического воздействия часто спекулируют на отсутствии непосредственной угрозы жизни от некоторых видов наркотических веществ, внимание потребителя рекламы акцентируется на реальных трагических последствиях психических нарушений, обусловленных употреблением наркотических средств.
- Использование образов технических приспособлений, работа с которыми требует особой осторожности с акцентом на их возможное травматическое воздействие, связанное с употреблением наркотических средств.
- Реализация нетрадиционного использования общепринятой компьютерной символики.
- Визуальная стилизация антинаркотического слогана под граффити (нарочитый примитивизм, грубость изображения).
- Создание привлекательного положительного образа человека, свободного от наркотической зависимости.

По мнению К. Ивановой и О. Рабинович, для повышения эффективности позитивного воздействия на людей, социальной рекламе необходимо учитывать специфику общества постмодерна. Реклама не должна запугивать, а должна помогать найти выход из проблемы посредством создания положительных образов. Образы создаются методом социалистического реализма (демонстрация не действительности, а искусственно созданной реальности).

Социальная реклама, по мнению авторов должна стать частью массовой культуры, для быстрого и эффективного донесения до различных слоев населения социального продукта. И далее, создав «уникальную» концепцию, постмодернизм, провозгласил моду на моду и социальной рекламе «необходимо учитывать это, чтобы вводить «в моду» определенные действия и установки...[7]».

Думается, авторы выделили именно социальную рекламу, поскольку в период постмодернизма итак господствует массовая культура, составными элементами которой являются мода и реклама.

По мнению ряда исследователей (А. Веригина, А.Н. Лебедева-Любимова, О.А. Феофанова) средствами ценностных элементов «российская реклама при определенных условиях способна стать источником нравственного самосовершенствования личности и оказывать существенное воздействие на процесс инкультурации, актуализируя потребности личности в сфере приобщения к российской и общемировой культуре. Пока массовое искусство будет увлеченно разрабатывать темы «чернухи» и «порнухи», реклама будет оставаться едва ли не единственным институтом, формирующим и поддерживающим позитивные модели поведения. Как массовое общественное явление, рекламная деятельность несет в себе огромный культурный потенциал, способный при определенных условиях положительно влиять и на отдельного человека, и на общество в целом» [8].

В заключение хочется отметить, что как СМИ, так и реклама, являются средствами первичной профилактики наркомании (информационный подход). А вот уже взаимодействие когнитивного с ценностным уровнем человеческого сознания (диалектическое соотношение или взаимодействие ценностных и когнитивных элементов в профилактике наркотических средств и психотропных веществ) представляет собой проблему, требующую дальнейших исследований.

Литература:

1. Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН В.П. Иванова на заседании «круглого стола» по теме: «О дополнительных мерах законодательного регулирования по профилактике наркомании и обеспечения безопасности». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.davydov.fsknmsk.ru/official/ivanov/> (дата обращения: 16.02.2014).
2. Федеральный Закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ "О рекламе" (ред. от 28.07.2012 с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2013). URL: <http://www.consultant.ru/popular/smi/> КонсультантПлюс, 1992-2014.
3. Какой быть социальной антинаркотической рекламе? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaks.ru/new/archive/view/99863> (дата обращения 12.01.2014).
4. Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах: утв. п. 3.1 протокола заседания Государственного антинаркотического комитета от 18 декабря 2012 г. № 18. Электронный ресурс].URL: <http://www.fskn.gov.ru> (дата обращения: 7.03.2012).
5. Результаты социологического исследования населения Республики Башкортостан по проблемам наркомании по итогам 2012 года. Электронный ресурс].URL: <http://www.gnkrb.ru> (дата обращения 7.06.2013).
6. Надеждин А.В., Колгашкин А.Ю. К вопросу об эффективности антинаркотической социальной рекламы//Журнал неврологии и психиатрии. – 2012. - №5. Вып.2. - С. 70-71.

7. Иванова К.Ю., Рабинович О.Т. Использование концепции постмодернизма в контексте социальной рекламы для повышения эффективности ее воздействия на индивида. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference> (дата обращения 12.05.2014).

8. Лещук Н.С. Особенности воздействия рекламы на инкультурацию школьников в современной России. /Ломоносовские чтения 2008: Российская государственность в XXI веке и глобальные проблемы мирового развития /Научная конференция. Сборник докладов / Под общей ред. проф. Л.Н. Панковой. - М., 2009. - С.715.

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ ЗЛА:
(ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ, ИСКУССТВО,
РЕЛИГИЯ И НАУКА В ПОНИМАНИИ ЗЛА)**
**PHENOMENOLOGY AND EPISTEMOLOGY OF EVIL:
(COMMON SENSE, ART, RELIGION
AND SCIENCE IN THE UNDERSTANDING OF EVIL)**

Темыр Хагуров,
доктор социологии,
профессор Кубанского государственного университета,
ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

Мы видим зло, творим зло и подвергаемся злу.
Однако мы как будто всякий раз о нем забываем <...>
Но мы узнаем зло, когда оно обретает лицо, идентичность...
Л.Свендсен «Философия зла»

Аннотация. В статье рассматривается категория «зла» в контексте феноменологической и гносеологической интерпретации. В оценке зла приводятся две противоположные друг другу позиции Ж. Бодриера и Л.Свендсена. Дается авторская трактовка понятия зла. Характеризуются *пути и методы* изучения зла.

Annotation. The author interprets the category of "evil" in the context of the phenomenology and epistemology. There are two opposite sides to each other according to Jean Baudrillard and Lars Svendsen. There is the author's interpretation of the concept of evil given. The paper presents the characteristic ways and methods of study of evil

Ключевые слова: зло, феноменология зла, гносеология зла, человек, наука, здравый смысл

Key words: evil, phenomenology of evil, evil epistemology, people, science, common sense

В своей прошлой статье¹ я предложил на суд читателей вопрос о возможности рассмотрения зла, как предмета научного и философского исследования. Ключевая идея, вынесенная за скобки той статьи, заключается в том, чтобы предложить *трактовку девиантологии, как социо-психологии зла*. Понимаю, что подобная постановка вопроса выглядит несколько экзотично, но в то же время, уверен, что она имеет право на существование, хотя бы в качестве пробной «исследовательской программы» (И.Лакатос), поэтому пытаюсь продолжить разговор на тему изучения зла, на этот раз в ключе вопросов феноменологических и гносеологических.

Начнем с того, что когда мы говорим о «зле», перед нами встает вопрос об определении. Как можно определить зло? Как ни странно, подобное определение при всей своей сложности отнюдь не невозможно. Во-первых, зло можно *показать* чрез образы или описания. Во-вторых, можно попробовать *порассуждать* о том, что собой представляет зло. Такое рассуждение, ставящее целью «поймать» феномен зла вполне может принять форму контекстуального определения, помогающего нам понять те или иные аспекты зла.

Одна из самых известных и цитируемых (что не означает самых удачных) попыток такого рода принадлежит Ж.Бодрийяру:

Принцип Зла лишен морали, это принцип неравновесия и помутнения разума, принцип сложности и странности, принцип соращения, принцип несходности, антагонизма и непреодолимости. Это не есть принцип смерти, совсем наоборот, это *жизненный* (*курсив мой – Т.Х.*) прин-

¹ См.: Хагуров Т.А. Проблема зла в науке и философии XX века // Общество и человек, 2013, № 3-4(6), с. 29-38.

цип разрушения связей. Со времен рая, которому положил конец сам факт его сотворения, принцип Зла есть принцип познания. Если мы были изгнаны из рая за наказуемое действие, то давайте по крайней мере извлечем из этого все преимущества. Любая попытка искупления проклятой стороны нашей сути, искупления принципа Зла может лишь учредить новый искусственный рай, искусственный рай согласованности, которая и есть истинный принцип смерти. Всякая позиция, которая принимает сторону бесчеловечности или принципа Зла, отвергается любой системой ценностей (под принципом Зла я подразумеваю лишь простое высказывание некоторых жестоких истин (*курсив мой – Т.Х.*) по поводу ценностей, права, власти, действительности...). <...> Всякое освобождение затрагивает в одинаковой степени и Добро, и Зло. Оно приносит свободу нравов и умов, но оно же дает волю преступлениям и катастрофам. Освобождение права и наслаждения неотвратимо ведет к освобождению преступления (это очень хорошо понимал маркиз де Сад, чего ему так никогда и не простили). Иллюзия, что можно отделить Добро от Зла с тем, чтобы развить то или другое, просто абсурдна (это обрекает на бессилие тех, кто стремится платить злом за зло, ибо в конце концов они творят добро).²

Можно видеть, что в приведенном отрывке Бодрийяр касается скорее онтологических, а не феноменологических аспектов зла, пытаюсь скорее ответить на вопрос «что есть зло», нежели «как себя проявляет зло». Из его ответа вытекает, что зло есть *необходимая часть жизни*, наряду с добром и представляет собой «нормальную» сторону человеческой природы. Мне лично кажется, что в этой точке зрения нет ни правдоподобия, ни милосердия. То есть она одинаково плохо помогает в попытках как *понять* зло так и *преодолеть* его. Соответственно, есть веские основания сомневаться в ее теоретической и практической ценности. Другими словами, принять ее, все равно, что признать болезнь таким же естественным состоянием человека как и здоровье, отказавшись от попыток лечения.

Аналогичным образом, мне не кажутся убедительными рассуждения Бодрийяра о феноменологии зла, которую он связывает с понятиями «трансэстетики», «транссексуальности» и «трансэкономики», выражающими идею абсолютной пресыщенности:

Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. <...> Исчезли сильные побуждения или, иначе говоря, позитивные, избирательные, притягательные импульсы. Желания, испытываемые нами, очень слабы; наши вкусы все менее определены. Распались, неизвестно по чьему тайному умыслу, созвездия вкуса, желания, воли. А созвездия злой воли, отвержения и отвращения, наоборот, стали более яркими. Кажется, что оттуда исходит какая-то новая энергия с обратным знаком, некая сила, заменяющая нам желание, необходимое освобождение от напряжения того, что заменяет нам мир, тело, секс. Сегодня можно считать определенным только отвращение, пристрастие же таковым более не является. Наши действия, наши затеи, наши болезни имеют все меньше объективных мотиваций; они все чаще исходят из тайного отвращения, которое мы испытываем к самим себе, из тайной выморочности, побуждающей нас избавляться от нашей энергии любым способом; это следует считать скорее формой заклинания духов, нежели проявлением воли³.

Считать пресыщенность основным проявлением зла в мире, где в изобилии встречаются голод, жестокость, страдания, предательство и т.п. – это, наверное, слишком уж философско-отвлеченный взгляд на вещи. Ему не хватает социологичности и психологичности а проще говоря – реалистичности. Хотя такая позиция интеллектуала-постмодерниста, смотрящего скучающим взглядом в мир полный страданий и зла, с высоты экономического благополучия, эгоизма и скепсиса верхнего слоя среднего класса сегодня в моде.

² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. Перевод Л.Любарской, Е.Марковской. М.: Добросвет, 2000. С. 159, 163.

³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. Перевод Л.Любарской, Е.Марковской. М.: Добросвет, 2000. С. 12, 107.

Более вдумчивой и гораздо более *человечной* попыткой понять зло представляется опыт его концептуализации Л.Свендсенем. Во введении к своей книге о зле, имеющем подзаголовок «что есть зло и как его следует понимать?», он пишет:

«Разумеется, мы ощущаем зло, как страдание, но ощущаем ли мы все еще зло как грех? <...> Свобода человека означает то, что <...> когда мы совершаем зло, нас можно *осуждать* [курсив автора] за то, что мы не поступили по другому. У нас есть общее, пусть смутное понимание понятия «зла», и мы можем использовать его, говоря о событиях, поступках, людях. Об этих событиях, поступках, людях можно говорить другими словами – вопрос в том, является ли зло важным для понимания происходящего вокруг нас. На мой взгляд, это понятие имеет большое значение. <...> Прежде всего я пишу не о понятии «зла», а о различных *понятиях* [курсив автора]. <...> Я считаю добро и зло качествами чего-либо и не рассматриваю их как вещь в себе. Эти качества можно приписывать людям, предметам и событиям. По-моему, «добро» и «зло» не просто соотносятся с оценкой человеком каких-то явлений, но и с самими этими явлениями, с объектом оценивания <...> Следовательно, суждение «X – зло» верно, если и только если X имеет свойство быть злым. Что значит «X – зло»? Все люди стремятся прожить счастливую жизнь, но получается это не всегда – и зло, в широком смысле, может пониматься, как всякая помеха воплощению счастливой жизни. <...> В узком смысле понятие выражает действия человека, умышленно направленные во вред другим»⁴.

Можно видеть, что в рассуждении Свендсена указывается на ряд сложностей, связанных с попыткой определения зла. Во-первых, это вопрос (принципиальный!) о *виновности* человека во зле. Понимать ли под «злом» лишь страдания или же и вину человека? Вообще позитивистская линия в социальных науках, создавшая в конце XIX – начале XX вв. тренд на выявление «объективных» причин наших поступков и состояний, серьезно потеснила понятие вины, сделав его атрибутом «субъективной» моральной критики. Соответственно и понятие о зле стало почти маргинальным и «ненаучным». Однако трудно не согласиться со Свендсенем в том, что научные доводы «имеют ограниченную сферу действия», а «попытка отринуть зло путем его рационализации не удалась в полной мере».⁵

С другой стороны, предлагаемое Свендсенем понимание зла, как препятствия к счастливой жизни мне представляется размытым в силу неопределенности и многозначности понятия счастье. А трактовка зла как причинения умышленного вреда другим мне кажется явным *зауживанием* сложного и многомерного явления, каким вне всякого сомнения является зло. Подобно другим выдающимся исследователям зла в XX веке (таким как Х.Арендт, С.Милрамм, Ф.Зимбардо) Л.Свендсен ассоциирует зло прежде всего со страданиями, их умышленным причинением. Это очень *светская* точка зрения. Религиозная же мысль утверждает, что смерть и страдания, безусловно самые драматичные, но отнюдь не единственные проявления зла в нашем несовершенном мире.

Ценность определения зла, предлагаемого Ф.Зимбардо в том, что оно ближе всего к классическому понятийному определению и обладает наибольшей формальной строгостью:

«Зло - это осознанный намеренный поступок, совершаемый с целью нанести вред, оскорбить, унижить, дегуманизировать или уничтожить других людей, которые ни в чем не виноваты; или использование личной власти и авторитета Системы для того, чтобы поощрять людей или позволять им совершать подобные поступки от ее имени. Коротко говоря, «зная что такое хорошо, поступать плохо»».⁶

⁴ Свендсен Л. Философия зла/ Пер. с норв. Наргис Шинкаренко – М.: Прогресс-Традиция, 2008. С.25, 26, 27-28.

⁵ Там же, с. 26.

⁶ Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев/ Филип Зимбардо; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013.С. 27.

Однако прекрасный в своей строгости, доктор Зимбардо дает еще более узкое определение, нежели Л.Свендсен. Как быть с *ненамеренными* поступками причиняющими вред? Или с поступками, причиняющие вред самому субъекту, причем возможно параллельно с удовольствием (наркомания или разврат)? Сводится ли зло к страданиям? Права ли церковь, когда говорит об *искупляющих* страданиях? Как соотносятся нравственное, социальное и психологическое зло? Все это – вопросы, отвечая на которые не следует тропиться.

Мне кажется, в самом общем виде определение зла может иметь следующий вид: *зло – это те мысли, чувства, волевые импульсы и основанные на них действия, либо бездействия, которые препятствуют человеку в реализации его человечности.*

Это общее определение никоим образом нельзя считать достаточным и в последующих статьях я постараюсь представить читателю несколько более подробных определений. Однако чтобы подойти к более подробным определениям, нужно попытаться ответить на следующие вопросы: 1) что такое человечность и как ее можно реализовать или не реализовать?; 2) является ли зло субстанцией или качеством?; 3) атрибутом воли, разума или чувства? 4) какие имеются в нашем распоряжении пути изучения зла? Другими словами, вслед за проблемой феноменологии зла, пред нами встают проблемы антропологии и гносеологии зла. Начнем с гносеологии.

В этой статье речь пойдет о *путях и методах* изучения зла. Однако, прежде чем перейти непосредственно к их рассмотрению, нужно ответить на вопрос: *а что значит изучать зло?* Любое познание предполагает наличие *вопросов*, на которые мы пытаемся найти ответы. Какие вопросы мы должны или можем (или напротив – не должны и не можем) задавать в отношении зла? Очевидно, таких вопросов может быть множество и рассмотреть их все не только в отдельной статье, но и в отдельной монографии, вряд ли возможно. Поэтому, лучше сразу оговорить, какие из них будут связаны с «познанием зла» в этой главе, а какие – нет.

Во-первых, мы не будем или почти не будем (насколько это возможно) касаться вопросов *онтологии* зла, столь любимых философами и теологами. Размышления о том, является ли зло субстанциональным или конвенциональным понятием, вещью или предикатом, бытием или небытием, интересны и важны, но с научной и практической точки зрения кажутся слишком отвлеченными. Здесь во многом можно согласиться с Л. Свендсеном, который пишет:

«<...> зло является прежде всего практической, а не теоретической проблемой. Вопросы о том, как зло пришло в мир, существует ли оно само по себе или же является отсутствием и т.д., являются не столь важными, как вопрос о том, как предотвратить зло»⁷.

В то же время, размышляя о том, как преодолеть зло, мы бываем вынуждены ставить вопросы и том, «как устроено зло», что оно собой представляет. Однако, при этом наш интерес всегда будет носить практический характер.

В качестве рабочей гипотезы я исхожу из того, что зло – это «реальность, данная нам в ощущениях», т.е. мы с ним регулярно сталкиваемся. И в качестве рабочего определения того, что оно собой представляет, предлагаю считать *специфическую направленность воли мыслящего, чувствующего и действующего (либо бездействующего) существа*. Соответственно *вопрос о зле – это вопрос о человеке* (хотя религия может включать в этот вопрос и ангелов и демонов), *о направленности его чувств, мыслей, желаний и поступков*.

Соответственно, ключевыми вопросами для нашего исследования будут вопросы *антропологические*, сопряженные с пониманием человека и человеческих проблем. Одним из главных таких вопросов в свете отстаиваемого религиозным гуманизмом понимания зла как препятствия в реализации человеком его человечности, является вопрос о том, *что такое человечность*. Что значит быть человеком? Существуют ли какие-то устойчивые *экзистенциалы* (В.Франкл) – константы человеческого существования? Если да, то могут ли они быть выявлены и описаны рационально? Мо-

⁷Свендсен Л. Философия зла/ Пер. с норв. Наргис Шинкаренко – М.: Прогресс-Традиция, 2008.С.33.

жет ли человек отказаться от своей человечности, и если да, то что это означает? Является ли зло присущим человеку изначально, или оно есть результат влияния чего-то внешнего? Большая часть этих и им подобных вопросов должны рассматриваться в контексте *антропологии зла*. Но прежде встают вопросы гносеологические, связанные с возможностями *познания зла, как познания человека*.

Основных *путей* изучения человека существует четыре – это (в хронологическом порядке) *религия, искусство, философия и наука*. У каждого из них *свои цели, свой язык и свои методы* познания реальности человеческого. Сегодня, когда задор позитивистских и сциентистских ожиданий XIX – XX вв. уступил место научной скромности, скепсису, а иногда и растерянности, научный дискурс (до чего прилипчивое постмодернистское словечко!) о человеке уже не рассматривается в качестве единственно возможного. Хотя часто мы можем наблюдать другую крайность: уравнивание рациональных и иррациональных путей познания, науки и эзотерики, смелых гипотез и откровенного бреда в духе *New Age*. Интеллектуальной прививкой от подобного вируса, с легкостью пожирающего мышление и заменяющего его продуктами своей псевдоинтеллектуальной жизнедеятельности, должен стать критический подход, предполагающий внимание к аргументам и доказательствам.

Нужно помнить простую вещь: у каждого из перечисленных видов познания человека своя сфера компетенции. Вместе они дополняют друг друга. Наука многое нам может сказать о поведении человека, привести факты и доказательства (ибо она верит только факту – тому, что может быть зафиксировано и измерено), но она ничего не скажет нам о Любви или Красоте. Эти вещи с точки зрения науки «субъективны», но они неустранимо важны для нас, ибо без них нет человека. Любовь и Красота – это территория Искусства. В то же время искусство и наука бессильны перед Страданием и Смертью и следующей из них дилеммы Смысла и Отчаяния – это сфера Религии или (в меньшей степени, на мой взгляд) Философии. Главное же достоинство Философии в том, что она позволяет нам «переключать регистры» – перемещаться между научными, художественными и религиозными идеями о человеке и находить «точки пересечения» между ними.

Как известно, человек – самая сложная реальность в нашем мире. Именно поэтому, о нем не получается говорить только на одном языке и изучать его методами какого-то одного из путей познания. Сам человек *оказывается значительно сложнее, нежели его* научные, философские, художественные или (вот здесь я бы не был столь категоричен) религиозные *репрезентации*. Отсюда неизбежный «принцип дополнительности» этих репрезентаций. Каждый из четырех путей познания может очень многое сказать нам о человеке. При этом не только научные и философские, но и художественные и религиозные идеи и знания могут быть выражены с рациональных и критических позиций поиска ответов на вопросы о возможностях преодоления зла.

В зависимости от своей одаренности, образования, мировоззрения, культурной принадлежности и жизненного опыта, мы отдаем предпочтение тем или иным религиозным, художественным, философским или научным идеям и взглядам. Однако, у всех нас есть то общее знание о жизни и ее проблемах, включая проблему зла, которое часто незаслуженно дискриминируется с рафинированных эпистемологических позиций. Это доступные всем людям, вне зависимости от их образования *обыденные знания* о зле, источниками которых выступают *совесть, жизненный опыт и здравый смысл*. Мне кажется эти источники знания (не только о зле, но и человеке вообще) заслуживают нескольких слов в свою защиту.

Тезис о том, что жизненный опыт и здравый смысл не очень надежны и часто ошибаются, очень популярен в поведенческих науках. Так Д.Майерс в своем замечательном учебнике указывает на свойственную обыденному сознанию *ошибку хиндсайта*, связанную с феноменом «я знал это»:

«Проблема со здравым смыслом заключается в том, что мы взываем к нему после того, как знакомимся с фактами. События становятся «очевидны» и предсказуемы после того, как они уже произошли, а не до того. <...> Действительно, почти все результаты психологического эксперимента могут казаться здравым смыслом, но только после того, как они вам становятся известны.

<...> Итак, к какому же выводу мы придем – что здравый смысл обычно ошибочен? Иногда да. До тех пор пока наука не развенчала общепринятую точку зрения, на протяжении веков люди были уверены, что Солнце вращается вокруг Земли».⁸

Отчасти Майерс, конечно, прав. Наука является более строгой и точной, более «въедливой» чем здравый смысл. Фактически, философию и науку можно считать «усовершенствованным здравым смыслом». Это справедливо в той мере, в какой логика Аристотеля развивает наши естественные логические способности рассуждать непротиворечиво. Или в той, в какой научный эксперимент является развитием нашей природной наблюдательности и умения видеть взаимосвязи между явлениями. Разница в строгости между ними вытекает из разницы в целях. Целью обыденного знания, основанного на здравом смысле и опыте, является *приспособление к жизни*. Цель философии – понять и объяснить неочевидное – отсюда и «апгрейд» естественной логики, как главного инструмента такого понимания. Цель же науки – не только понять, но и преобразовать мир (это, явным образом совсем не то, что приспособиться к нему), поэтому она, заимствуя логические инструменты философии, производит и «апгрейд опыта», превращая его в экспериментальный метод. Такой взгляд на различия между обыденным, философским и научным познанием – это несомненно упрощение, но упрощение, все-таки, не лишенное оснований.

Пример с солнцем, столь любимый апологетами науки, хорошо иллюстрирует эту мысль. С точки зрения здравого смысла и повседневного опыта действительно *именно солнце движется по небу*. И этого обыденного земного знания *вполне достаточно для решения практических проблем*, связанных с распорядком дня, временем труда, сна и отдыха и т.п. В отношении этих сугубо практических вопросов повседневной жизни научное знание о движении небесных тел оказывается совершенно *излишним*.

Защитник науки, разумеется, укажет на тот факт, что наука весьма сильно меняет нашу повседневность. Так развитие астрономии способствовало появлению космических технологий, запуску спутников, в том числе тех, которые, например, обеспечивают работу GPS-навигаторов, столь упрощающих часть наших повседневных забот. Это, конечно, так, но как и многие другие открытия, несущие человечеству *излишки комфорта*, навигаторы, равно как и мобильные телефоны и компьютеры и прочие *помощники* имеют две стороны. Они помогают, но они не делают нас счастливее и *отучивают нас обходиться своими силами*. Распространение навигаторов привело к тому, что почти исчезли путешественники-любители, способные ориентироваться по солнцу и звездам и умеющие читать карты. Мобильные телефоны убили умение ясно и красиво излагать свои мысли и чувства в письмах. Компьютеры... нет смысла напоминать о всех психопатологических последствиях их массового распространения благо библиография этого вопроса огромна, а сама тема - в моде.

Я никоим образом не проповедую антисциентизм. Просто хочу напомнить, что науке значительно меньше лет, чем здравому смыслу и иногда не стоит столь пренебрежительно отмахиваться от его советов. Так авторы интереснейшей книги «50 великих мифов популярной психологии», также критикуют здравый смысл, считая его одним из источников психологических мифов и призывают нас критически относиться к суждениям с позиций здравого смысла.⁹ Мне кажется такого рода критика проистекает из за смешения сфер компетенций науки и здравого смысла. Здравый смысл, как уже говорилось, помогает нам приспособиться к обыденной жизни. Цель же науки – *понять, как устроен мир «на самом деле», понять, что находится за рамками обыденности*. В жизни нередко бывает так, что здравый смысл нас подводит, но касается это в основном ситуаций *внеобыденных*, создаваемых либо самой жизнью (а она – мастер на создание таких ситуаций), либо фантазией экспериментатора. Но нередко бывает и наоборот: наука предлагает нам какую-то «доказанную исследованиями» теорию, противоречащую «отсталому» здравому смыслу, а время потом доказывает его

⁸ Майерс Д. Социальная психология/ Пер. с англ.. – СПб.: Питер, 1997. С.41, 42, 45.

⁹ Лилиенфельд С.О. 50 великих мифов популярной психологии/ СКОТТ О. Лилиенфельд, Стивен Дж. Линн, Джон Русо, Барри Л. Бейерстайн. – М. Эксмо, 2013. С. 29-34.

правоту. Так одно время была в моде так называемая теория «нефрустрирующего» воспитания, утверждающая, что детей нельзя наказывать, поскольку это «травмирует их личность». Что ответит на это любой *здравомыслящий* родитель, имеющий *опыт* общения с детьми? Скорее всего он скажет, что без наказания не получается воспитания и будет прав. Жизненный опыт и здравый смысл подсказывают нам, что ребенок легко тянется к дурному, и эту тягу иногда *нужно* пресекать наказанием. В совместной монографии с А.А.Остапенко, мы касались абсурдности этих «гуманистических» идей:

«Абсурдность эта в основном связана с критикой школы как «репрессивного института, препятствующего самоактуализации». Приведем примеры. Так преподаватели Московской высшей школы социальных и экономических наук Э.Гусинский и Ю.Турчанинова пишут: «Образование для гуманистов - процесс развития свободных, самоактуализирующихся личностей, поэтому организация образовательного процесса не создает необходимости ни в принуждении, ни в предписаниях, учащиеся сами выбирают и созидают свою природу. <...> Все это может произойти лишь в атмосфере свободы, следовательно, в образовательных учреждениях не должно быть иерархии власти, доминирования педагогов над учащимися, внешних стандартов успеха, а стало быть, нет надобности в тестах и оценках. В центре учебного процесса - самоопределение ученика». Этот прекраснотушный пассаж, фигурально выражаясь, хорошо звучит, но плохо пахнет. Почему? Да потому, что «учащиеся сами выбирают» чаще всего, к сожалению, отнюдь не саморазвитие. Вне отношений иерархии, дисциплины, ответственности и приобщения к *надиндивидуальным* ценностям, чаще всего «свободное самоопределение» принимает форму *агрессивного хаоса*. Весьма глубоко это проанализировано в знаменитом романе У.Голдинга «Повелитель Мух». Об этом же свидетельствуют наблюдения *любого* *вменяемого педагога*, имеющего опыт наблюдения за «свободно самоопределяющимися» (вне контроля и сопровождения со сторон взрослых) сообществами подростков. Заканчиваются такие наблюдения чаще всего пресечением открытых форм агрессии и насилия».¹⁰

В данном случае мы с коллегой апеллируем именно к здравому смыслу и элементарному жизненному опыту, отнюдь не требующим какой-то сложной научной подготовки. Другой пример подобного рода можно почерпнуть из книги «50 великих мифов популярной психологии». Авторы в конце каждой главы в рубрике «Исследуем другие мифы» сопоставляют различные, «ложные» суждения с «истинными» (кавычки мои – Т.Х). Вот один из примеров такого сопоставления:

Вымысел

Алкоголь увеличивает сексуальное желание

Алкоголь согревает тело

Правда

Алкоголь обычно блокирует сексуальное желание и его реализацию, особенно в больших дозах.

Хотя употребление алкоголя на холоде может оказать согревающий эффект, на самом деле он приводит к тому, что тело теряет тепло.¹¹

Интересно, сами авторы книги наблюдали когда-нибудь, как алкоголь действует на сексуальное желание или на ощущения холода? Опять налицо смешение целей – *понять как действовать* (позиция здравого смысла) или *понять как все устроено* (позиция науки). Вполне допускаю, что авторы правы с формально-биохимической точки зрения и алкоголь, будучи седативным средством, блокирует сексуальное желание. Но параллельно он растормаживает психику, что способствует бо-

¹⁰ Остапенко А.А., Хагуров Т.А. Человек исчезающий. Исторические предпосылки и суть антропологического кризиса современного образования. Монография – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2012.С. 96.

¹¹ Лилиенфельд С.О. 50 великих мифов популярной психологии/ СКОТТ о. Лилиенфельд, Стивен Дж. Линн, Джон Русо, Барри Л. Бейерстайн. – М. Эксмо, 2013. С. 100.

лее свободному проявлению желаний, в том числе сексуальных. Потому всякий, кто наблюдал, как алкоголь действует на поведение мужчин и женщин на больших вечеринках с обилием выпивки признает: он действительно увеличивает сексуальную активность. Поэтому мамы матери, наставляющие с позиций здравого смысла своих юных дочерей, отправляющихся на вечеринку: «смотри не пей!». Аналогично дело обстоит с согревающим эффектом: всякий, кто выпивал на холоде, чтобы согреться, знает это.

Здравому смыслу действительно часто не хватает строгости, чтобы понять, как *на самом деле* устроен мир. Но его обычно бывает вполне достаточно, чтобы понять как действовать в этом мире. Во многом это справедливо и для вопросов, связанных с пониманием и преодолением зла. Почти у всех народов мы встречаем простые и здравые суждения о добре и зле и вытекающие из них моральные истины. Это то, что Киплинг называл Богами Азбучных Истин. Эти истины отражены в бесчисленных пословицах и изречениях, которыми так надоедают нам наши родители, бабушки и дедушки в детстве и юности: «Яблоко от яблони...», «Без труда не вытащить и рыбки...», «Не все то золото, что блестит», «Выбирая жену, смотри на тещу» и т.д. и т.п. В тоже время, как справедливо указывает Д. Майерс, пословицы часто противоречат друг другу.¹² Возможно эти противоречия связаны с тем, что сама жизнь часто бывает противоречивой?

И все-таки, что же здравый смысл может нам сказать о зле? Достаточно многое. Например, напомнить, что зло любит притворяться приятным и в этом его коварство: «не все, что приятно – полезно». А к добру часто приходится себя понуждать: «между хочу и надо, выбирай надо» и «делу время, потехе – час». Напомнить, что мы очень неустойчивы к искушениям и поэтому нам лучше воздерживаться от категоричных обещаний в духе «никогда так не сделаю»: «не зарекайся» - любила мне повторять бабушка. О том, что возраст и опыт отнюдь не являются надежной страховкой от зла: «седина в бороду, бес – в ребро». О том, что зло затягивает: «увяз коготок - всей птичке пропасть». Общий же вывод может быть примерно таким: совесть, жизненный опыт и здравый смысл действительно многое могут нам сказать о том, как мы должны думать и действовать, чтобы избежать искушения злом. Они напоминают нам, что зло всегда рядом и нам нужно быть бдительными, что отнюдь не гарантирует нам «иммунитета» ко злу.

Существует немало достаточно глубоких исследований человеческих проблем, написанных с позиций здравого смысла. Одно из самых известных принадлежит Сирилу Норткоту Паркинсону. В своих работах Паркинсон касается различных жизненных проблем (работы, брака, воспитания детей и т.п.), анализируя в том числе содержание и причины множества «недраматических» форм зла: карьеризма, бюрократизма, неравенства в распределении власти, семейных проблем и пр.¹³

Множество тонких замечаний в отношении зла с позиций здравого смысла и житейской наблюдательности делает К.С. Льюис. Обосновывая существование *естественного нравственного закона*, он указывает на присущую нам склонность этот закон нарушать:

«<...> никто из нас по-настоящему не следует закону природы. <...> Я просто стараюсь обратить ваше внимание на один факт, а именно на то, что в этом году, или в этом месяце, или, что еще вероятнее, сегодня мы с вами не сумели вести себя так, как хотели бы, чтоб вели себя другие люди. Для этого может быть сколько угодно объяснений и извинений. <...> Я сам такой же. То есть мне самому не удастся как следует соблюдать естественный закон, и как только кто-нибудь начинает говорить мне, что я его не соблюдаю, в моей голове сразу же возникает целый рой извинений и объяснений. Но в данный момент нас не интересует, насколько обоснованы все эти извинения и объяснения. Дело в том, что они лишь еще одно доказательство того, как глубоко, нравится нам это или нет, верим мы в закон человеческой природы. Если мы не верим в реальную значимость порядочного поведения, почему тогда мы так ревностно оправдываем свое не совсем порядочное поведение? Правда состоит в том, что мы верим в порядочность настолько

¹² Майерс Д. Социальная психология/ Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1997.С.44.

¹³ См.: Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона/пер. с англ. – М.: Эксмо, 2007 – 464 с.

глубоко - мы испытываем на себе такое сильное давление этого закона или правила, - что не в состоянии вынести того факта, что нарушаем его, и в результате пытаемся списать свою ответственность за нарушение на кого-то или на что-то другое. <...> Итак, я хочу обратить ваше внимание на два пункта: Первое: человеческие существа во всех частях земного шара разделяют любопытную идею о том, что они должны вести себя определенным образом. Они не могут отделиться от этой идеи. Второе: в действительности, они не ведут себя таким образом. Они знают естественный закон, и они нарушают его. На этих двух фактах основано наше понимание самих себя и той Вселенной, в которой мы живем».¹⁴

Сказав необходимые слова в защиту здравого смысла, перейду к его критике. Суть этой критики проста: зло связано с такими глубинными пластами нашей природы, для понимания которых обыденного знания *недостаточно*. Как недостаточно его для понимания человека вообще. Поэтому с первых дней своего существования на Земле (не касаясь спорного вопроса о том, откуда он на ней взялся) для понимания себя и своего мира он опирался, наряду со здравым смыслом, на искусство и религию – древнейшие формы *внеобыденного* знания.

Они появились значительно раньше науки и философии и являются в полном смысле ровесниками человечества. Как справедливо указывает К.Г. Честертон, многие наши представления о раннем человечестве основаны на догадках, но факты нам сообщают, что везде, где мы встречаем следы человека, мы видим, что он совершает религиозные обряды и украшает себя и свое жилище¹⁵.

Первоначально искусство и религия не существуют отдельно, они сливаются (вместе с философией) в потоке мифа: синкретичной, поэтической, образной репрезентации жизни и её главных проблем. Затем происходит их разделение: из мифа выделяются искусство и собственно религия, затем - философия. Значительно позже из философии выделяется наука. У каждого из этих видов познания есть свои возможности и средства описания и понимания зла. Подробное (более или менее) обсуждение этих возможностей и средств художественного, религиозного, философского и научного понимания зла – темы дальнейших статей.

¹⁴ Люис К.С. Просто христианство// Льюис Клайв Стейплз. Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты: Пер. с англ. - М.: Республика, 1992. - 432 с

¹⁵ Честертон К.Г. Вечный человек. – М.: Эксмо, Спб.: Мидгард, 2004. – 704 с.

МОЙ ЯКОВ ИЛЬИЧ ГИЛИНСКИЙ

Цэнгэл С.Д.,
к. ю. н., доц.,
РГПУ им. А. И. Герцена

Ах! Ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений.
А.С. Пушкин

Яков Ильич Гишинский очень много пишет, ездит по миру с докладами, выступает, заведует кафедрой уголовного права Герценовского университета, является профессором кафедры уголовного права Санкт-Петербургского филиала Академии Генпрокуратуры и прочая, прочая, прочая. Когда Яков Ильич занимается творчеством, он не думает ни о бессмертии своей души, ни о бессмертии своих творений. Представляется, что подобные мысли совершенно не в духе Якова Ильича. Он полон жизненных и творческих сил, жаждет продолжения научной деятельности и надежного благополучия. А ведь поди ж ты – юбилей, да еще какой – восьмидесятилетие! Человек, отмечающий такую дату, представляется философом, умудренным жизненным опытом, способным с большой долей иронии и скептицизма взглянуть на себя со стороны, с добродушно иронической улыбкой. Яков Ильич и является таким философом.

Впервые фамилию Гишинский я увидела в журнале «Социологические исследования». Пробежав глазами оглавление, обратила внимание на заголовок статьи – «Эффективен ли запрет проституции?».¹ Позже в этом же журнале прочитала статью «Социодинамика самоубийств».² Содержание статей запомнилось. «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства», – говорил А. Камю. У Якова Ильича очень узнаваемая манера подачи материала, свой язык, стиль изложения. Уже в аспирантуре прочла «Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии».³ Тогда, в начале 90-х, я была студенткой очного отделения филологического факультета Иркутского госуниверситета. Журнал «СОЦИС» нам называли на курсе социологии и с тех самых пор я регулярно его просматриваю.

Имя Гишинского-криминолога я услышала позже, будучи студенткой очного отделения юридического факультета того же ВУЗа. В Иркутске сильная юридическая школа. В середине 90-х на юрфаке ИГУ работали и читали замечательные лекции, вели семинары Анна Леонидовна Репецкая, Светлана Валерьевна Пархоменко, Игорь Эдуардович Звечаровский, Сергей Валерьевич Складов. Сегодня все они состоявшие ученые, юристы со своим именем. Мне запомнилась работа Якова Ильича «Кризис системы уголовных наказаний».⁴ Столько лет прошло, а система уголовных наказаний все в том же кризисе.

В 2001 году, будучи помощником прокурора Солецкого района Новгородской области, я поступила в очную аспирантуру Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ по кафедре уголовного права и криминологии. Я познакомилась с Яковым Ильичом! Мне представилась уникальная возможность посещать его лекции по криминологии, я не пропустила ни одной. Тетрадку с лекциями Гишинского я храню до сих пор, как и свои записи с занятий Алек-

¹ Гишинский Я. И. Эффективен ли запрет проституции? // Социологические исследования. 1988. № 6.

² Гишинский Я. И. Социодинамика самоубийств // Социологические исследования. 1988. № 5.

³ Гишинский Я. И., Юнацкевич П. И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии. М., 2003.

⁴ Гишинский Я. И. Кризис системы уголовных наказаний // Социологические исследования. 1993. № 8.

сандра Николаевича Попова, Марины Александровны Любавиной, Сергея Федоровича Милюкова. Яков Ильич читал криминологию вечерникам и мы нередко после занятий шли вместе пешком до станции метро «Невский проспект». Вообще, очень здорово, имея на руках учебник известного ученого,⁵ прослушать его же авторский курс лекций.

Включенность / исключенность, социальная база преступности и иных девиаций, конструирование девиантности, социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор, интолерантность, отмена смертной казни, социальное насилие, преступления ненависти, легализация наркотиков – вопросы, поднимаемые на лекциях, никого не могли оставить равнодушным. У слушателей всегда возникали вопросы, мне кажется, вопросы в конце занятия, вернее их отсутствие, должны заставлять лектора задуматься. На занятиях профессора Гилинского мы спорили, соглашались и не соглашались с какими-то его идеями и представлениями, невозможно было оставаться равнодушным или безразличным.

С тех самых пор у меня дома на книжной полке появилось немало трудов Якова Ильича Гилинского. Особой радостью становится знакомство с каждой новой книгой Якова Ильича. Помимо того, что профессор Гилинский талантливый ученый-криминолог, он еще и прекрасный литератор. В неоконченных мемуарах «Я в мире, мир во мне»⁶ Якову Ильичу удалось передать контекст времени. Эта книга – событие. Суть мемуаров – сама запечатленная жизнь. Поражает цепкость памяти Якова Ильича, сумевшего в деталях передать быт, историю, ощущение времени. Научные работы известного ученого дают о нем одно представление, его же мемуары позволяют прикоснуться к уникальному миру уникального человека. Уникального своей человечностью, порядочностью, научной честностью, неограниченными творческими возможностями.

Несколько раз в году я приглашаю Якова Ильича в качестве эксперта на заседания кружка уголовного права, студентам очень запоминаются его экспертные оценки той или иной обсуждаемой проблемы: Террор и терроризм: кто «виноват» и «что делать?», Противодействие коррупции, Легализация эвтаназии, Алкоголь и мы, Преступность несовершеннолетних, Возможности уголовного права и прочая, прочая, прочая.

16 июня 2014 г. Яков Ильич Гилинский отметил свое 80-летие. Яков Ильич находится в начале своего творческого пути, пожелаем же ему жизненных и творческих сил!

⁵ Гилинский Я. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. СПб., 2002.

⁶ Гилинский Я. И. Я в мире, мир во мне / Неоконченные мемуары. СПб., 2010.

**ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ
ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОНАРУШАЕМОСТИ**
POST-CLASSIC STUDY METHODOLOGY OFFENCES

Честнов И.Л.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербург

Аннотация. Автор описывает постклассическую методологию и демонстрирует перспективы ее применения к изучению правонарушаемости. В статье показывается возможность использования конструктивизма, релятивизма и принципа дополнительности в юриспруденции.

Annotation. The author describes the post-classical methodology and demonstrates the prospects of its application to the study of the offence. It shows the possibilities of use of constructivism, relativism and the principle of complementarity in jurisprudence.

Ключевые слова: Постклассическая методология, конструктивизм, принцип дополнительности, правонарушаемость

Keywords: Post-classical methodology, constructivism, the principle of subsidiarity, the offence.

Попытаться применить постклассическую методологию к правонарушаемости меня подтолкнуло чтение работ Я.И. Гилинского.¹ Во-первых, его идея о конструируемости преступности. С легкой руки и доброго расположения ко мне нашего выдающегося криминолога, мне довелось принять участие в коллективной монографии, специально посвященной этой проблематике² (к сожалению, оставшейся без должного внимания со стороны нашего научного сообщества, несмотря на оригинальность и актуальность ее основных положений). Во-вторых, применение Я.И. Гилинским принципа дополнительности к анализу преступности. Это фундаментальное положение неклассической науки практически никем из теоретиков-юристов не используется в качестве методологического положения. В-третьих, принцип релятивизма – это тоже один из краеугольных камней методологии Я.И. Гилинского. Замечу, что он требует специальной проработки применительно к юриспруденции. Эти и некоторые другие методологические положения озаменовали трансформацию «классической» науки (и юридической, в том числе, хотя многими учеными юристами это не рефлексируется) в «постклассическую» в связи с доминированием в 90-е гг. XX в. мировоззрения постмодернизма.

Должен признаться, что 15 лет назад я был подвержен чарам (или искушению, как изящно выразилась недавно Н.В. Варламова)³ постмодернизма и даже написал книгу «Право в эпоху постмодернизма».⁴ Однако по прошествии некоторого времени я в конце концов пришел к выводу, что постмодернизм сегодня скорее мертв, чем жив. Дело в том, что постмодернизм, по крайней мере, в науке, не содержит никакой положительной программы и даже не пытается ее искать. Полное отрицание науки и ее объекта, конец философии (провозглашенный в свое время Р. Рорти как заме-

¹ Перечень работ Я.И. Гилинского, посвященных методологии изучения преступности занял бы весь объем статьи. Поэтому ограничусь теми из них, которые лично для меня представляются наиболее значимыми: Гилинский Я.И. Криминология, теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. И доп. - СПб., 2009; Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Монография. 3-е издание, исправленное и дополненное.- СПб., 2013; Гилинский Я.И. Социальное насилие: Монография. – СПб., 2013; Гилинский Я.И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Сборник статей. – СПб., 2013; Девиантность в обществе потребления: Коллективная монография / Под ред. Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. - СПб., 2012.

² Честнов И.Л. Конструирование социальной и правовой реальности // Конструирование девиантности / Монография. Составитель Я. И. Гилинский. – СПб., 2011.

³ Варламова Н.В. Методологія юридичної науки: спокуса постмодерном // Право України. - 1/2014.

⁴ Честнов И.Л. Право в эпоху постмодернизма. – СПб., 2002.

на эпистемологии литературой) и методологический анархизм П. Фейерабенда привлекателен для молодых радикалов. Возможно, с возрастом у меня просто поменялось мировоззрение. В любом случае лично мне ближе поиски выхода или ответа на вызовы, которые формулирует постмодернизм. Именно этим и пытается заниматься современная (постсовременная) наука, формулируя идеи пост-постмодернизма или пост(не)классики.⁵

Итак, постклассическая методология основывается, прежде всего, на идее **сконструированности**, а не данности социального мира и правонарушаемости, в том числе. Все, что нас окружает, в том числе и негативно оцениваемые деяния и их последствия – продукты активности людей, а не объективная данность природы вещей или Божественный промысел. Несомненно, активность человека обусловлена множеством факторов или обстоятельств, «сопротивлением структуры».⁶ И в этой связи возникает сложная проблема соотношения свободы в выборе варианта поведения и его (выбора) предопределенность. Во многих ситуациях для «экономии мышления» люди действуют в соответствии с идеализированными типизациями – стереотипами поведения в типичных ситуациях, достаточно подробно проанализированными А. Шюцем, П. Бергером, Т. Лукманом и другими представителями социальной феноменологии и социального конструктивизма.⁷ Несмотря на то, что большинство правонарушений совершается без предварительного калькулирования⁸ своих действий и их последствий, тем не менее человек может их осознать и продумать, иначе он не может быть квалифицирован как субъект права.

Кто и как конструирует правонарушаемость? Это делает власть, включая референтную группу, задающая образцы поведения, оцениваемого как правонарушение (конструирующие составы правонарушений) и народные массы, воспроизводящие их своей активностью, как ментальной, так и поведенческой. Власть задает критерии оценки, манипулируя общественным сознанием – превращая единичное в социально значимое.

Для прояснения и конкретизации **механизма конструирования правонарушаемости** воспользуемся идеей П. Бурдьё, который вслед за Б. Паскалем утверждал: в основе любого социального

⁵ О том, что такое постпостмодернизм, или Afterpostmodernism см.: Ranciere Jacques. Disagreement: Politics and Philosophy. – Minneapolis, 2004.

⁶ О «сопротивлении структуры» см.: Harre R. Social Being. 2nd end. - Oxford, 1993; Latour B. When things strike back: a possible contribution of “science studies” to the social science // British Journal of Sociology. - 2000. Vol. 51. - № 1; Latour B. The Promises of Constructivism // Chasing Technoscience. Martix for Materiality / Ed. by Ihge D., Selinger E. - Indianapolis, 2003. Об этом же, в принципе, пишет Я.И. Гилинский применительно к конструированию девиантности: «Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный вред, наносят ущерб, а потому негативно воспринимаются и оцениваются другими людьми, обществом». – Гилинский Я.И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы (вместо предисловия) // Конструирование девиантности / Монография. Составитель Я. И. Гилинский. - СПб., 2011. - С. 10-11.

⁷ Типизации представляют собой, по мнению А. Шюца, основной механизм поведения человека в его повседневной жизнедеятельности, из которых складывается интерсубъективный мир повседневности, воспринимаемый как естественная данность, не подвергаемая сомнению. В основе типизаций – ритуализированных способов поведения – лежат две идеализации, два способа восприятия окружающего мира и себя в нем. Первая идеализация может быть названа как взаимозаменяемость точек зрения. Она предполагает, что любой другой человек на моем месте воспринимает мир так же, как и я. Вторая идеализация формулирует совпадение систем релевантностей. Она касается того, что различия между людьми, обусловленные уникальностью биографических ситуаций, не являются существенными и не влияют на восприятие мира. Эти идеализации, определяющие повседневное общение, считается само собой разумеющимся. – Schutz A. The problem of social reality. - Hague, 1962. - P. 11 – 12.

⁸ В этом смысле методология экономического анализа права мне представляется не до конца убедительной, так как не принимает в расчет эту «нерациональность» многих правонарушений. См.: Честнов И.Л. Экономический анализ права: теоретико-методологические основания и перспективы научного направления // Российский ежегодник теории права. Вып. 2. - СПб., 2011.

института лежит первоначальный произвол⁹, который с помощью механизма социальной амнезии по прошествии некоторого времени начинает выдаваться за «естественный ход вещей» (по терминологии Р. Харре и Б. Латура). Близкую программу формулирует Э. Лаклау, который пишет, что в основе любого социального института лежит учреждающий его акт власти, который в условиях фундаментальной неразрешимости социального, состоит в предпочтении одного правила организации практик всем существующим альтернативам, («первичный произвол» - по отношению к действующей нормативной системе), и который с помощью механизма «забывания происхождения» (у П. Бурдьё – «амнезия происхождения») седиментируется, то есть, превращается в социальный институт, якобы сложившийся сам собой.¹⁰ При этом принципиально важно определить кто, когда и почему совершает «первичный произвол» и как он затем «амнезируется» (объективируется, часто реифицируется и воспринимается как некая естественная, объективная данность).

Любое действие (экстернализация – по терминологии П. Бергера и Т. Лукмана) совершается, конечно, людьми. Однако нормативную (или противоправную, оцениваемую так через некоторое время с позиций господствующей социальной группы) инновацию в состоянии продуцировать не любой человек, а правящая элита и (иногда – или) референтная группа. Именно они формируют первичный образец поведения, который может стать нормой, а может и нет. Это зависит от множества внешних факторов, интериоризируемых в массовое общественно сознание. Другими словами, превращение первичной инновации в норму обеспечивает ее (инновации) легитимация – принятие широкими народными массами. В силу трудно поддающемуся расчету полезности (по терминологии неoinституциональной экономической теории) для представителей разных социальных групп населения правовой инновации, ее легитимация обуславливается авторитетом правящей элиты и референтной группы.

Ф. Хайек по этому поводу пишет: «Современному человеку кажется неприемлемой идея, что мы не вполне вольны как угодно комбинировать свойства, которые мы находим желательными для нашего общества, и что не любой набор таких свойств окажется жизнеспособным целым; иными словами, что мы не имеем возможности создавать желательный общественный порядок из особенно привлекательных для нас элементов на манер некой мозаики и что многие благонамеренные начинания могут тянуть за собой длинный хвост непредвидимых и нежелательных последствий. Он воспитан в убеждении, что все, сделанное им, может быть с легкостью переделано заново, и, наоборот, что все, что он в состоянии изменить, в силу этого может быть сделано заново».¹¹

«Кажущаяся бесконечность возможностей творческого потенциала в дискурсивной практике, - справедливо отмечает Н. Фэркло,- фактически оказывается весьма ограниченной и скованной из-за существующих отношений гегемонии и борьбы за гегемонию».¹² Эта «борьба за гегемонию» вводит такие ограничения на инновацию, как историческое прошлое, господствующая культура, состояние сфер общества, международное окружение. Внешние факторы интериорируются правовой культурой в правосознание социума и подвергаются селективному отбору со стороны правящей элиты и референтной группы, после чего новый образец социально значимого поведения легитимруется и означает (приобретает значение) как правовое поведение. Этому в немалой степени, конечно, способствует придание образцу поведения юридически-знаковой формы, т.е. облечение в соответствующую форму права. Однако реальность права возникает не в момент его офици-

⁹ «Основа закона есть не что иное, как произвол», - Бурдьё П. За рационалистический историзм // Социологос постмодернизма. - М., 1996. - С. 15.

¹⁰ Lacklau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. - London, 1990. - P. 160.

¹¹ Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. - М., 2006. - С. 77-78

¹² Fairclough N. Critical discourse analysis and the mercerization of public discourse: the universities // Discours and Society. - 1993. - N 4(2). - P.137

ального провозглашения, а только после того, когда новое правило поведения трансформируется в правопорядок.

Конструктивизм – это *интерсубъективность*, преодолевающая дихотомию субъект – объект, объективное – субъективное, что сближает принцип конструируемости с принципом дополненности. Нет объективных явлений и процессов, которые не были бы воспринимаемы и воспроизводимы людьми. Именно ментальные представления и практики людей превращают единичное в массовое, воспринимаемое как «объективное». Интерсубъективность – это также взаимное признание ожиданий участников правовых взаимодействий. Поэтому навязываемый нормативный правовой акт, воспринимаемая как «агрессивное насилие» (по терминологии В.А. Четвернина) не может считаться правовым с позиций, например, коммуникативной теории права.

Конструктивизм, ко всему прочему, солидарен с *«практическим поворотом»* в эпистемологии. Он означает не только переход от «знания что?» к «знанию как?», но и акцент на личностных навыках и умениях совершения «правильных» (считающихся таковыми) действий в типичных ситуациях. В этом смысле идея «микрофизики власти» М. Фуко – пример практического поворота, хотя французский мыслитель, конечно, со мной не согласился бы.¹³ В связи с «практическим поворотом» следует изменить точку зрения на смысл нормы права: он не дан или задан наперед нормотворцем, но конструируется в правовых интеракциях – правоотношениях и простых формах реализации нормы права.

Принцип дополненности – это единство как взаимообусловленность (диалог) противоположных моментов (бинарностей в классической философии) методологии и онтологии, идеального и материального, поведения и его оценки, субъекта и структуры и т.д. Это связано, во-первых, с тем, что результаты научного исследования зависят от использованного прибора, шкалы измерения. Между исследователем и объектом познания располагается используемый им метод («прибор») и в зависимости от того, какой именно метод используется, зависит картина объекта. Так, например, в зависимости от волновой или корпускулярной методологии квант предстает в принципиально другом виде. В связи с этим возникает вопрос: можно ли в таком случае быть уверенным в том, что квант существует как объективная реальность? Если да – то в качестве чего? Знаменитый принцип дополненности Н. Бора, по большому счету, дает отрицательный ответ на этот вопрос, так как не предполагает ограниченное количество точек зрения на изучаемый объект, который, как вытекает из принципа неопределенности В. Гейзенберга, является неисчерпаемым в своих проявлениях.

Во-вторых, квантовая механика противопоставляется классической физике, которая, по мнению Х. Патнэма, предполагает наличие «Божественной-точки-зрения» (или «точки-зрения-абсолютного наблюдателя») на картину универсума, которая является настолько полной, что включает теоретика-наблюдателя в эту картину. В отличие от классической, в квантовой физике существует граница между системой и наблюдателем. Не существует в принципе квантово-механической теории универсума как целого. Согласно стандартной интерпретации квантовой механики, свойства квантово-механической системы имеют смысл и существование только в отношении к измерительному прибору и экспериментальной ситуации, фиксирующих эти свойства. Мир, как он существует сам по себе, не может быть представлен квантовой механикой.¹⁴

Важнейшими следствиями «квантового переворота» стали следующие: относительность знания об объекте; неисчерпаемость объекта исследования; включение субъекта в познавательный процесс и человеческого сознания в реальность. Последний момент стал решающим в утверждении конструктивистской эпистемологии.

¹³ Он, как известно, крайне негативно воспринимал все попытки категоризировать и квалифицировать его творчество.

¹⁴ Putnam H. Realism with a Human Face // Realism with a Human Face / Conant J. (ed.). - Cambridge (Mass.). 1990. - P. 17.

Принцип дополнительности, как уже отмечалось, практически остается без внимания юристов. Косвенно он используется одним из лидеров критических исследований в юриспруденции США, профессором школы права университета Колорадо П. Шлагом¹⁵. В частности, американский юрист поднимает проблему субъекта права и «взгляда изнутри» на право (с точки зрения судьи). Такой взгляд, по его мнению, неизбежно является односторонним, и ведет к радикальному упрощению права¹⁶. Из одной-единственной перспективы вытекает вера в то, что существует единственно верная онтология права, которая не зависит от всех субъектов права (за исключением судей)¹⁷. Я.И. Гилинский - один из немногих в отечественной юридической науке, кто использует принцип дополнительности в качестве методологии криминологических исследований. По его мнению, вытекающая из принципа относительности знаний (релятивизма) и необычайной сложности даже самых «простых» объектов, принцип дополнительности в изложении Н. Бора состоит в том, что «*contraria sunt complementa*» (противоположности дополняют друг друга): лишь противоречивые, взаимоисключающие концепции в совокупности могут достаточно полно описать изучаемый объект; иными словами, не «преодоление противоречивых суждений об объекте, а их взаимодополнительность».¹⁸

Принцип релятивизма предполагает не только различие нормы и ее нарушения в разных исторических, социокультурных и государственно-организованных контекстах, но и обусловленность правонарушаемости социумом. Очевидно, что «в различных странах и в разное время существенно различается круг деяний, признаваемых преступными. То, что в одной стране - преступление, в другой не признается таковым. /.../В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам, *sui generis, per se*. Преступление и преступность - понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* («договорные»: как «договарятся» законодатели), они суть социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие отдельные социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т. п.».¹⁹ Сюда же можно добавить ритуальные убийства, убийства на дуэли, кровную месть которые у разных народов в разные времена квалифицировались по-разному. В этой связи приходится признать, что не существует универсальных научных или моральных метаюридических критериев квалификации правовых ситуаций. Как нет «только» хороших людей (но и «только» плохих тоже), так нет и только прогрессивных (и регрессивных) социальных явлений и процессов, так как такая оценка зависит от позиции наблюдателя и используемых им критериев классификации (и квалификации). Поэтому невозможно говорить и об универсальности правовых явлений: с точки зрения одних «принуждение к миру» М. Каддафи – это справедливая и законная военная операция, а с точки зрения других – вторжение во внутренние дела суверенного государства; выступления против его режима с позиций «повстанцев» - это «освободительная борьба угнетенного народа», а те же действия ирландских или баскских «экстремистов» и «сепаратистов» с точки зрения других – антигосударственное преступление. Формально-юридическая квалификация всегда дается с точки зрения права этого конкретного общества, которое представляет правящая власть. Но в истории любого общества всегда происходят кардинальные изменения, в результате которых официальное по-

¹⁵ См.: Schlag P. The Problem of the Subject // Tex. L. Rev., № 69, 1991; Schlag P. Normativity and the Politics of Form // U. Pa. L. Rev., № 139, 1991.

¹⁶ Schlag P. Normativity... - P. 1115.

¹⁷ Ibid. P. 1116 – 1117.

¹⁸ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд, перераб. и доп. - СПб., 2009. - С. 25-26.

¹⁹ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд, перераб. и доп. СПб., 2009. С. 36-37.

зитивное право объявляется несправедливым, не соответствующим новым реалиям с точки зрения социальных групп, пришедших к власти. Более того, в современном мультикультурном обществе плюрализм правопонимания (и правопорядков, систем права) неизбежен и неустраним.

При этом релятивизм (в его «мягкой» версии) – это не вседозволенность или анархия, а относительность (и отнесенность), прежде всего, применительно к социальному целому, понимаемому в постклассической науке как социальное представление и практики людей.²⁰ Поэтому трансцендентным критерием права (как и любого другого социального явления) является его функциональное назначение – обеспечение нормального функционирования (как минимум – самосохранение, как максимум – процветание) общества. Однако операционализировать его, очевидно, не представляется возможным в силу ограниченности человеческого разума.

Вышеизложенное дает основание для того, чтобы определить правонарушаемость с позиций постклассической методологии как процесс конструирования властью (включая референтные группы), обладающей правом символической номинации, составов правонарушений, убеждение населения в их общественной опасности, воспроизводство населением этих деяний и привлечение к ответственности правонарушителей. При этом критерием и границами такой конструктивистской деятельности являются параметры воспроизводства социума (иначе нечего будет конструировать). Тем самым можно констатировать, что правонарушаемость встроена в механизм воспроизводства социума (в этой связи заслуживает специального обсуждения идея Д.А. Шестакова о том, что преступность – это подсистема общества).

Оценка социальных явлений как правовых не может не опираться на общественное мнение, сформированное референтными группами.²¹ В противном случае, если отсутствует минимальная легитимность и минимальная функциональность, то социум ожидает аномия, а не правопорядок. Поэтому предвосхищение правовых ожиданий населения – необходимое условие адекватной правовой политики при конструировании запретительных норм. Однако с прискорбием приходится констатировать, что сегодня законодатель не слишком внимателен к здравому смыслу – не умножать сущности. Власть сегодня не преуспевает в убедительности творимых все новых и новых запретов, а также в том, что с их помощью можно побороть все язвы общества. Неудовлетворительность «правовой политики» связана также с «инфляцией законодательства» (термин Н. Рулана). «Никогда еще изречение “Никто не может ссылаться на незнание закона” не было столь обманчивым, как сегодня. Никому точно не известно, сколько существует действующих законов: может быть, сто тысяч... Но какая часть их применяется? Избыток законов ведет к неэффективности права даже в эпоху компьютеров».²² Современным обществам, по его мнению, присущ безудержный рост правовых норм. «1995 г. был рядовым годом в этом отношении: на свет появились 1350 законов и 1407 декретов, которые влились в законодательный и нормативный поток предыдущих лет, поскольку в силе остается все то, что не было отменено. Некоторые области оказались затронутыми в большей степени, чем другие: трудовое, городское муниципальное и налоговое право. Кроме того, жесткие рамки кодификации не суживают право. Считается, что более 4000 признанных преступными деяний, не упоминающихся в новом Уголовном кодексе, находятся в некодифицированных текстах. Неопределенность права возрастает, когда некоторые законы предусматривают потенциальную возможность прекращения срока своего действия или, по меньшей мере, скорый пересмотр. ... Сегодня никто не знает все содержание права, за исключением компьютеров, этих новых ано-

²⁰ «Нет такой вещи как общество», нация, социальная группа, а есть сконструированные социальные представления, реализуемые многократно повторяющимися действиями людей – «отдельными мужчинами, женщинами и их семьями».- Данная фраза была произнесена в свое время М. Тэтчер. – Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012. С. 15.

²¹ В то же время это не «отражение» общественного мнения, которого, как утверждал П. Бурдьё, не существует (как четких представлений о должном), а его конструирование с учетом смутных ожиданий населения.

²² Рулан Н. Историческое введение в право. Учебное пособие для вузов. М., 2005. С. 15.

нимных “Дигест”».²³ В РФ по данным Т.В. Кашаниной издано и действует около 2 тысяч законов, а федеральных нормативных актов (законов, указов, постановлений, инструкций) насчитывается около 121 тысячи. Если же сложить вместе федеральные нормативные правовые акты и акты субъектов Федерации, всего получится более 500 тысяч.²⁴

Может ли в таких условиях простой гражданин ответственно вести себя, если он не в состоянии знать все правовые запреты, с помощью которых законодатель стремится переустроить мир? Проблема усугубляется также тем, что оценка составов правонарушений (по крайней мере, многих из них) значительно отличается в разных социальных и культурных группах. Более того, даже разные правоприменители и эксперты не однозначно воспринимают многие правовые инновации. В сложноструктурированном мультикультурном социуме неоднозначность оценок правонарушений никогда не будет совпадать. Поэтому рефлексия в отношении политики в области правовых запретов – актуальнейшая задача современной юриспруденции и должна она вестись с позиций постклассической – адекватной сегодняшнему дню методологии.

В чем же ее «позитивность»? В критике мифов правовой политики и требовании изучения реального процесса конструирования составов правонарушений, их оценки субъектами права и воспроизводства практиками, в том числе, привлечения к ответственности.

²³ Там же. С. 194.

²⁴ Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М., 2007. С. 137.

ORGANIZED CRIME, THE MEDIA AND THE PUBLIC ATTITUDES

Scheinost Miroslav

Institute of Criminology and Social Prevention, Prague

Paper analyses the influence of media in forming public opinions on organized crime that is rather more powerful than personal experience. This is illustrated using the Czech Republic as an example. Czech Republic may serve in this sense as a suitable test sample because organized crime began playing a significant role in public opinion only just around twenty years ago after the start of the period of social, economic and political transformation.

The term organized crime entered public awareness at the start of the 1990s. It was a relatively new phenomenon, at least in the way it was presented. The media played an important role in quick spreading of public awareness on this phenomenon. Paper brings the results of repeated analyses of the Czech press that indicated how the press presented organized crime to the public and how the fear of organized crime became one of the leading fears of citizens.

Finally the attention is paid to the results of an inquiry of public opinion on the issue of organized crime, performed by the Institute of Criminology and Social Prevention.

О СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СВЯЗИ С ПРАВОМ БЕЗОПАСНОСТИ

ON SOCIAL CONSTRUCTING OF CRIMINALITY IN CONNECTION WITH THE LAW OF SAFETY

Шестаков Д.А.,
Доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Аннотация. Государство конструирует не только составы преступлений, но и меры безопасности, исключая уголовное преследование за последние. Необходимо, чтобы эти нормы соответствовали злу и добру, существующим в реальности.

Annotation. The state formulates not only corpora delicti, but also measures of security, excluding criminal responsibility for them. It is necessary that these norms should correspond to the evil and good that really exist.

Ключевые слова: добро, зло, конструирование, право безопасности.

Keywords: good, evil, constructing, law of security safety.

Двойственность преступления.

Одна из многих заслуг многоуважаемого юбиляра, профессора Я.И. Гилинского, состоит в том, что он привлёк внимание к криминологической дискуссии о преступлении как о некой конструкции (конструкте), стигматизирующей человека, совершившего преступления. Во многих своих публикациях он называет преступность условным *конструктом*, продуктом договорённости или субъективных решений (*конвенциональность преступности*).¹ Тема «Преступление как социальный конструкт» обсуждалась в мировой криминологии, прежде всего, в свете теории «клеяния, этикетирования», которая связана с именами: в США - Х. Беккера,² а в Германии - Ф. Зака.³

Для меня важно сопоставить научное положение о конструкции «преступность» с моим собственным видением общей криминологической теории, криминологии закона, а также права безопасности. Если не доводить научное положение о преступлении как нормотворческой конструкции до крайности, когда отрицается существование реального зла, а признаётся лишь выдумка законодателя, произвольно это зло нарисовавшего, то это положение вполне согласуется с моим представлением о дуализме преступления.

Есть преступление в криминологическом смысле, т.е. реальное зло. А есть преступление в юридическом смысле – попытка описать признаки зла в законе, т.е. абстрактная конструкция. Без системы таких конструкций никакое общество, кроме первобытного, обходиться не умеет. Наказательные кодексы, помимо прочего, определяют структуру уголовной статистики во всех странах, которая при всех её недостатках всё же даёт обществу более или менее достоверную картину значительной части творимого зла: от краж до убийств.

Формула «преступление – результат социального, в частности, законодательного конструирования» согласуется и с моим пониманием преступности как свойства общества воспроизводить

¹ Девинатность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.), тенденции и социологическое осмысление / Отв. ред. Я.И. Гилинский. – СПб.: Алетей, 2000. - С. 132.

² Becker H. Soziologie als Wissenschaft vom sozialen Handeln. – Würzburg: Holzner Verlag, 1959.

³ Sack F. (1968). Neue Perspektiven in der Kriminologie. In: F. Sack u.a. (Hrsg.), Kriminalsoziologie. Frankfurt/M, 431-475. См. также: Maue R. (1989). Macht macht Kriminalität. Eine strukturelle Analyse und ein Methodenkonzept zur Psychologie der Macht und des kriminellen Subjekts. Frankfurt; Sessar K. "Verbrechen als soziale Konstruktion. Eine kriminologische Vorlesung", in: K.-M. Karliczek (Hrsg.): Kriminologische Erkundungen - Münster, Westf.: LIT, 2004, S. 33 ff.

преступления (семантическая концепция), а также с моим положением о преступном законе. Некоторые законы провоцируют зло, а иные сами являются преступными. Иными словами, законодатель не только описывает зло, но в ряде случаев сам его строит, создаёт, т.е. в полном смысле слова конструирует. Ведь слово «конструировать» означает: создавать конструкцию чего-либо, строить, а также вообще создавать что-нибудь.⁴

Конструирует законодатель не только составы преступлений, но и меры безопасности. Конструкция меры безопасности похожа на конструкцию преступления, но имеет отличительные признаки. В идеале и она соответствует реальности. В ней должны быть признаки как зла, так и добра, превышающего зло.

Что же такое «меры безопасности»?

Мера безопасности – это причинение чрезвычайного вреда (лишение жизни, здоровья, свободы, разрушение имущества), не основанное на установленном судом совершении преступления, но решающее задачу устранения угрозы, нависшей над государствами, государством, обществом либо над отдельными людьми.

Подчеркну, что не все эти дозволенные и применяемые меры являются правовыми, даже если они покоятся на законе. Как для учения, так и для жизни важнейшим является соотношение безопасности, законности и права. Мы, понятно, не отождествляем законность и правомерность.

Сознаю, что здесь сделан лишь набросок трудно дающегося определения, над которым преступноведы ещё предстоит поработать. На сей день мне видятся нижеследующие разновидности мер безопасности.

1. Меры безопасности против международной агрессии. 2. Уничтожение предполагаемых особо опасных преступников, чьё преступное поведение не установлено судом. 3. Правила лишения жизни невиновных людей «заодно» с опасными преступниками. 4. Лишение жизни либо здоровья людей, попросту неугодных государству. 5. Пытки. 6. Всеобъемлющее нарушение тайны общения. 7. Причинение от имени государства вреда преступникам, назначаемое судом на основании отрицательных их личностных особенностей, а не совершённого ими преступления. 8. Запрет на посещение места жительства поссорившемуся супругу. 9. Меры безопасности, «освобождённые» по уголовному законодательству от ответственности.

Меры безопасности против международной агрессии.

Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии предусмотрены главой VII Устава ООН. Совет Безопасности (СБ) определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии (ст. 39 Устава ООН).

СБ уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооружённых сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от членов ООН применения этих мер. Такие меры безопасности могут включать в себя полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений (ст. 41).

Если СБ сочтёт, что меры, предусмотренные в статье 41, могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными, он уполномочивается предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Эти действия могут состоять в демонстрации, блокаде и других операциях воздушных, морских или сухопутных сил членов ООН (ст. 42).

По другому поводу мне приходилось утверждать то, что в новейшей истории предназначение Совета Безопасности извращено. Казалось бы, невероятно, но в Совбезе последние десятилетия

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23-е издание, исправленное / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: «Русский язык». – С. 292.

ставится вопрос не об обуздании агрессора, который выступает обычно в лице США с прислуживающими им странами-соучастницами, а о том – разрешить или не разрешить агрессору идти на преступление против мира!!! Идея создания СБ доведена до абсурда, чему способствует неправовой Международный Уголовный Суд, действующий на основании Римского Статута от 15.07.1998. Суд, который упорно не признаёт принятого в международном уголовном праве простого понятия агрессии (агрессивной войны).⁵

Для того, чтобы меры безопасности данного высшего - всемирного - уровня употреблялись всё-таки по назначению, т.е. для защиты мира от международной агрессии, нужен суд правый. Но для учреждения правого, справедливого международного суда потребовалась бы перестройка международных отношений в целом. Напомню здесь мою грёзу: «Мир без господства США», – воплощению в жизнь которой поспособствовал бы отказ от пользования лжеденегми (долларами США).⁶

Уничтожение предполагаемых особо опасных преступников, чьё преступное поведение не установлено судом.

Развёрнутое Правительством США предприятие «Война террору» («War on Terror») узаконивает вмешательство в права человека, которое при классическом подходе правоохраны («law enforcement») было бы невозможно.⁷ Соединёнными Штатами учреждены «противотеррористические» полномочия, которые значительно превышают меры, разрешённые уголовным или полицейским правом. Военное законодательство этой обезумевшей державы позволяет – иначе, чем уголовно-процессуальное или полицейское законодательство – в определённых случаях лишение жизни не только активных участников боевых действий без доказательства конкретного преступления – но, при известных обстоятельствах, также и *предполагаемых* (!) террористов.⁸ Данные полномочия, в нарушение правил ведения войны, разрешают преступно жестокое обращение с мирным населением! Известный немецкий правовед У. Зибер тоже замечает в мире приметы нового «права безопасности» (Sicherheitsrecht), не вписывающегося в *классические правовые отрасли* уголовного законодательства, полицейского законодательства и – в отдельных государствах – также военного законодательства.⁹

А Верховный суд Израиля в решении HCJ 769/02 от 13.12.2006 прямо утверждает то, что уголовно-правовые меры не являются достаточными для борьбы с терроризмом.¹⁰ Таким образом, нарождающееся «право безопасности» с ходу отрицает право уголовное. Как такое вообще может быть в едином правовом пространстве, и что прикажете с этим делать?

Правила лишения жизни невиновных людей «заодно» с опасными преступниками.

Назовём их – на всякий случай, для возможных в будущем новых злоупотреблений законодателей и должностных лиц – несколько шире. Пусть именуются правилами причинения вреда невиновным людям. (ПВНЛ).

Толчком к их появлению послужили уничтожение в Нью-Йорке Всемирного торгового центра вместе с небоскрёбами-близнецами, в которых он размещался, и удар по зданию Пентагона в Вашингтоне 11 сентября 2001 года. Нападения осуществлены посредством тарана этих известных

⁵ Шестаков Д.А. Подготовка агрессии на этот раз против Сирии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2014. - № 1 (32). - С. 75-77.

⁶⁶ См. также: Чураков А.В. Отказ от доллара как средство предупреждения международной агрессии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2014. - № 1 (32). - С. 97-100.

⁷ Ср.: Ackerman // Yale Law Journal 113 (2004). - S. 1029–1091; Meierhenrich // Journal of Conflict and Security Law 11 (2006). - S.1-40.

⁸ См.: Зибер У. / Перев. с нем.: Д.А. Шестаков. Границы уголовного права // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2009. - № 1 (16). - С. 36.

⁹ Зибер У. / Перев. с нем.: Д.А. Шестаков. Границы уголовного права. - С. 36.

¹⁰ Там же. - С. 49.

строений тремя самолётами, захваченными в небе террористами из числа пассажиров.¹¹ Люди всех стран, созерцая по телевидению, как рушатся символы мирового торгашества и мировой военщины, были, конечно, сильно потрясены. Но вскоре в разных странах под лозунгами «Wag on Terror», «Sicherheitsrecht», «Мочить в сортире!» появились правила, разрешающие и предписывающие уничтожение воздушных и водных судов вместе с находящимися на них людьми, в том числе, ни в чём не повинными.

Статья 7 ФЗ РФ «О противодействии терроризму» устанавливает нижеследующее: «Если воздушное судно не подчиняется требованиям о посадке и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы, оружие и боевая техника применяются для пресечения полёта указанного воздушного судна». Статья 8 того же закона предусматривает при наличии подобных условий пресечение движения плавательного средства путём его уничтожения. Однако правило об уничтожении воздушного судна или плавательного средства – есть правило совершения умышленного убийства...¹² Надо отметить, что соучастие полицейских в уничтожении невинных не допускается законом. Полицейские при этом могут быть использованы только как вспомогательная сила, поскольку сотрудникам полиции РФ запрещено применять огнестрельное оружие при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица (ФЗ РФ от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», ст. 23, ч. 6).

Лишение жизни либо здоровья людей, попросту неугодных государству.

Меры безопасности этого рода осуществляются обычно вне закона. Впрочем, нельзя исключить того, что в отдельных странах на их счёт существуют секретные инструкции. Можно выделить три подвида «неугодных»: 1) политики, 2) творцы искусства, 3) учёные.

К мерам по устранению неугодных государству относится, прежде всего, уничтожение *нежеланных политиков*. Вспомним убийство Лейбы Давидовича Бронштейна (Троцкого) в Мексике, в одном из пригородов Мехико 20 августа 1940. Убийство, подготовленное НКВД СССР, исполнено его агентом Рамоном Меркадером. После того как он освободился, отбыв наказание в мексиканской тюрьме, ему было за совершение этого убийства присвоено звание Героя Советского Союза. Бронштейн представлял собой помеху по части главенства в мировом коммунистическом движении Иосифу Виссарионовичу Джугашвили (Сталину) и олицетворяемому им тогда государству. Таким нежеланным политиком оказался и президент США Джон Фитцджеральд Кеннеди, застреленный 22 ноября 1963 года в Далласе. Понятно, что убийство Кеннеди заказано ГОВ, но едва ли его исполнение было бы осуществимо без задействования государственных спецслужб. Спецслужбами Соединённых Штатов Америки постоянно осуществляется подготовка и использование перемещаемых из страны в страну террористических сообществ не только для создания беспорядков, развязывания гражданских войн, свержения легитимной власти в суверенных странах, но также и для политических убийств.¹³ Эти банды принято связывать с жупелом Аль-Каиды.¹⁴

К этой же части мер безопасности относятся и насильственные преступления (убийства, привитие тяжёлого заболевания) в отношении *творцов искусства*, способных поднять людской ро-

¹¹ По мнению признанного исследователя терроризма С.У. Дикаева «теракт» 11.09.2001 года был организован спецслужбами США, равно как подрыв поезда «СПб–Москва», взрывы в московском метро и аэропорту «Домодедово» организованы спецслужбами российскими. См.: Дикаев С.У. Куда ведёт «кавказский след?». Интервью // Санкт-Петербургские ведомости. – 2011. – 25 марта.

¹² Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – С. 38.

¹³ Представляются очень значимыми исследования глобально организованной преступности, проводимые А.П. Даниловым. Они вызвали в преступноведческих кругах бурную реакцию. См.: Данилов А.П. Латентность политических убийств в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2009. – 1 (16). – С. 150-162.

¹⁴ С.У. Дикаевым высказывалось сомнение в том, что «Аль-Каида» вообще существует. Если она и существует, то, – как он полагает, – эта организация состоит из одного её главы. См.: Дикаев С.У. Терроризм: явление, причины, противодействие // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2007. – № 2 (13). – С. 213.

долюбный дух против власти. Ярким примером тому служит убийство певца Игоря Талькова, совершённое в Санкт-Петербурге 6 октября 1991 года (подозреваемый в исполнении этого убийства Валерий – по другим сведениям, Аркадий – Шляфман скрывается от следствия в Израиле). По-видимому, по схожим соображениям был в своё время устранён великий русский поэт Сергей Есенин, убитый в том же городе 28 декабря 1925 года – по одной из версий, сотрудниками НКВД Яковом Григорьевич Блюмкиным в соучастии с Николаем Леонидовичем Леонтьевым.¹⁵

Ещё одну долю пострадавших от мер «обезвреживания» неугодных составляет устранение учёных. 11 января 2012 года в Тегеране совершено убийство иранского физика-ядерщика – 32-летнего профессора Мостафы Ахмади Рошана – с целью воспрепятствовать установлению равновесия в ядерном оружии между Израилем и Ираном. Как утверждает иранское руководство, убийство организовано израильскими, американскими и британскими спецслужбами и осуществлено финансируемым этими службами террористическим сообществом. Исполнитель, 24-летний Джамали Фаши, казнён по приговору суда.¹⁶ В Иране осуществлён ещё целый ряд посягательств на жизнь других иранских учёных, неугодных Израилю тем, что они своими разработками способствовали преодолению отставания Ирана от Израиля по части ядерного вооружения.

Пытки.

10 декабря 1984 года резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН принята «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания». Участниками Конвенции среди прочих государств стали СССР и США.

Статья 2 Конвенции установила, что никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток. В соответствии со статьёй 4 каждое государство обязано обеспечить, чтобы все акты пыток рассматривались в соответствии с его уголовным законодательством, и установить наказания за такие преступления.

Однако пытка не изжита. Как мера безопасности она теснит категорический международно-правовой запрет. Неоспоримым примером тому служит многократное применение пыток военнослужащими и сотрудниками спецслужб США в отношении как собственных, так и иностранных граждан в Ираке, Афганистане и специальных тюрьмах ЦРУ, а также в спецтюрьме в Гуантанаме.

Основываясь на секретной Программе тайных задержаний ЦРУ, утверждённой президентом США Джорджем Бушем-младшим, к узникам, по крайней мере с 2002 по 2009 год, применяли прерываемое утопление и множество других «расширенных методов ведения допросов». Установлено, что, например, Зайн аль-Абидин Мухаммад Хусейн (известный как Абу Зубейда) и Халид Шейх Мохаммед в общей сложности не менее 266 раз перенесли такую пытку, когда находились под стражей в период с 2002 по 2003 год. Кроме того, заключённых заставляют часами стоять в болезненных позах и лишают сна. Применяются пытки также внутри самих США. Так, Противопыточным комитетом ООН выражалась обеспокоенность тем, как в этой стране обращаются с содержащимися под стражей женщинами. Во время родов они из соображений той же пресловутой безопасности находятся в наручниках.¹⁷

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб – не единственная организация, поднимающая вопрос о привлечении к уголовной ответственности глав государств в соответствии с международным уголовным правом.¹⁸ Вот и Amnesty International 21 сентября 2011 года в

¹⁵ Кто убил Сергея Есенина (цикл статей). URL: <http://www.dazzle.ru/spec/kusecs.shtml> (дата обращения: 14.10.2013).

¹⁶ В Иране повесили осуждённого за убийство учёного-ядерщика. URL: <http://regionplus.az/ru/posts/view/167897> (дата обращения: 15.10.2013).

¹⁷ См.: «Комитет ООН против пыток. 36-я сессия (1–19 мая 2006 г.). Доклад США. Выводы и рекомендации Комитета против пыток», параграф 23 // Документ ООН: CAT/C/USA/CO/2/ от 25 июля 2006.

¹⁸ Шестаков Д.А., Дикаев С.У., Данилов А.П. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб:

связи с готовившимся тогда визитом Буша-младшего в Канаду представила канадским властям меморандум, в котором призвала власти этой страны арестовать и привлечь к ответственности либо выдать этого преступника для преследования в другой стране за его причастность к пыткам. Сьюзан Ли, директор Программы Amnesty International по Северной и Южной Америке, заявила: «Поскольку власти США до сих пор не привлекли бывшего президента Буша к суду, постольку необходимо вмешательство международного сообщества. Если Канада не примет мер во время его визита, она нарушит Конвенцию ООН против пыток и проявит пренебрежение к основным правам человека».¹⁹

Всеобъемлющее нарушение тайны общения.

Статьей 17 Международного пакта о гражданских и политических правах запрещены произвольные или незаконные посягательства на тайну корреспонденции. Статья 23 Конституции РФ устанавливает, что каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права содержится в Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и статье 13 ФЗ РФ «О внешней разведке» от 10 января 1996 года № 5-ФЗ. Меры безопасности, связанные с нарушением тайны общения в Российской Федерации, допускаются, согласно статьям 17, 23 Конституции, только на основании судебного решения.²⁰ За нарушение данного конституционного права в России установлена статьей 138 УК РФ уголовная ответственность.

Нарушающая тайну общения слежка в XXI веке приобретает, однако, невиданные размеры, превращая тем самым неприкосновенность наших разговоров и нашей переписки в пустой звук. Свет на то, насколько далеко зашла эта мера безопасности, пролил Эдвард Джоозеф Сноуден, бывший сотрудник Центрального разведывательного управления и Агентства национальной безопасности США. В начале июня 2013 года Сноуден передал газетам The Guardian и The Washington Post секретную информацию о том, как АНБ подсматривает и подслушивает по всему миру. Он разгласил данные о проекте PRISM, а также X-Keyscore и Tempora. Сноуден бежал из США, поселился в конечном счёте в России, откуда продолжает вести свою правозащитную, разоблачительную работу. В последнее время в средствах распространения сведений сообщено о том, что США подслушивали Папу Римского Франциска, президента Франции Жака Ширака, канцлера ФРГ Ангелу Меркель и многих других. Общее число прослушек исчисляется миллионами! Штаты, образно говоря, прильнули ухом к замочной скважине.

В политическом преступноведении признано положение о глобальной олигархической власти (ГОВ) как о кукловоде для мельчающих президентов США. Всеобъемлющая слежка в нынешнем мире – это уже не государственная безопасность, а ...²¹ безопасность ГОВ. В небывалой по охвату слежке буквально за всеми, не исключая западно-европейских друзей, очевидно стремление мировых воробогачей охватить своим надзором всё больший объём политических, ростовщически-денежных, хозяйственных учреждений и граждан. Со стороны умельческой тому, конечно, поспособствовало невиданное развитие компьютерных сетей, а ширмой служит раздуваемая террористическая угроза.²²

прошлое и настоящее. СПб.: Юридический центр Пресс. – 2011. – С. 141–142.

¹⁹ Amnesty International призывает арестовать Буша. URL: <http://www.interfax.by/mosaic/1099888> (дата обращения: 01.11.2013).

²⁰ Ст. 6 ФЗ РФ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и ст. 13 ФЗ РФ от 10 января 1996 года № 5 «О внешней разведке» предусматривают такие меры безопасности как контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи.

²¹ Не знаю, как тут прилично построить имя прилагательное.

²² Более глубокое освещение вопроса о всемирном подслушивании и подсматривании см.: Данилов А.П. Всеобъемлющее нарушение тайны общения как мера безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 1 (32). – С. 41–47.

Причинение от имени государства вреда преступникам, назначаемое судом на основании отрицательных их личностных особенностей, а не совершённого ими преступления.

Меры исправления и безопасности предусмотрены *уголовным законодательством* некоторых стран наряду с наказанием за преступление.

Основанием для назначения судом этих мер служит уже не действительно имевшее место преступление, но предположение о возможном его совершении в будущем (вероятностный прогноз по существу исходит из особенностей личности осуждённого). Примером тому может служить шестая глава Наказательного кодекса Федеративной Республики Германии (Strafgesetzbuch).²³ § 61 StGB предусматривает, в частности, такие меры исправления и безопасности, как помещение в психиатрическую больницу, учреждение изоляции (Entziehungsanstalt) или в превентивное заключение (Sicherungsverwahrung), а также запрет на профессию. По существу они – есть кара без преступления. Эти меры по германскому закону назначаются наряду с наказанием. Конечно, они подвергаются критике, в том числе и в самой Германии.²⁴

Запрет на посещение места жительства поссорившимся супругом.

В законодательстве и практике некоторых стран имеет место установление судами временных запретов на нахождение в жилище людей, допускающих там насилие против членов семьи. А в Нидерландах предусмотрен запрет даже на появление вблизи жилища, так называемый «уличный запрет».²⁵

Эти меры безопасности, изобретённые в США воинствующими феминистками, вступают в столкновение с правом на неприкосновенность жилища и свободу передвижения.²⁶ Для России выдача подобных охранных распоряжений, осуществляемая сегодня в Австралии, Австрии, Великобритании, Нидерландах и других странах, была бы не целесообразна, помимо прочего, в связи с нерешённостью жилищной проблемы. Люди, склонные к агрессивному поведению, оказавшиеся без дома, создали бы для общества дополнительную угрозу насильственного посягательства.²⁷

Меры безопасности, «освобождённые» по уголовному законодательству от ответственности.

Предусмотренные уголовным, в том числе российским, законодательством «обстоятельства, исключаящие преступность деяния» (глава 8 УК РФ) и подобные им обстоятельства, известные за рубежом, также являются мерами безопасности. В силу того, что в этих обстоятельствах обеспечить безопасность приходится незамедлительно, законом установлены правила причинения вреда человеку в связи с его преступлением, но без признания его виновности судом – необходимая оборона (ст. 37 УК РФ) и задержание преступника (ст. 38 УК РФ). А также предусмотрены правила вынужденного причинения вреда в состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК РФ).

Меры крайней необходимости в законе связываются не с преступлением, а именно с устранением *опасности*, непосредственно «угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц,

²³ Подробнее см.: Шестаков Д.А. Репрессивность наказания и мер безопасности по Уголовному кодексу ФРГ // Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. и вступ. статья Д.А. Шестакова; предисловие Г.-Г. Йешека, перевод с немецкого Н.С. Рачковой. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. - С. 97–111.

²⁴ Н.-Н. Jescheck, T. Weigend. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. - 5. Aufl. - Berlin: Duncker und Humboldt. - 1996. - S. 814.

²⁵ Egger R., Fröschl E., Lercher L., Logar R., Sieder H. Gewalt gegen Frauen in der Familie. - Wien: Verlag für Gesellschaftskritik. - 1995. - S. 186.

²⁶ Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). 2-е издание. - СПб.: «Юридический центр Пресс». - 2003. - С. 272. См. также: Харламов В.С. МВД по Республике Коми в борьбе с криминальными проявлениями в семейно-бытовой сфере. - СПб.: ООО «Копи-Р Групп». - 2013. - С. 108–110.

²⁷ В этом суждении у меня есть единомышленники. См.: Чураков А.В. Запрет на посещение места жительства как мера безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2014. - № 1 (32). - С. 48–50.

охраняемым законом интересам общества или государства». В ч. 2 ст. 39 УК РФ сказано, что превышением пределов крайней необходимости признаётся причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинён вред равный или более значительный, чем предотвращённый. В случаях умышленного причинения вреда такое превышение влечёт за собой уголовную ответственность. На мой взгляд, в статье надо установить то, что состояние крайней необходимости не оправдывает лишения человека жизни.

Революция как преступная деятельность и как мера безопасности.

В наш век в разных странах Ближнего Востока, бывшего социалистического лагеря, а также ранее входивших в СССР, как по ходу агрессивных войн, так и вне их совершены государственные перевороты либо покушения на них. Государственные перевороты и революции обуславливаются противоречиями между глобальной олигархической властью – ГОВ – и человечеством. Но действия повстанцев часто обращаются не против олигархии как таковой, а против временщиков государственной власти. ГОВ от них не страдает, а только на них наживается.

Критерием преступного в переворотах и революциях, на мой взгляд, является их служение упрочению или сохранению ГОВ. Если же восстание идёт на защиту от ГОВ, то это – оправданная «мера безопасности».²⁸

От не всегда правовых мер безопасности к праву безопасности.

Итак, в международных соглашениях и внутреннем законодательстве разных стран, включая Россию, наличествуют и получают развитие правила безопасности. Их объединяет в основном привязка к противодействию преступлениям и упорядочение наносимого по ходу этого противодействия вреда – главным образом, со стороны государства. И то, и другое роднит их с уголовным правом. Направленность против преступлений сближает их также с правом криминологическим.²⁹

При этом нельзя не согласиться с профессором У. Зибером, директором Института международного и зарубежного уголовного права во Фрайбурге (ФРГ), в том, что право безопасности (Sicherheitsrecht) не может вписаться в классические правовые отрасли уголовного, полицейского и – в отдельных государствах – также военного законодательства.³⁰ Оно требует «самоопределения».

Меры безопасности вступают в противоречие с правами человека на жизнь, личную неприкосновенность, свободу. В связи с нагнетаемым страхом перед терроризмом и организованной преступной деятельностью предупредительные законодательные правила – нормы, направленные на обеспечение «безопасности», – становятся всё более жёсткими. Можно говорить о том, что часть репрессии уходит из уголовного права в законодательство безопасности, причём в новом качестве репрессия не ограничивается традиционными для уголовного материального и процессуального права гарантиями. Неоднократный докладчик в Санкт-Петербургском криминологическом клубе К. Сессар отмечает, что в учреждаемой сегодня в мире уголовной превенции больше нет ни подозреваемых, ни преступников, но есть только их возможность, что любого может сделать подозреваемым.³¹

²⁸ Шестаков Д.А. К преступноведческому учению об управляемых со стороны ГОВ и очищающих от неё революциях. – Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. - № 2 (33). – С. 13-24.

²⁹ Шестаков Д.А. Контроль преступности и криминологическое законодательство // Организованная преступность, уголовно-правовые и криминологические проблемы / Отв. ред.: М.Г. Миненок. – Калининград, 1999. – С. 11–23.

³⁰ См.: Зибер У. / Перевод с немецкого: Д.А. Шестаков. Границы уголовного права. – С. 36.

³¹ Sessar K. Kriminalitätseinstellungen und sozialer Wandel – Gleichzeitig eine Auseinandersetzung mit Forschungen zur Verbrechensfurcht und Punitivität // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. – 2010. – № 5. – S. 377–378.

Н.В. Щедрин связывает антикриминальные меры безопасности с не карательным ограничением деятельности организаций и поведения физических лиц, применяемым для предотвращения вредоносного воздействия источника криминальной опасности либо ограждения от такой опасности объекта усиленной охраны. По его мнению, в право безопасности не следует включать меры восстановления и социальной защиты.³² М. Альберс пишет о том, что право безопасности не вписывается в классическую модель правового государства! Ключевое звено здесь, по его мнению, эволюция, которая может, как серпом, срезать созданные в правовых системах конструкции сегодняшней действительности.³³ Нет, не все специалисты в области противодействия преступности положительно воспринимают появление «права безопасности», у многих оно вызывает тревогу. Тревогу обоснованную. В частности, отмечается, что мероприятия безопасности ведут к сокращению средств, прежде выделявшихся правоохранительной системе на предупредительную работу.³⁴

Некоторые из швейцарских преступноведов пытаются придать грубо наступательной идее безопасности положительное предупредительное значение, так сказать, перенаправить её в мягкое криминологическое русло. В коллективной монографии под редакцией Франца Риклина и Андреи Бехтольд читаем: «Если безопасность определённо придерживается основной ориентации на ресоциализацию, тогда обессиливается дискурс безопасности, направленный на воздаяние и политическую выгоду власти».³⁵

Дело, думается, в том, что формирующиеся отрасли права криминологического и права безопасности надо в будущем всё же развести, также как эти отрасли отделены от уголовного права. Вместе с тем подчеркну: в названных отраслях (или, в будущем, подотраслях?) есть или, точнее, должно быть нечто общее. А в основание и первой, и второй, и третьей «подотраслей» должны лечь общие принципы. Этими принципами следует исключить принесение невиновных людей в жертву обстоятельствам (например, при уничтожении захваченного «террористами» воздушного судна), а также, безусловно, длительное заключение под стражу, которое назначается не на основании совершённого преступления (меры исправления и безопасности, подобные установленным главой 6 немецкого Наказательного кодекса). Общее в названных трёх отраслях права просится «за скобки» и создаёт ещё одну из предпосылок формирования единого права противодействия преступности.

Единое право противодействия преступности как средство безопасности против мер безопасности. Ранее мной была предложена концепция единого законодательства о противодействии преступности. (ЗПП). Напомню, как мне видится его строение.

Общие положения и принципы устанавливаются в «Основах ЗПП». В соответствии с Основами следовало бы принять *новые кодексы*: «О предупреждении преступлений и мерах безопасности»³⁶ – евразийская идея; «Об уголовной ответственности молодёжи и восстановлении её положения в обществе» – хорошая евро-американская идея.³⁷ Согласно Основам должно произойти взаимопроникновение установлений новых кодексов с прежними: Уголовным, Уголовно-процессуальным, Уголовно-исполнительным.

Сомневающийся скажет: «А нельзя ли как-нибудь без Основ? Это, – мол, – зодческое нагромождение». Чем тут возразишь? Всё, конечно, можно: какими-то общими местами, перегрузив, дополнить Конституцию России; какие-то положения более ясно определить в УК, УПК, УИК; какие-

³² Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. – С. 24.

³³ См.: Albers M. Menschenrechtlichen Standards in der Sicherheitspolitik. – S. 48.

³⁴ См.: Hensler B. Zur Frage der Notwendigkeit und Grenzen des Sparens – die Sicht der Polizei // Was ist uns das Strafwesen wert? Notwendigkeit und Grenzen des Sparens / Hrsg. Franz Riklin. – Bern, 2010. – S. 20.

³⁵ Sicherheit über alles? / Hrsg. F. Riklin, A. Baechtold. – Bern, 2010. – S. 88.

³⁶ См. также: Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада, выполняющего также функции автореферата. – СПб., 1994. – С. 38.

³⁷ Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 1 (28). – С. 50.

то повторить в других кодексах законодательства о преступности. Но при этом страдает стройность здания законодательства, а сложность и «неправильность» строения влечёт за собой обычно также отклонения его бытия, в нашем случае – ошибки, нарушения, злоупотребления...

Так что же говорит в пользу Основ законодательства о противодействии преступности?

Как было сказано, в правилах вышеназванных подотраслей ЗПП есть нечто общее, нуждающееся в согласовании. Как в математике, общее из подотраслей должно выноситься за скобки.

Объединение принципов, целей и задач ЗПП обеспечило бы его единство. Основы должны определить направление совершенствования этого пласта законодательства, не позволяя его подотраслям ни разойтись в стороны, ни разрешить им себе слишком многое.

Основы позволяют выстроить лестницу значимости: некарательное предупреждение; восстановление положения в обществе того, кто через совершённое им преступление выбился из общественной колеи; наказание; обеспечение безопасности при чрезвычайных обстоятельствах. Таким образом будет исключено первенство уголовного-правовых мер в деле противодействия преступности.

В Основах должна быть записана неприемлемость идущего с Запада призыва к «двунаправленности» мер против преступности. Суть этого призыва такова: тех, кто поопаснее, кто потрясает устои, запереть надолго, лучше всего навсегда, с другими же преступниками пускай разбирается не государство, а сам народ.

Основы должны очертить пределы дозволенного собственно государству – не только в назначении уголовного наказания, но и во всех прочих разновидностях противодействия преступности.

От Основ ожидается выставление заслона принятию преступных законов.³⁸

³⁸ О преступном законе см.: Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества. Краткий курс. - СПб.: Санкт-Петербургский университет, изд-во «Лань». - 2001. - С. 22; его: Введение в криминологию закона. - С. 23, 62.

ЯКОВ ИЛЬИЧ ГИЛИНСКИЙ
В СВЕТЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ
К восьмидесятилетнему юбилею профессора

Шесткаков Д.А.,
Доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Первые криминологические публикации у Якова Ильича Гилинского и чуть позже у меня появились в середине 70-х годов. Обоим тогда хотелось выйти за пределы обычной советской криминологии с её марксистско-ленинским «классовым подходом». В Якове Ильиче - тогда ещё кандидате наук - привлекало новаторство, желание найти неожиданные, пусть, как он говорил, даже сумасшедшие идеи о преступности. Это было мне близко.

Мы варились - каждый в собственном научном соку. Но то, что и как делал в нашей науке Яков Ильич Гилинский, неизменно представляло для меня и, понятно, не для одного меня интерес и отнюдь не часто вступало в противоречие с моими собственными преступноведческими суждениями. У нас много близких взаимодополняющих воззрений.

Понятие преступного

Я.И. Гилинский привлёк внимание отечественного читателя к давнишней криминологической дискуссии по поводу понимания преступного как некой конструкции (конструкта), стигматизирующей человека, совершившего преступления. Во многих своих публикациях он называет преступность условным *конструктом*, продуктом договорённости или субъективных решений (*конвенциональность преступности*).¹

Тема «Преступление как социальный конструкт» обсуждалась в мировой криминологии, прежде всего, в свете теории «клеяния» или «этикетирования», которая связана с именами: в США - Х. Беккера,² а в Германии - Ф. Зака.³ Лично для меня важно сопоставить научное положение о конструкции «преступность» с моим собственным видением общей криминологической теории, криминологии закона, а также права безопасности. Если не доводить научное положение о преступлении как нормотворческой конструкции до крайности, когда отрицается существование реального зла, а признаётся лишь выдумка законодателя, произвольно это зло нарисовавшего, то данное положение вполне согласуется с моим представлением о дуализме преступления.

Преступление имеет две стороны. В криминологическом смысле оно - действительно существующее зло. А есть преступление в юридическом смысле - это попытка описать признаки зла в законе, т.е. абстрактная конструкция. Без системы таких конструкций никакое общество, кроме первобытного, обходиться не умеет. Наказательные кодексы, помимо прочего, определяют структуру уголовной статистики во всех странах, которая при всех её недостатках всё же даёт обществу более или менее достоверную картину значительной части творимого зла: от краж до убийств.

Формула «преступление - результат социального, в частности, законодательного конструирования» согласуется и с моим пониманием преступности как свойства общества воспроизводить преступления (*семантическая концепция*), а также с высказанным мной положением о преступном

¹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.), тенденции и социологическое осмысление / Отв. ред. Я.И. Гилинский. - СПб.: Алетейя, 2000. - С. 132.

² Becker H. Soziologie als Wissenschaft vom sozialen Handeln. - Würzburg: Holzner Verlag, 1959.

³ Sack F. Neue Perspektiven in der Kriminologie. In: F. Sack u.a. (Hrsg.), Kriminalsoziologie. - Frankfurt/M., 1968. - S. 431-475. См. также: Maue R. Macht macht Kriminalität. Eine strukturelle Analyse und ein Methodenkonzept zur Psychologie der Macht und des kriminellen Subjekts. Frankfurt, 1989; Sessar K. "Verbrechen als soziale Konstruktion. Eine kriminologische Vorlesung", in: K.-M. Karliczek (Hrsg.): Kriminologische Erkundungen. - Münster, Westf : LIT, 2004. - S. 33.

законе. Некоторые законы провоцируют зло, а иные сами являются преступными.⁴ Иными словами, законодатель не только описывает зло, но в ряде случаев сам его строит, создаёт, т.е. в полном смысле слова конструирует. Ведь слово «конструировать» означает: создавать конструкцию чего-либо, строить, а также вообще создавать что-нибудь.⁵

Воспроизводство преступности

В объяснении преступлений и преступности мы оба - продолжатели теории криминологической причинности, сложившейся в российской криминологии. Известно, что отечественное преступноведение, выигрывая от диалектического подхода, усматривающего причины преступности в социальных противоречиях, восходя в этом отношении ещё Радищеву.⁶ Полагаю, что одна из главных заслуг наших криминологов в шестидесятые годы двадцатого века состоит в углублении учения о противоречиях, воспроизводящих преступность.

Я.И. Гилинский считает наиболее общей причиной социальных отклонений «обусловленное общественным разделением труда противоречие между универсальностью, тотальностью человеческой деятельности и её социальной формой».⁷ Это суждение он конкретизирует, утверждая, что совершение преступлений как социальное явление порождается социальным неравенством.⁸ Яков Ильич пишет также: «важным интегративным “криминогенным” (вообще - “деликтогенным”) фактором служит фундаментальное противоречие между относительно равномерно распределёнными потребностями людей и принципиально неравными реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида (социальной группы) в социальной структуре общества».⁹ В более позднее время в связи с обсуждением в мировой социологии проблемы «социальной исключённости» профессор Гилинский обращает внимание на противоречие между «включённостью» и «исключённостью», при котором одни люди являются личностями, а другие только индивидами, первые включены в функциональные системы, а вторые исключены из них, «оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра».¹⁰

Слово «включённость» близко по своему значению к слову «социализация». Но оно, действительно, более приемлемо для объяснения социальных отклонений постольку, поскольку заостряет внимание на противоречии не между человеком и обществом в целом, а между человеком и узким кругом хозяев мира - в нашей терминологии, «воробогачей» или, как говорят, «олигархов». Оно ближе к сути дела.

В объяснении воспроизводства преступности воззрения Якова Ильича и мои были и остаются близкими, они увязывают причины с общественными противоречиями.¹¹ Я полагаю, что в послеперестроечной России действуют три основных причины преступности: 1. Противоречие между потребительством и духовностью, проявляющееся в ослаблении национальной идеи. 2. Противоречие между бедностью и откровенно украденным у народа богатством при отсутствии среднего зажиточного слоя. 3. Противоречие между глобально-американизированной «олигархией» (воробогачеством) и суверенными цивилизациями. Третье противоречие в преломлении глобального в россий-

⁴ Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. - СПб.: издательство «Юридический центр Пресс». - 2011.

⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23-е издание, исправленное / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: «Русский язык». - С. 292.

⁶ Шестаков Д.А. Российская криминологическая теория причинности: развитие и перспективы // Вестник СПбГУ. - 1998. - Сер. 6, вып. 3. - С. 83 – 89.

⁷ Гилинский Я.И. Проблемы причинности в криминологической науке // Сов. государство и право. - 1986. - № 8. - С. 68.

⁸ Гилинский Я.И., Афанасьев В. С. Социология девиантного поведения. - СПб., 1993. - С. 26.

⁹ Гилинский Я.И. Понятие преступности в современной криминологии // Труды Санкт-Петербургского юридического института генеральной прокуратуры РФ. - СПб., 2001. - №3. - С. 78.

¹⁰ Там же.

¹¹ Шестаков Д.А. Российская криминологическая теория причинности: развитие и перспективы. - С. 83 – 89.

ское предстаёт как противоречие между властью, слившейся с «олигархией», и большинством населения.¹²

Диалектическая концепция преступности применена мной помимо прочего в семейной криминологии, а именно к воспроизводству *семейной преступности*. В этом главное различие между подходами - моим и феминистским - к объяснению внутрисемейных преступлений.¹³

Противодействие преступности

В отношении контроля над преступностью у нас с Я.И. Гилинским - полное взаимопонимание. Выступая за смягчение наказания, мы оба стоим за снисхождение к человеку, в том числе к преступнику. Яков Ильич находит избыточной в большинстве стран криминализацию и репрессивность,¹⁴ убедительно называет бесперспективным господствующее в уголовной политике «усиление борьбы» с преступностью, опирающееся на поддержку населения и работников правоохранительных органов. По его словам, это - «страшный устойчивый элемент правосознания самых широких масс, который с радостью используется властными структурами в негодных целях и с крайне негативными последствиями».¹⁵ Следование карательному азарту общества я называю синдромом Понтия Пилата¹⁶ и под сомнение ставлю навязываемую России двунаправленную («двухвекторную») модель реформы уголовного законодательства. Эта модель, как известно, состоит в ужесточении ответственности за наиболее злостные преступления на фоне смягчения её за преступления, не столь опасные, за проступки. Двунаправленность, по моему мнению, противоречит объективной, в конечном итоге, неотвратимой тенденции спада уголовно-правовой репрессии.¹⁷

Мы оба разделяем позицию наших зарубежных коллег о «кризисе наказания», уголовной политики, уголовной юстиции и полицейского контроля. Оба осознаём неэффективность традиционных средств контроля над преступностью, более того - негативных последствий лишения свободы. Оба всегда выступали за распространение альтернативных лишению мер, за распространение восстановительной юстиции, за полную и безоговорочную отмену смертной казни.¹⁸ Помимо прочего, мы с профессором Гилинским в своё время совместно провели заседание Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, нацеленное на обоснование исключения этого варварского вида наказания.¹⁹ В том, что современная Россия, в отличие от США, Китая и многих других стран, стала государством, в котором не казнят, имеется и наш с Яковом Ильичом скромный вклад.

Объяснение «каприза преступности»

В начале второго тысячелетия преступность во всём мире повела себя никем не предвиденным образом. Количество тяжких и особо тяжких преступлений, которое до сих пор нарастало, вдруг стало заметно сокращаться. Профессор Гилинский, который неизменно откликается на всё новое, неожиданное, подключился к объяснению общественного «каприза». Между прочим, он вы-

¹² Шестаков Д.А. «Ex nihilo nihil » или «condito sine qua non»? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2012. - № 1 (24). - С. 19-20.

¹³ Шестаков Д.А. Введение в криминологию семейных отношений. - С. 65-79.

¹⁴ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр «Пресс», 2009. - С. 394.

¹⁵ Там же. - С. 402.

¹⁶ Шестаков Д.А. Синдром Понтия Пилата в реформе уголовного законодательства // Актуальные вопросы реформы уголовного законодательства. - Тарту, 1989. - С. 66-70.

¹⁷ Шестаков Д.А. Чего я жду от криминологии уже завтра? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2013. - № 4 (31). - С. 24.

¹⁸ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. - С. 405, 409. Шестаков Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменившемся мире. Учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. - С. 242.

¹⁹ См.: Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2002. - № 3(4). - С. 9-24.

сказал вполне убедительное предположение касательно сокращения числа молодёжных преступлений. Начиная с конца прошлого столетия, многие юноши и девушки уходят из реального, в том числе преступного, мира в виртуальное пространство Интернета. «Там они удовлетворяют свою потребность в самоутверждении (общаются, любят друг друга, творят, реализуют агрессивные интенции и т.д.).»²⁰ Данное соображение, безусловно, заслуживает внимания.

Мне думается, надо иметь в виду и явление «перетекания преступного насилия» из недозволенной в официально дозволенную и даже поощряемую область, что показательно для США, которые в соответствующий период времени, вмешиваясь в суверенитеты других стран, развязывают одну за другой кровопролитные войны. Когда же наступит, наконец, долгожданный военный перерыв, тогда возможна новая вспышка насилия внутри страны-агрессора. «Шум и ярость», как это называл У. Фолкнер, вернутся домой.

Политическая криминология

Сходных воззрений Яков Ильич и автор настоящих слов придерживаются по поводу преступности политического террора. В 1988 году мы провели заседание петербургского клуба по этому вопросу. Тогда был поднят вопрос об установлении специальной уголовной ответственности за внутреннюю преступную деятельность государства в лице его высших должностных лиц. При этом предлагалось учесть исторические факты, в том числе имевшие место в Советском Союзе.²¹

Наши с профессором Гилинским подходы тогда отличались, пожалуй, только оттенками. Мною, помнится, особое внимание уделялось большевистскому террору *первой волны*. Мне хотелось подчеркнуть, как осуществление под началом В.И. Ульянова (Ленина) антирусской, антироссийской политики красного террора, состоявшей в убийствах членов царской семьи, уничтожении наиболее духовно развитых слоёв общества, разорении и физическом уничтожении сотен тысяч россиян. Ущерб национальной культуре, гонение на религию, растрата огромных культурных и материальных ценностей - все эти деяния компартии ленинского периода с учётом их жестокости и количества были, по-видимому, наиболее разрушительными преступлениями за всю российскую историю... Я весьма ценю эту проделанную совместно с Яковом Ильичом работу.

Однако странно было бы, если б в научном видении двух юристов, криминологов не оказалось различий. Имеются такие несовпадения, разумеется, и у нас с Яковом Ильичом. Да, они относятся к политкриминологической отрасли.

Я.И. Гилинский не разделяет моих взглядов по поводу необходимости защиты российской самобытности и самодостаточности от преступных посягательств, его в меньшей мере, чем меня интересует олигархическая, в том числе глобальная олигархическая преступность. Он, как будто бы, не склонен исследовать её в связи с агрессивными войнами последних десятилетий и вмешательством извне в политическую жизнь суверенных государств. Профессор Гилинский, кажется, не усматривает противопреступной силы в не раз спасавшей Россию верности её народа своей великой Родине, в народном стремлении к независимости и воссоединению, т.е. в его духовности.

Впрочем, обозначенные здесь различия точек зрения выходят за рамки юбилейного очерка. Они представляют собой почву для дальнейшего разговора со старшим товарищем.

Человеческое

Есть общение научное, а есть чисто человеческое общение. В Якове Ильиче, которому не свойственны какие-либо закулисные манёвры, присущие околонуучной жизни, я высоко ценю его порядочность и деликатность. У нас есть общие, дорогие мне воспоминания. Мы ведь не только пи-

²⁰ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб: Алеф-Пресс, 2013. — С.136; Гилинский Я.И. Социальное насилие. Монография. — СПб: Алеф-Пресс, 2013. — С.55.

²¹ Шестаков Д.А. Палачи уходят от ответа // Ленинградский университет, 30.12.1988.

сали научные труды и выступали на заседаниях, но и попросту - иногда в домашней обстановке за рюмкой коньяка, иногда в метро или поезде - беседовали. А однажды, уже свыше двадцати лет тому назад, как-то мы вместе поехали из немецкого Фрайбурга в швейцарский Бругг, в Ааргаушское криминологическое общество.

Оба тогда направлялись в Швейцарию в первый раз. На вокзале мы поменяли немецкие марки на швейцарские франки, а в вагоне рассмотрели непривычные купюры. И на одной из них неожиданно увидели портрет прапрадеда моей прабабушки, математика Леонарда Эйлера. Предок как будто бы подмигнул мне.²² В этом я усмотрел хороший знак, словно в своём «фатерланде» он поприветствовал нас и наш скромный учёный труд.

Дорогой Яков Ильич! Я от души поздравляю Вас с юбилеем, желаю Вам здоровья и радости!

²² Как известно, правый глаз у академика Л. Эйлера вследствие перенапряжения зрения был повреждён.

Наша конференция посвящена 80-летию Я.И. Гилинского, доктора юридических наук, профессора, зав. кафедрой уголовного права юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена. Я знаю Якова Ильича давно, еще с тех пор, когда мы ходили на его семинары (это было в середине 80-х годов). Помнится, что тогда зал заполнялся задолго до начала, и все с неподдельным интересом слушали докладчиков и внимали их идеям, особенно когда выступал Гилинский. Это было начало формирования российской девиантологии, у истоков которой стоял юбиляр. С тех пор, как мне кажется, не было ни одного года, чтобы Я.И. Гилинский не организовывал семинары, конференции, круглые столы, исследования, не выступал на радио и телевидении по теме социального контроля и девиантности (я уже не говорю о публикации статей и монографий). С уверенностью могу сказать, что ни один российский девиантолог и/или криминолог не обошел стороной труды Я.И. Гилинского, которые стали основой девиантологического знания в России. Хочу выразить юбиляру слова уважения за его преданность науке, вклад в развитие отечественной девиантологии и криминологии, многолетнюю исследовательскую и просветительскую деятельность, талант организатора и оратора, а также поздравить с юбилеем и пожелать дальнейших творческих успехов.

**СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ДЕВИАНТНОСТИ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД
SOCIAL CONTROL OF DEVIANCE IN A POSTMODERN SOCIETY:
TELEOLOGICAL-FUNCTIONAL APPROACH**

Шипунова Т.В.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет социологии, профессор

Аннотация. Автор рассматривает основные положения телеологическо-функционального подхода к изучению социального контроля в обществе постмодерна. Основными посылами для выделения такого подхода являются: определение социального контроля как средства коммуникации; расширение представлений о субъектах контроля; рассмотрение Интернета как модулятора смыслов и нарративов, управляющих социальной реальностью. Автор приводит также рассуждения о социальном контроле в контексте социальной безопасности и социальной защиты с позиций телеологическо-функционального подхода.

Annotation. The author examines the main provisions of the teleological-functional approach to the study of social control in postmodern society. To highlight the main message of this approach are: the definition of social control as a means of communication; expanding notions of control subjects; consideration of the Internet as a modulator of meanings and narratives governing social reality. The author gives some arguments about social control in the context of social security and social protection from positions of teleological-functional approach.

Ключевые слова: социальный контроль, коммуникация, социальная безопасность и социальная защита.

Key words: social control, communication, social security and social protection.

Взгляды сторонников постмодернизма особенно распространились во второй половине XX в. в связи с разочарованием в идее общества всеобщего благоденствия, поскольку произошло осознание того факта, что национальное государство не способно обеспечить ни достойное существование всех своих членов, ни достаточный уровень безопасности, ни уверенность в будущем, ни

интеграцию в социум.¹ Социальные условия способствовали недоверию к идеям модерна и утверждению постмодерна, т.е. того, «что явилось миру, <...> когда порядок и здравый смысл, моральное совершенство и просвещенность перестали быть общими <...> высшими ценностями».²

Постмодернизм создал методологические основания для критики концепций гуманного общества, объяснения системного насилия властью имущих и их истинных интересов. Он «раскрывал глаза» на социальные риски и неутешительные перспективы для социальных групп и отдельного человека. Именно эта пригодность постмодернизма для социальных потребностей переосмысления рушащегося мира (социального и физического) позволила ему стать ведущим направлением философской и социологической мысли. Его влияние проявилось также в криминологии и девиантологии: стоит только вспомнить труды М. Фуко. Большой вклад в развитие представлений о социальном контроле внесли разработчики различных относительно самостоятельных направлений и школ криминологии, которые в разной мере используют идеи постмодернизма: радикальная криминология (Я. Тейлор, Дж. Янг), теория стигматизации (Г. Беккер, Ф. Зак), феноменологический подход (П. Филмер, Д. Уолш), аболиционизм (Т. Матисен, Н. Кристи, Л. Хулсман), критическая школа (Ф. Зак, Х. Хесс, С. Шеерер, Х. Штайнерт и др.), конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман), разнообразные интегративные теории.

Опираясь на основополагающие идеи классиков постмодернизма, можно в обобщенной форме сформулировать положения, которые приводят к необходимости несколько иначе взглянуть на социальный контроль девиантности в постмодернистском обществе. Для удобства оформим их в виде тезисов.

Тезис 1. Социальный контроль – это средство коммуникации.

Социальный контроль в общем смысле чаще всего понимается как подчинение личных интересов общественным.³ Подразумевается, что он не просто стабилизирует, упорядочивает общественную жизнь, но и придает ей осмысленность и позитивную направленность. В этом статусе благой идеи социальный контроль обладает «идеологической неприкосновенностью». Его экспансия может быть бесконечной, поскольку бесконечно разнообразие форм и видов поведения, могущих вызвать недовольство общества или же власть имущих.

Однако учитывая идею постмодернистов о знаковой, символической сути социальных взаимодействий, социальный контроль можно мыслить как символическое обобщенное средство коммуникации, которое определяет ситуацию посредством придания социального смысла, направляет коммуникацию в определенное русло и, наконец, (взаимо)определяет реальность. Данная коммуникация подчиняется принципу рациональности, предполагающему осуществление интеракции в «<...>соответствие с обязательно *принимаемыми нормами*, которые определяют взаимные поведенческие ожидания <...>».⁴ Рассмотрение социального контроля в таком ключе дает возможность более полного его определения в разных дискурсах. Их совокупность создает представление о границах понятия, которое в одном случае может рассматриваться как борьба с социальным злом (противоречие и/или конфликт «человек-общество»), а в другом – как чрезмерное и не нужное ограничение свободы человека (противоречие и/или конфликт «общество-человек»).

При этом особое внимание должно быть уделено процессу воспроизводства и исследованию трансформации системы социального контроля (наиндивидуальный макро-феномен) как результату изменений повседневных практик на микроуровне. Такое исследование направлено на поиск ответов на вопросы «как, с какой целью»: существует социальный контроль и какие функции он вы-

¹ См., напр.: Кауфманн Ф.-К. Продолжает ли социальное государство выполнять функцию интеграции? // Современная немецкая социология: 1990-е годы. – СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002.

² Харт К. Постмодернизм. /Пер. с англ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 34.

³ См., напр.: Шели Дж. Криминология /Пер. с англ. - СПб.: Питер, 2003. С. 46.

⁴ Habermas J. Technik und Wissenschaft als “Ideologie”. - Frankfurt a/M., 1968. S. 62.

полняет; как и с какой целью устанавливается социальный порядок и каковы его функции. Здесь при рассмотрении предмета изучения преимущественно используется телеологическое и функциональное объяснение феномена, предпочитаемое в рамках постмодернизма, в отличие от семантического и историко-генетического, применяемых в других научных парадигмах (причинно-следственное же или детерминистическое перманентно включено во все виды объяснений).

Рассмотрение социального контроля в таком ключе дает возможность более полного его определения в разных дискурсах, формирующихся на макро- и микроуровне социальной реальности в пространственно-временном континууме (в данном обществе и в данное время). На макроуровне складывается определенная *объективная ситуация*, характеризующая состояние системы социального контроля девиантности и отражающая представления государства о социальном порядке. Эта ситуация по каналам социальной коммуникации транслируется на микроуровень социальной реальности и определяет социальный контроль как деятельность. Собственно говоря, именно здесь – на микроуровне и протекает социальный контроль в своем реальном выражении. Но социальные акторы не являются пассивными реципиентами смыслов и аргументов государственного и/или научного дискурсов. В разных дискурсах складывается своя модель социального контроля и повседневные практики соблюдения/несоблюдения социальных норм и реагирования на девиантность.⁵

Тезис 2. Круг субъектов социального контроля девиантности значительно шире, чем принято считать.

К субъектам социального контроля девиантности традиционно относят официальные социальные институты (полиция, пенитенциарная система, трудовой коллектив, учреждения социального обслуживания, система образования и др.), осуществляющие формальный контроль, и институты, реализующие неформальный социальный контроль, – семья, церковь, гражданские инициативы, к которым обычно относят профильные общественные организации, занимающиеся превенцией разных видов девиантности, и правозащитные организации. Однако список этих субъектов гораздо шире. Сюда можно отнести, например, различные субкультуры, естественные кооперации людей (например, соседскую общность, друзей), молодежные движения (политические, досуговые, по интересам), новые религиозные движения «ню-эйджа», девиантные субкультуры (от молодежных субкультур до преступных банд) и т.д. Все они являются социальными структурами, понимаемыми «<...> в элементарном своем значении как “генеративные” (порождающие) правила и ресурсы».⁶ Они могут иметь не только анти-, но и про- или индифферентную социальную направленность, которые, однако, при определенных обстоятельствах и социальной ситуации, могут актуализировать девиантные проявления (например, идеология Аум Синрикё основывалась на медитативных и йогических практиках, направленных на саморазвитие и совершенствование человека, но привела к преступлениям). Особый исследовательский интерес представляет социальный контроль девиантности со стороны различных, в том числе – девиантных, сообществ, которые находятся в конкуренции с официальными контролирующими социальными институтами и имеют свой «сенсориум», позволяющий «<...> селективно реагировать на процессы во внешнем мире, сохраняя свою системную специфичность <...>».⁷ Они зачастую имеют большую мотивацию и финансовое обеспечение такого контроля, что обуславливает его более высокую результативность и продвижение в повседневную жизнь образцов поведения, альтернативных общепринятым и/или продвигаемым государством.

⁵ Подробно см.: Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 196-208; Шипунова Т.В. Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии // Журнал социологии и социальной антропологии № 2 (61), 2012. С. 157-173.

⁶ Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. – М., 2003. С. 59.

⁷ Антоновский А.Ю. Пространство и время коммуникации и сознания: Бурдье vs. Луман. // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. – М.: ИФРАН, 2009. С. 85.

В таком подходе к пониманию социального контроля акцент делается на изучении характеристик изменяющегося потока интенций социальных акторов, лабильность социального контроля и его тесную связь с борьбой за распределение власти в социуме, которая реализуется за счет возможности установления социальных норм и «правил игры», определяющих рамки, направленность, интенсивность и пределы социального контроля.

Тезис 3. Интернет - это модулятор смыслов и нарративов, управляющих социальной реальностью

Интернет развивает и усиливает пессимистический характер социальной реальности за счет предоставления человеку все больших возможностей для самореализации, приобщения к чему-то большому («глобальная сеть»), удовлетворения потребности быть увиденным всеми («шоуизация жизни»). Блоги, форумы, социальные сети становятся публичными аренами для обсуждения существующих социальных норм и девиантных явлений.

Можно сказать, что Интернет выступает модулятором социальной реальности, т.е. управляет параметрами социальной реальности *sui generis*. Происходит это за счет рефлексии, переосмысления этой реальности и модификации существующих социальных норм, образцов поведения, правил, которые сначала транслируются от одного участника к другому по горизонтальной виртуальной коммуникации, а затем, будучи интериоризированными, переходят в повседневные практики. Интернет – это генерализованное отражение реальности *sui generis*, проявленной как поток смыслов, нарративов, повседневного знания во всем их богатстве. Интернет не просто эхо или хранилище смыслов, повседневного опыта, но именно модулятор, перестраивающий, усиливающий или уменьшающий влияние этих самых смыслов и нарративов. Если какие-то смыслы, оценки, нарративы попадают в резонанс со смыслами и нарративами многих и многих пользователей, то передаваемая из Интернета информация, образовавшаяся в результате коллективной умственной деятельности пользователей, усиливается во много раз и может если не полностью изменить реальность *sui generis*, то существенно модифицировать систему социальных норм. Данное обстоятельство, наряду с апробированием идей на практике (в социальной реальности)⁸ является наиважнейшим условием хабитуализации⁹ создаваемых в Интернет-пространстве норм и девиаций, которые в дальнейшем влияют на уровень девиантности в обществе, изменение социальных норм, организацию социального контроля девиантности.

Приведенные выше тезисы представляют собой общие положения или основания для развития телеологическо-функционального подхода к изучению социального контроля. Они позволяют рассматривать социальный контроль девиантности как функцию смыслов, отражающих представления социальных акторов о социальной безопасности и социальной защите.

Для изучения социального контроля девиантности в контексте общественной безопасности более всего подходит концептуальный аппарат теорий, анализирующих конкуренцию социальных групп за производство смыслов и отношений, развивающихся в поле власти (К. Манхейм, М. Фуко, П. Бурдьё, Р. Дарендорф, П. Бергер, Т. Лукманн, Н. Луман и др.). В девиантологических и криминологических исследованиях рассмотрением этого вопроса занимаются, прежде всего, представители критической криминологии.

Несмотря на то, что в работах российских авторов все чаще стало уделяться внимание интеракционистскому подходу и критическому осмыслению социального контроля девиантности, ощущается недостаток исследований, связанных с изучением социального контроля девиантности в контексте общественной безопасности и защиты, а именно:

⁸ Разумеется, часть девиаций, в том числе и некоторых преступлений, совершается непосредственно в и через Интернет.

⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. - М., 1995. С. 89-91.

- остаются непроясненными вопросы о конструировании различными социальными группами угроз, рисков и общественной опасности поведения и/или деятельности как оснований для социального контроля;
- нет социологических исследований, посвященных представлениям о границах правовой экспансии при реализации социального контроля девиантности;
- ощущается дефицит научных дискуссий и исследований по вопросам, связанным с выработкой оптимальных критериев определения опасностей, угроз и рисков разных видов поведения и/или деятельности и выделения их в качестве объектов социального контроля;
- остается недостаточно разработанным категориальный аппарат теории рисков, концепций социальной безопасности и защиты, несмотря на то, что социология безопасности и рискология, как относительно самостоятельные направления научного знания, имеют определенные наработки в этой области;
- остаются открытыми вопросы о границах, месте и роли социального контроля девиантности в обеспечении стабильности общества;
- продолжает быть неясным, что, собственно говоря, производит социальный контроль, кто является его потребителем и объектом защиты и т.д.

Эти вопросы множатся, когда мы обращаемся к понятию «общество риска» и идеям конкуренции за производство смыслов и отношений, развиваемых в социальном поле власти: какие цели преследуют различные социальные субъекты как продуценты объяснительных концепций девиантности и социального контроля, атрибуций «опасностей» и «рисков» разных видов поведения, разделения социальных групп по степени безопасности (или опасности) их деятельности. И, наконец, требует осмысления ограничения и возможность использования концепции «социальная защита» в социокультурном пространстве российского общества, а также те реальные или потенциальные угрозы для социальной безопасности, которые могут возникнуть с ее введением в правоприменительную практику.

Парадигма «социальная защита» (иногда используется название «социальная защита и безопасность») в криминологии и социологии девиантности начала развиваться с 90-х годов XX в. Эта парадигма пришла на смену парадигме превенции.¹⁰ Авторы перечисляют следующие причины, способствовавшие возникновению нового дискурса: 1) открытие заново территориальной общности (community); 2) рост преступности и провал превенции преступности; 3) левый реализм и переход от понятий «преступление», «преступность» к понятиям «виктимизация», «страх» и «риск»; 4) «новый менеджерализм» и «потребительство»; 5) распространение наркопотребления и злоупотребления психоактивными веществами; 6) рост «антисоциального» поведения молодежи.¹¹

Концепция «социальная защита» отражает современные представления о наказании и приобретает все большую популярность, одновременно варьируясь в разных странах по степени гуманности в отношении преступников. Укрепление позиций сторонников концепции «социальная защита» базируется на том обстоятельстве, что наказание оказывается выгоднее (в экономическом смысле), чем исправление, основанное на формировании ответственности, или реформирование общества с целью создания благоприятных условий жизнедеятельности людей в легитимном социальном пространстве. Главным же выводом из смены концепции наказания является то, что система правосудия, по сути дела, возвращается к концепции возмездия, удовлетворяя тем самым потребность

¹⁰ Squires, P. Criminology and the "Community safety" paradigm: safety power and success and the limits of the local / The British Criminology Conferences: Selected Proceedings. Volume 2. Papers from the British Criminology Conference, Queens University, Belfast, 15-19 July 1997. This volume published March 1999. Editor: Mike Brogden. ISSN 1464-4088. <http://www.britisoccrim.org/volume2/012.pdf>

¹¹ Edwards A., Hughes G. Public safety regimes: Negotiated orders and political analysis in criminology //Criminology and Criminal Justice. – 2012. – Т. 12. – №. 4. – С. 433-458.

общества в отмирании. Но если «преступность определять как рынок, то количество осужденных еще больше возрастет».¹²

Следует сказать, что в западной криминологии тема социальной защиты достаточно активно развивается в ходе дискуссии о реорганизации уголовно-правовой системы. Основное содержание (квинтэссенцию) этой дискуссии можно сформулировать так: на национально-государственном уровне уголовное право выступает как посредник в так называемой политике ограничения рисков. В связи с этим в обществе широко обсуждаются понятия «надежность» и «защита». Однако эти понятия рассматриваются как бы сами по себе, без анализа того, *что*, собственно, следует защищать, т.е. не анализируется объект защиты. Таким образом «надежность» становится чисто символическим понятием. Материальная и формальная надежность уголовного права в современном западном обществе мыслится как возрастающее внимание официальных инстанций к условиям виктимизации потенциальных жертв. Отсюда и цели уголовного права – осуществление мероприятий по обнаружению подозрительных, когда под подозрением оказываются не только преступники, а общественные группы или жизненные ситуации и обстоятельства.¹³ Таким образом, происходит экспансия правоохранительной системы на все социальное поле и повседневные практики.

Исходя из методологии телеологическо-функционального подхода, исследовательский интерес в обозначенной выше проблематике необходимым образом лежит в изучении дискурсов, выявлении смыслов, значений не только в процессе конструирования разных видов девиантности, но и в формировании конструкторов опасностей, рисков, угроз.

На макроуровне социальной реальности в наибольшей степени прослеживается конкуренция различных агентов за влияние в поле власти, которое занимает особую позицию в иерархии социальных полей. Поле власти не только поддерживает определенный порядок в обществе, но и формирует новые поля посредством своих нормирующих практик.¹⁴ Наглядным примером этому является взаимодействие государства как легитимного агента политического поля и права, образующего относительно самостоятельное «юридическое поле»¹⁵ и выступающее субъектом конструирования социальной реальности и средством контроля (крайне) нежелательного поведения. «Право узаконивает сложившийся порядок, легитимируя видение этого порядка, которое обеспечивается Государством и представляет его точку зрения»¹⁶.

Продвижение идей контроля «нежелательного поведения», вмещающего в себя, помимо преступности, и другие виды девиантности, имеет определенную логику развития. Чтобы за каким-то видом поведения закрепить это определение и хабиитуализировать его в качестве запрещенного, необходимо, как минимум, сформировать (сконструировать) признаки его опасности, угрозы, риска для социума и конкретных людей. Кроме того, этот конструкт необходимо дополнить объяснительной базой, которая будет обеспечивать оправдание применения социального контроля данного вида поведения. В совокупности они образуют основание для определения субъектов, видов и форм социального контроля в будущем. Степень социальной адекватности конструкторов опасности разных видов девиантности на макроуровне социальной реальности выступает показателем цивилизованности/ нецивилизованности общества, его гуманности/негуманности.

На микроуровне, в свою очередь, складывается свое представление об опасности того или иного вида поведения и деятельности, которое актуализируется в представлениях населения о защищенности, надежности социального контроля и уровне страха перед девиантностью (преступно-

¹² Klimke D. Wach- & Schliessgesellschaft Deutschland: Sicherheitsmentalitäten in der Spaetmoderne. – Wiesbaden: GWV Fachverlage GmbH. 1 Auflage. 2008. S. 19.

¹³ Albrecht P.-A. Kriminologie: eine Studienbuch. – München, 1999. S. 3-4.

¹⁴ Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

¹⁵ Бурдые П. Власть права. Основы социологии юридического поля. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3040> (дата обращения - 24.08.2013).

¹⁶ Там же

стью, наркотизмом, алкоголизацией населения и т.д. и т.п.). Здесь также происходит конструирование представлений о необходимых мерах защиты в рамках социального контроля и его субъектах. Кроме того, выстраивается некоторая иерархия опасностей, которая может варьироваться в разных социальных группах в зависимости от позиции, занимаемой социальной группой в поле власти.

Думается, что обозначенный подход интересен как в плане приращения научного знания, так и в плане создания возможностей для изменения социального контроля девиантности в сторону роста его социальной адекватности, снятия социальной напряженности, вызванной законодательством последних лет в области контроля поведения и деятельности людей, и изменения субъективных оценок населения, касающихся защищенности и безопасности проживания в стране.

**НИЗОВЫЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ
НАРКОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СПЕКТР НОРМАТИВНЫХ КОНСТРУКТОВ И ПРАКТИК**

**GRASSROOTS SYSTEMS OF SOCIAL CONTROL
IN THE SPHERE OF DRUG ABUSE IN MODERN RUSSIA:
THE SPECTRUM OF NORMATIVE CONSTRUCTS AND PRACTICES**

Яковлева А.А.,

канд. социол. наук, старший научный сотрудник,
сектор социологии девиантности и социального контроля
Социологический институт РАН

Аннотация. Доклад посвящён так называемым низовым системам социального контроля, формирующимся в рамках общественных инициатив. Показано, что они являются одним из источников нормативного разнообразия, характерного для эпохи постмодерна. На примере российских общественных инициатив социального контроля наркотизма проиллюстрирована сложная система их взаимоотношения как между собой, так и по отношению к формально-нормативной системе.

Annotation. The report is devoted on the grassroots system of social control within the emerging community (public) initiatives. Is shown that they are a source of postmodernism' regulatory diversity. By the example of Russian social control systems developed in the framework of community initiatives in sphere of drug abuse illustrated a complex system of relationships, both among different initiatives and in relation to the formal normative system.

Ключевые слова: общественные инициативы, социальный контроль, наркотизм, конструкт нормы/девиации, практики социального контроля

Keywords: community (public) initiatives, social control, drug abuse, norm/deviance construct, social control practices

Так сложилось, что традиционные отечественные девиантологические исследования фокусируются, прежде всего, на изучении формально-нормативной системы социального контроля девиантности, т. е. имеют ярко выраженный правоприменительный характер. Такой подход представляется нерелевантным для фиксации и, тем более, объяснения тенденций социального контроля, характерных для современного общества эпохи постмодерна.

Так, конструкт нормативного, зафиксированный в формальных документах законодательной и исполнительной власти, не является универсальным. Более того, он не является единственным: одновременно с ним сосуществует целый ряд других конструктов, каждый из которых является базисом для формирования специфических практик социального контроля.

Важно, что эти различные нормативные системы и основанные на них практики социального контроля не дополняют формально-нормативную систему, а сосуществуют с ней, лишь изредка соприкасаясь в отдельных точках. Более того, сами эти системы не просто не звучат в унисон, а часто противоречат и даже взаимно исключают друг друга.

Одним из источников такого нормативного разнообразия являются т.н. низовые общественные инициативы¹ в сфере социального контроля девиантности. Они могут быть как формализованными (общественные некоммерческие неправительственные организации, «третий сектор»), так и неформализованными (общественные или социальные движения различного масштаба).

¹ Термин «общественные инициативы» представляется наиболее удачным в сравнении с синонимичными терминами «гражданские инициативы» или «инициативы населения». Он не ограничивает объект исследования правовым статусом гражданина или проживанием на определенной территории, а подчеркивает, прежде всего, социальную активность инициаторов тех или иных действий.

Привычно мнение, что общественные инициативы находятся в оппозиции к существующей формально-нормативной системе. Это, однако, не так. Более того, их взаимосвязь сложно представить в плоской системе координат. Это всегда нечто объёмное, пластичное и подвижное, в одних точках взаимопроникающее друг в друга, а в других – отдаляющееся друг от друга на невероятные расстояния.

В качестве краткого примера рассмотрим нормативные системы, сформированные в рамках двух общественных инициатив социального контроля наркотизма:² «Азария - Матери против наркотиков» и «Город без наркотиков». Обе эти инициативы формализованы и реализуются на региональном уровне (в первом случае это город Санкт-Петербург, во втором - город Екатеринбург).

Остановимся на трёх базовых аспектах этих нормативных систем: определение (конструкт) девиации, проблематизируемый аспект девиации (объект и предмет социального контроля) и практики (механизмы) социального контроля.

В рамках инициативы «Город без наркотиков» основными проблематизируемыми объектами являются наркоторговля и наркопреступность. Они рассматриваются в логической связке «торговля наркотиками» – «наркомагия» – «преступность наркомагов». И, соответственно, персонифицируются в виде «наркоторговцев» («“людоеды”, в крайнем случае, “душегубы”»)³ и «наркомагов» («подонки, предатели, преступники»)⁴.

Основное воздействие социального контроля в рамках данной общественной инициативы направлено именно на эти две группы. В качестве механизмов практикуются активное выявление мест торговли и торговцев, инициирование публичных уголовных дел, снос незаконных построек и целых посёлков, в которых торгуют наркотиками, борьба с наркопритонами, и т.п. Важно подчеркнуть, что все указанные меры укладываются в формально-нормативную правовую модель, а более широко – в концепцию «войны с наркотиками».

Совершенно иную картину мы видим в рамках общественной инициативы «Азария – Матери против наркотиков». Для определения проблемы, связанной с наркотизацией, используется мейнстрим-ориентированный термин «зависимость от наркотиков». Однако конструируется наркозависимость, прежде всего, как семейная девиация («болезнь всей семьи»),⁵ истоки которой лежат в дисфункциональности отношений между членами семьи. Она формируется и укореняется из поколения в поколение и проявляется в связке «созависимость родителя» – «наркозависимость ребенка».

В случае данной общественной инициативы проблематизируется именно созависимость – «болезненное психологическое (часто и соматическое) состояние родителей [зависимых]».⁶ И именно созависимые являются основной целевой группой, на которую направлен практикуемый механизм социального контроля. Посредством групповой самопомощи, информирования и просвещения,

² Эмпирические данные представляют собой тексты, созданные и размещённые в открытом информационном пространстве от имени общественных инициатив. Материалы были собраны и проанализированы в рамках научно-исследовательского проекта «Социальный контроль девиантности: системно-институциональные эффекты и повседневные практики», реализованного сектором социологии девиантности и социального контроля Социологического института РАН в 2012-2014 годах.

³ Доклад депутата Государственной думы РФ Е. В. Ройзмана (Всероссийская Научно-практическая Конференция «Национальная сфера ответственности: Власть, бизнес, общество – против наркомагии в России», Москва, Храм Христа Спасителя, 23-25 ноября 2005 г.) // [Некоммерческая организация благотворительный фонд «Город без наркотиков»] / НО БФ «Город без наркотиков». [Екатеринбург]. URL: <http://www.nobf.ru/about/dokladi/> (дата обращения: 26.06.13).

⁴ Антинаркотическая телепропаганда: успешный опыт Екатеринбурга // [Некоммерческая организация благотворительный фонд «Город без наркотиков»] / НО БФ «Город без наркотиков». [Екатеринбург]. URL: <http://www.nobf.ru/about/recommendations/packet/> (дата обращения: 26.06.13).

⁵ Мнение Азарии о наркомагии и алкоголизме // Как не погибнуть, помогая родному и близкому. Региональной благотворительной организации «Азария» 20 лет. СПб, 2013. С. 45.

⁶ Кто мы // [Региональная благотворительная общественная организация «Азария – Матери против наркотиков»] / РБОО «Азария». [Санкт-Петербург, 2005-2011]. URL: <http://www.azaria.rusorg.ru/site.xp/055056.html> (дата обращения: 06.06.14).

а также практик личностного развития происходит корректировка ситуации от девиации (созависимость) к норме (независимость).

Через «выздоровление» созависимого улучшается семейная обстановка и, как следствие, начинается «излечение» и самого зависимого: «Если родителей удастся направить в программы поддержки, если они начинают овладевать знаниями и информацией, вырабатывают основы грамотного поведения с наркозависимым, перестают быть жертвой обстоятельств, “встают на ноги”, то в семьях идут значительные перемены и с наркозависимыми в том числе».⁷

Если попытаться провести сравнение двух рассматриваемых общественных инициатив, то между ними будет больше отличий, нежели сходных моментов.

Одна из принципиальных точек, по которой «проходит водораздел», – это отношение к преступности, связанной с наркотиками. Так, в рамках инициативы «Город без наркотиков» наркопреступность («подлая наркоманская преступность, из-за которой люди боятся выходить на улицы»)⁸ – это один из основных объектов жесткого контроля. В рамках же инициативы «Азария – Матери против наркотиков» она рассматривается как «один из симптомов заболевания наркотической зависимости»,⁹ а направленные на неё меры формально-нормативной системы контроля критикуются как репрессивные и антигуманные.

Ещё один момент, существенно отличающий две рассматриваемые общественные инициативы, заключается в следующем. Для инициативы «Город без наркотиков», как и для формально-нормативной модели социального контроля, не существует ни концепта «созависимость», ни объекта воздействия «семья и родственники потребителя наркотиков». В свою очередь, для инициативы «Азария – Матери против наркотиков» и то, и другое является базовыми, ключевыми категориями.

Таким образом, краткий анализ даже двух¹⁰ общественных инициатив социального контроля наркотизма показывает, что в рамках них сформированы совершенно различные конструкты девиантного. То, что они сосуществуют в одних пространственно-временных условиях, является проявлением мозаичной и пластичной нормативной системы эпохи постмодерна.

В свою очередь, эти конструкты определяют то, какие подходы и механизмы социального контроля маркируются как действенные и реализуются в повседневной практике.

Изучение низовых систем социального контроля, формируемых в рамках общественных инициатив, является одним из «ключей» к пониманию спектра нормативных конструктов и практик, характерных для современности.

⁷ Особенности антинаркотической политики в России // [Региональная благотворительная общественная организация «Азария – Матери против наркотиков»] / РБОО «Азария». [Санкт-Петербург, 2005-2011]. URL: <http://www.azaria.rusorg.ru/site.xp/049048056.html> (дата обращения: 06.06.14).

⁸ Доклад депутата Государственной думы РФ Е.В. Ройзмана (Всероссийская Научно-практическая Конференция «Национальная сфера ответственности: Власть, бизнес, общество – против наркомании в России», Москва, Храм Христа Спасителя, 23-25 ноября 2005 г.) // [Некоммерческая организация благотворительный фонд «Город без наркотиков»] / НО БФ «Город без наркотиков». [Екатеринбург]. URL: <http://www.nobf.ru/about/dokladi/> (дата обращения: 26.06.13).

⁹ Мнение Азарии о наркомании и алкоголизме // Как не погибнуть, помогая родному и близкому. Региональной благотворительной организации «Азария» 20 лет. СПб, 2013. С. 45.

¹⁰ Всего в рамках научно-исследовательского проекта было проанализировано четыре кейса, связанных с общественными инициативами в сфере контроля наркотизма. Помимо ранее упомянутых, были проанализированы: *сообщество Анонимные Наркоманы* – неформализованная глобальная общественная инициатива, реализующая практику групповой самопомощи; и *Фонд им. Андрея Рылькова* – формализованная общественная инициатива, реализующая практики «снижения вреда» от употребления наркотиков на региональном уровне (город Москва) и преодоления наркофобии в российском обществе.

Научное издание

**ПРЕСТУПНОСТЬ, ДЕВИАНТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ
КОНТРОЛЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА**

ПОСВЯЩАЕТСЯ 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА,
ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ УГОЛОВНОГО ПРАВА РГПУ
им. А.И. ГЕРЦЕНА ГИЛИНСКОГО ЯКОВА ИЛЬИЧА

**Материалы международной
научно-практической конференции 2014**

Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Исаева
и кандидата юрид. наук, проф. А.В. Комарницкого

Подписано в печать 23.08.2014. Формат 60х84 ¹/₈
Усл. печ. л. 46,25. Тираж 1000 экз. Заказ № 161

ООО «Издательский Дом «Алеф-Пресс»
191119 Санкт-Петербург, ул. Достоевского, д.27,
литер А, п. 10-Н,
e-mail: info@alef-press.com,
www.alef-press.com